

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

СЕРГЕЙ АНИСИМОВ

**«АБРАМСЫ»
В ХИМКАХ**
КНИГА ПЕРВАЯ

ЗА ДЕНЬ ДО ПОСЛЕЗАВТРА

Annotation

22 июня 1941 года — не самая трагическая дата в истории нашей страны. Самая трагическая дата еще впереди. Вы думаете, цивилизованный мир станет и дальше терпеть то, что у нас нет демократии и свободы, что российская власть попирает права своего народа? Ранним воскресным утром 17 марта 2013 года с удара миротворцев по военным базам и аэродромам начинается операция «Свобода России». Толерантность и гуманизм будут насаждаться в разделенной на «зоны

урегулирования» России огнем и мечом. Хватит на всех...

- Сергей Анисимов
 -
 - Воскресенье, 17 марта
 - Тремя месяцами раньше.
Январь
 - Январь
 - Январь
 - Конец января
 - Начало февраля
 - Середина февраля
 - Конец февраля
 - Начало марта
 - Среда, 13 марта
 - Четверг, 14 марта
 - Пятница, 15 марта

- Воскресенье, 17 марта
- Воскресенье, 17 марта
- Воскресенье, 17 марта
- Воскресенье, 17 марта
- Воскресенье, 17 марта
- Воскресенье, 17 марта
- Воскресенье, 17 марта
- Март

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)

Сергей Анисимов

За день до послезавтра

*Никто так не слеп, как
тот, кто не желает
видеть.*

*Английская
поговорка*

Фильм «Дуговая лампа» был снят киностудией «XX век Фокс» при участии «Юнайтед Пикчерз» и вышел на экраны США 27 декабря 2012 года. Его мировая премьера

состоялась тремя днями позже. Как несложно было узнать из журналов вроде «Эмпайр» или «Синема», бюджет фильма побил рекорд всех трех «Терминаторов» вместе взятых. Озвученное через шесть недель количество номинаций ленты на «Оскары» было большим, чем для «Титаника»: и не только ранга «за спецэффекты», но и главных — «за лучший фильм», «за лучшую режиссуру», «за лучшую операторскую работу»... Гонорары актеров первого плана исчислялись десятками миллионов долларов. Это было тем более показательно, что действительно известных актеров в фильме появилось на удивление

мало. В одном из многочисленных интервью, ставших частью организованной киностудиями предрелизной подготовки, режиссер сообщил, что это вызвано желанием показать миру лица не «примелькавшихся звезд», а «таких же людей, как мы с вами». Сам он тоже был фигурой неожиданной для картины такого масштаба и с таким бюджетом. Но снявший до этого несколько получивших ограниченную известность и с трудом окупившихся лент режиссер оказался действительно талантлив. Фильм собрал более четверти своего гигантского бюджета в первый уикенд проката на территории США,

заморских территорий и Канады. Вторая четверть была получена за последующие два дня, пришедшиеся почти идеально — на канун Нового года и сам Новый год. И это тоже было сборами только с североамериканских кинотеатров. К моменту завершения рождественских/новогодних каникул в Европе, то есть к воскресенью 6 января 2013 года, картина окупилась почти целиком, а где-то к 9 января уже начала приносить чистую прибыль. Показательно, что после короткого периода спада к началу третьей недели проката была отмечена даже некоторая тенденция к увеличению числа решивших

посмотреть этот фильм зрителей. А вот это уже было признаком именно его качества. Становилось ясно: «Дуговая лампа» — один из наиболее успешных фильмов в истории американского и мирового кинематографа.

Вышедший в 1984 году и ставший основой для сценария роман Эрика Харри в свое время получил не слишком благоприятную критику. В 2012–2013 годах его новое, в «увеличенном формате обложки» издание (правообладатель — «Саймон энд Шустер») купили, по некоторым оценкам, до пяти процентов просмотревших кинофильм, что само по себе было

впечатляющим показателем. После того как интерес к фильму пошел на спад, издательство выбросило на рынок ту же книгу в стандартном карманном формате, а затем переиздало и второй роман того же автора «Вторжение», торопясь догрести остатки прибыли.

Надо признать, что роман действительно был «ничего особенного». До двух третей датированных второй половиной 90-х годов (то есть основанных именно на тексте книги) ссылок на веб-сайтах «Амазона» и «Барнс энд Ноблс» не оценивали роман выше «двух звезд». Фактические ошибки, вроде упоминания о пулемете М60 на танке

M1A1 «Абрамс» (на самом деле на месте заряжающего устанавливался M240) и прочего, были в новом издании исправлены, но дело было не в этом. Фильм дал книге не просто «второе дыхание» — он вдохнул в нее яркие, страшные в своем реализме краски. Бесшумно-белые вспышки ядерных взрывов, сметающие пшеничные поля Оклахомы, превращающие в стекло рассеченные замерзшими реками леса Аляски, — все это было снято и подано так, что у зрителя сжималось сердце. Ни один монстр из фильмов ужасов, ни один пришелец с клыками и когтями во всех взятых вместе фильмах категории «В» не вызывал

такого потрясения и страха, какое вызвало у зрителя волевое, смелое лицо генерала Зорина, вжимающего кнопку ввода команды о нанесении «ограниченного ядерного удара» по США... Удара, сочтенного «ответным» после того, как утратившие контроль за собственными спутниками русские решили, что встающие над их страной разрывы китайских ядерных боеголовок — это американский удар. Кровавый, дикий в своей беспощадности путч с бронетранспортерами, давящими людей на улицах Москвы, ужас оставшегося безымянным, показанного лишь в течение 5–6

секунд человека, увидевшего, как над спроецированным на фоне горизонта силуэтом авиабазы «Форт-Вэлли» в тишине встает сияющий белый шар, но еще не почувствовавшего дрожь земли от подхода ударной волны... Такого зрители не видели еще никогда, но одно это тоже никогда не вписало бы «Дуговую лампу» в историю. В фильме не было ожидаемых штампов. Показанные в нем русские военные были не в ушанках и не носили на груди по «Золотой Звезде» каждый. Американский президент не был чернокожим с философски-печальными глазами мудреца: он был нормальным и похожим на

настоящего, как были похожи на своих условных прототипов все, сыгравшие в этом выдающемся фильме. Потрясающий, до сих пор мало кем достигнутый драйв не отпускал каждого пришедшего в зал кинотеатра, купившего фильм на DVD-диске, заказавшего его просмотр по платному каналу кабельного телевидения до самого конца: до бойни на дальневосточных пляжах, где «такие же люди, как мы с вами» молча валились в холодный песок, пытаясь преодолеть полосу сплошной рекой текущего огня, до схватки на польской границе, где нанеся ответный удар американская армия показала, что

безнаказанным не останется никакое зло, до прорыва к Москве, когда на розовые от вечернего солнца башни старинной русской крепости впервые с болью посмотрели глаза почерневшего от усталости и гари рейнджера, облокотившегося на броневой щит турельного пулемета головного «ХАМВИ» американской колонны.

Основное послание зрителям, которое с таким успехом донесли создатели фильма, было простым и доступным: «Русским нельзя иметь ядерное оружие». Потом, позже, некоторые начали вести отсчет именно с этого момента, с 27.12.2012, — с выхода ставшего

столь популярным фильма на экраны американских кинотеатров. На самом деле это было, конечно, ерундой.

Настоящий и тоже уже далеко не предварительный отсчет начался многими месяцами раньше.

Воскресенье, 17 марта

*Я как начальник
Генштаба не вижу
вероятного противника в
лице конкретного
государства. Мы давно
перестали готовиться к
масштабным ядерным и
обычным войнам.*

*Генерал-полковник
Юрий Балуевский,
Начальник
Генерального
штаба*

*Вооруженных Сил
России, декабрь
2005 г.*

Майор Сивый проснулся от острого ощущения опасности. Острейшего. Проснулся в собственной постели, с подсунутой под щеку подушкой в розовой наволочке. Не поднимая головы и стараясь унять бьющееся сердце, он оглядел то, что попадало в поле зрения. Комната была та же, родная. Обои в полоску, книжные полки, угол недешевого телевизора, придвинутого ближе к кровати, — вчера смотрели на ночь. Жены рядом не было, хотя час оказался ранний,

не позже половины восьмого. Судя по доносящимся из кухни звукам, она только-только ставила варить картошку, значит, поднялась минут двадцать назад. Тоже не спится почему-то. Не спалось и сыну — из соседней комнаты доносилось ритмичное хэканье и повторяющееся через равные промежутки времени пощелкивание: тот работал с гирей. Развлекался с утра пораньше. Двигаясь очень осторожно, майор повернул голову, чтобы получить возможность видеть обоими глазами. Проморгался, вытянув руку из-под одеяла, выковырял из углов глаз комочки скопившейся там за ночь ссохшейся слизи. Сердце не

успокаивалось. Дрянь дело.

За окном были сумерки, — как раз такие, какие и должны быть в середине марта, если живешь в Балтийске, а не в Монтевидео. Свет проникал в комнату и через неплотно прикрытую женой дверь, и через щель между наполовину разведенными шторами. Судя по лениво плавающим теням от уличного фонаря, ветер снаружи был не слишком сильным. На часах обнаружили цифры 7:23, то есть тоже ничего выбивающегося «из рамок». Но ощущение, разбудившее майора, было слишком знакомым, чтобы игнорировать его, какой бы глупостью это ни казалось. Стараясь

не издать ни звука и все равно скрипнув кроватью, охнувшей под его тяжелым телом, майор соскользнул на пол и встал, покачиваясь, посреди комнаты. Сын в своей комнате негромко звякнул и так же негромко чертыхнулся. Жена на кухне стукнула ножом. Секундная стрелка на висящих на стене еще одних, уже не электронных, а обычных механических часах с крупным циферблатом проползла очередное деление — четверть секунды. Смерть была совсем уже рядом. Обругав себя, но не замедлившись ни на мгновение, майор скользнул к стене. Кобура висела на стуле, под ворохом остальной одежды, в котором

преобладали вещи жены — проснувшись, она ушла к своей готовке запросто, в халате. «Стечкин» привычно лег в руку, и, потратив еще полсекунды на то, чтобы в очередной раз прислушаться к происходящему в квартире и на улице, майор аккуратно и уже чуть более спокойно дослал патрон в патронник. Подумав, он оставил переводчик предохранителя на стрельбе одиночными, но, подумав еще с четверть секунды, все же перевел его в положение, соответствующее ведению огня в автоматическом режиме. Из квартиры он никуда не собирался уходить, а размеры его комнат и

коридора предполагали самую близкую дистанцию. Меткость здесь могла стать менее важной, чем скорострельность.

— А чего, отец встал уже?

Голос сына донесся из кухни как через вату, жена ответила что-то совсем уж неразборчиво. Снизу, в подъезде, глухо стукнуло чем-то металлическим: почтальон опустил газету в ящик.

«Твою мать», — сказал Сивый почти вслух, вытянув вперед руки и короткими движениями тела прощелкивая малые суставы. Воскресенье, половина восьмого утра. Какая газета? Шаги поднимались по лестнице, — трое.

Потом он понял, что ошибся, — двое.
— Бать, ты чего?

Аккуратно заглянувший в комнату сын оторопел от дикого зрелища: отец стоял посреди спальни на присогнутых ногах, торчащих из разношенных «семеек». Молчаливый, страшный, глядящий куда-то внутрь себя, со «вторым служебным» пистолетом в вытянутых и положенных одна на другую руках.

— Рома, убери мать... Быстро.

Слова были тихими, а голос отца не допускал никаких вопросов: парень исчез беззвучно и мгновенно. Через секунду на кухне негромко звякнуло, — жена то ли уронила, то

ли бросила нож. Почти одновременно с этим двое пришедших остановились перед дверью. Подниматься им было невысоко — Балтийск город старый, и дома в нем редко имеют более трех этажей.

В дверь стукнули: сначала ровно и спокойно, двойным стуком, потом забарабанили уже всерьез.

— Витя, что там?

В голосе жены был уже настоящий испуг: или что-то поняла из сказанного сыном, или почувствовала эмоции мужа через тонкую стену, или даже уловила что-то сама.

— Майор Сивый! — колотили в

дверь. — Товарищ майор,
проснитесь, тревога!

Двумя короткими жестами майор показал сыну, что делать. Тот скользнул под дверь, сжимая в руке нож. Второй нож был в другой ладони, отведенной за голову и вверх, — модная сейчас стойка то ли из капоэйры, то ли из чего-то в этом роде. Парень был делан отнюдь не пальцем и учился последние три года вовсе не ботанике. Оружие он выбрал не по длине лезвия, а по качеству стали.

Взволнованный голос за дверью был вовсе не восемнадцати- или двадцатилетнего парня. Это они прокололись. Впрочем, заспанному

человеку такие детали без разницы.

— Иду, иду!..

Майор пошлепал по полу ногами, одновременно разворачиваясь к двери правым боком, чтобы пропустить поднимающиеся от пола диссектриссы как можно дальше от своего тела. Жена на кухне легла, — это хорошо. Плохо было то, что дверь у них была хлипкая — в этом городе семье «того самого» Сивого было нечего и некого бояться. Сын скребуще провел по двери ногтями, как бы нащупывая замок. Ну вот...

Свет на кухне уже не горел, а «прихожей» у них сроду не было, — не те масштабы у квартиры, на

которую может рассчитывать командир батальона. Поэтому у вставших на темной площадке не оказалось той фоты, на которую они рассчитывали. Но огонь они открыли сразу, как только дверь приоткрылась настолько, чтобы внутри можно было увидеть силуэт человека. То, что этого силуэта не было, они осознать уже не успели, — слишком уж были готовы к тому, что он должен быть. Человеческий мозг — штука интереснейшая и не во всем понятная даже ученым: при желании он достраивает картины до полных сам, без участия зрения.

Выстрел выглядел сдвоенным, но им он не был, — это были два

одинокых, прозвучавших практически слитно. В то же мгновение двое пришедших за майором Сивым ворвались в квартиру, — рядом, плечом к плечу. Подразумевалось, что они переступили через рухнувшее в прихожей тело, и теперь у них было время, чтобы развернуться и переместиться в комнаты или на ту же кухню, — туда, откуда пахло теплом остальных обитателей квартиры. У быстро и уверенно двигавшихся, хорошо подготовленных людей может занять долю секунды, чтобы произвести такое действие, как перемещение через дверной проем и разворот на новую цель. Но

за этот промежуток времени взревели в автоматическом режиме «стечкин» вставшего на одно колено майора успел выплюнуть уже столько патронов, сколько ему было нужно, чтобы упростить ситуацию хотя бы на ближайшие минуты. Двое рухнули так же синхронно, как рванулись внутрь. Момент их движения был настолько значимым, что его не пересилила даже энергия попавших в цель пуль. «Три и две», — машинально определил майор про себя, перекатываясь вбок, под противоположный косяк собственной двери. Правки не потребовалось, но сыну этого видно не было, и он вынырнул из-под

защиты стены, нагнувшись над ближайшим к себе телом, хрипящим и дергающимся, как обезглавленный петух в руках крестьянина.

— Дурак!

Майор все же успел выстрелить в мелькнувшее прямо перед ним в проеме лицо, но в этот раз он попал уже совсем чудом. Тот, третий, тоже успел выстрелить, но пуля ушла высоко вверх: нажимая на спуск, стреляющий был уже мертв. Его тело ударилось о вытертый кафель темной лестничной площадки затылком, и тошнотворный звук стал окончательной точкой в событиях нескольких последних минут. Не ошибся, значит. Третий все-таки

был...

— Ма-атка... — выхрипел из себя левый из сумевших пройти через его дверь. — Ма-а...

На всех наречиях, кроме разве что грузинского, это слово звучало похоже. Но все же оно звучало по-разному.

— Свет!

Роман бросился к выключателю, и когда стало светло, майор с удовлетворением впитал выражение лица сына. Ни на секунду не испуг — хладнокровие и сосредоточенность. Как будто не третьекурсник, а боец после первой стажировки, а то и после второй. Парень слишком быстро вырос: командировки отца

этому, конечно, поспособствовали. Ну и наследственность, конечно.

— Ма-а-тка... ля-ярва...

Правый перестал дергаться, но это все равно были уже просто мышечные судороги, они не значили ничего. В отношении второго майор сначала решил, что он может еще, наверное, выжить.

— Шею!

Из шеи раненого текло не густо: пуля едва прошла под кожей, не тронув ни один из крупных сосудов: в противном случае он давно ничего не говорил бы. Рана в груди была гораздо серьезнее — с каждым толчком сердца кровь выпихивала наружу булькающие пузыри. Такие

же пузыри вздувались и лопались на его губах. Пачкали они только свитер, курток на вошедших не было — ни на одном, ни на другом. Сбросили в подъезде?

Ромка зажал рану на шее комом содранной с себя майки, и глаза раненого на какое-то мгновение приняли более осмысленное выражение. Потом он охнул, снова сказал несколько слов и забился под их руками. Несколько секунд ярко-алые брызги летели с его губ в разные стороны, — захлебываясь, он пытался пробить пузырями воздуха заливавшую бронхи кровь.

— Ма-атка... — снова произнес он каким-то удивленно-

разочарованным голосом. Это было уже последнее слово: видевший такое не раз майор даже не стал дожидаться, пока умирающий перестанет сучить ногами.

— Третьего.

Ему снова не пришлось ни повышать голос, ни объяснять, — сын втащил третьего убитого в квартиру. В подъезде стояла мертвая тишина, — соседи не пикнули, прислушиваясь. Так же не пикнула и жена, сжавшаяся на кухне в комок в ожидании того момента, когда он разрешит ей выйти. Это тоже был правильный поступок. За все время лопухнулся только один сын, не вовремя сунувшийся вперед, но это,

пожалуй, все, — да и это обошлось. Живы.

Три паспорта по карманам брюк, — хотя у третьего уже была и куртка: стандартный серый синтепоновый пуховик со сдвоенной зелено-оранжевой полосой по канту рукава. В отношении возможного четвертого майор почему-то не беспокоился — того не было ни внизу, ни вообще; страховкой был именно третий.

— Русский, русский, русский.

Роман проглядел паспорта так же быстро, как и он сам. Те были не новые, но слишком чистые для людей, таскающих их в карманах каждый день. Ивановский, Ковалев,

Семенов. Сергей Денисович, Сергей
Алексеевич, Дмитрий
Константинович. Места рождения —
г. Балтийск Калининградской
области, пос. Домново
Калининградской области, г.
Калининград. Регистрация —
погранзона: Балтийск, Балтийск,
Балтийск. Но при этом «лярва». И
«матка». И «чтоб вы сдохли, суки»,
произнесенное на отчетливом
польском. Как большинство жителей
Калининградской области и уж тем
более как подавляющее большинство
офицеров 336-й Гвардейской
отдельной бригады морской пехоты,
майор Сивый польский понимал
неплохо.

— Бля, — сказал он, на этот раз уже вслух, не стесняясь, полным голосом. — Бля. Рома, что у нас по радио?

Тот вскочил на ноги и бросился к радиоточке, не потратив ни мгновения на то, чтобы вытереть руку от густеющей, темнеющей на глазах крови убитых. Майор был уже почти готов к тому, что услышит музыку или статику, но радио было совершенно обычным. Как бывает по утрам в воскресенье, когда не спится в основном пенсионерам и молодоженам. Там толкали рекламу лекарств: бархатный голос диктора сообщал о том, что уже через три недели после начала курса лечения у

него совершенно исчезли все симптомы заболевания. Какого именно — майор разбирать не стал, было не до того.

Из трех снятых с тел пистолетов он оставил себе оба «Глока», а дешевую «Чешску Зброевку-110» кинул сыну: обойдется и этим. Теперь кухня. Не обратив никакого внимания на сжавшуюся под стеной жену с зажатым в руке тесаком, он выдернул из моргающего зеленым зарядного устройства оставленный там на ночь телефон. Цифры были набиты в памяти — тратить время на набор не пришлось.

— Давай, давай, ублюдок...

Стоя на одном колене, чтобы не

подставиться на фоне окна, если с другой стороны их узкой улицы на них смотрят, майор передергивал мышцами спины от холода и нетерпения, как торопящийся в туалет первоклассник. Трубку взяли на пятом звонке.

— Старый, — громко и отчетливо произнес он в светящийся экранчик, когда услышал шум дыхания: взявший не успел даже сказать «алло». — Это Седой. Слушай меня внимательно...

— Да погоди ты, — сонно произнесла трубка. — Сейчас. Как с цепи все... Зоя, кто там?

— Старый! — заорал майор уже в полный голос. — Не открывай

дверь! Не открывай никому!..

Поздно. В трубке звонко хлопнуло, оборвав едва возникший женский визг, через секунду ее бросили на пол, прозвучало одно, четко и точно охарактеризовавшее ситуацию слово, и потом было еще несколько громких хлопков подряд. Стреляли явно без глушителей. Майор ждал, слушая. Контрольных выстрелов было не три, как он ожидал, а два: дочку начальника штаба его батальона, старательную третьеклассницу с обычным в этих краях именем Полина то ли не стали трогать, то ли просто не нашли. Почему-то на это хотелось надеяться. По-прежнему не отрывая глаз от

пригасшего экранчика, майор с силой укусил себя за губу: так, что в ноздри шибануло соленым, перекрыв запах из прихожей. 7.30 или 7.31. Больше ни одного слова в трубке не прозвучало, — он позвонил на домашний номер, и, пока не пойдут гудки разорванного соединения, была вероятность, что «мертвая», темная трубка не привлечет к себе внимания. АОНа на домашнем аппарате «Старого», капитана Панченко, тоже не имелось. Значит, еще одной долькой шанса больше, что какое-то время произошедшее в его собственной квартире на улице Красных Зорь будет достоянием только его самого и его семьи. В

трубке были слышны шаги: уверенные, приглушаемые паласом, но все равно четко различимые, — а потом громко стукнула дверь. Все.

Майор укусил себя за губу еще раз, с той же силой и поймал взгляд сына, блеснувшего в полумраке глазами.

— Все, — сказал он вслух. — Панченко и Зоя.

Жена ахнула и тут же смолкла, сжавшись еще больше. Звать милицию она не предложила, — и это тоже характеризовало ее как понятливую женщину. Впрочем, может быть, она поняла произошедшее иначе.

— Бать, — негромко позвал сын.

— Минуту.

Только теперь майор сделал то, что должен был сделать еще до звонка другу: вбил в телефон неслушающимися пальцами еще один номер. Только бы успеть...

Там отозвались почти сразу, на втором звонке.

— Дежурный старший матрос Аланов.

— Майор Сивый. 879-й мне.

Снова пауза, — это матрос на коммутаторе соединял его с батальоном.

— Дежурный лейтенант Зябрев.

— Майор Сивый, — снова назвался он, торопясь так, что чуть не клацал зубами. — Боевая тревога.

— Това...

— Молчать!

Рявкнул майор так, что припавшие к дверям соседи наверняка вздрогнули. Где-то ниже этажом стукнуло дверью, и чужой прерывающийся женский голос забубнил что-то умоляющее, а мужской отчетливо послал кого-то по матери. Ромка вскинулся и исчез в темноте коридора.

— Вопросы потом! Батальону — боевая тревога! Вскрыть ружпарк, выдать оружие и боеприпасы! Быть готовыми к отражению вооруженного нападения. Караулу «В ружье!» Время пошло!

— Бать, — снова сказали из

коридора таким же почти спокойным голосом. Напряжение в нем было, но только внутри. — Это свой.

Майор уперся в выглянувшего из-за изгиба стены прицелом «стечкина» и, только достоверно опознав его, поднял ствол выше. Это был прапорщик с первого этажа, не его батальона, но все равно свой. И не побоявшийся прийти.

— Что здесь, товарищ майор?

— Погодь...

Сивый оскалился на прапорщика так, как минутой раньше оскалился на собственного сына: времени было все равно мало. «Това...» — снова и снова сказали в трубку. Кричать и командовать там

уже перестали, — теперь был слышен только топот. Батальон рвался к оружию.

— Это не учебная тревога, — сказал он в выложенную из точек розетку микрофона на сотовом, когда дежурный доложил исполнение. — Повторяю, не учебная. Теперь дублируй меня. Тревогу по бригаде, по всей. План «Синий». Тревогу по ВМБ.

— Товарищ майор, — чуть растерянно произнес голос лейтенанта. — Я не могу.

— Сейчас семь тридцать три. Через семь минут хоть кто-нибудь в бригаде должен быть готов начать стрелять в тех, кто выбьет ваши

ворота. Как это ты «не можешь», меня не волнует. Тревога не учебная. Посыльных по домам к офицерам отправлять запрещаю: все только телефонами. И...

Майор посмотрел в бледные в свете раскачивающегося все сильнее уличного фонаря лица людей — сына, жены, прапорщика-тыловика снизу.

— И осторожнее сам, — закончил он. — Только что убита семья Панченко. Я отбился чудом. Есть мнение, что это «Бранденбург». Ждите.

Лейтенант, при всей его зелености, дураком не был. Не был дураком, слава Богу, и Ромка, не

сказавший ни слова. Жена и прапорщик не поняли, ну и хрен с ними. Была надежда, что он все-таки мог успеть. Лейтенанту не нужно было подтверждений, чтобы начать исполнять команду подобного типа: за последние 15 лет офицеры морской пехоты России должны были привыкнуть к тому, что такая команда может прозвучать. Если бы позвонивший воскресным утром командир 879-го десантно-штурмового батальона приказал дежурному выдвигаться на Кремль или хотя бы на мэрию — дело было бы иначе. Но он не приказал. Прикладной реализм тоже пока что никто не отменил.

В трубке грохотало звуком топчущих ног, повелительно орало на разные голоса и взвывало железом. Лейтенант снова выдавал одну команду за другой: этот парень знал, что делать. Других майор, впрочем, у себя не держал.

— Ствол.

Сын без колебаний протянул ему легкую «Зброевку» рукоятью вперед и получил в обмен «Глок». «Зброевку» майор отдал прапору, — теперь обойдется он. Ну что, еще минута?

— Исполнено, — доложил лейтенант.

— Молодцом.

— Бать, — снова сказал сын

сбоку. — Сеть.

Майор вскинул голову, не поняв.

— Городская сеть — до кучи...

Сын протянул телефонную трубку — обычную, соединенную с аппаратом вечно заплетающимся в колечки витым шнуром. Трубка была еще теплой от его последнего выдоха, но ни одного звука в ней не было. Не было даже треска статики — только мертвая тишина. Ощущение опасности, чуть схлынувшее, как и положено, после результативной стрельбы на поражение и нормального голоса в радиоточке, подступило снова. Подошедшее к самым губам, оно мешало даже просто нормально дышать. Каждый

вдох приходилось загонять в себя с силой, — как тому поляку, умершему на пороге его дома.

— Дежурный старший матрос Аланов.

Голос у матроса был уже другим: до него начинало доходить происходящее.

— Бригаду.

Эта связь еще была жива и со стороны сотового ретранслятора, и на уровне проводных телефонных сетей, связывающих отдельные подразделения бригады. Кто бы ни пришел в город, сделать все и сразу он не мог.

— Майор Сивый, — снова представился он, когда дежурный

штабной офицер отозвался напряженным, полностью «боеготовым» голосом. — Да, я приказал. Ответственность беру на себя. Бригаду — всю. С техникой. Да, отвечаю... Жду.

Ткнув в светящуюся красной пиктограммой клавишу сотового телефона, майор отключился. Теперь у него снова была минута, чтобы оглядеть своих.

Приказав поднимать бригаду по тревоге через голову ее непосредственного командира, комбат-879 вполне понимал, что очень здорово рискует. Но риск в отношении неполучения второй звездочки на погоны (а то и лишения

первой) — он есть всегда. Если его решение будет признано неверным или даже прямо преступным, это будет печальный итог полутора десятков лет службы. В этой бригаде он командовал ротой, и в ней же, когда она была еще полком, воевал его дед. Но если есть хоть какая-то вероятность того, что Балтийск может разделить судьбу Буденновска, Кизляра или даже Нальчика, где ветераны Чечни сумели отбиться, то размышлять о таком бессмысленно. Тогда принятое им решение было единственно верным. Но все равно — странно... Почему поляк?

— Прапор, — сказал Сивый, едва справившись с забившей рот

слюной. — Ты как стреляешь?

— Ну... — начал было тот, но, увидев в чуточку посветлевшем уже луче из окна глаза майора, осекся и закончил честно: — Паршиво, чего уж там...

— Тогда тебе за руль. Мать, — он повернулся к жене, — у тебя три минуты, пока мне не перезвонят. В сумку — документы, теплую одежду, деньги. Прапор, ты бездетный вроде?

— Дочка выросла, в Калининграде учится. В общежитии там живет...

— Тебе тоже три минуты. Встречаемся в подъезде. Бери свою бабу и не давай ей орать. Если мы не встречаемся внизу — вы не едете.

Тогда запирай ее и старайся добраться до своей части сам. Короткими перебежками. Пошел.

— А...

— Туповат ты, прапорщик.

Майор перекосясь, сморщившись, как от зубной боли. Прав он все-таки или нет? Телефон молчал. На снова пригасшем экранчике было 7:42.

— В городе убивают старших офицеров. Подготовленные группы. Послушай вон туда вот...

Он указал за посеревшее окно, и все повернулись к нему, как по команде, — даже уже вернувшаяся с первой сумкой жена. За окном выло сиреной, где-то далеко, за многими

кварталами. «Скорая помощь» узнавалась безошибочно, — для нее мэрия закупила корейские машины, и звук их сирен был для Балтийска уникальным. Может, совпадение, а может, и симптомчик, вроде умершей городской телефонной сети.

Именно на этой мысли телефон, сжатый в правой руке Сивого, затрясся и выдал трель культовой мелодии:

«Ноль шесть ноль
семнадцать, —
Так будем мы теперь
называться...»[\[1\]](#)

— Да!

— Сумеешь до площади Балтийской Славы добраться? — без всякого предисловия спросил тот же дежурный офицер, который говорил с ним несколько минут назад.

— Нет. Лучше на выходе к Комсигалу.

— Тогда 20 минут.

— Принял.

Он поднял голову, но рядом не было уже никого. За окном — звучный, уверенный хлопок одиночного выстрела. Тоже далеко, минимум квартал. Бред...

Сам сорвавшись с места, майор выскочил в перевернутую вверх дном спальню и начал торопливо

одеваться. Разумеется, в подобных обстоятельствах его прибытие в бригаду в семейных трусах не удивит никого, а может, и будет полезным по дороге. Если по улицам пока не ходят цепями с ранцевыми огнеметами, а берут людей выборочно, полуодетого человека могут проигнорировать. Но без формы он чувствовал бы себя почти таким же голым, как без оружия в руке.

— Все? — спросил он вставшего на пороге сына. Тот тоже был уже в форме — черная шинель флотского курсанта блестела отдраенными пуговицами.

— Пистолет?

Ромка молча хлопнул себя по

оттопыренному карману. Еще раз молодец. Справится, почти наверняка.

— Пошли. Саня, за мной. Рома — замыкающий.

Ухватив сумку, выставленную женой на относительно чистое место между валяющимися телами и вытекшей из них кровью, майор Сивый, держа собственный бушлат распахнутым, начал спускаться по лестнице. Погончики были полевые: издалека не разглядеть, старший ты лейтенант или, скажем, полковник. Это тоже доля шанса в плюс, пусть и микроскопическая. Жена

задержалась позади на секунду («закрыть дверь», — совершенно

четко понял он), но справилась с собой и пошла дальше, не останавливаясь. Дверь подъезда была приоткрыта, в нее задувало. Другого выхода из дома не имелось, — может быть, поэтому «парадным» здесь подъезды называли только пижоны. Прапорщика не было, но за одной из дверей визгливо орали. Вероятно, заткнуть свою жену либо просто заставить ее понять серьезность происходящего завскладом ушанок и гюйсов так и не сумел.

— За мной.

На улице не было никого, — и вообще там тоже было «нормально» и спокойно. Это позволило майору, так же не выпускающему «стечкин»

из руки, открыть машину самому. Сына он посадил за руль, жену сзади, — и туда же кинул сумки, взяв вторую у по-прежнему молчащей жены, а третью у мрачно оглядывающего окна сына. Прапору он разрешил взять всего одну, — но тот не сумел и этого. Его проблема: свою жену каждый выбирает и воспитывает сам.

Слишком многие окна домов на его улице светились. Паршиво и нехорошо. Воскресенье все-таки... Как в 1904-м. Или в 1941-м... Он все-таки вздрогнул снова. В 41-м «Бранденбург» начал работать примерно за сутки до собственно начала. Теперь, в начале второго

десятилетия следующего века, темпы были вроде бы другими, но люди остались те же: быстрее, чем бегали тогда, сейчас бегают только какие-нибудь олимпийцы. Лучше, чем стреляли тогда, тоже не много кто стреляет. Хотя, с другой стороны, вот, мобильные телефоны появились. И частные автомобили у командиров батальонов. Правда, батальонов теперь во многие разы меньше... Господи, пусть это будет новый Буденновск, пусть даже Беслан — только бы не «Барбаросса»...

— Мотор не грей. Вперед. Не быстро, но и не медленно.

Сын не ответил, хотя было ясно видно, что именно ему хотелось

сказать. Постеснялся матери, вероятно. Они свернули за один угол, потом за другой. Майор кинул очередной взгляд на часы, хотя по ощущениям выходило, что они успевают.

— Стой здесь.

На доме ярко светилась зеленая эмблема Сбербанка. Тоскливо ощущая незащищенность собственной спины, майор заскочил под козырек. Уже в движении, на ходу он впихнул в щель приемника карточку. Чем бы ни обернулось все это, деньги жене необходимы, — с ними у нее будет хоть какой-то выбор на ближайшую неделю. Разумеется, он стал бы гораздо шире, если бы

уехать вместе, но об этом речь не идет, как не может идти и о том, чтобы взять жену с собой. Снова практический реализм, будь он неладен... И долг.

— Держи, — уже снова тронувшись с места, майор просунул нетолстую стопочку купюр назад. — Больше нет, сама знаешь. Теперь слушайте: ты едешь к тетке. Рома тебя везет, смотрит вокруг и возвращается ко мне. Ты сидишь как мышь и внимательно смотришь телевизор. Когда все закончится, я за тобой приеду. Поняла?

Любимая жена, мать его сына, женщина, слаще которой он не встречал в жизни, только кивнула,

по-прежнему молча. Вот это был уже перебор, это майору не понравилось. Вариантов, впрочем, не было: приходилось удовлетвориться и этим. Рома тоже ничего не сказал, хотя Сивый-старший был на все сто уверен: тот упомянет, что ему нужно в училище. Ничего, переживет училище без него. Если это крупная операция боевиков, каким-то чудом добравшихся в набитый военными закрытый город, то курсантов все равно поднимут по тревоге, формировать какое-нибудь оцепление... Черт, но почему тогда поляки? Почему, мать его? Нервы плясали, как бечевки, на которых в полном составе прыгало население

ущелья Цовкра — мировой столицы вырождающегося искусства ходить по канатам. Оборваться они могли, по ощущениям, в любой момент: несмотря на весь свой немалый опыт, внутри майор был сделан все же не из стали, а из тех же осклизлых внутренностей, что и все остальные люди. Внимательно глядя на отодвигающееся по мере движения пространство, он пытался найти для себя хотя бы приблизительно подходящую мишень. Возможно, тогда ему стало бы полегче. Но мишени в виде увенчанного зеленой банданой бородача с пулеметом в руках не находилось — вокруг было

пустынно. Может быть, именно поэтому никто не выстрелил Сивому в спину, пока он маячил, вытаскивая деньги из ящика уличного банкомата. Скорее всего, групп в городе сейчас не так уж и много: на всех майоров и тем более капитанов их не напасешься. Логично предположить, что в выборку попали лишь командиры полков, старшие специалисты систем связи, избранные старшие офицеры из служащих на действительно ключевых должностях. Как начштаба 879-го ОДШБ «Старый», его капитан Панченко, прошедший взводным весь 95-й, с января по июль, причем без единой царапины. Таких людей

действительно гораздо безопаснее убивать дома, в теплых постелях: в противном случае это может дорого обойтись...

Вылетев на Т-образный перекресток, майор хлопнул по рулю, и сын резко осадил машину. Средней степени ухоженности «девятка», известная среди членов его небольшой семьи и самых близких друзей как «Цыпа», жалобно взвизгнула тормозами. На перекрестке, названном им догадавшемся обеспечить его прикрытие штабисту, было так же пусто, как и везде, хотя время уже почти подошло. Это, впрочем, не значило ничего.

— Рома, все понял?

— Понял, пап.

Майор только моргнул, ободряюще стукнув сына в плечо. «Парень молодец, — еще раз сказал он себе. — Может, и выкарабкается». Жена наконец-то очнулась и теперь выглядела так, что уже не вызывала желания заорать и плеснуть ей на лицо добытую откуда-нибудь пригоршню воды.

— Все, родная. Мне пора. Вам дальше, Рома отвезет.

— Береги себя, — хрипло отозвалась она. Короткий поцелуй, — все равно чуть более длинный, чем позволяло время. Сколько раз он уходил? Да, к сорока

годам можно сказать, что много, но все равно — ни разу вот так. Ладно, неважно...

Машина исчезла в сером блеклом пространстве, оставив позади клуб пара. Подразумевались кружащиеся снежинки, — но снега не было уже недели полторы, и с дороги все давно снесло и растерло об асфальт непрерывным движением: днем на этом перекрестке было не протолкнуться. Оглядевшись, майор отбежал в сторону, косым прыжком перемахнул до сих пор затянутую ледяной коркой канаву и присел на корточки за кустами, сплошь увешанными бурочерными прошлогодними листьями.

Ждать ему пришлось минуты четыре, потом в нужной стороне начало рычать, и еще через пару минут на дорогу выскочил бронетранспортер. Бортовой номер выдавал его принадлежность к 878-му ОБМП, значит, «соседи». Но при этом майор не заметил изображений орденов бригады, обычно вырисовываемых на корпусе рядом с номером к июльскому параду и в виде блеклых пятен сохраняющихся до весны. Вывод — машина была из «второй очереди», из тех, двигатели которых для экономии ресурса и топлива заводят максимум раз в неделю, в «парковый день». Значит, к его требованию выводить технику

отнеслись действительно серьезно. Черт знает, какие для этого могли на самом деле быть причины. Если он не прав, командующий бригадой полковник Аносов перекусит его пополам, а если прав...

Майор перепрыгнул канаву в обратном направлении и с удовлетворением отметил, что бойцы на броне встретили его появление разворотом стволов. Бригада морской пехоты Балтийского флота, спящая по казармам, — это просто сборище изготовленных к употреблению в качестве мишеней кусков мяса. Та же бригада с личным стрелковым оружием и носимым запасом боеприпасов — это уже что-

то большее. Наличие же двух с лишним десятков пусть и изношенных, но исправных танков, такого же числа самоходок и до сих пор способных передвигаться БТР-80 и МТ-ЛБ дает им «скелет», опору для боя. Это неоценимо, вне зависимости от того, будет этот бой проходить на пляжах, в городе или на пустошах между Балтийском и Калининградом.

Двадцать лет назад в «ЭМ-пы» запрещалось брать людей с ростом менее 180, сейчас в ней полно хлятиков, но все равно: до рукопашной российскую морскую пехоту допускает только тот из врагов, кто является полным

идиотом. Значит, добраться до оружия бригаде тем более необходимо. Три, два, полтора, а теперь вообще один год службы по призыву — не самый большой срок. Да, за это время вполне можно обучить бойцов владеть даже личным стрелковым оружием в мере, достаточной для современной войны. Но насколько бы это было легче, если бы к оружию, к уважению к нему и его возможностям допризывников приучали многими годами — дома, в общедоступных тирах, в школах. Почему государство не желает осознавать того простого, примитивного факта, что для массовой армии это является

совершенно необходимым, не понимал почти никто из профессиональных военных. Но факт оставался фактом: из старших классов школ давно исчез такой предмет, как «начальная военная подготовка», с улиц — многочисленные еще в конце 80-х тиры, а Закон об оружии оставался пугалом для Думы и отечественной либеральной интеллигенции. В результате в сухопутные войска и морскую пехоту шли призывники, в жизни не державшие в руках ничего хотя бы отдаленно похожего на то оружие, от которого начинала зависеть их жизнь, когда их бросали в бой. Но Чечня многому научила

офицеров среднего звена — теперь в частях ребят чуть больше учили стрелять и чуть меньше — маршировать. Потерявшая в Чечне 46 человек только убитыми Белостокская бригада, больше известная как «Балтийская», исключением не стала: скорее наоборот. И хотя техники в морской пехоте Российской армии, как и во всей Российской армии, вместе взятой, становилось с каждым годом все меньше и меньше, стрелять она все же потихоньку научилась. Так что в своих ребятах майор был уверен, — пусть они были даже не из «его», а из соседнего батальона (считавшегося, кстати, слабейшим в бригаде по

боевой подготовке). Вид
настороженно-веселых бойцов и
ощущение мощи двигателя,
подрагивающего глубоко в корме
бронетранспортера, несколько
успокаивали. Как и в прошлые разы.

— Цель!

Высокий, скуластый боец-азиат
вытянул вперед руку, указывая
направление, и тут же поднял
развернутую вперед ладонь вверх,
давая отбой. Майор,
сконцентрировавший внимание на
«своем» секторе, успел увидеть
только машущую рукой фигуру,
зацепился взглядом за автомат на
груди бросившегося к ним, увидел
лежащее на тротуаре тело, но

ревуший БТР уже проносило мимо.

— Стой!

Ухвативший его команду южанин заколотил в броню прикладом своего автомата, и через секунду БТР уже встал как вкопанный, а бойцы попрыгали с брони.

— Хороший водила, — не удержался и отметил майор, но командующий отделением мордатый парень с лычками старшины 2-й статьи даже не обратил на похвалу внимания, полностью занятый обменом ругательствами с таким же мордатым и вообще здорово на него похожим фигурой мужиком в имеющем ярко-синюю крышку

бронезилете поверх серого бушлата.

— Товарищ офицер!

Милиционер даже не пытался дотронуться до своего укороченного «калашникова»: полуотделение развернулось «к досмотру», как офицеры бригады научились делать *там*, и теперь на него смотрело ствола четыре. Остальные присели под колеса или вжались в тень дома, готовые при необходимости перекрыть огнем пространство вокруг. Работа отделения, в Чечне не бывавшего, показалась Сивому настолько слаженной, что он с удовлетворением подумал о преувеличении критики в адрес 878-го батальона. Это был первый

приятный момент с самого утра, — или второй, если учесть то, как вел себя его подросший сын.

Не ответив стоящему на месте и изо всех сил старающемуся казаться «своим» постовому, майор Сивый нагнулся над телом. Это был еще один милиционер в звании рядового: молодые глаза неподвижно смотрели куда-то в пространство. Второе тело обнаружилось метрах в пяти, и это тоже был убитый милиционер.

— Товарищ офицер!

Майор разогнулся, смерив милиционера взглядом. По лицу мужика текли крупные слезы, и только это удержало комбата-879 от того, чтобы отдать приказ

продолжать движение. Минуты утекали, а до батальона он еще не добрался. Черт знает, кто им сейчас командует: возможно, что тот же лейтенант Зябрев.

— Мы преследовали... Они открыли огонь, мотор машины заклинило, и шину пробило... Нам ответили, что помощи не будет, все заняты, и тогда лейтенант приказал продолжать преследование пешим порядком... Мы метров 50 и пробежали всего, и тут нас второй раз обстреляли, — и вот...

Майор кивнул: дело было понятное. То, что примерно такие картины происходят сейчас по всему их не слишком-то крупному городу,

он сообразил еще до того, как вывел своих из дома.

— Попали в кого-нибудь?

Пленный недобиток был бы полезен: Сивый знал, что может развязать язык любому последователю ваххабизма секунд за тридцать. Сдираешь с человека обувь и по одному отстреливаешь ему из автомата пальцы ног: примерно после третьего начинают «колоться» даже люди с природно высоким болевым порогом. Исключений майор до сих пор не видел, хотя и предполагал, что редкие герои или мазохисты могут найтись. И совесть его тоже не мучила ни на грош. Правозащитники от такого зрелища

еще на октаву повысили бы регистр своей перманентной истерики, но они не попадали в ситуации, когда информация нужна именно сейчас, немедленно, иначе погибнут десятки твоих собственных товарищей. Сейчас была именно такая. Но милиционер помотал головой, и тогда он разогнулся, поднимая с собой куцую «сучку», ублюдка в семье «калашниковых». Второй автомат, повинувшись его жесту, снял с убитого лейтенанта один из морпехов. Нашедшиеся у погибших запасные магазины они оба рассовали по нагрудным карманам, промокшие же кровью едва ли не насквозь бронежилеты трогать не

стал ни один, ни другой.

— Мне сказали ждать! — дрогнувшим голосом сказал выживший.

— Нет, — резко ответил майор. — Я снимаю вас с поста. На броню!

— Товарищ...

— Молчать! Подчиняться приказу! Считай себя временно мобилизованным! На броню, я сказал!

БТР-80 взревел дизелем: из-под кормы вышвырнуло густой клуб сизого дыма. Одновременно с этим кто-то в десантном отсеке покачал выдвинутым через амбразуру стволом, и это милиционера

«добило»: проявив приличную сноровку, он забрался на тушу сразу двинувшегося с места бронетранспортера, не отстав от остальных. Всех качнуло назад — водитель сразу разогнал машину до скорости, которую в мирной обстановке сочли бы не просто небезопасной, а убийственной. В любой момент под передние колеса многотонной машины могла сунуться какая-нибудь ржавая драндулетина мирного обывателя, а то и старушка с артритным пуделем. Но время было уже иное.

Вцепившись одной рукой в скобу, а другой в оружие, майор поймал себя на том, что поглядывает

не только в соседние от «своего» сектора наблюдения, но и вверх. Задумавшись на секунду, он сообразил, в чем дело, и это напугало его еще сильнее. Ассоциация была простая: процедура снятия милиционера с поста была почти прямой цитатой из «Живых и мертвых» Симонова. В соответствующем месте книги и фильма следующим эпизодом шел расстрел «мессершмитами» тихоходных бомбардировщиков, возвращающихся с бомбежки переправ через Буг, кажется. Он снова посмотрел в небо, исчерканное проводами уличной электросети, но там, конечно, не было ничего, кроме

облаков. Последние старые самолеты ВВС Балтфлота, винтовые «Барракуды» Бериева, известные по справочникам как Бе-12, были списаны по сокращению уже многие годы назад. Был полк Су-24, но этих машин никогда не увидишь, покуда они не всадят тебе что-нибудь в затылок. Так что можно расслабиться. Вроде бы...

Рядом по броне «цвякнуло» — именно такой звук издает пуля, имеющая сравнительно невысокую скорость. Или пистолет, или пистолет-пулемет одиночным, — но майор даже не понял, с какой стороны стреляли: БТР продолжал нестись мимо просыпающихся

домов. Могли и попасть, и, как это обычно бывает в городе, неизвестно, куда вести ответный огонь. Сложенную «в один кирпич» стену пуля из КПВТ могла, при определенной доле везения, пробить и насквозь: а за стенами жили мирные, ни в чем не виноватые люди.

На часах майора было 8.25. Из всех сил он щурил глаза, чтобы хоть как-то глядеть в нужный сектор, но десятые доли положенной единицы зрения выдувало из них набегающим ветром. Он ощущал, что они опаздывают, что бы ни происходило в городе на самом деле. Нужна была связь, но на БТРах «второй очереди»

рации не стояли уже лет пятнадцать — машины доукомплектовывали только перед «большими», то есть бригадными, флотскими или окружными учениями. Либо перед отправкой на войну, как было в 95-м. Ходу до бригады им оставалось минут 5 максимум, но полковник Аносов, если он уже распоряжается, не оставит ее в городке ни на одну секунду. Максимум одну роту плюс комендантские службы — охранять классы и пустой мехпарк. Тяжелую технику он наверняка выведет из города и рассредоточит, а основные силы батальонов бросит в город, сформировав взводные поисково-ударные группы и приказав им не

церемониться с чужаками. Так поступил бы сам майор Сивый, а у него имелась некоторая надежда, что гвардии полковник превосходит его интеллектом не со слишком большим отрывом. Вопрос — сколько техники сумеет выйти из боксов. У бригады 26 танков, 46 самоходных артиллерийских установок, более полутора сотен бронетранспортеров и тягачей. Даже просто завести те из боевых машин, которые исправны, укомплектованы, заправлены горючим и снаряжены — это многие десятки минут. Можно только представить, что сейчас творится в расположении бригады, но хотя бы десяток боеготовых БТРов может быть уже выведен в город:

хотя бы просто, чтобы освободить место другим. Значит, теоретически можно сразу корректировать курс, выходя к любому из ключевых объектов города, способных стать основными мишенями диверсантов: насосной станции, хладокомбинату, грузовому порту. Или сразу военному порту.

Далеко впереди сверкнуло, как будто в сумерках на мгновение включился и пошел искрами гигантский сварочный электрод. Потом, через секунду, сверкнуло так, что Сивый чуть было не свалился с брони мотнувшегося вбок бронетранспортера, потому что непроизвольно дернулся прикрыть

глаза рукой. Той самой, которая была свободна от оружия и которой он до этой самой последней секунды держался за скобу.

— С брони! Все с брони! — орал командир отделения, но его команда была уже бесполезна: не дожидаясь того, что притертый водителем к самой стене двухэтажного жилого дома БТР остановится, с него попрыгали все. Ревущий дизельный двигатель рывком сбавил обороты, и лишь тогда в уши вбилося то, что до этого момента ощущалось только давлением на кожу. Земля под ногами дрожала какими-то скачками, как будто под слоем асфальта и спрессованного гравия один за

другим проносились вагоны какой-то невиданной гигантской электрички. Один из морских пехотинцев упал на четвереньки, потом из распахнувшегося люка БТРа вывалился еще один. Этот остался лежать, выкрикивая что-то прямо в мерзлый асфальт. Майор сам ощущал, что его подташнивает, но это было, скорее всего, не от тошнотворного колебания мира под ногами, а от шока. Сверкать продолжало: все там же, впереди. Грохот при этом, казалось, усилился еще больше, и вокруг начали сыпаться стекла.

— Ребята! — услышал он чей-то стонущий голос за плечом. — Там же ребята! Да что же это?..

— Не понимаешь, что?

Выкрик получился правильный

— сильный и властный. Собственный голос, удивительно точно поймавший нужную интонацию, частично позволил майору прийти в себя.

— Отделение! — взревел он.

По ногам ударило так, что несколько человек растопырили колени в полуприседе — только так они сумели сохранить равновесие. Это показалось бы карикатурой, не будь майору так страшно. Вокруг кричали. Кричали люди в домах, кричали и были несколько выбежавших из подъездов мужчин в разной степени одетости. На втором

этаже прямо над ними распахнулось уже разбившееся окно, осыпав всех остатками своих осколков. Молодой парень в тельнике высунулся из него по пояс, пытаясь изогнуться, заглянуть вверх. Это у него не вышло: дома загораживали обзор, и начавшие наконец-то утихать вспышки доходили до расположенной «поперек» нужного направления улицы только в виде всполохов.

— Братцы! — проорал парень, увидев застывшую тушу БТРа всего в нескольких метрах от себя. — Братцы, что там?

Майор едва не подавился воздухом, набранным в легкие для

того, чтобы подать команду. Что именно командовать, он не знал, но был полностью убежден, что язык скажет все нужные слова сам: и сказанное окажется при этом абсолютно верным.

— Ваши склады рванули?

— Болван! — прорычал майор. — Это 155-миллиметровки! В часть беги! Это война!

— Бля!

Парень даже не переспросил, не шутит ли мужик средних лет, направивший зачем-то в его сторону автомат. Он исчез разом, за секунду, как будто его вдернули внутрь за ноги.

— Граждане! — майор

обернулся к тем, кто смотрел на него — их оказалось человек пятнадцать: треть рядом, глаза в глаза, остальные в окна. — Военнослужащим и резервистам немедленно прибыть в свои части! Сборы запрещаю: брать только теплую одежду и средства связи! Отделение!..

Он уже почти не надрывал голос — визг падающих снарядов и глухой рев сотрясающих дома разрывов разом утих. Свет остался и становился все ярче: все, что оставалось от жилого и учебного городка 336-й Гвардейской Белостокской орденов Суворова и Александра Невского отдельной бригады морской пехоты, пылало

сейчас сверху донизу. Матросы присланного за ним отделения выстроились короткой шеренгой: лица у них были бледные и осунувшиеся. Наверное, именно так выглядели уходящие в свой первый бой морские пехотинцы Балтики точные две трети века назад. Рядом, на правом фланге, встал милиционер с АКСУ. Выглядел он не хуже других.

— Смирно! Слушай боевую задачу!

Майор не смог, не сумел сказать всю фразу целиком, просто не хватило воздуха. Набрать его заняло полсекунды, и все это время матросы ждали. Кто-то глядел с ужасом, кто-то с растерянностью, остальные — с

удивившей бы его, будь он кем-то другим, уверенностью в лицах.

— У меня нет никаких сомнений, что началась война. Кое-кто из вас никогда не верил, что это может случиться, кто-то понимал, что это дело пары-тройки лет. Но она началась сейчас. Мы оторваны от Родины, мы находимся в кольце враждебных государств, но это на-ша зем-ля!!!

Последнюю фразу майор проревел, надсаживаясь: так ему стало хотя бы чуточку легче перебороть ту животную боль, которая перла сейчас из той глубины его памяти, которая даже не принадлежала ему самому.

— Там, впереди, на западе, юге и востоке от нас сейчас умирают наши пограничники. Я уверен, что то, как мы будем исполнять свой долг, не опозорит ни их, ни бригаду, ни память наших дедов, могилы которых вокруг нас! Отделение!.. — Он снова хлебнул воздуха, ощущая, как кипящие пузыри рвутся по его жилам, наполняя тело дикой, безумной невесомостью. — К бою!!! На броню! Марш!..

С нечленораздельным ревом матросы полезли на тело БТРа, и через три секунды, которые потребовались водиле, чтобы добраться до управления, машина рывком сорвалась с места.

Стеклянные полосы посыпались на землю с ледяным звоном, но майор этого уже не слышал. Протиснувшись на сиденье командира машины, он приник к залитой прозрачной броней обрезиненной щели. Козырек кепи мешал, и он перекрутил его назад, прикрыв облитую потом шею. Ну да, снята радиостанция с блоком питания, снят рентгенометр. Можно предположить, что дело этим не ограничивается. Обычная для российской армии XXI века практика. Но двигаться, во всяком случае, БТР еще может. Причем быстро: строили его на совесть.

— Гони!

Водитель гнал, выжимая из

воюющего в полном восторге двигателя каждую лошадиную силу, еще остающуюся в его изношенных цилиндрах и клапанах. Мимо мелькали бегущие люди, проносились сначала уже полностью освещенные, а потом, неожиданно, сразу и целиком темные дома. Наверняка или полетела из-за многочисленных коротких замыканий сеть, или одна из батарей или даже отдельных машин ударила по городской подстанции. Майор не сомневался, что опознал звук точно: именно так звучали разрывы снарядов стандартного для армий государств — членов НАТО калибра в тот единственный раз, когда он их

слышал. 2009-й год, учения «Снежинка» в Дании: туда помимо мотопехотной роты из входящей в состав ЛВО бригады было направлено и человек 10 офицеров батальонного звена «россыпью», из разных частей. Но на учениях экономные датчане потратили два раза по 10 снарядов, а здесь огневой налет проводился минимум двумя-тремя дивизионами.

Калининградская область Российской Федерации граничила с Польшей и Литвой. Ни у тех, ни у других, насколько было известно, в настоящее время не имелось 155-миллиметровых пушек. Причем ни в каком виде: ни самоходных, ни

буксируемых. Поляки который год копили деньги на новый 52-калиберный «Краб», но заказы не должны были пойти в их войска раньше этого, а то и следующего, 2014 года: и то если они справятся со своей продолжающей «плыть» экономикой. Максимум, что у них было — это оставшиеся в качестве наследства от «кровавых оккупантов», точнее, от почившей Организации Варшавского договора, 122-миллиметровые самоходные «Гвоздики» советского производства. Эти до Балтийска не дотянутся ни под каким видом. Но 155-миллиметровки есть у Германии, Италии, Голландии, Греции,

Испании, есть у Турции, Словакии и Франции. Скорее всего, это или немцы, или голландцы — а значит, это новейшие PzH-2000. Впрочем, о последнем можно было догадаться и так: судя по тому, как ходила под ногами земля, в пределах одной цели одновременно рвались десятки тяжелых снарядов. Самоходная PzH выдает 10 выстрелов в минуту в полностью автоматическом режиме, а возимый боекомплект у нее 60 снарядов. На дистанции в 40 километров современная 155-миллиметровка с активным снарядом кладет свой боекомплект в эллипс шириной в 30 и длиной в 150 метров. На дистанции 35, если

самоходки подвели к самой границе, их разброс будет еще меньшим. Значит, именно так: полтысячи снарядов не оставляли бригаде никаких шансов... И почему 8.25 или 8.26 — это тоже понятно. Сейчас воскресенье, к 8.30 на плацу строятся те, кто отправляется в увольнение. Должны строиться. Только бы Аносов успел увести бригаду. Только бы Зябрев успел вывести батальон...

— Цель справа тридцать!!!

Невидимый за броневой перегородкой позади, матрос за пулеметом качнулся в сторону, развернувшись вместе со своим подвесным сиденьем. В борт БТРа

гулко заколотило, глухо вкнутили сразу несколько пробитых пулями шин, и тут же взрвели и забились КПВТ и ПКТ в башне. К этому времени вой исторгающих длинные очереди «калашниковых» был уже непрерывным: майор еще не успел обнаружить цель сам, а все уже почти кончилось. В чреве бронетранспортера стояла вонь от килограммов сгоревшего за секунды пороха и острый запах металлической пыли. Из чего бы по ним ни стреляли, отлетающая с внутренней стороны брони окалина была вредна максимум для легких. Впрочем, теперь майор уже совершенно не сомневался, что до

рака легких он не доживет.

Пулеметный и автоматный огонь стихли, через секунду водила остановил БТР, и находящиеся в десантном отсеке бойцы рванули наружу.

— Белый, Фима, держите угол!

Старшина 2-й статьи распоряжался так уверенно и толково, что майору даже не понадобилось что-то говорить. Так, конечно, и должно было быть: его собственный уровень — это десантно-штурмовой батальон. Отделением он в последний раз командовал в срочную, взводом — через шесть лет после выпуска и первой сдвоенной звездочки

лейтенантского звания. Не хотелось бы начинать все заново — хотя и такое тоже могло случиться, слови пулю и старшина, и его заместитель.

Двое парней, прыгая через покрывающие землю здесь уже почти сплошным ровным слоем стекла, умчались к углу дома. Остальные к этому времени уже ворочали тела убитых. Таковых нашлось четверо: трое валялись прямо под истерзанной выбоинами стеной, один был явно шустрее своих товарищей, и пули вошли ему уже в спину. Все были в гражданском — в разнокалиберных куртках-«шоферках», приобретших теперь одинаковый иссиня-бордовый

цвет. Рожи — у троих самые обычные, славянские, а у одного не разобрать — от его головы не осталось почти ничего. Оружие в руках (точнее — его измятые остатки) оказалось внушительнее того, с чем приходили утром за ним: германские пистолеты-пулеметы. Глупо из таких палить в БТР, даже в устаревший БТР-80, но диверсанты наверняка решили, что у них нет выбора. У них была какая-то своя задача, судя по оснащению, не рядовая, и вдруг на них вылетает ревуший бронетранспортер, обвешанный морскими пехотинцами. Понятно, они сообразили, что вляпались, и открыли огонь

первыми. Хочется надеяться, что не успели сделать то, ради чего напялили на себя гражданскую одежду и маску мирных обывателей. Впрочем, они могли уже отходить после ее успешного выполнения...

— Старшина, потери?

— Нету, товарищ майор!

Комотделения был так возбужден, что едва не захлебывался словами. Похожий на него как близнец милиционер выглядел теперь гораздо более взрослым, чем этот парень. Так, наверное, и должно было быть.

— Продолжать движение! Направление — военный порт, причалы катеров и малых кораблей.

— Есть... Белый, Фима, Антон
— ко мне!

Значит, обошлось без потерь. Повезло — первые очереди «Хеклер-Кохов» вполне могли кого-нибудь снять. Бронежилет из всех их был только у выжившего мента, а на 30 метрах «Хеклер-Кох» вполне действенен. Конечно, еще не вполне рассвело. И руки, наверное, тряслись. Но все равно повезло. Майор не сомневался, что убитые принадлежали к какому-нибудь современному аналогу «Бранденбурга», и его самая первая догадка оказалась, таким образом, совершенно верной. Но все равно — не укладывалось это в голове.

Совсем... На дворе не 40-е годы XX века, на дворе «цивилизованный» 2013 год. Да, за последние два десятилетия по миру прокатилось больше войн, чем за период с 1950-го по 1995-й включительно, и многим неглупым людям уже после Ирака стало ясно, куда все это катится, но... Да, лучше чем «но все равно!» и не скажешь, как ни старайся... Дождались, значит, возможности. Их тоже можно понять, конечно. В определенной степени это как стратегическая компьютерная игрушка. Если у тебя государство с высочайшим промышленным потенциалом и готовые к бою армады танков на границе, ты не

будешь слишком долго торговаться с соседями из-за цен на нефть. Особенно если у них нет флота, нет авиации, да и армии тоже практически уже нет. Так, несколько боеготовых бригад и сводных полков на технике производства начала-середины 80-х... «Мушкетеры», говоря тем же языком компьютерных игрушек. А дипломатические загогулины и игры в демократию и всеобщее равенство рас и религий — это так, запудрить мозги, выгадать время, пока аэродромы строятся вплотную к чужим границам. Зачем строятся? Глупый и даже «провокационный» вопрос, который игнорировался все последние годы.

Дабы сэкономить топливо и силы экипажей и, соответственно, увеличить количество вылетов и полезную нагрузку после того, как будут окончательно сведены к нулю возможности очередного противника контратаковать. Которые и так-то почти номинальны. Которые номинальны всегда: с другими противниками НАТО не воевало никогда — слишком уж дорого стоит сейчас в «цивилизованных странах» человеческая жизнь. Ни разу с момента Вьетнама ни одна из «приводимых к порядку и демократии» стран не пыталась контратаковать своих могучих противников, выйти за пределы

«разрешенных» мер сопротивления на своей территории, ударить, ответить соседям, набрасывающимся на избиваемых с радостью голодных шакалов. Ни разу...

Бронетранспортер вылетел на перекресток, и водитель ударил по тормозам так, что машина пошла юзом. Система регулирования давления справлялась с пробоями колес на правой стороне паршиво, и БТР повело в сторону, но скорость была сброшена так резко, что полноценного заноса не получилось. Они были на месте.

— Товарищ майор!

Подбежавший к выпрыгнувшему из машины Сивому старший

лейтенант был знаком в лицо, но фамилии его комбат-879 не помнил: значит, снова не свой, не из его батальона.

— Старшина, — майор повернулся к мордатову командиру отделения, дышащему так, будто ему пришлось собственными руками толкать «броник» половину дороги. — Людей тройками по фронту. БТР вправо, готовность простреливать улицу — секундная. Старший лейтенант, докладывайте обстановку.

— Согласно приказанию командира бригады осуществляю охрану причала ракетных катеров. Задача выполняется силами

находящейся под моим командованием боевой группы в составе 2-го взвода 3-й роты 877-го ОБМП, с одним приданным БТР-80.

— Молодец.

Из краткого доклада явно бывалого старшего лейтенанта комбат выхватил сразу несколько ключевых деталей. Во-первых, Аносов действительно успел добраться до бригады до того, как ее начали давить всерьез. Во-вторых, он действительно разогнал мобильные боевые группы по важнейшим точкам. Малые корабли, в первую очередь ракетные катера, буквально напрашивались в качестве мишени для удара: из всего Балтийского

флота, к 2013 году лишь базирующийся на ВМБ «Балтийск» дивизион еще представлял из себя хоть какую-то реальную силу.

— Сколько успели вывести? Главное — сколько техники?

— Не знаю, товарищ майор. Мы были одними из первых, а потом...

— Что потом — я знаю, — коротко отозвался майор, не собираясь делиться тем, что увидел сам. — Связь есть?

— Так точно. Батальон принял начштаба, командир не отвечал, а потом и связи с городом уже не было.

— И это я знаю тоже... — машинально сказал он опять, внимательно оглядывая ближайшие

корабли. Там уже кипела жизнь: матросы то появлялись на виду, то вновь исчезали в надстройках. С удовлетворением майор отметил и то, что гнездо 6-ствольной 30-миллиметровой артустановки уже занято расчетом. Этот дивизион действительно был боеспособен, и именно поэтому за него было страшно. Ударят с моря противокорабельными ракетами? Нет, вряд ли, а если и ударят, то, скорее всего, не попадут. Рядом гораздо более крупные корабли и суда. И рядом же, почти вплотную к причалу — многочисленные здания высотой до четырех этажей: большая часть ракет наведется или на первые,

или на вторые.

— Передайте в бригаду, что я здесь. Спросите, где 879-й. Понятно?

— Так точно...

Комвзвода исчез, и майор снова задумался. Что началась война — это понятно. Что Балтийск в первый ее час более важен, чем даже Калининград, — тоже. Тогда почему их до сих пор не утюжат авиацией? Почему ствольная или ракетная артиллерия не бьет по гавани? Загружает боезапас? Если да, то это считанные десятки минут — на новых самоходках все автоматизировано. Возможно, движение вперед они сочли более важным. Тогда что, обстреляют корабельной

артиллерией? Это сработало бы, но артиллерийские корабли с серьезным калибром остались к 2013 году только у каких-нибудь южноамериканцев, которые вряд ли станут лезть в Россию. А быстроходным катерам противника для того, чтобы выйти на дистанцию действительного для их калибров артогня, нужно будет проходить через морские ворота, иначе причалы прикроет Балтийская коса. Внутри же гавани дистанция уже почти нулевая: от 600 до 1000 метров, на такой вполне можно нарваться самому. Тем более в море уже пошел какой-то сторожевой катер: может быть, даже не вояка, а пограничник.

Он сможет составить хоть какой-то дозор. Позорище, Балтийский флот, и ни одного корабля ДРЛО в дозоре, ни одного крупного сторожевика на боевом дежурстве. И бонового заградителя, разумеется, нет. Значит, топить катера будут или авиацией, или диверсантами. И если было выбрано последнее, то у моряков есть хоть какой-то шанс, потому что здесь он, командир 879-го ОДШБ, единственного в бригаде имеющего статус «батальона постоянной готовности». И старший лейтенант из 877-го ОБМП со своим взводом. И старшина 2-й статьи со своим отделением — из 878-го. Почти бригада, в общем.

Разумеется, диверсантам вовсе не надо было лезть на четыре его пулемета: они вполне могли пройти в гавань под водой. Но балтийская вода в марте — это не сахар даже для самого закаленного «тюленя», а до польских тервод все же далековато. В такую ветреную погоду на малых высадочных средствах они будут чапать до Балтийска минимум час, а за этот час в море может случиться все, что угодно. Так что нет, вряд ли...

— Старлей, — позвал майор вновь появившегося в поле зрения командира группы, потому что пришедший ему в голову вопрос показался интересным. — А что,

матросы здесь уже были, когда ты с ребятами прибыл? Это же только-только вроде?

— Прибежали толпой во главе с офицером. Рыжим таким, лохматым. Мы только минуту как подошли, и тут они. Человека три еще вразбивку прибежало, все трое офицеры.

— Соображает народ.

— Так точно, — снова ответил тот, не собираясь переходить на менее официальный тон. — Товарищ майор, товарищ гвардии полковник потребовал передать вам свою благодарность. Он сказал — уцелела почти треть...

— Понятно, — кивнул Сивый, с секунду помолчав. Треть — это

значит бригада уже потеряла около семисот человек. Или чуть меньше, если не считать дислоцирующийся отдельно 724-й ОДРБ. Если полковник имел в виду технику — разница невелика: без техники боеспособность батальонов в любом случае уменьшается в разы. И все равно — Аносов «выразил благодарность». Одно только это характеризует ситуацию вполне однозначно.

— Что еще он сказал?

— 879-й выдвигается к Приморску, 877-й ушел на Светлый. Техника бригады, за исключением нескольких машин, оставленных нам, поделена между ними, но

большая часть уцелевших танков — с 877-м. Вам приказано нагонять своих и принимать командование батальоном...

Старший лейтенант сделал паузу, то ли подбирая слова, то ли пытаясь точнее передать интонации.

— Товарищ гвардии полковник передал также, чтобы вы держались, сколько можете: помощи нет и не будет. Мой батальон он оставляет прикрывать город и раздергивать его не станет ни при каких обстоятельствах. Он сказал, что, сформировав ротные боевые группы из тыловиков, сможет продержаться часа четыре точно... Я слышал, что звучали названия Ладущкин и

Нивенское, но кто из соседей идет туда, я не в курсе.

— Мечниковцы?

Парень покачал головой, — этого он не знал. Майор подумал. Приказ был четким, а это всегда хорошо. Значит, какая-то часть штаба уцелела, и кто-то сейчас командует. Можно догадаться, что происходит на дорогах, и не только на них. Отголоски канонады доносились со всех сторон, кроме разве что северо-запада: там было море, и целей для противника там просто не было. В небе (майор поднял голову и в очередной раз внимательно посмотрел) было чисто — ни авиации, ни инверсионных следов.

Калининградская область — одна из последних по-настоящему эффективных зон ПВО в современной России. Вероятно, вторая после Подмосковья. Истребителей здесь осталось — кот наплакал, максимум пара сводных эскадрилий, но «Буки», «Эсы», «Тунгуски» и старые «Кубы» в несколько эшелонов, под отлаженным управлением... Все это будет работать: и потери у атакующей авиации НАТО будут такими, что участвующие в покорении варваров государства быстренько вспомнят, когда несли такие в последний раз. В 1941-м, когда же еще... С моря — тоже не

вполне прокатит, потому что хотя морем НАТО владеет последние десять лет уже безраздельно, береговой противокорабельный оперативно-тактический ракетный комплекс «Редут» под договор по сокращению вооружений в Европе все-таки каким-то чудом не попал, — и не учитывать это они не могут. Каждую батарею им придется уничтожать отдельно, комбинированными усилиями родов войск, а это время. Так что гораздо эффективнее будет давить системы ПВО и береговой обороны не бомбежкой, а траками танков и огнем артиллерии... В конце концов, танки, врывающиеся на вражеский

аэродром, — это самое лучшее средство противовоздушной обороны. Как сказал Говоров. Или Гречко. Или еще кто-то из наших маршалов того, настоящего поколения. Неважно, в конце концов, кто именно. Сказано было в любом случае верно.

БТР уже мчался вперед по улицам Балтийска, заставляя оглядываться и махать руками десятки бегущих в разных направлениях людей. В этот раз майор уступил командирское сиденье старшине, сам снова усевшись на броню. Мысль о том, чтобы обменяться машинами со старшим лейтенантом, он отмел,

хотя выглядела она соблазнительно. Целые колеса, радиостанция — это было бы, конечно, полезно. Но радио нужно будет и самому старлею, а до Приморска они как-нибудь дотянут. Вторую мысль, о том, что попавшее под его командование отделение принадлежит другому батальону, он отмел тоже. Это был уже инстинкт: мнение самого старшины его в этом отношении не волновало.

Итак. План развертывания бригады подразумевал действия всех четырех ее батальонов. План развертывания сил флота и округа — то, что они будут, эти силы. На 1991 год одни только сухопутные силы в Калининградской области

насчитывали 5 полнокровных дивизий, включая 2 танковые, — с усилением любого возможного рода. На 2000 год в результате их последовательного «сворачивания» дивизий осталось две: с суммарным личным составом в 13 тысяч человек. И хотя это «на один зуб» серьезному наступлению противника, следовало признать, что тогда это тоже было серьезно. На 2001-й — одна: 1-я Гвардейская мотострелковая Пролетарская Московско-Минская ордена Ленина дважды Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова. Сейчас на дворе был 2013-й — черт знает какой по счету год позорной «военной реформы», и

от сухопутных сил в российском
анклаве от дивизии остались 79-я
отдельная Гвардейская
мотострелковая бригада и 7-й
отдельный мотострелковый полк.
Тот же самый, который «бывшая
дивизия» и затем «бывшая бригада».
Сохранивший ее название: тоже
гвардейский, мотострелковый,
Пролетарский... Все остальное
превратилось в БХВТ — базы
хранения военной техники с
выставленными на колодки
законсервированными машинами,
потихоньку
разукомплектовываемыми для
поддержания в относительно
исправном состоянии техники,

имеющейся в еще не «свернутых» частях. Да и разворачиваемыми тоже... Большая часть тонюсенького ручейка новой техники и вооружения шла на Кавказ, а списание имеющейся шло все это время полным ходом. «Создание сбалансированных Вооруженных Сил», по мнению ГШ и Правительства России, заключалось в том, чтобы сократить их как можно скорее как бесполезные и даже мешающие в освоении средств, выделяемых им же каждый год. Нелогично? А это как посмотреть... Вот 11-я Гвардейская общевойсковая армия с пятью или даже двумя дивизиями, из однозначно лучших —

это было, конечно, «несбалансированно». А сейчас, когда от армии остались считанные батальоны, включая два полностью развернутых мотострелковых и один десантно-штурмовой, — вот это уже гораздо «сбалансированнее», теперь уж точно бояться нечего: супостаты прямо заранее скопом усрутся от потрясения при виде их боевой мощи...

Додумать майор не успел: БТР вылетел на крупный перекресток и с размаху ударил в крыло громадный черный автомобиль, сияющий на утреннем солнце шикарной полировкой. БТР-80 весит более 13 тонн: несущийся под 90 километров

в час джип швырнуло в сторону, как игрушечный. Стальную скобу вырвало из руки Сивого, и следующее, что он увидел, была мелькнувшая в каком-то сумасшедшем кульбите земля. Сгруппироваться он все-таки успел: в этом отношении везением оказалось то, что на груди у него висел не нормальный АКМ, а радикально укороченный АКСУ. Как-то смягчил удар и бушлат — поэтому уцелели даже ребра, хотя цвет кожи под тельником наверняка будет куриным: судя по ощущениям, синяк там был сплошным. Кряхтя и отплевываясь, майор поднялся, после чего помог подняться

ОПТИМИСТИЧНО

матерящемуся парню, которому здорово ссадило кожу на правой половине лица.

— Живы, товарищ майор?

Старшину наверняка приложило о броню, но, насколько Сивый понимал, на командирском сиденье было особо не обо что биться, — так что и у этого тоже обошлось. Водителю и пассажирам джипа повезло меньше, — невооруженным глазом было видно, что, несмотря на все подушки безопасности и прочие навороты дорогой современной машины, уцелели только трое сидевших позади: стонущая от боли девочка-подросток, крепкий мужик в блекло-коричневом пальто (без

видимых ран, но вырубившийся) и визжащая баба лет тридцати.

— Да вы что? — захлебывалась она криком. — Да вы что думаете, уроды, говнюки?! Да вы знаете, кто мы такие, скоты вонючие?.. Да вас завтра же!.. Сегодня!..

Переставший обращать на нее внимание майор разогнулся и встретился глазами с глазами старшины. Завтра их всех могло уже не быть в живых, — а скорее и уже сегодня: в этом отношении баба была совершенно права. Полковник Аносов отдал абсолютно верный приказ: 879-й ОДШБ имеет шанс некоторое время удерживать шоссе, ведущее к Калининграду с запада.

Там есть подготовленные позиции, в том числе и для танков. Но если давить береговые ракетные батареи агрессор начал с задержкой хотя бы на полчаса относительно первого удара по бригаде и остальным, то к этому времени тактический десант может их уже обгонять. А рассеченное шоссе означало то, что все находящиеся в Балтийске части будут отрезаны и размяты просто артиллерией, а через полдня — и авиацией. Часов для того, чтобы получить возможность умереть в настоящем, дающем какое-то удовлетворение бою, становилось, таким образом, все меньше: а это значило, что надо было продолжать

двигаться.

— Уходим. Время...

Старшина, не тратя слов, полез в БТР, и тут же тот подпрыгнул снова: в его корму вцепилась очередная, на этот раз покрытая грязью сверху донизу, легковая машина.

— Твою мать! Боец, на броню! Не тормозить!

Замешкавшийся парень, в оцепенении глядящий на разбитые автомобили и стонущих и орущих людей, будто очнулся. Только тогда майор понял, что это тот же милиционер, которого он «мобилизовал» с час назад. Ну, это понятно: это у него рефлекс. Но ВАИ не прибудет, можно не надеяться. Да

и «скорая» вряд ли. А вот лишний ствол в составе отделения — это важно.

— Эй! — позвал он, сообразив, что понятия не имеет, как мента зовут. — Эй, ты!

Время торопило, церемониться было некогда. Майор перевел предохранитель «сучки» в положение, соответствующее стрельбе одиночными, не глядя направил ствол вверх и нажал на спуск. Несмотря на то что за горизонтом продолжало ощутимо, хотя и глухо грохотать, звук выстрела был настолько резок, что страдающий некоторым избытком веса и недостатком реакции

младший сержант очнулся. Побочным эффектом выстрела стало и то, что большая часть из сбегающих к ним людей резко развернулись и побежали по более неотложным делам. Таковых, видимо, хватало. Глупо осуждать за панику гражданских, но это была именно она. Народ драпал. Заткнулась на самой высокой ноте и визжавшая без перерыва баба в машине.

— Я понимаю все. Но здесь ты ничего не сделаешь, разве что окажешь какую-то медпомощь. А там мы будем драться.

— У меня семья здесь, — тихо ответил милиционер. — Но я пойду...

Майор не ответил, даже не пожал плечами. Он карабкался на броню БТРа, — сидящий на вершине знакомый уже матрос-азиат с глубокой царапиной поперек лба протянул ему руку, чтобы помочь. Дизель взревел, и БТР, отпихивая бронированным носом останки джипа с трупами на передних сиденьях, начал разгоняться. Сзади снова принялись визжать и орать те люди, которые либо искренне не понимали происходящего, либо не желали понимать, поскольку это не укладывалось в их представление о том, что может с ними когда-либо случиться. Сжав зубы, майор Сивый продолжал додумывать ту мысль,

которую оборвал удар. 609-й учебный
мотострелковый полк
дислоцировался в Гвардейске: это
значило, что у него был некоторый
шанс не попасть под артобстрел
находящихся за Государственной
границей, но все же на пределе своей
дальнобойности артбатарей. Но к
текущей, скачущей сейчас минуте
пограничников уже почти наверняка
нет в живых, в современной войне
пограничные войска — это ничто.
Значит, самоходки могли уже пойти
вперед, за танками и мотопехотой,
давящими все на забитых машинах
самых сообразительных беженцев
дорогах. Натовская PzH-2000
способна держать на шоссе 65 км/ч,

а чтобы изготовиться к стрельбе, ей нужны полторы минуты. Отсюда — рывком сократив дистанцию, примерно сейчас они уже снова готовы открыть огонь. А судя по звукам, может быть, именно они его уже и ведут... И даже если учебный батальон береговых войск поднялся по тревоге и сел на шоссе Нестеров — Гусев — Черняховск — Гвардейск — Калининград, продержится он недолго. На то он и учебный, конечно. Остаются 7-й отдельный мотострелковый полк и 79-я отдельная бригада, батальоны и дивизионы которой ровным слоем размазаны между Калининградом и тем же Черняховском. Несколько

мотострелковых и один танковый батальон, самоходно-артиллерийские и зенитный ракетный дивизионы — это «официально» мощная сила. Но это если забыть об одной простой вещи: лишь по одному батальону в полку и бригаде развернуты в полный штат и имеют «постоянную готовность», — ни один другой батальон войск современного Балтийского флота как «оперативно-стратегического территориального объединения» не насчитывает сейчас и двухсот человек.

Кто остается еще? 73-й отдельный понтонно-мостовой батальон в Городкове — тот самый, где под командой майора служат 140

человек? 561-й отдельный морской разведпункт в Парусном? Отдельные «полки», «бригады» и «батальоны» с оставшимися в наследство от великой империи многозначными порядковыми номерами — большими, чем количество служащих в них солдат и матросов? Предполагалось, что в «угрожаемый период», упрощенно именуемый предвоенным, их технику примут рекой текущие в скадрированные части резервисты. Где оно было, это понимание того, что «угрожаемый период» начался в середине 90-х, когда в мире впервые прозвучал ликующий крик: «Бейте их! Нам за это ничего не будет — они русские!»,

как по-вашему? Где они, эти резервисты? А вот, прямо под носом...

Несущийся по более-менее расчистившейся дороге бронетранспортер вильнул в сторону, уходя от удара сдуру прыгнувшей на него легковушки.

— Идиот! — проорал майор все равно не слышащему его водителю. — Дави их к такой-то матери! Гони!

По шоссе БТР-80 мог выдать 80 км/ч, но мотор был изношен, а система регулирования давления воздуха в шинах «плыла», так что они вряд ли держали больше 70. Понятно, что обгонял их почти

любой. Отдельные машины (в стеклах мелькали перекошенные страхом лица) обходили их по широкой дуге. Столкновение с прущей по шоссе большой железной дурой грозило им не разбирательством с ВАИ и затем судом, а тем, что они останутся здесь, под колесами и траками «освободителей». Тех самых, кто уже давно привык сначала стрелять, а потом, при необходимости, «выражать сожаление». Хотя куда бежать, зачем? В деревни разве что — подальше от городов. С севера и востока Калининградскую область прижимает к морю Литва: можно себе представить, с чем там будут

ждать русских беженцев,
пытающихся ускользнуть от
«справедливой кары за годы
кровавой оккупации». Почти
наверняка прибалты своего случая не
упустят: тактические удары куда-
нибудь от Шилуте на Мысовку и с
Таураге-Пагегяй на Советск и Неман
будут потом красиво смотреться во
вклеенных в их учебники истории
картах...

Идут железные роты
литовской
мотопехоты,
Тогда войне придет конец,
когда прибалт
возьмет, возьмет...

Черт его знает, что он возьмет: в оригинале в посвященной армии обороны Израиля песне стояло «канал Суэц». Впрочем, может, и нет. Могучие армии гордых прибалтийских государств будут использованы, скорее, для полицейских и карательных операций. Для борьбы с партизанами и городским подпольем. В общем, как и в прошлый раз...

Ветер бил майора в лицо, и только поэтому он не пытался утереть слезы. Россия, бедная, несчастная Россия, как же часто тебе везет на предателей и просто

дураков, стоящих у власти... Как часто сопливые восемнадцатилетние пацаны и давно осознавшие себя отцы и кормильцы многолюдных семейств должны расплачиваться за чужую глупость, с матерными воплями кидаясь в безнадежные контратаки на накатывающийся вал очередного нашествия. С самодельными сулицами и дроворубными топорами, с фузеями, с трехлинейками образца 1890-го и 1890/30-го, с ППШ и модернизированными «калашниковыми». Да сколько же можно?

Командир 879-го отдельного десантно-штурмового батальона

морской пехоты майор Сивый, над фамилией которого ни один человек в здравом уме не посмел бы усмехнуться, плакал. Ветер размазывал его слезы, уводя соленые дорожки к вискам. Грохот и рев впереди стоял такой, что плохо было слышно даже 260-сильный дизель бронетранспортера, надрывающийся в попытках выдавить из себя еще хотя бы один квант скорости. Батальон, до которого оставались уже считанные километры, давили, давили, давили артиллерией, вбивая в землю. Значит, 6610-я база в Мамонове уже все... Значит, закончив с ними, самоходки начали или вот-вот начнут обстреливать Светлый, Калининград,

и еще Калининград, и снова Балтийск... Интересно, сумели ли выйти в море ракетные катера? Живы ли еще их экипажи, жив ли тот старший лейтенант на причале, готовый со своими людьми драться, но настолько спокойный, что это было даже страшнее, чем сам предстоящий бой... Интересно, успел ли Ромка довести мать до мирного деревенского дома, в котором живет ее сестра, где они все проводили лето последний десяток годов, пока старшим офицерам не начали снова давать путевки на юг. И еще интересно, удастся ли вернуться туда, чтобы попытаться сделать то, что должен сделать каждый

нормальный мужик, когда к порогу его дома приходят враги... Дом старый, стоящий на окраине микроскопического поселка в полтора десятка дворов: ни асфальта, ни телефона. Это хорошо — кроме карателей и официальных делегатов «нового порядка», туда никто не потрудится отправиться, а значит, у Саши есть шанс...

БТР уже ворвался в жилые кварталы Приморска, но дойти до разветвления шоссе они не успели. Сектор обзора майора был вперед и вправо, и вверх он не смотрел, как не смотрел туда никто. Хотя какая разница... Система наведения шедшей почти точно по оси шоссе

оперативно-тактической ракеты
MGM-140 «ATACMS» засекла
движущуюся быстроходную цель,
параметры отраженного и
излучаемого сигнала которой
соответствовали бронетехнике.
Одиночный БТР не заставил бы
дорогостоящий боеприпас сработать,
но в пределах нескольких сотен
метров от него находились десятки
прочих машин: от легковушек и
автобусов до грузовиков, — а помехи
от еще действующей городской
электросети и засветки от зданий
примерно соответствовали мерам
РЭБ, ожидаемым от колонны
бронетехники на марше. Снаряжена
спикировавшая на шоссе ракета была

в варианте «Block II A», то есть как раз в таком, какой требовался для поражения бронетехники или пусковых установок ракет. Она шла к батальону, уцелевшая к этому моменту техника которого еще занимала подготовленные для отражения высадки десанта позиции в нескольких километрах впереди. Но эта цель ее блок управления устроила тоже. В течение не измеряемых обычными часами долей секунды вышибные заряды ракеты выбросили из ее тела 6 суббоеприпасов «IBAT», оснащенных индивидуальными системами наведения, похожих на растопыривших в прыжке лапы

пауков. Самой дальней пораженной целью стала расположенная почти в 800 метрах от шоссе крупная коммерческая палатка «24/7», сделанная из гофрированного железа крыша которой бликовала в инфракрасном диапазоне, как настоящий Т-80. Два боевых элемента навелись на почти неподвижный, если сравнивать его скорость с их собственной, бронетранспортер БТР-80. Защищающий десантное отделение броневой лист имел в толщину всего 9 миллиметров, и у находящихся в бронетранспортере и на его броне людей не было ни малейшего шанса.

Расплескивая остатки

невыработанного топлива, корпус выполнившей свое предназначение ракеты вбил в ухнувшую от удара крышу двухэтажного дома, попавшегося ему на пути. К этому моменту выпустившая его с находящейся чуть южнее польских Млынар огневой позиции установка М270 уже находилась в десятке миль от Бранева. Отстрелявшийся дивизион втянулся в хвост колонны 35-й Пехотной (механизированной) дивизии, с 2006 года входящей в состав армии США в Европе. Являясь, согласно плану, дивизией первого эшелона, организационно подчиненная Объединенному штабу НАТО в интересах выполнения

операции «Свобода России», 35-я
Пехотная пересекла
Государственную границу Польской
Республики и Российской Федерации
в 10 часов 12 минут утра. Навстречу
головному дозору ее 66-й бригадной
боевой группы не было сделано ни
одного выстрела: к этому времени
сопротивление русских
пограничников и располагающихся в
пограничной зоне армейских
подразделений было подавлено
полностью.

Тремя месяцами раньше. Январь

*История ничему не
учит, а только наказывает
за незнание ее уроков.*

В. О. Ключевский

Сердце колотилось как сумасшедшее. 130 ударов в минуту — это был, наверное, самый минимум. Такому ритму соответствовал бы хороший спринт или что-нибудь типа поднятия тяжестей — но ничего этого не было. На самом деле известный в группе как «Док»

Николай в это время медленно и аккуратно переставлял ноги одну за другой, задерживая дыхание в ожидании того, как скрипнет снег. Но снег был утопан — ведущей вдоль стены недостроенного кирпичного дома тропинкой явно немало пользовались после последнего снегопада, то есть вчера и сегодня как минимум.

Стараясь больше полагаться на слух, чем на зрение, и сдвинув для этого «уши» подшлемника чуть вверх, он продвигался вперед. Скорость, с которой Николай двигался, подошла бы скорее какому-нибудь престарелому одноногому ветерану Второй Пунической. Да и

испытываемый им уровень уверенности в себе — тоже. Дыхания за спиной не то чтобы не было слышно — его даже уже не чувствовалось. Это могло означать слишком многое, и в первую очередь тот простой факт, что он оторвался от остатков своей группы слишком далеко. Либо то, что он вообще остался один. Второе имело настолько однозначный исход, что можно было даже уже не слишком бояться — бессмысленно. Однако старательно прививаемый самому себе в ходе чтения философской классики и рекомендаций Миямото Мусаси фатализм помогал не слишком: сердце продолжало

колотиться в ребра, мешая и слушать, и двигаться. А ускорение между тем могло понадобиться — причем, судя по ощущениям, весьма скоро. Дешевый и слабый «ИЖ-61» в руках требовал по крайней мере полсекунды на перезарядку срывающимися, неуклюжими в теплых перчатках руками, и это при том, что по самому ему в этот момент могут работать ствола три. Как уже говорилось, результат подобного мог быть только один.

Примерно в десятке метров справа чуть «вякнуло» чем-то тяжелым по утопанному снегу, и Николай тут же остановился, поднимая приклад ружья к плечу.

Ствол уперся своим зрачком в угол заброшенного сарая, до которого было еще порядочно: метров тридцать минимум. Это или три-четыре минуты такого же движения, как сейчас, или секунд пятнадцать бега. Обвисшая поверх толстого свитера светло-серая зимняя «Горка» бесшумно терлась одной складкой о другую: ее размер оказался на пару номеров больше нужного и подошел бы скорее Железному Винни, чем Доку с его нормальным ростом в 182. Но Винни давно уже было не видно и не слышно, — скорее всего, он уже *все*, как и остальные...

Ну что, вправо? Сложенная из белого силиката стена мертвого

дома, медленно протягивающаяся с правой стороны, буквально дышала ему в затылок черными глазницами окон. Но Николай знал, что смотреть вверх бесполезно. Даже учитывая сантиметров десять утоптанного снега под ногами, заметить его из глубины комнат, не высовываясь, было невозможно. А высовываться никто не будет, потому что на высунувшегося всегда может посмотреть чей-нибудь ствол — а это слишком высокая плата за проявленное не вовремя любопытство. Ну, не любопытство, конечно, просто стремление сориентироваться, но и это не стоило лишнего риска. Если они понимают,

что он остался один, то выгоднее всего им будет именно стрелковое соревнование на максимальной дистанции, когда решающим становится наличный остаток боеприпасов и как раз стрелковая квалификация... Ну-ну... Если бы не проклятое колотящееся сердце, то к этому тоже можно было бы отнестись спокойнее, а так...

Николай по-прежнему продвигался вперед осторожными приставными шагами, не отводя прицельную линию от чуть приблизившегося угла забора, где вот-вот могла возникнуть чья-нибудь голова. Нервы у него были натянуты так, что в любой момент могли не

выдержать, заставив его рвануться вперед, и хорошо, если молча. Такое с ним пару раз уже происходило, и ни один из этих раз не заканчивался благополучно. Да вообще и не мог закончиться... Поэтому он и держался.

Слева! Резкий звон металла по металлу был оглушающ. Николай крутанулся, ожидая неминуемого удара между лопаток, но деваться было некуда: в эту секунду он был зажат на утоптанной тропинке между стеной того же громадного дома и остовом ржавого сельскохозяйственного механизма слева. Он успел даже развернуться, поэтому вторая пуля, с визгом

раздирая воздух, прошла в десятке сантиметров от его головы. И даже выстрелить он тоже успел — в никуда, не целясь, просто в снежно-белое пространство перед собой. Но все это было уже бесполезно. Стрелка он увидел лишь после того, как третья пуля попала ему точно в грудь. Противник был на заборе и хладнокровно производил выстрел за выстрелом, опираясь животом на то бульбообразное расширение, которое строители пускали на нескольких верхних рядах кирпичей. Вторая попавшая в Николая пуля ударила ниже — в левую полу «Горки», чувствительно ужалив бедро, а следующая снова прошла мимо, со

ЗВОНОМ вЛЕПИВШИСЬ В ТОТ же проржавевший механизм.

— Убит! — проорал Николай, кривя губы от острой боли в коже на груди и особенно в левой ноге: 4,5-миллиметровый свинцовый шарик угодил точно в проекцию бедренной кости. С трудом заставив себя разогнуться, он поднял «ИЖ» над головой обеими руками. Стрелок не ответил, — он уже исчез за забором, как будто провалился. Елки-палки, там же высота метра три, — как он туда залез?

По-прежнему держа ружье горизонтально над головой, Николай, прихрамывая и чертыхаясь, пошел назад. Весь путь, на который у него

ушло около двадцати минут второй фазы задания, он прошел теперь минут за пять или шесть.

— Док! — проорали из-за сетки, когда он вышел в образованный навешенными на столбы матами входной коридор безопасности. — И тебя тоже, солнце мое? Ты последний, между прочим!

Машка дождалась, пока он, опустив руки, разрядит оружие и впихнет в ствол «Ижки» увенчанную игривым пластмассовым сердечком заглушку, пролежавшую все это время в его нагрудном кармане. Только после этого она откинула сетку в сторону, дав товарищу пройти.

— 39 минут, — широко улыбаясь, отметила при этом она. — Мы не ожидали, что ты так долго продержишься. Витька на 25-й вышел, а тебя все нет и нет. Пошли, наши уже чай пьют.

— Спасибо, Маш...

Николай наконец-то содрал с лица покрытый разводами инея прозрачный защитный щиток и с наслаждением вдохнул холодный воздух.

— Ух, хорошо...

— Шестой? — поинтересовался подошедший инструктор с яркой нашивкой «Барса» на плече форменной куртки.

— Так точно.

— Тогда все?

Николай только кивнул, кривясь. Настроение у него было даже не сказать чтобы паршивое — просто «никакое». Казалось бы, делов-то: два проигранных захода, оба «вчистую», то есть с соотношением потерь более 2:1. А переживалось это худо. Впрочем, иначе было бы менее интересно.

Инструктор дождался подтверждающего кивка от Маши и, подойдя к черному просмоленному столбу с неизвестно где добытым классическим «Не влезай, убьет!», ткнул длинным пальцем в пластмассовую кнопку. Над площадкой взвыла и тут же угасла

сирена. Ждать смысла не было — уцелевшие члены выигравшей задание группы все равно должны были прийти в ту же соседствующую с мужской и женской раздевалками комнату отдыха. Поэтому, в очередной раз поморщившись и растерев пылающее болью бедро несколькими круговыми движениями, Николай пошел за Машкой, прыгающей через сугробы с такой легкостью, будто пережитые за последние два с половиной часа нагрузки ее не касались. Впрочем, она могла уже успеть отдохнуть.

— Док пришел! — объявила Маша, распахивая дверь и склоняясь в издевательском поклоне. Делать

было нечего, — пришлось входить навстречу вою и улюлюканью. Стоявший у стойки с кофейниками высокий парень из инструкторской команды только ухмыльнулся.

— Новый рекорд! — объявил Железный Винни. — Док умудрился продержаться дольше всех нас в третий раз за месяц! Презрев опасность, крался он по торосам и расщелинам, сжимая в напряженных руках верное ружжо! Пули свистели вокруг, но это не смущало нашего героя! Нет! Он смело прокрадывался в тыл врага, страдая его меткостью своего огня!..

— Ладно, я понял уже...

Контроль над своим голосом

Николаю удалось сохранить, хотя он не заявил бы, что это было особенно легко. Одна и та же ошибка, совершенная несколько раз, могла стоить ему как минимум репутации, а то и позиции в команде.

— Ну, понял, так садись. Ребят, налейте ему там чаю. Лен, к тебе ближе всех, между прочим, — не спи там.

Сдав оружие продолжающему ухмыляться инструктору и высыпав остаток пулек в стоящую на стойке закопченную консервную банку, Николай уселся с края скамьи. Поерзав сразу заledenевшей задницей на твердой доске, он с удовольствием прижался к теплему

боку неунывающей Машки, уже успевшей избавиться от куртки и оставшейся в одном свитере. Самому ему, чтобы поступить так же, пришлось выхлебать первую кружку едва ли не до дна.

— Ну что, Док, пока ты там шлялся, мы уже поговорили, перемыли друг другу косточки. Но еще раз все обсудить никогда не вредно, поэтому приступим. И про первую серию тоже — в свете результатов второй. Готовы?

Все вразнобой покивали, но как раз в этот момент в комнату ввалилась вторая группа — известная в среде игроков «Нарва», и пришлось ждать, покуда они не сдадут свои

стволы, не проорутся и не просмеются. Только когда «нарвцы» обхлопали всех по плечам, с шуточками и прибауточками уговаривая не расстраиваться и не переживать лишку, возможно стало более-менее начать говорить. Длился «разговор» больше часа и, как обычно, утомил всех не меньше, чем собственно состязание. Обычно такое общение после окончания беготни на западный манер именовали «дебрифингом», но если говорить простым языком, это был просто разбор действий членов группы и группы в целом, своих и чужих. А поскольку группа «Юрк» провалила оба выпавших им на

сегодня задания — «Великий Мумрик» и «Охоту на снайпера», — то легко это не было. Не избежал критики и сам командир группы, Железный Винни (в миру Витя Искандеров), единственный из них всех ветеран настоящей войны. Не спецназовец, не десантник — просто рядовой пехотинец, которому повезло найти себе в гражданской жизни занятие, удовлетворяющее его без остатка и целиком. Неглупый и зрелый мужик, ночами он руководил сменой охраны крупного жилого комплекса в Озерках, утром отсыпался, а днем подрабатывал вооруженным курьером, развозя на ухоженном «Гольфе» документы

между какими-то офисами в Центре. Вечерами и по выходным он занимался тем, для чего ему нужны были все деньги, которые он успевал зарабатывать. Группа в складчину оплачивала Вите треть расходов на хардбол, страйкбол, пейнтбол (чтобы не закостеневать в тактике, их «циклы» они регулярно чередовали) и спортивное ориентирование. Он же за это отвечал за «логистику» в отношении резервирования баз и экипировки, закупки билетов на дальние выезды и карт на ориентаторские соревнования. И командовал, когда группа выходила на игровое поле или ввязывалась в серьезную ситуацию в реальной

жизни. За остальное он платил сам, и денег ему вечно не хватало. Как и другим, конечно.

Витя был даже не самым старым из всех них, как не был самым старым и Николай Ляхин. Он не был самым агрессивным или просто хищным, хотя в стаях именно такие обычно и становятся вожаками. Но они не были стаей — они были именно группой, объединенной общими интересами в жизни. Не всеми, конечно: интересы у всех были разными, просто они перекрывались какой-то частью, как сложносочиненные окружности в венновских диаграммах. Маша, например, была старшекурсницей

истфака, а в свободное время уходила с поисковыми отрядами в самые глухие углы Карелии и Псковщины — копать ржавое железо последней большой войны. При всем этом она была не «своим парнем», стриженным «под мальчика», а совершенно нормальной веселой девчонкой со всеми причитающимися ей по возрасту плюсами, то есть с коллекцией мягких игрушек на спинке дивана и фигурой, заставившей бы удивиться от обиды половину моделей знаменитого художника Бориса Валлехо. То, что она любила выкопанные из речного ила старые танки, лихую атаку уступом на

отстреливающуюся с деревянной вышки в центре пейнтбольной площадки снайперскую пару и рукопашку в полный контакт, не портило ее совершенно.

Имеющий рост в 190 сантиметров Леша Тихомиров, обычно именуемый просто Тихим, был еще интереснее. Он совершенно боготворил домашнюю электронику и электрику: причем не какие-нибудь компьютеры или системы увлажнения воздуха, а бытовуху, вроде электроплит или тостеров. Ни почему так вышло, ни зачем ему это нужно, никто особо не понимал, но посмеивались над Лешей исключительно по-доброму. А если

кому-то требовалось купить холодильник, то отлично знали, у кого спросить совета в отношении выбора. Как ни странно, Леша был не слесарем, а почему-то ветеринаром. Бывает. Не имеющая никакого прозвища Лена Карпат была старше большинства остальных членов группы. Профессиональный фармаколог и мать очаровательного белокурого чуда с голубыми глазищами размером с чайную чашку, она отличалась мягкой улыбкой и хладнокровием, которое вызывало у Николая тщательно маскируемую оторопь. Лена любила упражнения продвинутых комплексов суави-ваза, бросковые техники

классического самбо, ножевые
рандори^[2] и мужа — осевшего в
Питере дальневосточника,
смотрящего на все занятия своей
верной боевой подруги с
уважительным и философским
спокойствием. Николай и сам любил
многое из всего этого: или даже не
любил, а принимал, как часть себя
самого, — как часть того, что считал
нормальным. Кто-то из их шестерки
неровно дышал к лыжным гонкам на
30–40 километров: но таких было
всего трое — Витя, например, был
южанином, и в его родных краях на
лыжах не ходили. Кто-то обожал
плавание, вызывающее у Николая
разве что тоску. Траншейный стенд

любили почти все. Пиво и шашлыки — все без исключения. Нормально, в общем... Таких людей в России было три четверти городского населения.

Полтора-два года назад группа называлась еще не «Юрк», да и не была она еще настоящей группой. Так, просто компания общающихся чуть теснее обычного людей, чем-то привлеченных один к другому. Кто-то приходил, кто-то исчезал сначала на месяц, а потом навсегда. Маша пристала к ним из угасающей тусовки «Сорокоманов» — друзей по анонимной сперва переписке через газету бесплатных объявлений, узнающих друг друга в метро по круглым значкам с цифрами «801».

Ее друг, имя которого не помнил уже никто, давно исчез, а она осталась, потому что в этой компании ей было все так же интересно. Они встречались примерно раз в две недели — где-нибудь у Львовских ворот на Петропавловке, у новых фонтанов на Московской, еще где-то. Витя пытался их как-то сплотить, повести за собой на самбо, на стрельбище в Сосновку, но тогда это мало кому нравилось. Поэтому, наверное, в их компании люди и менялись так часто. А потом убили Юру.

Юрка Медведев был совершенно нормальным молодым человеком — таким же, как все они. В 2007-м он

окончил «Корабелку» и работал на Адмиралтейских верфях, с перерывами на «вынужденные отпуска» гнавших заказы для индийского и китайского флотов. У него был первый разряд по самбо, второй по спортивному дзюдо, и еще он любил танцевать и читать современную отечественную литературу направления «фэнтези»: чтобы у каждого по двуручному мечу и в небе разноцветные драконы косяками. 14 января 2009 года он возвращался с сестрой и устоявшейся подругой с затянувшейся на всю ночь гулянки по случаю встречи «Старого Нового года». Где-то в четырех сотнях метров от отпирающей двери

станции метро «Улица Дыбенко» их остановили трое. Выпей Юра хотя бы чуть-чуть больше, и он, возможно, остался бы в живых. Скорее всего, нападавшие сломали бы ему пару ребер, отняли бы то, что им требовалось, и оставили в покое. Возможно, девушек даже не стали бы насиловать. Так, полапали бы, может, а то и просто попугали. Во всяком случае, именно эта версия звучала потом в суде. Но на улице был мороз, уже успевший выветрить из него часть алкоголя, а Юра был крепким 28-летним парнем, отслужившим в свое время два года в войсках ПВО: полбутылки шампанского и немного водки в самом начале вечера не

значили для него много. В своей реакции и подготовке он не то чтобы был слишком уверен, — просто за спиной стояли приросшие к земле девчонки. А то, что, забрав деньги, мобильники и куртки, их в результате не тронут, гарантировать он сам себе не мог никак... Юра был единственным в тройке ранних прохожих парнем и при этом имел средний рост и не слишком заметную мускулатуру. Так что когда он посмел спокойным голосом послать троих вооруженных ножами крепких ребят по известному адресу, это привело тех в демонстративное изумление. Они даже выразили свою печаль вслух — и это тоже

прозвучало потом на том позорище, которое называли судом. «Придется поучить». Убивать его они, наверное, и в самом деле не хотели, зачем? «Просто поучить. Он сам виноват».

В какой-то мере, даже если учитывать по совокупности все, произошедшее после, Юре все равно повезло. Трое с ножами на одного безоружного — это почти всегда заканчивается одинаково. Николай прекрасно знал, что сам он в такой ситуации скорее всего был бы изрезан в лоскуты через минуту, как и любой другой. Первый разряд не играет против трех ножей, если их держат люди, имеющие хотя бы малый опыт практической уличной

драки и настоящего ножевого боя. Но Юре повезло — ему выпал какой-то долго ожидающийся его шанс, и он отбилсЯ. Когда через несколько минут от «Дыбенко» на хоровой с переливами вой и визг обеих его несущихся туда на всех парах девиц примчался дежурный милиционер, — на утоптанном в зеркало снежно-ледяном пяточке все уже закончилось. Два мертвых тела лежали прямо посередине тротуара, крест-накрест один на другом, — а из двоих вцепившихся один в другого раненых сидящим сверху был Юра.

Самой большой ошибкой Юры стало то, что он не добил раненого, когда имел для этого возможность.

Свидетелей не было, как не было их в течение всего боя. А значит, у него имелось время, — до момента, пока не появился размахивающий для баланса автоматом милиционер из метро. Но делать этого он не стал, и два трупа с одним официально задержанным им и «сданным родным органам» раненым нападавшим обошлись Юре гораздо тяжелее, чем три. Будь убитых трое, и слитный хор обеих девиц, полностью согласующийся с его собственным рассказом, дал бы суду возможность «учесть обстоятельства», кинув ему сколько-то там лет условно. Но одетый в хороший костюм, даже 4 месяца спустя демонстративно

державший обе руки на марлевых перевязях двадцатилетний «пострадавший» утопил на суде и Юру, и его девушек, как Герасим обклеенную лейкопластырем в три слоя Му-Му. Будь нападавшие русскими или какими-нибудь белорусами, все могло бы еще обойтись не так плохо, но они были кавказцами — и это оказалось решающим. Страна изо всех сил боролась с проявлениями «русского фашизма», и рассказ бедного парня о том, как русский здоровяк, столкнувшись с его другом плечами на скользкой тропинке, начал хамить, обозвав того «вонючей чуркой», был встречен с полным пониманием и

сочувствием. «Мы ему говорим: „Ты чего хамишь?“, — а он на нас матом! Нас трое было, мы его отучить ругаться захотели — а он ножом...»

Попытки Юркиных сестры и девчонки буквально кричать о том, что все было не так, что Юра сумел выбить нож у первого из нападавших, поймав того на самбистский прием, что крики «Мы сейчас тебя прирежем, русский ублюдок, а потом твоих блядей выпотрошим!» звучали громче, чем отчаянный мат, которым «обвиняемый Медведев» пытался отвлечь внимание обрадовавшейся развлечению тройки от них, убегающих, — все эти слова не значили ничего. Программа по

борьбе с проявлениями расизма, нетерпимыми в такой многонациональной стране, как Россия, проводилась правительством твердо и однонаправлены. «Ну он же иначе рассказывает! — с жалостью сказала судья, указывая черным от заново переживаемого ужаса девушкам на до сих пор бледного азербайджанца. — И хочу напомнить, что вы обе предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний...»

Все же, учитывая всякие смягчающие факторы, она отнеслась к вынесению решения чуть мягче, чем, наверное, могла бы. За совершенное «на почве расовой

неприязни» убийство двух человек (включая несовершеннолетнего) и нанесение тяжких телесных повреждений еще одному Юра получил не 15 лет, а всего 9, с отбыванием наказания в исправительной колонии усиленного режима. К сожалению, эта разница не сыграла уже никакой роли, как и немедленно поданная апелляция, шансы на успех которой все-таки имелись. Через два дня после того, как Юру довели до места отбытия наказания, его убили, о чем семья заключенного Медведева была уведомлена в установленном законом порядке. Вернувшийся через год и разыскавший в Петербурге его мать

татуированный парень с волчьими глазами рассказал, что Юре пробили заточкой легкое, и он умирал еще около двух суток. Уголовное дело в отношении «нанесения... повлекшего смерть» было заведено, но особого расследования не проводилось: у администрации колонии было достаточно прочих забот. Других подробностей бывший заключенный не знал, а общение с воющей старухой его явно тяготило, — не отвечая ни на какие другие вопросы, он просто махнул рукой и ушел...

«Комсомольская правда», едва ли не единственная массовая газета в стране, смеющаяся изредка

публиковать что-то о действительном положении вещей касательно «борьбы с проявлениями», выдала после смерти Юры заметку на 30 строк. Эта история все же получила какую-то известность: не только из-за своей полной дикости, а и благодаря общим усилиям ребят. Именно это, в итоге, и сплотило их в костяк того, что потом в среде хартбольщиков начали называть «группой „Юрк“». Почему-то Юру у них называли именно не Юрой или Юркой, а просто «Юрк». Вероятно, чтобы было короче... Они подняли всех — по одному-два по-настоящему полезных знакомства или родства было почти у каждого,

не исключая и совершенно сопливую тогда Машу.

В обсуждении посвященной смерти Медведева микрозаметки, автоматом прилагаемом к онлайн-версии «Комсомолки», около 30 человек высказалось в стиле «Мочить всех черных! Да сколько же можно?», еще около десятка в разных вариантах повторили классическое «Скоро всех вас перережем, русские скоты!», а остальные — такое же классическое «Из этой страны нужно валить. Надежды у нее нет...» После этого заметку убрали даже из архива. Все это не имело никакого значения, как и то, что они, его семья и друзья, пытались сделать до и во время суда:

Юра уже лежал где-то в вечной мерзлоте. Но все же именно после этого осунувшиеся, потрясенные, тогда только вчетвером с Машей, Лешкой и еще одним уехавшим через год в Норвегию парнем они пришли домой к Вите и, смахнув с его заваленного окурками стола полупустую бутылку, сказали «Давай...»

— Коль, ты чего?

Николай поднял голову. Лена смотрела на него через стол, спокойная и доброжелательная, уверенная в себе самой, в своей семье и в тех друзьях, которые разделяли ее убеждения, странные для 35-летней блондинки. Она

наверняка понимала гораздо больше, чем говорила вслух.

— Ничего. Юрку вспомнил...

Лена кивнула. Почти одновременно кивнул и Леша, сидящий рядом с ней и с тоской глядящий в пустую пластиковую кружку. Два проваленных задания — это, наверное, они навевали настроение, которое только с очень большим оптимизмом можно было назвать философским. Ну, бывает и такое, чего уж там... Смешанный «разбор полетов» обеих групп — и выигравшей, и проигравшей, показал, что они действительно лажанулись.

«Великий Мумрик»,
представляющий собой

выкрашенную в серебряный цвет пятилитровую канистру, был в первом задании статусной целью атаки здания. Но окупившиеся бы успехом потери, понесенные при его поиске, оказались бесполезными, — «Мумрик» обнаружить не удалось. Астрид Линдгрен была бы довольна — предложенная ей полвека назад концепция «практически бесполезной, но при этом императивной цели» оказалась живучей. В ушедшей с пионерской организацией «Зарнице» эту цель называли «флагом», — к началу XXI века в среде любителей имитационных военно-тактических игр термин снова вернулся к

«Великому Мумрику».

Во втором задании все было еще хуже: «нарвцы» использовали снайпера с единственным в их группе «Кроссманом-1077» как приманку. Показывая его издалека, они слаженными действиями выбили половину противостоящей группы за считанные десятки минут. Тогда Николай и отбился от других своих — и он был такой не один. Произошедшее паршиво характеризовало не только тактическую подготовку, но и просто сплоченность группы, и «нарвцы» прошли по этому без снисхождения.

— Хороший день! — заявила

Маша, когда все вышли на улицу, морщась от резко ударившего по лицам холода и снова вспыхнувших от движений болячек по всему телу.

— Отвратительный, — не согласился Винни. — Два раза по шесть трупов — в обмен на два плюс один. Последний раз — это вообще позорище. Док, тебе понравилось, как тебя сняли?

Николай кивнул: рассуждая отвлеченно, это было сделано действительно красиво. Забор был непреодолим как для отдельного человека без соответствующего снаряжения, так и для живой пирамиды, вскарабкавшейся на самый высокий сугроб. Но «нарвцы»

отыскивали валяющуюся метров за сто от него двухметровую стремянку и потратили десять драгоценных минут для того, чтобы подтащить ее в нужное место. Остальное было делом техники: посаженный на забор стрелок оказывался в состоянии в одиночку контролировать весь левый «сквозной» фланг игровой базы, отстреливая слишком смелых без большого риска для себя...

— Ну что, тянем?

Леша сунул в их кружок кулак с торчащими из него спичками, но Николай покачал головой, и весь выбор ограничился вытягиванием одной короткой спички первым же

человеком, протянувшим руку вперед. Три свободных места в нагруженной сумками машине Вити почти каждый раз распределялись именно таким образом. Девочки всегда ехали с ним, а пара человек с лишним часом времени всегда возвращалась в город своим ходом.

— Ладно, тогда все на сегодня. Не переживайте слишком, мы им в следующий раз хвост надерем. Что у нас в выходные?

Витя достал из внутреннего кармана уже заменившего поношенную «Горку» пуховика мятый картонный еженедельник и раскрыл его на отмеченной шнурком-закладкой странице.

— Мне сейчас тот парень сказал, что 2-я Сестрорецкая база «Барса» свободна на утро в воскресенье. Но по сдвинутому расписанию: в 9 ровно надо начинать, к 11.30 закончить.

— Кто враг?

— Я не спросил. Так интереснее.

— Задание?

— Первое — «Захват укрепрайона», второе «черное». Оружие и экипировка — снова хардбол. Берем?

Все переглянулись и пожали плечами. Поступив аналогично, Николай, задрав голову и выглядывая что-то в стилом сером небе, с

неудовольствием подумал о том, что с пятницы на субботу у него ночное дежурство, а «начало в 9 ровно» подразумевает то, что и в воскресенье выспаться не удастся тоже. Значит, придется спать в субботу днем — а это потерянный день.

— Ладно, тогда договорились. Я им отзваниваюсь завтра до полудня и подтверждаю резервирование. Деньги — как обычно. Все?

Все снова покивали, и группа распрощалась, обменявшись рукопожатиями и хлопками по плечам. По вторникам и четвергам они встречались в клубе СКА на самбо, а отдельные наиболее

сошедшиеся по характерам пары ходили еще и на что-то свое: от бальных танцев до катков. Хотя последнее уже ненадолго. Сезон катания в Питере доживал, вероятно, свой последний месяц — за эту неделю здорово потеплело, и до настоящей весны, в общем, оставалось уже недалеко.

— Автобус, электричка? — предложил Сергей, когда Витька с ребятами укатил, задорно бибикнув напоследок. — Или маршрутка?

— Автобус дешевле.

Парень согласно качнул головой, и они пошли к выходу с базы, взвалив на плечи сумки с промокшей от пота и инея одеждой. Мимо прокатали

сразу две машины, в которых сидели «нарвцы». Мест у них хватало, но предложить подвезти бывших соперников хотя бы до остановки им в голову не пришло. Впрочем, они могли ехать куда-то по своим делам, — у крепко сбитой команды, сплошь состоящей из молодых мужиков, такие наверняка могли найтись. Вообще они были даже чем-то похожи друг на друга, и иногда Николай вполне серьезно думал, что это не просто так. Даже хардбол, удешевленная альтернатива страйкбола, все равно стоил дорого, а у этих ребят была явно хорошая тренировка, позволяющая им успешно действовать не только в

стандартных задачах, но и в «черных», с целями, остающимися неизвестными до последней минуты перед выходом на площадку. Значит — тренируются они много и в одном и том же составе. Кто-то подкармливает? Может, конечно, быть и такое — и иногда, говорят, бывает. Но спрашивать глупо — если «нарвцев» натаскивают с какой-то реальной целью, то им и в голову не придет отвечать. А если нет и они просто богатые «менеджеры среднего звена», предпочитающие пейнтбол и его вариации водке и девкам, — то тем более. Впрочем, одно другому не мешает совершенно.

Они шли по утоптанной, хотя и

неширокой дороге, ведущей к шоссе. Скатанный в желтую мягкую пасту снег под ногами не хрустел, а чавкал, хотя мокрым не был. Сергей что-то непрерывно рассказывал, но Николай особо не прислушивался, хотя старался улыбаться в подходящих местах. Сергей был, на его вкус, немножко слишком говорлив. Но парень он был нормальный, и обижать такого, по большому счету, было нехорошо. Будь чуть поменьше усталости в костях, и он бы вел себя менее по-свински, но так Николай даже не хотел бороться с собой: настроение этому не способствовало.

На остановке, к которой они подошли после чуть взбодрившего

даже его самого двухкилометрового марша, стояло четверо. Высокая деваха с выщипанными «в нитку» бровями, как носили в конце 80-х, крепкий молодой парень равного ей роста и стандартная пригородная пара — немолодая тетка с девочкой лет десяти. «Остановка» — это была асфальтовая площадка, вросшая в навалившийся на нее с одной стороны сугроб с торчащим из самой его середины столбом. Желтый фанерный лист сообщал всем присутствующим, что автобус будет минут через 15, но ждать его пришлось заметно дольше, еще примерно на столько же. Николай решил уже, что он или прошел

сильно раньше, или не придет совсем, заставив их ждать следующего либо потрошить бумажники, ловя попутки. Либо топать уже на электричку, способную довезти его до «Ланской». В результате автобус все-таки появился, так что мучиться выбором не пришлось. Но что ему не понравилось — так это поведение молодой пары в последний десяток минут перед приходом опоздавшего рейсового «Икаруса». Опаздывают на встречу или какое-нибудь запланированное развлечение? Наверняка да, и это вполне объясняло то, как сильно они нервничают из-за такой ерунды, но

не объясняло то, что нервничают они по отдельности. Парень и деваха явно были вместе, хотя первый был заметно моложе: года на три минимум. Тоже дело житейское, разумеется: у самого Николая также был период в жизни, когда его бросало от 27-летней к 18-летней, — при том, что самому ему было тогда 22–23. Но эти двое, при том, что были парой, демонстративно не общались друг с другом. В ссоре? Да, скорее всего...

Свободных мест в автобусе не было, хотя «часом пик» время назвать было сложно: те, кто хотел уехать в город, уехали в него утром, а до обратной волны было еще

порядочно: на часах не было и двух. По какой-то причине они все поместились рядом: ближе к передней двери парень, в метре от него сам Николай с товарищем, а почти вплотную рядом с ними — деваха с выщипанными бровями. Ехали все молча, смолк даже Сергей, начавший было выкладывать свое собственное мнение о везучих «нарвцах». Автобус рычал и надрывался: лет ему, судя по всему, было немало — такие автобусы ходили по городу еще в те времена, когда школьники средних классов каждый день перед походом в школу гладили на табуретках красные галстуки.

— Эй, сколько там времени сейчас?

— Два пятьдесят.

— Угу. А не в курсе, чего он опоздал так?

— Нет, не в курсе...

— А что так грубо?

Николай старался не прислушиваться к неожиданно возникшей в нескольких метрах от него перепалке на пустом месте, хотя Сергей вполне заметно крутнувшей, на всякий случай готовясь двигаться. Но зачем-то начавший прикапываться к соседу молодой мужик с рассеченной надвое правой бровью затих так же резко, как задал свой первый вопрос. На этом ссора

закончилась, и следующие несколько минут были совершенно спокойными. Автобус останавливался едва ли не у каждого третьего столба, и иногда водителю приходилось достаточно долго ждать, чтобы суметь вновь вклиниться в продолжающийся становиться все более плотным поток машин, идущих к городу. На одной из остановок на полпути к Питеру вышло сразу человека четыре, включая одну из сидящих бабок, и на освободившееся место, недолго думая, сел тот парень с остановки, на которого Николай так и не переставал тихонько поглядывать. Это тоже было странным: даже находясь в какой

угодно ссоре, любой нормальный парень сначала все равно предложит сесть бывшей (или переходящей в состояние бывшей) подруге, и только когда она презрительно откажется — сядет сам. Но хотя пуповина чего-то связывающего этих двоих тянулась через весь дрожащий салон «Икаруса», как басовая струна, они даже не перемигнулись. «Паранойя, как обычно», — сказал доктор Ляхин сам себе, с неудовольствием посмотрев на отражение собственного вытянутого лица в зяннутом коркой инея оконном стекле. Мимо тянулись последние перед городом хвойные леса, и черный фон превращал

исцарапанную ногтями тонкую
изморозь почти в зеркало.

Лицо вытянутое, простая
вязаная шапка такого оттенка темно-
синего цвета, что она казалась
черной. На плечах — сильно
поношенная куртка, причем не
кожаная, а тканевая, с дюжиной
«зацепок» там и сям. Усы,
отпущенные в последние пару
месяцев — больше из интереса, чем
из экономии времени на бритье.
Печать усталости, причем не
физической, какой бы значимой она
действительно ни была, а застарелой,
глубоко въевшейся в кожу. Возраст,
черт бы его побрал: когда тебе
переваливает за тридцать с мелочью,

лета начинаешь ждать уже где-то с октября. Хотя толку-то, что через какие-то месяцы снова лето: денег все равно нет. Здорово, правда? Врач с категорией, а нет даже своей машины, не говоря уже о квартире. Нет постоянной подруги — не говоря о невесте или жене. Не осталось почти никого из друзей, кроме этих, с которыми действительно хорошо. Зато есть паранойя, все более и более напрягающая его отношения с родителями и коллегами. Если бы не это последнее, он был бы наверняка похожим на тысячи людей своего возраста, — и возрастов, близких к последнему в обеих направлениях. Типаж, во всяком случае, был похож.

А так...

Николай снова перевел внимательный взгляд с равнодушно раскачивающегося с рукой на поручне Сергея на щипаную девицу. Что неловко — плевать. Едущий из области в город молодой и хреново одетый мужик сроду не постеснялся бы раздеть случайную попутчицу глазами — а то и сказать что-нибудь. Да и вообще, стесняться кого-либо он перестал уже давно, даже себя. Жизнь научила.

Девица наконец-то фыркнула и отвернулась, и парень на «одиночном» сиденье в паре метров справа повел плечами, показывая, что он все видит. Или не показывая, а

просто замерзнув — если не двигаться, то в такой куртке должно было быть здорово холодно. Бедным парень не выглядел, больно у него было холеное лицо. Но напряжение под четко зафиксированной маской уверенности читалось на нем сравнительно неплохо. Забавно...

Николай вздохнул и начал вновь смотреть в окно, стараясь отвлечься. В то, что в четырехмиллионном городе неофит вроде него способен вычислить шпиона, он не верил. В шпионов верил, а вот в их поимку бдительными гражданами — не слишком. Почти наверняка у парочки есть тысяча и одно объяснение для поведения, которое кажется

странным ему. У нее ПМС, она обозвала своего парня козлом и прогнала на ночь на коврик в прихожей, и теперь вроде бы хочет извиниться, но не знает как... Они оба поспорили «на Ганди», то есть на сутки молчания, и стараются держаться подальше друг от друга, чтобы не подавиться и так-то едва сдерживаемым смехом. Они наркоманы, сейчас у них начинается абстиненция, и они едва контролируют себя, в ожидании возможности встретить у «Черной Речки» дежурного пушера... Ну, последнее совсем уж глупость, конечно, — на наркоманов эти ребята похожи были мало: в слишком

уж они хорошей физической форме. Причем оба: в отношении парня можно было не сомневаться, что он рукопашник, девчонка же была слишком суховата в движениях для любого из видов спорта, в которых основное значение придается пластике. Значит, что-то на выносливость и терпение: лыжные полумарафоны, скажем. Или просто легкая атлетика на хорошем уровне.

Упражнение помогло: теперь вместо самоедства Николай начал посмеиваться. С полгода назад он пытался сдать в милицию человека, обозвавшего по-хамски ведущего себя билетера в идущем по проспекту Культуры трамвае достаточно редким

в Петербурге словосочетанием «жорья-баба»^[3]. Тогда Николаю показалось, что провода, едва ли не гроздьями висящие вдоль распахнутой молнии легкой осенней куртки, надетой на крепком и чисто выбритом брюнете лет сорока, не оставляют ему времени на лишние размышления. Подав команду «ложись!», он с места прыгнул на южанина, сшибив его с ног и уже в падении заламывая ему обе руки выше лопаток. Кто-то из догадливых пассажиров помоложе сел орущему и вырывающемуся мужику на ноги, и вдвоем они держали его в скрученном состоянии до того момента, когда ворвавшийся в

полностью очищенный салон
трамвая наряд не зафиксировал его
уже наручниками. Повезло, что
помогший ему парень был не из
«Юрков», а совершенно для Николая
незнакомым — в противном случае
можно было здорово вляпаться в
успешное раскрытие очередного
«нападения группы националистов...
на почве расовой неприязни».
Повезло, что мужик оказался в
достаточной степени реалистом и не
предъявил никаких претензий. Да, он
был чеченец по национальности, да,
на поясе у него помимо выведенного
на гарнитуру сотового телефона
висел еще и MP3-плеер, — его он
слушал, проводя по полтора часа в

день в общественном транспорте. Да, он действительно обозвал хамящую всем подряд мымру и сделал это на родном языке, чтобы не дать ей повода поднять скандал на следующую ступень. Но при всем при этом он был не террористом, а кандидатом медицинских наук, последние 10 лет работающим в областной больнице в Озерках, что было подтверждено как документами, так и необходимыми звонками. В итоге, кавказец даже сумел усмехнуться, когда Николай (уже успевший написать объяснительную в отношении того, что именно ему не понравилось и откуда он знает отдельные чеченские

слова) деревянным голосом извинился. Стыдно «Доку» Ляхину не было, максимум — это неловко. Можно было догадаться, насколько был обижен на него доктор, получивший, условно говоря, по морде по пути домой с работы — и все это в городе, в котором он жил и честно трудился уже столько лет. И какими именно словами поносили его люди в вытянувшейся на сотню метров цепочке вставших трамваев. Пускай. Один из немногих реальных советов по специальности, которые Николаю оставил дед по матери, бывший сапер, было никогда не трогать подозрительно выглядящие клубки проводов и железа самому.

В милиции к Николаю больших претензий не было, но ему все же посоветовали реагировать в следующий раз чуточку поспокойнее. В средства массовой информации его фамилия не попала, к не виноватому ни в чем чеченцу — тоже, и он в итоге решил, что отделался легко. Что ж, такие или почти такие случаи происходили в городе, наверное, чаще, чем пару раз в месяц, а вспоминать окончившуюся «пшиком» историю сейчас иногда было уже почти весело. Что же касается «быть спокойнее», этот совет Николай воспринял с достаточной серьезностью. Тем более что его уже несколько раз при

разных обстоятельствах давали ему безоговорочно уважаемые им люди: от родителей до Железного Винни. Тем не менее, к уколам ощущения опасности или вычленения из окружающего части происходящих событий как «чего-то странного» он старался относиться серьезно. Иногда ему казалось, что это помогает в работе: во всяком случае, в больнице его ценили именно как везучего диагноста. Иногда — что мешает. Классические болезни внутренних органов все равно попадались ему на пару порядков чаще, чем экзотика вроде генетической патологии, — ну так на то он и был не педиатр-неонатолог, а

терапевт...

Наконец они добрались до «Черной речки». Резко дернувшись, автобус встал и зашипел, раскрывая все свои двери, — и тут же все начали выходить. Выйдя вместе с остальными, Николай на пару секунд задержался, стоя с рассеянным видом у заляпанного замерзшими брызгами грязно-желтого металлического бока заслуженного ветерана общественного транспорта.

— *Nickboo!*^[4] — резко произнес он в черную спину, когда парень вышел через ту же дверь, что и он. Тот дернулся в сторону, разворачиваясь с отработанным автоматизмом бойца, — и столкнулся

с Николаем взглядом. Нервозность прыгала в черных зрачках незнакомца, как попугай в клетке, а обе кисти он выставил перед собой в машинальной позе готовности к бою в «верхнем ярусе».

— *Semper fi?* [\[5\]](#)

— Что?

Девушка в десятке метров впереди остановилась, развернувшись поперек потока спешащих к метро людей. Во-во, это и имелось в виду...

— Тебе надо чего-то?

Николай только пожал плечами. Было уже ясно, что из его интуиции в очередной раз ничего не вышло, — голос у парня был нормальным. Хотя

лицо — все равно странным.

— Тогда свободен.

Чужак повернулся и пошел своей дорогой — слишком неторопливо, как Николаю показалось. Интересно, что где-то за мгновение до того, как он начал этот разворот, отвернулась и девушка тоже. Задержавшись на шаг или два, она позволила парню догнать себя, и дальше они пошли вместе. Что она произнесла какое-то слово — это он скорее почувствовал, чем услышал, — и все равно не разобрал, какое именно. Хотя по интонации — вроде бы русское. Ладно, хрен с ними...

Николай повернулся и

обнаружил, что Сергей улыбается, как Чубайс при виде электролампочки.

— Опять?

Он только кивнул, все-таки чуточку пристыженный. Забавно, что Сергей все-таки сначала прикрыл его, встав именно так, как это требовалось по ситуации. И только после ее благополучного разрешения позволил себе поскалиться... Все же они сработались. Хорошо было и то, что он сначала действовал «в соответствии с обстановкой» и только потом начинал высказывать претензии или комментировать. Сам Николай давно научился поступать так же, и были люди, которые это

ценили.

— Я их тоже заметил, но мне показалось, что они просто провинциалы. Знаешь, если в Питер приехать из какого-нибудь совсем далекого Большого Мухосранска-на-Каме, то лица будут именно такие. Я видел.

— Может, ты и прав, — кивнул Николай, которому предположение показалось достаточно реалистичным, но Сергей все-таки не выдержал и добавил:

— Вы, питерские, все такие. Сейчас даже в Москве меньше снобов стало, чем здесь. Подумай об этом и не злись ни на себя, ни на них. Они наверняка вообще не

поняли, о чем ты спрашивал. Приняли за уколотого? — ага? Ну и расслабься!

Они остановились на развилке замешенных на замерзшей грязи дорожек.

— Ты пешком? Проветри голову, это бывает полезно. Да и выходной завтра, тоже отдохнешь.

— Как ты думаешь, сколько нам всем осталось? — спросил Николай вслух, вместо того чтобы оправдываться дальше или рассказывать про ожидающий его «выходной». Это все равно не помогло бы: только что произошедшее в любом случае охарактеризовало его перед парнем

как полного идиота.

— Года полтора-два
минимум, — твердо, не задумавшись
ни на секунду, отозвался Сергей. —
А то и больше: все три, при хорошем
раскладе. Мобильные «Тополя»
окончательно выводят к 2015-му: к
этому году и нужно рис в погреб
закладывать. Так что не перегори к
этому времени. Пока, в общем. До
вторника...

Они стукнули друг друга по
рукам и разошлись: один в метро,
другой в сторону
Каменноостровского. Николай шел,
глубоко задумавшись, даже не
столько над последними словами
товарища, сколько над их тоном.

Тема готовящегося вторжения была в их разговорах далеко не новой, но все равно интересно, как четко парень поймал смысл его вопроса. Хотя если жить достаточно долго, то увидишь и не такое. В одном из стройотрядов Николаю пришлось нарваться на случай, который убил его наповал в отношении существования возможности считывания информации с окружающего как чего-то большего, чем просто теоретическая концепция. Они играли в «Зулуса» — классическую игру студентов всех специальностей и научных работников в отпуске: загадываешь про себя слово, сообщаем, имеется в

виду нечто собственное или нарицательное, и выдаешь первую букву. После этого тебе начинают наперебой задавать вопросы, подпадающие под схему «это то-то?». Если ты не способен ответить, то называешь вторую букву, и так до тех пор, пока слово не будет угадано. Выигравший становится тем, кто загадывает следующее. Хорошая игра, ее многие любят. И вот в тот раз, когда очередь дошла до него, Николай загадал давно задуманное «собственное на букву „К“». Он ожидал, что уж полчаса-то отгадывание экзотического имени займет точно. «Барон Пьер де Кубертен?» — небрежно спросил

один из товарищей, навсегда убедив его в том, что к «проколам сути» нужно все-таки относиться с хотя бы минимальным уважением. Ни разу до этого странного эпизода ушедший позже куда-то в МАПО доктор таких способностей не проявлял. А что с ним стало дальше и не видит ли он людей насквозь, как, говорят, делал доктор Боткин, — об этом Николай уже не имел никакого представления. Их дороги разошлись настолько радикально, что, окончив институт с разницей в три года, они могли никогда и не встретиться. Отсюда оставалось мучиться сомнениями.

До дома Николай дошел в таком же, в общем-то, задумчивом настроении, в каком расстался с Сергеем. Именно эта самая задумчивость и сохранялась на его лице все то время, пока он с шумом раздевался в заставленной сохнувшими сапогами прихожей. Родители тоже только-только откуда-то вернулись и теперь с явным неодобрением его разглядывали.

— Живой сегодня? — с непонятной интонацией в голосе спросила мама, когда он разогнулся и снял со стула сумку — тащить в ванную.

— В средней степени, — вынужден был признаться Николай,

потому что то, как он морщился и нежно трогал себя за ногу, мама уже наверняка срисовала.

— И куда на этот раз?

— Первый раз в плечо со спины.

Но издалека, нестрашно. И потом, в самом конце — в грудь и в ногу. Это уже лишнее было, конечно.

— А успехи?

— Да особо никаких, — был вынужден признаться он, с некоторым уже напряжением пытаюсь понять, что родители собираются делать, начиная в очередной раз этот разговор. — Так, боевое сколачивание. С переменным, мягко говоря, успехом, — но полтора общих часа в активе, это всегда

полезно...

— Для чего полезно?

— Да для спорта, для чего же еще.

Ответ был самую малость грубоват, — тем более, что ничего такого родители пока не спросили. Хотя явно и собирались. Николай попытался пройти в коридор со своей раскачивающейся на ремне сумкой, но это не сработало: отец небрежно остановил его жестом руки и спросил, как продвигается оформление соответствующих бумаг в отделении. Его можно было, конечно, понять. Начавший «поступать в аспирантуру» уже с полгода назад и полагаемый им явно

неглупым сынуля не сделал пока ничего, выраженного в официальных документах. Ссылки на бюрократию, воспринимаемые сначала с полным сочувствием, действовать на отца переставали. Судя по всему, он уже понял, что должность больничного ординатора терапии в Покровской, бывшей имени Ленина клинике в Гавани есть то, на чем его сын застрял окончательно. То, какие резоны у того могут иметься для такого выбора, отец искренне не понимал — и не понял бы, даже ответь ему сын честно. На самом же деле Николай просто не верил, что проживет ближайшие четыре года.

— И что?

— В смысле, «что»?

В этот раз прямого ответа, способного развить скандал, не последовало, и таким случаем грех было не воспользоваться. Несмотря на разрекламированный дезодорант, от Николая несло потом, и душ был весьма кстати: уж против этого родители не возразили. Кроме того, 10 минут шумящей воды и оптимистичного марсианского уханья из ванной давали им некоторый шанс успокоиться. То, что это все-таки не сработало и что настроены они были серьезнее, чем он надеялся, Николай понял позже нужного, и вот это было худо. Спокойно прошел даже обед. Слава

богу, сама терапевт, мама всегда положительно расценивала возможность дать сыну поесть без излишнего давления на нервы. А вот потом, вместо того, чтобы найти себе повод куда-нибудь уйти по неотложным делам, он зачем-то зашел к ним в комнату. Больно уж там было тихо.

— Спасибо, что заглянул.

Что ж, теперь оттенок в голосе отца определялся без труда. Сарказм. И еще неодобрение. Тоже не новость, конечно, но все равно паршиво для начала. Несколько вводных вопросов, — так, для разогрева. А потом настоящий:

— Ну скажи мне, Коль, — ну

когда ты прекратишь вести себя, как... Как заклиненный на всем этом. Ну скажи нам, как ты представляешь себе свое будущее?

Николай вздохнул. Свое будущее он представлял вполне четко: как стоп-кадр из кинофильма. Но если бы он описал родителям то, что стояло перед его глазами, то специализированную по соответствующему профилю бригаду «скорой» они вызвали бы, наверное, сразу. Поэтому он предпочел соврать — и сделал это даже без большой борьбы с собой. Хоть какое-то, пусть и выстроенное на иллюзиях спокойствие родителей было ему важнее. Да и все равно, поверь они

ему вдруг на все сто, оно будет относительным. А возможно — и недолгим.

— Работать буду, — произнес Николай вслух. — Работать, работать и работать. И учить языки, по мере сил. И автомат Калашникова, как положено делать реалисту. Извините уж меня за это.

— Колюня, ну ты же не то говоришь!

Мама прижала руки к груди, — лицо у нее было такое, что Николаю захотелось залезть куда-нибудь под темное одеяло и поплакать.

— Да знаю я, мама, что не то... — на этот раз уже совершенно честно сказал он. — Но что уж тут

поделаешь. Работа — дело святое.

— Ты не понял?

— Да все я понял! Это вы не понимаете, потому как не хотите! И таких людей вокруг — девяносто девять процентов, вот что самое хреновое-то.

Он перевел дух, потому что звенящая в душе все последние месяцы струна натянулась до такой степени, что было ясно: держится она уже на самых последних волокнах. Порвется — конец.

— Знаете, как я чувствую себя? Как тот человек, который нахамил джинну, или молния в него попала, или что-то другое в этом роде, и его вышвырнуло в прошлое на 65, на 70

лет! Он на коленях стоит, умоляет окружающих: «Ну послушайте меня! Ну неужели вы не понимаете? Не видите очевидного?» Он кричит, да так, что у самого перепонки чуть не лопаются от боли. «В воскресенье! 22 июня! В 3.15 утра! Месяцы остались, недели, дни! Ну почему вы не слушаете?!» А люди пожимают плечами и проходят мимо по своим делам. Кто-то посмотрит как на сумасшедшего и уши заткнет, чтобы не так шумно было. А кто-то и сразу пинка отвешивает в костлявый зад, чтобы не кричал тут, не мешал наслаждаться летом и теплом. Вот это вы понимаете?

— Коленька...

Он все-таки не закричал сам, а проговорил все это более-менее ровным голосом и даже с каким-то минимальным оттенком чувства юмора. И вовремя остановился — вот что было удачным. Мнение родителей о том, что Россия может быть исключительно обузой для любого захватчика, а следовательно, армию можно сократить за ненадобностью... это мнение разделяло подавляющее большинство ее населения. Включая генералитет. Флот и ВВС, всего 20 лет назад бывшие в числе сильнейших в мире, уже практически прекратили свое существование в качестве реальной силы. Да, последние ракетноносные

субмарины в «Беломорском Бастионе» и последние «Белые Лебеди» под Энгельсом еще могли запустить во врага некоторое количество апокалиптических по последствиям их применения дур. Но у Николая и тех немногих людей, кто разделял большую часть его опасений, имелись серьезные сомнения в том, что они будут запущены, если возникнет такая необходимость. В политическую волю правительства, высшего генералитета и даже самого гаранта Конституции он верил с трудом. Кошунство, правда? А что поделаешь...

— Мы вчера смотрели новости

вместе вроде бы. Никаких вражеских полчищ у наших границ не демонстрировалось.

Шутка была вымученная, но хорошо, что отец сумел выговорить хотя бы это. Это было хорошим показателем в отношении того, что с Николаем еще видят смысл разговаривать. Впрочем, на родителей в этом можно было, наверное, положиться всегда.

— И минут десять показывали этого зануду Сердюкова в обнимку с очередной бутылкой шампанского. Корвет, как там его... Это не аргумент?

— Пап, — позвал Николай. — Ну ты представь себе, как на

подступах к Смоленску или нашей Гатчине министр Сердюков, бывший завсекцией «Мебель» магазина Ленторга «Мебель-Паркет», ведет в бой танковые армии или дивизии народного ополчения? Да он их поведет, размахивая таким огромным белым флагом, что за ним не будет видно пыли клубами! «К 2014 году спущенный на воду корвет будет введен в состав флота. А к 2016–2018 годам в России будет заложен новый авианосец!» Усратья можно от этого потрясающего факта, извините меня, пожалуйста! Ты можешь себе представить, что скажет уже давно ушедший заведовать Внешторгбанком или каким-нибудь

Мега-Лукойлом Сердюков или его предшественник Иванов, когда в 2018 году у них спросят: «А где тот авианосец, о котором вы с 2010 по 2013-й так часто говорили?» Да они на тебя посмотрят именно так, как ты, извини меня, пожалуйста, еще раз, на меня сейчас смотришь! И совершенно понятно почему — об этом еще Соловьев писал. И не который историк, а который знаток Средней Азии. «Или эмир за это время умрет, или ишак, или я». За столько лет, сколько осталось до 2016-го и особенно 2018-го, три четверти населения забудут, что они это говорили, потому что у них будет полно других проблем. А оставшейся

четверти они смогут ответить что-нибудь глубокомысленное про объективные причины. Что, не так, по-твоему?

И опять Николай мысленно поблагодарил себя за то, что сумел остановиться в последнюю секунду. Общаться на тему того, что Иванов — враг народа, а бывший торговец диванами и сервантами Сердюков — ходячий плевок в лицо армии, он мог долго, но это требовало именно общения. А родители «закрывались»: уж это-то он увидеть сумел. Жаль, конечно... Хотя и «жаль» — тоже неверное слово. Это было больно, как, наверное, было бы больно тому самому человеку, про которого он

рассказал в качестве примера. Понятно, в 41-м он орал бы недолго: отправили бы его куда положено и спросили, от кого это он такого наслушался и зачем провоцирует и так-то нервный народ. Потому что все понимали и сами. А сейчас, семь десятков лет спустя, не понимают. Или делают вид — причем так успешно, что обманывают всех окружающих и внутри страны, и за ее пределами.

Продолжая ту же вводную и доводя ее совсем уж до абсурда, можно было расписать красками дикую в своем сюрреализме картину того, как в 1941 году, пусть даже в самом его начале, какой-нибудь

нарком в отутюженном костюме гордо докладывает с трибуны о том, что «за последний год мы приняли на вооружение 30 единиц новой техники». И продолжает разглагольствовать перед в удивлении внимающими слушателями в том духе, что «среди них — один экземпляр новейшего, не имеющего аналогов высотного истребителя МиГ-3 и два революционных, несомненно лучших в мире танка Т-34. Кроме того, пять истребителей И-16 тип 18 прошли глубокую модернизацию, что позволило значительно повысить их боевые возможности. Обращая самое пристальное, серьезное внимание на

укрепление обороноспособности страны, в этом году мы выделили средства на достройку двух заложенных в 1932 году торпедных катеров типа Г-5, а к 1943 году в строй войдут сразу четыре таких катера, что позволит нам окончательно сформировать сбалансированный флот...» Тьфу, гадость! Что было бы с наркомом после такой речи? Угадайте с одного раза... А что происходит, когда это с высокой трибуны произносит министр обороны Российской Федерации? Все аплодируют...

Все это он продумал за секунду.

— Все так, — подтвердил отец, внимательно Николая разглядывая. У

того даже возникло ощущение, что, проговаривая все это про себя, он ответил на тот самый, последний вопрос, который не был задан вслух, но это была, конечно, иллюзия. — Только зачем, по-твоему, он нам нужен, этот авианосец? Даже просто как пример?

— Ну, один будет, конечно, практически бесполезен — тут ты полностью прав. А столько, сколько нужно, то есть по три на Северный и Тихоокеанский театры, — этого мы никогда уже не вытянем, пусть нефть хоть по 200 зеленых за бочку стоять начнет. Да только когда создаются условия, что цена за баррель нефти переваливает за сотню, а авианосцев

так и нет ни одного, — для такого уже свой собственный термин есть. Называется «предпосылки». Угадайте, к чему.

— Коля, ну ты опять за свое.

Отец хмыкнул и кивнул за окно.

— Ну какая оккупация? Какие захватчики? В Норильске в позатом году 62 ниже нуля было! В Москве — 52! В Питере — 42! Любые захватчики, кроме каких-нибудь эскимосов, вымерзнут еще на границе! Штабелями!

Посмеялись они все же все вместе, и это чуточку разрядило напряжение: Николай даже счел на секунду, что сегодняшнее обострение родительской любви и заботы еще

можно будет попытаться хоть в какой-то степени обратить в шутку. Если продолжать говорить меньше, чем думаешь. И не кричать.

— Ты же путешествовал: и не на так уж и много поменьше нас. И на Байкале был, и в Эвенкии, и в Оренбуржье. Ты видел, какие там просторы? По 100 километров от одного дома до другого бывает! Наполеон был полный кретин! А Гитлер — безумный идиот! Лезть в Россию, не имея людского ресурса, как у современных Китая, Индии и Нигерии с Эфиопией вместе взятых, просто бес-по-лез-но. Ну даже с чисто военной точки зрения, если уж тебе так хочется. Если оставлять

даже просто в каждом райцентре России по сколь угодно малому гарнизону, то... Да четверть населения страны живет в местах, где и паровоз-то не все видели! Кому нужно завоевывать их? Как?

— Сильный аргумент, пап. Хочешь антитезис? Чингисхан.

Ляхин-старший поперхнулся и несколько секунд молчал, переваривая информацию.

— Да, — нехотя признал он. — Чингисхан — это, конечно, да. Сейчас что-то больно модно стало рассказывать, что ига на самом деле не было. Но что Чингисхан тогдашнюю Русь на четвереньки поставил целиком и полностью без

мощных дорог и мототранспорта — этого пока никто не отрицал. Не нас одних, конечно.

— Конечно, — тут же согласился Николай, с удовлетворением поймав взгляд мамы. Мама понемногу успокаивалась: академический спор был настолько нормальным по атмосфере, что она наверняка уже чуть-чуть забыла, с чего он начался.

— И нас, и китайцев, и тех европейцев, до которых успели добраться Субудай с Батыем. А что касается ига — ну так через 850 лет после его окончания можно с совершенно чистым взором рассказывать школьникам, что

никакого ига не было, а на самом деле была сплошная демократизация и борьба за права человека.

— И за что это ты так демократию не любишь — вот этого я не могу понять.

Теперь мама вздохнула снова, и надежда на то, что отделаться удастся легко, тут же исчезла.

— Демократию я люблю. Теоретически. Жаль, что никогда ее не видел. А было бы здорово — ходишь такой загорелый, круглый год в белом хитоне, рядом Аристотель о чем-то философствует, Пифагор молодого Архимеда клепсидрой по голове стучит, чтобы лучше учился. А вокруг сплошняком спартанцы,

сувлаки, амфоры, оливки, гоплиты и крайне легко одетые гетеры. Красота!

— Ну почему ты такая язва? Ну ты же был в Америке? За что ты ее ненавидишь-то так?

— Да вы что? Слово-то какое... Неверное...

Николай пожевал губами, подбирая такое слово, которое подошло бы точнее.

— Не ненавижу, конечно, а... Ну, боюсь, наверное, что ли... Как раз потому, что видел. А от этого страха и все остальное. Что же касается демократии этой расчудесной — так ее нигде нет...

— Ну да как же это нет?

— Да так, — против своей воли

он все-таки пожал плечами. — Слово «демократия» в наши дни — это бренд. Трэйдмарк. Торговая марка. Существует сверхдержава, мощь которой позволяет ей эту торговую марку присваивать кому-то или, наоборот, отбирать. Если какая-то другая страна немедленно и абсолютно точно делает все, что ей приказывают правообладатели бренда — это страна демократическая. Если не хватает любого из этих двух параметров: то есть она все выполняет быстро, но неохотно, или наоборот — то это страна, в которой демократия находится под угрозой. А если она по каким-то причинам не хочет делать

того, чего требует от нее прогрессивное мировое сообщество в лице своих наиболее демократичных представителей, — так, значит, это кровавый тоталитарный режим, преступления которого против человечности скоро переполнят чашу терпения многострадальной оппозиции. Или сразу НАТО. Примеры нужны?

— Знаешь, на что это было похоже, когда ты говорил?

— Конечно, знаю.

Он кивнул, не сомневаясь, что угадал точно.

— На нашу собственную пропаганду тех времен, когда молоко стоило 30 копеек и 15 тебе отдавали,

когда возвращаешь бутылку. А на брандмауэре дома на углу от Сытного рынка висел здоровенный такой портрет Брежнева, к которому регулярно пририсовывали новую звездочку. Я помню, не беспокойтесь. Я это специально.

— Коля, — отец встал со своего места на диване и неподвижно застыл, то ли в нерешительности, то ли из последних сил сдерживаясь. — Ну ты же сам сказал, что помнишь. Ну что, тебе было бы легче, если бы все было, как тогда? Мама 110 рублей получала, я 125. Мы жили вчетвером в 12-метровой комнатухе в коммуналке, с окнами на помойку. Кухня в ней была покрашена синей

масляной краской, туалет — зеленой, а питались мы макаронами и картошкой с селедкой, ну? А когда я, уже кандидат технических наук, вернулся с особо удачной шабашки по казахским кошарам и мама повезла тебя со старшей в Венгрию по профсоюзной путевке, — ты не помнишь, может? Ее вызывали на заседание ЖЭКа, на котором старые пердуны требовали от нее знаний о том, как зовут председателя Венгерской Компартии, сколько Венгрия добывает в год железной руды и каков объем ее ежегодного товарообмена с Советским Союзом.

Не хмыкнуть снова в такой ситуации было просто невозможно,

поэтому Николай хмыкнул.

— Ну конечно же, нет, — сказал он. — Конечно, не хочется, все-таки я не идиот. Просто мне жалко того, что вместе со всем этим ушло. И даже не жалко, а...

Он вспомнил, что слово «страшно» уже говорил, но все равно не удержался и произнес его еще раз.

— Страшно мне. 20 лет назад у нас, может, колбасы не было и своей квартиры, но каждый нормальный чечен тогда тихонько пас баранов или добывал нефть, а грузин продавал мандарины или преподавал игру на фортепиано. И делали они это вместо того, чтобы или резать русских, или уговаривать заняться

этим побыстрее всех окружающих. Да мы бы и сейчас с этим делом справились, это тоже не вопрос, — но за них каждый раз вступаются такие большие дяди, что нам только плакать в подушку остается. А вот когда по океанам табунами паслись советские ракетноносцы — вот тогда никакой Польше, будь она хоть четыре раза независимой, не приходило в голову требовать от нас всенародного покаяния за то, что мы по дороге на Берлин их газоны потоптали своими вонючими кирзовыми сапогами. И всем остальным тоже чего-то: кому Курильских островов, кому пригородов Хабаровска. А знаете,

почему вдруг начали требовать? Потому что уже к 2004 году у нас на всех флотах вместе взятых осталось 4 «Тайфуна» и 14 или 15 «667-х», не помню точно. А к 2013 году — 1 «Тайфун» и 6 «667-х», — и это все! На дворе 2013-й, и это все, понимаете? Наши флоты вот так вот, одной левой, сейчас может раздавить Тайвань! Турция! А вы рассказываете мне про демократию и права человека! Права человека мы каждый день видим: идет себе такой человек по улице, никого не трогает, любуется видами Италии. Ему, фигак-с, — оранжевый мешок на голову. Очнулся — вокруг Гуанатамо Бэй, а в заднице фонарик.

— Коля...

Встретившись с отцом глазами, Николай совершенно четко осознал, что тот действительно едва сдерживается, чтобы не заорать. Нервы у отца были на зависть крепкие, но сейчас его зримо трясло, а это означало, что пора заканчивать. Ни в чем он их все равно не убедит, как не сумел сделать этого во все предшествующие разы. Которые были.

— «667-е», — это наши самые длинные демократизаторы после «Дмитрия Донского», — объяснил он тоном ниже. — Весьма неплохие, насколько я знаю, — но только больно уж их осталось мало... Вы

можете думать, что это неважно и даже хорошо: многие так и думают. А я вот очень боюсь, что когда они кончатся совсем, прогрессивное человечество явится к нашим воротам со своими собственными... демократизаторами. И потребует ответа за все те годы, когда вынуждено было с нами считаться.

— Коля, пообещай нам, что ты нас слушаешь... Мы же с мамой любим тебя, ты знаешь. Ты очень много работаешь и слишком много занимаешься спортом. Самбо, бег, стрельбы эти твои... Спорт — это замечательно, если это в меру, но нам кажется, что ты с ним чуточку перестарался. Может, тебе

отдохнуть? Или на какие-нибудь менее агрессивные, что ли, виды походить.

— Так я же лыжник, — удивился Николай. Точнее, сделал вид, что удивился.

— Я не о том.

— Да я понимаю... Хорошо. Наверное, вы правы в чем-то... Ничего я не решу, сколько бы я налогов ни платил, и все такое. На авианосец я все равно не накоплю... А со спортом... Ну, я подумаю. Обещаю.

Николай легко кивнул, пожал плечами и развернул кисти рук наружу. Можно было надеяться, что, комбинируя все те невербальные

сигналы, которые (если судить по соответствующим руководствам) демонстрировали собеседникам «принятие аргументов в ходе спора», он заставил родителей подсознательно поверить в его слова.

— Ну, договорились?

Ему показалось, что мама вот-вот заплачет, но обошлось. Он ответил на объятия родителей, прошелся по комнате, провожаемый взглядом так и стоящего в ее середине отца, и остановился у окна, глядя наружу. Там все было нормально, кроме того, что почти не было заметно движения. Едва ли не посередине тротуара на противоположной стороне улицы

запарковалась пара огромных внедорожников: один сияюще-серебряного цвета, другой — выкрашенный в «золотой металлик». Их хозяева разговаривали между собой, — судя по всему, спокойно, жестикуляция их была даже не скупой, а минимальной. Машины стояли бампер к бамперу, и идущие по своим делам пешеходы вынуждены были обходить их по проезжей части. Для этого людям требовалось пробраться через сформировавшиеся со времен последней вывозки снега сугробы, но большинство из всех сил делало вид, что им это не доставляет никаких неудобств. Грустно. Нет,

писатель Олег Дивов прав — без массовой выбраковки стране не выкарабкаться...

Теперь Николай усмехнулся и сам — не столько ситуации, конечно, сколько неожиданному каламбуру. Почувствовал взгляды родителей, обернулся и улыбнулся снова: уже вместе с ними.

— О чем задумался? — поинтересовалась мама.

Если бы Николай честно ответил, что о плюсах легализации короткоствольного нарезного оружия, это противоречило бы его минутной давности обещанию, поэтому он сообщил, что думает о психологии человеческой

вежливости.

— Что? — не поняли оба его предка, и тогда пришлось показать.

— Предлагаешь кирпичом?

Добрый доктор Ляхин покачал головой. Он предложил бы суд Линча, но высказывать это вслух не стоило совершенно.

— Обратиться в международный трибунал, — сказал он вместо этого и тут же сам почувствовал, какой глупой вышла шутка. — И потребовать ввода миротворцев. Узбекских.

— Почему узбекских?

Отец спросил, судя по всему, тоже машинально.

— А для разнообразия...

Разговор было пора заканчивать, пока Николай не произнес что-нибудь такое, что потом в глазах родителей пришлось бы заглаживать очень долго. Поэтому он вздохнул, изобразил на лице то ли раскаяние, то ли хотя бы просто усталое смущение, расцеловал родителей и направился к двери. Последнее у него получилось ничего, достаточно естественно. В отношении же «изобразить» он не был так уверен, поэтому потратил еще несколько минут, отвечая на какие-то совсем уж бытовые вопросы. Напоследок он улыбнулся совсем уж по-доброму, как много лет назад, и вышел, выдувая губами простенькую мелодию, весь

последний час звучавшую у него в голове. Если бы высвистеть, она легла бы лучше, но денег ему не хватало отчаянно, поэтому он не рискнул.

* * *

— Ты заметила, что он пропел? — спросил отец, когда дверь закрылась и ровные, спокойные шаги затихли в изогнутом коридоре.

— В каком смысле?

— В прямом. Он так помурчал тихонечко, когда выходил. Не слышала?

— Что-то такое — да, но я не

поняла, что. Мало ли...

— Это «Рио-Рита»

Никитиных, — отец поднял взгляд от пола, и его лицо оказалось таким искаженным, что мать Николая вздрогнула. — *«Ничего, что немцы в Польше, — но сильна страна...»* — вот эту вот строчку. Поняла? Он не сомневается. Мы все, что угодно, можем говорить, он нас все равно не слушает...

Отец помолчал с полминуты, раздумывая.

— Ладно, — наконец сказал он. — С меня спрос слабый, я технарь. Но ты врач — с большой буквы «В». Давай думать, что мы сможем сделать, если перестанем

относиться к нему как к тому маленькому мальчику, которого мы растили. Ты всю жизнь по поликлиникам и больницам: тебе что, никогда не приходилось видеть психически рушащихся на твоих глазах людей? Навязчивая идея, депрессия, шизофрения, в конце концов, — что это такое, наконец, может быть?

— Олег, я...

Ей пришлось собираться с силами несколько долгих секунд, потому что в комнате вдруг начало резко не хватать воздуха.

— Все может быть в итоге не так плохо. И ты, разумеется, мешаешь в одну кучу все подряд — и

отдельные симптомы, и диагнозы. Шизофрения... Никакая это не шизофрения, конечно. И не депрессия. Если бы это была депрессия, Кольчик не работал бы так, как он работает, — уж это ты знаешь. И не бегал бы по вечерам. И не вскакивал бы в 7 утра в субботу, чтобы ехать куда-то за Сестрорецк в компании таких же, как он, стрелять там во что-то и опять бегать.

— Лучше, чем водка, — очень точно в тон последней фразе сказал доктору Ляхиной ее муж, слушая очень внимательно.

— Совершенно верно! Лучше, чем водка, и гораздо лучше, чем наркотики. А что касается всех этих

разговоров, то... Ну, наверное, мальчик действительно имеет некоторую склонность к повышенной тревожности. Очень сильно повышенной, особенно в последнее время. По объективным наблюдениям, говоря совсем уж формально... Ну, может, года два или чуть больше. Вспомни его до... До Чечни этой проклятой. Он же совсем другим был. Учеба, спорт этот его сумасшедший и засосы на половину шеи. Как и положено в его возрасте. А все мысли, о которых мы знали, это или о девчонках, или о той же учебе, или о том, чтобы начать бегать вообще как страус, чтобы выиграть какой-то там невиданный «Кубок

Белых Ночей». Вот о нем он с такими горящими глазами тогда говорил, а не о том, сколько подводных лодок в стране осталось. Да какое дело нам до этих лодок? И ему?

— Саша, ты про другое начала. Тревожность. Склонность. Давай стараться все же к основной теме вернуться. С лодками мы с тобой ничего не сделаем, хоть вывернись мы наизнанку, а эту его склонность... Это Чечня, как потвоему?

— Да.

Мать процедила сквозь зубы такое слово, что ему удивился бы и биндюжник. Это был почти ритуал, с того, самого первого раза, когда она

узнала о случившемся с ее младшим ребенком. И это чуточку помогало.

— Мы не знаем на самом деле, что там было. И то, что Коля никогда не расскажет, это тоже понятно. Вариант — это напоить его водкой или даже водкой с чем-нибудь растормаживающим, чтобы из него полезло. И спросить в лоб. Но я боюсь, что то, что мы от него можем услышать... И сам факт, что он нам это расскажет... Это может отдалить его от нас еще больше... Ну хорошо. Я вижу, что ты хочешь сказать. Ладно. Говоря по-честному, я полагаю, что травма у него вполне могла быть не только психическая, но и физическая тоже. Помнишь, мы

у него рентгенограмму нашли? Ребра у Коли были целы, руки-ноги тоже, поэтому нас тогда ничего больше не волновало. Думали, отойдет. И отошел, конечно. Закончил учебу, и получше многих. Работать начал. А потом вторая эта история^[6].

Теперь помолчали оба. О том, что случилось с их сыном в родном, мирном городе через полтора года после возвращения из Чечни, они могли только догадываться. Но, пропав на несколько дней после цепочки странных, не имеющих логичного объяснения событий и завязанных на них поступков, он вернулся с воспаленным рубцом от свежего касательного пулевого

ранения на левой руке и с уже знакомым выражением в глазах. Таким, от которого любому нормальному человеку хотелось выть. В этот раз Николай молчал гораздо меньше, чем в прошлый — максимум месяц. Только это позволило им остановить рвущуюся наружу панику и продолжать выхаживать его. В значительной степени — просто видимостью нормы: разговорами, общими походами по гостям и ударно развернутой без лишней необходимости стройкой на даче. Такое называется «слон в комнате»: концепция под этим забавным названием почти идеально

описывает обстановку, существующую, к примеру, в семьях алкоголиков. О проблеме все знают, но все ее игнорируют, даже не в надежде, что она исчезнет, а просто из самозащиты. Но это в конце концов сработало: постепенно до выжегшего себя изнутри Николая начало доходить, что у него все-таки есть любящая его семья. Помог и пример обоих дедов, портреты которых, со всеми их регалиями, висели с того месяца в его комнате. Прошедшие три войны на двоих, вступив в первые в возрасте, в котором еще мало кто выходит из состояния перманентно испытываемой наивности, оба они

при этом остались одними из самых добрых людей, которых Николаю приходилось встречать. Это тоже помогло — как он сам не раз говорил по разным поводам, «не он первый, не он последний». Но вместе с тем на сыне Олега и Александры Ляхиных все равно отразилось то, что случилось с ним в те недели, — что бы там на самом деле ни было...

— Есть такое понятие, — негромко произнесла бывшая терапевт. — Называется «дистимия». Хроническая, обычно длящаяся более двух лет депрессия — чаще как раз после психотравмы.

— Ты с минуту назад сказала, что это не депрессия.

— Именно так. Дистимия — это «по мотивам» депрессии. Сглаженная, вплотную приближенная к «вариантам нормы». Насколько я помню — как раз без социальной дезадаптации и суицидальной симптоматики.

— Суицидальной!

Вот тут отец Николая уже почти улыбнулся, как бы худо ему на самом деле ни было.

— Какая у него бывает «суицидальная симптоматика» и «сглаженная депрессия», это мы с тобой в декабре видели. Четкий прямой с правой! А потом разворот на второго! Клянусь, я услышал, как у того сфинктеры прорвало. И ни

секунды раздумываний о трагических судьбах российской интеллигенции — сразу дело. Так что...

— Практически я была в ужасе, как ты помнишь. Но глядя со стороны — это тоже симптомчик. Социальная деморализация. Я не психолог, и уж тем более не психиатр. Но поведенческая агрессия...

— Сашуля, не передергивай. Когда человек дает в морду на сделанное в грубой форме предложение быстренько одолжить ему сотовый телефон — это не поведенческая агрессия. Это нормально, особенно если тратить

столько времени и денег на спорт, сколько тратит он. Я тоже не шахматист был, если ты помнишь.

На этот раз не кивнуть мать Николая не могла. Ее муж в молодости действительно был не хилым парнем, да и сейчас, в общем-то, кое-что мог. Но декабрьская история каждый раз заставляла ее морщиться. Она воспитывала сына совсем иначе. Уметь защитить себя — это одно, против этого глупо иметь что-то против. Но перешагнуть через сваленного им человека, как через пустое место, — равнодушно и раздраженно... Это был уже перебор. Это действительно заставляло задуматься.

— Тревожная сенситивность, — негромко сказала она вслух. — Она же тревожная мнительность. Она не только психотравмами провоцируется, в общем-то. Хроническая боль, о которой мы ничего не знаем. Отравление углекислым газом, переизбыток кофеина или лактатов, холицистокинин, — вот с этим я и сама сталкивалась. Он действительно начал кофе пить, хотя совсем недавно еще не любил.

— Думаешь, это?

— Нет... Пожалуй, нет.

В этот раз она ответила не так уверенно, хотя кофе Николай пил такой, что взрослому человеку было

смешно.

— Панических атак мы у него не замечали, в общем. Ни классических, ни истерических, ни «тихих слез». Даже то, что вот только сейчас было — с его шипением и выпученными глазами, — это все равно не истерика. Он себя контролировал, иначе дверь не прикрыл бы в конце, а захлопнул в середине разговора. И «Рио-Рита» эта...

— Да.

Отец прислушался и предупреждающе поднял ладонь. По коридору негромко протопали шаги, потом в прихожей зашебуршало. Несколько стуков, затем обычное «я бегать пошел!», и через пару секунд

щелкнул язычок замка.

— Сегодня рано, — сказала мать Николая, вернувшись из прихожей. — И нунчаки свои не взял, в прихожей лежат. Он то берет, то не берет их теперь. А раньше, с год назад, вообще не брал.

— И что?

— Да ничего. Анксиолитики и транквилизаторы. Паксил, может быть, мапротилин. Сейчас буду звонить по своим девочкам. Дурацкая тревога без причины... Уж это я как-нибудь вылечу. Во всяком случае — попробую.

Январь

*Центральная идея
каждого плана,
составляющая его
сущность, должна быть
проста.*

*Пауль фон
Гинденбург*

Выбрать для операции более паршивую неделю было бы сложно. К утру мороз чуточку спал, но все равно было не меньше -8° Цельсия, и дыхание оседало на воротниках утепленных курток белыми хлопьями. Ветер в лесу не слишком

чувствовался, но когда они вышли на опушку, он тут же продул плотную ткань насквозь.

— Гадость, — произнес Турпал на родном языке. — Ненавижу...

Он видывал снег и раньше, и даже много, но все это было не так, как здесь. И дома, и в Грузии снег никогда не пропитывал землю в глубину — просто красил. Отдельные крупинки пересыпались под ногами, как крошки сухарей, лезли в швы одежды, и в детстве это всегда радовало. Здесь же снега было слишком много. Он был везде. Россия, что еще сказать... Север.

Группа вытянулась с места ночевки аккуратной, ровной

цепочкой. Головной дозор — пара бойцов, выдвинувшихся на пять десятков метров; силуэты крадущихся едва видны среди стволов лысых сосен. Тыловой дозор — один человек, задачей которого является больше слушать, чем смотреть. Еще по одному — по сторонам, опытные, надежные бойцы. В центре ядро — шесть человек, включая командира группы. Теперь у них, хвала Аллаху, было оружие. До вчерашнего дня Турпал чувствовал себя просто как голый и знал, что эти его ощущения разделяют все без исключения товарищи по делу. «Турпал» на многих южных языках означало

«герой», «атлет», и он действительно не затруднился бы скрутить одного-двух врагов голыми руками, а потом забить их насмерть, но сейчас был не тот случай. Распирающие шерстяной свитер мышцы не имели значения по сравнению с мощностью, которая пряталась в каждом латунном цилиндрике патрона, в каждой гранате.

— Время?

— Нормально.

Турпалу даже не понадобилось смотреть на часы. Он знал, что они идут с хорошим запасом. Впрочем, ускориться действительно можно. Марш-бросок по лесу не согрел его как следует, а впереди еще как

минимум час ожидания на месте.

— Мерзнешь?

Он покосился на товарища, но ничего не сказал, только усмехнулся. Мороз и ветер насквозь пробивали все, что было на нем надето. И ему еще повезло — теплая форменная куртка русской армии была лучше, чем хваленые «Полярные Щиты», надетые на большинстве бойцов. Молодой Гада вообще выглядел как снеговик из мультфильмов — с красным носом, с пылающими красными щеками и с талией куртки, бугрящейся от скомканного, слишком для него большого свитера. Ночь была паршивой: собравшись у тайника точно в срок и к всеобщей

радости в полном составе, они так и не сумели отдохнуть как следует. Теплая одежда, примусы, химическое топливо — все это во вскрытом контейнере тайника было, но все это оказалось почти бесполезным против ветра и холода. Сначала не слишком заметные, к пяти утра ветер и холод измучили всех, ворочающихся на лапнике, вплотную один к другому, под ворохом обметанных тесьмой фольговых полотнищ. Но ничего: для чего все это нужно, они знали прекрасно, и потому относились к происходящему не со злобой, а с юмором. Русская зима не может утратить воинов Аллаха. Одних из лучших его воинов!

«Хамид, у тебя нос побелел, скоро отвалится!» — «Ха-ха-ха, когда он вернется домой, жена спросит у него: Хамид, почему у тебя отвалился нос? Может быть, ты вообще не тем оружием убивал русских?»

Размеренно и тяжело шагая с грузом на плечах, Турпал улыбнулся услышанной уже несколько раз за последний час шутке. Говорили бойцы вполголоса и так же вполголоса смеялись. Только это удержало его от того, чтобы сделать им замечание. Звук в лесу разносится далеко, но скрип и шуршание снега под ногами в любом случае был более шумным, чем шепот. Ничего. Не все такие железные, как он, —

некоторые стараются отвлечься от предстоящего боя, в том числе и глупой болтовней. Нельзя судить за это бойцов слишком строго — вряд ли этот самый важный бой в своей жизни переживет больше шести-семи человек из них всех. На все воля Аллаха, милосердного и справедливого...

Идти пришлось дольше, чем это казалось по всем расчетам, снег был глубоким, света в лесу стало еще меньше, чем казалось сперва, и минут через сорок Турпал отметил, что по крайней мере двое начинают уставать. Но мысль о том, чтобы перераспределить часть груза, он без колебаний отмел. Пусть устают,

задыхаются, шатаются, пытаюсь выдержать темп. Если победа достается без усилий, она стоит дешево в глазах других. Все же к месту группа пришла с опозданием, которое Турпал, так и не взглянув на часы, определил как минимальное. Короткими командами распределил людей по постам. После этого, поразмышляв в течение нескольких секунд, признал, что все сделано верно.

Гада оказался рядом с ним, и рот у него не закрывался. Возбужденный, счастливый, он умял под понравившимся ему деревом снег, ловко нарубил ножом прозрачных, все равно не

защищающих ни от чего ольховых веток и уселся, продолжая разглагольствовать. О том, что уже давно с трудом сдерживается, чтобы не начать действовать.

— Да как в том автобусе, — захлебывался он. — Как он посмел на меня так посмотреть? Он что, думает, я испугаюсь его? Свинья русская!

Не очень даже помнящий, что именно парень имеет в виду, Турпал сморщился, подняв руку в жесте, означающем призыв к молчанию, но Гада не обратил на это никакого внимания, поглощенный собственными словами. Несколько минут он мусолил одно и то же.

Понемногу Турпал начал раздражаться и под конец был вынужден рявкнуть. К его удивлению, это не помогло. Сопляк, не до конца понимающий свою настоящую роль в происходящем, то ли возбудился до такой степени, что потерял связь с реальностью, то ли делал все это специально, проверяя границы дозволенного. Как щенок, впервые в жизни посмевавший рыкнуть на матерую овчарку.

— Я всех их буду убивать, — в очередной раз произнес он дрожащим голосом, обращаясь то ли к самому себе, то ли к пространству перед собственным лицом.

Помимо того, что глупость

спускать было нельзя, все это Турпалу здорово надоело, — у него хватало других мыслей, чтобы заботиться еще и о нервничающем подростке. Крутанув шеей, Турпал Усоев, заместитель командира группы специального назначения, рост 191, вес 98, сделал короткое движение всем телом — одновременно руками и ногами. Парня приподняло с уже обжитого им местечка, перевернуло в воздухе и швырнуло лицом вниз. «Аа!» — коротко взвыл Гада, и Турпал стукнул еще раз, вполсилы, даже не до конца сжатым кулаком.

— За что?

Вынырнувшее из снега лицо

Гады было мокрым и облепленным снежинками. За глупый вопрос Турпал ударил его еще раз, но выражение на лице уже сменил, и поэтому мальчишка удержал готовый вырваться повторный крик. Все-таки был достаточно сообразительным, а последние несколько месяцев приучили его к пониманию выражений, которые появлялись на лице командира. Рисковать изъяслением собственного мнения при том, что было на нем сейчас написано, — значило очень сильно ошибаться в планах на жизнь.

— Ты говоришь лишнее, Гада, — негромко, играя интонациями на каждом слове, произнес Турпал.

Парень шевельнул желваками под кожей щек, но теперь все же смолчал. Турпал испытал некоторое разочарование, но уже через секунду удовольствие от еще одной маленькой, невидимой победы над чужой волей стало главенствующим, и он почти спокойно улыбнулся.

— Ты не огорчайся, — произнес он после минутного молчания, видя, что дыхание молодого чеченца уже выровнялось, тот уже окончательно совладал с собой.

— Да, Аллах приказывает быть справедливым и милостивым^[7]. Но ты прав. Ты и сам знаешь, что это вовсе не распространяется на неверных. К ним, наоборот, грешно

быть милостивыми... И мы не собираемся. Но иногда нужно ждать. Молча.

На этот раз Гада кивнул, широко и несколько смущенно улыбнувшись. Он явно пришел в себя, а как у всех молодых людей, настроение у него могло измениться за секунду. В этом были и свои хорошие, и свои плохие стороны, но с годами Турпал научился относиться с некоторой снисходительностью к простительным недостаткам молодежи.

Годы... Выживший во многих десятках стычек боец, Турпал Усоев прожил на земле уже достаточно долго, чтобы позволить себе не

колебаться, решая судьбу тех, кто оказался его товарищем на очередной бой. Некоторые считали, что он прожил слишком долго: были и такие. Сделать с этим ничего было нельзя — подразумевалось, что его семилетней давности позор останется с ним навсегда, что бы он ни сделал. Но это если не сделать что-то такое, что будет важнее любого прошлого, каким бы оно ни было. А кроме того, за последние годы он сделал достаточно много, чтобы понемногу начали исчезать скрытые, затуманенные ухмылки в глазах у тех людей, кто с ним разговаривал, — пусть даже подчеркнуто дружественно.

Тогда, семь лет назад, он вел за собой два с лишним десятка бойцов, чтобы оторвать посильный кусок от отряда федерального спецназа, с удивительной наглостью пришедшего в его собственное село, чтобы увести за собой местного князька. Глуповатого, но удивительно хитрого и везучего человека, следы которого потом навсегда затерялись в русских фильтрационных лагерях. Поисками пропавшего позже занимались даже русские же «правозащитники», энтузиазм которых был подогрет сравнительно немалой суммой имеющих хождение по всему миру денег, — но все без толку. Деньги пропали зря, а глупый сосед исчез

безвозвратно. Ему не повезло едва ли не впервые в жизни, но на этот раз кардинально. А потом не повезло и самому Турпалу, — большому, сильному, умелому, не боящемуся почти ничего. Причем не повезло так, что потом оставалось только скрипеть зубами, молча ощущая на себе ироничные взгляды. Рассказывая о произошедшем двумя словами, он подвернул ногу.

Конечно, такое могло произойти с любым — и происходило. Если бежать по склонам гор и холмов с такой скоростью, с какой бежали они, — со всем тяжелым, маслянисто-железным грузом на плечах и в руках, с застилающей

глаза пеленой жажды убийства, — то в конце концов кто-нибудь обязательно поскользнется или просто оступится. За десятки минут бега это случалось то с одним, то с другим из его людей, — несколько раз. И каждый раз рухнувший на всем бегу человек, чертыхнувшись, вскакивал и бежал дальше, с глохнущим в глотке рычанием выгадывая потерянные метры. Но сам он подняться не смог. Точнее, смог — но тут же рухнул обратно на землю. Нога весящего почти сто килограммов (не считая веса оружия и боеприпасов) Турпала угодила на бегу точно между двумя скрытыми в высокой жухлой траве камнями.

Поэтому, когда он, увлекаемый весом тела, сделал очередной шаг, она просто осталась позади... Треск рвущихся связок был не слышен ухом, так у него шумело в ушах от бега, и с таким шумом он упал сам, — но почувствовал произошедшее он все-таки сразу. Вскочив, он снова упал на землю оттого, что выдернутая из проклятой щели, взорвавшаяся болью лодыжка просто не удержала его. В ту же секунду вскочив снова, Турпал еще успел выкрикнуть грязное арабское слово, но опять согнулся, впечатавшись в траву принявшим вес его тела кулаком и изо всех сил стараясь не завыть от испытываемой ярости. Ступня была вывернута под

неестественным углом — а в таких случаях любому бывалому человеку сразу должно быть ясно, что это означает.

— Вперед, вперед! — успел он прокричать остановившемуся рядом товарищу, Анзору, которого еще иногда звали Эмин-младший, по отцу. Потом, вспоминая предшествовавший год, Турпал понемногу убедил себя, что Анзор был его лучшим другом. Но тогда это было еще не так, и он не испытал ничего, кроме злости на человека, остановившегося, чтобы глядеть на него, неподвижного, с искаженным лицом, пытающегося хоть как-то опереться на подвернутую ногу. А

живым Анзора он с того момента уже не видел. Да и большей части других тоже. С трудом сумев выпрямиться, Турпал несколько секунд пытался прыгать за остальными, удаляющиеся спины которых мелькали между деревьями уже в полусотне метров впереди, но боль оказалась непереносимой. Продержавшись еще минуту, за которую он сумел продвинуться метров всего на 5—6, прыжками от одного дерева к другому (причем больше вдоль крутого склона очередной горы, чем вверх), Турпал сдался. В очередной раз выругавшись и сев на ствол какого-то сломанного пополам дерева, он выдернул из

набедренного кармана турецкую аптечку и с едва ли не наслаждением от собственной боли воткнул в бедро шприц-тубик противошокового. Только после этого, снова сумев удержаться и не крикнуть, хотя рядом не было уже никого, он содрал с ноги ботинок и начал бинтовать на глазах распухающую лодыжку прямо поверх носка. И именно в эти секунды впереди раздалась стрельба. Какую-то часть звуков должен был отражать отделяющий его от места схватки склон, но все равно расстояние было сравнительно небольшим. Сделав поправку и на гору, и на покрывающий ее редкий лес, Турпал оценил его в 750–800 метров. Вряд

ли больше — иначе он не сумел бы различить по звуку калибры обоих семейств «калашниковых», поливающих друг друга автоматическим огнем. Бой длился, по его мнению, секунд 40, а потом стихло почти все. Отдельные выстрелы, несколько коротких очередей с порядочными интервалами между ними — после бурной, взрывной трескотни это само по себе говорило опытному уху весьма многое. Затем — уже полная тишина. Все.

Отлежавшийся среди убитых, сам получивший по пуле в каждую из ног односельчанин Турпала, 17-летний парень по имени Шерип,

рассказал потом, как все было, и тому оставалось только кивать. Остальные тоже кивали: «Да, подвернул ногу. Перед самым боем. Бывает. Случайность, мы понимаем. Жалко, да?» И ухмылочки в глазах...

Травма оказалась серьезнее, чем показалось в самом начале, когда добравшиеся до места разгрома их «отряда самообороны» люди дотащили его и Шерипа до кричащего и воющего Бинойя. Это едва-едва утихомирило тех, кто слишком осмелел при виде того, как он, обездвиженный, но не раненый и не убитый, лежит во дворе собственного дома. Через неделю прибывший из самого Грозного врач

заявил ему, что если не сделать операцию, то хромоть он будет всю жизнь. Турпал скрипнул зубами и сделал так, как ему сказали: забрал из дома все деньги и уехал в Грузию. Ни разу не обернувшись на молча стоящую у ворот жену, ни разу не позволив себе подумать о том, каково ей будет жить без него в селе, в котором почти не осталось взрослых мужчин. Но решение оказалось правильным. Денег, конечно, хватило на считанные недели, но человеку, пострадавшему в войне с русскими, за многое можно было не платить — имелись те, кто готов был взять это на себя. Врачи в Грузии были великолепные, и через четыре

месяца Турпал сумел вернуться домой. А еще через три он начал отрабатывать то, что вложили в него люди, которых не смутила произошедшая с ним глупая случайность.

В апреле следующего года они вдвоем с тем же Шерипом ушли через горы к востоку — пусть и всего на несколько дней. Что бы там ни говорили другие, но этот парень все же не перестал его уважать. Залечив собственные раны, он поклялся отомстить русским за унижение и без колебаний согласился пойти со своим бывшим командиром в еще один бой. Они устроили засаду на почти пустой дороге, о которой

Турпалу рассказал с полгода назад случайный собеседник, и без толку пролежали в кустах почти сутки. Но даже устав и замерзнув, они дождались того, что оказалось нужной целью: ею был белый газик «Нива», в котором сидело несколько человек в милицейской форме. Милиционеры тоже бывают разные, но село, в районе которого они находились, считалось «кадыровским»... Подпустив «Ниву» метров на двадцать, Турпал и Шерип одновременно открыли огонь, за несколько секунд изрешетив машину сверху донизу. С такой дистанции пуля калибра 7,62 миллиметра пробивает почти насквозь и корову

— не то что тонкую жечь и слабое человеческое тело. В изорванной пунктиром попаданий машине остались трое, включая одного офицера, и хотя два автомата были разбиты пулями, они все же послужили неопровержимым доказательством их успеха для тех, кто хотя бы только попробовал сомневаться. Под конец обратного перехода нога у Турпала разболелась так, что он едва шел, но в Беной они вошли все же ровным шагом: спокойно, среди белого дня, заросшие грязью и щетиной, пыльные, но скалящиеся от удовольствия.

Весь май он разрабатывал ногу,

понемногу добавляя нагрузку, а к июню, когда снова мог бегать по горам с полной выкладкой, ушел с Шерипом и собственным 16-летним племянником в сторону Дехья-Атаг'а. Помимо оружия, племянник нес и видеокамеру «Панасоник», и следующий их успех — подрыв на заложенном фугасе бронетранспортера федералов уже через неделю был показан по какому-то из европейских телевизионных каналов. У них было мало взрывчатки, да и оператором молодой родственник Турпала оказался хреновым — камера все время дрожала, а половину кадра занимали ветки деревьев,

находящиеся между ними и окутавшимся облаком взрыва старым БТР-70. Но все равно — дело было в принципе, и за зримое свидетельство героической борьбы чеченского народа против оккупации было заплачено как положено. То, что бронетранспортер не перевернуло и что он даже не загорелся, для европейцев тоже не имело значения — в этом они ничего не понимали, им нужен был просто символ. Дрожащая картинка со сценой подрыва их устроила, и деньги были перечислены в срок. А вот дальше было интересно. К общему удивлению, Турпал отказался от положенной ему доли (после уплаты

всех комиссионных передавшему пленку в нужные руки человеку составившей едва более двух тысяч евро), хотя деньги ему нужны были очень: его семья банально недоедала. Но это тоже оказалось правильным решением, — имя Усоева, давно пропавшее из разговоров *своих*, снова начали вспоминать. Немалую роль сыграл, конечно, человек, неожиданно заработавший вдвое больше того, что ожидал, но поврежденный БТР тоже чего-то стоил, и о Турпале вдруг вспомнили.

Через три недели в Беной приехал доверенный человек одного из достаточно известных полевых командиров, который провел

несколько часов в разговорах «ни о чем». Приняв все же решение, на прощанье он отдал Турпалу вырванный из тетради в линейку лист бумаги, на котором с обилием ошибок было написано несколько корявых предложений. Турпал сделал все как надо, и это вышло даже легче, чем было с засадой на милиционеров, продавших русским свой народ. Инкассатор привез в отдаленное село подачку от Москвы — пенсии и какие-то другие выплаты, позволяющие оккупационным властям докладывать самим себе, что «мирная жизнь в Чечне налаживается». Его убили вместе с

охранником, успевшим открыть огонь, но ни в кого, разумеется, не попавшим. Добыча была не такой уж большой — всего несколько десятков тысяч рублей, но организовавший передачу информации человек подкинул в какую-то из русских газет сообщение о том, что нападение было произведено российскими солдатами, причем представил несколько свидетелей и какие-то «неопровержимые», по его заявлению, доказательства. Что там было дальше, Турпал особо не интересовался, не его это было дело, но наверняка все это было не просто так. В результате совершенное им стало очередным звеном в цепи

восстановления уважения к себе в глазах окружающих. В медленной и неровной цепочке перехода от «это тот самый, который...» — к «оправился от ранения, и теперь снова...»

Удачные и не очень удачные рейды — иногда на несколько сотен километров от Беноя. Обстрелы колонн и уничтожение предателей. Изредка — успехи в виде чего-то зримого: русского именного жетона на оборванной цепочке, трофейного автомата. Иногда денег, вырученных от продажи трофеев, либо призовых, время от времени доходивших из разнообразных фондов до тех, кто действительно воюет. Все это

чередовалось как с полностью безрезультатными походами (единственная польза — натаскать молодежь так, как когда-то натаскивали их, его поколение), так и с потерями. За прошедшие годы федералы все же научились воевать, и теперь на пулю, мину или штурмовой удар с воздуха можно было нарваться в любой момент в собственной стране. Плюсом было то, что в ни в один из постоянных отрядов Турпал со своей вновь формируемой небольшой, но уже слаженной группой так и не влился. Большую часть операций он проводил или самостоятельно, или в интересах тех полевых командиров,

оказание услуг которым считал для себя полезным. Это устраивало всех, в том числе и его самого, понимавшего, что к нему продолжают присматриваться. Масштаб действий «группы Усоева» был микроскопическим, но с этим можно было жить: он был реалистом и знал, как вести себя, чтобы ежеминутный риск оправдывался шансами на успех. Но все равно пару раз они нарвались. Несколько раненых не значили ничего, но в одной из стычек конца следующего года погиб молодой Шерип, ставший к этому времени его ближайшим помощником. Гибель смелого и сообразительного парня искренне

огорчила Турпала, и, может быть, именно поэтому он с тех пор относился к молодым с долей чуткости, которой не мог и заподозрить в себе ранее. Вот как к Гаде.

— А?.. — переспросил он, поняв, что задумался. — Что?

— Машина, — негромко повторил Гада, пригибаясь к земле и приглушая голос. Непостижимым образом последние произнесенные им слова, к которым Турпал не прислушивался, занятый собственными мыслями, теперь всплывали в его мозгу. Да, он видел уже и сам. Света хватало, линзы в бинокле были отличными, а то, что

он держал его в футляре, сохранило их необмерзшими. Грязно-серый фургон «ЗиЛ». На лобовом стекле, в нижнем правом углу — розовый прямоугольник пропуска. До поворота — метров триста.

— «Кузакема», — произнес Турпал в поднесенную ко рту трубку всхрапнувшего статикой «уоки-токи». На другом конце эфира, в сотне метров от них, вяло хмыкнули. Слово было не его — его придумал сам формальный командир отряда, и такое ощущение, что это стало для него едва ли не поводом гордиться своим богатым воображением. Хотя слово было как слово. «Ковер-самолет». В принципе — подходит.

Теперь оставалось только ждать. Он даже не смотрел в нужную сторону, зная, что бойцы не подведут. Гада же явно волновался, и Турпал то и дело ловил на себе его быстро скользящие взгляды. Потом, через пару минут, черно-желтая коробочка переговорного устройства хрюкнула снова, и ровный голос Арзу Акмаева произнес одно короткое слово: «Ха». Да.

Уже махнув рукой молодому и начав энергично продираться через прошитые мерзлыми черными ветками кустов сугробы, Турпал с удовлетворением осознал, что операция, казавшаяся ему сначала переусложненной, развивалась почти

идеально. Несколько человек серьезно обморозилось в ходе ночевки в лесу, — снятый со шведского метеорологического сервера прогноз погоды оказался, мягко говоря, неточным. По крайней мере двое могут на всю жизнь получить шрамы на распухших, воспаленных сейчас щеках, но это ничего. Заработанные на далеком русском севере шрамы будут только украшать их, когда они станут расписывать перед менее умелыми и потому оставшимися дома друзьями подробности своего успеха. Арзу же Акмаев, сначала показавшийся Турпалу выскочкой, проявил себя не так уж плохо. Если он будет

продолжать в том же духе, то к их возвращению игнорируемое пока в группе прозвище «Аль-Махик»^[8] может пристать к нему снова. В конце концов, четверть татарской крови не имела большого значения, если человек был истинно верующим — и вдобавок борющимся за правое дело.

Тела водителя и экспедитора уже оттащили в кювет и присыпали снегом. Особо напрягаться никто не собирался — в ближайшие 30 минут их не найдет ни один человек, а потом русским будет не до расследований.

— Чисто, — подтвердил молодой Адам, которого Турпал

приставил к Арзу в качестве связного, а заодно и в качестве наблюдателя. От пришедшего «со стороны» человека, пусть и наделенного полномочиями, на порядок превосходившими те, которыми владел любой из расплодившихся после окончания серьезных боев «бригадных генералов», можно было ожидать чего угодно. Но пока он не вызвал к себе ни одной претензии: умный, хваткий, хитрый. Последнее было, наверное, важнейшей характеристикой Акмаева. Умелый и хитрый. Не остановится ни перед чем. В бою наверняка не струсит, но при малейшей возможности

избежать прямого боя — делает это без колебаний. Некоторые могли рассматривать это как слабость и чуть ли не недостойную настоящего вайнаха трусость, но Турпал был гораздо умнее их. Он сам, когда ему удавалось занять позицию, позволяющую выстрелить противнику в спину, стрелял не колеблясь. И не окликаая. Так что Арзу был, пожалуй, ровней ему по складу характера и темпераменту. Менее агрессивный, заметно менее сильный физически, такой же умный, но более хитрый. И это хорошо. В способность тупоголового храбреца, истинно верующего в ожидающие его райские врата,

довести их уже почти до внешних ворот ближайшей к европейской границе АЭС, Турпал не поверил бы ни на секунду. А значит, и не пошел бы с ним.

— Время?

Ведущий тяжело нагруженный автофургон Арзу не мог даже взглянуть на часы: дорога была почти ледяной, а из кювета или даже засыпавшего кювет вровень с дорогой спрессованного месяцами морозов снега можно было уже не выбраться. Во всяком случае — не в ближайшие часы.

— 7.44.

На всякий случай в память ни разу пока не использованного

сотового телефона был забит номер местной круглосуточной службы эвакуации и помощи на дорогах, обладающей тягачом, способным вытащить забуксовавший «ЗиЛ» из любой ямы. Но ждать, пока ленивые русские свиньи протрут глаза и приедут вытаскивать их фургон... Все это стоило времени, а его резерв на этом этапе операции исчислялся десятками минут, а никак не часами. А уже на следующем его не будет совсем.

— Пять минут минус, — бросил Арзу, даже не повысив голос. Турпал кивнул, так же напряженно глядя на дорогу, как и он сам. Пять минут не имели большого значения. Более

того, будь он за рулем, он предпочел бы ехать с чуть меньшей скоростью: пусть потеряв еще 5 или даже 10 минут, но снизив уровень риска уйти на каком-нибудь повороте с и так-то суженного сугробами полотна. Но давать ненужные советы Турпал, разумеется, не стал. Было понятно, что его формальный командир, а фактически напарник по руководству операцией достаточно умен для того, чтобы не выйти за рамки своих возможностей как водителя. Кроме того, им помогал Аллах.

Телефон Турпала был завернут в пупырчатый полиэтилен и хранился в одном из внутренних карманов пояса-сумки — рядом с пачкой

недоиспользованных денег и коллекцией выписанных на его имя удостоверений. Точно такой же комплект имелся у Акмаева, причем его удостоверения были выписаны на «старшего лейтенанта», в то время как у самого Турпала — аж на «майора». Это давало некоторое удовлетворение, как и то, что должность командира вновь слившейся воедино группы и право принятия решения немедленно и безоговорочно переходили к нему при малейшем обострении ситуации. Таковых пока не произошло ни одного, и хотя это нельзя было не поставить Акмаеву в заслугу, одновременно это сводило роль

Турпала к роли почти проводника. Почти. А впереди дело — и в его первой фазе командиром для всех будет он.

Искося поглядывающий на ведущего машину Арзу, выпятившего челюсть вперед, Турпал продолжал размышлять, стараясь не отвлекаться слишком сильно. Предстоящей схватки он не боялся — наоборот, по телу разливался знакомый пузырящийся жар, быстро прогоняющий остатки вьевшегося в него за предшествующие сутки и особенно за ночь холода. К заявлению самого Акмаева о том, что операция спланирована в основном лично им, можно было относиться

по-разному. В конце концов, эти слова были полностью подтверждены и тайпанда, и Абу-Сирханом, — главным представителем «Исламан Низамдай»^[9] в их районе. Но как за время подготовки, так и с момента начала самой операции старающийся никогда не афишировать свои наблюдательность и аналитические способности Турпал уловил достаточно значительное количество деталей, чтобы начать в этом слегка сомневаться. На хвастуна Арзу не похож совсем, — значит, смысл его выдвижения в том, что он прикрывает человека или группу людей, предпочитающую остаться в

тени. Скорее всего не из скромности, а из-за разумного опасения перед провалом, способным вызвать персональную и активную охоту на них спецслужб федералов, — но все равно... Пожертвовав известностью и всеми прилагающимися к ней благами, которые должны были последовать после успеха, эти люди позволили себе потерять слишком многое, а уже одно это заставляло понять, что все может быть сложнее, чем кажется. То есть сложнее уже известной сложности...

Турпал усмехнулся, снова бросив взгляд влево. Арзу знает по крайней мере пять языков: нохчи, арабский, татарский, английский и

русский. Возможно, знает еще и французский, если только произнесенная им по какому-то поводу длинная и сложная фраза не была запомнена на слух из какого-нибудь фильма. Материалы по маршруту движения отличались такой точностью, которая может быть обеспечена лишь по-настоящему профессиональной организацией, — возможно, даже самим Комитетом Шариатской Безопасности. Это было лишь предположение — у Комитета имелись свои собственные группы, специализированные на диверсиях, но предположение было лестным и приятным, поэтому отметить его

Турпал не торопился. И потом, подобной точности развед-информации не было, по рассказам победителей, даже в Буденновске и Кизляре: а обе эти операции были проведены практически идеально как с политической, так и с чисто военной точек зрения.

Были известны полные имена, возраст и краткие служебные характеристики не только старших, но и почти всех младших офицеров охраны станции, имелись их фотографии. Сдав строгий экзамен, любой из одиннадцати бойцов группы был способен опознать их в лицо, назвать по имени-отчеству и поинтересоваться здоровьем жен,

которых тоже знал по именам. Такие же полные сведения имелись по начальникам отделов транспортной милиции по всему извилистому маршруту их движения — как в сторону цели, так и для отхода. Были известны имена и заучены приметы начальников поездов, в которых они ехали, имена, звания и характеристики командиров постоянных групп охраны движения этих поездов. И даже при том, что к пункту сбора они шли четырьмя разными маршрутами, полные данные имелись для всех четырех. Ну, и так далее. Легенды для каждого этапа, прикрытие — как официальное, так и силовое. За

каждой «бригадой», как условно называли их разделившиеся уже в Грозном мини-команды из трех-четырех человек, следовала группа из четырех-пяти подготовленных к действиям во вражеском тылу бойцов. Они понятия не имели, кого должны охранять, как их зовут, каковы их задачи и сколько их, но по звонку или контакту «официального» прикрывающего, также «пасущего» каждую бригаду вслепую, были готовы на любые действия. Атаковать линейный отдел МВД на железнодорожном транспорте, отбивая взятых по подозрению. Захватить вагон скорого поезда или просто жилой дом, чтобы отвлечь на

себя все силы и все внимание русских. Просто пойти и умереть, если прикажут. Шансы на их возвращение никто не считал, но это не имело значения даже для них самих — Абу-Сирхан лично поклялся на Коране перед каждым, что исполнение ими их долга он приравнивает к подвигу веры...

— Рашид-ад-дин — так вас будет называть каждый, оставшийся за вашей спиной. Идущий прямым путем в вере! Батташ-аль-Акран — Повергающий богатырей! Пусть не будет в ваших душах ни жалости, ни страха, ни зависти к тем, ради кого вы будете жертвовать собой, если этого потребует общее дело, равного

которому вы не совершали и не совершите никогда!

Абу-Сирхан умел говорить и не жалел времени, разговаривая с людьми так, что их сердца наполнялись гордой и счастливой решимостью, не позволяющей им даже мельком думать о себе — только о деле. О том, о котором они не знали ничего, кроме еще одного арабского имени, которое им позволили заучить наизусть: «Сейф-аль-Мулук» — «Меч царей»...

Были составлены более-менее точные (как выяснилось — кроме самого последнего) прогнозы погоды для каждого из районов, через которые продвигались слившиеся

воедино уже в лесу под Сосновым Бором четвертинки группы. Имелись подготовленные способы уточнения этих прогнозов практически в режиме реального времени: причем увязанные на абсолютно легальные и общедоступные ресурсы, включая и российскую метеосеть. У ведущего каждой бригады имелись сим-карты для всех перекрывающихся зон приема сотовых ретрансляторов, по цепочке тянувшихся от Грозного на север и северо-запад. Если необходимость заставила бы ими воспользоваться, рассчитывающий стоимость звонка компьютер зафиксировал бы только разговор местного жителя, какого-нибудь

Ивана или Дмитрия, на имя которого карта была куплена. В целом это не могло не впечатлять. Турпал, честно пытавшийся (между прочим, по просьбе самого Арзу) найти обойденное вниманием, уязвимое звено в обеспечении операции, не слишком в этом преуспел. Несколько мелких деталей, с благодарностью воспринятых и тут же принятых к действию, не в счет. С этой точки зрения операция была обеспечена великолепно.

Сам он шел по маршруту Грозный — Махачкала — Ростов — Новгород в качестве майора внутренних войск РФ, абхаза по национальности. Абхазов в России в

свете последних событий любили, а его легенда выдержала бы самую серьезную проверку как в самой Чечне и Осетии, так и севернее. Для русских все горцы были на одно лицо, а комплект подлинных документов должен был вызвать у любого проверяющего только уважение. Майор Алан Кокайя, кавалер ордена Мужества и медали «За отвагу», его жена-осетинка и их ублюдок уже начали разлагаться в залитой промерзшей уже до дна дрянью яме на дальней окраине Махачкалы, но полуторамесячный отпуск убитого официально начался за два дня до выхода их бригады в путь. А это было решающим: то, что

майор убыл в отпуск к родственникам в Санкт-Петербург и проездом к армейскому другу в Ростов, могли подтвердить все. И сослуживцы, и соседи, и родственники в Петербурге, со всеми своими регистрациями, и даже до сих пор ждущий его армейский друг. И те, и другие, и третьи, и четвертые были самыми настоящими. Фотографии Турпала, похожего на убитого майора и комплекцией, и лицом, были сделаны настоящим умельцем, — русская форма сидела на нем, как влитая, а нашивки двух тяжелых ранений на парадке полностью отвечали тем шрамам, которые он мог показать на своем

теле. Они тоже были настоящими...

Турпал, Маарет, Гада. «Майор Алан Заалович Кокайя, Анна Магомедовна Кокайя, неработающая, и их сын — Иосиф Аланович Кокайя, учащийся 9-го класса школы № 2 г. Махачкалы». Претензий к ним на всем маршруте не было ни у кого, и в этом заслуга Турпала была не меньшей, чем тех, кто готовил его группе документы и легенды. Чего это стоило, сколько это стоило — это не волновало ни его самого, ни его людей, ни Арзу, за которого тоже кто-то платил не скупясь. Этого неизвестного человека или группу людей он начал называть про себя «Ибн-Сахль»^[10], а о том, кто это

может быть, старался думать как можно реже. Но, пойдя на такие расходы, этот человек или эти люди имели все права требовать от избранных для удара в сердце неверных уже совсем безоговорочного повиновения и самоотречения. И того же самого безоговорочного повиновения Турпал потребовал от тех, кто был подчинен ему. Если бы не это — мог бы сорваться Гада, ни разу не видевший столько людей, столько доступных русских шлюх, столько машин и столько денег в чужих руках. Могла бы сорваться Маарет, ненавидящая русских так, как только может ненавидеть их бездетная, оставшаяся

вдовой в 22 года женщина, знающая, что теперь может быть только прислужницей в семье какого-нибудь из дядек или братьев. Ее муж погиб в неудачной атаке на Нальчик, которая должна была принести ему славу и надолго обеспечить его семью, и теперь вдове было уже нечего терять. Избрав военную карьеру, она едва успела окончить два полных курса обучения, и времени пригасить боль и ненависть настоящими действиями у нее не было. Обычно это помогает: после нескольких тяжелых боев, после того, как перестаешь считать убитых твоей пулей или миной врагов, или притупляется бритвенная сначала острота ощущений, или

человек становится зависим от добровольного риска. Тогда он начинает получать удовлетворение уже не от факта свершения мести, а от самого процесса. Но Маарет, пусть сравнительно неплохо обстрелянная, не прошла через поражения — а это всегда минус для адекватности бойца. Едва способная терпеть присутствие русских рядом, она теперь с трудом сдерживалась, чтобы не убить ближайшего из них. В результате только стальная дисциплина, которую Турпал без капли жалости удерживал в своей тройке с самого начала, позволила им дойти до цели.

Понимая, что за не

распознанную вовремя ошибку — психологическую нестабильность члена группы — отвечает и он тоже, Турпал взвинтил свою внимательность до предела. Агрессивность Маарет, которая вместе с ее стрелковой и саперной подготовкой (а главное — подходящим под легенду лицом и не слишком характерным для чеченских женщин высоким ростом) была признана на этапе отбора кандидатов столь ценной, могла погубить все дело. Поэтому за каждый ненавидящий взгляд, который она бросала на случайных попутчиков, на предметы быта и развлечения русских, забывших о том, что в

сотнях, а потом в тысячах километрах от них идет война не на жизнь, а на смерть, — за это он ее наказывал. Шипящее слово вслед прошедшему по раскачивающемуся коридору поезда ухмыляющемуся светловолосому подростку с яркой бутылкой «Фанты» в руке, — и разминающий в ладони сигарету Турпал отзывает ее в тамбур и с размаху бьет в живот. Бьет так, что она больше минуты не может дышать, едва не теряя сознание от боли и ужаса подступающей темноты. Гневный, возмущенный поворот головы на поглядевшего ей прямо в лицо русского парня-срочника, откозырявшего на

пересадке в Ростове погонам «майора» и вздумавшего улыбнуться его «жене», — и через двадцать минут, когда никто не может их видеть, он опять бьет ее — теперь под колено, носком тяжелого ботинка. Хромала Маарет двое суток, но в поезде это не имело значения, а выходить даже на привокзальную площадь Турпал не разрешил. Все пять часов между поездами они просидели на подоконнике или прошлялись между яркими киосками, сверху донизу заставленными барахлом, едой и питьем. Ударить Гаду ему за все время пришлось лишь один раз, и этого хватило, что характеризовало

парня заметно лучше, чем его «маму». Турпал обнаружил сопляка застывшим в потрясении перед стойкой с яркими глянцевыми журналами, усыпанными полуголыми и голыми шлюхами: мишенью для насмешливых взглядов скучающих людей вокруг, мишенью неодобрения продавца. Тогда он подошел сзади и с размаху влепил ему такую затрещину, что Гада едва не рухнул на затертый кафель пола плашмя. Вопль был, во всяком случае, такой, будто он почувствовал, как рухнул. Именно так поступил бы на месте Турпала любой нормальный отец, и порадовавшиеся представлению окружающие

проводили смехом Гаду, перепуганного исказившимся от искренней злобы лицом «папаши», а его самого — явным одобрением. Так что все было натурально и в этот раз.

Планируй операцию сам Турпал, и он, разумеется, взял бы с собой проверенных, надежных людей, имеющих опыт не одной и не двух схваток. Гада тоже был обстрелян — и тоже в разы уступал даже тем, кто входил в группу, обязанную прикрывать его, если это потребуется. Способных в одиночку справиться с милицейским нарядом, но не обладающих его детским лицом, ставшим кусочком пропуска для всех троих. Хотя Гада никогда не

учился в школе, он обладал живым умом и отличной памятью: и зрительной, и слуховой. По-русски он говорил не хуже, чем сам Турпал, а длинные русские имена и связь между ними запоминал со второго-третьего прочтения, превосходя в этом и его, и даже самого Арзу.

— Старший лейтенант Мещерский, Леонид Борисович, 1979 года рождения, национальность — еврей. Должность — сменный командир охраны учебно-тренировочного центра ЛАЭС. Особые сведения — кандидат в мастера спорта по пулевой стрельбе, второе место на всеармейской спартакиаде 2010 года в дисциплине

«стрельба из пистолета». Жена — Валентина, детей нет. Прямо подчинен капитану Аскаеву, Руслану Андреевичу, 1974 года рождения, национальность — башкир...

Высокий голос Гады, сжавшегося сейчас под фанерным коробом фургона за ящиками с гнильем, трясущегося от холода и волнения, Турпал услышал будто наяву. Именно Арзу нашел парня в каком-то третьеразрядном нищем отряде, где тот наверняка сгинул бы уже через несколько месяцев. В последние пару лет, с тех пор как русские перестали дергаться при каждом громком заявлении Рейтер или Си-эн-эн об «очередном

всплеске жестокости русской военщины на чеченской земле», дольше пары месяцев действительно действующие отряды такого класса уже не жили. Несколько засад, несколько малорезультативных или вообще не давших никакого результата перестрелок — это был пока весь боевой опыт парня, но в сочетании с его способностями шансы Гады дожить до успеха выглядели более чем пристойными.

Разумеется, одиннадцать человек, из которых почти половина была бойцами «ниже среднего», не могут захватить не то что энергоблок АЭС, но даже какой-то один из ее ключевых центров. Максимум — это

находящуюся вне основного контура охраны типографию или, скажем, бойлерную. Но Гада, Маарет и остальные члены группы, которые были такими же, как они, могли сколько угодно верить в свою исключительность, в то, что их выбрали за отличную подготовку или преданность. Дело было в другом. Во-первых, в том, что пытаться добраться до северо-запада России большим числом бойцов, тем более лучших, означало погубить все. Именно эта ошибка была совершена в Нальчике: когда в городе и его пригородах появилось слишком много незнакомых лиц, русские поняли, чего могут ожидать.

Похожую ошибку сделали и арабы в 2006-м. Уничтожить 20 британских самолетов в один день — согласиться на что-нибудь менее амбициозное им, наверное, показалось, стыдно. И это при том, что 20 самолетов — это значит по крайней мере 60–80 непосредственных исполнителей: тех, кто нес компоненты жидкой взрывчатки в бутылках и банках, тех, кто готовил их и обучал ими пользоваться, кто покупал билеты и так далее... Когда число посвященных в подробности дела людей перевалило за сотню, контрразведка уже была готова делить ордена, полагающиеся им за головы туповатых газиз [\[11\]](#)... А те, кто

думает, что контрразведка нецивилизованных русских сильно уступает МИ-6, те почему-то долго не живут. В контрразведке вообще не часто встречаются люди, которых можно назвать «цивилизованными». Те идут обычно в журналистику. Или начинают бороться за права человека. Желательно — где-нибудь поближе к швейцарским Альпам...

В чем еще была причина того, что 11 человек может быть достаточно для успеха — это Турпалу объяснил Арзу. Хотя, конечно, в том, все ли прозвучало вслух, он не мог быть уверен до конца. Но пока все шло так, как им обещали. В лесу собрались все четыре бригады,

вошедшие в него с четырех разных сторон, после многокилометрового пешего марша через снег: от остановок рейсовых автобусов, от железнодорожной станции, от сожженной и спущенной под откос замерзшей речки разъездной «Газели» одного из мелких местных совхозов. Ехавшей на ней четверке досталась роль «наладчиков» закупленной и доставленной с опозданием сельхозтехники: согласно договору, совхоз обеспечивал им транспорт от Пскова.

Если бы к утру на пункте сбора у вскрытого тайника с оружием собралось бы только две бригады, почти небоеспособные четвертинки

их группы, или вообще удалось дойти кому-то одному, операция отменялась. В этом случае в 7 часов утра предписывалось точно по выученной наизусть технологии уничтожить все содержимое тайника, после чего отходить по индивидуальному для каждой бригады маршруту. На отходе строго запрещалось производить какие-либо активные наступательные действия, даже при полном отсутствии риска для себя. Эта деталь была настолько интересной и необычной, что Турпал в свое время серьезно раздумывал, случалось ли что-либо подобное хоть один раз до этого. Потом вспомнил: да, случалось. Знаменитая пара

приказов начала декабря 41-го года: «Начинайте восхождение на гору Ниитака», и, соответственно, «не начинайте». Аналогия была интересная и даже лестная. Осознав ее на последовавшем за окончательным отбором этапе подготовки, в какой-то микроскопический перерыв между практическими курсами и работой с документами, Турпал Усоев задумался так, как не думал, наверное, с самого института...

Если бригад у тайника собиралось три, они должны были атаковать: никаких сигналов отмены не предусматривалось. Как части группы, так и вся группа в целом

были с момента выхода полностью автономны. Сами они имели и право, и возможности связаться с прикрытием: как боевиками, так и чиновником высокого ранга, погоня или удостоверение которого позволяло выстроить по стойке «смирно» не то что железнодорожных милиционеров, но и армейских офицеров. С группами же никто не мог связаться никаким образом — даже те немногие, кто знал, что они существуют. У них были пароли: свои для каждого варианта развития событий, и другие «свои» — для тех случаев, которые предусмотреть невозможно.

— Рёмель, — сказал ему на

прощанье Абу-Сирхан, — Турпал, брат. Я на тебя надеюсь. Ты знаешь, для чего мы живем на земле. Не позволь русским увидеть тебя настоящего до того, как им придет время умирать.

«Рёмель», «бегущий» — это было его собственное имя на эту неделю: не свое, данное отцом, и даже не то, которое стояло в чужих документах. Это имя он должен был назвать только в одном случае — если бы ему потребовалась помощь. «Муджесс» и «Хафиф», «усеченный» и «легкий» были именами для Гады и Маарет. Сами они не знали «специального имени» командира, как не знал его никто, кроме самого

Арзу. Система была
однонаправленной: Арзу и Турпал
знали имена всех и, перечислив
несколько имен, могли обозначить
степень опасности для невидимых и
незнакомых собеседников на
противоположном конце
телефонного кабеля или радиоэфира.
Командиры двух других бригад знали
имена только своих людей, а рядовые
бойцы не имели понятия даже об
имени товарища. Поэтому то, что
Абу-Сирхан произнес слово
«Рёмель» вслух, было знаком очень
большого доверия. И одновременно
— угрозой.

На одиннадцать человек
приходилось тринадцать имен,

соответствующих тринадцати метрам классического арабского стихосложения. Два имени, «Вабфир» и «Сари», были лишними, — произнесение их вслух по отношению к себе или любому из членов группы означало провал. Но, как и многие другие детали и прихотливые изгибы петель схемы, призванной обеспечить их успех, прямая помощь никому из них не понадобилась. Русские проспали, не сумев перехватить никого... А теперь до цели оставалось лишь несколько минут.

* * *

Третье место в кабине пустовало, как это и должно было быть. Водитель и экспедитор — именно в таком составе, без грузчиков, они ежедневно гнали этот фургон в ЛАЭС из Соснового Бора. Грузчика с собой не брали, потому что во всех трех столовых имелись собственные, а за погрузочно-разгрузочные работы и водитель, и экспедитор получали тридцатипроцентную надбавку к основному окладу. Столовые энергоблоков и учебного центра кормили до 2000 человек в сутки, и рейсов эта пара делала иногда три, а иногда и четыре в день. Но первый приходил на место и начинал

разгрузку к 8.10–8.15, а остальные — гораздо позже, в течение всего дня, поэтому логично был выбран именно этот, самый ранний. Еще один потенциально подходящий фургон раз в два дня, а иногда и каждый день привозил продукты в два расположенных в пределах периметра станции киоска. Всякое барахло: безалкогольные напитки, шоколад, полуфабрикаты вроде сушеной китайской лапши да сигареты трех десятков сортов. Но водитель и экспедитор этого фургона были низкорослыми, а первый из них имел к тому же сразу обращающее на себя внимание уродство, имитировать или спрятать которое

под одеждой было практически невозможно. Сам же «активный» план атаки был более чем уязвим, учитывая слабость их сил. Будь воля Турпала, он сделал бы все по-другому, но как раз в этом вопросе Арзу оказался совершенно непреклонен. Турпал обратился к контролирующему и обеспечивающему их подготовку Абу-Сирхану (к этому моменту они виделись каждый день), но тот не колеблясь встал на сторону чужака. Одно это достаточно доходчиво объяснило бывалому, много чего разного повидавшему солдату и командиру, что как полномочия, так и принципиальные, по заявлению

Арзу, вопросы не должны оспариваться, как бы этого ни хотелось. А так... Сам бы он не стал атаковать зимой, да еще в самом ее конце, когда морозы наиболее сильны. Легче всего было бы произвести нападение летом и подойти не со стороны основных с западной стороны ворот, а с залива. Захватить «Ракету» — быстроходное судно на подводных крыльях. Лучше всего — на маршруте Петербург — Петродворец: Турпал не был уверен в том, что они где-то еще остались. Отойдя подальше от берега, перебить людей, чтобы не мешались под ногами, но при этом продолжали служить якобы еще существующим

живым щитом против возможной атаки с воздуха. В возможность высадить на идущую полным ходом, маневрирующую и отстреливающуюся «Ракету» вертолетный десант он не верил, а никаким другим путем удержать их было бы невозможно, как невозможно и просто догнать. Запаса же хода многотонному судну вполне хватало до цели. Но план по какой-то непонятной ему причине был привязан по времени четко — ждать до начала туристической навигации никто не мог. Русские уверены, что президент, которого невозможно купить деньгами или обещаниями, держит слово, защищая их от

страшных вайнахов, ни в грош не ставящих их драгоценные жизни? Вот и получите «слово» вашего президента, козла в стаде баранов, — до следующих выборов далеко...

— О чем думаешь?

Вопрос был задан настолько неожиданно, что Турпал едва не дернул головой. Нельзя сказать, что он отвлекся, — зная, что способности Арзу вести наблюдение ограничены тем, что дорога скользкая, а грузовик тяжел, внимательности Турпал не терял. Впереди и по сторонам было все то же, что и раньше: заснеженный лес, заснеженное поле, уставленное гигантскими вышками

высоковольтной ЛЭП, несущими на запад тысячи мегаватт энергии. Они подходили с запада.

— Молюсь, — коротко сказал он вслух и, увидев, что Арзу удовлетворенно кивнул, понял, что ответ был абсолютно верным. Если он сделает свое дело, то Аллаху будет, наверное, все равно, молился ли он перед боем. Но лукавить Турпал не хотел, поэтому сориентировался по имеющейся в собственной голове карте, поворачивая застывшее от волнения лицо в сторону Кыблы. Мусульманин должен молиться не так, — не на ходу в мчащейся машине, но на войне можно...

— Не поразит нас ничто, кроме того, что начертал нам Аллах^[12], — закончил он короткую молитву вслух.

— Не поразит нас ничто... — эхом отозвался Арзу слева: на четверть татарин, на три четверти чеченец, но ревностный мусульманин и умелый толкователь сур, не боящийся спорить и с муллами. И не боящийся признать свою неправоту, когда более знающий теолог указывал ему на ошибку в его версии толкования. Выскочка, чужак, но не уважать его было нельзя.

— Минуты три или четыре.

— Так...

Турпал обратился к нему

умиротворенное лицо и со спокойствием кивнул. Именно столько оставалось до ворот по его расчетам. Арзу начал сбрасывать скорость фургона мягко: не затормозив, чтобы их не занесло даже на прямом участке пути, и не понизив передачу, чтобы не насторожить охрану наружных ворот ревом мотора. Вместо этого он просто отпустил газ, и стрелка спидометра, указывающая скорость изношенного «ЗиЛа», тут же поползла влево. Можно было представить, что бойцы в кузове не пропустят этот момент, но на всякий случай Турпал громко стукнул в стекло за своим затылком. Сейчас

они должны ставить оружие на боевой взвод. Сам он поступил так же, взведя оба пистолета: свой и товарища. Но оставлять оружие на коленях Турпал не стал — вместо этого он аккуратно положил их на расчищенный носками ботинок от грязи пяточок на резиновом коврике и мягко прижал оба самым кантом, едва ли не пальцами ног, чтобы те не поехали в сторону на уже начавшемся пологом повороте.

Следуя по дороге, обходящей последний перед станцией «санитарный» лесок по широкой дуге, они уже неторопливо выкатились на сияющий снежными блестками пустырь километровой

ширины, на противоположной стороне которого поднимались корпуса и трубы АЭС.

— Все спокойно...

— Конечно, — не мог не подтвердить Турпал, цепко оглядывая знакомые силуэты. Спаренный корпус 3-го и 4-го энергоблоков всего в паре километров впереди и чуть левее, на таком же расстоянии за ними парят трубы 1-го и 2-го. Это он видел уже не раз — и на фотографиях, и на картах, и на видео. Последняя запись была сделана с этой самой дороги, по которой они сейчас ехали, все так же медленно и равномерно замедляя ход. Именно так делал бы тот водитель, который

экономил на бензине.

Теоретически комплекс 1-го и 2-го энергоблоков был бы чуть более легкой целью: они были введены в строй раньше, и подходы к ним могли иметь более уязвимую систему охраны. Это было подтверждено и теми документами, которые им дали для ознакомления при подготовке, но разница была слишком небольшой. Отчеты международных инспекций 2012, 2009, 2007, 2004 и более ранних лет показывали постепенное улучшение надежности системы охраны ЛАЭС. Да и вообще в том, что на их 11 человек русские в любой момент способны выставить роту, ни Арзу, ни Турпал, ни Абу-Сирхан не

сомневались. Собственно, именно поэтому они и не собирались пытаться захватывать энергоблоки.

— Готовность!

Команда была бесполезной, Турпал сам прекрасно знал, что надо делать. Кроме того, с этой секунды командиром группы был он.

«ЗиЛ» подкатился к трехметровым воротам, способным выдержать таранный удар бронетранспортера, и Арзу дважды просигналил. Дождавшийся полной остановки машины, розовощекий крепкий мужик лет тридцати не торопясь обошел ее спереди. Зимняя офицерская повседневная форма, воротник серого цвета. Цвета волос

не видно из-за короткой стрижки, знаков различия — тоже. С вероятностью процентов в семьдесят — старший прапорщик Старововк. Национальность в посвященной его персоне странице была указана «русский», но Турпал помнил, как один из инструкторов готовившего их группу учебно-тренировочного комплекса едва ли не четверть часа распинался в отношении того, что разницу темперамента и склонностей между славянскими племенами нельзя игнорировать. Как будто это имеет значение для пули...

Как следует рассмотрев квадратик пропуска на лобовом стекле и их спокойные лица,

зевающий прапорщик вновь отошел в сторону, вяло качнув ладонью на довольно искренние приветствия «водителя» и «экспедитора» фургона, который видел почти каждое утреннее дежурство. Шел последний час перед его сменой, но большая часть сегодняшней работы для прапорщика уже закончилась. Смена станции: техники, инженеры и так далее — эти начинали работу раньше.

Усиленная металлическим профилем створка ворот неторопливо поползла в сторону, и Турпал едва удержался, чтобы не наклониться вперед. «Я вижу это каждый день», — убедительно

заявил он себе, надеясь, что это подействует. «Ничего интересного. Сейчас утро, и мне хочется спать. Скорей бы сдать эти дурацкие овощи и выпить водки, — или что там еще делают в свободное время русские».

— Чего застыл?..

Голос прапорщика был недовольным, хотя Арзу задержался буквально на секунду, не уверенный, что механизм ворот не заест на последнем десятке сантиметров. К начальнику смены охраны этого объекта присоединился еще один человек, заметно моложе. У этого на плече висел автомат, а на боку — подсумок. В документах указывалось, что караульные русских

станций имеют по два магазина, то есть 60 патронов на каждого. Но что бы ни было написано в бумагах со всеми официальными грифами и визами МАГАТЭ и каких-то еще незнакомых ему организаций, в том, что эта цифра верна, Турпал очень сильно сомневался. 60 патронов — это около 10 секунд боя на близкой дистанции. 4 секунды на магазин, выпущенный в одной очереди, 2–3 секунды на смену магазина и перезарядку и еще 4 секунды — на второй. Если «калашников» не китайского, венгерского или югославского производства, а русский, то его при этом скорее всего не заест. Впрочем, подсумок на

солдате выглядел не «обвисшим», — вполне возможно, что в нем не один, а все три магазина... Сохраняя на лице все то же туповатое выражение, присущее всем не до конца проснувшимся людям, Турпал мысленно усмехнулся, не чувствуя никакого страха. Пришедшая в его голову мысль была забавной: «Если русские посмели обмануть инспекторов МАГАТЭ, то это возмутительно».

— Давай! Давай!

Они уже двигались, а Старововк (теперь Турпал был уже полностью уверен, что опознал его точно) продолжал брезгливо указывать, помахивая рукой. Его пухлые щеки,

румяные от крепкого утреннего мороза, вызывали отвращение. Впрочем, лицо его было почти равнодушным: командовал он не потому, что они слишком долго заставляли ворота оставаться открытыми, а потому, что хотелось. Микроскопическое развлечение либо нечто, что дает хоть какое-то удовлетворение от работы. Видимость полезности на своем месте. Турпал изобразил на лице такое же полуравнодушное извинение, и лицо русского исчезло позади. Все это время «боевой» командир группы «Сейф-аль-Мулук» вжимал голову в плечи, а задницу отодвинул едва ли не на середину

сиденья. Рост Турпала Усоева превосходил таковой у настоящего экспедитора этой машины минимум на 6 сантиметров, и это могло стать опасным. Диспансерные карточки лежащих сейчас в кювете в полутора десятках километров позади людей достать не удалось, хотя такая попытка, как им сообщили, была сделана. Фирма, поставляющая продукты столовым ЛАЭС, была не слишком крупной и не слишком богатой: ее хозяев вполне устраивала стабильность положения, и расширяться они не собирались. Отсюда — скорее всего этих карточек просто не имелось, хотя, учитывая контакт с пищевыми

продуктами, по закону они должны были быть. Но одна из сделанных неизвестным местным жителем фотографий убитого к этой минуте человека показывала его рядом с легковой машиной, и это позволило весьма точно определить его рост.

— Ну, теперь будет...

Голос у Арзу был хриплый, и Турпал подумал, что он действительно волнуется. Что ж, это его право. Проведя их к цели, он мог даже трусить — в глазах понимающих людей это уже не умалит его заслуг. Но лучше бы он не трусил: сейчас им был важен каждый ствол.

Теперь Турпал стукнул в стекло

за своим затылком дважды. Это тоже было лишним, поскольку бойцы прекрасно знали, что происходит в эту минуту снаружи. Снижение скорости в более-менее укладывающееся в график время, потом остановка. Потом — снова движение, на скорости, предписываемой ярко-желтым указателем: 20 км/ч. Сейчас они находились в промежутке между двумя воротами — наружными, где было достаточно постоянного пропуска, и внутренними, где будет производиться собственно досмотр. Пройти его было нереально, как ни подстраивайся под «настоящих» водителя и экспедитора. Согласно

распечатке, происхождение которой Турпал определять даже не пытался, та машина, в которой они сейчас находились, проводила на досмотровой площадке в среднем по 8—10 минут в каждом рейсе. Причем в середине и в конце дня — ничуть не меньше, чем в его начале. Досмотр всегда производился достаточно серьезный, водителя и пассажиров заставляли выйти, а кузов фургона открывали. И если его содержимое не будет соответствовать накладной, а накладная — тем бумагам, которые «спущены» в охрану из административного корпуса, то ворота не откроются, пока кто-нибудь не разберется с

документами. Машиной ворота не протаранить, они могут выдержать и удар маневрового тепловоза. Досмотр же производят тройки подготовленных и опытных людей, имеющих автоматическое оружие и право применять его при необходимости. В дополнение к досмотровой группе в помещении вмещающего проходную домика охраны находится до 6 человек караула, иногда усиливаемых дополнительно. Это происходит, когда на территории станции активно ведутся строительные или ремонтные работы, когда прибывают с визитом мэр Соснового Бора или губернатор области, делегации и

инспекции МАГАТЭ и так далее. Сейчас ничего этого не было, а основной поток машин, перевозящий сменяющийся персонал, уже сошел. В любом случае, минимум две трети этого потока шли через ориентированные на город восточные ворота, поэтому охрана на западных просто не могла не быть подготовлена слабее. У западных же находилось хранилище ОЯТ — по всем расчетам, основная после собственно энергоблоков цель любого террориста. Там же, пусть и вынесенный за внутренний периметр, располагался учебно-тренировочный центр, где всегда толпилось чуть больше людей, чем

это могло казаться безопасным с точки зрения проникновения на территорию станции чужаков. В геометрическом центре ЛАЭС находилось складское хозяйство, к которому подводился целый веер железнодорожных линий, рядом с ним был ремонтно-строительный цех, а чуть южнее, у самого забора — цех централизованного ремонта. Единственный тактически важный объект там же, в центре, — это был цех азота и кислорода, охранявшийся ненамного хуже энергоблоков. У восточных же ворот располагались объекты, значение которых для безопасности станции было гораздо меньшим: крупнейшим из них была

дизельная второй очереди. Отсюда можно сделать вывод, что охранники наверняка не ожидают от своей рутинной работы больших неожиданностей. А ощущение того, что твоя работа является менее важной, чем у другого человека одного с тобой ранга, — это уже само по себе должно действовать разлагающе. Тем не менее пройти эти ворота было невозможно, как ни старайся. Так, во всяком случае, считалось.

— Тормози.

Будто дожидавшийся его команды Арзу мягко тронул педаль тормоза, и неторопливо катящийся фургон успокоенно замедлился.

Снега здесь почти не было, асфальт был густо усыпан смешанным с химикатами песком, и машина управлялась легко. Хотя данная Турпалом команда была не только «его»: порядок действий определялся инструкциями, которые охрана привыкла выполнять. Среднего роста мужик в светоотражающей попонке указал им на одну из площадок, и Арзу слегка кивнул в ответ на его жест, подчиняясь и направляя грузовик именно туда. Все это они отработывали десятки раз: в самой настоящей машине, на огороженной высоким забором площадке в учебном центре «Силадолу Ламьнаш». Единственное, что

отличало действительное положение дел от того, к чему они столько времени готовились, — это появление в группе досматривающих кинолога с собакой. Худой парень лет тридцати, лицо спокойное и незнакомое. Или он имеет невысокий ранг, или переведен сюда недавно. В документах о собаках не было ничего. Почему? Русские что-то подозревают? Позволили группе войти в промежуток между воротами для того, чтобы взять всех живыми, не гоняясь за ними по дорогам? Нет, ерунда. В этом случае оружие троих досматривающих не висело бы на ремнях, — пусть и под руками, но ровно в секунде от того, чтобы быть

использованным немедленно. А значит — почти бесполезное.

— Выходим...

В последнюю секунду перед тем, как приоткрыть свою дверь, Турпал кинул взгляд на Арзу. Тот был бледен, но в целом держался уверенно. Пистолеты были уже в руках у обоих, готовые выплюнуть пулю. Можно по-разному относиться к пистолетам. В конце концов, в действующей армии, на поле боя они действительно почти ничего не значат. Но для схватки, продолжительность которой исчисляется тремя-четырьмя секундами, а дистанция обмена огнем — несколькими метрами,

ничего лучше пистолета нет и быть не может...

Дверь Турпал распахнул резко, так, что стоящий перед ним офицер отшатнулся. Идиот, не выполняющий даже тех инструкций, которые у него наверняка были. Руки у русского были заложены назад. Сам он наверняка считал, что такая поза придает ему солидности, на самом же деле она прямо обозначала его как раба^[13]. Но именно это продлило ему жизнь — первый сдвоенный выстрел Турпал произвел не в лейтенанта, а в собаку.

Два выстрела — доворот. Два выстрела — доворот... Он даже не слышал, как работал на другой

стороне кабины Арзу, хотя не сомневался, что тот сумеет совладать со своими нервами и не промахнется. Где-то справа, прикрываемые его огнем, один за другим выпрыгивали из короба фургона бойцы — Дени, Хаарон, Хумид, Ильяс... За последние минуты они разобрали коробки и мешки, скинув их в одну кучу вплотную к кабине и разместившись почти вповалку на образовавшемся пятачке. В темноте это было непросто, но все равно вполне реально. Первая четверка должна была расчистить пространство для остальных, и в нее вошли самые сильные бойцы. Очередной

сдвоенный выстрел — абсолютно бесшумный, как все, что происходило сейчас... Добив корчащегося на земле пса и немедленно после него пытающегося зажать рану в шее солдата, Турпал рванулся вперед, не переставая вести огонь. Простреливаемую зону он проскочил за секунду и, не сумев совладать с инерцией, ударился об стену караульного помещения. Удар имел такую силу, что под снятой с убитого экспедитора курткой дурацкого, неудобного для его роста фасона охнули ребра.

— Дени! — крикнул он, по-прежнему не глядя назад. Ответа не было, но Турпал и так знал, что надо

делать с непрерывно стегающим из
дверного проема в двух метрах от
него огнем. Вырвав кольцо из тяжело
легшей в ладонь гранаты, он
пластичным, мягким движением
отвалился от стены, закручивая кисть
так, чтобы штампованное из дешевой
низкоуглеродистой стали яблоко
ушло точно в цель. Дальнейшее было
настолько странным, что он даже не
очень понял, что произошло. Граната
вылетела из его ладони по неверной,
неправильной траектории, и еще
целую секунду он с недоумением
наблюдал, как она спиралью
ввинчивается в небо, пунктиром
скользит по стене, а потом катится
по заиндевавшему асфальту,

подпрыгивая и щелкая, как галечный камешек. За мгновение до того, как замедлительная трубка запала прогорела до конца, тяжелое тело Турпала Усоева ударилось о землю. Веер осколков прошел над ним, выбивая клубы штукатурной пыли из стены домика и дырявя и так уже косо осевший на простреленных скатах фургон.

— Дени! — снова позвал Турпал и сам удивился своему голосу: чужому, как будто записанному на пленку и прокрученному в его горле каким-то странным механизмом. — Хумид! Гада!..

Гаду он увидел. Почему-то его глаза находились вровень с его

собственными, хотя и далеко — метрах в пятнадцать. Парень лежал, прижавшись щекой к ледяному и песчаному крошеву, и Турпал с удивительной четкостью отметил то, что отдельные смерзшиеся песчинки глубоко впились ему в детские щеки, как если бы были маленькими осколками.

— Арзу! — выкашлял он из себя, не понимая, почему не видит никого из своих людей. Он ожидал потерь, давая русским на этом этапе едва ли не четверть группы — в обмен на прорыв через караульное помещение. Зачистить его, добить раненых — это секунда, а от выхода им было 4–5 минут бега, огибая дизельную.

Может быть, все уже там? Трех, четверых убитых он видел — двое из них были теми, кого застрелил он сам. Третий — Гада, четвертый — кто-то еще из его ребят. Где остальные? Бегут, задыхаясь, к насосной станции? «Насосной морводы 2-й очереди», как она была обозначена на картах. Их груз тяжел, и хотя все бойцы «Меча Царей» были в отличной форме, можно представить, как они сейчас хрипят, с болью вырывая, выгадывая у стрелок часов еще одну, самую важную секунду. Следующий крупный пост, охрана 3-го/4-го энергоблоков не способна в такой обстановке ни на что. Ее ожиревшим

от безделья бойцам нужно время, чтобы осознать, что то, что они слышат, — это им не кажется, что это действительно треск и рев захлебывающихся длинными очередями автоматов. Им нужны секунды, чтобы попробовать связаться с постом у ворот, а кроме того, оборона собственно здания является их приоритетом. Даже при том, что могут быть захвачены все соседние здания, они не выйдут наружу, потому что должны выполнять свою собственную задачу. И пусть уже даже объявленная, общая тревога сама по себе не значит ничего. Они добегут, Дени и Арзу доведут ребят... Надо попробовать,

хотя бы попробовать последовать за ними. Или хотя бы...

В ноги приподнявшегося было на локте Турпала, голова которого представляла из себя сплошной колтун слипшихся черно-красным волос, выстрелили со спины дважды. Обе пули попали ему в колени, раздробив кости и перемешав их осколки с обрывками хрящевых пластинок в невероятно белой вспышке боли. Его крик заполнил все вокруг, и только когда он оборвался, залив его рот густо-соленой кровью из разодранных собственными зубами щек, только тогда он услышал другие звуки.

Трещал огонь, где-то позади и в

стороне, — не согревая и не давая лишнего света в дополнение к уже имеющемуся. Стонали и были раненые, дико кричал кто-то один, пронзительным молодым голосом без слов.

— Федя! Федя! Сержант, возьми его! Аккуратно!

«Почему Федя? — не понимая, спросил Турпал самого себя. Боль исчезла, и теперь он просто лежал, глядя в серо-стальное небо, по которому с ирреальной скоростью проносились тени облаков. — Что за странное имя?»

Одиночный выстрел: наверное, это кто-то из его бойцов добил русского — возможно, как раз того

Федю, которого там звали. Глупо... Как он мог добить его, если все уже там, у самых ворот насосной? Пуля в лоб единственному у входа в то некрупное здание охраннику, половина группы захватывает и вычищает машзал, остальные используют остающиеся у них секунды, чтобы изготовить к работе гранатометы. Подготовленная пара гранатометчик/помощник гранатометчика способна работать в темпе 6 гранат за минуту, а у них было три таких пары. Одиннадцать, минус Гада, минус кто-то не узнанный со спины, минус он сам, до сих пор почему-то не поднявшийся, хотя пронзительная боль в ногах и

тупая в спине ушли уже совсем.

— Лейтенант!

За спиной простучали шаги, которые Турпал воспринял как само собой разумеющееся. Ему было уже хорошо — легко и не больно. Только было горячо в пояснице и чуть-чуть неудобно лежать. Это неважно, конечно. Пусть погиб Гада, но они победили. Сейчас Арзу подаст команду, и тяжелые реактивные гранаты ударят в глухую стену здания, скрывающего в своей глубине спрессованную в тысячи раз смерть. Насосная располагается точно напротив стыка помещений 3-го и 4-го энергоблоков, а на такой дистанции Хаарон, Ильяс и Шаапа

способны вложить гранату даже в форточку. Если русские оценили уровень опасности верно, то все четыре реактора станции уже заглушены, но никакого значения для успеха операции это не имеет.

— Этот жив? — спросил высокий, задыхающийся голос за спиной. С неудовольствием оторвавшись от своих мыслей, Турпал попытался повернуть голову, чтобы посмотреть на того, кто его позвал. Почему по-русски? В поездах, в автобусах, на пересадках среди русских людей они говорили именно так, но сейчас-то зачем?

— Жив, — подтвердил другой голос, тоже срывающийся и тоже

молодой. — Это он лейтенанта и Васю с Жекой. У-у, сука! Убью гада!..

Удара Турпал почти не почувствовал, — все заглушало непонимание. Ладно, стоит признать, что его тяжело ранило и остальные оставили его здесь одного. Это было правильное решение. После того как Хаарон, Ильяс и Шаапа расстреляют корпус 3-го и 4-го энергоблоков, они будут удерживать помещение насосной станции. Командовать ими будет Арзу, и пока никто ни в кого не стреляет, он вполне справится. В насосной наверняка еще останутся живые — какие-нибудь техники, монтеры, инженеры. Их выковыряют

из углов и комнаток на верхнем ярусе и сгонят вниз, где охранять их сможет даже один человек. Русские постепенно поймут, что активная часть их операции уже закончилась, начнут стягивать спецподразделения, готовить штурм, и в это же время вести какие-то разговоры, выяснять, кто виноват... Тогда Арзу раскроет второй козырь. Вполне возможно, что он заставит отдать и его, своего раненого командира. А может, и нет, — и это тоже будет правильным. Ну что ж, он достаточно пожил, и вернувшиеся расскажут о том, как он умер. Это будет смерть, достойная мужчины... Мункар и Накир^[14] не будут расспрашивать его долго: им

все будет сразу же ясно по его телу...

Турпал потянулся рукой вниз, по телу, и это потребовало усилий. Снова нечувствительный удар куда-то в ноги. Глупые русские, какая ему разница, если он все равно ничего не чувствует? Чужие, грубые руки лезут за пазуху, выворачивают кругляш гранаты из непослушных пальцев. Глупо...

Январь

*Россия сейчас очень
опасна. Она не может
существовать в новом
мире, с новой идеологией,
быть европейской
страной... Российским
государством сейчас
управляют злейшие враги
человечества, Запада,
самой России...*

*Валерия
Новодворская,
декабрь 2005 г.*

— Коля, вставай!

Судя по ощущениям, было еще слишком рано для воскресного утра, но проснулся Николай сразу.

— Вставай, говорю тебе! Быстрее!

Голос матери явно подразумевал что-то более серьезное, чем остывающая овсянка, поэтому он откинул одеяло и сел на кровати, моргая и щурясь.

— По телевизору...

Он уже всунул ноги в тапки, когда по коридору простучали шаги отца — тоже какие-то неправильные. Стесняться родителей было нечего, и Николай попрыгал на кухню в одних трусах. «Большой» телевизор стоял у родителей, но голос раздавался

именно оттуда, из кухни, и в ту же сторону убежала мама, так ничего и не объяснив.

— Кончилось, — произнес отец, переводя взгляд с поющего экрана на застывшего в дверях сына. — Только что. Сказали — ждите специального выпуска в 10.00.

Николай машинально посмотрел на тикающий кругляш под полкой с редко используемыми чашками. Было 9.42 или что-то вроде того.

— Напали на Сосновоборскую АЭС, — торопясь, сказала мама. — Всего несколько слов было каких-то конкретных. Все остальное — сплошь «нет оснований для паники, просьба соблюдать спокойствие».

Просто диктор. Мы утренние новости смотрели, а тут...

— Радио!

Не ставший даже ждать, пока отец протянет руку, Николай перекинул рычажок на выставленной из экономии места на холодильник магнитоле. Динамики в унисон взвыли струнными, — как обычно, радио было настроено на «Орфей». Вслепую переключив на короткие волны, он крутанул верньер грубой настройки. Музыка, реклама, музыка. В Питере было штук пятнадцать коротковолновых станций: хоть на какой-нибудь что-то уже известно. Наконец, человеческий голос, взволнованный, почти плачущий.

Мама убавила громкость в рекламирующем майонез телевизоре, и теперь слышно стало хорошо.

— ...Я не знаю! Ничего не знаю! Подали сигнал «Внимание!» по сети Гражданской обороны — через громкоговорители, и по общей радиосети. И потом — все. На городском кабельном канале темно. Никто не знает ничего. У меня у соседки муж на станции работает — он позвонил ей на мобилу, сказал, что жив, но что там была стрельба и много убитых. А потом отключился, и вообще вся мобильная связь отключилась. Я ни до кого дозвониться не могу. Хорошо, вся семья в сборе! Если бы не

воскресенье — я бы умерла, наверное, а так дети дома все...

— Нина, — перебил говорившую еще один женский голос — заметно более молодой. Уверенные интонации выдавали ведущую или диджея: что это за канал, Николай пока не понял.

— Нина, вы слышите меня? Что видно на улице? Вы видите что-нибудь?

— Милиции много! И «скорых». С полчаса назад, или чуть больше даже, — как завывали сирены, одна за другой... И все туда, на станцию... Я ни одного человека сейчас не вижу, но я не в центре живу, у меня улица маленькая. Сирены так и воют, но

далеко уже, глухо так...

— Нина, спасибо вам большое!
Удачи вам!

Соединение разорвалось, и ведущая скороговоркой повторила для пропустивших, что это был телефонный разговор с жительницей Соснового Бора Ниной. «Того самого Соснового Бора, где, как мы все знаем, располагается АЭС», — зачем-то объяснила она.

— Опаньки... — растерянно сказал вслух Николай. Это точно выражало именно то, что он думал в настоящую секунду.

— У кого из наших знакомых есть дозиметр?

— На каком-то телевизионном

канале по утрам показывали радиационный фон, — мать наморщила лоб так, что постарела лет на пять. — И вообще...

Словно сообразив, что можно сделать, она выбежала из кухни и через какие-то секунды вернулась с микроскопическим флакончиком в руках. Полезла в холодильник, добыла пакет молока, наплюхала в чашки, сунула в микроволновку три сразу. Отец смотрел на нее открыв рот. Реклама в телевизоре кончилась, теперь там кто-то немо показывал, как правильно резать салат. Радио разразилось очередным хитом, рожденным гением отечественных знатоков того, что именно нужно

народу. Нормальное воскресное утро...

Микроволновая печка гнусаво звякнула и перестала гудеть. После этого выставившая на стол три чашки теплого молока мама аккуратно накапала в них йода и, торопясь, перемешала черенком одной и той же чайной ложки.

— Давайте...

Что сделает в такой ситуации нормальный молодой парень? Начнет возмущаться. Что сделает взрослый мужик? Выпьет, выразив на лице благодарность за то, что о нем позаботились. «Выпей йаду», — сказал сам себе Николай, и едва не подавился противной теплой

жидкостью, так его разобрал смех.

Картинка на 13-дюймовом экранчике дешевой «Айвы» прыгнула и сменилась на блекло-желтый фон, знакомый по местным новостям.

— А что мы здесь сидим? — спросил отец, но тут же осекся и ткнул в кнопку пульта, прибавляя звук. Николай убрал радио, все равно за последние минуты не передавшее ничего полезного, и тут зазвонил телефон.

— Да чтоб тебя! — Отец дернулся, но догадавшись, что делать, указал на сына пальцем. — Возьми в комнате!

— Расскажите потом...

Николай шарахнулся по

коридору, слушая, как надрываются разномастные звонки на разнесенных по квартире параллельных аппаратах. Телевизор в кухне так пока ничего и не сказал, и, стараясь вполуха прислушиваться к происходящему там, он схватил трубку. В голосе сестры отчетливо слышалось напряжение.

— Колька!

— Здорово, старшая. Телевизор смотришь?

— Смотрю. Вы знаете уже?

— Ни хрена мы не знаем. Меня вообще только разбудили.

— Нам Борька Гнесин позвонил, помнишь его, — толстый такой? Сказал уезжать из города. Мой

машину пакует: сначала за родителями в Пушкин, потом возвращается и нас увозит.

— Куда едете?

Старшая сестра помолчала, то ли формулируя что-то, то ли прислушиваясь к своему собственному телевизору. Тот, который был на кухне, бубнил что-то неразборчивое. Николай, которого «осенило», ухватил валяющийся среди разбросанных родительских подушек пульт и быстро щелкнул парой кнопок, ставя «спальный», он же «большой» телевизор на нулевую громкость. Трубка прогревалась секунд тридцать, — за это время сестра все-таки объяснила, что они

поедут на юго-восток, пересидят недельку в Подмосковье.

— Йода выпейте, — посоветовал ей любящий брат, заранее ухмыляясь.

— Что?

— Йода. Ап стену. Восемь капель на стакан теплого молока, и постарайтесь не проблеяться. Осознала? И не переживай. Если припрет, отец собственную машину расконсервирует часов за двенадцать.

— Коля...

— Не переживай.

В этом месте оборвать ее стоило сразу, и он не колебался. Учитывая обоих родителей свояка, мест в его машине больше не имелось. Зимой

же отец не ездил и самому Николаю не давал, поэтому аккумулятор хранился дома. Долить дистиллята и поставить заряжаться, — это будет действительно часов двенадцать, минимум десять. На малых амперах заостеневший на морозе стартер просто не провернется. Только после этого можно куда-то ехать: в баке где-то треть, плюс 20-литровая канистра. Хранить топливо в гаражах запрещено всеми правилами, но покажите мне автолюбителя, который так не делает, и можете смело кидаться камнями.

Николай посоветовал сестре зарядить батареи своего и дочкиного сотового до упора и формировать

сумку в стиле «на санках в деревню».

— Документы, наличные деньги, трехдневный запас продуктов в герметичной упаковке. Одежда по сезону. Аптечка. В общем, как учили в школе на ГО. Помнишь еще?

Сестра помнила — разницы между ними было шесть лет, а НВП и ГО в школах не вели только в 90-х, в качестве одной из мер борьбы с наследием прогнившего милитаристского режима.

— Давай, держи связь. Ему туда-сюда три часа минимум, и то, если на дорогах...

Николай не договорил, потому что прямо под окном взвыло сиренами — слитно и страшно.

Зажав беспроводную трубку в руке, он кинулся к окну и успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как по Профессора Попова проносится колонна разнокалиберных милицейских машин. Штуки четыре легковушки, за ними пара грязно-бордовых автобусов ОМОНа, крытый грузовик и потом снова пара легковушек.

— Что там?

— По-е-хали... — негромко сказал он в трубку. — Или на мосты, или сразу уже туда, — в оцепление, скажем. Но быстро они это...

Николай взглянул на запястье и помотал головой, стараясь сбросить совсем уж последние остатки сна.

Часов на нем не было, потому что на ночь он их снимал. Но судя по тем картинкам, которые он перещелкивал на немо молчащем экране последние минуты, никаких новых сообщений пока не было. Значит, еще не десять. Майонез, японские мультфильмы, как положено по утрам в воскресенье; на региональном канале кто-то поет. Объяснив сестре, что там он увидел, и распрощавшись, Николай начал орать, зовя родителей к большому телевизору. Те появились через минуту, всклокоченные. Мать несла в руке тарелку с бутербродами и в другой — еще один стакан с молоком. Машинально приняв его,

давно переваливший годами за отметку «30» Николай сделал «брови домиком», как хорошо получалось в детстве. Молоко было подогретое. В этом отношении мир не перевернулся.

— Куда, ты думаешь, они поехали?

Одновременно с вопросом отец ткнул рукой за окно, поэтому гадать, что он имеет в виду, не пришлось. Повторив то же самое, что было сказано сестре, и получив задумчиво-согласный полукивок, Николай сообразил, что минуту можно было потратить и с большей пользой. Ничего, кроме полученных на позапрошлый Новый год и уже

изрядно полинявших «боксерок», на нем до сих пор не было. Ноги уже начали мерзнуть, и это тоже был «симптомчик», — двадцатилетним дома он круглый год ходил вообще без носков. Но времени уже не оставалось: телеканал, который у них в доме по привычке называли «Ленинградским», разродился появлением ведущего. Лицо было хорошо знакомым — его обычно ставили в вечерние новостные программы. Судя по тому, что аудитории было показано, как ведущий садится и подключает микрофон, подготовиться на канале не успели даже за двадцать без малого минут.

— «Дорогие телезрители, давайте прощаться», — предположил завладевший пультом отец, повышающий громкость до такого уровня, что стала слышна статика. Мать едва не сплюнула, и Николай повторил ее жест и мимику машинально. В другое время это выглядело бы, наверное, забавно. Сейчас — нет, как не была забавной и шутка. ЛАЭС была слишком близко от города.

— Дорогие телезрители... Как вы уже знаете из нашего краткого информационного сообщения, сегодня в 8 часов утра на Ленинградскую атомную электростанцию была произведена

попытка нападения. Группа
вооруженных лиц...

«Господи, пронеси нас всех, — сказал Николай себе, закрыв на мгновение ладонями лицо. Это было плохо, но остановиться он не сумел. — Попытка. Значит, справились».

— По официальному сообщению руководства ЛАЭС...

Ведущий опустил глаза вниз и на секунду замолчал, то ли упустив строчку, то ли пытаюсь справиться с волнением.

— Нападавшие были вооружены автоматическим стрелковым оружием, гранатами и гранатометами...

Прозвучала фраза коряво, но никакого значения это не имело. Два часа спустя — такая информация была бесценной. Руководство — молодцы. Выдать людям хоть как угодно написанный текст — это более важно, чем редактура.

— Охрана станции приняла бой...

— О, Господи...

Это мама сказала вслух. Николай даже не вздрогнул.

— Понеся тяжелые потери убитыми и ранеными, она сумела не пропустить нападавших к основным помещениям станции... Все нападавшие уничтожены, и к настоящему времени угроза станции

ликвидирована полностью... Благодаря оперативно принятым мерам все четыре действующих на момент нападения атомных реактора были изготовлены к аварийной остановке. Таким образом, даже в случае проникновения нападавших внутрь периметра станции угроза неконтролируемой цепной реакции или радиоактивного заражения любого рода практически отсутствовала... Руководство ЛАЭС ответственно заявляет, что при всей сложности сложившейся обстановки ни малейшего снижения уровня безопасности допущено не было, как не было допущено и потери управления... В течение всего

времени с момента нападения как на самой станции, так и в ее окрестностях мониторинг радиационной обстановки ведется по усиленному режиму... Нет никаких признаков...

— Ну, проехали, кажется...

Отец тоже был бледным, пусть и при все той же усмешке на губах.

— Похоже на то. Наливай...

Юмор в голосе Николая почти не чувствовался, но родители знали его слишком хорошо. Смеяться начали оба. Нервно, но смеяться.

— Объявленные передачи нашего канала будут проходить в обычном режиме, но в начале каждого часа мы будем передавать

краткое информационное сообщение, а также сообщать о любых деталях, которые...

— Отбились, — заключил отец. Что такое ядерный реактор, он знал намного лучше жены и сына, и все это время ему наверняка было страшнее, чем он старался показать. С другой стороны, сам Николай заметно лучше родителей знал, что такое «группа, вооруженная автоматическим оружием».

— В настоящее время радиационный фон на территории ЛАЭС составляет 8,1 микрорентгена в час, что меньше естественного фона. В районе поселка Ручьи радиоактивный фон составляет 8,0; в

районе станции Воронка — 7,7; в районе поселка Кандакюля — 8,0...

— А Петербург что? — не удержалась мама. В тот же момент в углу экрана выскочили цифры: «6,5».

— В Петербурге радиационный фон в настоящее время составляет 6,7 микрорентгена в час. Еще раз повторю, это меньше даже естественного радиационного фона и не представляет никакой опасности для здоровья. Мы призываем население сохранять спокойствие. Нет никаких сомнений в том, что спецслужбы на этот раз сумели сработать четко и эффективно, не допустив...

— При чем здесь спецслужбы-

то? Их штатная охрана перебила, сказали же. Там человек шестьсот, насколько я помню.

— Станции защищает какое-то из Управлений ФСБ под контролем Федерального агентства по атомной энергии, — не согласился Николай. — А наружная охрана — внутренние войска МВД, если я не напутал. Так что с формальной точки зрения...

— Надо Свете позвонить.

Мама, разумеется, была практиком: детали административного подчинения отлично сделавших свое дело людей ее не интересовали. К моменту, когда ее сын вернулся в комнату уже

одетым «по-домашнему», была обзвонена половина родственников: начиная, разумеется, с дочери, сразу ретранслировавшей «отбой» своему мужу. Все это время телевизор не выключался, но программа действительно шла самая обычная. Следующий выпуск новостей вышел, как и было обещано, в 11 ровно и открылся статичной картинкой с парящими на морозном сером горизонте трубами. Потом картинка мигнула и пропала, и на ее месте вновь появилась «говорящая голова». На этот раз знакомый любому петербуржцу ведущий выглядел заметно спокойнее. Похоже, все действительно обошлось. От ЛАЭС

до Питера было 80 километров по прямой: от Чернобыля до Киева было больше.

— Дорогие телезрители...

— Жenuля! — заорал отец. —

Иди смотреть!..

Мать подошла, торопясь, и с этого момента они смотрели в экран уже все вместе, как на Новый год.

— По полученным в течение последнего часа дополнительным сведениям... Шестеро убитых и по крайней мере четверо тяжелораненых из состава подразделения охраны... Имена погибших и раненых пока не сообщаются, но нам сообщили, что все пострадавшие находятся в

медсанчасти ЛАЭС, в которой имеются условия для проведения хирургических операций любой степени сложности... Наш собственный корреспондент сообщает с места...

— Ага, ага, — с удовлетворением закивал отец, когда во весь экран было показано, что именно этот корреспондент «сообщает». — Вон они, соколики. Ай, молодцы...

— Коля... — тихо позвала мать, оказывается, смотревшая в это время на него. Николай не слышал, — ему было не до того. Оскаленные, неживые лица, с выпученными до предела глазами, как часто бывает у

людей, погибших от полостных ранений. Россыпи ярко блестящих гильз на едва-едва припорошенной инеем, перетоптанной вдоль и поперек земле. Гильзы короткие, гильзы длинные, черные пятна крови тут и там. Выбоины у косяков двери и окон приземистого серого домика, разбитые вдребезги стекла. Тела друг на друге, тела, изогнутые последней мукой так, будто они до сих пор пытаются дотянуться, добежать куда-то. Подросток лет восемнадцати, лежащий лицом вбок — рот удивленно открыт, в черном провале виден язык. Картинка здорово дрожала: оператор или собирался уронить камеру на землю, или

раздумывал о том, не упасть ли ему тут же. Корреспондент при этом выглядел сравнительно неплохо. Показав раз пять его ноги в черных ботинках, аккуратно переступающие с одного сравнительно чистого пятна инея на другое, камера поднялась на его лицо, оказавшееся неожиданно спокойным.

— Владислав! — позвал его невидимый сейчас ведущий. — Мы все видим вашу картинку! Расскажите, что сейчас происходит на станции?

— Алексей! — тут же отозвался уверенный парень. — Мы сейчас находимся на том самом месте, где сегодня в 8 часов 10 минут утра была

произведена попытка...

— Коля... — снова позвали сбоку. На этот раз Николай обернулся. Мама смотрела на него, прижав руки к груди. Он перевел взгляд на отца, и тот, только что азартно и хищно подпрыгивавший на месте, тоже, как оказалось, смотрел прямо ему в лицо, бледный и напряженный. — Коля, что?..

— Ничего, — сумел хрипло выдавить из себя он. — Показалось, знакомый. Но нет, конечно, просто типаж. И бритые все. Там... там не брились...

Он снова повернулся в сторону экрана, где журналист немо шевелил губами, скупно поводя вокруг себя

свободной от микрофона рукой. После одного из его жестов картинка отплыла вбок, фокус ушел вперед, и оператор показал наплывом группу крепких мужиков в пятнистом камуфляже и с оружием. Те, как почувствовав, разом повернулись к камере спинами. Поняв, что ничего интересного не будет, оператор на этот раз мягко и неторопливо развернул камеру в другую сторону, показав панораму целиком. Стена домика, выглядевшая так, будто в нее пригоршнями швыряли щебень. Застывшие ступни ног в одном почему-то ботинке. Осевший, перекошенный фургон с истерзанным рваными дырами тентом. Другое

тело — это показали целиком, и зрелище было такое, что сквозь гул в ушах к Николаю прорезался совершенно отчетливый мамин вздох.

— ...Нам рассказали, что ответственный представитель Росатомэнерго обратился к персоналу станции со словами благодарности, заявив, что...

С большим увеличением показали лицо молодого солдата, водящего глазами то в одну сторону, то в другую. Камеру он не видел, и оттого сцена была сюрреалистичной: миллион человек как будто подглядывало за тем, как возбужденный произошедшим

парнишка облизывает черные от ветра губы и морщит нос. Журналист продолжал что-то бубнить, но его слова доходили плохо. Когда снова начали показывать исчербленную стену и ворох заледепелых осколков под оконными проемами, Николай поднялся. Родители посмотрели... странно. Застыв лицом, он ушел в другую комнату, плотно закрыл за собой дверь и деревянным движением ткнул в кнопку включения компьютера. Тот тихонько ухнул, и через несколько секунд раскрутившийся жесткий диск выдал на пискнувший стереодинамиками монитор обычные при загрузке операционной системы строчки. К

тому моменту, когда развевающаяся в центре экрана «рама» сменилась на панораму усыпанного сияюще-желтыми листьями Летнего сада, Николай уже немного успокоился. Пульс, во всяком случае, снизился где-то до девяноста. Выйдя в Сеть, он двумя щелчками компьютерной мыши вывел на экран блекло-коричневое дерево сообщений никогда не спящего «Правильного форума военной истории». В правой половине экрана, на которую при загрузке согласно его настройкам выводились имена присутствующих участников, было пустовато. Воскресное утро — большинство людей в европейской части страны

должны были проснуться только недавно и сейчас сидели у телевизоров, а не в Сети. Дальневосточники же вообще еще не знали ничего.

Несколько человек с малознакомыми именами активно перебрасывались сообщениями. Николай проглядел их наискосок, открывая только выглядящие самыми интересными. На каждый пост он тратил не более пары секунд, но на середине одного усыпанного восклицательными знаками сообщения (вызывающего в подсознании классическую здесь шутку «а бояться лучше на чердаке!») остановился. После этого, подумав,

он вернулся на несколько штук назад. «По Си-эн-эн третий час надрываются, что русские не дают никаких комментариев. Может, теперь заткнутся?..» «Третий час» — это выглядело странно. По ощущениям — почти как взгляд родителей. На часах в углу экрана было 11.14, на надетых к этому времени наручных — столько же. В логе сообщения стояло 10.56, — в хвост к нему только в одной этой ветке было приписано уже штук десять. «Третий час» означало, что *CNN* разродилось первым «мы прерываем свою программу» по крайней мере за два с копейками часа до этого, то есть в 8.40 или что-

то около того. Впрочем, возможно, — и скорее всего — это просто преувеличение. Проверяется это легко. Стоило набрать «*спн.сот*», — и на распахнувшейся стартовой странице тут же выскочила картинка с теми же парящими трубами над угловатыми зданиями на фоне серо-стального неба Финского залива. Последнее обновление датировалось 2.10 после полуночи по «восточному стандартному времени», то есть появилось четыре минуты назад. Ну да, их штаб-квартира в Атланте, на Восточном побережье. Мораль?..

Не слишком даже задумавшись, Николай набил в поисковую строку «*LAES*», — просто транслитерировав

слово из русского. Ничего. «Бор» в смысле «Сосновый Бор» не подходил — половина ссылок будет про Нильса Бора, четверть про его внука, а остальные — про сам элемент. Тогда — «*Petersburg nuclear power plant*»^[15]. Вот это сработало без проблем — мигнув, экран переродился в разделенную пробелами коллекцию абзацев. По умолчанию они были отсортированы по времени появления на сайте, а всего из трех десятков найденных на страницу влезло двадцать. Нижние были многомесячной давности, в глаза бросилось «Россия продолжает игнорировать требования ЕС об усилении безопасности своих

ядерных станций». Верхние были сегодняшние и вчерашние: «атака на станцию», «неизвестные лица в неизвестном числе», «инцидент на станции», «российская сторона пока не дает никаких комментариев»... Николай покусал губы. Парень с забавным ником «Взрыватель» оказался прав — первое из сообщений всего этого блока датировалось 12.44 после полуночи по тому же восточному стандартному времени, разница которого с Москвой составляла восемь часов. Что теперь? Американские же «*abcnews.go.com*» оказались пустышкой — на их стартовой странице до сих пор

висела реклама телесериала, с размером бюста главной героини, едва помещающимся в выделенное под «нажимабельную» картинку пространство. Сайт британских «*BBC*» был переполнен уже не только старыми силуэтами станции, но и изображениями земли с пятнами тел, — и, более того, крупными планами с рассыпанными гильзами. Кто-то уже явно успел скинуть им сделанные за последние часы снимки. Скорее всего — и снятые, и переданные с мобильного телефона. Впрочем, нет... Размышляя с такими усилиями, что голову оказалось легче склонить набок, Николай вспомнил, что

напуганная женщина в пойманной им часом ранее радиопередаче упомянула, что сотовая связь отрублена. Или включили снова, как очередную меру по успокоению народа, или фотографии появились каким-то другим путем. Но в любом случае, из двадцати с небольшим «попаданий» в архиве *BBC*, вызванных к жизни теми же ключевыми словами, свежими были только шесть, и все они появились лишь в течение последних двух часов. Это легко проверялось просто сравнением лондонского времени, выставленного на рамке каждого кадра, опять же с московским. Да и первое было, скорее, просто

перепечаткой из американских сообщений, с осторожной приставкой «по некоторым сведениям...» Первое «настоящее», свое, появилось в 6.20, то есть в 9.20 утра по тому времени, какое было в Петербурге и в Сосновом Бору. Не «Боре» же... Забавно, да?

Николай разорвал соединение с Сетью и откинулся на спинку стула. Размышлял он так напряженно, что лишь с большим трудом заметил, как тихонько приоткрылась, а затем вновь закрылась дверь за спиной: мать проверила, что он делает. Итак, британский сайт полнее, но зато американские выложили информацию о случившемся на

ЛАЭС заметно, на многие часы, раньше. Что это может означать? К минуте, когда в Атланте ночной редактор ленты новостей выпустил первое сообщение об «инциденте на ядерной электростанции в России», прошло около получаса с момента собственно атаки. В теленовостях сказали, что началась она в 8.10 утра. К сколько она «закончилась», если можно употребить это слово? Прищурившись, Николай поглядел в окно, а затем и вообще закрыл один глаз, чтобы думать было еще легче. Хорошо, что этого не видит никто, кто считает его достаточно умным...

Судя по картинкам из телерепортажа, бой велся на

минимальных дистанциях: в пределах 10–15 метров. Оружие было разное, но с явным преобладанием автоматического. Сколько человек участвовало во всем этом — предположить сложно. С одной стороны, были «тяжелые потери убитыми и ранеными», с другой — «все нападавшие уничтожены». Предположим — около десятка с каждой стороны в потери, плюс сколько-то уцелевших, собственно и выигравших бой — с нашей. Тогда бой мог длиться минуты, больше явно никак. На минимальной дистанции работают длинными, почти непрерывными очередями. Стандартный магазин

«калашников» — 30 патронов, это 4 секунды. У охраны — точно они, у тех, кто на станцию напал? — скорее всего тоже. Штурм домика охраны подразумевал использование длинноствольных типов оружия, способных придать пуле высокую начальную скорость. То есть ни УЗИ, ни какой-нибудь Хеклер-Кох здесь не играют. Более того, когда гарантированная надежность важнее меткости (а та на такой дистанции вообще никакого значения не имеет), ни один реалист не станет брать М-16 или остальные разрекламированные модели. Только старый «калашников», только так. Значит, 4 секунды или около этого —

на первый магазин. Те, кто сумели дожить до необходимости его сменить — считают следующие секунды. К этому моменту целей становится в разы меньше, и израсходовать второй магазин займет, соответственно, в 3–4 раза больше времени. Но в любом случае в пределах одной минуты кончено будет уже все. Учитывая то, что было видно в сумбурном видеосюжете, все нападавшие легли на площадке перед домом, перед проходной — вероятно, внутренней. Перед той избитой машиной, или за ней, или внутри, — это уже неважно, никакой защиты она не предоставляет. Потом уцелевшие бойцы охраны потратили

еще какие-то десятки секунд на то, чтобы прошить короткой очередью каждое из столь живописно валяющихся перед ними тел, после этого аккуратно выбрались... Можно было представить, как это было страшно. Еще раз по пуле в каждое тело — с максимальной для тесной асфальтовой площадки дистанции. Никому явно не хотелось рисковать получить прощальный привет храброго воина Аллаха в виде пули или прикрытой им от взгляда гяура гранаты. Потом... Потом они подходят ближе и начинают пинать тела. Тревога поднята уже давно, и к этому времени к проходной с разных сторон подлетают машины с

тревожными группами — еще человек десять с оружием. Но все уже закончилось, и теперь впервые звучит облегченное «отбились»... Так было?

Николай поднялся, бросил последний взгляд на застывшую на экране картинку с желтыми кленами и отвел руку назад, не выключая машину. Пока пусть так...

— Ну, что тут? — спросил он, снова войдя в комнату к родителям. Те о чем-то оживленно переговаривались между собой, когда он вошел. О чем именно — разобрать не удалось, да он и не пытался особо.

— Пока ничего. Выступил еще какой-то человек, в голосе —

сплошное облегчение. Типа, «всем налить» и по ордену.

— Очень может быть. —

Николай с удовлетворением кивнул. Ордена себе эти ребята заработали честно. Сейчас начнут трепать язык, что все это давно и тщательно спланированная спецоперация спецорганов, но это уже будет бред. Было бы спланировано — положили бы их между заборами из пулеметов, после предложения сдаться. А так... Все явно было экспромтом, встречный бой, со всеми его радостями. Отсюда и «тяжелые потери»...

Он зябко поежился, стараясь дистанцироваться от того жуткого

ощущения почти нарколептической нереальности, которое каждый раз поднималось в нем при произнесении вслух или тем более про себя словосочетания «встречный бой».

— Что-нибудь умное сказали? — спросил он вслух, не собираясь доводить до родителей никаких подробностей своих бесполезных рассуждений.

— Нет.

— Ну и ладно. Может, к вечеру какие детали...

— Ты к сколько сегодня? — поинтересовалась мама.

— Как обычно. К шести. В 4.40 выйду, доберусь не спеша.

Впрочем, к середине дня Николай совершенно точно определил для себя, что выйдет не позже половины четвертого. На дежурство ему было именно к шести, но недопонятые, недодуманные обрывки мыслей метались в голове настолько суматошно, что ему требовалось привести их в порядок. Ничего лучше, чем бег или ходьба по знакомому маршруту, для этого не имелось, поэтому он решил пройти от Василеостровской до Гавани пешком. Погода этому явно способствовала, ветер так и не поднялся, и легкий морозец в сочетании с негусто завалившим дороги свежим снегом сделал

прогулку однозначно приятной. Спешащие по своим воскресным делам ленинградские девушки выглядели совершенно шикарно — румяные, с блестящими глазами, большинство простоволосые, и каждая десятая в шубе хотя бы «из козлика» и длиной хотя бы «по то самое». Растет, как говорится, благосостояние трудящихся.

«Что бы это все значило? — спрашивал Николай сам себя, шагая. — Что?» Перед самым выходом он посмотрел очередные новости и еще раз проверил те же самые веб-сайты. В новостях не было ничего кардинально меняющего представление о произошедшем.

Единственное — наконец-то прозвучали слова «Кавказ» и «Чечня», и так-то ясные с самого начала. Тон выступлений был едва ли не эйфоричным, генералы разных родов войск делали мужественное выражение лица, изо всех сил стараясь скрыть желание подпрыгнуть на месте. Полуденное выступление президента Николай упустил, но отец рассказал, что и в нем ничего выдающегося не прозвучало: просто связный набор подходящих к случаю фраз. С другой стороны, на сайте *CNN* он отметил детальку, которая ему не понравилась. Старые сообщения никуда не делись, новых

прибавилось штук двадцать пять — как и положено, когда новость настолько «горяча». Но при этом несколько изменился как тон сообщений, так и их формат. Во-первых, через два раза на третий в комментариях начали проскакивать фразы вроде «Как всем известно, охрана ядерных объектов в России находится в неприемлемом состоянии. Таким образом, представляется чудом, что они сумели...» Во-вторых, неожиданно исчезла маркировка ушедших с первой страницы сайта в архив сообщений по времени. Дата осталась, а вот часы и минуты пропали, будто их и не было. Для

проверки удивившийся Николай набил в поисковую строку словосочетание «Билл Клинтон». Выскочивший десяток страниц, набитых заглавными абзацами давно ушедших в прошлое новостей и комментариев, был теперь таким же — только даты. Похоже, веб-дизайнер *CNN* действительно выбрал этот воскресный день, чтобы если не сменить, то хотя бы чуть модифицировать формат их интернет-страницы. Это было странно. Учитывая, какая у них сейчас должна быть нагрузка на сервер, любые манипуляции с форматом могут окончиться плохо. В компьютерах доктор Ляхин понимал

не слишком, но замеченная перемена шла совсем уж вразрез с тем, что он знал.

Ладно, черт с ним, со временем, — сам он помнил минуты выхода первого невнятного сообщения об «инциденте» точно. Это было через полчаса после начала боя, или через примерно 25 минут после того, как он закончился. Конечно, если опять же считать верной логику рассуждений о его ходе. За это время информация дошла до Атланты, в которой была ночь с субботы на воскресенье, успела «перевариться» в головах дежурной смены, наверняка соображавших: выпустить ли им

новость первыми из всех, рискуя опозориться, если это окажется уткой типа прошлогодней зимней серии. Тогда компьютерные вирусы, вложенные в электронные сообщения с заголовками типа «Русской ракетой сбит американский самолет!» и «Китайцы сбили искусственный спутник!», за пару суток обошли весь мир, вызвав короткую панику в новостных агентствах. В итоге выпускающий редактор рискнул, и *CNN* стали первыми — но это было *слишком* уж рано... Скрипя сапогами по снегу и уже почти равнодушно проскальзывая взглядом по лицам идущих навстречу красавиц, Николай пытался вытащить из головы что-то

мешающее, какую-то глупую ассоциацию с детством. Чернобыль? Возмущенная критика в советских газетах: дескать, вся западная пресса хором сообщила, что при аварии погибло две тысячи человек, хотя погибло всего шесть пожарных, героически боровшихся с огнем... Или еще что-то в этом роде?

Как всегда бывает, когда хочешь вспомнить что-то и никак не можешь, Николай начал злиться. Как с такой проблемой (удачно называемой на английском «блок в мозгах») справиться, он знал не хуже других. Нужно начать думать о чем-нибудь другом, тогда мысль всплывет сама — обычно во время засыпания,

когда мозг упорядочивает, сортирует и отправляет на долговременное хранение воспринятую за день информацию. Но как обычно, хотелось вспомнить сейчас.

— Вечер добрый!

Курящий перед входом в терапевтический корпус охранник в темно-синей униформе вежливо поздоровался, и Николай ответил тем же. Времена, когда сопливый пацан с резиновой дубинкой зарабатывал больше старшей медсестры и соответственно себя вел, давно прошли. Теперь охрана и этой, и любой другой больницы в большинстве прекрасно знала, за что именно ее кормят.

Подъем по многопролетной, ярко освещенной лестнице, на стенах которой там и сям висели зеленые коробки платного «Санкт-Петербургского таксофона». Лифтом доктор Ляхин не пользовался принципиально. Залитая пупырчатым матовым стеклом широкая бежевая дверь — родное отделение, где его знают и ждут. Десять минут в запасе — расчет времени был почти идеальным.

— Здравствуйте, Николай Олегович.

— Привет, Шурочка. Как сегодня, ничего?

Ответа Николай не ждал, но все равно остановился, со всеми

«зимними припасами», вроде шапки, теплой куртки и пакета с ботинками, висящими на руке. На постовую медсестру Шуру было приятно посмотреть: прозрачно-розовый халат, розовые щеки, розовый колпак на волосах. Ушки тоже розовые. На счастливого поросенка она не походила только потому, что лицо у нее было другое — волевое и умное лицо взрослого человека. Шуре еще не было и двадцати пяти, но она уже выглядела осознавшим себя человеком — у современных девушек такое бывает нечасто. С месяц назад Николай услышал, что в разговоре с подругой она вместо «классно» говорит «очень хорошо», а вместо

«обалденно» — «просто потрясающе». После этого он ее окончательно зауважал.

— Все тихо, Николай Олегович. Все как прилипли к телевизорам с утра, так и не отходят. Только бегают из одной палаты в другую. Вы же знаете...

— Это правильно, — невпопад ответил Николай и улыбнулся, чтобы сгладить неловко прозвучавшие слова. — И это хорошо даже. Я пойду, скину вещи, ладно? Потом увидимся.

Фраза прозвучала двусмысленно, но тут уж ничего не поделаешь. Язык за несколько часов молчания заостенел и теперь выдавал «на-

гора» что попало. Чувствовать себя за это виноватым было глупо — такое случается с каждым.

«Вечер добрый!» — «А взаимно вам». Зайдя в ординаторскую, Николай обменялся рукопожатием с врачом, у которого принимал дежурство. У них были спокойные, ровные отношения, так и не перешедшие во что-то, хотя бы отдаленно напоминающее дружбу — обоим это вполне устраивало.

— Слышал сегодня?..

— А покажи мне того, кто не слышал. Как здесь?

— В «приемник» спустили информацию быть готовыми к принятию пострадавших.

— Что, с лучевой — к нам?

— Ты удивишься: сказали «массовая травма». — Доктор пожевал губами и спокойно добавил: — Хотя логично.

— Да, — не мог не согласиться Николай, — логично. Мне сестра сказала — на дороге между Пушкином и Питером черт знает что творилось, — ее муж туда за родителями погнал, эвакуировать. В ту сторону до половины доехал от Петроградки за час, обратно — за три с лишним. Аварии — через каждые пять километров.

— Угу... Ладно, сейчас рассосалось уже, я полагаю. Шесть вечера почти, а то дело было утром.

Захочешь — вон, глянь новости. Я как все тут, в общем, не отрываясь...

Доктор кивнул на стоящий в углу ординаторской потертый, но вполне работоспособный «Витязь», и они перешли к делу: обсуждению изменений в состоянии больных, произошедших за субботу, и тому, что может в связи с этим случиться ночью. «Никифорова „плывет“, может выдать тебе что-нибудь. Этот Петров из 11-й палаты — он что-то мне с утра не нравится, приглядывай». — «Он чей?» — «Самой мадам Дашевской. Она тебя съест за него, если что». — «Сам знаю»... Обычный профессиональный разговор,

отвлекая Николая от всех мыслей, не связанных с медициной по конкретному его, то есть терапевтическому, профилю. Потом доктор ушел, а принявший дежурство больничным ординатором Ляхин остался. Никакой телевизор он включать не стал, а занялся тем, за что государство и город платили ему какую-никакую зарплату. Забавно, слово «зарплата» в отделении употребляли только новички — принятым здесь «внутренним» термином было «мышкины слезы». Ну да ладно...

Окончательно уйти от главной для всех темы дня все же не удалось. В каждой палате был телевизор, а в

некоторых даже по два — больные смотрели каналы по собственному выбору, через наушники. Насколько Николай помнил, именно так смотрели черно-белый тогда телевизор его собственные дед и бабушка, когда он был маленьким. Квартира у тех тогда была однокомнатная, и большого выбора не имелось. По очереди обходя палаты и цепко осматривая больных, ответственность за которых на ближайшие полсуток целиком ложилась на него, он то и дело отмечал картинки в разнокалиберных экранах маленьких переносных телевизоров. Стоящие на стульях или прикроватных тумбочках

«дуроскопические кубики» передавали то новости, то комментарии. Показывали какого-то солдата с осунувшимся лицом, — ему пожимал руку мордатый старший офицер в небрежно накинутом поверх кителя белом халате. Показывалось в разных видах то же самое место, которое Николай видел утром — с уже убранными телами, но с без видимой цели бродящими туда-сюда людьми, явно относящимися к какой-то милицейской структуре. Что это не ФСБ — это тоже было ясно: в противном случае их лица не стали бы показывать по центральному каналу. Все это доходило до него

отдельными картинками, почти стоп-кадрами. Примерно так он был в курсе содержания бразильских сериалов в годы своей работы участковым. За час он мог обойти 3—4 квартиры, и в каждой телевизор показывал свой кусок страданий Педро по Кончите, или наоборот.

Сейчас, разговаривая с людьми, большинство которых явно старалось отделаться от него побыстрее, Николай окончательно убедился, что дежурство будет не слишком сложным. Кто бы возражал! Но, выйдя из очередной палаты, он неожиданно застыл непосредственно за дверью, пытаясь осознать, что такое происходит. Что-то увиденное в

экране именно здесь? Или нет?

Прошедшая по коридору Шурочка с интересом посмотрела в мрачное, напряженное лицо непростого доктора и поинтересовалась, что случилось. Ответил тот снова невпопад, и медсестра, внешне просто кивнув, «про себя» осуждающе покачала головой. Доктор Ляхин за последние полгода заметно изменился. Это была не водка и не наркотики, хотя такой вариант в отделении обсуждался. Как выглядит и то, и другое, здесь знали достаточно хорошо. Несколько человек поопытнее намекали, что это может быть сползание в «пограничное

состояние», за которым — уже или собственно психиатрия, или Ляхин сумеет взять себя в руки и вернется к нормальному поведению, отбросив свою дикую доминанту о том, что Россия якобы кому-то нужна. Целиком такие разговоры Шура никогда не слышала — только обрывки. Дистанция между врачами и средним медперсоналом блюлась строго — ничего лишнего в присутствии медсестер сказать о коллеге врачи не могли.

Взглянув вслед уходящей медсестре, Николай вернулся в палату и остановился в дверях. Телевизор что-то неслышимо бубнил, на подоконнике стояли начисто

вымытые цветы, тумбочки были завалены газетами и книжками с обложками, расписанными яркими, кричащими красками — сплошные гангстеры, блондинки и пистолеты. Не задержавшись у входа дольше чем на секунду, он подошел к пожилому мужчине (удивленно на него воззрившемуся) и склонился, разглядывая эмблему на его спортивном костюме. Круглая нашивка с двумя флагами — российским и американским, космический челнок, индекс экспедиции. Если он не спутал, тот полет называли «Крикалёвским».

— Доктор, — испуганно прошептал больной. — Что?

— Ну-ка, сядьте.

Человек отложил

телевизионный пульт и сел, неуютно поеживаясь.

— Наклоните голову вперед.

Больной наклонился, и севший ему за спину Николай положил руки на его шею.

— Влево-вправо поверните. Еще раз вниз, — он помолчал, тщательно ощупывая узлы под пальцами. — Нет... Показалось.

— Что?

— Показалось, что щитовидка увеличена. Уже ушел, а потом думаю — «дай, вернусь, пощупаю». Но, оказывается, ничего.

Больной благодарно покивал,

проводя его, снова идущего к двери, несколько испуганным взглядом: сосед по палате симитировал выражение его лица, как брат-близнец. Дверь мягко закрылась, и за дверью Николай сумел перевести дух. Ну что ж, старая система сработала, как положено. В конце концов, не будь этой нашивки, что-нибудь другое за несколько часов натолкнуло бы его на ту же самую мысль. Ассоциацию из детства, глупый детский анекдот типа прочих — про Чебурашку и «пиписины», про Гену и старуху Шапокляк и так далее. В наши дни такие уже не рассказывают. Всплывший откуда-то из глубин памяти анекдот

действительно подошел бы к описанию ситуации, если бы не был настолько глуп. Гибель «Челленджера» в 1986-м, американский президент (кто тогда был, Рейган?) спрашивает секретаря: а все ли прислали соболезнования. «Да, — отвечает секретарь (почему не секретарша? Бог знает, — говорили-то именно так) — Даже Горбачев. Самым первым, еще за полчаса до старта».

Николай смог позволить себе улыбнуться. Заноза в мозгах исчезла, и теперь он чувствовал себя просто глупо, что в данной ситуации само по себе тоже было почти удовольствием. Детские глупости —

забавно, что они всплывают в голове через десятки лет после того, как этот анекдот был рассказан последний раз... Вернувшись к работе, он продолжил делать то, что умел и любил, и это также здорово помогло. Работы было, в общем, не так мало даже для спокойного дежурства. С бумагами он закончил только в полдвенадцатого и, попрощавшись с подозрительно на него поглядевшей Шурой, намылился поспать. Скопившаяся за последние недели усталость давала о себе знать: зевки были неудержимы, как бывает у детей и котов. Вместо зубной щетки он привык пользоваться жевательной резинкой, а брился

принципиально только утром и только дома, поэтому со всеми переходами и перекладываниями малопродуктивно потратил еще минут двадцать. В итоге к тому моменту, когда можно было уже действительно ложиться спать, уже начались полуночные теленовости, пропускать которые было неловко. Пульт в телевизоре работал кое-как, но если его как следует потрясти, контакты «схватывали», и Николай смог посмотреть передачу с вообще сибаритским комфортом: лежа на диване под простыней и с выключенным верхним светом. Но новости оказались относительно скучными для такого непростого дня

— сплошное повторение снятых и уже показанных раньше видеосюжетов и оптимистичное мычание комментаторов и «представителей силовых ведомств». Воскресенье все же сказывалось — в обычный рабочий день программа почти наверняка была бы более живой. После тридцатисекундного сюжета о том, что правительства ряда европейских стран обратились в российский МИД за разъяснениями, он с облегчением ткнул в заткнувшую экран кнопку. Комментарии диктора давались ставшим в последний год модным иронично-язвительным тоном, и это тоже раздражало. Тот явно считывал с висящего перед ним

экрана телетекст, а не говорил сам, поэтому слушать такой голос было противно.

Следующий день тоже прошел как обычно: с утренней конференцией, врачами, больными, медсестрами, неистребимыми запахами пенициллиновых антибиотиков и рисовой каши и так далее. Отделение было в отличном состоянии, ремонт в нем был на зависть многим, как и вышколенный персонал, состоящий целиком из профессионалов. В общем-то Николай Ляхин пока ни разу не пожалел, что после ординатуры пришел работать именно сюда. Своих медицинских тараканов в значении

«местных тонкостей» здесь хватало, — но где их нет? В «Кремлевке»? Да бросьте... Работа без тонкостей может быть только у гробовщика...

Вечером дом и человеческий ужин со снова начавшими глядеть на него с затаенным сомнением в глазах родителями. Компьютер, очередной перевод с английского: причем не полировка, а первичный, требующий хорошей концентрации. Позже — бег, привычно и уверенно прогревающий мышцы насквозь, несмотря на классический ленинградский ветер, до предела насыщенный полурастаявшими кристалликами снега. Температура

опять начала скакать вверх и вниз, и к концу недели растаял почти весь снег, который падал с начала января. К этому же концу недели Николай начал осознавать, что тон телевизионных новостей несколько изменился. Из оптимистичного он стал каким-то настороженным, и это было странно: трупов за эти дни не прибавилось, интервью с ранеными парнями из спасшей ЛАЭС и город смены можно было видеть каждый день, и все вроде бы было на редкость в порядке. Вечером четверга «Газета. Ру» выпустила краткое сообщение о свежем заявлении премьер-министра Великобритании. Заглавный абзац

оборвался на словах «...о недопустимости безалаберного отношения к безопасности...», и Николай на секунду задумался — как будет по-английски «безалаберный» или «безалаберность». Вспомнив по крайней мере три варианта, он полез в «130-тысячный» словарь Таубе-Даглиш — и тут задумался еще больше. Классическим переводом для стоявшего первым «*haphazard*» действительно было «неприцельный огонь».

К пятнице непонятно резкое заявление англичанина было поддержано сразу несколькими политиками, включая даже нейтральных шведов, а к субботе от

комментариев, заключений и разъяснений на новостных интернет-лентах уже рябило в глазах. К этому времени уловленная им еще несколько дней назад настороженность в собственно российских комментариях переросла в нечто иное. В этом новом качестве было всего понемногу — и это было на редкость непонятно, поэтому Николай задумался уже совсем всерьез. Было такое ощущение, что ни англичане, ни «континентальные» европейцы, ни подключившиеся к ним на удивление позже всех американцы просто не обращали внимания на произошедшее на самом деле. Никто не желал замечать

видеосюжеты с выложенными в ряд телами нападавших. Половина их была опознана уже на второй день — все они действительно оказались чеченцами. Никто за пределами России не обращал внимания на то, что ни один темный силуэт в опубликованной во всех газетах, представленной Государственной следственной комиссией схеме не пересек «внутренний периметр» системы охраны станции. Это все было как будто с кем-то другим, где-то в другом месте, потому что все комментарии и заявления долбили одно: «неприемлемая халатность в обеспечении системы охраны», «система, не отвечающая запросам

даже середины XX века», «угроза экологической безопасности Европы и всего мира»...

Станным было и то, что огрызались отечественные СМИ довольно вяло. Некоторую вспышку напомнившего ранние репортажи оптимизма вызвало прозвучавшее в субботу заявление пресс-службы ФСБ о том, что террористов было, оказывается, не десять, а одиннадцать. Тяжелораненый одиннадцатый был, как вдруг выяснилось, взят живым, и само его существование до этого момента скрывалось. На юге страны к этому времени также были проведены масштабные

противотеррористические мероприятия, и в телеэфире начали мельком звучать цифры, обобщающие их итог — арестовано столько-то людей, «возможно, имеющих отношение к произошедшему в конце прошлой недели нападению на Сосновоборскую АЭС», «следствие вышло на след организаторов...» Но этого не хватило, и после примерно суток «переваривания» новости все зарубежные комментаторы и футурологи-любители взялись за старое. «Возмутительная халатность, едва не позволившая экстремистам погрузить Европу в ужас второго Чернобыля». «Сложно рассчитывать

на то, что чудо, спасшее русских от очередной катастрофы, поможет им в другой, следующий раз...» МИД отвечал какими-то заявлениями, пробитые автоматными пулями синюшно-бледные трупы показали в таком виде, что половина увидевших сюжет ОРТ зрителей не-медиков наверняка бросились к унитазам — все без толку. Группа перебитых к такой-то матери под воротами ЛАЭС чеченцев была едва ли не официально объявлена победителями, и никакие другие не укладывающиеся в эту концепцию факторы в расчет уже не принимались.

В ту же субботу Николай

встретился на самбо с «Юорками» и сумел наконец-то задать интересующий его вопрос без всякого стеснения.

— Ребят, я не понимаю. Наш МИД — он вообще из дармоедов состоит? Целиком?

Смешок был почти всеобщим: к моменту, когда он это спросил, ребята уже заканчивали переодеваться, но еще не вышли в зал.

— Док, ты в своем репертуаре. Успокойся, они просто все очень заняты.

— Нет, но я действительно не понимаю...

— А чего тут понимать? —

Железный Винни, действительно похожий в вытертой временем борцовской куртке на добродушного Винни-Пуха, хлопнул его по спине так, что весящий 75 кило Николай едва удержался на ногах. — Они заняты. Им не до нас. Машинки стучат, факс перегревается, секретарши только рот полоскать успевают. Все при деле. Какое противодействие, что ты? Когда ты в последний раз видел, чтобы наш МИД что-то умное сделал в политике? Именно не сказал, что сделает, а сделал?

Что ответить, придумать сразу Николай не сумел, потом была тренировка, в ходе которой тоже

было не до разговоров, но во время «обратного» переодевания он завел этот разговор снова.

— Я не дипломат, конечно, но полагаю, самой лучшей политикой здесь был бы фарс.

— В смысле?

— А в прямом. Фарс, демонстративное пересмешивание. Причем давно пора. К примеру: цвет демократического мира заявляет, что мы продаем оружие «Хезболле», — вот продаем, и все тут, что бы мы там ни говорили и какие документы ни предъявляли. И тут МИД России обращается к правительству Монако с требованием немедленно прекратить поставлять компоненты

химоружия «Аль-Каиде». Вот немедленно, сию минуту! «Да какое химоружие? — икает офонаревший от услышанного принц Монако, оторвавшись от рулетки. — Да вы что?» А МИД на это гневно должен ответить: «Вот! Все видят, что Монако не желает разоружиться и признать свою вину перед мировым сообществом? Кровавый и прогнивший монархический режим ничего не способен сказать в свое оправдание! Доколе мир будет терпеть беззастенчивые поставки произведенного в Монако химоружия „Аль-Каиде“, мы вас спрашиваем?»

Когда фраза выдохлась и все отсмеялись, Николай продолжил уже

спокойнее:

— Ну, это максимум, разумеется. Перебор. Но смысл ясен, нет? Нас обвиняют в том, что из нас прут имперские амбиции и только поэтому мы не даем свободу Чечне и Еврейской автономной области, — а мы требуем немедленно сесть за стол переговоров с техасскими сепаратистами. Которые, между прочим, есть. Мол, мы возмущены, что воля требующего независимости техасского народа заглушается марионеточными спецслужбами антидемократического режима. И хорошим дипломатическим языком начинаем организовывать эту встречу. За наш счет, где-нибудь на

Ямайке или Палау, под нейтральными пальмами — не слишком всерьез, но демонстративно. Нам в очередной раз говорят, что у нас атомные подводные лодки сплошь ржавые и вот-вот накроют радиоактивными утечками половину Мирового океана, — а мы поднимаем крик, что какой-нибудь «Сивулф» на самом деле течет плутонием по всем швам, и это скрывают от населения Бреметона и всего штата Вашингтон, чтобы не вызвать паники. И неважно, что ни хрена он не течет — тут нужно, чтобы каждая третья домохозяйка в штате задумалась о том, а не написать ли конгрессмену о

своих страхах. Ну, и так далее. Именно как фарс. Как прививка. Чтобы всем было понятно, что именно мы передразниваем, чтобы начали воспринимать с критикой уже это, уже своих.

— Не срабатывает, — было заключение «Винни», прозвучавшее, уже когда они вышли на улицу. Снова как следует подморозило, и черное небо давило на кожу, как открытая могила. — Все, чего ты добьешься таким манером, — это испорченные отношения с тем же Монако и всеми остальными. Хотя тут ничего не срабатывает, наверное.

— Да знаю я... Просто обидно, что вместо чего-то пусть не слишком

даже умного не делается ни-че-го вообще. Канал «*Раша Тудэй*» запустили, — отчитались, что полдела сделано. Деньжищ попилено — на танковый полк хватило бы. Ты видел, что он крутит? Любой нормальный телезритель тут же на прибалтов переключит или на азербайджанский «Лидер»: там программа в разы интереснее. Почему Артем Драбкин до сих пор без ордена? Олег Маддокс? Они вдвоем для имиджа России больше сделали, чем весь наш МИД вместе взятый. Почему им не помогают люди, которые МГИМО заканчивали, если не психфак, — которые учились управлять человеческой

психологией? Да стоило бы это — копейки. Перевести «Иди и смотри» и «Горячий снег» на английский, немецкий и французский — и раздать DVD-диски в кабинеты истории по школам Европы и Северной Америки. Копейки! И выросшие школьники через пять лет забросают Бивора и старую жабу Олбрайт тухлыми яйцами, понимаешь? Хоть с этого начать! Почему этого никто не делает?

— Заняты, — снова буркнул Витя, и стало ясно, что тема ушла окончательно, — все переключились на обсуждение завтрашнего выезда на хардболл. У Николая, понимавшего, что он говорит

слишком много, осталось впечатление, что он все равно что-то недоговорил, но поделаться он уже ничего не мог. Это тоже было нормально, хотя и неприятно — среди своих.

В воскресенье группа встретилась на вокзале в полном составе, потому что Витя отдал машину в гараж — что-то подкручивать и настраивать. Встретились рано — к девяти им было уже начинать, а до этого надо было и добраться до места, и переодеться.

— А мой-то дурак... На рыбалку пошел!.. — четко обрисовала обстановку зевающая Машка. Фраза

была из классического анекдота, и подошла она отлично: точно так же зевающие ребята посмеялись, и это взбодрило. Когда они добрались до Сестрорецка, а потом местным автобусом до базы, Витя сделал еще одну умную вещь. Он заставил всех бежать последние два километра, и в результате группа вышла на учебный бой в весело-хищном настроении. В таком хорошо драться, и выпавший группе первым «захват укрепрайона» они провели на подъеме — умело и слаженно.

— Всегда бы так, — с удовлетворением отметил кто-то из ребят, когда они едва ли не вприпрыжку вернулись в проходной

коридор. На десять минут раньше контрольного времени, победившие и к тому же потерявшие всего троих ранеными. По правилам «Барса» получивший попадание в конечность игрок мог продолжать.

— Скатали лодочку... — машинально Николай произнес выражение, всплывшее откуда-то издалека, из тех школьных лет, когда он предпочитал не хардбол, самбо и легкую атлетику, а байдарку. Тогда это было популярно. — Скатали...

Они вернулись в «инструкторский домик», чтобы вдарить по первой «перерывной» чашке чая из термосов, и обнаружили, что инструкторам не до

них. Те пялились в телевизор. Антенна в нем явно была настроена криво, да и развертка тоже — порябщему «снегом» экрану сверху вниз непрерывным потоком ползли почти белые полосы. Но видно все равно было, — показывали выступление вице-премьера Рогозина.

— Какой канал?

— Да тихо ты!

— А что случилось-то?

На спросившего шикнули уже впятером или вшестером, и он заткнулся, наклонившись к экрану точно так же, как все остальные. В комнату отдыха вошли остатки разбитых наголову соперников

сегодняшнего дня, теперь пришлось шикать на них, и из-за всего этого Николай не слышал ничего произносимого вальяжным вице-премьером еще минуты полторы. Потом до него добрались слова «отравляющие вещества», потом их название — и глаза у проходившего обязательный курс токсикологии доктора полезли на лоб. С этой секунды он слушал уже не отрываясь — как и все остальные.

— ...Что бы ни говорили зарубежные эксперты, на самом деле никакой речи об утечках или заражении любого рода не идет. С первого же дня, с того момента, как стало ясно, что уничтоженные

террористы имели при себе боеприпасы, снаряженные отравляющим веществом, на месте начали работать сразу две независимые группы специалистов, — относящихся как к Министерству обороны, так и к МЧС. Я со всей ответственностью заявляю, что...

— Заявляет он, — с неприкрытой брезгливостью сказал Сергей, и обернувшись на него Николай неожиданно поймал странный, оценивающий взгляд Вити. Тот едва заметно шевельнул губами, и сказанное Николай прочел без труда — «химоружие», «вчера». Ну да, конечно: именно вчера он это

и упомянул. Вот так и зарабатывается дешевая популярность.

— Хочу также особо отметить, что в ходе нападения на пост охраны ЛАЭС террористы не использовали ни одного боеприпаса, снаряженного отравляющим веществом. Они просто не имели возможности сделать это, потому что были уничтожены буквально за минуты. Все, что было обнаружено среди имеющегося у них оружия, боеприпасов и вещей, было тщательно и многократно изучено. Еще раз повторю: ни малейших следов утечки любого рода не зафиксировано. Все, что они принесли с собой, было снято с их

тел неиспользованным. Как вы помните, два дня назад я уже рассказал о том, что один член террористической группы был взят живым. В настоящее время его состояние уже не внушает опасений, и те показания, которые он начал давать, позволяют нам...

— «Не внушает опасений!» — восхитился один из инструкторов, и хмыкнувшая Маша одарила его такой улыбкой, что парень едва не умер на месте.

— Забавно...

Рогозин уступил место какому-то глубокомысленному очкарику, и все одновременно разогнулись. Парень, верховодивший в команде

конкурентов (несколько раз за утро его успели назвать Слонотопом), поднялся со скамьи, поставил обе руки на пояс и покрутил поясницей в разные стороны, — как пародия на вдруг увлекшуюся бодибилдингом грацию с яблоком. Николай с удивлением обнаружил, что все «свои» ребята смотрят на него и на Лену. На него — понятно, а на Лену — как на химика, что ли? Смешно, но, восприняв висящее в воздухе напряжение, через несколько секунд молчаливого и удивленного переглядывания инструкторы и Слонотоп со своими сделали то же самое. Все вместе они уставились на них так, что не почувствовать

неловкость было трудно. Николай и почувствовал — что не помешало ему спокойно молчать, разглядывая окружающих точно так же, как те зачем-то разглядывали его. Это сработало, и через сколько-то времени такой игры в гляделки так и не понявшие, зачем все это случилось, «Барсовцы» и конкуренты по игровому полю начали обмениваться какими-то комментариями.

— Коль, — позвала его после этого сзади Лена, причем почему-то шепотом. — Что ты думаешь?

— Ты не упустила в начале? Как «О-Вэ» называлось?

Лена назвала.

— Значит, не слышалось. —

Николай пожевал губами, с неудовольствием прогоняя через себя обрывки старых знаний. — Плохо.

— Почему?

К склонившейся почти к самому его плечу Лене присоединились сначала Витя, а за ним и Сергей с Лешей Тихомировым.

— Потому что это означает, что это, скорее всего, не самоделка. Если, скажем, фосген... — Николай задумался, не слишком ли он ошибается, но решил, что все верно: когда-то он это точно читал, причем в заслуживающем доверия источнике.

— Фосген — его можно сделать

самостоятельно, и я даже знаю как. И Лена наверняка знает — это не требует ни особо сложной технологии, ни слишком экзотических ингредиентов. Хлор — как другой пример. Фактически это тоже ОВ, причем исторически — самое первое, если не считать татаро-монгольских ухищрений. Но эти ребята взяли не их, а такое...

Поймав кожей чей-то внимательный взгляд, Николай поднял голову, обнаружив слушающего его «Барсовца» в каком-то метре сбоку.

— Такое, — закончил он уже тише, — за которое мы теперь долго будем отмываться.

— Мы — это кто? —
поинтересовались сбоку. Он даже не
стал оглядываться, чтобы
посмотреть, кому принадлежит
голос.

— Да мы все, — глухо объяснил
он, удивляясь, что кто-то мог это еще
не понять. — Русские.

Конец января

*Есть вещи поважнее,
чем мир.*

*Генерал Александр
Хейг,
Государственный
секретарь США
(1981–1982)*

— Вот уж не предполагал, что мне придется услышать такое! — Вице-президент был действительно искренне поражен и не собирался этого скрывать. До сегодняшнего дня он считал, что неуступчивость германского кабинета обусловлена

лишь одним — стремлением
заполучить кусок побольше в
будущем победном пироге. Именно
поэтому, в глубине души ничего
против столь разумного подхода не
имея, он принял приглашение на
личную встречу. Аналитики Белого
дома были полностью согласны с его
предположениями, тем более
основанными на их собственном
анализе, и после обсуждения с
президентом был подобран целый
спектр уступок и льгот, на которые
США были готовы пойти. Без
бундесвера и люфтваффе в
ближайшие годы абсолютно точно не
обойтись, и это стоило любых денег
и любых поблажек. Но теперь вдруг

оказывается, что Меркель и Рёслер на самом деле не хотят участвовать в умиротворении зарвавшихся и возомнивших о себе Бог ведаёт что соседей по континенту, — и вот это было неожиданным и странным.

— Я вырос на книгах Руделя и Меллентина, — сказал он почти с гневом. — Мне и в голову не могло прийти, что германский народ выродился в трусов и...

Филипп Рёслер встретился с вице-президентом США глазами, и при этом неожиданно оказалось, что, несмотря на рост и происхождение, на труса он не похож совершенно, — поэтому Байден замолчал. Профессиональный политик,

дипломированный врач и экономист, действующий вице-канцлер Германии не нуждался в переводчике, чтобы понять сказанное правильно. Но при всем этом иметь переводчика в настолько важном разговоре было необходимо, и он потратил еще минуту, прежде чем кивнул, окончательно удостоверившись в том, что расслышал американца верно.

— Хорошо, Джозеф, — сказал он, поднимаясь. — Пойдемте со мной. Мне нужно вам кое-что показать прямо сейчас.

Ехать пришлось минут сорок, потому что полиция не успела расчистить улицы столицы от толп

народа. Было воскресенье — с ясной погодой, но слишком теплое, чтобы кататься на лыжах где-нибудь в дальних пригородах Берлина, и еще слишком холодное, чтобы ехать на пикники. Поэтому город и был полон празднующихся людей.

В машине Джозеф Байден несколько раз пытался завести разговор, все более и более раздражаясь на идиота-вьетнамца, забравшегося в неполные 40 лет на такой высокий пост и теперь пытающегося играть с ним в какие-то свои игры. Вместо того чтобы сделать все так, как требуют интересы мирового сообщества. Но Рёслер молчал, глядя куда-то в

пространство перед собой. Это было настолько оскорбительно, что вице-президент США поклялся себе, что вне зависимости от того, чем закончатся эти нужные, но принявшие какой-то неожиданно бредовый оборот переговоры, на следующих выборах кандидатура Рёслера вызовет уже только недоумение.

— Это здесь.

Кортеж лимузинов остановился на маленькой площади аккуратной немецкой деревушки, с установленной прямо в ее центре не крупной конной статуей какого-то германского принца с саблей в воздетой руке. Сорок минут от

занятого правительственными учреждениями района Берлина на хорошей скорости — фактически это была даже не деревня, а просто спальный район для небедных клерков и «белых воротничков» из столичных учреждений.

Вице-канцлер и вице-президент вышли из лимузина, окруженные редким кольцом телохранителей. Несколько туристов и местных жителей, остановившихся при появлении на площади увенчанных флажками представительских «Ауди», защелкали фотокамерами, и Байден, так и не понимая происходящего, машинально помахал им рукой.

— Это деревня Каппесдорф, — негромко произнес Филипп Рёслер. — Вы знаете, я родился не в Германии. Но когда мне было 12 или 13 лет, я провел в этом месте лето, и кое-что, что я увидел, я запомнил на всю жизнь. Вам это тоже стоит увидеть.

Они прошли по вытертым булыжникам в дальний край площади, где под флагштоком с вяло обвисшим германским триколором стояла врытая в землю широкая диабазовая плита. Телохранители придержали туристов, и вокруг образовалось около десятка ярдов пустоты. «Возложение венков? — смутно подумал Байден. — Почему

сейчас?»

Вице-канцлер указал перед собой рукой, и вице-президент США опустил взгляд с флага на то, что ему показывали.

— Сейчас здесь живет около шестнадцати тысяч человек, — негромко сказал Рёслер. — В сороковые годы здесь жило тысячи полторы максимум.

Джозеф Байден посмотрел на него, потом снова перевел взгляд на плиту. Фамилий на полированном диабазе было много: по крайней мере, сотни две.

— Это только военные, — произнес вице-канцлер еще до того, как он успел задать вопрос. — В

Каппесдорфе не было боев. И ни
ваши, ни британские
бомбардировщики не сожгли ее в
своих налетах — жителям повезло.
Просто смотрите.

Миллер
Миллер
Милеер
Маннергхайм
Маннергхайм
Мароон...

Байден, морщась от
неудовольствия, заставил себя
посмотреть на длинный ряд ничего
ему не говорящих имен.

Правее — столбик с

географическими названиями.

U-298, Атлантика

Россия

Россия

Россия

Украина

Африка

Россия, 1941

Норвегия

Россия

Россия, деревня

Сельтцо

Россия

Украина

Россия, умер в плену

1945

Украина

Белоруссия, Минск
Россия
Польша, 1944
Россия, деревня
Конура
Оборона Кенигсберга
Белоруссия
Сицилия, 1943
Польша, 1944
Россия
Восточная Пруссия,
1944
Россия
Берлин
Россия
Россия...

— Немцы никогда не были

трусами, — глухо сказал Рёслер сбоку, увидев, что вице-президент США отвел глаза от черной стены. — Но мы, немцы, слишком хорошо знаем, кто на самом деле выиграл Вторую мировую войну в Европе. Поверьте мне на слово, мистер Байден, ее выиграли не вы... — и после паузы: — Я служил в бундесвере. Я отвечаю за свои слова.

Обратно они ехали в таком же молчании, как и в направлении этой дурацкой деревни, с дурацким даже для европейцев названием. Потерянное время. Хотя, может, конечно, и не совсем потерянное. Скосив глаза, Байден коротко осмотрел профиль соседа,

облокотившегося на обитую качественной кожей спинку сиденья бронированного автомобиля. Спокоен, скотина... Добился своего — вывел его из себя, и теперь сидит довольный и по-азиатски спокойный. Объяснил...

Сам ничего не выразив лицом, контролирующий свои эмоции и мимику с эффективностью компьютера, вице-президент США продолжал размышлять. Дышал он при этом глубоко и спокойно, как во время послеобеденного отдыха в выходные — редкие, уже почти окончательно исчезнувшие из его расписания.

Итак, верхушка германского

правительства спятила. В прошлый раз, когда они решали судьбу Ирака, предшественники Меркель и Рёслера поступили аналогично — в значении «не поддержали инициативы США, своего главного партнера в мире». Того самого партнера, кому они обязаны вообще выживанием под боком у кровожадного и могучего в те длинные десятилетия середины XX века соседа. Но тогда, в те месяцы, когда готовилось освобождение Ирака, у них были чуть более адекватные причины поступить именно так. Финансово не слишком удачные годы, всплеск социальной напряженности, нарастающий политический

конфликт с Турцией... Много глупого для взрослых людей идеализма. Все это было, но тогда в их пользу сыграла просто инерция, политический капитал, наработанный за долгие годы. И не в последнюю очередь — Югославская кампания, когда немцы вложились в военный разгром южных славян с душой и искренностью настоящего союзника. Тогда они даже поиграли со своей конституцией, до этого момента официально запрещавшей германским ВС действовать за пределами территории собственного государства. Именно так поступили теперь японцы — и это тоже имело свои серьезные причины, часть

которых может быть весьма полезной, часть просто опасной, хотя дело сейчас не в этом... Но все же потом был Ирак, где Россия, Франция и Германия неожиданно выступили единым, странно слитным политическим фронтом. Никакого значения это в итоге не имело, а то, что дележ иракских нефтяных полей и всего остального прошел без Германии и той же Франции, должно было стать отличным, легко усвояемым уроком. Однако не стало. Почему-то. И теперь явный идеалист, бывший врач Филипп Рёслер бредит, пытаясь совершенно нелепыми аргументами объяснить то, почему именно он не

хочет поддержать вырастившую его страну, когда она получает возможность забрать себе тот кусок России, который ей выделяют.

«Итак, — повторил про себя вице-президент, продолжая равнодушно глядеть в окно и чувствуя, как дрожь мощного мотора сдержанно наполняет тело теплом. — Итак»...

Черный представительский «Ауди» нес себя по постепенно пустеющим улицам: ветер становился все сильнее. Он обтекал тяжелую машину со всех сторон, по натянувшимся флагам и по лицам торопящихся людей можно было понять, какой он промозглый.

Мотоциклист слева поравнялся с тонированным стеклом и тут же снова уплыл назад, когда шофер чуть сильнее надавил на педаль газа. В этой машине было, пожалуй, больше никелевой брони, чем автомобильного штампованного железа, но мотор был усилен до такой степени, что его хватило бы на тяжелый бомбардировщик конца Первой мировой. Это было почти забавно...

Джозеф Байден поднял голову и улыбнулся в первый раз за последние часы. Вице-канцлер поймал его неожиданную улыбку и грустно улыбнулся в ответ. Уже само это несколько разрядило висевшее в

салоне напряжение, а несколько малозначащих комментариев, которыми обменялись политики за остаток пути, почти совсем его развеяли. К моменту, когда окруженный редким кольцом эскорта «Ауди» остановился у того же подъезда, который они покинули полутора часами ранее, улыбались уже оба. Рёслер — чуть грустновато, но тепло. Байден — гораздо шире. Всегда приятно чувствовать себя сильнее собеседника. И особенно это приятно, когда собеседник не знает, какая из твоих карт может оказаться следующей в колоде.

Покер Байден любил, как его любил, говорят, покойный адмирал

Ямамото — один из самых известных игроков в истории ушедшего за горизонт века. Вице-президент самой могущественной страны мира никогда не играл для чего-то большего, чем просто для личного удовольствия, но не сомневался, что азартный японский адмирал стал бы для него отличным партнером. Но уже не станет — умелый и долгое время удачливый враг Америки сейчас в аду, а там, как предполагается, и своя покерная компания отличная. Президент Обама может думать о собственных шансах все, что он хочет. Джозеф же был в первую очередь именно практиком, реалистом, и он

прекрасно знал, куда отправится. За свое многолетнее, непрерывное жертвование всего на благо звездно-полосатого флага, колокола свободы и миллионов тех людей, которые продолжают во все это верить. Даже без такой мелочи, как это маленькое и удовлетворяющее знание, жить было бы чуточку менее интересно, — как есть мясо пресным.

— Полная проверка, — скомандовал он командиру группы своей охраны, вышедшему встретить его в холл апартаментов. — Сверху донизу и крест-накрест. Не мне вас учить. Мы ищем «жучок».

— Есть основания?

Офицер сохранил на лице точно

такое бесстрастное выражение, которое Байден старательно сохранял на собственном. Это понравилось ему до такой степени, что настроение окончательно улучшилось. Хорошо быть окруженным профессионалами. Хорошо знать, что ты профессионал. Хорошо, когда твой интеллект и чутье оценены по достоинству, и «свои» ждут от тебя именно такого — резкого поворота в игре, способного переломить ход схватки за контроль над «горшком» — аккумуляровавшей мелкие ставки кучкой денег в углу суконного стола.

— Пока нет. И не должно.

Офицер кивнул, — сказанного

ему вполне хватило. Он тут же ушел куда-то в тень, и вице-президент, не глядя, сделал вбок стандартный жест: «много, и самый горячий». Блеклый от недосыпания интерн провел его в «малый» кабинет, не оборудованный оргтехникой, но с большим телеэкраном, и подавальщица тут же принесла заказанный кофе. «Вице-президент США, — сообщала кружка. — Только попробуй тронь».

Пульт от телевизора лежал прямо поверх газет, но разворачивать их Байден не собирался. Немецкий никогда не доставлял ему удовольствия, а в оперативность газетных новостей он не верил

вообще. К началу второго десятилетия XXI века профессия газетного журналиста изжила себя почти окончательно — как в целом и журналиста вообще. Теперь большинство хоть что-то значащих новостей обнаруживалось не на улицах и фиксировалось отнюдь не в редакциях.

— Мы передаем прямой репортаж из Берлина, где, как вы знаете, в настоящее время проводится плановая встреча президента США Барака Обамы и Федерального канцлера Германии Ангелы Меркель...

Репортерша явно мерзла, — ее черная кожа была покрыта брызгами

прилетавшего откуда-то сбоку дождя, а стильный ярко-красный пиджак пошел пятнами в тех местах, где его не защитил перекошенный, рвущийся из невидимых рук зонт.

— Как сообщалось ранее, на проведенной в час пополудни специальной пресс-конференции для аккредитованных журналистов президент США и канцлер Германии сообщили, что им удалось добиться важного прогресса в главной теме переговоров...

«Дура», — сказал вице-президент про себя, с удовольствием глядя на то, как популярнейший политический обозреватель Би-би-си из всех сил старается не

сморщиться. Кофе в находящейся в руке Джозефа Байдена кружке был горячим, и его по-прежнему было много, — это уж не говоря о том, что он был по-настоящему хорошим. Поэтому комфорт ощущался всем телом, — как будто он все еще был в сердцевине теплого и прочного бронелимузина.

— ...Таким образом, вопрос о закрытии большинства американских военных баз на территории Германии можно со всей уверенностью назвать решенным. Многомесячный спор о плюсах и минусах этого решения не прекращен до сих пор. Более того, можно предположить, что дискуссия о военных, политических и

экономических аспектах этого решения будет вестись еще долго — настолько велико влияние американского военного контингента на расстановку сил в Центральной Европе. Но смена основного района дислокации группировки армии США в Европе с центрального на восточноевропейский, пусть еще не начавшаяся, уже привела к очередному витку обострения отношений России как непосредственно с США, так и с ее собственными восточными соседями...

Байден усмехнулся. Россию не любит никто. Но за последние годы она растеряла и тот запас

доброжелательности, который оставался по отношению к ней хотя бы у кого-то из европейцев. Самое забавное — что это практически ничего не стоило ни одной стороне. Ситуация была беспроектная. Армия США впервые делает шаг через порог казарм стран — членов бывшего Варшавского договора, — и русские возмущены. При этом всем совершенно понятно, для чего США этот шаг делает, поэтому политики Польши, Чехии, Румынии и Грузии возмущены еще больше. Россия не имеет никакого права указывать им, кого пускать на активно строящиеся базы на своей территории, а кого не пускать. Пребывание несущего с

собой не только политический вес, но и полновесные деньги «контингента безопасности» — это их личное дело, потому что десятилетия диктата воли Москвы ушли в прошлое. И только тугодумие русского медведя не позволяет тому понять, что эти годы не вернуть уже никогда. Вдобавок это же самое тугодумие не позволяет ему осознать тот простейший факт, что его «выражений озабоченности» и «протеста» ждут с нетерпением. Потому как эти протесты демонстрируют всем ясно и четко — русские понимают только язык силы, больше никакой. И сейчас русские боятся. А более сладкого чувства для

сердца нормального
восточноевропейца за последние
триста лет не придумал никто: ни
демократ, ни либерал, ни монарх из
последних еще настоящих. Более
того, промолчи вдруг русские — и
это тоже было бы проявлением их
боязни. И к этому тоже все были
готовы — с расписанными
политтехнологами вариантами
«заявлений относительно» и
«обращений к». Не понадобилось —
хорошо. Этот вариант в любом
случае был запасным: было ясно, что
обнаглевшие за те же последние годы
русские не смолчат и на этот раз. Но
он существовал, и это было
правильно. У настоящего политика

должны быть готовы все возможные типы реакции на любую реакцию своих политических соперников. Кроме самой уж неподходящей к тому, что описывается на страницах газет и комментируется с телеэкранов, — но и это тоже справедливо, потому что иначе не проигрывала бы ни одна сторона. А так не бывает. Потому как та сторона, которая контролирует телеэфир, выигрывает в наши дни все.

— Господин вице-президент...

Командир группы охраны просунул голову в дверь, и Джозефу Байдену на мгновение показалось, что тот прочел мысли на его

собственном тепло улыбающемся лице: так демонстративно спокойно бывший флотский «морской котик» оглядел обстановку.

— Да, Вильям?

— Мы закончили осмотр. Извините, что это заняло столько времени, но я счел, что...

— Все верно, Вильям. Все верно. Здесь Европа. Кто знает, кому... И самим немцам, и бывшим «штази», которые могли оставить здесь «жучки» со времен Картера. Еще ламповые, между прочим. И русские тоже. Уверен, они отдали бы треть своего военного бюджета за возможность послушать, что тут говорится.

— Разумеется, господин вице-президент.

Офицер ни малейшим напряжением лицевых мышц не выдал, что удивлен монологом своего принципала, и внимательно разглядывающий его лицо Байден удовлетворенно хмыкнул.

— Позови мне Таню. И приготовь контур по тому кабинету сбоку от моей спальни.

Командир группы охраны, которого вице-президент с самого первого своего дня на должности не называл иначе, как полным именем, исчез. Дверь он плотно прикрыл за собой, но через мгновение она открылась снова. Секретарша вице-

президента даже не стала произносить формальные слова: она просто ждала. Джозеф Байден знал, что Таня — это сокращенное имя от грузинского Татана, но у нее оно было полным. Почему-то мода на восточные и даже восточнославянские имена устойчиво держалась в среде афроамериканцев уже лет сорок.

— Третьего секретаря нашего посольства ко мне. В затененной машине. Советника президента по национальной безопасности. Отдельно. Первым я приму того из них, кто появится раньше. Кабинет — тот, который рядом со спальней на первом этаже. Уровень секретности

— максимальный.

Почти незаметно кивавшая после каждой его фразы секретарша мягко закрыла блокнот. Затем, выждав короткую паузу в предположении, что он скажет что-то еще, исчезла. Максимальный уровень секретности в приложении к остальной части вводной вовсе не означал того, что теперь Таня должна была переодеться во все черное, намазать лицо зеленой пастой и извлечь из-под узкой юбки верный «магнум». Это просто значило, что кофе приготовить нужно было заранее, его должно быть много, и он должен быть в подогревателе. Заходить в кабинет к вице-

президенту было нельзя, даже если сам президент Обама будет гарцевать под дверью на мустанге, размахивая лассо и издавая, что там издает нормальный ковбой, так и не ставший президентом. Предполагалось, что исключением могут стать только поводы, имеющие ранг, аналогичный высадке китайских войск на Тайвань или вторжению Азербайджана в Армению...

Вице-президент снова усмехнулся, — снова своим собственным мыслям, но на этот раз гораздо жестче. Он уже входил в нужное настроение — весело-боевое, как и должно быть в часы, когда

затеваешь операцию подобного уровня риска. И сулящую бенефиты такого масштаба. Впрочем, так оно и должно быть — расчет, риск, напряжение политической схватки, месяцы тяжелого ожидания и каждодневной борьбы... За проценты рейтинга администрации, за уступки врагов и союзников, которым всегда надо что-то от тебя... И потом победа. Иначе не бывало.

— Господин вице-президент... Советник сообщил, что будет через сорок минут, в настоящее время у него встреча с группой министров германского правительства. Третий секретарь посольства будет через десять.

— Спасибо, Таня.

Байден проводил взглядом вновь исчезающую за дверью не слишком стройную фигуру секретарши и вернулся к своим мыслям. Первое решение — всегда самое верное. Так обычно верна оказывается самая первая догадка, как бы странно она иногда ни выглядела. Время от времени об этом приходится напоминать себе, но в конце концов так оно и выходит — практически без исключений. Значит, как бы дико ни выглядела мысль, пришедшая ему в голову в те секунды, когда он, злой и раздраженный, сидел в лимузине на обратном пути от той дурацкой могилы... Как бы странно она ни

звучала в якобы цивилизованный и несомненно просвещенный ХХІ век, она была именно тем, что подсказывал ему опыт, даже бессознательный. И она была красивой. Даже своими первыми, самыми пунктирными наметками. Красивой. Элегантной. Как и должна.

— Наш разговор будет недолгим, Винсент, — произнес вице-президент через 15 минут, когда третьего секретаря посольства США в Германии провели в его кабинет, а формальные представления и фразы закончились. — Но последствия его могут быть настолько серьезны и многозначны, что будут отражаться

на мировой политике еще долгие годы после того, как нас не станет.

Третий секретарь посольства, он же полномочный руководитель европейского бюро Агентства Национальной Безопасности Винсент Дж. Симеон, сидел прямо и смотрел на вице-президента. Смотрел он не просто внимательно, а не мигая и даже, кажется, не дыша. Ну что ж, сейчас был его звездный час. Разгром европейских резидентур СССР, Восточной Германии и прочих прокоммунистических государств Восточной Европы стал пиком карьеры его предшественника. Но последовавший за тем «золотой дождь» наград и высоких постов

может показаться ничем по сравнению с тем, что достанется этому человеку и его людям в случае успеха всего предприятия. Успехом, который на самом деле почти предрешен, — проблемы могут быть только в частностях.

— Да, господин вице-президент.

Глава европейского бюро АНБ был почти на десять лет младше Байдена, но выглядел еще моложе. Вероятно, вследствие профессионально поставленной физической подготовки в молодые годы. То есть чего-то, чего не было у вице-президента, не сумевшего в лучший период своей жизни как следует сбалансировать умственные

нагрузки с физическими. Но глаза у него были старыми. Умными, спокойными, выражающими уважение и ожидание, но при этом старыми.

— Что бы ты сказал на следующую вводную...

Он все же сделал паузу, как бы прислушиваясь и к себе, к своим ощущениям, — и к происходящему вокруг.

— Русские готовят операцию по физическому устранению кого-то из членов верхушки германского правительства. Вероятнее всего — вице-канцлера Филиппа Рёслера. Насколько велики у них могут быть шансы на успех?

Секунду высокий человек с серыми глазами старика молчал, а потом осторожно и негромко спросил:

— Как я должен воспринимать эту... вводную?

— Как информацию. Пока непроверенную. Но исходящую из источника, имеющего достаточно высокий уровень доверия, так что мы в любом случае должны воспринять ее серьезно.

— Есть какие-нибудь детали? Дата готовящегося покушения? Средства, которые...

— Нет, Винсент. Только сам факт. Отдельная маленькая деталь — что это может произойти в момент

передвижения вице-канцлера в автомашине. Но ничего более. Временные рамки — вероятно, в течение ближайшего месяца, максимум полутора, но все же не в ближайшие дни. Их выборы прошли, им не надо спешить. Хотя это, последнее, — уже мое собственное мнение, ничье больше.

— Моя задача? — сухо поинтересовался специалист по особым операциям во всех их возможных проявлениях — и по всему, что может быть с этим связанным. За зрачками его глаз на максимальной скорости раскручивались барабаны с намагниченной проволокой — не

самый современный, но надежный компьютер, намертво принаитовленный к внутренней стороне его черепной коробки начал просчитывать возможные варианты.

— Знаешь, Винсент, — произнес вице-президент уже несколько менее официальным тоном. — Я вполне представляю, что ты обо мне можешь подумать после того, как я отвечу на этот твой вопрос. Что я спятил. Что у меня проблемы с алкоголем. Что я не представляю тонкостей европейской политики. Что я застрял в середине XX века, когда такое было нормальным. Тогда, но никак не теперь. Я все это знаю, можешь не сомневаться. Но ты можешь быть

уверен — я знаю и многое другое. Такое, что переворачивает ситуацию с ног на голову. И действую я в любом случае на благо нашего государства, да и всего мира тоже. Поэтому свои личные мысли обо мне можешь придержать для посмертных мемуаров. Я ясно выражаюсь?

— Да.

Более развернутый ответ бывший воздушный десантник давать не стал. Насколько Байден знал из его личного файла, непосредственный командир Винсента Дж. Семиона очень вовремя понял то, что парень слишком умен для того, чтобы орать «Джеронимо!» при десантировании

на пулеметный огонь или что-то другое в этом роде. В результате тот попробовал огня в самую меру для того, чтобы проникнуться уважением к людям, имеющим формальное право решать судьбы других. Ум никуда не делся — это было видно. А вот опыта, причем самого разнообразного, стало не просто заметно больше. К своему возрасту Симеон оказался заполнен им по самые зубы.

— Тогда я отвечу. — Вице-президент помолчал еще с секунду, дав себе время убедиться, что выражение на лице собеседника по-прежнему его удовлетворяет. — Я не думаю, что мы способны им

помешать.

На этот раз пауза была недолгой — секунд в тридцать. После их истечения оба набрали в легкие воздуха и улыбнулись. Одно из самых больших удовольствий на свете — владеть той информацией, которой не владеют другие. Тот, кто говорит, что такое приедается, обычно врет. Почему, в каких именно целях — не суть важно. Вице-президент гораздо больше верил себе, а ему за десятки лет работы такое не приелось.

— Это, несомненно, очень интересная... информация. Каковы мои полномочия?

Байден взглянул собеседнику прямо в глаза. Они с разведчиком

были достаточно похожи для того, чтобы многое понимать без слов. В конце концов, они много лет с успехом делали общее дело. Теперь оба знали маленький кусочек недоступной другим информации — русские собираются физически ликвидировать Филиппа Рёслера. Бывшего федерального министра здравоохранения, до этого — министра экономики, труда и транспорта в земельном правительстве Нижней Саксонии. С 2011 года занимающего должность вице-канцлера наиболее могущественного государства Центральной Европы, но при этом являющегося точно таким же

человеком из костей, мышц и кровеносных сосудов, как и все остальные.

— Определи полномочия себе сам, Винсент. Сейчас у тебя имеется точно такой же пакет информации, как и у меня. Но мне в ближайшие месяцы нужно будет заниматься слишком важными вещами для того, чтобы заботиться о возможных технических деталях. Где русские посадят своих снайперов, почему шофер лимузина Рёслера не догадается объехать перебегающую через дорогу старушку, — да мало ли что. В этом я понимаю слишком мало, чтобы мое мнение играло какую-либо роль для тебя.

Наконец-то Джозеф Байден увидел, как Симеон улыбается. То, что он оказался на это способен, хорошо его характеризовало даже само по себе. Интересно, что за все время, которое оба они провели, занимая свои посты, это была их первая встреча наедине. И сразу — такая. Плюсов от этого обстоятельства было много. Теперь руководитель европейского Бюро АНБ знал, что от него требуется, и Байден не сомневался, что справиться с подобной задачей для него не составит особого труда. Европа давно обленилась, времена «террористических бригад» 70-х ушли в далекое прошлое, и как

следует охранять политиков здесь разучились. Но при этом ни одного компрометирующего слова вслух произнесено не было, и при появлении проблем вице-президент сможет искренне и с чувством подтвердить под присягой, что это был просто момент недопонимания. Из тех, которые вполне обычны между не слишком хорошо знающими один другого людьми. Симеон может, конечно, пойти на принцип и заявить, что он не понимает свою задачу, вынудить вице-президента сказать вслух что-то вроде «В наших интересах была бы такая ситуация, когда это покушение удалось бы», — но весь его характер

отметал подобный исход разговора. Заняв столь высокий пост, этот человек прыгнул чуть-чуть выше своей головы — и оба знали это прекрасно. Собственно, именно поэтому Байден выбрал сейчас его, а не офицера аналогичного ранга, представляющего в Европе ЦРУ. Так что тот факт, что Симеон и сам отлично понимает, что при выходе ситуации из-под контроля его без колебаний выставят козлом отпущения, — он только к лучшему. Это заставит его быть еще более осторожным и нежным с задачей.

Дальнейший разговор не имел особого смысла: в конце концов, области их компетенции

действительно далеко отстояли друг от друга. Специалист по разведке, контршпионажу и специальным операциям мог быть полностью уверен, что вице-президент знает, что делает, ориентируя его в настолько нестандартном направлении; сам же вице-президент мог положиться на его способности. И на здоровый карьеризм.

Вообще, если глядеть со стороны на события последних пяти-шести лет, все отлично ложилось одно к другому. Сначала лицо кандидата в президенты Украины приобрело такой вид, будто его готовят к съемкам очередной серии фильма про «Джокера и Бэтмена». В

дальнейшее было выплеснуто столько вранья, что в произошедшем на самом деле до конца разобрались очень немногие. Но какая разница, если (как оно обычно и бывает в политике) правда о случившемся в итоге почти никого не волновала? Что ж, адекватный политик всегда способен выгадать сколько-то процентов избирательного рейтинга даже на собственной ошибке. Вероятно, именно поэтому никто не стал задавать Ющенко вопрос, почему вдруг шарлатаны от медицины сумели обмануть его как какого-то деревенского дурачка. Обещанные омоложение микроинъекциями имеющих

неизвестно какое происхождение «стволовых клеток» и бум потенции были получены им в обмен на шестизначную сумму в европейской валюте. Реализовались же они в виде множественных доброкачественных опухолей, превративших кандидата в президенты чуть ли не в уродца. Но вопросы о том, откуда у не слишком все же блестящего политика не самой богатой страны такие деньги на личные нужды и почему он оказался таким дураком, так и не прозвучали. В дальнейшие месяцы всех интересовало только то, что такое диоксин и кто, если не русские, могут осмелиться на попытку убийства местного светоча

демократии. Потом разговоры утихли, дыры в коже лица уже президента несколько сгладились, и вот тогда русские отравили Литвиненко, нестигаемого борца с тоталитарным режимом и государственным терроризмом. Сделали это они настолько цинично, что треть Европы впала в радиобоязнь, а большинство остальных намертво зареклось когда-либо иметь с русскими какой-либо бизнес, вплоть до торговли шведскими спичками. Зачем русским было убивать в 2007 году человека, продавшего все известные ему секреты своей бывшей родины за много лет до того, и почему это было

сделано настолько демонстративно, буквально с дорожкой из хлебных крошек, выложенной в сторону Кремля, — этого тоже никто не спросил достаточно громко. По правде говоря, сам Байден тоже не был уверен, почему именно: на подготовку ответов на эти незаданные вопросы было потрачено достаточно много оплаченного налогоплательщиками времени. Но и подобный результат всех устроил тоже.

В промежутке между президентом демократической и независимой Украины Ющенко и выбравшим свободу бывшим шпионом Литвиненко ФСБ, кажется,

отравило в Европе еще двух или трех человек, но их фамилии ему не запомнились. Вдобавок ко всему этому прямо в Москве по тайному и очень быстро ставшему для всех очевидным приказу Путина застрелили известную журналистку Политковскую — бескомпромиссного борца с преступлениями русских на Кавказе. Что ж, можно было только удивляться глупости русских, решивших, что цивилизованные государства спустят им это с рук. Так что теперь мир был вполне готов к новому скандалу — к убийству ими высокопоставленного германского политика. И пусть только попробуют

оправдаться! Никто не слушал их мнения в деле Литвиненко, никто не будет слушать его и теперь. Ярость немцев будет тем более оправдана, что Рёслер неоднократно чрезвычайно резко высказывался в отношении внутренней и международной политики современной России. Если бы его слова не расходились с делом, все могло бы быть иначе. Но, как и сама Меркель, он четко разделял социальный заказ общества, требующего резкого осуждения каждого шага русских, и сиюминутную конъюнктуру экономики, все больше и больше зависящей от энергоносителей, а

потому испытывающей
необходимость ускорения взаимных
инвестиций и увеличения объемов
товарообмена с той же Россией. Но
вот требования уже всего мирового
сообщества привести зарвавшихся
соседей в приемлемое для всех
положение... В ставшее за последние
два десятка лет привычным
положение разваливающейся на
части и переваривающей саму себя
обессиленной туши... Вот эти
требования общества для него, как
оказалось после выборов, значили
немного. Теперь Рёслеру пришла
пора за это заплатить. А следом за
ним — и собственно русским.

Встреча вице-президента с

советником президента по национальной безопасности прошла уже в гораздо более мягких тонах. Определив, что именно ему нужно, и аккуратно тронув тот самый камешек, который запустит разгоняющийся вниз по склону оползень, Джозеф Байден почувствовал себя значительно спокойнее. Впрочем, если кто-то полагает, что оползни или лавины запускаются одним камешком, они ошибаются. Даже в природе настоящие лавины готовятся долго — иногда десятилетия. Это природа, ее беспощадная и естественная сила выветривает поверхностный слой почвы на склоне, обнажая почти

ничем не удерживаемые камни. Слеживается искрящийся и сияюще-белый поначалу снег в блеклую серую массу, пронизанную ледяными перепонками, и затем подтаивает ее с самого низа. Случайный прохожий, неопытный турист на крутом обрыве — они являются во всех этих случаях такой же естественной частью природы, как ветер или наполняющая воздух влага.

Джозеф Байден посмотрел в лицо советника и вновь тепло улыбнулся. К этому часу обида, оскорбление, нанесенные ему недалёновидным вице-канцлером, несколько сгладились. Теперь можно было бы уже просто плыть по

течению, если бы не тысячи больших и малых решений, не десятки тысяч дел, которые еще нужно было сделать, чтобы давно созревающий оползень наконец-то пошел вниз: такой же всесокрушающий, естественный и неостановимый, каким он и бывает на самом деле.

— Подготовленный проект заявления для прессы в отношении готовящегося закрытия наших военных баз на территории Германии придется перерабатывать снова... Да, именно в этом свете... Сделать это следует так, чтобы достаточно заметная доля людей смогла сказать про себя «а нас ведь предупреждали». Экономические

причины, — бездумие конгресса,
вновь сокращающего
финансирование, возмутительное
равнодушие общества, не
понимающего важность сохранения
цитадели военной силы в центре
Европы... Да, уже сейчас, — я хочу
видеть хотя бы основные тезисы. К
завтрашнему дню, скажем.

Советник с сомнением покачал
головой. Те самые «основные
тезисы» в общем виде прозвучали к
этому времени уже не один раз. Мир
был готов к ним и даже, наверное,
ждал возможности искренне и с
силой возмущаться и требовать. С
большей силой, чем обычно, и еще
искреннее. Но новый фактор

действительно мог повлиять на многое — почти отвыкшее от прямолинейности общество может потрянуть слишком сильно еще в формально «мирные» месяцы. Война на самом деле уже идет вовсю — как идет она всегда, — но обыватели по обе стороны наиболее важных в эти годы европейских границ не желают об этом слышать. Это, разумеется, их законное право — до срока. Но этот срок уже определен и установлен. И установлен он не только политиками, но и военными. Ведь он завязан на слишком большое количество сопряженных с ним подготовительных действий. Поэтому стремление к его

удержанию в хоть сколько-нибудь
ограниченных относительно
исходного рамках должно являться
императивом для любого человека,
наделенного не только властью, но и
информацией.

* * *

В дальнейшие дни до
завершения визита президента США
в Германию и в ходе последовавшей
непосредственно за ним краткой
встречи с французским премьером
Джозеф Байден вернулся к этой теме
только один раз. В содержащем всего
одну строчку дешифрованном

сообщении, которое ему передал офицер группы связи, говорилось, что предварительные сведения об угрозе жизни высокопоставленного официального лица германского Кабинета подтверждены независимым источником. «Шапка» сообщения не оставляла никаких сомнений относительно его авторства, и вице-президент с удовлетворением подумал, что не ошибся в выборе. Люди, имеющие известные другим слабые стороны, зачастую оказываются более пригодными для исполнения тонкой, сложной работы, чем уверенные в своей непогрешимости и непотопляемости «рыцари без страха

и упрека». Просто отлично, что он так точно определил, кому можно такое поручить.

Гораздо больше проблем приносило ему каждодневное общение с президентом, который явно испытывал очередной пароксизм сомнений во всем на свете. Причем он не старался продемонстрировать этим тонкость натуры или что-то еще. Президент действительно был таким, какой он есть. Решения были утверждены им самим и неоднократно обсуждались как до, так и после подписания пакета первичных документов, — но опять начиналась та же история. «Джозеф, правы ли мы? Стоит ли это

того, — ведь жертвы будут исчисляться сотнями тысяч, Джозеф... У меня такое ощущение, что это нужно не нам, — что это нужно кому-то другому... Я не уверен, Джозеф».

Вице-президент искося взглянул в темное зеркальное стекло на свои плотно сжатые губы и сделал вид, что его устраивает все. Каждую минуту своего пребывания в должности президент испытывал такой букет противоречий, что более сложного человека давно срубил бы невроз. Ему хотелось остаться в истории в качестве примера сильного лидера, человека, влияние решений которого в сфере мировой

политики будет ощущаться еще многие десятки лет, но при этом он приходил в ужас от мыслей о неизбежных побочных эффектах всего этого. От подсказываемых обширным опытом мыслей о журналистах, редко одобряющих что-то из того, что он произнес. От мыслей о почти каждодневном общении с профессиональными оппозиционерами, смеющими называть себя патриотами Америки, но получающими зримое удовольствие от комментирования его поступков и слов в четко негативном ключе. О политиках, требующих чего-то осязаемого вместо простого исполнения его

приказов, на чем он редко когда мог самостоятельно решиться настаивать. О возможных жертвах и о том, как они отразятся на тех строчках, которые будут писать под его портретом в Смитсоновском музее уже через несколько лет. В результате даже одно то, что президент соглашался относительно твердо следовать один раз избранным курсом, требовало массы усилий и времени. От кого? Станный, даже глупый вопрос. От ближнего круга советников и подчиненных, для которых не были тайной все его метания и сомнения. На них и выплескивалось все то, что не попадало в кадр операторов,

ловящих картинку для вечерних выпусков теленовостей. Того, что оставалось за рамками напускной бодрости политических обозревателей.

«В своем обращении к французскому народу президент заявил, что в ходе этой краткой встречи был достигнут большой прогресс в плоскости двухсторонних американо-французских отношений. Он выразил уверенность в том, что этап похолодания в области трансатлантического партнерства, вызванный разногласиями по нескольким ключевым вопросам мировой политики, остался позади. В заключение своего выступления

президент выразил полную солидарность с французской политикой сдерживания агрессивных амбиций России, стремящейся использовать свой нефтегазовый потенциал в качестве средства давления на своих западноевропейских партнеров...»

В чем президент был безоговорочно прав — так это в том, что жертвы будут. Впрочем, для этого не надо было иметь интеллект Спинозы. Но жертвы бывают всегда — даже в самом благородном, самом нужном движении. Без них в истории человечества не удавалось обойтись пока ни разу. В конце концов, даже Война за независимость, при всей ее

глазированной глянцеваемости в современных учебниках истории для учеников младших классов, на самом деле не обошлась без поджогов, убийств и мародерства. Но результат стоил любого, стоил всего. Любые жертвы, любая вина перевешивалась единственной парой потрясающих по своей завершенности тезисов, которые по непонятной причине никогда до этого момента не звучали в своей законченной форме. Первый: «станет ли мир более безопасным, более спокойным и прогнозируемым без России?», и второй — «способны ли мы в данный момент сделать его таким?»

Начало февраля

Целью наших усилий являются страны и будущее государства на Востоке. Их образование будет историческим последствием сокрушения силы России, а вместе с тем может стать элементом роста сил державной Польши... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не

После завершения
Второй мировой войны
наша страна была
повержена советским
режимом. Это имело
гибельные последствия для
зарождающихся
демократических
институтов государства, и
так подвергнувшись
разрушению в ходе
фашистской оккупации и за
годы оккупации
иностранными державами.
За полвека советской
оккупации польская
экономика претерпела
много бедствий...

Эрес Ревени,
январь 2005 г.

Верить в то, что на земле много людей, искренне ненавидящих Россию и русских, что весь западный мир только и мечтает Россию завоевать, — это бред. На самом деле подавляющему большинству людей на эту самую Россию и тех самых русских просто наплевать. У них полно собственных забот, чтобы думать о каких-то немытых, занятых странными метаниями азиатах за своим «железным занавесом». И в подобном нет совершенно ничего особенного или вообще оскорбительного — это нормально.

Сложно представить себе, чтобы цивилизованный человек, который ходит на работу, платит налоги, мечтает об окончании срока выплаты ссуд за дом и уже начинающий ломаться автомобиль... Чтобы этот живущий нормальной, полноценной жизнью человек вдруг начал напряженно думать о том, как бы покончить с этим странным и страшным народом. Просыпаться поутру и размышлять, глядя в запотевшее зеркало на свое перекошенное зубной щеткой лицо, как бы всех русских загнать в обнесенную колючей проволокой тундру, где им, конечно, и место. Завтракать, целовать торопящихся в

школу детей на пороге дома и думать о вбитых в потолки крюках, на которых стоило бы развесить этих русских за десятилетия их преступлений перед миром. Выводить из гаража машину и представлять себе огромное пространство, от горизонта до горизонта засыпанное пеплом их горящих городов. Представили такого человека, или даже многих таких? Что, действительно? Ну надо же... Это у вас, наверное, какой-то перезрелый пубертатный комплекс вырвался наружу. Или даже ранний сенильный. Посоветовать хорошего психолога?.. Не надо? Почему?

Исключений — людей, и впрямь

искренне и пылко русских и Россию ненавидящих, — в нашем поколении на самом деле практически не было и нет. На шесть с лишним миллиардов населяющих или недавно населявших земной шар особей обоего пола их единицы. Мадлен Олбрайт, Анна Политковская, Валерия Новодворская, Кондолиза Райс. Это, наверное, все — подобрать другие примеры сразу удастся далеко не каждому. Но в наши дни для решения пути, по которому пойдет история, искренняя ненависть масс стала совершенно необязательной. В конце концов, современный образ жизни вовсе не подразумевает «бытовое»

владение этими самыми «широкими народными массами» холодным оружием и способность применять его в деле. То есть именно то, для чего совершенно необходимы ненависть и готовность расплатиться за нее, даже рискуя своей жизнью. Последним крупным сражением «холодной стали» был, наверное, Лейпциг — но с тех пор прошло много времени. С тех пор большинство представителей человечества без особого труда осваивало технологию войн, начинаемых без ненависти — просто по необходимости и расчету. На случай, если кто-то не знает: это, в частности, и называется

«цивилизованность».

К первым числам февраля 2013 г. число упоминаний слова «Россия» в среднесуточной сетке телевещания Би-би-си достигло пятидесяти пяти, Си-эн-эн — пятидесяти восьми, Си-би-эс — восьмидесяти двух, Евровидения — девяноста. Большинство транснациональных новостных телеканалов давало в эфир тем или иным образом затрагивающие Россию сюжеты почти каждый час. Прочие каналы, совмещающие новостные передачи, документалистику и «публичное», то есть не требующее абонентской платы спортивное вещание,

отставали от них ненамного. Сюжеты были самыми разными — большинство из них даже не было новыми. Но зато они были разнообразными. Скандалы с допингом и предвзятым судейством русских арбитров на последних зимних Олимпийских играх. Пьяные и громогласно хохочущие русские компании, шатающиеся по улицам притихшего в шоке Инсбрука. Возмутительное пиратство, лишшающее десятки киностудий и сотни музыкантов причитающихся им денег, и заваленные контрафактом уличные лотки где-то в Москве. Красотки в шелке и драгоценных камнях, вереницей

проходящие через тонированные
зеркальные двери в глубь
брызгающего вспышками света
холла, и ужасные русские старухи в
грязных тряпках, бьющие поклоны у
входа в мрачную, похожую на
сплюснутую пагоду станцию
подземки. Тело расстрелянного в
заиндевавшем подъезде собственного
дома прогрессивного журналиста и
вальяжный офицер в высоких чинах,
дающий какие-то невнятные
объяснения с украшенной гербом
трибуны. Силуэт разгромленной
террористами атомной
электростанции... Мертвый остов
затонувшей атомной субмарины с
бурым гербом на осевшей набок

рубке...

Все это было чистой правдой, и именно поэтому все это доходило до цели с безошибочной точностью. Среднестатистический европеец и североамериканец проводит в день перед телевизором до полутора часов. Еще около двадцати пяти минут в расписании его дня приходится на радиопередачи — в первую очередь на утренние, прослушиваемые за завтраком или в автомобиле по дороге на работу. В тех странах, где использование радио в качестве рабочего фона является общепринятым (например, в США, Швеции или Венгрии), значение этого показателя достигало четырех

часов — и именно в них темпы прироста частоты упоминаний слова «Россия» стали наиболее значимыми. Простейший поиск в самой популярной в Сети системе позволял убедиться, что количество «попаданий» или «ответов» на запрос по ключевым словам «режим Путина /ИЛИ/ Медведева» уже перевалило за 300 тысяч. Если же провести в Сети лишние несколько минут, картина становилась еще интереснее. Первые случаи появления этого общепринятого сейчас словосочетания отмечались почти немедленно после официальной инаугурации российского президента. С ранней

осени 2005 г. оно фиксировалось Сетью с частотой примерно 5–6 в месяц; к весне 2006 г. — уже по 100–200 за тот же период времени. К зиме 2006/2007 г. словосочетание появлялось в новостях, блогах и обсуждениях на сетевых форумах так часто, что поисковые серверы начали впервые отмечать количество «попаданий» термином «приблизительно». Еще более забавно было изучать соотношение между числом «попаданий», выданных открытыми поисковыми серверами на ключевые фразы «Правительство России» и тот же самый «режим Путина». Соотношение снижалось

скачками, — еще более грубыми, если отсечь страницы, сетевые адреса которых выдавали их российское происхождение: причем любое, не только официальное. И еще ярче картина становилась, если «строить» запрос «режим Путина / ИЛИ/ Медведева /ИЛИ/ Лукашенко». Никаких особых знаний и умений поиски информации подобного рода не требовали. Для получения таких сведений не надо было быть компьютерным гением или шпионом в темных очках с ампулой цианида, защитой в угол воротника. Но чтобы начать это все делать, нужно было испытывать к этому интерес, помноженный на критичность: а

такое сочетание неожиданно являлось уже не столь широко распространенным в популяции. Причем таким образом дело обстояло во всех странах мира — не только в России. На дворе был ХХI век, и люди просто принимали большинство происходящего вокруг них как должное: к этому времени у них имелся уже достаточный практический опыт.

Встречался и другой вариант. Можно было быть параноиком. Вот это подходило — хотя доктор медицины Николай Олегович Ляхин уже достаточно давно перестал себя таковым считать. Хотя вообще-то... Вообще-то, если быть совсем уж

честным перед самим собой, то имелся и аргумент «за» такой диагноз. Он появился, когда Николай догадался найти через вторые руки телефон давно потерявшегося однокурсника, занимающегося консультативной психиатрией, и кое-что спросить у него в лоб. Мол, не отмечает ли тот в последние полгода или чуть более того постепенное нарастание проявлений фобий неясного генеза, повышенный фон тревожности и мнительности в общей выборке. Выслушав, сосед по аудиториям и коридорам *alma mater* только фыркнул.

— Я давно считал, что нам недостаточно платят. Но последний

год — это вообще привет. Если без отпуска — то такое я наблюдаю месяцев девять-десять, я бы сказал. С поздней весны 2011-го, если быть более точным. Раз — и поплыл народ. Мы как лошади молотим: кто послабее, тот уже давно в гинекологи ушел.

Когда они оба посмеялись, Николай так же прямо спросил, с чем его полузабытый приятель это связывает.

— А черт его знает, — удивился тот, — не задумывался даже. Но тревожность и мнительность из разговоров на консультациях к делу не подошьешь, так что по статистике такое не пробить, это чисто мое,

субъективное...

Получив подтверждение, что именно это и требуется, док добавил, что теперь будет отслеживать ситуацию повнимательнее.

— Хотя да, странно, — признал он в самом конце разговора. — Экономика более-менее развивается, на улицах пробки из новых иномарок, в роддомах такая давка, что не протолкнуться — а народ ко мне идет, несет трудовую денежку. Причем именно с тем, что ты сказал — неоформленные фобии. Обычно люди среднего возраста, устроенные, «деловые», я бы сказал.

— На курорт посылаешь?

— А как же! Паксил и

бальнеология. И еще привести жену и остаться ждать в коридоре. А самому высказать ей, что если она не успокоится со своими растущими потребностями, то через два-три года у нее не будет относительно хорошо зарабатывающего мужа с более-менее удовлетворительным уровнем либидо. А будет законченный психопат, проводящий «три через шесть» в профильных медицинских учреждениях, чтобы хоть как-то еще держаться. Оно ей надо?.. Большинство мне верит.

— Ну ладно...

Поблагодарив еще раз, попрощавшись и положив трубку, Николай тогда глубоко задумался.

Коллективные психозы — это в общем-то нормально. Так оно, в принципе, и бывает. Более того, так происходит именно тогда, когда в воздухе дует достаточно сильный ветер перемен. Такое было и в Средние века, и позже. Об этом, кажется, писал еще Чижевский. И хотя запрятанную на какой-то из родительских полок книгу основателя космической биологии и гелиобиологии «Земное эхо солнечных бурь» Николай не перечитывал уже лет десять, — да, это было похоже. Массовое ожидание чего-то нехорошего, проявляющееся в наши дни в добровольных походах по психологам и даже психиатрам... То

есть то, до чего, по мнению его родителей, Николаю остался один шагжок... Это может быть, в конце-то концов, просто невыраженной реакцией на физический фон. Даже не на вспышки на Солнце — просто на плохую экологию; одного этого уже может хватить. Правда ведь?

Николай вздохнул и посмотрел на свое блеклое изображение в покрытом серой пленкой тающего снега окне. Как бы он себя ни уговаривал, вполне может быть и наоборот. Этот же самый, упомянутый выше ветер перемен начинает дуть тогда, когда массы людей вдруг начинают вести себя как охваченное неясными томлениями

стадо. Владимир Ленин, как бы его философию ни пытались сейчас перевернуть «новым боком», был во многом совершенно прав. Если бы даже все Средневековье по небу не летали то туда, то сюда кометы с огненными хвостами — все равно никуда не делись бы ни гуситские войны, ни крестовые походы, ни все остальное в этом роде. «Предпосылки» — великолепное, наверное, просто идеальное слово, которое так часто употреблял Владимир Ильич. То самое слово, которое так и просится на язык сейчас: что при очередной попытке что-то объяснить родителям, что при походе в Сеть за

нецензурированными новостями... Да, терминология изменилась, и если не считать случайных оговорок не блиставшего ярким умом Буша-младшего, о «крестовых походах» и «отдайте нам свои земли и баб» в наши дни уже не говорят. А говорят сплошь о борьбе с терроризмом и за демократию. Но народ все-таки чувствует что-то нехорошее в интонациях и волнуется. Точно так же по-животному чувствует, как это бывало всегда. Наверняка очень немного людей рассчитывает в листочках в клеточку величину очередного сокращения подлетного времени американских мирных инициатив к Кремлю и небоскребу

«Газпрома». Но многообещающие выступления в духе «Россия не имеет никакого права единолично узурпировать доставшиеся ей от природы столь огромные ресурсы» слышат многие — хотя бы и краем уха. И пусть 99 % немедленно об этом забывает, кое-какой осадок у некоторых наверняка остается. Причем, если подумать, скорее всего это случается именно у людей с чуть более значимым уровнем интеллекта и опыта, чем в среднем по средней полосе России. То есть именно того контингента, который, вдруг перестав испытывать удовольствие от зарплаты в две тысячи долларов в месяц и возможности отдыхать на

любом европейском курорте по своему выбору, все же идет к психологу. С жалобами на то, что не понимает ничего в своей душе, но водку выбирать все же не хочет. А психолог объясняет благодарно слушающему его менеджеру средней руки или даже «синему воротничку» (зарабатывающему нынче, слава богу, получше почти всякого менеджера), что это кризис среднего возраста. И прописывает ему полноценный отдых на курорте, регулярную и разнообразную интимную жизнь и выключать сотовый телефон в 7 часов вечера. А то и принимать что-нибудь соответствующее из растущего арсенала «разрешенных к

применению» препаратов подходящего профиля. Что с начала и до конца есть правильно и полезно. Вот только не всем помогает. Потому как словосочетание «режим Путина» становится все более и более нормальным в большинстве европейских языков.

Мысленно плюнув, Николай поглядел на часы. До того, чтобы выйти из дома и пойти на «очередное внеочередное» дежурство, ему оставалось еще минут сорок. За последнюю неделю он здорово устал, но деньги были нужны ему, как никогда, — а большого выбора в методах их зарабатывания он не имел. Хорошо

какому-нибудь человеку, который вовремя догадался присосаться к «трубе». Повернул чуть сильнее вентиль, и вопрос о деньгах не просто перестал стоять: он упал и начал валяться. Один из таких умных сейчас снимал квартиру у невропатолога Рината — еще одного старого друга Николая по институту. Сам Ринат снимал комнату в коммуналке и изо всех сил копил деньги на машину. И при этом основным источником его дохода были не полторы ставки больничного ординатора на неврологии, а квадратные метры с видом на золотой шпиль Адмиралтейства. По его словам, 25-летний консультант

«Газпрома» даже не стал уточнять сумму, которую должен платить за съём жилплощади такого класса: просто расписался под договором. Тоже, между прочим, симптомчик. Николай был весьма далек от того, чтобы полагать, что в экономике страны все меняется к лучшему, и обогащение владеющих недрами людей не радовало его совершенно. Потому что стиль их существования даже на фоне уже окончательно сформировавшегося среднего класса тоже сам по себе был предпосылкой ко много чему разному. Да, опять. Вот такое хорошее слово...

Телевизор пикнул и проморгался, когда большой палец

окончательно погрузившего
доктора медицины Ляхина ткнул в
украшенную стандартной
пиктограммой кнопку. «Планета
животных», один из лучших каналов,
прорезавшихся за последние
несколько лет в сетке вещания, всего-
то два десятка лет назад состоявшего
из «Первого», «Второго» и
«Ленинградского». Теперь здесь
были сплошные слоны, тигры и
медузы: и если кто-то кого-то с
рычанием ест, то исключительно от
голода. Обрывки разодранной кожи
могут лететь в разные стороны,
земля вздыматься под ударами копыт
мечущейся в почти безнадежной
попытке выжить жертвы, но, во

всяком случае, это не сопровождается рассуждениями уверенно работающего клыками и когтями крупного кошачьего о демократии и своих правах на чужое мясо. Живая природа — это было то, что одинаково всегда. Чем можно любоваться, каким бы ужасным ни казался на первый взгляд процесс, обеспечивающий ее круговорот. Более того, все эти хищные зверюги действительно были поразительно красивы — не зря их именами называли столько поколений боевой техники.

После двух десятков секунд рекламной заставки с сосущим бутылочку с молоком умильным

тигренокм экран разродился
панорамой желтовато-зеленой степи.
Парящий в почти белом небе орел,
торопливо бегущий куда-то по своим
делам суслик — сплошное
спокойствие и умиротворение.
Потом чуть напряженный голос
диктора начал комментировать
сменившийся кадр, и уже
положивший было палец на кнопку
Николай поперхнулся и застыл.
Контраст после мирно пасущихся
овечек был разительным. Человека с
менее натренированными нервами
должно было пробрать до костей...

Посмотрев программу минут
пять, Николай обалдел окончательно
и сел уже прямо. Переводчик явно

чувствовал себя не слишком комфортно, и сквозь длинноватые паузы без большого напряжения можно было «пробить» соответствующие куски оригинального текста на английском. «Россия», «Россия», «Россия». «Продолжающая игнорировать требования международных организаций», «Последняя страна в мире, практикующая это варварское...» Съемки действительно были жуткие: шкуры с ягнят срывали заживо, и те даже не блеяли — стонали. Черно-белая картинка прыгала и поворачивалась в разные стороны, то наплывая на склонившуюся над бьющейся овцой

фигуру с длинным ножом в руке, то милосердно давая зрителю перевести дух. «Россия», «русские», «варварские», «возмутительные»... Слова вбивались в слушателя, как гвозди. Мелкий латинский шрифт, бегущий по низу картинки, не добавлял к этому почти ничего. Более того, требовалось довольно значительное усилие, чтобы на него переключиться и вообще понять, что значат эти строчки. «Съемки скрытой камерой. Ферма Кулев, Кыргызстан». «Съемки скрытой камерой, 2011 г., Общество „Наша Планета“ (с) Ферма Алекберов, неподалеку от Алматы». Но бегущий текст был сам по себе. На фоне него,

без малейшего комментария именно к тексту продолжалось все то же самое — выдираемые из матки матери тела не рожденных еще ягнят и рефреном звучащее «Россия», «Россия»...

«Я маньяк, — сказал Николай сам себе, вырубив громко чмокнувший телевизор и изо всех сил стараясь привести выражение лица в норму. — Потому что так не бывает». Знаете, то, что герой включает телевизор, а там совершенно случайно передают важную для него новость, — это стандартный, давно всем надоевший киноштамп. В жизни так не бывает никогда. В жизни, если тебе нужно

узнать прогноз погоды, то приходится пять минут щелкать по всем каналам, продираясь сквозь оптимистичную рекламу пива, подгузников и трейлеры очередного шедевра отечественного режиссерского гения. А тут... Николай подергал сначала левой щекой, потом правой. «Послевкусие» от не досмотренного до конца документального фильма было потрясающее. Во рту было кисло, солоно и пахло металлом — как бывает, когда сам себя как следует укусишь за внутреннюю часть щеки. Тупо глядя в стену, Николай вдруг как-то четко осознал, что его «обдало», как это бывало пока всего несколько раз в жизни.

Это было знание — окончательное и бесповоротное, не допускающее никаких рассуждений. Пусть до этого момента можно было старательно убеждать себя: все не так плохо. Мол, просто он переработался, и угнездившаяся в голове доминанта не дает ему покоя, отфильтровывая все не подходящее под уже сформировавшийся в голове параноидальный тезис: «Ай, нас никто не лю-юбит!» Но этот глупый, непонятно как вообще родившийся фильм словно прорвал какую-то последнюю мембрану в его мозгу... Если дошло до такого, до прямого подлога открытым текстом, без малейшей оглядки на уже последние

остатки совести, — значит, дело плохо совсем.

Разумеется, дело было не в несчастных овечках. Против столь отвратительного метода изготовления дорогих шубок он и сам бы проголосовал в каком-нибудь опросе «Гринписа», не колеблясь. Но фильм ни малейшей интонацией исходного, не переводного диктора, не акцентировал внимание на том, что «снятые скрытой камерой» чудовищные сюжеты происходили из среднеазиатских республик. Где, разумеется, каракулеводство процветало и успешно кормило тысячи людей: девочки в странах с холодным климатом каракуль любят.

Тезисы были просты: «Это варварство» (что есть чистая правда, но что поделаешь), и «виноваты русские». И вот с таким уже совершенно точно и безоговорочно не сочетался контртезис, условно формулируемый родителями и большинством друзей и коллег как «ты маньяк, и видишь вокруг только одно».

Оскалившись, Николай поднялся с места. «А на самом деле это все не так», — попытался он на пробу сказать себе. Фраза прозвучала фальшиво до неприличия. «Не так», — снова повторил он, чуточку сменив интонацию. Это не помогло опять. К этому времени на часах

было уже «пять минут как пора выходить», и только это помогло сегодняшнему дежурному врачу терапевтического отделения прекратить пороть чушь и наконец-то привести лицо в соответствующий моменту вид. Ночь с воскресенья на понедельник — это почти всегда спокойно, и в работе своей он давно понимал достаточно, чтобы не настраивать себя долго, но все равно минуты ухода из дома всегда были для него особенными. Последние торопливые сборы, прощание с деловито разбирающими какие-то старые бумаги родителями. Потом обычный торопливый бег вниз по лестнице и вперед по улице — к

проспекту, по которому густо ходят маршрутки. На бегу Николай то и дело поглядывал на часы, но хороший темп позволил отыграть потерянное время, поэтому он с легким сердцем продолжал бежать до самого Большого проспекта. Это дало ему возможность не пересаживаться с одной маршрутки на другую и сэкономило, таким образом, аж 27 рублей — то есть заметную, в общем, долю сегодняшнего дежурства. Помимо этого, бег, как обычно, привел в норму мысли. Удары ног по серому от затертого подошвами инея и катышков соли асфальту будто забивали разбросанные обрывки понятий в единый слой. Не

монолитный, несколько не
гладкий, — но во всяком случае
ровный и способный служить
фундаментом для принятия решений.
Каковые были уже определены
достаточно давно. В целом,
конечно...

К моменту, когда маршрутка
притормозила у густо-бордового
монолита одного из старых корпусов
«Покровской, бывшей имени
Ленина» больницы, он успокоился
уже настолько, что начал даже
ухмыляться. В какой-то мере это
было, конечно, нервное. Нервы у него
были уже ни к черту — в этом мама
была совершенно права. Но
сохранять на лице внушающее

окружающим оптимизм выражение при любом, даже самом глухом раскладе — это одна из нормальных «фоновых» задач любого терапевта. Вот он и сохранял.

Очередной разговор с дежурной медсестрой в розовом колпаке поверх крашеной челки и розовых ушек. Очередной «прогон» сдающего дежурство утомленного доктора по тем больным, которые могут преподнести сюрпризы. А что вы хотели — здоровые люди в больницу вообще ложатся очень редко. Исключения, конечно, были. Так, Николай каждый раз бессильно скрипел зубами при виде расклеенных по городу плакатов

очередной волны «готовимся к призыву». Забавно, что оба «потока» таких плакатов вывешивались в Питере почти одновременно. По тумбам висели строго-правильные *«Это наша Родина. Нам ее защищать»*, а в каждом втором вагоне метро — гораздо более привлекательно оформленные *«Защитись от призыва! Помощь призывникам! Отсрочка и отмена призыва! Дипломированные врачи и юристы окажут квалифицированную помощь!»* То, что такие плакаты кто-то оформлял, кто-то оплачивал счета за право расклейки (в углу каждого был обозначен официальный

регистрационный номер), кто-то сидел на телефоне, готовясь принимать звонки, — это Николая уже давно не удивляло. Удивляло его то, что никому не приходит в голову запретить, не разрешить эту бредовую рекламу, не взять деньги от тех, кто ее заказывает. Но и то, и другое было в России образца 2013 г. невозможным. Запретить? — «Ату его! Он борется со свободой слова!» Не взять деньги? — «Да он с ума сошел! А мы давно говорили!..» И было бы уже самой настоящей, махровой паранойей предположить, что всех этих людей, мечтающих окончательно добить нашу несчастную армию, сбросили нам на

парашютах какие-нибудь коварные враги. Что их высадили с подводных лодок в карельских дюнах, и они долго петляли в сосняке, стараясь сбить со следа лающих вдалеке за спиной собак. Что они крались через границу и отстреливались от загнавшего их наряда, гордо оставив себе последний патрон. Люди, очнитесь! Ничего этого не было! Это были наши, живущие среди нас с вами люди, — почти такие же, как все остальные, только чуть больше всех уверенные, что лишние десятки и сотни заработанных таким путем рублей совершенно не хуже любых других. Не сбросили же нам на парашюте прошлого министра

здравоохранения, уверенно и бесповоротно загонявшую отечественную медицину в гроб. Не знавшую, что такое быть в России больным, и уж тем более не имевшую хоть как-то приближенного к реальному положению дел представления о том, что такое быть в России врачом...

— Что усталый такой? — спросили его утром, за четверть часа до конференции. — Не выспался? Тяжелая ночь?

— Да нет, ничего особенного. Даже как раз наоборот. Просто сон не шел. Всякие мысли...

Молодой и хищно-усатый доктор хохотнул и поиграл бровями на

скуластом лице, всей мимикой нацеливаясь в корму двигающейся по коридору в полтора десятках метров впереди сестрички. Та, казалось, целиком состояла из ног, спины и шеи, — и все это взятое вместе было настолько молодым и красивым, что Николай не мог не улыбнуться.

— Другие мысли, Вова, другие совершенно. Ты не поверишь...

Договаривать Николай не собирался, да тому это и не было нужно. Данную от чистого сердца рекомендацию провериться у хорошего нефролога темный лицом доктор Ляхин проигнорировал, а повторять одно и то же несколько раз в среде взрослых мужчин считалось

моветоном. Как и разговоры о сне. Не выспался — твои проблемы: надо было жениться на молодой и веселой.

* * *

Когда к вечеру этого же дня с работой было покончено и ведомость в кабинете главврача украсилась не нарисованной еще, но уже подразумеваемой очередной галочкой напротив его фамилии, Николай вышел наружу, под потихоньку посыпавшийся из неба снег. Меланхолично шаркая ногами, он потянул себя к станции метро,

расположенной в самую меру далеко, чтобы дать уставшему телу подышать воздухом, не содержащим следов антибиотиков, старой кожи, ставшего привычным чужого страдания. Размышлял Николай при этом все о том же самом — как и положено нормальному психу. Было чуточку легче думать, что перешедшее в стадию уже твердой уверенности собственное понимание назревающей ситуации лучше не оспаривать — это непродуктивно. Но одно лишь понимание — это ничто. То, что хорошую, в общем-то, страну Россию последние несколько лет всем миром незаслуженно и необъяснимо активно обзывают

дурными словами, он отчетливо и обильно наблюдал и раньше. И все это время чувствовал себя идиотом, не зная, как такое странное положение дел интерпретировать. И особенно потому, что окружающие его десятки и сотни людей, умных и честных, не обращали на происходящее большого внимания. Либо прямо говорили ему, что он переработал и устал. Теперь вот появилась уверенность, что он знает: почему все это происходит и зачем. Да, как говорится, — «а толку-то?» Но с этого ненормального момента можно хотя бы начать действовать без оглядки на доброго доктора, который может в любой момент

встретить тебя дома, за спиной стоящей с умоляющими глазами мамы.

Действовать — как? Любой знающий буквы человек ответит на такой вопрос определенно: так, как подсказывает литература модного со времен «холодной войны» направления «фолл-аут». Практически по тексту «Мальвиля», хайнлайновских «Свободных владений Фарнхэма» и десятка прочих книг аналогичной направленности: закупить побольше круп, консервов долговременного хранения, соли, спичек и сменных лезвий к бритвенному станку. В странах, где государство уважает

собственных граждан, немалая роль отводится оружию и боеприпасам. У нас — извините. У нас пока еще не состарилось поколение, которое рисковало сесть в тюрьму за изучение карате в подвальных секциях и маскировало практику томики-айкидо под «спортивное дзюдо». Но в любом случае смысл всех этих трогательно-длинных списков был одним. Мол, когда крупы и патронов много — можно пережить и последствия атомной бомбардировки, и оккупацию. А если запастись табаком и стиральным порошком, то существовать удастся даже с комфортом...

Ну что ж, как говорится, «в главном они правы». Если следовать советам литературных героев, справиться с «подготовительным периодом» он, пожалуй, действительно смог бы. Пускай получение денег и вся связанная с закупкой и закладкой в схроны маргарина и сухарей логистика должна была вестись в лоб — здесь и сейчас. Как это будет, представить можно было только ориентировочно, но как переваливший возрастом уже за 30 и много чего разного уже повидавший человек Николай не сомневался, что уж с бытовухой-то он справился бы точно. Борьба с неизбежными деталями — мелочь.

Деньги — они на каждом углу. Вон, очередная реклама подсвечивается со всех сторон, как новогодняя елка. «Кредиты до 200 тысяч рублей за 30 минут, на любые цели, на выгоднейших условиях». Условия неожиданно оказываются просто сумасшедшими, когда дело доходит до «отдать», но речь сейчас не об этом. За какое время квалифицированный врач, вроде него, сможет отдать банку четверть миллиона рублей, считая с процентами и накрутками «за обслуживание»? За три года, за четыре? А если быть уверенным, что отдавать не придется? Вот и хватит денег на все подряд: и на соль, и на

спички, и на сахар. И на снять грузовичок перевезти это все в купленную развалюху на отшибе умирающей деревни где-нибудь в глуши: подальше от потенциальных целей и чуть поглубже от любителей правомочно обогатиться за счет «городского умника», который «понаехал тут». В общем, все как советуют не только книжные герои, но и люди, которые не хуже тебя понимают, к чему могут привести все эти затянувшиеся рассуждения о преступлениях тоталитарного режима. Которые, дескать, мир терпит все с большим и большим трудом. А если ты ошибся в расчетах и срок выплаты подошел быстрее,

чем «Леопарды» и «Абрамсы» с рычанием полезли через контрольно-следовые полосы, — так это ты сам дурак. А с недееспособного какой спрос?..

Все это было верно. Да только вот такая проблема: Николай спокойно осознавал, что ему такое не подойдет. Было ощущение, что авторы книг подобного направления (при несомненной талантливости многих) — сплошь апологеты эгоцентризма. Именно понимание эгоцентризма как основного стержня жизни и насаждали последние десятилетия в России — опять же, не со стороны, не продирающимися через глушение «вражьими

голосами». Насаждали сами себе. Но он умудрился вырасти чуть раньше: в дни, когда ни одному ублюдку не приходило в голову снять «Последний бронепоезд», «Сволочи» или «Штрафбат» по нашу сторону границы. И когда за попытку рассказать человечеству страшную правду о массовом обижании в 1945 году мирного германского населения варварскими ордами украшенных серпами и молотами жидомонголов можно было тут же, без задержки, получить в морду кирпичом и в затылок ледорубом... Это сейчас большинству все равно. Но не ему. Тихая жизнь под оккупацией — пусть даже налаженная в смысле

пожрать и выпить — это жизнь не для человека, смеющего считать себя честным по отношению к своим предкам.

— Эй, тип! Ты че, охренел?

Николай поднял голову и с интересом посмотрел на спросившего: крупного парня в не по сезону легкой куртке. Оказывается, размышляя в такт своим шагам, он налетел на стоящего, и тот с чувством выразил свое удивление. Торопиться с ответом Николай не стал — не то у него было настроение. Внимательно оглядывая «собеседника» снизу вверх, он флегматично повел челюстью из одной стороны в другую, довольный

увиденным. Сильный, крепкий, высокий, этот парень явно был хорош как в драке, так и в работе. Более того, у него было нормальное человеческое лицо, украшенное глазами не разбираемого при наличии освещении цвета.

— Ну извини, — сказал он после затянувшейся паузы, которую парень почему-то не стал прерывать. — Задумался на ходу. Не слишком ушиб?

— Ничего, — ответил ему парень. — И ты тоже... Типа, извини...

Он не договорил фразу, явно сам удивленный вырвавшимися словами. Не теми, первыми, — а сказанными

теперь. Вид у него, во всяком случае, был несколько ошарашенный. Теперь парень разглядывал его почти так же внимательно и спокойно, — хотя и пользуясь преимуществом лишних 5—6 сантиметров роста. Разница в объеме верхней одежды сглаживала нехватку килограммов мышечной ткани, а несомненное различие в возрасте — на несколько лет не в его пользу, — вообще упрощало ситуацию. Во всяком случае, так Николаю показалось. С год или полтора назад он проверил бы встреченного человека взглядом — как бы глупо ни звучало словесное описание того образа, который регулярно вставал у него перед

глазами. Мысленно воткнуть в человека штык, мысленно выдернуть его и неторопливо посмотреть на острие: что там окажется? Не сопровождаемая ни единым словом, такая последовательность мелькающих в его зрачках образов действовала на некоторых людей как удар — они осекались и начинали вдруг очень сильно торопиться по своим делам. Но сейчас самоконтроля вполне хватило, чтобы даже не начинать формулировать про себя привычную мысль, и Николая это искренне порадовало. Все-таки контролировать себя он научился как следует.

— Неважно.

— Да. Как и почти все в этой жизни.

Парень развернулся и, не произнеся больше ни единого слова, пошел куда-то по своим делам. На недостаточно освещенной улице его фигура почти сразу же превратилась в бесформенный черный силуэт, но то, что ему в своей курточке холодно, — это было видно невооруженным глазом еще секунд двадцать.

Теперь уже сам Николай стоял на месте в состоянии «оцепенеть от изумления». Тон и слова парня настолько точно совпали с его собственным стилем и манерой общения, что его буквально

передернуло. Это было как увидеть себя в зеркале в каком-то темном коридоре: причем увидеть чужим, неправильным — с чужим лицом, в незнакомой одежде. Так бывает во сне, конечно, но ему сны вообще снились очень редко. То ли недостаток фантазии, то ли избыток впечатлений в реальной жизни.

— Привет, — сказал он сам себе вслух, хотя и вполголоса, чтобы не шокировать изредка попадающих еще в поле зрения прохожих. — Приехал. Глюки встречают на улице и зовут за собой. Куда, интересно?

Подумав с секунду над собственным вопросом, он двинулся за парнем, но тот, как оказалось, уже

куда-то свернул: или в один из подъездов в ближайших нескольких домах, или в открывающийся на очередную номерную «линию» Васильевского острова провал двора. Это снова заставило Николая остановиться, но в этот раз ему хватило буквально секунды, чтобы заставить себя улыбнуться и двинуться дальше. Произшедший эпизод, приди ему в голову фантазия описать таковой на бумаге, заставил бы любого психолога прыгать от радости. Старина Фрейд вывел бы из его размышлений и мгновенных смазанных интерпретаций такой клубок, что грядущим поколениям студентов осталось бы только

удивленно хрюкать, зазубривая формулировки. К счастью, Николай считал психологию (за редкими исключениями, вроде прикладной криминальной) лженаукой, а графоманией сроду не баловался. В результате его диагноз оказался нераскрытым и должен будет умереть вместе с ним...

Шагая, последней мысли он улыбнулся совсем уже спокойно. Парень отлично подошел бы «Юркам», — такое впечатление почему-то создалось у него за секунду. Но не сложилось и вряд ли теперь сложится. Дважды встретить одного и того же человека вне привычного круга общения было в

Петербурге проблематично. Здесь проживает 4,5 миллиона человек — как во всей Норвегии. С пригородами Питер превосходил по населению Финляндию, а со всей Ленинградской областью почти дотягивал до Швеции. Впрочем, и в Швеции, и в Петербурге последние годы наблюдался какой-то безумный всплеск рождаемости. Во всяком случае, выбравшие десяток лет назад акушерский поток однокурсники приходили на до сих пор относительно регулярные встречи с друзьями, едва волоча ноги от усталости, а ездили уже почти сплошь на «Ауди». Забавно, правда? Зайдешь в Сеть или найдешь по

старому, но отлично принимающему
далекие станции всеволновому
«Суперу»-JVC какой-нибудь
политический комментарий на злобу
дня на выученном в свое время языке
— так в России народ сплошь с
подвыванием стонет под гнетом
тирании. И только и ждет
парламентских выборов
(сфальсифицированных,
несомненно, уже сейчас, за год до их
фактического проведения), чтобы
наконец-то выразить свою волю
клике Путина и Медведева, образно
выражаясь, зажимающей ему, народу,
разинутый в гневе рот. А выключишь
компьютер и выйдешь на улицу
пораньше — сплошной детский визг

и карабкающиеся на
коляски-«зонтики» соплюшки в
комбинезончиках «с ушками», — как
теперь модно. Рожать стали по
второму, по третьему разу, — как
было нормально лет двадцать назад,
и как совсем перестали поступать в
дни, когда демократия в обновленной
России продвигалась вперед
буквально семимильными шагами.
Под аккомпанемент пляшущего
вприсядку алкоголика,
списывающего соседям столько
долгов, сколько у них хватает совести
попросить, ага. Ругают
правительство и президента лично?
Да, причем еще как! Посидите в
любом дворе у качелей, послушайте.

Пособия маленькие, получить их — все ноги сотрешь за бумажками. В поликлиниках бардак — пока выстоишь с малышом на прививку, сто вирусов подхватишь в этой толпе. И в «четверть миллиона за второго» никто не верит: давали бы по-настоящему — так давали бы сразу. И лучше бы индексировали по городам, а то в Петербурге цены на жилье так вверх пошли, что этих денег и на четвертинку комнаты не хватит — половичок подстелить. Опять за неполный квартал плюс 20 % за тот же метраж, причем не в каком-нибудь центре, а в самых ходовых районах: в Озерках, на «Просвете», на Ржевке. А все почему? Потому что

зарплаты кое у кого такие стали, что...

Ну и так далее: на любые темы вразбивку, и на многие часы подряд, пока малыш сосредоточенно тыкает лопатками в снег или совочками в песок — в зависимости от сезона. Правительство не любит никто: ни либеральная творческая интеллигенция, которая никогда не простит Путину Бабицкого, ни средний класс, которому не дают развернуться. Ни тем более «белые воротнички», клянущие невыносимую, дикую коррупцию, бардак с налогами и безумные, сравнимые разве что с Нигерией требования разрешений на любую

имеющую отношение к бизнесу мелочь. Все это было чистой правдой. В стране был бардак, в стране воровали по-черному, но при этом индекс рождаемости уверенно полз вверх: Россия несомненно начинала выкарабкиваться. Странно, что на этот индекс, да и на пару других интересных любому медику показателей не обращал внимания ни один «независимый эксперт», так любящий порассуждать о невыносимости запрета на свободу слова для любого истинно свободного человека.

Вообще это было даже интересно — задуматься на секунду над одной, почти произвольно, в ходе

вяло текущих размышлений небольшой темой. О вопиющем положении дел со свободой слова в современной России говорят все, кому не лень. Причем среди лидеров в продвижении этого тезиса в широкие массы обнаруживаются отнюдь не только Би-би-си, Си-эн-эн и Евровидение со всеми их клонами большей или меньшей популярности. Об этом говорят и отечественные «информационные ресурсы» — от окончательно потерявшей связь с реальностью «Независимой Газеты» («В Москве +30° и солнечно? Видите — на это у них деньги есть!») до стремительно набравшей популярность за какие-то три-четыре

года «Газеты. Ру». Возражений не было ни у кого из тех, кто имел право выносить суждения — выше Центрально-Африканской Республики стоит Россия в рейтинге государств «по свободе слова» или за последний год она спустилась еще ниже. Мысль о том, что любая настоящая тирания ведет себя со своими журналистами «немножко иначе», не приходила почему-то в голову никому. Представьте себе настоящего, несомненного тирана — из тех, имена которых знакомы всем. Гитлер, Пол-Пот, даже Сталин, в конце концов. Представили себе, как Анна Политковская гордо получает в Хельсинки премию за то, что так

смело его обличает, а затем возвращается в Москву и принимает очередные знаки поклонения от профессиональных диссидентов-«восьмидесятников», так и не нашедших себе места в жизни после разгрома карательной психиатрии? Правда ведь, это сюрреализм? Или Валерия Новодворская, задвинув глубоко в глубь себя рвущийся из недр души лозунг «Дайте же денег, суки!», сообщает миру из расположенной в центре столичного русского города благоустроенной квартиры с удобствами, что организовываемая Иосифом Виссарионовичем спартакиада с футболом, легкой

атлетикой и офицерским пятиборьем
есть не что иное, как безуспешная,
возмутительная в своей
бесполезности попытка отвлечь
народ и то же мировое сообщество от
собственных кровавых
преступлений. Которые (если вы еще
не забыли) «скоро переполнят»...
Что было бы с ними через час после
такого заявления? Догадайтесь —
это нетрудно, потому как Сталин был
без всяких оговорок тиран. Но в наши
дни тезис проходит «на ура». Как же
можно не верить, если они, эти
журналисты и борцы, сами русские?
Кто же не знает все это, если они
сами так говорят? Убийство
Политковской стало только

очередным доказательством того же, и в то, что его совершили чеченцы, не поверил ни один здравомыслящий человек. И без доказательств было понятно, что это Путин, и только не вполне ясно, почему у него заняло так много времени отдать приказ уничтожить ее. И почему это сделано в подъезде, а не на Лобном месте на Красной площади, при помощи ржавой от кровищ-щ-щи секиры...

Все это было очень скучно. От попыток вести рассуждения в такой плоскости пропадал аппетит, снижался уровень иммунитета, и вообще в отпуск куда-нибудь на море начинало хотеться сильнее, чем обычно. Именно поэтому

подавляющее большинство
российского населения обрывало
такие мысли в самом начале и
глушило разговоры на эту тему в
зародыше. Исключения, разумеется,
были — как они есть всегда. Но так
выходило, что люди, с удовольствием
и много говорящие о всемирном
заговоре против России и о грозящем
ей вторжении, почему-то
оказывались удивительно, странно
похожи на тех же выпущенных из
профильных медучреждений
«восьмидесятников». Жирные
длинные волосы, блестящие от
увлеченности глаза, одежда, едва-
едва уступающая по эпатажности
униформе «готов»... Общаться с

такими людьми любому нормальному человеку было настолько неприятно, что это оказывалось просто еще одним доказательством того, что все это бред. В конце концов, почти такие же группы людей боролись против психотропного оружия, гомосексуализма или за выдвижение обвинения покойному Густаву VI Адольфу, *med Guds Nåde Sveriges, Götes och Wendes Konung*^[16], в политических убийствах. Есть и такие.

Николай очень надеялся, что пока удерживается от соскальзывания в ту же нишу: голову он мыл каждый день, разговоры на

прочие темы поддерживал уверенно и вообще был достаточно адекватен. Так ему, по крайней мере, казалось до тех пор, пока свои в доску, понимающие и верящие ему ребята из «Юрок» не застонали вслух в ответ на описание увиденного документального фильма о каракулеводстве. Минута была «обычная» — возвращение домой после страйкбольного упражнения на базе в Татьянине, под Гатчиной. Очередная пара тренировочных боев прошла с более-менее удовлетворительным результатом, и настроение у ребят было как раз подходящим для относительно серьезного разговора. Но договорить

до конца ему не дали, — просто перебив, как вполне можно было поступать среди своих.

— Я видел не хуже, — отметил «Железный Винни». — Про «Маму Путина» слыхали?

Несколько человек из их команды, как оказалось, не слышали об этом, и Винни с удовольствием рассказал содержание голландского фильма. Даже странно, что это выдающееся произведение самовыразившегося режиссера прошло мимо кого-то: в свое время лента произвела на европейцев столь сильное впечатление, что была признана лучшей документальной картиной 2004 года. Впрочем, на то

она и борьба со свободой слова в современной России — при всем разгуле бреда в телевизионном эфире это кино русскому зрителю до сих приходилось скачивать из Интернета.

Несколько человек подсказывало и дополняло на редкость косноязычного «Винни», и в итоге рассказ в подползающей к Балтийскому вокзалу промерзшей полупустой электричке превратился в что-то такое, что происходит в пионерлагерях в «тихий час», а в туристических походах — вечером у костра. Злой Путин, отказавшийся от родной мамы — бедной и старой грузинской крестьянки, — это было в самый раз для всех. Отказаться

маму признавать! Старую и больную! Правда ведь, возмутительно? Вот они, русские, какие!

— Я только не вполне понимаю, что они так рано начали, — отметил Леша «Тихий». — До выборов тогда еще годы и годы были. А сезон как раз был такой, что неясно было: станет президент раздавать Курильские острова направо и налево или нет. 2003–2004 годы — это, значит, самое начало его второго срока, так?

— А потому что «капельная пропаганда», если вы знаете такой термин. Про теннисиста Бориса Беккера и полсотни его девок, заявляющих теперь, что он является

отцом их ребенка, и требующих генетической экспертизы — это все помнят. Про Майкла Джексона, слишком долго держащего на коленях детишек и как-то неправильно их гладящего по головкам — в общем, тоже. Так что этот фильм отнюдь не все на полном серьезе восприняли, не думайте. Как и твой собственный, Колька, — про несчастных овечек. Но как в одном, так и в другом случае какая-то фракция людей зафиксирует глубоко в подкорке, что русские большие бяки. Вот и все дела. Десять-двадцать таких фильмов в течение одного президентского срока — и никакие наши борьба за мир и взносы на спасение китов

приниматься в расчет уже не будут. А размазываются подобные фильмы по бюджетам десятка стран, вплоть до той же мелко плавающей Голландии. И делаются отнюдь не по заказу Мальтийского ордена или каких-нибудь масонов, а исключительно добровольно, на общественных началах и от переполненности эндогенным энтузиазмом.

Verstanden?

Николай посмотрел на вещающую Лену с сомнением. Лицо у нее было сильное и властное, а глаза умные, но выбивающийся из-под шапочки с помпоном белокурый начесик не вязался с уверенным тоном совершенно, и это смазывало

впечатление. Так иногда кандидата в депутаты губит неудачно подобранный женой галстук.

— Ты последний несогласный, — ткнул его в бок слева вечно оптимистичный Леша. — Все остальные уже вообще внимания не обращают на такую ерунду. Расслабься. Все нормально. Документалистики о достижениях народного хозяйства и наших успехах в космосе ты уже не дождешься — прошли те времена.

Тут оставалось только хмыкнуть. «Те времена» с плывущими по полям пшеницы комбайнами в единственной телевизионной информационной

передаче он помнил отлично. Они не повторяются. Какими же будут новые — предугадать было невозможно вообще. Мир менялся настолько стремительно, что адаптивности, пластичности мозга просто не хватало, чтобы в полной мере и «в режиме реального времени» отслеживать его трансформацию. А старый опыт при каждом повороте оказывался практически бесполезным.

Николай глядел на продолжающих лениво переговариваться и пересмеиваться друзей, и ему отчаянно хотелось верить в то, что все правы, а он нет. Как говорится, «если ты трезв, но

три джентльмена говорят тебе, что ты пьян — иди домой и ложись спать». Впрочем, одного хотения оказывалось уже недостаточно. Деталей накапливалось слишком много, чтобы их можно было отместить, находясь на таком взводе. Выход? А его просто не было. Ему не верили родители, не верили те приятели, с которыми он пытался хоть как-то поделиться болящими, как нарыв, мыслями. Его не основанный ни на чем, кроме интуиции и собственного понимания «критической массы» данных, анализ не слишком впечатлил даже его настоящих, самых лучших друзей. Ну так и что же... Пусть выхода не

имелось — путь, во всяком случае, был.

«Делай, что должен, и будь что будет».

Середина февраля

*Мы не нашли в России
никого, кто бы сказал, что
там — демократия.*

*Джон Эдвардс,
кандидат в Вице-
президенты США
от
Демократической
партии.*

*Комментарии к
докладу
«Неверный путь
России: что
могут и что*

*должны сделать
Соединенные
Штаты», март
2006 г.*

Покушение на жизнь вице-канцлера Федеративной Республики Германия Филиппа Рёслера состоялось 16 февраля 2013 г., в 10 часов 35 минут утра. Бронированный лимузин вице-канцлера остановился на красный цвет на перекрестке Аллеи Кайзерины Аугусты и Бюссельштрассе, когда с покачивающегося в неторопливом течении Шпрее катера по нему был произведен одиночный прицельный выстрел. Река делала рядом крутой

изгиб, сама аллея изгибалась гораздо более полого, но, вместе взятое, это ориентировало их так, что покушавшиеся смогли стрелять с поверхности реки. Их единственный выстрел дал попадание в стоящую на упирающемся в набережную Т-образном перекрестке машину. Граната из штурмового гранатомета поразила «Ауди» в верхнюю часть остекления и пробила полтора сантиметра прозрачной брони с такой легкостью, будто это была промасленная бумага. Между тем дистанция, с которой был произведен выстрел, составляла около 120 метров. Можно предположить, что дующий в это

утро над Берлином порывистый ветер был чуть более сильным над Шпрее, чем в целом по городу — все же попадание было не идеальным. Но то, что оно пришлось в проекцию переднего пассажирского сиденья (то есть в отсек, отделенный от расположения главного пассажира броневой перегородкой), никакой роли уже не сыграло. Боеприпас был термобарическим, и его срабатывание за преградой привело к тому, что за доли секунды лимузин превратился в безумное подобие огненного цветка, из которого в разные стороны били столбы и струи ярко-белого пламени. Температура внутри основного броневого контура

машины достигла настолько высоких значений, что протектированный бензобак сдетонировал уже буквально через долю секунды: но каким бы странным такое ни казалось, десятки свидетелей успели уловить этот момент. Ревущий росчерк с воды, вспышка на черном стекле, затем тут же, без паузы, все внутри большого автомобиля превращается в бьющееся белое пламя — и только после этого бензобак взрывается и машину швыряет вверх и вбок.

В автомобиле вице-канцлера погибли три человека: он сам, его личный телохранитель и личный шофер-телохранитель. Еще один

охранник, мотоциклист наряда дорожной полиции Берлина, погиб там же, как и трое пассажиров находившейся рядом машины. Эти трое были гражданами Германии и рядовыми жителями города, и их незавидная судьба была просто печальным побочным эффектом той же трагедии. Еще семь человек (среди них еще один мотоциклист эскорта, остальные были случайными прохожими) получили ранения и ожоги разной степени тяжести. После первичной сортировки в госпиталях Берлина состояние по крайней мере двоих было оценено как «критическое», что позволяло предположить, что

общее число жертв покушения на вице-канцлера может возрасти уже к вечеру того же дня.

Первое сообщение о мощном взрыве на Аллее Кайзерины Аугусты прозвучало по «Kaufradio» уже через две минуты после гибели вице-канцлера: один из шокированных увиденным свидетелей позвонил с мобильного телефона и был пропущен непосредственно в прямой эфир. Еще через минуту похожее сообщение пошло в радиоэфир из студии «Metropol FM». Затем описание увиденного чуть более подробно прозвучало на «Berliner Rundfunk 91.4», а потом возникла пауза: буквально за минуты

прошедший всю необходимую цепочку приказ с этого момента остановил бесконтрольное разглашение имеющих отношение к безопасности государства сведений в необработанном виде.

Слухи о гибели собственно федерального канцлера Ангелы Меркель, мгновенно распространившиеся по стране, умерли тут же. Уже в 11.15 сама канцлер выступила в обращении к германскому народу, прозвучавшему по всем каналам государственного телевидения Германии и многим кабельным, разорвавшим сетку вещания ради экстренного сообщения. Это же выступление

было полностью транслировано по крайней мере тремя десятками немецкоязычных радиостанций, включая платные каналы «цифрового радио» и доступные к приему во всем мире станции живого интернет-вещания. Нельзя было сказать, что канцлер выглядела и звучала как потрясенный, шокированный человек. Наоборот, обращение канцлера впечатлило многих своей напористостью, уверенностью интонаций и волей. Тем не менее скрывать свои эмоции канцлер явно не собиралась. Сказанное ею явно не было произведением спичрайтеров: слова шли от самого ее сердца, — сильные и четкие своей

законченностью, как обточенные морской стихией валуны.

— Кем бы ни были эти неизвестные пока убийцы, — говорила глава германского правительства, глядя прямо в глаза тысячам застывших перед экранами людей по всей стране, — кем бы ни были заказчики этого чудовищного злодеяния, они могут быть уверены: их поступки не останутся безнаказанными. Германский народ, его вера в прогресс и свободу не могут быть сломлены одним предательским выстрелом — даже если он приходится в самое наше сердце. Мы не допустим, чтобы хоть кто-то смел позволить себе

наслаждаться нашим горем долго. Тот, кто поднял руку на сильнейшую страну в Европе, заплатит за это — и заплатит дорого.

Выступление канцлера слушали многие миллионы людей, и очень немалая их доля прослушала его еще раз, когда с получасовым опозданием речь была транслирована Евровидением на всех семи официальных языках сети своего вещания. Аналогично большинство германских телеканалов и телевидение Люксембурга повторили обращение федерального канцлера к народу в полдень — на этот раз в записи, дополнив жесткую и страшную речь Ангелы Меркель

комментариями политиков и обозревателей. К этому времени новость о гибели вице-канцлера от рук вооруженных убийц активно циркулировала в новостях уже не только соседних Бельгии, Голландии и Дании, но и всего мира.

Одним из немногих мест, где в эти часы не обращали никакого внимания на бушующую в эфире бурю эмоций, стали помещения, выделенные в здании собственно бундестага группе *Sonderstab-1* — руководству спешно сформированной межведомственной кримгруппы. Интересно, что на русский язык этот неизвестно как дошедший до журналистов термин в

сопровождающих выпуски новостей
комментариях ошибочно перевели
как «специальный штаб», хотя слово
скорее означало все же
«экстренный». В любом случае
полицейским и контрразведчикам в
эти первые часы было не до
телевизионных передач, какими бы
важными они ни были для судьбы
Германии и всей Европы. Выходило
так, что убийцам удалось скрыться с
места преступления. Согласно
данным, полученным при допросе по
крайней мере двоих не пострадавших
при взрыве свидетелей, катер начал
двигаться на восток, по изгибу
Шпрее практически
непосредственно после так и

оставшегося единственным выстрела и при этом до собственно момента попадания. Большую скорость он не набирал, но почему-то уцелевшие полицейские не сумели не то что «организовать огневое противодействие», но даже просто открыть огонь до момента, когда он ушел за изгиб набережной. Вероятно, это объяснялось простым отсутствием необходимого рефлекса, хотя формально группа полицейских эскорта считалась вполне подготовленной в необходимом отношении. Но рефлекс на преследование у них был, и двое офицеров (точнее — обермейстер и гауптвахмистр полиции) начали

погоню почти немедленно после того, как осознали, что возможность оказания помощи принципалу отсутствует. Тем не менее, когда их ревущие мотоциклы вылетели на позволяющую просматривать фарватер прямую часть аллеи, людей в медленно идущем в том же направлении катере уже не было. Вся последовательность событий на короткий период времени от выстрела до картинки «пустой катер медленно движется по Шпрее» была реконструирована по секундам и проверена многократно — с этого в кримгруппе, собственно, и начали. Но факт оставался фактом: в 25- или 30-секундную паузу, в ходе которой

за катером никто не наблюдал, покушавшиеся с его борта исчезли. «Никто» при этом включало многие десятки уже опрошенных непосредственных свидетелей покушения и жителей домов, выходящих окнами на набережную. За два часа после событий на Аллее Кайзерины Аугусты обращение полиции к жителям и гостям Берлина было передано по государственному телевидению трижды, а по большинству местных каналов радио — по крайней мере раз пять. В коротких, зачитываемых напряженными дикторами сообщениях, граждан просили докладывать в полицию о любых

известных им сведениях, способных помочь следствию. Некоторые члены «экстренного штаба» следственной группы питали определенную надежду, что это поможет заполнить полуминутный «пробел» в реконструкции событий, — но показательно, что среди них не было ни одного профессионального гражданского полицейского. Шквал звонков, обрушившихся на многоканальные линии в последующие десятки минут, только подтвердил ожидания профессионалов: при всем разнообразии полученных сведений, о катере и тех, кто на нем находился, не было сказано ни одного нового

слова.

Итак, кроме показаний самого первого ряда, то есть снятых с непосредственно находившихся на месте преступления людей, опереться пока было не на что. Хотя и это уже было неплохо — если бы нападение состоялось ночью, даже в таком никогда не спящем городе, как Берлин, число свидетелей сразу сократилось бы втрое-вчетверо. Считая, разумеется, лишь запомнивших хоть что-то и способных внятно выразить свои мысли. Как всегда бывает после террористических актов или неожиданных в цивилизованной стране уличных перестрелок,

довольно заметная доля гражданских находилась в состоянии, близком к шоковому, и не была способна произнести фразу длиннее и сложнее, чем «Боже мой, какой же это кошмар».

Было известно, что в покушении участвовали два или три человека (здесь показания свидетелей расходились, распределяясь приблизительно поровну). Первым, самым простым предположением было то, что они успели уйти на набережную — скажем, поднявшись с борта катера по штурмовой лестнице. Но проведенный в ближайшие же 40 минут поголовный опрос находящихся жителей

улиц, находящихся к северу от дуги Морзенштрассе — Паскальштрассе, не дал ничего. Вдобавок и первичный осмотр обеих сторон набережной также не обнаружил никаких следов перелаза.

Следующим предположением стало мнение военных членов *Sonderstab* о возможности эксфильтрации ассасинов водным путем. Февральская Шпрее — не подарок для любого пловца, но как теоретическую возможность это стоило рассмотреть: меткость стрельбы и неортодоксальность самой тактики нападения явно позиционировали убийц как отлично и наверняка разносторонне

подготовленных людей. Уходя под водой, они могли выбрать как Шпрее (причем уже в обоих направлениях), так и сливной канал, к югу от пересечения с рекой истончавшийся до минимума и питавший систему прудов и бассейнов Берлинского зоологического сада, прежде чем снова расширяться, изгибаясь сначала на запад, а затем снова на юг. Осмотр всех пристаней, причалов и блокшивов по течению реки и канала, опрос всех сторожей и потенциальных свидетелей (вроде полицейских на мостах) должен был занять время. Но в любом случае, даже если бы он дал какую-то информацию, случившегося это

изменить не могло — вице-канцлер и еще пять человек были мертвы, и с места преступления убившие их люди ушли безнаказанно.

Гораздо более многообещающим была работа как с самим катером, так и с оружием преступления. Последняя осложнялась тем, что гранатомет, уничтоживший бронированную машину вице-канцлера, не был пока найден и даже идентифицирован со сколько-нибудь высокой степенью вероятности. Его обозначение в первом же докладе как «штурмового» было пока просто догадкой. А вот работа с катером продвигалась вперед достаточно быстро, что позволило

«представителю Штаб-квартиры
федеральной полиции по связям с
прессой» с совершенно чистой
совестью ежечасно сообщать
журналистам о несомненном
прогрессе в ходе только-только
начавшегося расследования. Сам по
себе отбуксированный на
полицейскую речную стоянку катер
не содержал, кажется, никаких
следов: ни подарочного экземпляра
Корана в переплете с серебряным
тиснением, ни россыпи стреляных
гильз от русского «Кедра» поверх
виала с плутонием. Номер на его
борту был грубо, но целиком стесан,
а номер на лодочном моторе (на
удивление слабом для фактического

водоизмещения) оказался столь же тщательно вытравлен кислотой. Последняя деталь оставляла какой-то привкус фарса — неуместного в деле подобного масштаба. Принадлежность катера была установлена за полтора часа: простым сличением регистров десятка ближайших стоянок маломерных судов с бортовыми номерами фактически находящихся на них плавсредств с последующим обзвоном собственников отсутствующих на месте единиц. Окончательное подтверждение того, что катер добропорядочного берлинца (хотя это, несомненно, еще предстояло проверить со всей

тщательностью) находится фактически в угоне, было получено час спустя. Хозяин катера, чиновник одного из местных филиалов банка PSD, не посещал свой законсервированный, по его мнению, и на самом деле отсутствующий на оплаченном месте катер в течение двух полных недель. Соответственно, тот мог быть уведен со стоянки в любой день в течение этого времени. Все три сменных сторожа стоянки утверждали, что не отмечали никакой подозрительной активности на «площадке зимнего хранения» и слипе, но факт исчезновения катера из-под покрытого толстым слоем инея брезентового чехла (требующий

задействования специализированной техники и довольно значительного времени) они при этом объяснить не могли. Было странно, что ассасины избрали столь сложный подход — угнать катер, не находящийся на воде, с законсервированным, снятым и хранящимся отдельно мотором, — но к этому решили обратиться отдельно и потом. Дело раскручивалось слишком быстро, чтобы можно было выделять время на отработку не имеющих сиюминутного значения деталей. Буквально через несколько часов выяснилось, что та же невезучая стоянка менее месяца назад стала жертвой неудачного проникновения то ли воришки, то ли

не контролирующего себя наркомана. А может быть, даже и проще: просто наркомана, ищущего, что бы украсть. Как и в описанном выше случае, сторожа речной стоянки или продолжающие звонить в полицию горожане не оказали практически никакой помощи следствию, — вся информация была получена прямым анализом изначально имеющихся в архивах полиции файлов.

Дальнейшее, на несколько блестящих, потрясающих своим темпом часов было, как говорится, «делом техники». Несостоявшийся воришка был на свободе, но все его данные в файлах имелись, и уже через десяток минут расположенное

на северной окраине города отделение Дирекции-3 высылало машину с группой для его повторного задержания «по вновь открывшимся обстоятельствам». Согласно не слишком подробному, но достаточно внятному описанию в текстовой части электронной формы, 5 февраля он был обнаружен сторожем на той самой «площадке зимнего хранения». Внимание сторожа привлек звук часто сигналящей где-то неподалеку машины. Он оторвался от телевизора и решил обойти территорию и тут же наткнулся на какого-то парня, шляющегося между поставленных на колодки разномастных катеров речных классов — при том, что

звонка от калитки не было. Парень был одет неопрятно, представился сыном хозяина одного из катеров, но не смог ни назвать его имя, ни предъявить действующий пропуск на территорию стоянки. При требовании пройти для дальнейшего разговора в домик конторы явно нервничающий парень бросился бежать, но сторож нагнал его у калитки и успешно произвел задержание. Наряд городской полиции (имена офицера и стажера — третьекурсника Полицейской академии Берлина прилагались) прибыл в течение 10 минут, после чего неизвестный был доставлен в линейный участок и допрошен

согласно установленным правилам. Дерек Йетер, 20 лет, без определенных занятий, экспресс-тест на наркотики опиатной группы положительный. Внятно объяснить причины своего проникновения на охраняемую территорию он объяснить не сумел или не желал, но для полицейских все было тогда достаточно ясным. В жилищную контору по месту проживания Дерек Йетера было отправлено формальное уведомление, а самому ему было выдана рекомендация явиться на добровольный курс лечения и психологической помощи в наркологическую клинику и объявлено «на первый раз»

предупреждение. Впрочем, с трудом вспомнивший этот случай полицейский (из участвовавших в допросе начинающего наркомана три недели назад) отметил, что никто не сомневался, что с этим парнем они еще встретятся: выглядел он «классически» для будущего «постоянного клиента» берлинской полиции.

К 15.50 пришло сообщение, что по домашнему адресу Дерек Йетер не обнаружен, а соседи показали, что не видели его в течение нескольких последних дней. Это вызвало очень большое оживление в штабе. Оно было замешено, разумеется, на напряжении — время шло, а то,

имеет ли соплёк хоть какое-то отношение к организации покушения на вице-канцлера, было пока непонятно. Полицейские всего Берлина и офицеры поднятых по тревоге и уже направленных на усиление мер безопасности в столице воинских частей получили ориентировку на его опознание. Выделенная группа начала прочесывать места, где молодой Дерек, по рассказу отца (матери не имелось) и соседей, мог быть, были предприняты какие-то ещё правильные и необходимые шаги. Но все это означало очередные потерянные часы и не обещало ничего в случае, если парень не был

действительно как-то связан с покушением. В морги и больницы города и пригородов ушли стандартные запросы на приметы «неидентифицированных», которые вернулись без исключений отрицательными. Все данные о неспособных либо не желающих назвать свое имя пациентах направлялись непосредственно в полицию в любом случае, и верить в недобросовестность врачей и патологов ни у кого причин не было. Таким образом, если Дерек был еще жив, то его обнаружение являлось лишь вопросом времени, но вот как раз его было мало. И становилось все меньше, учитывая все нарастающий

поток звонков с самого верха с требованием результатов.

Но при всем при этом как раз в эти часы результат начали приносить те члены команды, которые были сочтены бесполезными — как оно всегда и выходит в подобных случаях. Военные. Как уже отмечалось, оружие преступления найдено на месте не было. Не могло оно быть точно идентифицировано и по самому характеру поражения автомобиля, превратившегося к этому моменту в покрытую осевшей пеной теплую гору, состоящую из прокаленного до синего цвета металла. Две сменяющихся пары легких водолазов закончили

первичное обследование русла Шпрее и сливного канала в районе покушения, но ни гранатомет, ни отдельные его части обнаружены не были. Скажем, реактивный двигатель, играющий роль противомассы и выбрасывающийся назад при выстреле в по крайней мере одном из возможных типов. Все же яркие описания собственно момента попадания боеприпаса в бронированную машину, дополненные примитивными рисунками нескольких свидетелей, позволили предположить, что гранатомет действительно был не «истинным» противотанковым. В то же время результат его воздействия

на цель не вполне соответствовал характеристикам известных штурмовых гранатометов: прежде всего потому, что при наблюдавшемся угле встречи броневое стекло данной толщины должно было выдержать попадание, заставив фугасный или термобарический боеприпас сработать снаружи. Но при всем этом высочайшая температура горения внутри выполненного из негорючих материалов салона и взрыв протектированного бензобака лишь по мере его «спекания» явно указывали именно на термобарическое снаряжение гранаты. Штурмовые, то есть

«непротивотанковые», гранатометы либо боеприпасы подобного назначения к обычным состоящим на вооружении армий моделям производили сразу несколько стран: Россия, США, Израиль и сама Германия. При этом последние три страны имели на вооружении ограниченное число типов, выпускаемых в минимальных количествах. В их число входили американская система SMAW с 83-миллиметровой гранатой под гранатомет «Mk153 mod 0», полностью идентичный этой системе еврейский В-300, американский же «противобункерный» гранатомет

M141 (фактически представляющий собой «одноразовый» вариант той же системы SMAW) и германский «Bunkerfaust» под противотанковый гранатомет «Panzerfaust 3». Теоретически можно было вспомнить еще один американский образец — давно снятый с вооружения M202A1 «Flash». Этот тип был снят по причине своей неэффективности — на 120 метрах он пробил бы разве что деревянную доску дюйма в полтора толщиной. Но что вспоминалось сразу — это русские, русские, снова русские системы, число типов и объем производства которых значительно превосходили таковые для всего

остального мира вместе взятого. «Рысь», «Шмель», РШГ-1, РШГ-2, РМГ, РМО, плюс системы, для которых не имелось даже индексов, просто описания: в приложении к данному конкретному случаю все это заставляло обратить на себя внимание сразу же.

По крайней мере за Германию военные члены «экстренного штаба» ручались головой: объем бумаг, призванных обеспечивать сохранность каждой единицы этого нестандартного для бундесвера оружия, превышал вес собственно самих боеприпасов. За американцев, евреев и русских ручаться, как обычно, не мог никто. Но в

отношении первых двух случаев военные выдали аргумент, который был достаточно сильным. С целью обеспечить максимальную утилитарность боеприпасы к американским системам (то есть SMAW/B-300 и M141 BDM) были разработаны просто как вариант стандартных гранат к реактивным противотанковым гранатометам, — но при этом «не противотанковые». В результате они представляли собой просто хорошие фугасные гранаты с минимальным (хотя и превосходящим русские разработки) бронебойным действием. Но при этом они были именно фугасными — поражение экипажа получивших

попадания такими боеприпасами машин осуществлялось взрывчатым веществом и осколками корпуса. Да, попади в лимузин именно такая граната, и его пассажиров ждала точно такая же судьба, вне зависимости от того, была бы закрыта форточка в броневой перегородке между отсеками или нет. Да, бензобак наверняка сдетонировал бы точно так же, — и даже быстрее, чем это было в реальности на аллее, названной в честь принцессы Саксонской, Веймарской и Эйзенахской. Но механизм этого процесса был бы иным: топливо воспламенилось бы в результате поражения бензобака той

немногочисленной долей осколков, которая имела бы достаточно большую скорость и массу, чтобы пробить защищающую его сверху тонкую броневую пластину. Здесь же оно именно «спеклось», когда пробивший бронестекло боеприпас подорвал аэрозольное облако. Возникал вопрос: если согласиться с тем, что здесь подходил только боеприпас русского производства, то какой именно и откуда он взялся в самом центре суверенной и давно ни с кем не воюющей Германии?

— Россия, Россия... — с неудовольствием пробормотал себе под нос Карл Эберт, начальник «экстренного штаба», с брезгливым

видом оглядывая тот отчет, который держал в руках. О России в последние годы, месяцы и особенно в последние недели в Германии говорили слишком много. Более чем слишком для человека с юридическим образованием. Годы работы в прокуратуре всегда оставляли свой след: за них человек настолько привыкал слушать вранье, что учился с критикой воспринимать вообще каждое услышанное слово — исходи оно хоть из уст Папы Римского.

Хорошим примером был новый документальный фильм о Брюсе Спрингстине, который он посмотрел вместе с женой только вчера

вечером, когда жизнь руководящему директору полиции все еще казалась такой же ненормальной, как обычно — не более. Великий американский музыкант имел многие миллионы поклонников во всем мире — но, оказывается, не в России. Там у них был свой имитатор, почти точно копирующий сценический стиль одного из основателей современного рока. Имя его Карл не запомнил: какой-то Антуан Макаренко или что-то в этом роде. Но подобранные клипы действительно впечатляли — отличить ноющего в микрофон русского от великого Брюса иногда было почти невозможно. И ничего особенного в таком не было бы, но

десяток остановленных съемочной группой прохожих разного возраста честно признались, что своего Макаренко или Макаровича знают прекрасно, а вот ни о каком Спрингстине не слышали никогда, ни разу в жизни. Да, это было противно — особенно для человека, являющегося искренним поклонником классического рока, но при этом оставляло несомненное чувство «перебора».

Глупо, но именно это послужило причиной того, что поставленный начальником над десятком специализированных групп руководящий директор полиции Эберт поморщился и положил

бумагу. Она легла на и так заваленный документами разного формата стол и мгновенно потерялась на его поверхности, как лодка в порту Ростoka в день регаты.

— Мнения разделились и здесь, — отметил Карл Эберт, ни к кому особо не обращаясь. — Так «Шмель» или не «Шмель»?

— Пока не ясно, — признал стоящий перед ним армейский офицер. Извинения в его тоне не было ни на старый польский грош, ни на старый немецкий пфенниг. — За русский «Шмель» говорит многое. Если он был в варианте РПО-3, то есть зажигательном, то результат был бы именно таким. Объемное и

продолжительное горение, какое и выжгло машину вице-канцлера — не просто дотла, а до синего каления, до «отпуска» броневой стали. Но, насколько нам известно, РПО-З не оснащается кумулятивным зарядом: стекло он скорее всего не пробил бы. Его пробил бы выпущенный из того же «Шмеля» РПО-А, но у него выше фугасность — осколки разбросало бы по значительно большей площади. Значит, это ни то, ни другое. Что-то третье. «Шмель» слишком тяжел, слишком габаритен для городских условий. Стрелять из него с раскачивающегося на зыби катера — это надо слишком уж верить в свою меткость. Вспомните — стреляли

только один раз, и двигаться начали сразу же: значит, не сомневались, что попадут. Кроме того, против «Шмеля» говорит и тот факт, что отработавший и выброшенный назад двигатель в реке найден не был — при том что место, где он может находиться, было определено с высокой долей точности. Впрочем, дно Шпрее просто завалено ржавым железом — при столь торопливом осмотре водолазы могли его не обнаружить.

Начальник *Sonderstab-1* не мог не кивнуть: водолазов действительно торопили. Поиск следов, способных объяснить исчезновение покушавшихся в единственное

полуминутное «окно», когда их никто не видел, был тогда важнее. Да и сейчас, конечно, тоже. Но следов пока так и не было, а уверенный в себе и своих познаниях военный — был. Почему он так уверен?

— И что? — нелюбезно поинтересовался руководящий директор полиции, снова подняв глаза на майора, удивительно спокойно дожидаящегося окончания паузы, заполненной размышлениями человека, которому он был подчинен.

— Больше всего указаний на то, что это русский РШГ-2. Малогабаритный, легкий, но с самой высокой начальной скоростью гранаты и, соответственно,

дальностью прямого выстрела. Да, во много раз менее эффективный, чем «Шмель» в любом снаряжении, кроме дымового. Но на цель объема автомобиля представительского класса с лихвой должно было хватить и этого. Опять же, вне зависимости от того, была амбразура в броневой перегородке между отсеками закрыта или нет.

— Амбразура?

Привыкший внимательно следить за лицом собеседника в ходе произнесения им чего-то важного, Карл Эберт впервые заметил, что тот, оказывается, может сменить выражение уверенности на что-то другое. Очень самолюбив. Какое бы

«бронированное» в отношении мимики лицо майор ни имел, тот не имеющий особого значения факт, что его поймал на неточности гражданский, задел его сильно.

— Виноват, не амбразура, конечно. Форточка.

— Но что-то смутило вас и в этом варианте...

Теперь руководящий директор полиции наблюдал за лицом армейского офицера уже с искренним интересом. Ему даже понравилось, что тот так разволновался. Это придавало всей этой невероятной беседе оттенок человечности. Кто мог представить с год назад, с месяц, даже просто

вчера, какую тему они будут обсуждать? Из гранатомета какого именно типа сожгут вице-канцлера Германии?

— Разумеется, герр Эберт.

Майор посмотрел ему прямо в глаза. Расхождения по этому вопросу имелись в его собственной группе, расхождения имелись в выводах его самого. Сама логика рассуждений была непогрешимой, но возможных вариантов в графе «вывод» оказалось сразу два — а значит, оба были неверными. Впрочем, самого этого он не боялся. Бояться должны другие. Те, которые не знают о тысячах документов совершенно определенного рода, отрабатываемых

ежемесячно в военной разведке бундесвера в течение последних нескольких лет. А может быть, и нет. Вполне может быть, что бояться должны вообще все: от слишком недоверчивого полицейского в высоком чине, сидящего перед ним без малейшего следа воспоминаний об элементарной вежливости, до полицейского-курсанта, дежурящего у факсимильного аппарата.

— Ряд деталей заставил меня предположить, что это все же может быть не РШГ-2, а РМГ. Последний — это самый современный из всех типов, из тех, о которых мы знаем. В отличие от других, он предназначен именно для действий в

урбанизированной местности. Этот гранатомет представляет собой развитие РШГ-1, который, в свою очередь, является производным классического противотанкового РПГ-27. Применялся русскими начиная со второй фазы их войны на Кавказе, но относительно ограниченно. Самое сложное здесь...

Майор запнулся, поморщившись. Условно говоря, его должностные обязанности как раз и заключались в том, чтобы являться ходячим справочником бундесвера по вооружению современных сухопутных войск Российской Федерации и Республики Беларусь. До недавнего времени он полагал,

что знает о находящихся на вооружении этих армий образцах все. Сегодняшний день поколебал его уверенность. Признаваться в этом было тяжело, но, к сожалению, выбора не имелось.

— Самое сложное — это то, что в отношении обоих типов имеются указания «за». То есть это однозначно или РШГ-2, или РМГ. Распределяются эти «за» примерно в соотношении 3:1, но я не могу идентифицировать тип оружия как один из этих двух. Значит — это третий тип, неизвестный мне. Тактико-технические характеристики этого типа соответствуют гибриду РШГ-2 и

РМГ в пропорции, какую я указал. И при том, что со стопроцентной вероятностью это оружие русское, это, возможно, совершенно новый тип. О существовании или испытаниях которого ничего не было известно ранее.

Майор замолчал. Невозможность дать ответ на четко поставленный перед его группой вопрос — это было вовсе не самым страшным. В конце концов, на одной только дедукции, без единого результата экспертиз с применением всех тех заумных приборов, которые так любят показывать в сериале «Экспертиза места преступления», они «вытащили» из описаний и

зарисовок картины очень многое. Идентифицировали класс оружия, идентифицировали его производителя. Невозможность дать что-то более этого никак, ни в малейшей степени не очерняла ни его, ни его людей. Гораздо хуже было то, что за всю многолетнюю карьеру профессионального военного майор впервые столкнулся с ситуацией, в которой его знания, его способность к анализу действительно играли роль в событиях. Фактически это было самым слабым местом в непробиваемой уверенности майора в своем профессионализме. Все годы до этого были наполнены просто симуляциями. Он читал, запрашивал

документы, анализировал и на основе своего анализа делал выводы. Документы уходили «наверх», и через некоторое время стоящие выше его на служебной лестнице офицеры сообщали, что удовлетворены его работой. Но в том, что это имеет хоть какое-то значение для будущей войны, для перераспределения потоков бюджета в интересах ускорения принятия на вооружение новых образцов техники, способных парировать русские образцы, увеличения относительной доли закупок и тому подобного... На это можно было только надеяться, и в течение последних лет сначала капитан, а затем уже майор

сильнейшей в современной Европе армии понемногу начал осознавать, что все это удивительным образом напоминает учебу. Ты много работаешь — но все это или бесполезно, или является вложением в будущее. Удовлетворение от самого процесса способны получать далеко не все. В последнее время ему стало чуть легче — события развивались все стремительнее и стремительнее, и цель всей его жизни, всей карьеры становилась все определеннее — это оказалось просто здорово. Впрочем, вероятнее было то, что новая должность и очередное звание просто открыли ему доступ к ранее недоступному фарватеру в потоке

информации. Но в любом случае сегодня, первый раз за всю жизнь, все было по-настоящему. И при том что для хода истории эта мелочь — определение конкретного типа оружия убийства в первый же день, по первому же слою данных — не имеет и не может иметь значения... Это было важным. Даже не для расследования — для него самого.

— Данные экспертизы? Копоть, анализ формы и розы рассеивания фрагментов автомобиля? Возможный нагар на стенке набережной Шпрее за спиной стрелявшего?

— Не думаю, — лаконично отозвался майор. За его спиной уже переминался очередной советник-

криминалист, готовый докладывать и отчитываться. Его нетерпение чувствовалось шеей, но прерываться майор не хотел — слишком важен для него был происходящий разговор. Если бы новости были сколько-нибудь ценными, вежливо ждать своей очереди в любом случае никто бы не стал.

— В конце концов, никто не ведет экспертизы на поле боя. Условно говоря, когда батальон переходит в контрнаступление и отбивает потерянный узел обороны, в отчете о ходе учений просто указывается, что условный противник обозначил успешное применение штурмовых

гранатометов с боеприпасами в дымовом и термобарическом снаряжении. Что и позволило ему нейтрализовать бункер, являвшийся станovým хребтом узла.

Тут он сумел даже улыбнуться.

— Позвольте мне уточнить, — руководящий директор полиции Эберт тоже не обращал никакого внимания на полицейского, стоящего за спиной армейского эксперта. Теперь, когда он произнес вводную фразу, его голос приобрел, как оказалось, неожиданный оттенок. В голосе вдруг отчетливо проявился интерес, которого не было заметно раньше. — То есть вы и ваша группа заключили, что не можете точно

сказать, из какого гранатомета
стреляли. Но при этом абсолютно
точно уверены, что он русский. Так?

— Совершенно верно.

— Почему? Может быть так, что
новый вид оружия был произведен
какой-то другой стороной? В том
числе и «на основе», в развитие
русских разработок, не доведенных
до действующих образцов, известных
разведкам государств — членов
НАТО? Хотя бы теоретически?
Скажем, Ираном? Китаем? Индией?

— Нет.

Офицер за спиной понял, что
разговор не закончится в ближайшие
минуты, и почти бесшумно ушел.
Майор мысленно сказал ему

«спасибо», руководитель же «экстренного штаба» не обратил на это вообще никакого внимания.

— Если взять мотор от «Мерседеса», шасси от «Фольксвагена» и корпус от найденной на свалке старой модели «Баварских Машиностроительных», то получившаяся в итоге машина будет все же не «Трабантом».

С секунду руководящий директор полиции глядел прямо перед собой, переваривая аналогию. Не то чтобы он не понял ее сразу, но с подобными «проекциями» он не сталкивался слишком уж давно. Пожалуй, со средних классов школы своего старшего внука. Учебники для

учеников подобного возраста содержали много таких аналогий. Что ж, пожалуй, не просто так считается, что военные — это в большинстве мальчишки-переростки. А тому, что они играют в слишком дорогие и страшные игрушки, значение в наши дни придают далеко не все. Как и тому, что их игры обычно заканчиваются не кровавыми ссадинами, разбитыми носами и плачем, а пожарищами. Которые с такой скоростью охватывают тысячи квадратных километров, что с одобрением наблюдавшие за их играми обыватели просто не успевают понять, почему именно вдруг запылали их собственные

привычные дома. И почему вдруг веселые и сильные ребята превратились в озлобленных, ненавидяще глядящих на всех вокруг инвалидов, ковыляющих между засыпанных обгоревшим мусором развалин. Развалин, тянувшихся на многие километры во все стороны — сколько видит глаз.

— Как бы этот гибрид ни назвали, где бы его ни собрали, ездить относительно быстро и мягко он будет, лишь если его собирают инженеры со всех трех заводов, заблаговременно сведенные вместе для работы над общим проектом. Если чертежи шасси купят, кузова украдут, а мотора — подсмотрят, то

собранный в единое целое автомобиль не проедет и десятка километров, будь он хоть целиком обвешан звездами «Мерседеса».

— Что?

Карл проморгался, изо всех сил пытаюсь правильно понять вытащенную из услужливой оперативной памяти прослушанную фразу. Майор, оказывается, все это время внимательно смотрел прямо на своего собеседника, и у руководящего директора полиции вдруг создалось неприятное, некомфортное ощущение того, что тот знает, о чем он только что думал. Картинки из детства — непростого послевоенного детства немецкого ребенка. О том,

что ему приходилось тогда видеть каждый день, не имеет представления даже не просто «современное молодое поколение», взятое целиком. Во все это наверняка в глубине души не верит даже вот этот стоящий перед ним человек: слишком молодой, чтобы видеть это самому, и слишком уверенный в себе, чтобы просто верить. Натренированный, умный, с памятью и лицом молодого Блюхера, каким его изображали на немногочисленных портретах донаполеоновской эпохи. Почти наверняка.

— Но ведь собрать такой гибридный, не похожий ни на что из

известного вам гранатомет могли все же где угодно? Да, как эту машину, если мы примем такую аналогию. В конце концов, это не современный истребитель. Это всего лишь гранатомет — труба с примитивными прицельными приспособлениями и рукояткой со спусковым устройством. Иранцы строят атомную электростанцию и испытывают тактические ракеты. Китайцы самостоятельно изготавливают и запускают на орбиту спутники связи и «тайконавтов». Индусы и южноафриканцы владеют атомным оружием. Это не пример?

— Это общее заблуждение. Боеприпас к гранатомету, как и сам

современный гранатомет, —
сложнейшая конструкция, почти
произведение искусства. Результат
труда десятков конструкторских и
испытательных групп. Вершина
пирамиды, в основе которой лежит
материаловедение и технология
производства десятков деталей и
узлов самой разной конструкции.
Это годы и годы работы, миллионы и
даже миллиарды евро. Именно
поэтому собственного оружия такого
класса никогда не будет ни у арабов,
ни у мексиканцев, ни у румын.
Полноценный штурмовой гранатомет
пока создали только русские: наши
собственные разработки не сумели
догнать их даже за те 15 лет, в ходе

которых они не делали вообще ничего. В то, что русские втайне, не проводя заказы по контрагентским производствам, без ставших известными нам испытаний смогли сделать новый, я поверить могу, пусть это и унижает меня как офицера разведки. В то, что это оружие могло бы с одного безошибочного выстрела перевернуть нашу страну с ног на голову — тоже. А вот в то, что они выбрали совершенно новую, не отработанную «в поле» модель для столь серьезного, не допускающего ошибок дела, вот в это уже нет.

— Значит?

Теперь руководящий директор

полиции подался вперед. Наконец-то они дошли до дела.

— Оружие, едва-едва вывезенное за порог завода, принадлежащее к опытной партии, — это, несомненно, «полуфабрикат». Доводить его до состояния, пригодного к реальному применению в бою, — это годы. Значит, они не могли на него положиться, это просто невозможно. Это противоречит любому...

— Русские любят противоречить любой логике, — резко оборвал его начальник *Sonderstab-1*. Теперь их почти флегматично ведущийся диалог превратился во что-то, похожее на схватку двух теннисных

мастеров, вырвавшихся к передней линии, к самой сетке.

— Да, но не в тех случаях, когда речь идет о стреляющем и летающем железе. В этом они удивительно адекватны. Признаюсь — на зависть многим. Почему вдруг так получается раз за разом, — об этом судить не мне: но это факт, который вдруг стало модно игнорировать. Об этом не принято говорить или принято говорить с презрительной усмешкой... Но нам есть чему поучиться у русских. И всегда было.

Руководящий директор полиции сидел не шевелясь. Вот так оно и бывает, что человек, которого ты походя определил для себя как

самолюбивого сноба из
вскормленного на стероидах
поколения, вдруг оказывается
действительно способным серьезно
думать.

— Мы ударились в
философию, — сухо заметил он. —
При том, что время для этого самое
неподходящее. Ваши заключения я
принял к сведению, хотя логика мне
отчасти так и не стала ясна. Каковы
будут ваши выводы из всего этого?

— Я не должен делать
выводы, — покачал головой
майор. — Заключений достаточно
вполне. Функция моих людей здесь
не подразумевает...

— Как именно использовать

мозги вас и ваших людей, решать буду я. — Эту фразу Карл Эберт произнес уже совсем скучным тоном. — В данный момент я приказываю вам сделать выводы из вводных о том, что оружие политического убийства русское, что оно относится к неизвестному вам типу, что оно было использовано в центре Берлина и что...

Договорить эту и так уже переусложненную фразу он не сумел: в дверь буквально ворвался оберкомиссар полиции. Выражение его лица было таким, что уловивший его отражение на лице своего собеседника майор развернулся на месте, продемонстрировав завидную

живость.

— Взяли! — выпалил оберкомиссар, демонстрируя такое возбуждение, будто он только что лично проложил прямую дорогу к скрывшимся убийцам. С опозданием в несколько секунд в распахнутую дверь вбежали и вошли еще несколько полицейских в чинах от криминального советника до гаупткомиссара речной охранной полиции. Почти одновременно на столе руководящего директора полиции начал сигналить почему-то длительное время молчавший телефон, и происходящее в комнате тут же превратилось в выездную сессию сумасшедшего дома — как ее

представляют в дешевых телевизионных комедиях.

Как выяснилось, несколькими часами ранее двадцатилетний Дерек Йетер умудрился успешно уйти от накрывшего его в каком-то заплеванном баре патруля. Сведений об этом начальник «экстренного штаба» не получил, и теперь это привело его в незаметную со стороны ярость. Те из полицейских добившейся сейчас успеха «городской группы», кто думал, что результат все спишет, ошибались, но для просветительского курса сейчас был просто неподходящий момент. Это был тот самый минус работы большой команды, собранной из

никогда не работавших вместе подразделений, — минус, который вполне можно было предугадать. Но сейчас они буквально захлебывались деталями. Завидев входящих в бар полицейских, парень проявил несомненное чутье, тут же бросившись во всегда открытую в этом заведении заднюю дверь. Та была прикрыта целой анфиладой тканевых и стеклярусных занавесок, и к моменту, когда среагировавшие всего с секундной задержкой полицейские выпутались из них, он уже ушел. Исчез из заднего двора, заваленного полусгнившими картонными коробками и пустыми алюминиевыми бочками из-под пива.

Куда он делся, было неясно, но доклад «наверх» о том, что Йетер ушел, был «отсечен» на каком-то из промежуточных этапов: в этом руководящему директору полиции еще предстояло разобраться. Пока ему было ясно только то, что именно произошедшее убедило многих в причастности молодого наркомана к убийству вице-канцлера. Никакой прямой связи между этими двумя «точками» не имелось, но так уж вышло, что погоня за случайно попавшим в сферу их интересов сопляком на целые часы увлекла значительную часть полиции города. При этом полиция умудрилась развить такую активность, что ее

хватило бы на вскрытие целой резидентуры мусульманских террористов. Опять же — весь масштаб операции по поимке одного перетрусившего молодого человека стал понятен руководящему директору полиции только сейчас. Впрочем, после нескольких долгих секунд размышлений на фоне непрекращающихся монологов докладывающих Карл Эберт сообразил, что как раз в этом ничего особенного не имеется. В конце концов, вовсе не он руководил федеральной полицией — он был всего лишь начальником временной, созданной для выполнения одной задачи структуры. Но значение этой

должности было столь велико, что когда он выдал указание представить конкретного человека с конкретными данными регистрации для допроса в интересах ведущегося расследования, это было принято с высочайшей мерой серьезности. В данном случае — излишней. И не вина полицейских, привыкших к самым настоящим преступникам, что «возможно причастный к...» молодой дурак повел себя именно так, как повел бы себя «тот самый» человек, действительно понимающий, что происходит. Тот самый террорист или активный пособник террористов.

Итак, на бар «диспетчер» или

«разводящий» сводной кримгруппы был наведен показаниями кого-то из дружков Йетера. То, что этот молодой человек (такой же оболтус, как и сам Дерек) выказал похвальное благоразумие в разговоре с криминальным ассистентом, было нормально. Полицейский знал, что время дорого, и сразу описал ему все перспективы отказа в сотрудничестве по столь важному делу. Но Дерек Йетер оказался не лишен как интуиции, так и достаточно длинных ног и оставил полицейских ни с чем. Как уже говорилось, это окончательно убедило занятых непосредственно охотой офицеров и рядовых

полицейских в том, что они заняты важнейшим делом: ловлей человека, который если и не стрелял в вице-канцлера сам, то вполне может вывести на тех, кто стрелял, или передавал оружие, или сдавал квартиру внаем — любой из этих и многих других вариантов. Понятное дело, через четверть часа после того, как недооцененный сначала парень исчез из бара (между прочим, бармена и официантку допрашивали до сих пор), микрорайон был перекрыт наглухо.

Скопище состоящих из одинаковых бледно-желтых домов кварталов выглядело так, будто там собираются снимать кино про

лучшие годы Эриха Хонеккера. Каждый угол залит потеками мочи, перед каждой подворотней гора мусора, на окнах первых этажей — решетки и глухие жалюзи. Если быть здесь своим, то спрятаться здесь было вполне можно. Но полиция стянула в микрорайон столько сил, что местные жители наверняка были как минимум впечатлены. Все же это был не 1956 год, а 2013-й: полицейскую облаву в истинном значении этого слова никто проводить не стал. Но до момента, когда перед полицией встал вопрос о необходимости обыскивать каждую квартиру в каждом из этих воняющих мочой и кошками домов, полоса

везения Йетера уже подошла к концу. В ужасе от происходящего, зажимая уши руками, чтобы не слышать призывы, передающиеся через усилители полицейских фургонов «контроля беспорядков», он покинул насиженное место в подвале одного из домов. Заваленное тряпками и старыми журналами, в какой-то степени даже действительно безопасное, оно наверняка было знакомо не только ему, но и большинству его близких друзей. А то, к чему это может привести, теперь, после «близкого промаха» в баре, парень прекрасно понимал. В отличие от всего остального.

«Дерек Йетер, мы знаем, что вы

здесь... Дерек Йетер, прятаться бесполезно, выходите...» Фургоны встали на перекрестки улиц, прикрытые быстро развернутыми заграждениями, способными при необходимости рассеять не слишком агрессивную толпу на отдельные потоки или служить опорой для импровизированных блок-постов. Динамики на их крышах не умолкали ни на минуту, давя на нервы всех, на кого они были направлены. В домах кричали дети и сумасшедшие, люди выбегали на улицы и начинали бессвязно орать и прыгать, потрясая кулаками в сторону неподвижного пока строя полицейских. Потом особо активных начали хватать и

валить на землю, — без излишней жестокости, но с достаточной мерой уверенности в важности предотвращения любого беспорядка на этой территории. Все это напуганный до предела Йетер и слышал, и даже видел. Последнее обстоятельство оказалось решающим — решив сменить наверняка известную каждому третьему наркоману в округе подвальную лежку на что-нибудь менее популярное, он попался на глаза полицейским из уже начинающих прочесывание дворов парных патрулей.

Слушая все это, руководящий директор полиции Эберт начал

понемногу успокаиваться. Сделано все было действительно точно и весьма профессионально, почти в стиле, подошедшем бы для учебного курса. Каждая деталь поодиночке не значила много, но если оценить их все вместе, то становилось понятно, почему именно у не готового к такому повороту событий Йетера не выдержали нервы. Замеченный полицейскими в длинном дворе, относящемся к нескольким индивидуальным домам, он вновь бросился бежать со всех ног. Полицейские же (их имена были к этому времени упомянуты в докладе уже несколько раз) поступили точно так, как требовала от них

инструкция. Один немедленно начал преследование, а второй наладил связь с диспетчером патрулей и сориентировал погоню, к которой тут же присоединилось минимум три десятка человек. Можно было без труда представить, что с этого момента и до той самой секунды, когда подвывающего от ожидания боли парня скрутили, в полицейском эфире стояло одно ликование. Йетер, надо отдать ему должное, пытался даже сопротивляться, — во всяком случае, именно так заявили те двое полицейских, которые навалились на него первыми, догнав наконец и прижав проклятого сопляка к грязному, густо покрытому собачьим

дерьмом газону. Показания он начал давать почти сразу.

— Я и не сомневался, в общем, — радостно высказался по этому поводу криминальный советник, глядя на металлическую коробочку диктофона с настоящей, нешуточной нежностью. — Теперь все. Теперь только копать и копать.

Несмотря на то что в помещении было не жарко, вид у стоящих вплотную один к другому людей был распаренный — словно летом, когда вентиляторы перестают справляться с нагрузкой и обладатели высоких чинов начинают ценить кондиционеры в своих офисах больше, чем должностной оклад. И

еще улыбки на лицах — как будто ими уже сделана большая часть дела. Но тут уже не смог удержаться и сам руководящий директор полиции, старый, злой и нелюбимый руководитель *Sonderstab-1*. Нелюбимый столь многими именно за свою сухость и въедливость и привычку воспринимать хорошо сделанную работу просто как что-то само собой разумеющееся. Теперь Карл Эберт начал улыбаться вместе со всеми — помимо собственной воли, просто не способный удержаться. Те два полуминутных отрывка, которые были прокручены перед всеми собравшимися, впечатлили его действительно

серьезно. А ведь криминальный советник даже не слишком пытался их подбирать — просто тыкал в сенсорные кнопки электронного диктофона пальцами и пускал запись на полуслове.

«— ...Я не знаю, почему он именно меня выбрал. Просто подошел в баре и сказал, что есть работа как раз для меня. Я спрашиваю: „Что делать надо?“ Он говорит: „Ничего особенного, просто посмотреть в паре мест, поискать нам кое-что“...

— Он так и сказал „нам“? Именно так?»

Этот голос был сильным, но не грубым. Давить на рассказывающего

его обладатель не собирался — стимулов для торопящегося Йетера было уже достаточно.

«— Да. Я сразу решил, что он собирается украсть что-то. Когда он назвал, сколько заплатит, если сделаю, тогда я спрашиваю: „А что надо? Где посмотреть?“ А он мне: „Не здесь“. Дескать, „не будь дураком“.

— Сколько он обещал заплатить?..»

И тут же, почти без перерыва, — второй кусок. Пленка не перематывалась, микрочип просто промотал вперед обороты собственного мини-диска: это заняло меньше времени, чем отжать кнопку.

«— ...Нет, не знаю. Не поляк,

пожалуй.

— Ты слышал много поляков?

— Конечно. Да, конечно, слышал. Здесь их много, прямо в нашем квартале. Когда они по-своему или даже по-немецки говорят, это сразу ясно, что поляки. А эти двое будто и похоже говорили, но не так. Точно не так. Я решил, что это или словаки какие-нибудь, или югославы, или русские.

— Почему русские?

— Ну, не знаю... Роста высокого и злые.

— В каком смысле?

— Говорили зло так, уверенно. Будто все им можно. Мне не нравилось, конечно, когда так при

мне говорят, по-своему, но мне даже как-то было... Страшно, что ли. Вроде и глупость им нужна — зачем посреди зимы катер угонять, — но понятно, что если что не по ним, то или побьют, или еще хуже что-нибудь...»

Это было действительно здорово — что молодой дурак был пойман до того, как до него добрались его «работодатели». Более того, в глубине души руководящий директор полиции не был согласен с тем, что этого не случилось. Была в этом какая-то неправильность. Но каждый новый час общения с все более и более осваивающимся в обстановке Дерекком Йетером позволял

дополнить общую картину. Его допрос начался уже через минуты после ареста, на заднем сиденье автомобиля, на полной скорости и в сопровождении трех машин со спецсигналами несущегося в центр города. В этом отношении все было сделано почти идеально, и начальник «экстренного штаба» пообещал себе, что за одно это спишет догадливому гаупткомиссару какой-нибудь крупный грех. Теперь же парень уже чуть успокоился. Но и это было не страшно — судя по стилю его речи, он понял, что все может быть не так уж и плохо, если отвечать на вопросы быстро и точно, стараясь припомнить каждую деталь. Поэтому

он продолжал говорить, и говорил так быстро и много, что прослушивающие записи или собственно ход допроса полицейские едва ли не жмурились от удовольствия. Все-таки он не был настоящим преступником: в противном случае он не был бы способен на настолько искреннее сотрудничество (пусть и замешенное на самом настоящем, глубоком страхе). Не был он также и настоящим наркоманом — тех каждый современный немец навидался достаточно много, чтобы понять, в чем разница; полицейскому же все было ясно еще лучше. Дерек Йетер был самой обыкновенной

шпаной: «белый мусор», как говорят американцы. На бледном, покрытом бурыми и розовыми прыщами теле — многочисленные татуировки. Все вразнобой, без единства стиля, лишь бы побольше и пооригинальнее. Волосы грязные, глаза испуганные, речь почти развязная — но и это тоже признак засевшего глубоко внутри настоящего, до сих пор едва выносимого ужаса. Когда человек ощущает, что за ним по-настоящему, без шуток охотятся, это весьма заметно влияет на психику. Да, не слишком густо покрывающие локтевые сгибы следы от инъекций — но при этом очень неплохая память и отнюдь не

деформированная личность. Если не считать деформацией эпизоды мелкого воровства по лавкам и автомобилям, мелкого мошенничества с кредитными картами отца и тому подобное, что наверняка имелось. На все это, как и на паршивый запах его немытого тела, как и на поминутно вставляемое в речь английское «*фак!*», посменно допрашивающим Йетера полицейским было наплевать. Им нужна была информация, и они давили ее из молодого ублюдка, как пасту из тюбика. Сменяясь, меняя стили, чередуя ласковые обещания устроить его дальнейшую жизнь «по-

человечески» и чашки
свежесваренного автоматом за
дверью кофе в картонных и
пластиковых стаканчиках — со
сметанием этого самого недопитого
кофе со стола, когда в комнату для
допросов врывался очередной
обермейстер, требующий
немедленно прекратить цацкаться с
этой сволочью. Стучащий кулаком по
столу и рычащий ему в лицо —
только бы подстегнуть парня еще
больше, заставить его оглушенный
всем произошедшим за последние
неполные сутки мозг выдать еще
какую-нибудь деталь. «Кто, где, при
каких обстоятельствах?» «Что было
потом?» «А как вы договорились в

отношении передачи денег, — собирались ли они проверить твою работу?»

Парень выдавал одну деталь за другой — он действительно был вовсе не дураком. В других обстоятельствах он мог бы к своим 20 годам стать не вызывающим омерзение пополам с жалостью куском прямоходящего «человеческого материала», а кем-то, более напоминающим настоящего немца, какие всегда были основой и надеждой страны. Но, как уже говорилось, на жалость у крим-группы не было времени: давление «сверху» все более нарастало, и изловленный с такими усилиями

мелкий порученец никак не мог заменить настоящих, благополучно растворившихся во взбудораженной городской среде террористов. Имевшееся у них оружие само по себе являлось угрозой — а оно именно имелось: никаких следов или деталей гранатомета не было найдено и при повторном, сколь возможно тщательном осмотре дна Шпрее и сливного канала. Мысли о том, как и против кого они применят его в следующий раз, приводили каждого нормального человека во вполне объяснимый ужас. Замахнувшись так высоко и сделавших свою работу столь профессионально террористов, как

бы их ни именовали (а термины для этого употреблялись уже самые разные), надо было идентифицировать и нейтрализовать как можно быстрее. И при всем этом — не сорваться в не ограничиваемую законом операцию в русском или сербском стиле: с врывающимися в подозрительные дома группами полицейских в бронежилетах и с изготовленным к стрельбе оружием, со случайной стрельбой по случайным или потом оказывающимся невиноватыми людям. Без всего такого, что характеризует «полицейские режимы» и о чем все больше и больше в наши дни рассказывает

обывателю телевидение и радио.

«— Выслушай эту запись и скажи: так ли говорили эти люди, как это будет звучать сейчас. Готов?

— Да.

Щелчок кнопки, потом два диктора начинают размеренно и с отличной модуляцией наговаривать текст на каком-то славянском языке. Потом снова щелчок.

— Похоже?

— Н-не знаю... Немного, может быть. Это словацкий?

— Нет.

— Там, тогда, — у них в словах очень много „Ш“ было. Все время так, „Ш, щ, ш...“ Как в португальском, только все-таки

немного меньше.

— Ты знаешь португальский?

Этот голос был другим; он принадлежал человеку, которому было лет на десять меньше, чем первому допрашивающему.

— Нет, что вы. Я просто так сказал. Какой это был язык?

— Неважно. Прослушай эту запись. Скажешь нам, если на этот раз будет похоже. Готов?..»

В два часа ночи парень превратился уже почти в зомби. Его речь становилась все более и более неразборчивой, а в туалет он просился уже каждые 15–20 минут, не реже. Кофе в нем было не меньше, чем в старших офицерах *Sonderstab-*

1, но, отпущенный в камеру, он уснул мгновенно, даже не отвернувшись от двухсотваттной лампы, раскаляющей небьющийся плафон в двух метрах над его головой. А вот они себе такую роскошь позволить не могли. В течение последнего часа руководящий директор полиции имел короткий разговор с личным порученцем федерального канцлера. Было даже несколько странно, что госпожа Меркель не начала лично стимулировать следствие ранее, но в крепости ее нервов никто до сих пор, в общем, не сомневался. Вера в профессионализм подчиненных — это очень редкое для современного политика качество, и его нельзя было

не ценить. Весь разговор был выдержан в весьма корректных выражениях: в его ходе «выражалась озабоченность» и «выражалась уверенность». Вероятнее всего, канцлер позвонила не лично как раз потому, что не хотела слишком сильно воздействовать на руководство «экстренного штаба», не хотела слишком прямо показывать, под каким давлением они находятся. Но ситуация была неординарная, и большой возможности маневра у канцлера не имелось: это тоже было понятно. Отсутствие хотя бы части ожидаемых показателей ее активности — даже формальных ее проявлений — в столь критический

момент могло привести к весьма серьезным политическим последствиям. Даже Карл Эберт вспомнил о судьбе Лайлы Фрейвальдс — шведского министра иностранных дел, уехавшей в театр после сообщения о гибели сотен (как позже оказалось — тысяч) шведских граждан в цунами 2005 года. Вспомнил из оставшихся в памяти фрагментов телевизионных передач и газетных заметок. А ведь он вовсе не был профессиональным политиком! Наверняка канцлеру было сейчас не легче, чем ему и остальным: усталым, не имеющим ни малейшего шанса на сон в ближайшие сутки, непрерывно

выслушивающим выжимки из того бреда, который несли к операторам телефонов «острой связи» бдительные граждане Берлина и сумасшедшие. Или и то, и другое вместе: бдительные сумасшедшие граждане. Закончив разговор с участливым чиновником, руководящий директор полиции подумал, что сможет чуть облегчить бремя на плечах канцлера относительно оптимистичным докладом: следствие значительно продвинулось вперед, после упорного преследования выслежен и схвачен пособник убийц. Да, тот самый, идентифицированный в самом начале расследования и до сих

пор не названный. Забавно, что этот конкретный пункт был чистой профанацией, поскольку в радионовостях имя Дерекка Йетера звучало каждые пять минут — кто-то из его благожелательных соседей передал журналистам содержание передававшихся по громкоговорителям «персонализированных» обращений к смирно сидящему тогда в подвале парню. Да, он активно дает показания, которые внушают надежду на успех розыскных мероприятий. Да, так можно и передать канцлеру. Вместе со словами сочувствия и благодарности за поддержку. Спасибо.

Теперь Карл чувствовал себя гораздо менее уверенно. То ощущение висящего в пределах досягаемости рук успеха, которое все они испытывали какие-то часы назад, — теперь оно куда-то делось. Все было по-прежнему относительно неплохо: записи допросов крепко спящего «пособника» продолжали расшифровываться и оцениваться, и то и дело на столы руководителей групп и подразделений ложились новые данные. Психологические портреты как самого Йетера, так и тех людей, которые его наняли, были готовы («изваяны», как почему-то называлось это на профессиональном языке) и чего-то

почти наверняка стоили. Десятки людей продолжали прочесывать набережные и травяные откосы юго-восточного рукава сливного канала в поисках следов выхода из воды боевых пловцов или чего-то в этом роде. От последнего не ожидалось никаких результатов, но так было надо: их отсутствие также добавляло какой-то маленький фактик в копилку следствия. Другие десятки копались в базах данных авиакомпаний, собственно германских и зарубежных автоперевозочных фирм, железнодорожных компаний и отчетов портовых и таможенных служб. Что-то могло дать и это, но

потребное для получения любой имеющей значение информации из подобного источника требовало времени, измеряемого не в часах, а в неделях.

Все вроде бы шло нормально, но в то, что они продвигаются вперед, руководящему директору полиции верилось все меньше и меньше. Во всей истории с татуированным любителем чужих денег и чужих автомагнитол что-то было не так. Если рассуждать логично, то картина «выкладывалась» достаточно гладко: как многотысячный пазл по картинке на крышке коробки. Трое (теперь эта цифра была определена точно) покушавшихся на вице-канцлера

террористов были чужаками. Не немцами. Если следовать всем деталям, которые удалось вытащить из первых часов допросов Йетера, — русскими: это было уже почти несомненно. Все детали были косвенными, но в совокупности их смысл был не просто «достаточно ясен», но мог быть неопровержим в глазах любого суда, проводимого вне Москвы. Русские очень неплохо знали немецкий, но местный человек им действительно был нужен. А вот зачем — это даже после всех вопросов понять было сложно. То есть «формальная» сторона была вполне ясна и разбита уже по часам. Незнакомец подходит в дешевом баре

к классическому представителю мелкой шпаны и предлагает слегка заработать наводкой. Задача — обследовать стоянку речных маломерных судов и определить, какой катер с подходящими ему характеристиками можно будет угнать в тот день и час, когда он скажет. Когда Йетер делает, что ему сказано, и приходит с информацией, славянин знакомит его с еще двумя такими же. Ретроспективно язык их общения был достоверно идентифицирован как русский — в этой конкретной детали сомнений не было уже вообще никаких. Все вместе они обсуждают результаты «разведки» и остаются ими

недовольными. Впрочем, Йетеру платят точно, как договаривались. Но его посылают на другую стоянку, — и снова остаются не вполне удовлетворенными. И опять платят. Платят не так уж и много — но, во всяком случае, честно исполняют свою часть «джентльменского соглашения». Почему они не могут прогуляться на стоянку сами и совершенно открыто прицениться к абонентской плате и удобству подъездных дорог — вот это было той самой странной деталью, которая мешала руководящему директору полиции удовлетвориться достигнутым прогрессом. Не хотели показывать свои лица? Вероятно,

да, — сторожа действительно могли сообщить в полицию даже просто о том, что какой-то иностранец (словесный портрет, а то и данные затребованных и предъявленных документов прилагаются) им не понравился. Мол, не стоит ли его проверить лишний раз, пока он не совершил что-нибудь противозаконное... Что ж, такая гипотеза вполне имела право на жизнь. А не вполне в нее верить — личное право каждого.

Но дальше все становится еще интереснее. Снова какие-то невнятные обсуждения, молодому Йетеру делают какие-то не слишком четко сформулированные авансы: он

со всем соглашается, но даже не слишком вникает в сказанное, поскольку ему постепенно становится все менее и менее уютно. Четко решив взять обещанные деньги за безобидные, в общем-то, действия в самый последний раз и после этого никогда больше не встречаться с непонятными русскими, он отправляется на ту самую стоянку, на которой его и повязал бодрый старичок-сторож. В этом, последнем, тоже было достаточно много неясного. Сторож сообщил с самого начала — и уточнил на самых подробных допросах, — что только непонятно долго сигналившая где-то неподалеку машина оторвала его от

уюта домика конторы. Но стоянка располагалась на глухом конце длинной дороги, последние километры которой не вели вообще ни к чему. Ни свалок разбитых машин по сторонам, ни принадлежащих кому попало складов — ничего такого, что бывает в «сервисных зонах» относительно малопопулярных пригородов. Кому она могла там сигналить и зачем? Камер видеонаблюдения на воротах стоянки не имелось — кому она нужна? Прибывшая по вызову довольного собой старичка полицейская машина тоже никого не обнаружила и не встретила ни одного автомобиля на подъездной дороге.

Все это было как-то странно, но и это все тоже было, разумеется, мелочью: как было сочтено тогда мелочью само проникновение Йетера на охраняемую территорию стоянки и его пребывание на ней без определенной цели. Гораздо более важным было сейчас возможно более полное и точное описание, рисуемые и перерисовываемые портреты троих русских. Троих. Даже одна эта деталь окупала затраченные на поимку Йетера усилия почти целиком.

— Один довольно высокий... — руководящий директор полиции в очередной раз прослушивал запись, стараясь сдержать тошноту: ему казалось, что в его венах уже

наверняка находится больше кофеина, чем гемоглобина. — Если я 180 ровно, то он на ладонь выше, пожалуй.

— На ладонь вдоль или на ладонь поперек?

Испуганная пауза — это парень попытался понять вопрос. Карл Эберт испытал очередную вспышку раздражения. Зачем они выбрали его? Найти человека, способного выполнить такое задание и не провалиться, было проще простого. Придумай Йетер что-нибудь пооригинальнее, чем броситься бежать, и сторож не стал бы с ним связываться. В конце концов, на стоянке нет почти ничего, что мог бы

украсть один человек: быстро дотащить снятый лодочный мотор до машины сумеет вовсе не каждый, а красть лодку на Шпрее глупо. В Польшу ее точно не угонишь, а если для катания с хихикающими девушками в январе — это надо быть совсем уж круглым идиотом.

— Поперек.

— Дальше...

— Лицо круглое. Некрасивое.

Обычно у высоких и одновременно худых людей лица вытянутые, как у англичан. А у этого круглое. Прямо противно.

На этот раз как сам начальник «экстренного штаба», так и слушающие пленку вместе с ним

полицейские не могли не кивнуть — как и в тот самый первый раз, когда они слышали это. Такая деталь была не просто очень ценной — она была буквально «на вес золота». Полицейские в самом Берлине и на сотнях квадратных километрах вокруг него уже несколько часов ругали идиотов-начальников, спустивших на них ориентировку подобного рода. Но натасканная зрительная память профессионалов — это очень серьезно. Увидев в каком-нибудь набитом вещевыми сумками дешевом международном автобусе «Берлин — Краков» высокого и некрасивого человека с круглым лицом, они точно будут

знать, что делать и кого извещать.

— ...Нет, наручные часы я не запомнил. Вы же уже спрашивали! И татуировок не было, никаких. Нет, я бы запомнил точно. Если на теле — то тогда конечно, а так...

Старшего из русских звали «Саша». Молодой Йетер сказал, что сначала это показалось ему смешным: дескать, мужчина с женским именем. Потом происходящее перестало, конечно, казаться ему забавным, но он и предположить не мог, чем это все закончится. Что его не извиняло, разумеется. Парень мог сколько угодно убеждать окружающих, что предполагай он покушение на

Рёслера или вообще что-то серьезнее кражи или угона — доложил бы сию минуту. Верить ему верили — на террориста-инициативника, готового взрывать государственных чиновников во имя анархии или счастья будущих поколений немцев он, что называется, «не тянул». Но роль потенциального «козла отпущения» подходила ему идеально: слишком уж он в нее вписывался, чтобы так легко эту мысль отбросить.

И вот именно это и не давало покоя руководящему директору полиции. Все детали покушения ложились «одна к одной». Русские, русские, русские. Невнятные

сомнения к делу не подошьешь, а факты — это то, с чем не станет спорить ни один юрист. За то, что вице-канцлера убили русские, говорило если не все, то слишком уж многое. То, как долго остается до момента, когда эта информация прорвется в эфир, он не знал, но наверняка дело идет уже о считанных часах. К этому моменту половина его людей и так уже была переориентирована на работу с бумагами посольства и консульств в России, эмигрантских обществ, организаций по оказанию помощи переселенцам и так далее. Более того, именно он и отдал соответствующие приказы — просто

потому, что это было абсолютно неизбежным, верным поступком для любого криминалиста и специалиста по государственной безопасности. На то, чтобы отыскать в Германии или близлежащих странах троих агентов ФСБ, будут брошены тысячи, даже десятки тысяч полицейских и военных. Но даже в том, будет ли их поимка и последующий публичный суд, со всеми вытекающими для современного мира последствиями, на пользу Германии, Карл Эберт сомневался. Делал дело — и сомневался, вот в чем была его проблема. Выросший в разоренной безумной, страшной войной стране, он слишком хорошо помнил, с чего

именно началась Вторая мировая. Почему-то ему хотелось спросить у счастливого, как и все другие, уставшего уже до полусмерти майора из разведки бундесвера о том, хорошо ли помнит об этом он сам. Но это было бы уже совсем большой глупостью, и руководящий директор полиции смолчал.

Конец февраля

*Великобритания
призывает Россию внести
поправку в Конституцию с
тем, чтобы добиться
экстрадиции Андрея
Лугового, обвиняемого в
убийстве Александра
Литвиненко. «Мы
добиваемся
сотрудничества в
преодолении этого
препятствия, коим
действительно является
российская
Конституция», — заявил в*

понеделник глава МИДа
Великобритании Дэвид
Милибэнд, выступая в
парламенте... По словам
британского министра,
многие страны уже внесли
изменения в свои
конституции для того,
чтобы облегчить процесс
экстрадиции. Д. Милибэнд
также выразил
неудовлетворение уровнем
сотрудничества, который
российская сторона
проявляет по делу
А. Лугового. «Мы
попросили сотрудничества,
и этого сотрудничества не

*последовало», —
подчеркнул Д. Милибенд.*

*ИНТЕРФАКС, 16
июля 2007 г.*

Тот, кто полагает, что война — это головокружительные воздушные схватки, рев и лязг атакующих танков, рассекающие морскую гладь тела оцетинившихся ракетами эсминцев, тот о войне не знает ничего. Ничего вообще. Кинокартины и рекламные ролики не в счет — хотя именно они в наши дни определяют «базовое» представление населения о том, что эта самая война собой представляет.

Под «населением» же в данном случае понимается именно та совокупность не слишком образованных и не слишком стремящихся получить образование людей, которая в любой стране составляет львиную долю избирательного контингента. Заметно меньшее число людей ассоциируют со словом «война» уже чуть больший объем понятий. Они способны представить себе уже не только красоту современных истребителей и сурово-благородные лица асов, получающих награды под восхищенные аплодисменты красоток в вечерних платьях, но и слезы членов семей курсантов,

разбившихся в процессе обучения: в мирное время и всего-то в каких-то сотнях миль от родного дома. А такие, между прочим, есть всегда. Представить уже не только счастье скромного пехотинца, возвращающегося домой из далекой страны с вызывающим коллективное благоговение соседей «Пурпурным Сердцем» на груди, но и то, что вовсе не всякая жена выдержит человека, в которого он превратился за месяцы войны. И что каждый второй старый приятель обнаружит, как пиво и любовь к бейсболу вдруг перестали являться тем, что сближало их столько лет. А способность с пониманием воспринимать пьяные

откровения о дерьме, пыли и цене чужой и своей крови имеется не у всякого...

Почему эти люди способны принимать как данность и такую сторону войны — на это у каждого имеется своя собственная причина. Начитанность. Наличие в семье ветерана, уважение к которому сильнее страха перед странностями его поведения. Любая профессиональная подготовка, позволяющая критично и объективно воспринимать окружающий мир. Жизненный опыт: либо связанный с собственным страданием, либо позволивший стать свидетелем страдания чужого — какой бы

причиной оно ни вызывалось. Наконец, еще одну категорию людей составляют воевавшие, непосредственно затронувшие одну или другую войну хоть каким-то краем. Число таких людей принято недооценивать. Между тем их немало. Они все время между нами, достаточно только приглядеться. Номерной знак «Бронзовая Звезда» на раздолбанной машине соседа по жилому комплексу. Веселая компания старичков, ковыляющих из клуба местного отделения общества «VFW»^[17]. Полузнакомый работяга из группы технического обслуживания фирмы, на которую ты работаешь с девяти до пяти: мрачный

сорокалетний мужик, который никогда не здоровается первым. Столкнувшись с ним в лавке «Вина и крепкие напитки» за несколько часов до ее закрытия перед Днем независимости, ты с удивлением замечаешь на его коротко стриженной голове бейсболку с двумя многоцветными полосками: Косово и Ирак. Ленточка Косова — из темно-синих, красных и белых полосок, повторяющих цвета национального флага Сербии — страны, которую они защитили от диктатуры. Ленточка Ирака — пятицветная, с широкой блекло-песочной полосой посередине: уж она-то узнается сразу и безошибочно.

Ну, и на плече тоже... Как «довесок» к тому, что и так без слов объясняет и мрачность, и многое другое, что вспоминается только теперь: шеврон с парой скрещенных алых мечей на ярко-синем фоне. 10-я Горная дивизия, а кто же еще...

Забавно, что при всей разнице в восприятии, при всей глубине провалов, существующих между каждой из этих групп, все они находятся в одном и том же, в общем-то, положении. В положении, не так уж значительно отличающемся от того, какое может быть, к примеру, у колонии бурых лесных муравьев перед порогом полноводного ручья. У муравьев не спрашивают, желают

они пересекать его или нет, или что они думают о своих шансах выжить в процессе переправы на сухом листочке через бурный поток шириной в метр. Инстинкт гонит их вперед, туда, куда полагают необходимым двигаться самые значимые особи во всей колонии. Те, кто определяет, какая именно комбинация ферромонов является для данного муравейника «своей». Запах верный, направление определено, — какие тут могут быть вопросы? Разумеется, у людей все сложнее, — особенно в наши дни. Их приходится долго и весьма тщательно готовить к тому, что «в воде холодно и мокро», и утешать рассказами о

том, как много на другой стороне тонюсенького на самом-то деле ручейка еды и строительных материалов. Условно говоря, конечно. Более того, даже перед самыми догадливыми особями совершенно необязательно раскрывать всю картину целиком. Ее отдельных фрагментов вполне достаточно для составления общего представления, и сама способность такое представление составить станет «фильтром», определяющим интеллект и адаптогенность лучше любых университетских тестов. Тебе объяснили, что красные муравьи на том берегу не имеют никакого права на тлей, которых они нагло разводят.

Разводят на лугу, который по праву является твоим! Потом тебе показали ручей, но когда ты оторвал от него взгляд, вокруг уже звучали речи о всеобщей борьбе за мир и искреннем стремлении к обоюдовыгодному сосуществованию с самыми разными видами муравьев. Как бы глупо те ни смотрелись со своими рыжими усами и стремлением строить муравейники размером втрое больше обычного... И вот тут становится интересно. Если продолжать проводить эту аналогию, то примерно в этот самый момент неглупый человек обнаружит, что по всему берегу ручья активно стучат топоры и визжат пилы — наводятся

переправы и все такое. Ну, тут аналогия рушится: это уже так называемый «перенос», потому что муравьи на абстрактное мышление не способны абсолютно точно. Но в любом случае речи о мире и важности толерантности становятся при этом все громче — и это понятно: визг и треск нужно заглушить. Глупо, конечно, — на том берегу он слышен отлично. Более того, оттуда отлично видны растущие кучи свежих опилок и развешанные там и сям плакаты с изображениями тлей. Но с каждым днем все яснее, что муравьям на том берегу на это почему-то наплевать...

Генерал оторвал взгляд от глянцево-зеленой поверхности застекленного постера и начал раз за разом мелко моргать, пытаясь сфокусироваться. Растровые точки уплыли назад, слившись сначала в изогнутую дугой травинку, затем в целый луг, размытым пятном застывший на заднем плане огромной фотографии. На переднем блеснул яркий красно-черный овал: «леди-жук», упорно ползущий по дуге. Генерал поглядел на старого приятеля искоса и тихонько улыбнулся. Мир людей не так далеко ушел от природы, как это кажется

при взгляде на автомобили, ракеты и автоматические кофеварки. А люди не так далеко ушли от муравьев. Те же муравьи-солдаты, муравьи-рабочие и так далее. Есть виды, в которых специализация чуть шире, чем в других, и есть те, которые до того похожи на людей, что это даже страшно. Но сам он, дослужившись до третьей генеральской звезды, пройдя через все мыслимые и немыслимые командные должности и штабы, любил насекомых с каждым годом все больше. Не чураясь самоанализа, генерал связывал это с тем, что подсознательно он все меньше любил людей, — но в точности последнего заключения он

все же несколько сомневался. В конце концов, у него была любящая и любимая семья, куча старых друзей, общение с которыми в последние десять лет или около того свелось к редчайшим и в основном случайным эпизодам. Немалое число тех сослуживцев на разных ступенях армейской иерархической лестницы, в искренности теплых чувств которых он не сомневался. Среди них — даже несколько европейцев: немцы, французы, британцы, даже один португалец, получивший генерала буквально несколько месяцев назад. Все — отличные ребята его поколения, разделяющие его ценности и имеющие сходную

систему приоритетов, пусть и подкрашенную местными колоритами. Все это вполне компенсировало то обстоятельство, что генералу действительно не было никакого дела до теплоты чувств еще пятидесяти тысяч человек, находящихся под его командованием муравьев-солдат, муравьев-сержантов, муравьев-офицеров самых разных рангов. И еще сотен тысяч будущих муравьев-солдат, а пока, можно сказать, «рабочих» или просто бездельников — пока мирно ползающих по своим тропинкам по всему миру и не уделяющих более получаса в неделю животрепещущим международным новостям...

Хертлинг улыбнулся: десять минут разрядки помогли отлично. Как всегда. Эту полезную и безобидную игру он придумал так много лет назад, что уже не мог вспомнить, когда именно это случилось. Разумеется, далеко после командования взводом, ротой (3-я Пехотная и 5-я Пехотная дивизии соответственно) и эскадроном 16-го кавалерийского полка — того самого, который «Бей сильно!». Но еще до должности заместителя командира дивизии (1-я Бронетанковая, в Ираке с 2003 по 2004-й) и уж тем более ее командира, что было совсем недавно. Значит, где-то с первой звездой на воротнике, на уровне бригады — 3-й

бригады 2-й пехотной Дивизии, ставшей первой во всей армии США, перешедшей на штатную структуру бригад «Страйкер». Война в Ираке не дала ему удовлетворить все свои амбиции, реализовать себя полностью, а в Югославию дивизию так и не направили. Может, и к лучшему. Та дурацкая, ненастоящая война не вылилась ни во что конкретное (сиюминутная квазиполитика разбитой на осколки Югославии не в счет), и у многих от этих дней осталось чувство, здорово похожее на приглушенное разочарование. Теперь все будет иначе, правда?

Генерал обернулся на вошедшего

и улыбнулся ему той самой тихой улыбкой, которая приводила в искренний восторг средства массовой информации. И тех идиотов, кто таковым верил. При этом ни внешность немолодого пляжного повесы, ни улыбка и прочие штуки не могли обмануть никого из служивших с ним более пары недель, и Марк Хертлинг знал это отлично. За седенькими волосами трогательно укладываемой поперек затылка прически, за наигранно-пружинистой походкой пожилого спортсмена скрывался хищный, умелый и на редкость агрессивный офицер. Профессионал в высшем значении этого слова.

Человек, начавший военную службу при Джеральде Форде и получивший командование дивизией при Джордже Уокере Буше, к 2013 году он стал не просто командующим армией США в Европе^[18]. Он стал ее лицом и душой.

— Марк, генерал Питтард в приемной.

— Спасибо, Вильма. Зови его.

Чернокожая майор улыбнулась и вышла, четко развернувшись на месте. Никаких чинов среди своих, за закрытыми дверями — только «Марк». И при этом — ни малейшего следа навязшей у всех в зубах политической корректности — любой знакомый с генералом

человек, будь он каким угодно расистом и каким угодно политиком, ни на секунду не усомнился бы в том, что цвет кожи действительно не значит для генерала ничего. На йоту меньше профессионализма — и майор вылетит из его штаба впереди собственных писем конгрессменам, и плевать, что на это скажут пересмотревшие телевизионных сюжетов поборники равноправия. Генерал улыбнулся в спину исчезнувшей за дверью майора еще раз, каждую секунду ожидая, что ее лицо появится снова. Но глухая деревянная плита, выкрашенная в благородный цвет старого ясеня, закрылась за спиной вошедшего

будто бы сама по себе, и Марк привел выражение лица в соответствие с теми обстоятельствами, которые должны были обсуждаться в предстоящие часы.

Генерал-майор Дана Питтард, командующий 1-й Бронетанковой дивизией, являлся еще одним выдающимся примером того, как обманчива бывает внешность. Не будь они знакомы столько лет, не знай Хертлинг военные типажи так хорошо, и он мог бы принять Дану за восторженного дурачка. Между тем это был один из самых умных людей, с которыми ему приходилось служить. Без всяких прикрас, без

преувеличений, именно умных в основном значении этого слова. К слову, обладатель самой настоящей ученой степени, как и он сам. Держащий в памяти сотни тысяч имен, буквенно-цифровых индексов и географических названий, способный классифицировать их по любому возможному и невозможному параметру. И сделать на основе всего этого (и многого другого, о чем не знал уже вообще никто) такие выводы, которые позволяли довести вероятность успеха предстоящей операции дивизионного уровня практически до полной единицы.

Вошедший в кабинет

командующий 1-й Бронетанковой встретил рукопожатие генерал-лейтенанта с уверенностью человека, знающего себе цену. На сегодняшний день эта дивизия все еще оставалась основной ударной силой сухопутных войск контингента ВС США в Европе. Девяносто девять с десятком знаков после запятой процентов людей, хотя бы краем уха слышавших заявления политиков, полагают, что дивизия уже начала разваливаться на части. Что она уже «потекла» в сторону Форта Блисс, штат Техас, и вот-вот ее заменит 1-я Кавалерийская, с таким шумом и помпой выводимая из Ирака. Да, внешне так оно и было: флаг 1-й

Бронетанковой, например, даже официально был уже переправлен через океан. При этом почему при всей разрядке и разоружении в центральной Европе «просто» мощная дивизия меняется на «самую мощную», без оговорок сильнейшую дивизию во всей армии США, — об этом задумывается вовсе не каждый, а говорит вслух и того меньше людей. И уж совсем малое их число задумывается о том, почему вдруг фактическое утроение количества военных баз США в Европе сопровождается «состворением» (если можно употребить этот термин в данном контексте) сильнейших общевойсковых и бронетанковых

соединений в мире. А вслух об этом не скажет никто из знающих, ни один человек — уж за это Хертлинг отвечал даже не просто головой, а двумя: своей и своего начальника контрразведки.

Утроение числа баз является, конечно, чисто количественным понятием: на самом деле один германский Висбаден либо Гейдельберг можно считать за полдюжины румынских, польских и словацких «баз». В действительности же те пока представляли собой почти не оборудованные «полевые лагеря». Но давайте посчитаем месяцы. 1-я Кавалерийская уходит из Ирака со

всеми своими смешанными чувствами в отношении достигнутых результатов, но выводится в тихую и мирную (после умиротворения Милошевича) Европу. А 1-я Бронетанковая, три с лишним десятка лет честно и просто выполнявшая свой долг по охране границ сначала Западной, а затем Объединенной Германии от вторжения советских/российских вооруженных орд, возвращается домой — к почету и расслабленному комфорту родной страны. Но возвращается не сейчас, а чуть позже: вроде бы сначала говорили о 2011 г., потом о 2012-м и 2013-м, но на самом деле все свершится уже в

самом его конце, практически
вплотную к началу следующего, уже
2014 года. Бюрократия,
неповоротливость, — что поделаешь!
Именно это и объясняет то, что даже
из состава 1-й бригады дивизии в
Техас формально не был возвращен
ни один человек (если не считать
рутинных перемещений).
Аналогично из-за вызванных
неповоротливостью логистики «как
она есть» причин оставались на
месте подразделения,
непосредственно подчиненные V
Корпусу или командованию ВС США
в Европе, условно объединяемые
понятием «7-я армия». 6-й батальон
52-го полка зенитной артиллерии

корпуса, 130-я саперная бригада, также не входящая в состав дивизии, но придаваемая ей на каждом крупном учении, — в общем, всякая мелочь... Мелочь на фоне основной ударной силы 1-й Бронетанковой, трех ее бригад: 4-я бригада была авиационной, а 5-я находилась дома, выполняя функции, значительная часть которых вовсе не была непосредственно связана с подготовкой пополнения, снабжением и «обороной форта». При этом та самая «мелочь» состояла из многих десятков единиц боевой техники, сотен грузовиков и тысяч военнослужащих, которых надо было где-то размещать. Но в

Европу из Ирака плыла 1-я Кавалерийская со всеми своими пятью бригадами (4-я бригада дивизии также находилась дома, в том же Форте Блисс, штат Техас) и артиллерией. И с ней еще 4-я бригада обеспечения, бывшая 4-я Пехотная дивизия. Менее известная и с меньшей ударной мощностью, 1-я Кавалерийская все равно представляла собой заметную силу. Заметную... Ее хватило бы, чтобы оккупировать и удерживать территорию площадью с Луизиану в любом государстве Европы на выбор... А к 1-й Кавалерийской — разнообразные части усиления, без которых дивизии на современном

поле боя не смогут реализовать весь свой потенциал. Вспомогательные части, — то есть еще тысячи человек, тысячи грузовиков и автоцистерн. Говоря простыми словами — кошмар любого штабиста. И именно появление в Восточной Европе новых военных баз оказывалось в такой ситуации как нельзя более кстати. Фактически оно спасало ситуацию, позволяя штабам некоторое время поддерживать какое-то подобие порядка в перенапряженных логистических цепочках.

В результате образовывалась некая «дельта», — это математическое понятие было

вполне применимо и в отношении времени. На несколько месяцев силы НАТО в Европе достигали невиданной с середины 40-х годов XX века концентрации. В Афганистане, кстати говоря, сейчас происходило что-то очень на это похожее: прибывающие на смену 82-й и 101-й воздушно-десантным дивизиям новые части медленно и тщательно «перенимали опыт» и «осваивали территорию», — под чутким руководством ветеранов. Не требовалось интеллекта Килби, Смута или нобелевского «американского трио» 2004 года, чтобы хотя бы просто начать задумываться, а что же это такое

происходит в мире. Да и вообще
особого ума для этого не
требовалось, — не то что ума
великих физиков с 18-каратной
золотой блямбой Нобелевского
комитета в шкафу. Всего лишь
чутьочку ассоциативного мышления!
Но вот как раз его человечеству в
целом в наши дни не хватало.
Впрочем, именно за этот странный
(при объективном взгляде со
стороны) «провал» в понимании
обывателем «текущей мировой
политики» вполне нашлось бы кого
поблагодарить, — если бы знать их
имена. И если бы они могли
поместиться целиком в памяти
одного человека — даже такого, как

генерал-лейтенант Хертлинг или генерал-майор Питтард. Всеобщая уверенность в полноте покрытия международных новостей эфиром Си-эн-эн — это здорово. Чего это стоит заинтересованным сторонам — это не так уж важно, если результат налицо. А что, кто-то думал иначе? Если да, то это тоже пример отсутствия у населения в наши дни склонности делать выводы даже из никем не скрываемой информации. В конце концов, вовсе не просто так значительная часть обладающей телевизионным вещанием доли населения планеты четко и безошибочно определяет разницу в рядовых в общем-то

ситуациях. Так, если в компьютере у лопоухого иностранца-ученого в шведской Уппсале вдруг обнаруживается файл с записями о том, кто из его соседей по лаборатории носит бороду, а кто любит тяжелый рок, — он, вне всяких сомнений, русский шпион. И то, что он якобы изучает болезни картофеля, разумеется, является ничем иным, как маскировкой. Аналогично — если уже бывший русский шпион вдруг начинает терять вес и мочиться кровью посреди Лондона — тут уж совсем все понятно. Так понятно, что и доказательства-то только затрудняют это ясное дело... И наоборот, если в

центре Москвы британский дипломат арестовывается с руками поверх замаскированного под уличную дрянь контейнера, весь мир понимает только одно — все это есть наглая и бесцеремонная провокация русских спецслужб.

Все это было, конечно, здорово: почти всю предшествующую историю военные могли только мечтать о подобном психологическом превосходстве. Как образованный человек, генерал Хертлинг мог припомнить только один аналогичный случай: так называемая Крымская война 1853–1856 годов, которая на самом-то деле почти укладывалась в понятие

«мировой». Забавно, что и тогда как раз Россия оказалась объектом эффективной и разносторонней пропаганды. Держава, всего за поколение до этого известная как «спасительница Европы» и «верный член „Священного Союза“», с большим энтузиазмом громилась объединенной армией своих собственных бывших союзников, неожиданно объединившихся с ее же старыми врагами. Под дружные разглагольствования прессы о том, что происходящее вполне отвечает общим представлениям о борьбе цивилизации с варварской деспотией. Причем участие в этой благородной борьбе оттоманов с их

ятаганами и всем прочим никого не удивляло. Так что данный момент после пришедшегося на XIX век стал, пожалуй, все же вторым... Но при всех замечательных плюсах этого обстоятельства задачи, поставленные перед штабами государств — членов НАТО, никто в здравом уме не посмел бы назвать легкими. И именно об этом и шла сейчас речь.

— Идиоты, — твердо и уверенно заявил генерал-майор, глядя на выложенный на стол документ с нескрываемой ненавистью. — Ты согласен?

— Не могу быть согласен больше, — точно в тон ему ответил Хертлинг. — Идиоты и есть. Такое

ощущение, что их представление о боевой подготовке русских сухопутных войск процентов на девяносто основывается на фильме «Рэмбо».

— На первом или на втором?

— На третьем, разумеется, — здесь командующий сумел даже фыркнуть, что было первым проявлением мимики за последние минуты: до этого его лицо было намертво сведено злобной гримасой. — В первом речь шла о подготовке нашей собственной Национальной гвардии.

Он с трудом удержался, чтобы не сплунуть: о Национальной гвардии у Хертлинга было свое

собственное мнение, и оно резко не совпадало с тем, которое считалось в правительстве США и даже Пентагоне «общепринятым». Впрочем, его мнение вообще достаточно часто не совпадало с мнением начальства, причем зачастую по ключевым вопросам. Было даже странным, что при этом ему поручили высокие должности последовательно в Объединенном комитете начальников штабов и штабе 7-й армии/Вооруженных Сил США в Европе и позволили командовать людьми на одной из последних настоящих больших войн. Вероятно, способность делать дело все же перевесила неудобство от

того, что он вечно не согласен с кем-то из высших политиков, считающих себя интеллектуальным пупом земли.

— Минус... неделя? Десять дней?

— Не знаю, Дана. Просто не знаю. Ты сам видишь формулировку. И лично я не сомневаюсь, что это сделано специально. За любую ошибку будем отвечать мы и ребята.

— Как обычно.

Питтард вставил это короткое замечание в паузу, длина которой составляла буквально долю секунды. При этом оно было настолько точным, что командующий даже не кивнул — так оно совпало с его собственным мнением.

— Любой просчет, любая значимая утечка информации — и лишние тысячи наших мальчиков лягут прямо на границе, а то и прямо здесь, на территории этих баз. Мы даже не успеем сообразить, что происходит, — понимаешь, Дана? Вспышка — и мы превращаемся в пепел, и что будет потом, после нас — этого мы уже никогда не узнаем. И даже без этого, даже если они не решатся ударить первыми, задействовать ядерное оружие... Даже без этого сокращение срока подготовки на последнюю, самую важную неделю, — это отразится буквально во всем.

Генерал-лейтенант осекся,

чувствуя, что говорит слишком много. Питтард понимал ситуацию не хуже его самого. То, что он командовал всего одной дивизией, не имело в данном случае большого значения. Проблема, или хотя бы ее важнейшая часть, была бы ясна и второму лейтенанту, впервые принявшему свой первый взвод и боящемуся собственного сержанта. И она абсолютно точно ясна адмиралу Ставридису. Джеймсу Дж. Ставридису, адмиралу Флота США, с 2009 года занимающему должность командующего Европейским командованием США и Верховному главнокомандующему объединенными Вооруженными

Силами НАТО в Европе. Фактически являющемуся «отцом» всей операции.

Минус неделя или минус десять дней от изначально определенного срока выступления — это был фактор, который заставлял ломать и переклеивать наново и так-то едва собранную в единое целое систему планов. Да, сроки только на памяти Хертлинга переносились уже раз двадцать или двадцать пять, а о том, что было до момента, когда он получил допуск нужной категории, ныне трехзвездный генерал мог только гадать. План «Дропшот» был самым известным в истории великого противостояния — а после

«Дропшота» их были, наверное, сотни. Но последний десяток дат был *настоящим*, вот что самое потрясающее. И каждый раз отмена или перенос вызывали у него боль в сердце — пусть и смешанную с облегчением. Еще полгода на подготовку, на воспроизводство опять растраченных боеприпасов, на отлаживание вновь провалившегося звена логистики, одного из многих. Еще месяц — на переброску на будущий театр очередного дивизиона ракетных установок или полутысячи грузовиков. Еще три недели, еще две. Во всем этом были свои недостатки, но, в конце концов, война так и не началась за десятилетия второй

половины XX века — так что какие-то недели не имели здесь решающего значения. Но еще раз: *этот* раз был другим. В этот раз срок переносился «назад». На неопределенный, ни к чему не привязанный день, к которому ни он здесь, на месте, ни весь Объединенный комитет вместе взятый там, дома, в принципе не мог «подвести» шаткую конструкцию хоть сколько-то реалистичных транспортных схем.

— Возможно, в этом есть какая-то логика...

— А как же!

Вот против этого возражать было глупо. Как очередной перенос времени начала операции вперед, так

и впервые произошедший перенос
назад имели свою логику.
Безупречную, между прочим.
Надеяться на то, что все русские и
белорусы есть по своей природе
идиоты, не способные
интерпретировать буквально
«лезущую из всех щелей»
информацию — для этого нужно
являться политиком, непогрешимо
уверенным в собственной
исключительности. Никакие другие
варианты не проходят. Так что да,
разумеется, многие уже все
прекрасно понимают. Но понимать
что-то умом, разумом, поверить в это
и начать наконец действовать — это
очень и очень разные вещи. И

перетекание одного этапа в другой, со всеми необходимыми предпосылками, с перерастанием количества информации в качество и так далее — это время и время, исчисляемое сначала годами, потом месяцами, а под самый конец уже и часами. И каждый час в последние несколько суток перед моментом «Д» мог стать решающим в отношении риска компрометации всего плана. Знающий слишком много (как вариант — непозволительно много) человек получает сердечный приступ, и после успешной операции по аорто-коронарному шунтированию в не поддающемся контролю бреду на

этапе «отхода от наркоза» выдает в окружающее пространство одну критическую деталь за другой. Короткая цепочка, рассечь которую при современных скоростях и присущем XXI веку разнообразии способов передачи информации невозможно, — и русские, ужаснувшись, выдают информацию в прямой эфир. И, разумеется, тут же, без паузы, боясь опоздать, наносят упреждающий удар. Пусть тактического уровня, пусть только по военным базам, обнаруженным «бумерам» в океанах и взлетным полосам баз стратегических ракетноносцев, — этого хватит. Часы — и многие годы готовящаяся

комбинированная операция превращается в кошмар, который и не снился создателям дешевых фильмов, живописующих постапокалиптическое общество во всей его красе.

Хотите другой вариант? Просто для примера, показать, как велико может быть их разнообразие? Пожалуйста. На территории России находятся сейчас тысячи профессиональных военных, принадлежащих к специальным подразделениям армий входящих в состав НАТО государств. Их первоочередной, а во многих случаях и единственной задачей является снижение угрозы, которую

представляет боеспособная часть ржавеющего российского ракетно-ядерного арсенала. При получении сигнала о том, что до часа «Д» остается оговоренное количество часов, они начнут действовать согласно полученным инструкциям — не снимая ни добродушных улыбок с лиц, ни идиотского туристского камуфляжа с плеч. Но профессиональные военные — это вовсе не идеал находящегося под прикрытием во враждебной стране нелегала. При всей их подготовке, они могут банально сойти с ума, перепить русской водки или на почве нервного напряжения попробовать наркотик. И в результате всего этого

— начать болтать. Все эти люди знают немного, иначе не бывает, но хорошей спецслужбе этого вполне хватит. Даже не «вполне» — более чем хватит, чтобы начать растягивать цепочки и выстраивать логические связи — а это в итоге означает все то же самое. Более того, сам Хертлинг был твердо убежден, что и те, кто готовил эту часть операции, хорошо понимают: русские и особенно белорусы вполне способны взять на своей территории несколько чужаков и без помощи божественного провидения. После чего — начать «колоть» взятых без малейшей оглядки на нормы цивилизованного общества. С благотворным для себя

результатом. В конце концов, они не первый год активно воюют с жестоким и умелым противником и за последние восемь-десять лет научились делать дело относительно неплохо. Риск обрушить лавину строгих дипломатических нот и обнулить оборот вдруг пошедшего в гору туризма будет для них не такой уж большой платой за успех вскрытия плана вторжения на этапе, когда они еще могут что-то сделать. Если русским повезет, то безошибочная политика их МИДа в сочетании с приведением в боевую готовность кадровых частей Вооруженных Сил, дополненных эффективной и массовой

мобилизацией, может заставить государства — члены НАТО «спустить все на тормозах». Свалив едва не случившийся Армагеддон на какого-нибудь подходящего козла отпущения. К примеру — на командующего Европейским командованием США адмирала Ставридиса или на командующего армией США в Европе/7-й армией генерал-лейтенанта Хертлинга, который подойдет на эту роль просто отлично. Или даже просто обвинив русских в наглой и беззастенчивой провокации, стерпеть которую в очередной раз их всех заставит только врожденное миролюбие.

Но да, такой вариант развития

событий реален. Достаточно кому-то в русской военной контрразведке отнестись к текущей информации с достаточной мерой серьезности, и последующий сценарий очевиден. Несколько европейских или североамериканских туристов и бизнесменов могут исчезнуть на территории России без следа в любой момент, и их кураторы в посольствах начнут что-то делать отнюдь не сразу. А выборка у русских есть: стоит только догадаться посмотреть на то, как изменился демографический спектр контингента людей, получающих совершенно легальные, украшенные всеми положенными виньетками

визы на въезд на территорию Российской Федерации. Всего год назад, как и два десятка предшествующих лет, он был достаточно «размазан». В Россию ехали бывшие эмигранты — демонстрировать достижения лучшей в мире стоматологии и показывать фотографии уже почти выплаченных домов в Нью-Джерси. Ехали пуделеобразные старушки на пенсии — просто за экзотикой, за куклами-матрешками, дешевой икрой и свежими впечатлениями. Ехали целые классы студентов-пианистов и целые отделы бизнес-менеджмента от сотен компаний: тех, для которых поправление режимом

Путина прав и свобод человека в России было менее значимым, чем возможность зарабатывать миллионы. Все эти люди, от восторженных и хорошо обеспеченных семидесятилетних вдов до юных поклонниц альтернативного рока, ехали в Россию и сейчас. Подавали заполненные анкеты в посольства и консульства, платили сбор, покупали билеты и радостно взлетали навстречу экзотике. Но доля мужчин спортивного/атлетического телосложения (в разных формах использовались оба этих термина) в возрасте 20–45 лет в общем пуле подателей требований на выдачу

туристических и бизнес-виз начала расти как снежный ком уже с начала 2007 года. Про себя генерал определил именно эти месяцы как «точку невозвращения» плана, еще не имевшего в то время окончательного названия — только буквенно-цифровой индекс. Очень немалая доля лежащих в такую условную категорию людей получала «многократные» визы. Такие люди пересекали границы несколько раз, обогащая авиаперевозчиков и хозяев русских отелей. Набирая опыт и вживаясь в среду. Покупая себе шанс выжить один-два дня на положении, хоть как-то приближенном к истинно нелегальному. Трудно ли было

высказать предположение о том, что тысячи молодых мужчин с чем-то неуловимо общим в типаже едут в Россию не за впечатлениями и карьерой в бизнесе, а за чем-то другим? Да, трудно — это следовало признать и быть, таким образом, чуть снисходительнее к неукладке противника. Натренированные на проникновение на территорию охраняемых объектов и уничтожение единиц ядерных вооружений и их носителей группы терялись в «общем объеме» въезжающих. В среде совершенно добровольно, за собственные деньги едущих в Россию идиотов с фотоаппаратами и деловыми бумагами. Хороший

бизнесмен тоже в общем-то похож на военного — а все бумаги у него самые настоящие, как и инвестиционные деньги, которые «въезжают» в Россию в его портфеле...

Деньги, чертовы деньги... Успех войны действительно почти всегда зависит от денег и времени. Интересно, что и того, и другого в данном случае было много. В отношении первого вой конгресса и налогоплательщиков не имел ни малейшего значения — подготовка к войне финансировалась из источников совершенно невообразимой глубины. Можно было только догадываться, какую

роль в происхождении этих денег играли в ключевой момент люди, близкие к семейству Бушей. Как они планировали компенсировать свои затраты и как именно прикрыть потом эту «компенсацию». Но в результате неожиданного половодья денежных средств, вливаемых в армию, флот и военно-воздушные силы США, значимость фактора времени взлетала уже вообще до небес. А число параметров, «заякоренных», «завязанных» на время, исчислялось не просто сотнями — многими тысячами. Скажем, из-за недостатков финансирования в годы президентства Билла Клинтона

армия США получила всего одну тысячу оперативно-тактических ракет MGM-140 к системам залпового огня ATACMS. Между тем только для первой недели запланированных боевых действий имеющие такие системы дивизии армии США в Европе испытывали потребность, которую начштаба 7-й армии оценивал в четыре тысячи штук. При этом как сам начштаба, так и любой другой штабной офицер с удовлетворяющей Хертлинга квалификацией вполне понимал, что реальные боевые действия не оставят от предварительных расчетов камня на камне. Когда за минуты до времени «Д» первая ракета сойдет с

направляющих, современные боеприпасы будут расходоваться с той скоростью, с которой их будут подвозить, а штабы будут завалены требованиями командиров дивизионов и тех дивизий, в интересах которых они работают: еще, еще, еще. Это как пример.

Других примеров было так много, что приводить их было просто скучно. Производство вооружения и боеприпасов было только одной из сторон военной мощи. Только дурак измеряет потенциал вооруженных сил числом орудийных стволов, пересчитывая миллиметры калибра на дюймы и обратно. Боевая подготовка гораздо важнее, но неделя

не имеет в ней никакого значения, если речь не идет о какой-то одной конкретной специальной операции. Время на планирование — вот что было критичным. Время на планирование и исполнение запланированных шагов: одного за другим, в четкой последовательности и взаимосвязи. Именно такой и должна быть армия, именно так и выигрывается любая оставляющая хоть сколько-то значимый след в истории война. Просто поразительно, что каждый раз, когда доходит до дела, возникает идиот, перемешивающий все возможное в единую бесформенную кучу с непосредственностью трехлетнего

вундеркинда.

— Проклятые ублюдки! — произнес командующий вслух. — Чертовы кретины!

Ругательства настолько сильно не подходили к его интеллигентному облику, что хуже знавший Хертлинга человек удивился бы. Но сочувственно поглядывающий на него генерал-майор не удивлялся. Формально дивизия Питтарда уже даже не входила в состав V Корпуса, но фактически — да, входила. При этом она одновременно подчинялось и штабу Хертлинга, и непосредственно Командованию. Они отнюдь не первый месяц работали вместе и за это время

успели изучить характеры друг друга как нельзя лучше. Питтард отлично знал, что слова, которыми Хертлинг сотрясает воздух, — это нормальный, правильный ритуал. Можно не сомневаться, что, энергично артикулируя, он одновременно пересчитывает про себя количество самоходок в первом эшелоне или ожидаемые показатели потерь противотанковых вертолетов дивизий в наступательной фазе операции. Минута или две, и слова закончатся, а расчеты останутся. Дана Питтард мягко улыбнулся, как может улыбнуться только чернокожий. Он любил такие моменты. Если бы все победы

доставались легко, они доставались
бы кому попало.

Начало марта

*Государственное
унитарное предприятие
городского
электротранспорта
Санкт-Петербурга
предлагает Вам
возможность получить
профессию водитель
трамвая (с 20 лет), срок
обучения 3 месяца;
водитель троллейбуса (с 20
лет), срок обучения 3,5
месяца. Средняя
заработная плата
водителей трамвая —*

21 000 рублей, троллейбуса
— 23 000 рублей.

Требуются
реставраторы ванн (с
обучением), з/п 25–30 тыс.
руб.

Требуется ученик
мастера по ремонту обуви,
изготовлению ключей.
Мужчина славянской
национальности до 40 лет,
без вредных привычек.
Заработная плата от
20 тыс. руб.

*требуется опытный
хирург-ортопед, з/п от
7800 руб. Наличие
сертификата обязательно.*

*Объявления на
моей двери.*

*Санкт-
Петербург, наши
дни.*

С недавних пор Николай стал чувствовать себя заметно лучше, — комфортнее, если смотреть сквозь пальцы на неточность данного термина в его конкретной ситуации. Надо отметить, что сперва это вызвало у него даже какую-то

озабоченность, но потом она уступила место спокойному удовлетворению. Трезво оценивая происходящее в собственной голове, сертифицированный доктор Ляхин решил, что это и к лучшему. Пара месяцев на реальном краю безумия или по крайней мере срыва — не сахар для человека даже с самыми крепкими нервами, а он таким не являлся абсолютно точно. Чего уж там. Однако в итоге не понадобился ни рекламируемый мамой в самых радужных тонах паксил (*«таблетки, покрытые оболочкой белого цвета, овальные, двояковыпуклые»*), ни отечественный афобазол, который в целом ряде клинических ситуаций

мог работать совершенно не хуже. Он обошелся. Стал выглядеть менее напряженно. К удовлетворению родителей заметно сбавил интенсивность спортивных и военно-спортивных занятий (исключением стал все-таки бег). Зато стал больше гулять по улицам, просто глядя по сторонам. Больше он стал и читать, причем все подряд, вплоть до книг, отмеченных памятью как «любимые» с детства, но не перечитываемые уже лет пятнадцать. Классическим в этом отношении примером стал затрепанный «Робинзон Крузо» сороковых годов издания — с подходящими к теме высказываниями Фридриха Энгельса

в послесловии. Ударный курс весьма
специализированного раздела
физиологии. Весьма
специализированного раздела
инженерии. Короткие
«обновляющие» курсы таких
малопопулярных на северо-западе
России языков, как шведский и
японский. Знаете, как будет по-
шведски «чистая совесть»? Это будет
«*samvetsfrid*». Кто может произнести
это простое слово верно с первого
раза, тот просто молодец. Тот
наверняка сможет связать единой
грамматической конструкцией такие
слова, как «*franktirör*»,
«*tidsinställning*», либо, на выбор,
«*sprängteknik*»^[19]. Смутно знакомый

русским людям корень глагола «*fysljera*»^[20] лез в такое предложение буквально сам собой, но тут уж ничего не поделаешь. Как и со всем остальным. Люди не обращали ни малейшего внимания на то, что в течение последнего года буквально перло из Николая Олеговича Ляхина во все стороны. Кто он, в конце концов, такой, чтобы остальные серьезно принимали в расчет его дилетантское мнение? Девушкам с Николаем скоро становилось страшно, потому что та загадка, которая скрывалась в его душе, оказывалась совершенно им неинтересной. Родители за младшего из своих детей искренне переживали

и жалели его изо всех сил. Друзей у него теперь почти не было, а те, кто были, те не решали ничего. Терапия и журнальные переводы Николая потихоньку кормили, а поскольку зарабатывать деньги было тяжело, то необходимость упорного труда продолжала поддерживать его в хоть сколько-то социализированном состоянии. Работа, язык, бег, потом снова работа и снова язык. Затертые учебники деда, откопанные в дальнем углу антресолей и с тех пор стоявшие на полке просто для эпатажа. Бег. Готовность — и способность — без малейших колебаний прорубиться через компанию малолетних гопников,

вздумавших зажать его в угол набережной на вечерней, почти ночной, пробежке. Прямо напротив изломанного, бурого кирпича знаменитого «Большого Дома». *Samvetsfrid*. Чистая совесть.

Страну трясло. Веселье лилось с телеэкранов таким бурным потоком, что выслушать относительно серьезные новости удавалось вовсе не каждый день. Две трети вновь выходящих на экран отечественных кинофильмов (начавшийся пять лет назад бум все не спадал) были комедиями разной степени искрометности. Подавляющее их большинство было явно ориентировано на умственно

отсталых людей, страдающих от неэффективности существующих схем ноотропной терапии. Какой-то год назад любое англоязычное агентство новостей, говоря о России, обязательно взхлеб рассуждало о выборах. «Путин обязательно, несомненно изменит Конституцию», «Путин тиран и сделает все для сохранения своей тирании...» Смешно звучит, но его уверенная победа в 2012 году действительно оскорбила многих. Потом была пауза, — а потом началось по новой. *«Мы не можем иметь никакой надежды на изменение им избранного Россией курса все большего отхода от принципов*

политических свобод...» Это тоже незачем повторять: это тоже слышал каждый человек, который читает или новости на английском, или отечественные «Новую газету», слушает «Йэху Москвы» или... Хватает у нас информированных источников, более чем хватает. На радость нам, страдающим от засилья ненавидящих демократические ценности опереточных злодеев. Вы знаете, что уже в отношении 2 марта 2008 года в английском языке практически не употребляли слово «выборы»? Только «*передача власти*», только «*смена режима*», на худой конец «*имитация выборов*» или «*пародия*» на них. Что уж

говорить про последние выборы, про 2012 год. Здорово, да? Происходящее в Грузии или происходившее десяток лет подряд в Туркменистане — это не слишком хорошо, конечно, но такова воля их народов. А вот в России — это да, это на самом деле возмутительно. Какие выборы, что вы? Откуда у них выборы...

Все это было не так уж серьезно: Россию ругали всегда и будут ругать всегда, в его возрасте пора бы уже привыкнуть. Заявление представителя кровавого тоталитарного режима о том, что дважды два есть четыре, воспринимается в мире просто как еще одно текущее доказательство

прогнившей, бесчеловечной
сущности варваров, проживающих
между исконно германскими и
исконно японскими территориями.
Гораздо более серьезным было
другое: то, что и на самом деле
являлось правдой. Обвинения в
дикости. Которой полно. В
ксенофобии. Которая лезет из всех
щелей: то, что каждые 50 лет кто-то
пытается эту страну завоевать, не
оправдывает ее сегодняшних жителей
ни в малейшей мере. Самые
настоящие, но при этом какие-то
тупые нарушения законности на тех
же последних выборах: с раздачей
отгулов за предоставление в профком
открепительных талонов с места

прописки. И обещанием «лишить премии» неподчинившихся. Обвинения в безудержном, практически африканском разгуле коррупции. В уникальной для Европы способности жить среди грязи и гадить себе под ноги каждую минуту. То, как красивые, прекрасно одетые русские девушки швыряют себе под ноги окурки перед входом в автобус или маршрутку, не переставало Николая ужасать. Дикость и грязь — именно они, по его мнению, были самым страшным в России. Коррупция, все остальное — это было уже только следствием.

Все это было правдой, отрицать которую было сложно: на это хватало

нервов только у самого твердолобого патриота. Из тех, кто бесповоротно и непоколебимо уверен, что наш Большой театр — лучший театр в мире, МиГ-29 — идеальный истребитель, а ленинградское мороженое — самое вкусное. Из тех, кто уверен, что Катерина Тэтц — шпионка или, во всяком случае, наймит неких «Врагов России». Начиная с больших букв «Вэ» и «Ры».

С достаточной степенью громкости имя Катерины Игоревны Тэтц впервые прозвучало около трех месяцев назад, и прозвучало оно в таком контексте, что значительная доля граждан России испытала ощущение, которое принято

определять словом «оторопь». Случившуюся с ней историю Николай помнил прекрасно: в какой-то мере этому способствовало то, что вылезшая на верхние строки всех возможных лент новостей фамилия показалось ему знакомой. Редкая как есть (немецкая? корейская? еврейская? — этого он так и не понял), ее фамилия была на слух почти такой же, как у известного питерского микробиолога — одного из лучших лекторов, каких Николаю приходилось встречать в жизни. Случайное совпадение, конечно. Совпадением было и то, что Тэтц тоже была преподавателем университета — только не

«Павловского», а МГИУ — Московского государственного индустриального. Впрочем, наверняка он запомнил бы эту историю, и не будь у нее дальнейшего развития. Как запомнил десяток других, таких же по оставляемому в душе осадку. Как на всю жизнь запомнили их миллионы и десятки миллионов «россиян» разного возраста — от пенсионного до предпризывного. Суд над водилой, в машину которого врезался несущийся на огромной скорости по мокрому шоссе автомобиль губернатора одного из регионов. Тюремный срок женщине, которая посмела ударить носимым в сумочке

ножом насилующего ее ублюдка. Совсем недавний суд над офицерами внутренних войск, вернувшихся из Чечни, и закончившиеся месяцами ранее процессы, в ходе которых сроки получили армейские офицеры, защищавшие своих земляков от рабства. Не надейтесь, суки, мы не забыли. Мы запомнили это на всю жизнь.

Катерине Тэтц пришлось в жизни достаточно круто. Ее муж попал под какую-то бандитскую раздачу середины 90-х, и на этом ее семейная жизнь закончилась. То ли он стал случайным свидетелем перестрелки и словил чужую пулю, то ли даже сам пытался заниматься

каким-то мелким бизнесом — не
суть важно. Сына она вырастила в
одиначку, и можно только
догадываться, чего это стоило в годы,
когда профессия преподавателя
заумной технической дисциплины
вызывала брезгливую усмешку даже у
кассирш в булочных. К счастью, те
годы остались уже позади. К
середине же следующего
десятилетия выяснилось, что не
эмигрировав и даже не
переквалифицировавшись в
«челнока» и держателя
коммерческого киоска, женщина
продолжала держаться на ногах
вполне уверенно. Сын вырос, пошел
на первый курс чего-то там

технологического, и все было весьма и весьма неплохо до того самого дня, пока в ста метрах от «Юго-Западной» в торопящихся на зеленый свет людей не влетел идущий за сотню громадный серебряный автомобиль. Очевидцы рассказывали, что водитель даже не пытался тормозить. Риск для жизни быдла, спешащего к станции своей быдловозки, стоил, по его мнению, меньше, чем расход ресурса тормозных колодок. Сломанное ударом почти пополам тело парня отшвырнуло вперед метров на десять: именно это позволило потом московским журналистам с чистой совестью сообщить в вечернем

выпуске новостей, что пешеход был сбит «вне зоны пешеходного перехода». Парень жил еще почти минуту: страшно долго, по мнению тех, кто все это видел. Он даже пытался говорить, — бесцельно водя по своим бокам руками и неотрывно глядя на подошедшего водителя убившей его машины. Тот припарковался метров на 30 впереди и подошел к умирающему после некоторых раздумий — но все же подошел. Сзади его прикрывали сразу двое крепких, настороженных ребят, и ни один очевидец не произнес вслух ни одного оскорбления, ни единого напрашивающегося комментария.

«Скорая» приехала удивительно быстро для Москвы, минут всего через двадцать, но к тому времени все было кончено уже давно и бесповоротно. Сотрудники ГИБДД стояли, стряхивая пепел в слякоть, негустая толпа вздыхала и переминалась. Серебряный автомобиль уехал, его водитель и пассажиры не выразили особого желания поинтересоваться, чем там все закончится. Саму эту машину с измазанным кровью радиатором, как и находившихся в ней людей, видели десятки человек, номер машины был повторен несколько раз и вписан в протоколы. Тем удивительнее было то обстоятельство, что уголовного

дела не было. Не было даже такого фарса, какой произошел несколькими годами ранее, когда заместитель мэра среднего размера провинциального города нашей необъятной Родины «достиг договоренности» с родственниками людей, убитых его взбесившейся машиной, и потому был без лишнего шума (как в то время ошибочно полагали) освобожден от уголовной ответственности.

— Если я забью соседа молотком, а потом «достигну договоренности» с его вдовой, меня что, судить не будут? — поинтересовался тогда у Николая один из его приятелей.

В этот раз ничего не было вообще. Мертвый студент был, воющая и рыдающая мать была. Даже свидетели, точно и без путаницы описавшие прибывшим на место происшествия младшим офицерам детали произошедшего, — они тоже были. Но на этом все и закончилось: во всяком случае, на некоторое время. Были похороны, ее крик, — все как оно и бывает в таких ситуациях. Не дай Бог каждому узнать... Потом, после осознания произошедшего — попытки ходить в какие-то организации, что-то выяснять, недоумевая вслух. Матери погибшего парня даже сочувствовали — вполне искренне, между прочим.

И надо сказать, что какой-то эффект это принесло. Дней через десять после начала таких «хождений» черную от боли Катерину Игоревну встретил в подъезде высокий и отлично одетый молодой человек, который выразил ей сочувствие и вручил незаклеенный конверт. Она даже не сразу поняла, что это все означает, и когда догадалась посмотреть вовнутрь, вежливого молодого человека уже не было нигде видно. В конверте оказалось десять тысяч рублей: сумма, которую она зарабатывала до недавнего времени за неделю. Перекосившись от ненависти, женщина бросила сине-зеленый веер под ноги и затопотала

вверх по лестнице. Наутро после очередной ночи со слезами и валокордином, она отправилась с новыми заявлениями куда-то еще, добиваться какого-то обещанного ей решающего приема. И вот это явно оказалось неожиданным для безликой массы непонятных людей, которые раз за разом ее слушали. Масса прорезалась конкретным лицом: в очередной раз подняв пожелтевшие, потерявшие всякое выражение глаза, Катерина Тэтц осознала, что на этот раз перед ней был человек с лицом: какой-то генерал-лейтенант. Тот до такой степени удивился, что безумную, растрепанную дуру пропустили к

нему, что дал ей минуты три и даже взял в руки ее заявление. Когда ее, вновь начавшую рыдать старуху, вывели из на редкость просто обставленного кабинета с пересыпаемыми обещаниями утешительными уговорами, она не сразу поняла, что это все. Вообще. Жизнь ее сына была нужна ей; что касается его смерти, то она не вызвала ни малейшего интереса ни у кого, кто мог бы что-то с этим сделать. Эта мысль, видимо, была написана на ее лице, когда считающаяся пока находящейся во внеочередном отпуске, а на самом деле уже бывшая доцент МГИУ подошла к своему дому. Очередной

незнакомый молодой человек, выглядящий точным антиподом первого во всем, кроме одежды, прямо спросил у нее в неожиданно оказавшемся этим вечером темным подъезде: «Ты че, бля, сука, не поняла?»

Тэтц все равно не поняла, — хотя бы потому, что в одном из учреждений, которое она посетила, ей дали совет, выглядевший по крайней мере нестандартным, — и она пыталась понять, что они, эти люди, имели в виду. Это было уже какое-то частное агентство, в котором ее сначала обнадежили и обещали помочь. Но уже через день ее не пустили на порог, очень

глубокомысленно сказав, что «Если бы вы сначала доказали, что ваш сын — это был внебрачный сын Майкла Джексона... Вот тогда бы у вас был хоть какой-то шанс дойти до суда с обвинением против того человека, который его сбил. Иначе — нет». Это было сказано без улыбки, и шаркающая по ступеням женщина размышляла над непонятным ей смыслом слов так напряженно, что не вполне даже уловила, зачем именно ей дыхнули в лицо коньячной дрянью. А еще через два дня, после очередных — совсем уже машинальных — походов с бессмысленными жалобами по конторам с якобы сочувствующими

людьми, ее встретили уже двое. В том же подъезде, но на этот раз хорошо освещенном.

Было странно и даже, наверное, нелогично, что университетская преподавательница пережила эту встречу. В течение нескольких минут, в ходе которых соседи изо всех сил крутили рукоятки замков, прочнее запираясь внутри своих квартир, ей выбили половину зубов, сломали нижнюю челюсть, несколько верхних ребер, обе ноги и обе руки. Первый из соседей рискнул спуститься с лестницы, когда в подъезде уже минут пять как перестали кричать. Увидев соседку в кровавой луже и без половины волос, он, бросившись

обратно в квартиру, даже не стал вызывать «Скорую», а прямо сказал диспетчеру «службы 02», что у них труп. Однако получилось так, что искалеченную женщину сумели довезти до больницы, и уже через несколько дней выражение в ее глазах стало достаточно осмысленным. В больнице Тэтц провела около двух с половиной месяцев: один из переломов оказался настолько сложным, что оставил ее хромой на всю жизнь. Впрочем, в такой ситуации и сама-то жизнь была подарком. В какой-то из дней в середине больничного лежания Катерина Тэтц обнаружила, что паспорт из ее тумбочки куда-то

делся, но значения этому не придавала. В те недели она вообще плохо соображала, а показанные ей обезболивающие препараты также не слишком способствовали ясности мышления. В общем, когда срок пребывания в клинике закончился и выписанная «больная Тэтц» доковыляла до дома... — тогда она надеялась отдохнуть несколько дней до отъезда в реабилитационный центр, страховка в Университете оказалась вполне достойной, — так вот, оказалось, что дома у нее к этому времени уже не было. На двери стояли чужие замки, а когда дверь открыли после долгих минут трезвона в тридцать лет знакомую

вытертую кнопку, открывший человек долго не мог понять, чего от него хотят. Потом он сообразил и, сказав несколько коротких фраз на чужом языке, небрежно оттолкнул бывшую хозяйку своей квартиры несильным тычком в лицо и спокойно закрыл перед нею дверь.

Три четверти людей на месте сорокапятилетней доктора технических наук, осознав все то, что с ними случилось, без колебания покончили бы с собой. Бросились бы под поезд метро. Под лимузин торопящегося на заседание депутата Законодательного собрания, первого попавшегося. С моста через Москву-реку: откуда-нибудь, где хороший вид

на Кремль. Даже не рискующего представить на месте Тэтц кого-нибудь из своих близких Николая искренне поражало: как она сумела удержать себя в руках? Потерявшая за минимально возможное время все, что имела, потерявшая всякую, любую надежду добиться чего-то... Однако в любом случае она этого не сделала.

У Тэтц наверняка были какие-то друзья, хотя бы теоретически способные попытаться помочь. Но в подобных, да и в гораздо более простых, в общем-то, ситуациях их число начинает резко уменьшаться. Как это было на самом деле, Николай не имел понятия: дальше,

после этой фазы событий, был какой-то «пробел». Пустое, ничем не заполненное время. Однако еще через полтора или два месяца лицо Катерины Тэтц впервые взглянуло на страну с телеэкрана. О ее чудовищной, дикой истории написала каждая хоть как-то уважающая себя газета в стране. Удивительное единодушие оценки произошедшего проявили при этом издания самой разной, зачастую противоположной направленности. Лицо несчастной женщины появилось на обложке «Тайм» — как иллюстрация к статье с таким текстом, после прочтения которого любому нормальному человеку

хотелось взять в руки камень и швырнуть в ближайшее стекло. Видеоинтервью некоторое время запаздывали, потом одно за другим начали выходить и они: и это оказалось еще страшнее. Это действительно было страшно...

Все это, все страницы, все выступления, Катерина Тэтц делала ради одного: она требовала справедливости. Не для себя — ей лично не было нужно уже вообще ничего. Всем. Всем нам. Именно поэтому, вволю поужасавшись, люди не переключали с «Пусть говорят» или «Сегодня» на другой канал, где продолжали петь и плясать полуголые женщины и лохматые

юноши с громкими фамилиями — непохожие потомки телегероев 70-х годов. Измученное болью и горем, строго-мертвое лицо Тэтц составляло разительный контраст с рядами народных избранников, которым было от всех нас нужно только власти, безнаказанности и того шанса попасть в мир гедонизма, который предоставляет в нашей стране трехцветный эмалевый значок на лацкане. Она даже не была юристом, знаменитым комиком или чемпионкой мира по фигурному катанию; она была прожженным технарем — и это тоже было написано на ее осунувшемся, темном от пигмента лице. И когда стало

ясно, что Тэтц стала не просто лицом на экране, а лицом самой настоящей партии — половина нас, ждавших справедливости все эти годы, была уже за нее.

— Это то, чего нам не хватает. Не хватает острее, чем когда-либо.

Отец разглядывал темное, нехорошее лицо коллеги на плоском экране «Панасоника» и кивал каждому собственному слову. Знал ли он ее раньше, до выхода на политическое поле новой «Справедливости»? Вряд ли — в стране более чем достаточно хороших технарей. Да и ранг у обоих был небольшой: сталепрокатными или турбиностроительными

гигантами ни один (ни одна?) из них не руководил.

— Мы уже наелись колбасы — в целом, конечно. Мы уже не можем себе представить, каково это, когда в магазине нет сыра или подсолнечного масла, и теперь позволяем себе думать о чем-то более значимом.

— О старых *liberté, égalité, fraternité*.

— Во-во...

Замечание Николая было так «в тон», что он кивнул точно так же, словно своей собственной мысли.

— «Справедливая Россия» теперь удавится, — машинально заметил Николай. Белая полоска

рейтинга шла вверх, как ракета, — одновременно с крутящимся счетчиком числа зафиксированных многоканальным автоматом звонков «за». Платных, разумеется, как теперь принято.

— Поздно.

При всей простоте слова это было сказано точно. Выборы в Думу остались далеко позади: сусальная «Справедливая Россия» набрала в них свои проценты. А в президенты Тэтц выдвигать было действительно поздно уже пять лет назад: на ее потенциальном месте тогда мелькнул упитанный и нелепо-лохматый молодой человек 1970 года рождения, «независимый кандидат»

Богданов; до его появления на официальных плакатах Центризбиркома под «№ 1» рядом с Зюгановым, Жириновским и Медведевым о нем никто никогда не слышал. Да и не может быть в России президента-женщины: мы не Пакистан и не Индия какая-нибудь. У нас возмутятся те же самые мужики, которые сию минуту двумя руками «за» и требуют справедливости для всех — как они ее понимают. К следующему же разу, к следующим даже местным выборам все перегорят: или перемолотая жизнью Тэтч превратится в безумную истеричку, вроде Новодворской, или ее призывы

начнут восприниматься как идея фикс. Сейчас на нее буквально молились тысячи людей, которым неоткуда было ждать справедливости, которые потеряли всякую веру в то, что она в России возможна — но именно сейчас это не имело никакого смысла.

— Странно, — произнес Николай вслух, разглядывая искаженное гримасой лицо человека, который только что закончил свою речь и теперь переживал подсчет голосов аудитории дебатов. — Действительно, откуда у нее столько денег?

— В каком смысле?

Отец отозвался рассеянно: явно

думал о чем-то своем.

— Ее же не просто так начали показывать, писать о ней. Таких людей тысячи, много тысяч. У кого-то отняли дом: просто всунули в зубы стопку рублей и тут же подогнали бульдозер. Или тот парень, сын этой докторши, кабинет наискосок от маминого был... Взяли выпившим на улице, дали по спине палкой и держали в «обезьяннике», пока родственники не подвезли деньги. Которые пересчитали, не стесняясь, у всех на глазах. Скажешь, случившееся с ним — такая редкость? Или у кого-то деньги с ужимками приняли, а дом так и не построили: сваи третий год торчат из

котлована, а получатель тысяч разводит руками и ухмыляется. И ничего никто не собирается делать по этому поводу, кроме как губы упражнять. Помнишь такое?

Отец кивнул: уж этот конкретный случай, хотя бы свой собственный из сотен, он помнил отлично. Ничего нового: у каждого на кончике языка было по полдесятка таких же или похожих примеров. Случившихся с ними самими, с их родственниками, знакомыми или друзьями знакомых. Со справедливостью в нашей стране было гораздо хуже, чем со всем остальным. Тем не менее пожертвований «Партии

Справедливости» (еще раз — не путать с не достигшей особой популярности розовой и в рюшечках «Справедливой Россией») действительно не могло хватать на все, что вдруг стало заметным, если поглядеть вокруг. Требующие справедливости люди обычно не слишком богаты: оторвать от себя сотню рублей, чтобы послать их куда-то по почте, мог не всякий. Между тем в городах хватало и плакатов на застекленных тумбах, и растяжек над уличной электросетью, и листовок по почтовым ящикам. Все это вместе взятое стоило немалых денег, значит, они явно были. Так что такая деталь не слишком

согласовывалась с бесполезностью «раскручивания» партии и собственно харизматичной Катерины Тэтц. Кошунственно употреблять этот термин в таком контексте, но так уж выходит. Без нее эта партия так и осталась бы чем-то маргинальным, вызывающим недоумение у хозяев жизни и равнодушие у среднего класса. Теперь «Справедливость», с ее простыми лозунгами и миллионами злых, голодных и жилистых кулаков, вызывала опасение первых и злорадную поддержку вторых: стать «клиентом» милицейского или чиновничьего произвола мог любой из нас в любую минуту, и, как уже

сказано, народ знал это отлично. Может быть, в этом и суть? Какие-то остающиеся в тени общедоступных обзоров и анализов владельцы заводов и держатели пакетов акций пытаются обезопасить себя? Причем именно так, заигрывая еще сегодня с потенциальным победителем будущих парламентских выборов? Покупают себе некую пайцзу, ярлык на княжение в будущем? Нет, вряд ли. До следующих выборов, до 2015 года, и тем более до президентских, Тэтц вполне может забыться, выветриться из короткой памяти людей, оставшись каким-то смазанным политическим символом без деталей. Как разбившийся генерал

Лебедь или еще несколько человек его поколения. Тогда зачем? Но если эта вводная исходно неверна — тогда кто? Опять же зачем именно и кто конкретно спонсирует хотя бы одну полиграфию: листовки, постеры и все такое прочее? Эфирное время ладно, сейчас оно питает само себя. Несчастливая женщина стала такой популярной, что телеканалы дерутся за ее лицо, но в начале какое-то влияние потребовалось почти наверняка. «Тайм» и прочие? Нет, это тоже неверно: «Тайм» и десяток других зарубежных издательств сравнимого масштаба подключились позже, когда имя Тэтц уже всюду муссировали здесь, в России.

Государство сейчас следит за происхождением денег в карманах политиков — после громких скандалов годичной давности деятельность большинства фондов и обществ по борьбе с кровавым тоталитаризмом заметно угасла. На пустой желудок профессионально бороться с нежеланием русского народа обильно и искренне каяться как-то, наверное, грустновато. Один довольно свежий пример — это Британский Совет, но эта история на редкость невнятна, и она такая одна. Откуда деньги у «Справедливости»?

Николай поднялся с места и покрутил головой в разные стороны, разминая затекшие сидением

мышцы. Отец раздраженно давил кнопки пульта, пытаясь пробиться через засилье йогуртов, жевательной резинки и *«нам с друзьями нравится веселая жизнь. А еще нам очень нравятся кириешки...»* Название бренда Николай не слышал ни разу; реакция отца была всегда одинаковой, — прямо как сейчас. Лицо перекашивает от злости, и палец давит кнопку. Сам он поступал обычно так же, хотя и более равнодушно: берег оставшиеся нервы.

Ну что, есть время или нет? На улице заметно дуло и даже мело: прямо под окном натужно буксовал чей-то автомобиль. Свитер, поясная

сумочка с мелкими купюрами и документами, шарф, теплая куртка. Он не прощался: родители уже привыкли, что его никогда нет дома в середине каждой субботы. Более того, они прекрасно знали, куда именно он ходит. И даже думали, что знают, зачем. Это действительно было сравнительно недалеко: минут двадцать пять пешком — так, чтобы ветер и снег в злое лицо. До Австрийской площади, которую Николай еще прекрасно помнил под названием «Безымянная». В книжный магазин, расположенный на месте салона игровых автоматов: не «одноруких бандитов», а еще тех, советских. Тех, где за 15 копеек

можно было пальнуть торпедой в плывущий мимо маяков транспорт (мультик «Великолепный Гоша» помните?) или нажать на кнопку, заставляющую скачущую лошадку на отраженном в зеркале телеэкране прыгнуть через препятствие. Это место было интересным и особенным до сих пор. Вам никогда не приходило в голову, что занявший году так в 1993-м или около того помещение бывшего салона автоматов «Книжный клуб» заметно отличается от нормальных книжных магазинов? Именно поэтому он и не назывался магазином, конечно. Прежде всего, там не слишком-то большой оборот. Примерно дважды в

год (в последнее время несколько реже, чем раньше) магазин закрывают «на ремонт», завешивая окна замазанной мелом рваной полиэтиленовой пленкой. Но и в оставшееся от многомесячного ремонта время продавцы, пара крепких молодых мужчин в серых костюмах, с достаточно заметной иронией в глазах пожимают плечами и отвечают «нет» на большую часть задаваемых им вопросов. Впрочем, купить какую-то из вразнобой стоящих тут и там книг не возбраняется. В основном это петербурговедение и словари, чуть меньше здесь детских книг. Но в любом случае их действительно

немного: максимум сотня наименований на весь «Книжный клуб», из них где-то четверть в сплюснутых нелепыми драпировками окнах. Остальное место занято креслами, журнальными столиками, в углу почему-то стоит (или раньше стоял, потом его убрали) старый телевизор, часть пространства занято бильярдным столом.

— День добрый!

Как обычно, в темноватом помещении было двое, оба знакомые. Один совсем молодой, быстрый и веселый, и второй, который чуть помладше уже самого Николая — спокойный, как носорог на

пастбище, где «трава по пояс». Николай уже знал, что старший из ребят не здоровается никогда, и ответа не ожидал. Сегодняшний день не был исключением — тот молча протянул руку. Выражение его глаз при этом не изменилось, лицо не выражало ничего, кроме внимания. Запоминалась такая манера сразу и вначале впечатляла, потом это начало раздражать. В конце концов, привыкнуть оказалось возможно и к такому. Парню было лет 28–30: он явно не видел ничего лучшего, чем эта работа, и потому отдавался ей целиком. Ну и молодец.

В протянутую ладонь Николай вложил паспорт: можно подумать,

что-то в нем могло измениться за семь дней. Прибавилось штампов, к примеру, или фотография вдруг поменялась. Взгляд «носорога» суров, как у контрразведчика при допросе изловленного в подвале «Газпрома» шпиёна. Глаза честны, а лоб упрям. Нет, товарищи: это не любовь к делу, которому ты служишь. Это называется «эго».

— Проходите.

«Проходите, товарищ», — произнес Николай про себя. Это слово тоже было неизменным. Впрочем, так сразу оно звучало тоже не каждый раз. Иногда ритуальной проверки документов приходилось ждать минут по пять. Если в

непопулярном (мягко говоря) «Книжном клубе» был какой-то посетитель, то процедура сдвигалась. Пришедший разглядывал книжки, спина его сутулилась все больше и больше, потом он задавал какой-нибудь лишний вопрос и уходил, так ничего и не купив. Книжный магазин должен приносить радость, и если ее нет, а есть сплошное неудобство от непрерывного неодобрительного взгляда в спину, — то ну их, эти книги. Поэтому, столкнувшись с подобным приемом, такой «потенциальный покупатель» уходит в то место, где есть яркое освещение и приятные очкастые девушки, а сюда не возвращается. Николай не

сомневался в том, что часть ушедших уносит с собой смутное подозрение в том, что в «Книжном клубе» подторговывают наркотиками. Или людьми. Реальность оказывалась прозаичнее, но об этом говорили не всякому.

— Я сказал «проходите».

Интонация не изменилась тоже. Ни малейшего раздражения: спокойствие, как у робота. Забавный парень. Интересно, что с ним будет, когда все начнется? Со вторым-то ему все было ясно: молодой, уверенный в себе, чуть более резкий в движениях, чем может быть «продавец-консультант». Типаж — совершенно стандартный, отлично

прописанный десятками писателей: Николай знал много таких. Резкий из-за молодости, понятно. Потом это пройдет. Этот этап явно был для него проходным: после занудной, неинтересной работы оптимистичного парня явно ждало что-то нескучное — это было написано у него на лице. Зачем он здесь и почему получает от работы удовольствие — причем отличное от первого, от того, которое испытывает старший в дежурной паре? Николай предполагал, что пребывание в мрачноватом «Книжном клубе» может быть для «консультантов» (или, как вариант, только для младшего) какой-то учебной

практикой, пособием, формальной имитацией нелегальщины, но проверить предположение никакой возможности не имел. Это тоже было нормальным: жизнь вообще содержала в себе не слишком много конкретных ответов на напрашивающиеся вопросы. Он уже привык.

Перед тем как нажать на рукоятку завешенной зеркалом двери, Николай оглянулся на младшего из дежурящей пары, и в сердце ему кольнул тот же самый вопрос. «Что с ним будет, когда все начнется?» В последние недели он слишком часто задавал себе этот вопрос — с минимальными

вариациями. «Что с ним будет?» «Что он будет делать?» Сердце ныло. Дело было не в ответах. Простейший, хотя и раз за разом обрываемый на полуслове анализ показывал, что этот вопрос туповатый доктор Ляхин каждый раз пытался задавать себе самому. Отвечать на него не хотелось раньше — не хотелось и теперь.

Среда, 13 марта

Враждебные режимы от Венесуэлы и Ирана до России используют поставки энергии в качестве средства давления на своих соседей... Мы привыкли думать в терминах, касающихся ведения обычных войн между государствами, но энергия сейчас становится предпочтительным видом оружия для тех, кто ею располагает... Необходимо избавиться от

геополитических угроз со
стороны богатых нефтью
режимов... США
сохраняют массивное
военное присутствие за
рубежом, частично для
того, чтобы защитить
жизненно важные для нас
нефтяные поставки...

Ричард Лугар,
Председатель
Сенатского
комитета США
по
международным
делам, 29.08.2006

*Российская власть,
руководствуясь советскими
стереотипами, по-
прежнему считает НАТО
враждебным блоком. Это
глубокая ошибка, потому
что совершенно очевидно,
что уже никто на Россию
не собирается нападать, а
тем более НАТО.*

*Борис Немцов,
19.05.2006*

— Многоцелевая атомная
подводная лодка типа «Лос-
Анджелес» — это самоходное и
смертоносное произведение

искусства.

Фраза была пафосной, но каждый из услышавших ее не мог не улыбнуться с полным пониманием: она была при этом абсолютно верной. Впрочем, непонятливых в центральном посту «Сан-Хуана» быть не могло — их не пускали туда, даже когда лодка находилась в порту приписки, надежно пришвартованная, — семь с лишним тысяч тонн стали, сплавов и электроники. И всего остального, что делало ее столь хорошим аргументом в международных политических разногласиях. Тем более таких людей не могло быть здесь, в море. «Глубоком синем», как гласит

расхожий штамп, — а на самом деле черном, как ночь, и лишь на невидимой поверхности белом от обрывков разметанной ветром пены.

Ни лодка, ни сам ее тип не были новыми: закрывшая огромную серию субмарина «Шайен» вошла в строй еще в 1996 году. Тип не мог считаться и лучшим в мире: это звание было прочно завоевано сериями «Сивулфа» и «Вирджинии». Однако «Сивулф» был слишком дорогим для нашего времени, а «Вирджинии» начали строить до обидного поздно. В результате и тех, и других, пусть и действительно лучших в мире ударных атомоходов, было слишком мало. Собственно, именно поэтому

«Лос-Анджелесы» и оставались станovým хребтом Флота, его настоящей «рабочей лошадью». И будут оставаться: возраст не сделал их менее смертоносными. И менее красивыми — для понимающих скрытое значение этого параметра людей.

— Боюсь, мне не кажется слишком удачным слово «произведение».

Командир подводной лодки посмотрел на произнесшего эти слова офицера и широко улыбнулся. Он на редкость много для подводника улыбался и вообще на не слишком проницательного человека производил впечатление

провинциального бакалейщика или даже пастора, надевшего военноморскую форму случайно, по ошибке. Эдакий добряк: недалекий, но отзывчивый и готовый помочь ближнему. Как бы. Забавно, что служившие с Майклом Даблью Мартином по многу лет предпочитали не разубеждать в этом заблуждении новичков или чужаков. Наблюдать за тем, как до молодых матросов, старшин или получивших первое назначение в жизни младших офицеров медленно доходит действительное положение дел — это и вправду было по-настоящему смешно.

— Да?

В короткое слово было вложено многое: ирония оказалась лишь самым внешним слоем интонации.

— Майкл, «произведение искусства» подразумевает что-то одно, единственное. Некую единицу. Оглянись на 120 вправо.

Было видно, что первым побуждением Мартина действительно было оглянуться, — движение пробежало по лицам стоящих перед ним офицеров, как ветер по пруду. Потом, так и не обернувшись, он широко улыбнулся: искренне и с удовольствием. Это послужило сигналом, — скрываемые многие часы улыбки вырвались наружу. Планшет оперативной

обстановки за спиной командира «Сан-Хуана» выглядел декорацией из полуфантастических фильмов времен «холодной войны»: зеленые силуэтики покрывали его так густо, что места для записей переставало хватать, и планшетисту приходилось опускать индексы. Не «SSN 769», а «769»; не «SSN 757», а «757», и так далее. Даже само распределение силуэтов, примитивных пиктограмм на планшете могло сказать опытному взгляду многое. Редкая цепочка восточнее «крыши» Скандинавского полуострова, спины прыгающего через Ботнический залив «тигра», с детства знакомого каждому по картам из «Нэшнл Джеографик».

Широкий веер «рабочих пар» по всей вертикали Атлантики, почти точно вдоль проекции Срединно-Атлантического хребта: «бумер» и прикрывающий его «охотник» в каждой. И устремившийся вперед, как брошенное умелой рукой копье, растянутый на многие сотни миль, асимметричный ромб ударных субмарин: все, что мог выслать в море Атлантический флот. Угадайте, кто был в основе ромба? «Лос-Анджелесы», разумеется. «Толидо», «Александрия», «Сан-Хуан», «Мемфис» — если перечислять их названия не по алфавиту, а по датам вступления в строй, считая от самой современной — как принято во

флоте. «Мемфис» вошел в строй в 1977 году: он был старше, чем большинство членов его экипажа. «Толидо» — в 1995-м: лишь четыре «Лос-Анджелеса» из шестидесяти двух (или сорока пяти, если считать только находящиеся в строю) были «моложе» его. Сорок пять субмарин типа «Лос-Анджелес», вы можете представить эту мощь? Три «Сивулфа». Пять «Вирджиний». Вместе они стоили в разы больше, чем планируемый на следующее десятилетие пилотируемый полет на Марс. Вместе они могли уничтожить все флоты всех стран мира за всю историю человечества от изобретения пара: от броненосных

фрегатов и паровых таранов до новейших типов, — десятки классов, сотни вымпелов. Всех, имеющих право существовать только потому, что это разрешается ими — сильнейшим флотом мира сейчас, на текущую секунду. Флотом державы, в одиночку способной справиться с любым врагом: где бы он ни находился и что бы он о себе ни мнил.

— Сэр?

Чернокожий старшина подошел из-за спины так тихо, что командир атомохода удивился. Не в первый, впрочем, раз. Парень двигался с грацией, подошедшей бы кугуару или рейнджеру, — не подводнику. Было

такое ощущение, что в несущейся в толще черной воды стальной капсуле он не на своем месте, но парня это, похоже, не тревожило. Десяток лишних фунтов жира и чуть больше спокойствия на лице — и он был бы похож на остальных.

— Да?

Старшина протянул листок пластика и улыбнулся. Нет, уверенности в нем хватало, с этим все было нормально. Но спокойствия в парне не было — за зрачками его больших черных глаз сидел готовый к мгновенному укусу хищник. Зачем? Это командер Мартин угадал уже несколько лет назад, и своя догадливость до сих пор доставляла

ему удовольствие.

— Спасибо, Вилл.

Они улыбнулись друг другу: рыхлый и краснощекий командер, мановением пальца повелевающий концентратом смерти миллионов людей, и одинокий юноша с простым спаренным шевроном на плече и глазами убийцы.

Несколько секунд, пока парень отходит, командир подводной лодки продолжает улыбаться уже в его спину. Что ж, такие ребята найдутся за спиной каждого человека, облеченного столь невероятной властью. Но не каждому везет их опознать. Впрочем, везение не имеет здесь никакого значения и, как ни

странно, не приносит ровно никакой пользы. Да, командир атомохода знает, кто именно на борту «Сан-Хуана» обязан его контролировать «окончательно»: то есть сыграть свою роль тогда, когда рухнет вся многослойная система контроля целиком, сверху и донизу. Скажем, сошедший с ума командер Мартин неожиданно получит поддержку офицеров, основанную на общем членстве в дорожном клубе «ААА». Дескать, именно поэтому друзья-офицеры не повиснут на нем с трех сторон, как пираньи, когда, пустив обильную пену изо рта и подвывая от энтузиазма, он начнет тыкать командирским ключом на стальной

цепочке в пульт с красными кнопками. А, наоборот, будут поддерживать его флотскими кричалками, знакомыми каждому еще по училищу. И вот именно тогда корабельный старшина 2-го класса его и убьет.

Майкл Даблю Мартин усмехнулся — мягкой, чуть смущенной улыбкой доброго человека. Он не собирался сходить с ума, не собирался рваться к гнезду запуска ракет, расшвыривая вцепившихся в свои плечи товарищей и выкрикивая маоистские лозунги либо девизы Ку-клукс-клана. Он всю жизнь честно выполнял свой долг и собирался честно выполнять его и

теперь — в самой важной миссии своей жизни. Миссии, о которой они все мечтали с юношества. Которая и определила собственно — обречь себя на каторгу подготовки к вступительным тестам училища, с небольшими, в общем-то, шансами, или остаться в родном городе и стать, скажем, водителем муниципального автобуса с прилагающейся спокойной, размеренной жизнью и неплохой медицинской страховкой. Миссии, о которой они говорили со свежеприобретенными друзьями, только-только надевшими тогда на коротко стриженные головы новенькие форменные фуражки. Но... Тогда все было иначе. Путь до

трех золотых шевронов на рукаве кителя не сказать чтобы был короток. Тогда они были уверены, что путь к рубежам пусков ракет для «бумеров» им придется прокладывать с боем, теряя и теряя вымпелы. Ежесекундно обливаясь холодным потом от «пингов» сыплющихся с небес боев русской противолодочной авиации. Обмениваясь короткими, жестокими уколами с наваливающимися со всех румбов, сверху и снизу «Викторов» и «Альф», а потом даже «Сьерр», а потом даже «Акул». Таясь от рыскающих по поверхности надводных сил среднего тоннажа, команды которых отлично знают, что от их боевой эффективности

напрямую зависит, превратятся ли
тысячи квадратных миль между
Архангельском и Баку в засыпанную
хрустящим пеплом пустыню с
яркими вкраплениями стеклянных
лужиц. Теперь... Теперь все было
иначе. Пока он учился, пока зубрил
технические характеристики
будущих противников и шевелил
губами, запихивая в свою память
сомнительные сведения о
командирах «Гриш» и «Удалых»,
пока просто учился правильно
произносить эти названия,
наконец, — все это почти кончилось.
Голодающие русские начали резать
корпуса субмарин, начали продавать
на металлолом и на «объекты

экстремального подводного спорта» свои фрегаты и крейсера. И не просто начали — сочли это настолько выгодным, что ввергли в шок военных моряков всего мира, мучительно пытающихся примерить происходящее на себя. Каково это, интересно, — когда важнейшую вещь в твоей взрослой жизни отнимают и продают или просто выкидывают? Как можно пережить это — и продолжить служить, готовясь честно исполнять то, чему тебя учили десять, пятнадцать или двадцать лет? На чем исполнять? На компьютерном джойстике? И зачем, если твое собственное государство четко объяснило тебе, что защищать

его не нужно?

Русских командеру не было жалко — жалость вообще глупое чувство. Одна капля спокойного профессионального сочувствия, — это было то, что совершенно не мешало исполнять долг. Свой собственный, обусловленный давно оформившимися представлениями о том, что такое правильно, а что такое неправильно. Что такое польза для своей страны и что такое ее благодарность людям, приносящим пользу. Забавно, что какие-то признаки понимания этой простой системы представлений начали после десятилетия полного маразма демонстрировать и сами русские —

пусть и поздно, буквально несколько лет назад. Они «затормозились», если это так можно назвать, даже ввели в строй пару новых единиц, но у профессионалов это вызывало уже только усмешку. Поздно. Два крейсера и один авианосец на огромный театр военно-морских операций, от того же Архангельска до Исландии — это не сила, это просто драгоценная мишень. Шесть «Акул», одна «Альфа», одна «Сьерра» первого поколения, четыре «Виктора»? Теперь у русских просто не осталось достаточно вымпелов, чтобы хоть как-то прикрыть свои границы даже от пары десятков «Лос-Анджелесов» и идущих за

ними «Бумеров». Теперь поздно.

Коммандер с неохотой оторвал взгляд от планшета оперативной обстановки и недовольно покачал головой. Три месяца назад до его сведения впервые довели тактическую концепцию применения 12-й эскадры подводных лодок специального назначения в целом, и тогда он был как минимум удивлен чужой глупостью. В то же время за неожиданно короткий срок командиру «Сан-Хуана» стало ясно, что его собственное мнение в отношении этого вопроса интересуется очень ограниченный круг лиц. План был откровенно странным — в нем было слишком мало логики. Эскадру

разворачивали нешироким фронтом для перехвата одной-единственной русской лодки, находящейся в конкретном квадрате моря, на полигоне. Это подразумевало, что лодка находится под прикрытием надводных сил русских, включая несколько специальных кораблей. Однако при этом логичная последовательность действий, диктуемая в первую очередь именно нарядом выделенных сил, просто отметалась. Перехват был не учебным, а боевым, но действовать по надводным единицам запрещалось категорически, императивно. «Саратов» должен был быть перехвачен и уничтожен со

стопроцентной гарантией — на это нацеливались четыре «Лос-Анджелеса», но прикрывающие русского «охотника» корабли отряда обеспечения нельзя было контратаковать даже в случае их фактического противодействия^[21]. При этом на собственно обнаружение субмарин 12-й эскадры русскими смотрелось «сквозь пальцы», — на совещании было официально объявлено, что этот фактор считается не слишком значимым. Где во всем этом бреде хоть какое-то подобие смысла, командер тогда не понимал и от этого нервничал. Однако позже его несколько «отпустило». Это

произошло спустя неделю, когда на специальном совещании командиров субмарин эскадры появился незнакомый капитан с ленточкой «Военно-морского креста» на кителе. Именно тогда, выслушав несколько новых вводных, Майкл Даблю Мартин впервые осознал, что за известным ему куском плана наверняка все же подразумевается некий имеющий смысл фон.

12-ю эскадру подводных лодок специального назначения ставили во «второй эшелон» 2-й группы, за двенадцатью вымпелами 4-й и 6-й эскадр, выходящими к русскому побережью изогнутым «крюком» или «серпом», в «рукояти» которого и

находилась их эскадра. Смысл этого маневра был ясен, но это не объясняло вопиющую разницу в классификации «Саратова» как легитимной цели, а охраняющих и сопровождающих ее фрегатов, торпедолова и приборного судна как чего-то в высшей степени неприкасаемого. Не объясняло, почему убивать русский «охотник» посылают не «Сивулф», заблаговременно перегнав хотя бы один вымпел с Тихого океана. Но командер Мартин перевел взгляд на лицо капитана с «Военно-морским крестом» и задержал в легких готовый вырваться вопрос, хотя еще минутой раньше твердо решил не

стесняться выразить свое мнение о плане. Эту чудесную, неповторимо красивую ленточку в наши дни увидишь не часто. Ее не было у командира эскадры капитана Берка, ее не было у командующего всей 2-й группой контр-адмирала Грума, гордости чернокожей Америки. Однако нельзя сказать, чтобы надевший форму в 1983 году и дослужившийся от помощника механика до командира ударной атомной субмарины в звании командера Мартин никогда не видел ее цветов «вживую». Офицеры-подводники — достаточно узкая каста, и если ты занимаешь офицерскую должность лет

пятнадцать, то почти наверняка знаешь о сотнях своих коллег очень немало. «Военно-морской крест» был у бывшего командира «Мемфиса», — правильно, командер Гленн Даблю Пендрик пришел на эту должность из Норфолка только летом 2006-го. Он был у старшего помощника командира того же «Мемфиса». Откуда одна из высших наград Флота, Корпуса морской пехоты и Береговой охраны США может взяться в колодках по крайней мере двух старших офицеров-подводников в самый разгар всеобщей борьбы за мир и международной разрядки? Извините, на этот вопрос ни разу не

было дано хоть сколько-нибудь официального ответа. Неофициальных было полно, как и кажущихся теперь такими знакомыми загадочных полуулыбок, но они ничего не значили, потому что вскоре вопросы задавать перестали. Тугодумов вообще на атомных субмаринах не держат, об этом уже говорилось выше.

В общем, после очередных часов очередных совещаний и восприятия все большего объема ставшей доступной для них информации командер Мартин кое-что четко осознал. Будут там потом какие-то официальные разъяснения интересующимся представителям

благодарной нации или не будут — если он хочет, чтобы темно-синяя с белым ленточка «Военно-морского креста» украсила его собственный синий китель, «Саратов» должен потопить он. И вот тут начинались проблемы. Не с боевой готовностью, разумеется: экипаж его лодки был готов справиться с любым противником, вплоть до «Кузнецова» со всей его свитой. Но в важнейшей боевой операции в своей долгой карьере «Сан-Хуан» оказался просто в худшей из возможных позиций. Приказом капитана Берка его шансы встретиться с «Саратовом», находясь в пятнадцати милях позади «Толидо», были сведены к нулю.

Разумеется, командер Мартин понимал: десятки «Лос-Анджелесов» и четыре «Вирджинии» на русский Северный флот — это много. И четыре «Лос-Анджелеса» на один «Оскар-II» — более чем. Но то, что решением какого-то идиота с серебряными звездами на воротнике лучшая по тактической готовности субмарина эскадры поставлена в «мертвый угол» строя эскадры — это просто обидно. И как профессионалу, и как человеку. Если сравнивать — как четырехлетнему ребенку, которому подарили шикарный набор фломастеров, но настрого запретили трогать свежеокрашенные стены

дома. Не слишком большим утешением было то, что «Мемфису» в свое время пришлось не лучше. Коммандер Пендрик уже высказался по этому поводу так, что превзойти его было сложно: в его родной Флориде есть, оказывается, такие слова, которые мог не знать к его годам и чистокровный американец, имевший возможность попутешествовать с папашей-морпехом по всей стране, слава Иисусу. Да вообще это не утешало, зачем перед собой хитрить? Четыре «Лос-Анджелеса» — это две пары, идущие в один и тот же квадрат с четко определенных курсовых углов и с заданным временным

интервалом. Другие варианты обсуждались, разумеется, но ни один не был сочтен более удачным. Результат на одной чаше весов, риск на другой, и хаос при малейшем нарушении баланса. В такой обстановке нет места личным амбициям, каким-то желаниям или потребностям. Чего уж тут спорить. О цене знают все.

Момент, когда в центральном посту «Сан-Хуана» вдруг стало необычно тихо, случился несколько вахт спустя, когда командер Мартин и каждый другой, наверное, человек на борту прошел с десятков обычных плавных циклов, ошибочно именуемых «биоритмами». Смен

бодрствования и фаз сна. Смен действий бездействием и обратно — и смен настроения: от мелкой обиды на судьбу — на удовлетворение собственной молодостью или зрелой силой. Как у всех. Три или четыре секунды, на которые без видимой причины обрывается негромкий обмен словами и фразами. Тишиной это назвать сложно — никуда не делись ни приглушенное сдержанное дыхание механизмов под ногами, ни шорох и попискивание многих десятков приборов. Но голоса из этого всего выпали, — а подобное чувствуется сразу. На суше про такие секунды говорят «ангел пролетел» и улыбаются; у подводников есть

собственное, малоприличное выражение. Потому что если ты находишься глубоко под поверхностью моря и всего в сотне морских миль от русских, неожиданная тишина не расслабляет. За секунду напряжение в центральном посту сгустилось на порядок. Моряки вжали головы в плечи, одновременно разворачиваясь в стороны, окидывая взглядами десятки экранов, снимая показатели с сотен датчиков, определяющих жизнеспособность и боеспособность могучего стального зверя, продирающегося через толщу ледяной воды с людьми в брюхе. Секунды, пока струйки холодного

пота скатываются между лопаток, впитываясь в тонкую ткань форменных футболок. Потом сразу несколько человек разворачиваются к старшему оператору главного гидроакустического комплекса, в просторечии сонара. Разворачиваются к широкому экрану перед ним, ориентируя остальных. Экран — это мешанина пятен и полосок нескольких цветов: нужно иметь очень узкую специализацию, чтобы научиться вычерпывать информацию из этого мельтешения напрямую, без интерпретаций, предлагаемых мощнейшим компьютером из имеющихся на борту. Но согнутая спина лейтенанта

буквально излучает настолько густую смесь чувств, что тела делают все сами: по мускулам проходит первая разминающая стенки сосудов дрожь, невидимо-тонкая пленка влаги окутывает кожу, мышцы радужной оболочки подстраивают размер зрачков до идеального при данном освещении.

— Что?

Голос старшего помощника командира спокоен и ровен. Вопреки тому, что принято думать об обязанностях строевого командного состава, именно его должность традиционно подразумевает командование в бою. Когда начнется обмен ударами, в каком бы формате

он ни происходил, именно «экзек» будет командовать фактическим применением оружия. Дело командира надводного корабля или субмарины — выведя их в заданную точку, подтвердить соответствие решения на использование оружия избранной тактической схеме. Так принято еще со времен ранних броненосцев, впервые ставших слишком большими и технически сложными для единственного старшего офицера. Когда убеленный сединами командир приказывал поднять стеньговые флаги «до места» или просто отдавал команду, начиналась работа старшего артиллерийского или старшего

торпедного офицера корабля, или
обоих. И так далее до самого низа, до
младшего матроса в броневой чашке
зарядного погреба глубоко в
стальных корнях орудийной башни
или старшины, снимающего
показания амперметра с «пипочек»
контрольных электродов торпедных
батарей. На самом деле то, что
сейчас не командирская вахта, а
его, — это совпадение. Но ценное,
поскольку как делалось раньше, так
делается и теперь. Как бы. В целом.
Потому что настоящий морской бой,
бой равных или почти равных
противников всегда представляет
собой импровизацию и лишь в общих
чертах укладывается в уставы.

Исключения настолько редки, что входят в учебники истории.

Лейтенант поднимает ладонь вертикально вверх, останавливая вопросы. Возмутительное нарушение субординации — опять же с точки зрения уставов. Демонстрация серьезности происходящего и того, что акустик знает, что делает, — если смотреть с точки зрения людей, понимающих настоящую цену до предела зауженного профессионализма. Старший помощник командира «Сан-Хуана» дублирует жест лейтенанта. Пауза затягивается — и ощущение застывших на середине движения тел за спиной вызывает у лейтенанта-

коммандера злую, широкую ухмылку, и краем не прорвавшуюся наружу. Пускай учатся: даже если сейчас это ложная тревога, финт напряженных нервов, — когда-то от способности сдержаться и не отвлечь даже вздохом занятого делом товарища может зависеть жизнь ста с лишним человек на борту. А опосредованно — и сотен тысяч на суше. Переоценить значение таких уроков практически невозможно.

Они все умеют работать в условиях жесточайшего стресса. «Переменного стресса», как это весьма неточно называется в специальной литературе. Гораздо точнее будет сказать

«мельтипараметрического», но тогда это будет еще тяжелее для восприятия. Гроссмейстеры «быстрых шахмат» — это просто дети в песочнице по сравнению с офицерами, способными четко ориентироваться в потрясающе динамичной обстановке боя. Попробуйте играть в «быстрые шахматы» в мигающей цветомузыкой комнате, помещенной в скоростной поезд, и не просто входящий в вираж, а перемещающийся одновременно в трех осях. Причем рядом вопит с десяток человек, сообщая данные, каждая деталь которых способна изменить правила на доске на несколько следующих ходов.

Трехмерной доске, если кто уже забыл, и резко уменьшенное по сравнению с шахматами число фигур на ней с лихвой компенсируется многообразием их типов. А потом комнату встряхивает, по ней проходит как будто ветер, половина экранов и индикаторов вышвыривает из себя рой разноцветных искр — и автоподстройка динамиков не успевает компенсировать тот всплеск децибел, который успеют выдать ребята из удаленного отсека. Живые, такие же, как ты, люди, к которым ворвалось пламя и которые понимают, что вот-вот пойдет фреон...

— Оскар-два, — неожиданно

произносит лейтенант. Голос у него высокий, едва ли не юношеский, резко контрастирующий с комплекцией регбиста. К этому на лодке давно привыкли: это не самый худший недостаток из тех, что встречаются у взрослых людей, по несколько месяцев проводящих вплотную друг к другу.

— Точно?

Это была единственная нота сомнения, которую лейтенант-коммандер себе позволил. Вполне простительная, учитывая его статус в эти часы.

— Да. Теперь я уверен.

— Командира в центральный.

Поведя руками, матрос у

коммутатора неслышимо сказал в черный цилиндрик микрофона какие-то слова. Все, или почти все. Коммандеру Мартину нужно около двухсот сорока секунд, чтобы появиться в центральном посту и ритуальной фразой обозначить принятие на себя ответственности за лодку в полном объеме. Что, разумеется, не отнимает ни малейшего кусочка от собственной доли ответственности каждого из них.

— «Александрия»?

— Как раньше.

— Они их не чувят?

Этот вопрос был жестким и коротким, как укол булавкой. Почему

говорят «не чувствуют», а не «не слышат» — бог его знает. Так принято почему-то. Проще привыкнуть, чем переучивать столько людей.

— Не похоже.

Вопрос был безличным, но поняли его все. Итак, ситуация была не просто «забавная» или «интересная», — она как-то резко, за потребовавшуюся лейтенанту на ответ секунду вышла из очерченного планом русла. Атомный подводный ракетоносец типа «Оскар-II», а конкретно «Саратов», должен был находиться в четко определенном квадрате, выполняя описанную во вполне конкретных формулировках учебную задачу. Пара «Александрия»

и «Сан-Хуан» была второй из входящих в этот квадрат, причем входящей с заметно более северного румба, чем «Толидо» и «Мемфис». Именно поэтому у их пары оставалось сравнительно немного шансов на то, что русский уцелеет к расчетному времени их подхода. И конкретно у «Сан-Хуана» — приблизительно вчетверо меньше, чем у «Александрии». Но если лейтенант не ошибся и стоящий многие десятки миллионов долларов главный сонар «Сан-Хуана» не обманут шумовым фантомом, какие иногда встречаются в океане, то этот факт становится важнее, чем десятки уже устаревших фактов до него.

Приказ командиру «Саратова» был отдан командованием 1-й флотилии подводных лодок Северного флота. То, что капитан 1-го ранга не станет его выполнять, просто не представлялось возможным. Но «Оскар-II» (по русской классификации «Антей») здесь — и это точно «Саратов», потому что это их единственный «Оскар» на севере. Сумели ли русские вернуть в строй «Воронеж» — несколько лет назад несомненно лучший «охотник» их Северного Флота? «Орел» достоверно в ремонте, и его окончание даже не планируется на ближайшие два года, но «Воронеж» — это вариант. Возможный, пусть и

не с самой высокой степенью вероятности. Но если имеющий место — то резко осложняющий ситуацию для 12-й эскадры подводных лодок специального назначения. Можно было быть каким угодно патриотом, но профессионалы знают, чего может стоить готовый к бою «Оскар-II» со сплаванным экипажем. Проверять его качества на себе не хочется никому — достаточно вспомнить, что твоя собственная замечательная лодка принадлежит к классу, действовавшему еще в середине 70-х годов прошлого века. Да, первая в «улучшенной серии», но серии уже другого, старшего поколения...

Командир «Сан-Хуана» возник в центральном посту точно в предсказанное про себя лейтенантом-коммандером время. Даже если он спал, на его лице и в его глазах это не отражалось никак. Прищуренный взгляд уверенного в себе бойца слабо вязался с пухлыми щеками добряка, но к этому на лодке давно привыкли, — это был случай из той же серии, что и голос лейтенанта на сонаре, разве что еще более резко выраженный.

Несколько четко сформулированных фраз ввели командера в курс дела: оперативная обстановка изменилась, и его старший помощник полагал, что

весьма радикально. Вместо одного русского, привязанного для них к колышку, если так можно выразиться, вдруг возникает второй. Конечно, это могло быть и иначе — согласно всем имеющимся документам, второго «Оскара» у русских здесь не было и быть не могло. Коммандер сослался на несколько документов, допуск к которым не имел даже его старший помощник, и это прозвучало достаточно твердо, чтобы его убедить. Но это все равно не объясняло происходящего. Да, в определенных пределах командиры немногочисленных русских субмарин обладали некоторой свободой: никто

не мог запретить капитану 1-го ранга с десятком согласных в фамилии маневрировать в пределах полигона согласно собственным представлениям о том и о сем. О подготовке экипажа, например. Но сейчас он был не на полигоне, а почти в полусотне миль от его границ. Почему?

Планшетист вел прокладку светящимся маркером — курс и скорость русского оставались неизменными с момента обнаружения. Характерный для «Оскара-П» звуковой профиль не менялся, не исчезал — значит, он действительно мог являться настоящим. Амплитуда цифровой

«роspиси» русского медленно увеличивалась — это означало, что «Сан-Хуан» его постепенно, и не слишком быстро, нагоняет. Примерно в таком же формате было интерпретировано еще несколько параметров: логичных, реальных и укладываемых во все то, к чему их готовили столько лет. И все равно — это было неправильным. Русский находился на почти параллельном курсе, между ними и «Александрией», при этом его скорость была ниже, чем у обеих. «Александрию» в течение многих часов они вели на самом пределе разрешающей способности сонара, никаких резких эволюций она не

совершала. Именно поэтому, собственно, вахтенный офицер и заключил, что командер Дойл русского не чует. Значит, «Саратов» пристроился за «Александрией», но с затененных работой собственных винтов «глухих» кормовых румбов не чует «Сан-Хуан».

Сама эта мысль была страшной. Судя по всему, одна из вводных старшего помощника могла лечь точно в цель: русский по крайней мере мог быть охотником, использующим свою предполагаемую позицию на полигоне как приманку. Пустую позицию. То, что, пусть и окольными фразами, но высказав такое

предположение, лейтенант-коммандер Бурьянек не объявил боевую тревогу, коммандера больно кольнуло изнутри. Судя по всему, не до всех и не до конца дошло то, для чего они здесь. Можно простить матросов, которые не знают почти ничего, но не старшего офицера. Два десятилетия назад расплатой за такую замедленность реакции могла бы стать гибель лодки и экипажа.

— Боевая тревога.

Команда была тихой, но реакция на нее оказалась именно такой, какой всегда. В голливудских фильмах в этот момент звучит ревун и раздается топот бегущих ног десятков потеющих от торопливости

людей. Очевидно, режиссеры даже не задумывались о том, что современные сонарные системы способны услышать с мили удар шарика для пинг-понга о деревяшку. Или изначально решили сэкономить на консультациях. Зазвучи на борту «Сан-Хуана» ревун — и через три секунды русский начнет разворачиваться, приводя их в угол, в пределах которого чувствительность его сонара станет адекватной. А угол поворота торпед его возможного залпа — «экономным», то есть минимальным. Да бог с ним, с ревуном, просто учуй он их сейчас хоть интуицией командира — и все будет иначе. Развернется русский

наверняка вправо — это позволит ему оказаться почти точно за кормой «Александрии». Состворенные по отношению к «Сан-Хуану» «Саратов» и «Александрия» — это еще опаснее, чем русский в одиночку. Для Юджина Дойла обе акустические метки будут накладываться одна на другую, и на тех же кормовых румбах его специалисты будут идентифицировать происходящую прелюдию к схватке как что-то непонятное, но наверняка не опасное. В конце концов, их корму прикрывает «Сан-Хуан», значит, за кормой не может быть никого чужого. Для них же, для «Сан-

Хуана», это окажется «свой на фоне чужого», значит, действовать придется с очень большой, почти невыносимой осторожностью. Риск попасть в «Александрию» прошедшей мимо русского торпедой будет в такой ситуации значительно отличаться от нулевого.

— Почему русский отстает?

Этот вопрос командер оставил без ответа, и он повис в воздухе, как невидимый сгусток дыма. Отсеки и боевые части один за другим докладывали о готовности, и в центральном посту «Сан-Хуана» далеко не один офицер мучительно размышлял о том, насколько быстрее изготовится к бою экипаж

вражеского «охотника» и не сделал ли он это уже пять, десять минут назад.

— Ход пол-узла тише. Лево пятнадцать. Держать глубину.

Кто-то машинально кивнул: маневр был почти классическим. Лодка проводила боевую операцию на значительных глубинах, и буксируемая за кормой тонколинейная антенна изгибалась, как хвост ядовитой змеи длиной в 5000 футов. Ее ориентация в трехмерном пространстве в значительной степени определяла эффективность гидроакустического комплекса в целом. Соответственно, потеря половины узла хода была

достаточной платой за ту фору, которую могла им дать ТВ-23/29, антенна, стоящая так много миллионов долларов, что это было даже удивительно.

— Исполнено.

Русский начал разворачиваться вправо — то ли почуял, пусть и неясно, что-то происходящее за собственной кормой, то ли в профилактических целях. Скорость он не увеличил. Что это означает, командер Мартин затруднился определить. Малая скорость резко уменьшала для «Саратова» риск быть обнаруженным и в некоторой степени улучшала приемные характеристики пассивных

компонентов его собственной гидроакустики. С другой стороны, он все больше и больше отставал от «Александрии», и невозможно было ответить точно, окупается ли для него увеличение дистанции этими плюсами. По непрерывно текущим через пространство центрального поста выкладкам, скорость русского была ненамного больше, чем 7 узлов. Этого должно было едва-едва хватать, чтобы удерживать буксируемую антенну «Саратова» от погружения под собственной тяжестью. Как вариант — антенна им за корму не выпущена. Или выпущена на часть длины, и русский командир полагается на

низкочастотную пассивную систему, антенна которой уложена вдоль корпуса лодки. Так дерутся рыбы, у которых по боку идет цепочка самых натуральных барометрических датчиков, позволяющих чувствовать присутствие своих и чужих в пространстве вокруг. Насколько было известно, буксируемые антенны всех типов лодок, состоящих на вооружении русского флота, были заметно толще (и, соответственно, тяжелее), чем американские аналоги. Это осложняло русским работу на относительно малых глубинах и на сверхмалых скоростях. Однако в данном случае ни та, ни другая проблема не была острой, и

коммандер уверенно принял для себя ее эффективность на настоящий момент приблизительно равной собственной. Он вообще не считал русского капитана 1-го ранга слабее себя, не считал его экипаж слабее экипажа «Сан-Хуана». Можно было надеяться, что даже сам по себе такой подход дает ему лишний шанс по сравнению с «Александрией». Шанс не упустить чужой финт, когда сложится ситуация «на краю»: выбирая, поверить в свою неуязвимость, или потратить лишние минуты для того, чтобы занять позицию, лишь на какой-то гран более выгодную.

— Увеличивает ход! Читаю

девять узлов... Десять. Так десять!

Коммандер держал паузу, щуря глаза. Быстро реагировать на каждое движение противника — это тоже штамп с киноэкрана. Позади вяло извивается антенна, любой резкий маневр заметно снизит ее эффективность. Пусть на какие-то минуты — но и этого может хватить, чтобы решить исход боя. Схватка современных субмарин — это действительно почти фехтование, здесь избитый штамп подходит превосходно. Но это фехтование ведется не на мушкетерских шпагах, а на эластичных рапирах многомильной длины. При этом число дуэлянтов может колебаться в

весьма широких пределах, но все они в любом случае набиваются в единственный бассейн с глицерином или чем-то другим таким же вязким. Весело, чего сказать...

— Второй контакт!

Голос лейтенанта уже не казался высоким. По правде говоря, на его тембр уже никто не обращал внимания. Если это второй «Оскар-П»... Если «Саратов» сидит и ждет их посредине полигона, а за кормой крадущейся к нему «Александрии» появляется второй... Кто это, «Воронеж»? Или нет?.. Или да?.. Подумайте, осознайте эти вводные, определяющие даже самые основные варианты развития ситуации. Ведь

все это ерунда, если смотреть фильм на белом экране, или играть в компьютерную игру, или двигать карточки по картонному игровому полю, как некоторые любят играть даже теперь, в ХХІ веке. Но все воспринимается совсем иначе, когда давлению за пределами прочного корпуса нужен всего один прокол диаметром с карандаш, чтобы убить десятки людей. Совсем иначе, можете поверить...

Никто даже не успел задать бессмысленный вопрос: лейтенант с облегчением выдохнул «контакт надводный». Минуты, потом другие. Коммандер Мартин отдал нужный приказ в нужное время, и они чуть

довернули за русским, уводя собственную прицельную линию дальше в сторону от по-прежнему ничего не замечающей «Александрии». И ставя «Оскар» между собой и русским сторожевиком, почти неслышимо крадущимся по поверхности. Бой в трехмерном пространстве, даже на этапе «выхода в позицию залпа», — это было бы потрясающе красиво, если бы нашлась возможность выразить происходящее хоть в какой-то форме, имеющей отношение к искусству. То, что лишь одна сторона принимала происходящее как бой, никакого значения не имело. Русский получил бы право на жалость к себе,

если бы сидел на своем полигоне, как барсук. Прикрываемый сторожевиками и уверенный в том, что его защищает если не статус территориальных вод, то формально «мирное время». Тогда да, тогда перед пуском торпед экипажу русского можно было бы достаточно искренне посочувствовать. Но русский неожиданно оказался боеготов, неожиданно оказался не хуже по крайней мере «Александрии» — не самого слабого экипажа в эскадре и в группе. Дай ему шанс, объяви ему, что началась война, — и он прикончит «Александрию», позовет на помощь «Буревестники» и мелочь наверху и

развернется на «Сан-Хуан» и остальных еще до того, как с береговых полос взлетят противолодочные «Маи», «Медведи-Ф» и последние старые «Барракуды»[\[22\]](#). Не без некоторых шансов сравнять итоговый счет. У «Саратова» шесть торпедных аппаратов: пусть теоретическая, но самым фактом своего существования эта возможность изменяла психологическую ситуацию радикально. Теперь в своей смерти русский будет виноват сам.

— Mk48 mod 5 в аппараты.

Установка взрывателя — контактный.

— Mk48 mod 5 в аппараты

номера с первого по четвертый,

установка взрывателя — контактный для всех, принято.

— Режим наведения активный.

— Решение подтверждаю...

— Режим активный, принято.

Несколько команд вполголоса, несколько индикаторных ламп меняют свой цвет. Время было, но опоздать с этим конкретным приказом командеру хотелось меньше всего. «Неизбежные на море случайности» — знаете такую формулировку?

— Время?

— 70 секунд.

В отношении надводных единиц Мартин презирал классификацию НАТО и в разговоре с собой всегда

называл русских так, как они сами звали себя. Не «Модернизированный „Кривак-I“», а «Буревестник»; не «Кривак-II», а «Буревестник-M». Почему в отношении индексов атомных и дизельных субмарин и самолетов ВВС своего флота никакой проблемы он не видел, было даже странно. Но не более того: по его глубокому убеждению, психоанализ был развлечением богатых бездельников.

— Открыть крышки торпедных аппаратов.

Номера он не назвал: это означало, что «товсь» дается на все четыре. Расчеты данных для залпа занимали достаточно длительное

время, но стрелять по способному выдать 33—35 узлов атомоходу «навскидку» означало не уважать своих налогоплательщиков. Это была та часть решения, которая легла на него: всем остальным сейчас было кому заняться.

— Время?

— 15.

Время не просто шло, оно прессовалось, как густеющее желе. Русский повернул еще чуть вправо — услышал ли он их? Интерпретировали почти бесшумные щелчки обрезиненных роликов как что-то, имеющее искусственное происхождение? Как что-то, несущее ему смерть? Хода он, во всяком

случае, не прибавил: командер сам следил за вспомогательным экраном, выдающим трансформированные в цифровую форму данные по нескольким параметрам для обоих контактов. У «Оскара-II» два реактора по 190 мегаватт каждый, но его водоизмещение превосходит линейные крейсера Первой мировой: за оставшиеся ему десятки секунд он не сумеет уйти.

— Ноль...

Снова пауза, все смотрят на него. Вот такие моменты остаются в людской памяти навечно. Можно догадаться, что описание происходящего в центральном посту «Сан-Хуана» в этот день будет

описано в десятках мемуаров — лет так через двадцать. И в каждом случае центром эпизода будет он, будущий кавалер «Военно-морского креста».

Коммандер Мартин поймал взгляд старшего помощника и даже успел улыбнуться. «Ноль» не означало «пли!», это была очередная отправная точка, соответствующая получению огневого решения. С «нуля» оно начинает непрерывно устаревать, но при этом продолжает поддерживаться и обновляться в почти полностью автоматическом режиме. Операторы будут парировать новыми вводными лишь самые значимые изменения параметров

цели, но это в любом случае будет гонка между непрерывным снижением ее «качества» и попытками его повысить еще больше, хотя бы на какие-то сотые. Идеальное качество цели — это стопроцентная гарантия попадания (не поражения!). В жизни такого не бывает, слишком много важных факторов влияют на этот показатель. И в любом случае качество цели — это не императив. Можно все поставить на то, чтобы попадание было достигнуто, но при этом противник получит собственное решение, и не сумеет ли он реализовать его быстрее? Вот об этом забывать нельзя никогда, и

именно поэтому поиск компромисса между своими собственными шансами и шансами врага — это верх искусства военного моряка. Такого искусства, аналога которому нет.

Коммандер Мартин продолжал щуриться, быстро пробегая глазами строчки на мерцающем экране. Остальные продолжали молчать: скороговорка занятых своим делом офицеров и старшин не в счет. Можно было догадаться, о чем думает каждый из них. Будет ли он связываться с «верхом», требовать еще одно подтверждение приказа, доведенного уже до всех. Ситуация там, на поверхности, могла измениться: президента сразил

провалившийся в трахею соленый кренделек, реанимировать его не удалось, и сменивший президента в соответствии с Конституцией вице-президент приказал... Нет, не отменять операцию, не мириться немедленно со всеми — еще чего, а сразу нанести удар по русским военно-морским базам, аэродромам, ракетным шахтам, центрам связи. Сократив подготовительный этап на целый раздел, касающийся непосредственно 12-й эскадры. Объединенный список приоритетных целей для первого удара был длинным, и строка «политические и административные лидеры» занимала в нем далеко не последнее

место: по этим будут бить не «Томагавками», понятное дело. Но командеру не было дела до всей сложности плана: он получил возможность исполнить один его конкретный пункт, подтолкнуть давно катящуюся вниз лавину событий новым фактором воздействия и не собирался эту возможность упускать. Роль 12-й эскадры подводных лодок специального назначения была определена четко: в обозначенный момент войти в такой-то квадрат моря, полагаемый русскими своими терводами и используемый как акустический полигон. Там обнаружить и уничтожить атомный

подводный ракетносец «Саратов»,
после чего отойти в другой квадрат.
Оружие по эскорту русского
ракетносеца применять
категорически воспрещается. В
другом квадрате быть тогда-то, после
обозначенного периода ожидания
приступить к выполнению второй
части боевой задачи, а именно... Все
это было расписано весьма
вразумительно и на редкость
конкретно, без обычных уклончивых
формулировок, позволяющих при
необходимости задним числом
свалить вину за любое чрезвычайное
происшествие на командира лодки. И
не содержало требований
запрашивать дополнительные

подтверждения приказам после
последнего сеанса связи.
Шифрованные цифровые пакеты
были получены поочередно
подвсплывшими и затем вновь
ушедшими в глубину «Сан-Хуаном» и
его сестрами почти 16 часов назад. С
этого момента они действовали уже
даже не «практически», а полностью
автономно. Четыре лодки эскадры
поддерживали связь между собой,
попарно, но более ни с кем. Пути
назад просто не существовало.
Наверху могла уже начаться война, и
теперь они подвергаются риску того,
что это не они будут топить русский
«Оскар», а русские коллективными
усилиями начнут топить их. Просто,

без лишнего, разумеется, теперь предупреждения обрушатся на них всей мощью остатков своей военной машины. Пусть ржавой, но от этого отнюдь не потерявшей возможность быть смертоносной для отдельных неудачников. Но этот риск окупался: скрытность в последние часы перед залпом по «Саратову» одного из «Лос-Анджелесов» была сочтена более важной, чем обусловленное автономностью повышение степени риска для них самих. Наверняка это решение было вынужденным, но данный конкретный пункт инструкции не допускал двоякого толкования: раз отданный и подтвержденный, приказ больше не

требовал дополнительных подтверждений. С того момента, когда лодки эскадры ушли с перископной глубины, «Саратов» был уже фактически мертв. Считалось, что варианты могут быть только в том, кто именно из командиров будет награжден за его уничтожение. Русские уже доказали, что они не правы. Это само по себе определяло то, что долго выжидать не надо, удар надо наносить сейчас.

Глаза синие, глаза серые, лица разных цветов: от бледной кожи ирландца до смуглости уроженца Филиппин. Коммандер знал каждого из них, в каждом был уверен. Чего ждать, зачем? Будет ли у «Сан-Хуана»

лучшая позиция через минуту, через две, через час? Может быть, да, а может быть, и нет. Но за эту минуту или за этот час командер Дойл может неожиданно обнаружить то обстоятельство, что пока «Александрия» крадется к полигону, «Сан-Хуан» и «Саратов» уже готовятся палить один в другого за ее кормой. За этот час русские могут обнаружить, что чужих атомных субмарин в их терводах не одна, а четыре, забросать сотню квадратных миль акустическими буями и методично выбить лодки комбинированными действиями авиации и надводных кораблей. Незачем добавлять, что

одновременно с этим они запустят свои ракеты по американским городам. Четыре «Лос-Анджелеса» в сотне миль от своих берегов, кружащие вокруг последнего их боеспособного «охотника», — эта информация будет интерпретирована совершенно однозначно. Тратить время на дипломатические ноты и «выражение решительного протеста» не станут в такой ситуации даже русские — их президент нажмет на кнопку, и мир кончится. Выходит, все зависит от него, командера Мартина. Судьба мира может решиться от того, промедлит он еще минуту в ожидании повышения качества цели или нет.

Это был уже профессиональный вопрос. Как только командер Мартин перестал думать о больших вопросах и занялся маленьким, ему сразу стало легче. Впрочем, все его размышления на самом деле длились буквально несколько секунд: умный человек (в прямом, избитом смысле этого слова) способен думать с потрясающей скоростью. Содержание за неполную секунду промелькнувших в его сознании мыслеобразов, от смазанных до отлично детализированных, писатель может потом размазать на половину романа. Качество цели было не идеальным, но вполне удовлетворительным, если

вспомнить о том самом балансе параметров, о котором уже говорилось. Русский был вне полигона, и это было даже хорошо: меньше эскорта, а значит, меньше риск быть сначала обнаруженным, а затем атакованным. В то, что один «Буревестник» сумеет их загнать, командер Мартин не верил. Дистанция до «Саратова» была чуточку великовата — он предпочел бы дать залп, подойдя еще хотя бы чуть-чуть ближе, хотя бы еще на пять сотен ярдов. Но в том ракурсе, который занимает сейчас русский, увеличение «Сан-Хуаном» хода может быть услышано. Если позволить себе чуть иронии —

последствия этого, при всем их разнообразии, качество цели в ближайшие минуты не увеличат точно. Значит...

— Готовность?

— Утвердительно.

— Решение?

— Утвердительно.

«Ждать дальше нечего, — сказал он про себя еще раз. — Пора».

— Экзек, — это командер Мартин произнес уже вслух. — Контакт-1 приказываю уничтожить. Авторизация...

Тело делало все само, и командеру вполне хватило неиспользуемых ресурсов сознания на то, чтобы в очередной раз оценить

точность сложившихся за сотню лет формулировок. Отданный в Вашингтоне приказ атаковать получал командир боевого корабля. Приказ уничтожить конкретную цель получал от него уже старший офицер.

Код был прочитан и сверен: это тоже была формальность, которую в острой ситуации также можно было обойти. В конце концов, они не запускали ядерные ракеты.

— Аппараты № 1 и № 2, интервал 4 секунды. Перерасчет огневого решения. Аппарат № 3.

— Номера первый и второй, интервал 4 секунды, после перерасчет, после номер третий,

принято.

— Так принято.

Пальцы старшины 1-й статьи мелькали над мягкими клавишами устройства ввода, как маховые перья на крыльях двух щебечущих птиц. Микродинамик едва слышно сдвоенно пискнул, Этот звук был здесь своим, офицеры и старшины в центральном посту «Сан-Хуана» приветствовали его горячими вспышками в подреберьях: получив сигнал «к бою», спланхи вытолкнули из себя в сосуды густую, темную кровь.

— Минус 6.

— Решение подтверждаю.

Голос командера был почти не

слышен среди тихих щелчков и бубнящей скороговорки нескольких голосов: тexasский акцент, акцент африканца, неистребимый акцент Новой Англии.

— Минус 3... Минус 2... Минус 1... Ноль.

Снова секундная пауза, пальцы на ребре стола побелели от напряжения.

— Аппарат № 1 — пли!

— Первая...

— Двадцать один... Двадцать два... Двадцать три...

Кто-то считал секунды вслух: абсолютно бесполезное занятие, но хоть как-то переключающее сознание. Так парашютистов перед

боевой выброской учат дико орать
«Джеронимо!»

— Аппарат № 2 — пли!

— Вторая...

Все это звучало скучно, буднично. «В кино, опять же, все гораздо интереснее». Мысль пришла и исчезла, командер Мартин с каким-то неожиданно отстраненным чувством осознал, что до конца так и не верит в происходящее.

Вопль старшего оператора сонара — его высокий голос снова режет уши. Их залп не мог не быть услышан, и его слышали. Через экран рванули строчки — параметры целей менялись все разом: для «Оскара», для одиночного

сторожевика на поверхности, для «Александрии».

— Сбой! Сбой перерасчета!

Надо было отдать лейтенант-коммандеру должное: рефлексy у него оказались отточены идеально. Бурьянек не потерял ни секунды. Его слова были больше похожи на лай, чем на человеческую речь, но вводные были безошибочными: потерянное время было сведено к минимуму. И все эти секунды разогнавшиеся до 60 узлов девятнадцатифутовые стальные сигары мчались вперед через черноту ледяной воды, пробивая ее пингами действующих в активном режиме систем наведения. Русский выдал

полные 20 узлов, когда они покрыли максимум треть разделяющего их расстояния, — наверняка оба его реактора были брошены в экстренный режим. «Оскар» рванул вправо, закладывая широкий восходящий вираж, взбивая слой воды за кормой в невесомую пляску кипящих пузырьков. Уйти от торпед невозможно, уклониться — другое дело: разворот на большой скорости давал русскому шанс резко изменить «ракурс», то есть значение углов встречи с острыми до выраженно-тупых. Так действуют истребители в воздушном бою. Через какие-то секунды он сбросил за корму акустическую ловушку — еще одно

неопровержимое доказательство того, что к бою русский был готов. Другое дело — не к тому, что за его кормой окажется не замеченный им второй «Лос-Анджелес». Который начнет стрелять без предупреждений.

Визг газовых турбин, гонящих торпеды вперед, был невыносим для уха: только компьютер мог транслировать изменение амплитуды их «звуковой росписи» в сотни ярдов. Через долгие секунды к парному росчерку двух рвущихся к цели Mk 48 mod 5 все же присоединился визг винтов третьей, вышедшей из аппарата № 4, из которого экзек вообще не собирался сначала

стрелять. Эта пошла вперед, разматывая за собой тончайший многожильный кабель, как пуповина связывающий ее с лежащими на джойстике руками оператора. Ведущий ее оператор был в другом отсеке, но командер прекрасно представлял, что именно сейчас он делает и как выглядит его лицо. Скорость этой торпеды была ниже, чем у первых двух, но все равно: даже натренированный на сотнях и тысячах симуляций и десятках учебно-боевых залпов кадровый офицер едва успевал парировать толчками мелких мышц кисти ее рысканье. Каждый раз неожиданное, обусловленное непредсказуемыми

флюктуациями в солености и температуре морской воды. Ее слои и «линзы» визжащая истекающим из сопел газом торпеда проскакивала за доли секунды, все это не могло значить для ее более чем полутонной туши ничего. Но все равно эти и другие факторы раз за разом уводили пиктограммку подводной цели из символического, не значащего на самом деле ничего визира на блеклом дисплее, крупном, пишущем одновременно 14 параметров, моделирующем позицию цели по отношению к торпеде, но всеми дорогими электронными мозгами системы не гарантирующем ничего. Они действительно могли

промахнуться: всеми тремя торпедами по очереди. Выбери Бурьянек пассивный режим наведения, одобри Мартин его решение — и ловушка в расплывающемся хвосте взбитой пены за кормой пытающегося выжить «Саратова» могла принять на себя обе первые торпеды. С отстающей же третьей «один на один» русский мог и побороться: ее скоростные и маневренные характеристики указывали на телеуправление, и если бы капитан 1-го ранга успел понять это вовремя, то мог бы за несколько энергичных бросков сорвать захват. За этим последовали бы попытка повторить

атаку на телеуправлении либо переключение на самонаведение — но их адекватность на этом этапе была бы неизбежно снижена. Если бы они ошиблись в выборе, если бы были хуже подготовлены — так могло бы случиться. Но не случилось.

Русский активно маневрировал, разгоняясь все сильнее и сильнее: на глазах склонившихся над панелью тактической обстановки офицеров «Сан-Хуана» показатель скорости его хода перевалил за отметку «30 узлов». Но на дистанциях до 42 500 ярдов водометный двигатель Mk 48 давал ей все 60, позволяя торпедам нагонять цель с каждой секундой.

Пинги двух торпед «подсвечивали» корпус русского ярче, чем светится падающее с нью-йоркского небоскреба зеркальное яблоко в новогоднюю ночь. Командир «Оскара-II» все делал абсолютно правильно, но у него просто было слишком мало шансов в сложившейся ситуации. То, что его очередной энергичный доворот вывел «Саратов» на встречно-пересекающиеся курсы рвущейся к его корпусу смерти, уже не успело сыграть свою роль. Сонар еще успел принять характерную, жуткую «ропись» открытия крышек его 533-мм торпедных аппаратов, — но это было все. Даже если русский во всем

этом кошмаре успел получить огневое решение, дать залп он уже не сумел. Через дисплей главного гидроакустического комплекса прошел сметающий символы шквал. Человеческий вой в центральном посту рванулся вверх и в стороны, как перевернутая лавина.

— Достоверная детонация...

Слова были бессмысленными, глупыми, — никому они не были уже нужны. Неполные пять секунд — торпеды наводились и маневрировали независимо, и одна явно потеряла сотни ярдов на каком-то из отворотов. Второй шквал знаков, расцвеченных в удивительно, невиданно яркие псевдоцвета,

обозначающие полное насыщение условной шкалы интенсивности звукового сигнала. Куда они попали? Лейтенант мельком отмечает, что не уверен в том, были ли подрывы контактными или все же бесконтактными: что-то в безумной мешанине завитков заставляет его сомневаться, хотя и не слишком сильно. Что это может означать, понять пока сложно. Да, попали. А вот куда, как? Ответить на два этих вопроса оказалось принципиально невозможным, но две детонации есть две детонации, произойди они хоть на обрезиненном борту русского ракетоносца, хоть в десятке ярдов от него. Боеголовка каждой торпеды

содержала 650 фунтов сильнейшего взрывчатого вещества, этого хватило бы, чтобы проломить пояс броненосца. В мае 1982 г. британец Рефорд-Браун потопил аргентинский крейсер «Генерал Бельграно» двумя Mk 8 mod 4, в каждой из которых было 466 фунтов тротила, третья прошла мимо. Прошла мимо и их собственная третья, и причины этого так и не были потом установлены с удовлетворительной степенью достоверности. Акустические вспышки перенасытили, перегрузили пиковыми значениями тщательно откалиброванную систему наведения, «проваливающийся» вниз русский был практически

замаскирован сложным движением слоев воды — бог его знает. Два попадания вовсе не гарантировали уничтожение современной атомной субмарины, характеристики корпуса которой позволяли ей погрузиться почти на 500 метров, но шансы на это были весьма велики. Ну что, все? 120 или 130 человек, мгновенно убитых детонациями у борта, замурованных в сжимаемых нарастающим давлением отсеках, потом, после долгой паузы, в которую вмещается только собственное хриплое дыхание, — все нарастающие по громкости щелчки, и...

Коммандер Мартин отвернулся

от тактического дисплея, от счастливых лиц офицеров и старшин, с которых белозубые улыбки так и не смогли стереть напряжение и пережитый страх. Старший оператор сонара, то и дело глотая окончания слов, скороговоркой комментировал происходящее: русский валился вниз — он явственно читал асимметричные, неравномерные щелчки обжима прочного корпуса. В разбитые отсеки «Оскара» рвалась вода, оба реактора молчали, но русский фонил массой «вспомогательных», смешанных шумов. Десятки порванных трубопроводов в его корпусе свистели, выли, били во все стороны

паром, фреоном, радиоактивной водой под давлением. Стальные конструкции, детали набора корпуса и судовых механизмов хрипели и стонали, изгибаясь под действием сил, не предусмотренных никакими нормативами прочности. Крики людей не были слышны. Они подразумевались. Коммандер не хотел об этом думать... Это была просто работа. Сложная, опасная, но нацеленная на благо страны и человечества. Только так. Никто еще не придумал способа топить современные атомные субмарины-«охотники» так, чтобы никто не пострадал.

Старшина, еще один из

операторов гидроакустического комплекса, подчиненный того же лейтенанта, сумел подать сигнал на динамик. Невнятное шипение, треск, гул. В этом режиме система не способна была фильтровать фон моря, и сами по себе шумы не говорили и не значили почти ничего. Но потом был далекий, заглушенный и смазанный дистанцией грохот: русский ударился о дно. Шорохи, снова трески и почти рычание мнущейся стали и крошащегося щебня — корпус «Саратова» подминал под себя то, что послала ему судьба в качестве последнего ложа. Еще шорохи, и еще какие-то звуки, совсем уже не пригодные для

интерпретации. *Finis.*

В Баренцевом море глубины очень разные. Средняя — около 110 фатомов, но есть обширные участки с глубинами до 160–220, а местами и до 320–330. «Курск» затонул на 60 фатомов, и русские не сумели спасти из состава его экипажа ни единого человека. В мирное время, с помощью всей своей техники и сначала консультаций, а затем и технической поддержки скандинавов, — не сумели. Вышедший из границ своего полигона «Саратов» лег на дно приблизительно на 90–95 фатомов. Жив ли еще хоть один человек из его экипажа, дравшегося до конца? Жив

ли его командир, капитан 1-го ранга, фотография из личного дела которого третью неделю висела у командера Мартина в каюте: первое, что появлялось у него перед глазами, когда он просыпался. Жив ли он? И если умер, то как: убитый детонацией, проколотый куском металла, рванувшимся через отсек? Водой, хлынувшей в пробитую в прочном корпусе дыру под таким напором, что даже сама ее струя убивала не хуже стали? Об этом не хотелось думать, но он просто не мог переключиться, даже кивая поздравлениям, даже изо всех сил пытаясь вслушаться в возгласы вокруг, осознавая веселые дружеские

толчки в плечи, в широкую спину.

Потом командер вспомнил о сторожевике наверху и, будто очнувшись, спокойно и счастливо улыбнулся, вновь поднимая взгляд на приветствующих его товарищей по оружию. Если отсчитывать время и с этой точки тоже, у русских оставалось около четырех суток. Ни он, ни кто другой не будет мешать им спасти тех членов экипажа их «охотника», которые еще могут быть живы. Это, наконец, позволило ему почувствовать себя хорошо.

Четверг, 14 марта

*Американский народ
никогда не простит
советские акты агрессии —
начиная с того, когда в
1960 году они сбили Гарри
Пауэрса в его шпионском
самолете У-2.*

*Ш. Сонтаг,
К. Дрю, А. Л. Дрю,
«Блеф слепого
человека», 1998 г.*

*Россия более не
может считаться
демократической страной*

*по большинству
параметров.*

*Доклад
американской
правительственной
организации
«Freedom House»,
сентябрь 2007 г.*

В наши дни новости распространяются быстро. Первые смутные разговоры начались еще в середине дня. Где-то к трем часам по московскому времени в сотнях офисов начали крутить ручки настройки радиоприемников, разыскивая новостные передачи. К

четырем людьми начали
останавливаться у работающих
телевизоров — у стойки дежурного
охранника, у вахтерской будки с
ключами, в кабинетах
учрежденческих «служб связи». К
половине пятого некоторые начали
отпрашиваться с работы, чтобы
смотреть телевизоры дома. Эта
конкретная группа состояла из
людей очень разного сорта, но их
отличало одно — блестящие глаза.
Они желали видеть.

Дикторы произносили слова,
называли имена, что-то разъясняли
фоном к примитивной, на скорую
руку сделанной анимации. Но на
всех каналах было примерно то же

самое: карты русского Севера, мрачные офицеры в черном или жизнерадостные дикторы в серых костюмах, короткие видеоролики. «Саратов», «Саратов», «Саратов»...

— Заявление пресс-службы командования Северного флота о том, что в районе полигона было последовательно обнаружено сразу три субмарины неизвестной государственной принадлежности, было с высокой степенью озабоченности воспринято членами Государственной Думы, собравшимися на внеочередное заседание... Как уже отмечалось ранее, это заявление было выдержано в тоне, который

председатель демократической партии «Яблоко» уже назвал в своем комментарии корреспонденту нашего канала «недопустимым». По его словам, никакие отговорки не позволят военным переложить с себя ответственность за гибель подводной лодки и экипажа. В комментарии также говорилось, что «в глазах общественности ссылка моряков на какие-то мифические чужие субмарины выглядит в этих обстоятельствах просто бессовестной и циничной»...

На другом канале шла реклама: шикарная женщина размахивала свежесмытыми волосами так, что «наночастицы бриллиантов»

вспыхивали в них тысячами ярких огоньков. Однако потом нежный голос заканчивал рассказывать о шампуне, и интерес многих зрителей пропадал, — после паузы снова начиналось занудное: «115 человек», «В территориальных водах Российской Федерации», «По словам капитана 1-го ранга, фамилия которого не сообщается...», «Саратов», «Саратов», «„Курск“ в 2000 году», «Подводная лодка „Комсомолец“ в Норвежском море...» И снова: «Саратов», «Саратов»...

Комментарии были разными. Отличился ведущий программы «Времечко» — весьма умный

вообще-то человек, скрывающий на редкость хорошую наблюдательность и острый аналитический ум под антуражем скучающего флегматика. Он отметил, что «тон комментариев идет почти по правильной синусоиде», и это запомнилось многим. Действительно, это было похоже на правду. В определенные часы три четверти «политического» экранного времени (то есть посвященного именно разговорам о происходящем в стране и мире, а не рекламе, комедийным или драматическим телесериалам и шоу разного типа) по отечественным телеканалам в целом вдруг сливались в пользу военных и «ура-патриотов».

Тогда можно было видеть, как дергающий щекой капитан 3-го ранга тычет тупым концом карандаша в карту и что-то говорит и говорит о чужих подлодках в нашем, русском море, в какой-то неполной сотне миль от города с 300-тысячным населением. Глупо это выглядело — камера качалась, и то, что в нее то и дело летели брызги, красоты и мужественности низкорослому капитану не добавляло.

— Полученные нами акустические характеристики контакта № 2 абсолютно точно соответствуют известным акустическим характеристикам атомной субмарины типа «Лос-

Анджелес», точнее, «Улучшенный 688». Этот контакт наблюдался в течение 22 минут. На 19-й минуте наблюдения контакта № 2 было установлено присутствие в районе еще одной подводной лодки, контакта № 3. Наблюдение за ней...

— То есть вы хотите сказать...

Вопрос корреспондента сбил капитана 3-го ранга с его монолога, и тот зашевелил губами, пытаясь вернуть себе нить мысли. Выглядел он, как полный идиот; очень немалая доля телезрителей, и особенно женщин, в этот момент испытала настоящую брезгливость: холеным героям телесериалов, выглядящих мужественно даже под слоем крови в

палец толщиной, этот офицерик уступал на все сто.

— Я хочу сказать, что мы последовательно вели три чужих подводных лодки в юго-восточной части Баренцева моря. Две из трех были достоверно опознаны как тип «Лос-Анджелес»...

— «Достоверно», надо же! — фыркала телезрительница, всего минуту назад напряженно вслушивающаяся в происходящее на экране. Сыну было уже 16 лет, и отпускать его в эти гнусные, не нужные никому «вооруженные силы», где детей убивают, она не собиралась. Мысль, что ее мальчика могут погубить такие люди, как этот

косноязычный, неспособный даже просто громко говорить что-то заученное тип с серым лицом, была непереносимой.

— Два из трех контактов, а именно контакты № 2 и № 3, были также обнаружены другим малым противолодочным кораблем бригады и велись в период...

— Каким именно кораблем? — снова перебил офицера корреспондент.

— Извините, я не буду отвечать на этот вопрос...

На этих словах почти четверть зрителей переключили канал. Но осцилляция была на своем «военном» пике, и на другом, на

других, оказывалось почти то же самое. Карта Баренцева моря, пухлые руки мордатого вице-адмирала с несвежим лицом, какие-то бессмысленные попытки убедить людей в том, что в гибели очередной российской субмарины с 115 моряками на борту опять виноват кто-то другой.

В отношении кого-то все это срабатывало. За последние 10–15 лет в России появилась довольно заметная прослойка людей, которая с выраженным энтузиазмом поддерживает любую идею о том, что в той или иной проблеме виноваты не они сами, не соотечественники в целом, а

американцы. Часть — это существовавшие всегда типажи: именно такие люди в течение многих веков подряд обвиняли в эпидемиях чумы и засухах евреев и затем радостно участвовали в погромах. Представители другой группы просто подсознательно слишком любят все «конспирологическое»: тиражи газет, вещающих о «летающих тарелках над Выборгом», «Большой Крысе московского метрополитена» и «Заворотнюк опять увеличила грудь!», рассчитаны именно на них. И если клиентура «потомственных колдуний» и «народных ведунов» все же несколько сократилась, то людей, уверенных в том, что пройтись

грязными сапогами по Красной площади есть мечта любого американца, стало за последние годы заметно больше. В смутные времена всегда много людей со сниженным уровнем адекватности. А в России, с характерной для нее пещерной ксенофобией, это вообще неудивительно. По крайней мере, так считалось.

Президентские выборы, новогодние праздники и крупные чемпионаты были позади, поэтому сетка вещания была почти свободна. Для того чтобы военные и «пропутинские» комментаторы с озабоченными лицами на большинстве телеэкранов сменились

на подвывающих апологетов демократии и прав человека, хватало неполного часа. «Возмутительная безответственность», «Так называемая „реформа армии“, выражающаяся исключительно в увеличении числа генеральских должностей», «невероятная по своему цинизму попытка взвалить ответственность за очередную трагедию на какого-то зарубежного дядю» — эти и другие заявления сыпались как из рога изобилия. Страшная гибель 115 моряков, входящих в состав экипажа «Саратова», была к этому времени подтверждена штабом Северного флота. Это служило не просто

весомым свидетельством в пользу всего сказанного. Это являлось фактором, который было не просто очень сложно — невозможно перевесить.

— У меня создается такое ощущение, что нас с вами принимают за полностью... неумных людей, скажем так. За идиотов, — если прямо. И в любом случае — за людей, которым можно скормить любую утку. Любую!

Совесть русского народа, скалящуюся с экрана в лица людей, явно трясло. То, как она стучит ногами под столом студии, ни слышно, ни видно не было, — но, глядя на ее лицо, это

подразумевалось. Монолог великой правозащитницы длился уже минут десять — ведущему пока не удалось вставить в него ни слова.

— То, почему нам сначала начали рассказывать о «неопознанных» подводных лодках, мне, например, совершенно ясно! Нам об этом рассказывали, и когда погибла подлодка «Курск», — хотя всем прекрасно известно, отчего она погибла на самом деле! Но потом они перестают быть «неопознанными», и вообще вдруг объявляется, что там были якобы американцы! И это якобы неопровержимо! Но кто это нам доказывает? Те самые люди, которые

врали нам, что с экипажем «Курска» поддерживают связь, что уцелевших вот-вот спасут? Те же, другие уже? Для нас на самом деле это не имеет никакого значения: они в любом случае не имеют никакого, ни малейшего права нам что-то объяснять и доказывать. Они должны немедленно, тут же подать в отставку, застрелиться в идеале, так я считаю! Погибло 115 человек: кто за это отвечает? Мифические американцы? О да, конечно, это бы наших адмиралов устроило! Это устроило бы президента, фактически укравшего этот пост у народа и с тех пор его занимающего с беззастенчивостью...

Она укусила себя за трясущуюся губу, подбирая слово. Судя по всему, тысячи людей, наблюдающие «прямой эфир», застыли в этот момент в ожидании.

— С беззастенчивостью, вообще присущей выходцам из кормушек КГБ! И премьера это тоже бы устроило. Но его устроит вообще любое развитие ситуации: я не удивлюсь, если потом выяснится, что все это с самого начала и было спланировано как одна большая провокация. Но ведь всем же ясно, что произошло на самом деле! Всем, даже самым тупым!!!

Последние слова были произнесены Валерией Ильиничной

с настоящим надрывом, с болью в голосе. Она не собиралась играть голосовыми связками и лицом: она действительно говорила именно то, что думает, и это ощущалось отлично.

— Давно пора признать, что Россия потеряла право владеть сложной, смертоносной техникой. Ну не дают дикарю в руки атомную бомбу! Не дают! Дубины ему для обороны вполне достаточно — и пусть ее носит, если она так утверждает его мужское достоинство! Но этот дикарь не может плавать на подводной лодке, на которой стоит атомный реактор, которая несет атомные ракеты,

атомные торпеды и бог знает что еще страшное! Пьяный матрос нажимает не ту кнопку, и все — половина Европы проваливается сквозь землю! Прямо вниз проваливается, представьте себе!.. И хорошо еще, что этого не случилось, что все закончилось достаточно небольшим количеством жертв!

— Вы хотите сказать, что то, что «Саратов» погиб — это хорошо?

Это были первые слова, которые ведущий сумел произнести после вводных фраз в начале передачи. Правозащитницу они подбросили как электрический разряд.

— Я скорблю о каждом о них! Я плачу о каждом вместе с их

матерями! Но при этом я должна, вынуждена сказать: да, то, что «Саратова» не стало, — это хорошо! Это хорошо для всех нас! Это пусть немного, но уже уменьшило угрозу миру. Ту угрозу, которую каждый день несут в себе наши ржавые, текущие по швам подводные лодки, которые горе-адмиралы буквально силой выпихивают в море, чтобы...

— Уважаемые телезрители...

Камера отодвинула экзальтированное жабье лицо на периферию картинки. Ведущий передачу журналист на мгновение закрыл глаза; стало видно, как на его скулах набухли два тугих желвака.

— Мы с вами выслушали

мнение нашей гостыи. Я не... я полагаю...

Жаба в человеческом обличье продолжала декламировать, но ее было плохо слышно.

— Знаете, — сказал ведущий после паузы, — сейчас я сделаю что-то такое, что пойдет вразрез с принципами толерантности, свободы слова...

В углу экрана Новодворская перешла на крик, но он шел как-то фоном, не мешая слышать тихие, почти шипящие слова журналиста. Как-то это просто было сделано, за секунду: понимающие в звукооператорской работе люди наверняка знают как, но все

остальные видят только результат.

— Я считаю, что на этом наша передача должна быть окончена. Я не знаю, что... Я ее просто останавливаю. Что? Да, время осталось. Я объявляю минуту молчания в память о погибших на борту «Саратова» моряках...

Журналист начал срывать с себя микрофон, и в последнюю секунду перед тем, как на экране появилась «слепая» заставка, миллионы оцепеневших перед экранами людей слышали его шипящий, напряженный голос, перебивающий приглушенные крики правозащитницы в метре справа:

— И ты тоже замолчи...

Двухминутный ролик конца оборванной передачи был выложен в Сеть через полтора часа после ее окончания. На нем было явственно слышно, что замкнувшая «злободневный политический комментарий» фраза мгновенно ставшего известным журналиста звучала как «И ты тоже замолчи, сука». Однако тембр искаженного голоса менялся на последнем слове довольно заметно, и концу второго часа обсуждения (с общим числом комментариев перевалившим за полтысячи) большинство его участников согласились с тем, что

это фальшивка. Судя по всему, кто-то просто врезал в оригинальную запись более-менее напрашивающееся слово.

Ролик мелькнул на «Ю-Тьюбе», но ни здесь, ни в нескольких других международных системах распространения видеофайлов он не привлек сколько-нибудь значительного внимания посетителей. Прежде всего никого, разумеется, не волновало, обозвали на самом деле жуткую тетку сукой в прямом эфире или нет. Из России сейчас шли десятки неоткомментированных, не переведенных на английский язык роликов, сотни новостных абзацев.

Исходящие из русских доменов блоги нескольких популярных систем и отдельные персональные сетевые страницы качали во всемирную Сеть тысячи и тысячи слов. Разнящиеся как в деталях, так и в принципе, они показывали главное: восприятие произошедшего в самой России и на территории бывшего Советского Союза было весьма неоднозначным.

В Европе, в мире все было ясным. Утонула еще одна русская подводная лодка. Просто еще одна. Атомная, что было опасным. Способная нести атомное оружие и скорее всего его несшая, что было опасным чрезвычайно. Первые упоминания о том, что затонувшая

русская подлодка может стать источником атомных боеголовок для террористов любого рода, были «выражением частного мнения». Конечно. Но довольно скоро появилось и первое официальное заявление, коснувшееся этой конкретной темы. Оно исходило из британского кабинета и чуть позже было поддержано несколькими другими. Уже не просто «выражающими озабоченность относительно дальнейшей судьбы расщепляющихся материалов, находящихся на борту затонувшей в Баренцевом море подводной лодки», а требующих от России «незамедлительно пресечь порочную

практику». Практику, раз за разом наиболее трагичным, разумеется, для них самих образом компрометирующую сложившуюся систему контроля за нераспространением ядерного оружия и радиоактивных материалов в целом. На этом фоне несколько продемонстрированных Си-эн-эн и Евровидением «блиц-опросов» тех же частных мнений обывателей западных стран в отношении горячей новости выглядели просто глупо. Возможно, что бессмысленные замечания каких-то случайных прохожих о том, что русским нужно запретить иметь подводные лодки, пришлось бы к месту в другом

случае: таковых за последний день было много. Но здесь они были поданы фоном к новостям, имевшим скорее трагически-сочувствующий, чем обличающий тон, и оказались «не в лад». Впрочем, эту ошибку редакции не повторили. Во всех последующих видеоэпизодах результаты опросов населения цивилизованных стран о той реакции их правительств на произошедшее, которую они одобрили бы, выдавались уже в обезличенном виде. Как доли процента в столбике «полагаю необходимым предпринять еще более решительные меры» или просевшем «считаю возможным ограничиться политическими

заявлениями и/или экономическими санкциями», как пикселы в соответствующем ломте секторной диаграммы. Проекция же русского общественного мнения оказывалась весьма смазанной, и это само по себе явилось фактором, подогревающим стремление в жизни не державших в руках оружия и страдающих избыточной массой тела «ястребов на выходные» требовать от своих правительств принятия жестких мер. Все знали, что русские ни в грош не ставят мировую экологию, мировую безопасность, что их подводные лодки и ядерные ракеты — прямой вызов для хрупкого мира на тонком слое поверх земной коры.

Случившееся было бы просто «еще раз», не продемонстрируй десятки аналитических программ то, что весьма заметная доля русских посмела обвинить в произошедшем не себя, а кого-то другого. Этого им прощать не собирались.

К 9 часам пополудни по «восточному стандартному времени», используемому сеткой вещания Си-эн-эн, в эфире впервые прозвучала вводная нового типа. Или та же, но на новом уровне. Это было облеченное в приличествующие случаю выражения заявление известного политического прогнозиста. Оно, в частности, содержало слова о том, что

правительства США и Великобритании могли бы проявить и большее внимание к мнению своих избирателей. Формулировки звучали довольно обтекаемо, и не каждый зритель понял на первой же минуте комментария, а что же, собственно, имеется в виду.

— Мы живем в государстве, являющемся признанным примером строгого следования демократическим принципам. Нет большей свободы, чем свобода выражения своих мыслей. За четкое понимание этого простейшего, но такого важного факта была заплачена высокая цена. Мы платим эту цену до сих пор, и мы готовы платить ее и

далее — именно это отличает нас от других. И менять это бесценное моральное отличие на сиюминутное удобство, на выгоду сегодняшнего дня — это недопустимо.

Политический прогнозист был седым, благородным человеком. Говоря, он кивал через каждые несколько слогов, и в унисон ему начала кивать ведущая передачу журналистка: немолодая, но на редкость красивая, чернокожая, с тем оттенком желтизны, который встречается у жителей Полинезии.

— Я позволю себе процитировать слова человека, разумность которого стало хорошим тоном ставить под сомнение.

Ведущие себя таким образом люди полагают, что это делает их едва ли не аристократами. Однако послушайте и постарайтесь понять, что именно я имею в виду, приводя эту цитату: «Американцы желают мира во всем мире. Мы мирная нация. Война — это самый крайний ответ на угрозу. Однако временный мир как результат отрицания угрозы, игнорирования ее может быть только прелюдией к более широкомасштабной войне, к большому ужасу. Америка встретит надвигающуюся угрозу рано — еще до того, как доступные нам формы ответа станут ограниченными и отчаянными. Демонстрируя нашу

уверенность сегодня, мы строим мирное будущее».

— Да?

Это короткое вводное слово заставило прогнозиста улыбнуться.

— Да. Кто-то вспомнил, кто-то наверняка догадался: стиль этого высказывания вполне узнаваем. Это слова, которые президент Джордж Буш произнес в своем обращении к народу 7 декабря 2002 года. Простые слова, правда? Если бы я искал дешевой популярности, я бы над ними посмеялся. Я знаю, кто-то смеется и сейчас. Но мне не смешно — и не потому, что я большой поклонник интеллектуальных достижений нашего бывшего

президента. Наоборот, я был весьма последователен в его критике. Не станет исключением и этот раз, но давайте признаем: процитированные мной слова шли от чистого сердца. Они являются проявлением убежденности не самого плохого человека из всех нас. Не самого большого циника, — вот под этим я готов подписаться хоть сейчас.

Он немного помолчал. Журналистка в этот раз рот не раскрыла, только продолжала наклонять голову, как фарфоровый болванчик.

— Уже несколько лет назад президент полагал, что верность принципам важнее, чем

сиюминутный комфорт. Однако у меня создалось впечатление, что с тех пор его позиция и позиция президента, сменившего его на этом посту, несколько поколебалась. Мы живем в интересное время. Время, в которое переоценка ценностей приобретает размах поистине глобального характера. Президент встретился с Владимиром Путиным — и вся его риторика о нерушимости нашего курса на поддержку демократических преобразований в России вдруг угасла. Он встретился с ним второй раз — помните те дни? — и вдруг выяснилось, что преследование политического инакомыслия и убийства

прогрессивных лидеров в России имеют гораздо меньшее значение, чем услуги, которые русские готовы нам предоставить в обмен на наше молчание. Совместная борьба с терроризмом — или просто разговоры об этой борьбе. Ведение совместных научных и культурных программ, снижающих напряженность в пульсирующих уже сотню лет «горячих точках» планеты. То, что эти культурные программы, как выясняется, служат лишь прикрытием для массовой атаки на нашу экономику: пусть и в формате почти легитимного в наши дни промышленного шпионажа... Это выясняется позже. Много позже,

когда все уже привыкают к сложившемуся состоянию дел. И так происходит раз за разом... А ведь если подойти к происходящему критично, если посмотреть на отдельные эпизоды со стороны, то становится просто непонятно: почему президент столь некритичен? Что знает он, что убеждает его быть некритичным?

— Вы имеете в виду то, что произошло вчера?

— Именно это, Шерил, именно. Давайте вспомним: с момента начала атомной эры во всем мире погибло девять атомных субмарин. Да, труд подводников не просто опасен, он полон риска даже в мирное время:

доказательством тому являются гибель «Трешера» в 1963 и «Скорпиона» в 1968 годах. Но русские за это время потеряли К-8, К-219, К-429, К-278 «Комсомолец», К-141, известную как «Курск». И, наконец, вчерашняя потеря, которая у всех на слуху. Причем заметьте, я даже не говорю здесь о случаях гибели подводных лодок от понятных, логичных причин: как принято говорить, «неизбежных на море случайностей», — именно так погибла атомная К-56 русского Тихоокеанского флота. Море есть море! Но шесть остальных... Можно заключить вслед едва ли не за самим Наполеоном Бонапартом: да, русские

не морская нация, а континентальная. Но этого недостаточно, чтобы объяснить произошедшее. И совершенно недостаточно, чтобы это оправдать. Если нация не способна контролировать себя, значит, она должна быть поставлена под контроль внешней силой. Силой убеждения — если ее возглавляют достаточно адекватные люди. Любой другой силой — если неадекватные. То, что русские продолжают цепляться за давно угасшую иллюзию, за внешние формы давно снятого с них статуса сверхдержавы...

— Я перебыю вас, простите,

Джералд, — подалась вперед ведущая. — Вы сказали «снятого с них». Снятого, простите, кем?

— Да это же ясно! Так ясно!

Прогнозист откинулся в удобном кресле и развел руками. Его благородное лицо уже не казалось живой рекламой «Клуба 110», объединяющего людей с интеллектом заметно выше средненационального. Теперь оно стало одухотворенно-жестоким, как у рыцаря-крестоносца.

— Они сами сняли с себя право называться сверхдержавой. Их победили не мы, как бы ни льстило нам устоявшееся уже словосочетание «Победа в холодной войне». Они

победили сами себя, и победили безоговорочно. Фактически Советский Союз сам себя разгромил. Россия объявила себя его наследником, но она не справилась с этой ролью. Знаете, как говорят в таких случаях в футболе? «Вон с площадки!»

— Вы считаете, надеяться на то, что русские откажутся от оставшихся у них подводных лодок, — это подход реалиста?

— Нет. Это был бы подход идиота. Идеалиста, если вам больше нравится это слово. «Надеяться на что-то» — это удел именно идеалистов.

— А вы реалист.

— А я реалист. И поэтому считаю, что та синяя полоска, которая лезет вверх в правом углу установленного в этой студии монитора — это недвусмысленный сигнал наших граждан президенту: надо перестать «испытывать надежду» или «испытывать стремление» сделать мир лучше. Безопаснее. Сделать его более предсказуемым. Надо, наконец, делать дело. Не просить, не уговаривать, не надеяться на перемены к лучшему. Делать. Иначе мы рискуем увидеть завтра или послезавтра, что какая-нибудь устаревшая русская субмарина, ставшая для Путина и Медведева

глупым фетишем имперской власти, утонет в полусотне миль от Гудзонова залива. Полагаю, цены на недвижимость в Делаваре наконец-то радикально вырастут.

— Делать.

— Да, Шерил. Делать дело.

Перестать просить и начать наконец требовать. Мы имеем на это право. Мы заслужили его.

* * *

Вице-президент выключил звук, и огромный плоский экран на стене онемел. В его кабинете находились десять человек, включая двух

помощников и его собственного секретаря. Из шести лично приглашенных им гостей четверо были в форме: летчик, двое армейцев, моряк. Двое оставшихся ни дня не прослужили в вооруженных силах, но с остальными их роднило не только выражение глаз — что-то несомненно общее было во всей их манере держаться.

— Итак, джентльмены, я объявляю ставки. Сколько, по-вашему, могло стоить правительству США это блестящее выступление?

Никто не ответил, вопрос был, без всяких сомнений, риторическим.

— Вы догадались. Впрочем, это было несложно. Ноль долларов, ноль

центов, и не больше. Напоминаю, что это профессиональный прогнозист, последовательный и убежденный критик политического и экономического курса прошлого и действующего президентов. Способный аргументировать свои доводы. Обладающий весьма богатым словарным запасом. Уверен, каждый из вас знает, откуда он взялся, весь такой из себя догадливый, столь тонко чувствующий момент человек. Полагаю, он далеко пойдет: его харизма явно переросла его должность. Быть советником при сенаторе Джеффе Бингэмэне — это не синекура, разумеется. Сенатский комитет по энергии и природным

ресурсам «делает дело», как он догадался сформулировать. И информация, которую комитет кладет на стол президенту и на мой собственный стол, очень заметно отличается от той, которой кормится целая толпа вдохновленных своим талантом журналистов.

Вице-президент сделал паузу, оглядывая лица людей в креслах, расставленных свободным полукругом. Ни одного генерала или адмирала: командер, трое полковников и два «специальных советника».

— Перед нами кризис, джентльмены. Не тот, который был, в котором мы живем последние годы.

Новый, уже настоящий. Правда, я сказал банальность? Вы слышите про это по сто раз на дню. Вы включаете новостной канал — и там какой-нибудь миллиардер с бокалом шампанского в руках рассуждает о кризисе на заднем сиденье сотысячедолларового автомобиля с обивкой из кожи полового члена молодого африканского слона. Но я говорю серьезно. Уверен, вы способны воспринять мои слова не как религиозное откровение: прежде всего потому, что у каждого есть в верхах достаточно серьезные источники информации, почти частная разведка. Я прав?

Последние слова вице-

президент произнес неожиданно резко, почти грубо. Это контрастировало с его тоном в предшествовавшие минуты, но не испугало никого. Встреча в таком составе была далеко не первой.

— Ладно. — Казалось, что вице-президент сейчас улыбнется, но он не улыбнулся. — Я вижу. Судя по всему, вы поняли, что я серьезен. А я серьезен чертовски. Представьте себе кризис, подобный тому, как выглядела Великая депрессия не в кинофильмах, а в жизни. Очереди бывших квалифицированных рабочих за похлебкой. Ряды заключенных домов, в которых на стенах остались картины и семейные фотографии:

один квартал за другим, целые жилые комплексы от Калифорнии до Северной Каролины. Банкротство компаний такого масштаба, что трагедия компании «Enron» или балтиморских сталелитейщиков будет выглядеть почти смешно. Вы можете себе представить, как это будет выглядеть, когда закроются «General Motors Corp.» и «Newport News Shipbuilding and Drydock Co.»? Когда выгонят своих служащих на улицу «US Airways», «Chrysler LLC» и Бог знает кто еще? «Белых воротничков», «синих воротничков», чернокожих уборщиц, охранников в их красивой форме? И я говорю не просто о «крупных предприятиях» —

я говорю о компаниях, дающих полнокровные проценты федерального бюджета. Можете быть уверены: принимаются все возможные меры. Но это лавина, которую не остановить политическими решениями *per se*^[23], пусть даже самыми правильными. На улицах окажутся сотни тысяч людей, наших соотечественников. На улице — в самом прямом смысле этого слова. Им нечего будет есть, кроме того, что предложит им «Армия Спасения». Тысячи покончат с собой...

Вице-президент замолчал. Ни один из присутствующих в его кабинете офицеров и штатских не

перебил напряженную паузу ни одним звуком.

— Это будет экономический аналог Судного дня, — медленно и раздельно сказал Байден полминуты спустя. — И три четверти населения не окажется способной увидеть ни одной реальной причины происходящему: прежде всего потому, что не видит глубже собственной чековой книжки. Мы сползаем прямиком в этот самый «кризис», о котором с глубокомысленным видом рассуждают идиоты с образованием уровня муниципального колледжа. В настоящий, а не в тот. Но вы это слышали уже, правда?

Вновь возникла пауза, и вице-президент обвел всех взглядом, в котором не читалось никакого определенного выражения.

— Да, разумеется, — сказал он. — И даже от меня. На самом деле глупо рассказывать вам о причинах, когда до начала остаются часы. Вы все это уже слышали год назад. И наверняка поняли, что сейчас я больше обращаюсь к самому себе, чем к вам. Но я начал о другом, — о «социальном заказе». Почему противник политики нашего президента вдруг начинает поддерживать нас — даже не перестав его критиковать, вообще-то говоря? Почему национальные

телеканалы показывают в последние недели грязных русских старух в тряпках чаще, чем Памелу Андерсон в лучшие годы? Что, они получили миллионные правительственные заказы на такой показ? Да ничего подобного! Все они делают это по собственной инициативе, просто потому, что отлично чувствуют, к чему сделала тогда-то заявление бывшая госсекретарь Олбрайт, к чему другое заявление другая бывшая госсекретарь, мадам Райс, а к чему уже я сам. И почему это вдруг все они и многие другие касаются совершенно не запрета на жевание резинки в Сингапуре.

Офицеры изобразили вежливые

улыбки. Личный секретарь вице-президента сидел неподвижно, из тени, не мигая, смотрели его глаза. Их выражение равняло сорокалетнего аскета со ждущим своего часа гепардом.

— Народ готов, джентльмены. Готов полностью. Вы являетесь ведущими специалистами по психологической войне в этой стране. Вы потратили массу сил и средств на компьютерные симуляции, на консультации с гражданскими специалистами и тому подобное. Я вовсе не упрекаю вас, не поймите меня превратно: все это действительно было необходимо, мы готовились к самому серьезному

шагу в истории. Но не нужно иметь степень в области социальной психологии, чтобы осознать происходящее хотя бы в целом. Потому что когда грошовый журналистик из какого-нибудь «Вестника тexasской скотофермы» посвящает разворот не прогнозу падения цен на говядину, а вопиющей проблеме, связанной с отказом России покупать его говядину по надуманным причинам, якобы имеющим отношение к санитарии... Посвящает по собственной инициативе, бесплатно, и именно потому, что считает это своевременным и важным... Это все в одну копилку, господа, в одну. В

нашу. Сейчас народ готов больше, чем когда-либо, дальше качество психологического момента будет только теряться: так говорят ваши модели, так считаю и я сам. Люди «перегорят», махнут рукой на русских, потому что соседа уже уволили, а на два дома в квартале повесили таблички «Продается с большой скидкой». Но этого не случится, и мы все здесь прекрасно знаем почему. Потому что по телевизору начнут показывать такое, что люди будут гнать свои автомобили с работы выше всех ограничений скорости: лишь бы сесть к телевизору пораньше. Потому что рекой потекут военные заказы,

оплачиваемые за счет тех же русских, в конечном итоге. И не только на бомбы и ракеты, но на пропитанную антисептиками ткань для пошива носков, на ту же консервированную говядину, на пластиковые вилки, на колючую проволоку... Я вижу, у нас есть вопрос?

Интонация, с которой он произнес последние слова, была точно скопирована с той, которую употребляют школьные учителя. Офицер со знаками различия полковника опять улыбнулся — одними глазами. Высказывание вице-президента о маловажности «степени в области социальной психологии» не покорило его, но

ОН ЭТО ЗАПОМНИЛ.

— Да, мистер вице-президент. Я никогда не задавал вопросов о составе ударных групп, числе задействованных в первом ударе эскадрилий и тому подобном. Это дело тех самых «настоящих» военных, которые сидят в приемной и ждут, когда мы закончим. Однако я все же задам один «чисто военный» вопрос, не имеющий отношения к психологии. Или имеющий, но далеко не прямое. Вы уверены, что мы справимся?

Возникшая после этого вопроса пауза была ненормальной. Ответное «Что вы имеете в виду?» не просто подразумевалось, эти слова были

буквально написаны в воздухе огненными буквами. К чести вице-президента, он их не произнес. Вместо этого он поставил на стол опустевшую кружку и сжал освободившиеся руки в «замок».

— Простой вопрос. И мой ответ на него: «Да, я уверен в этом полностью. Безоговорочно». Но давайте подумаем вместе: ведь мы бы справились и годы, многие годы назад, и тогда ответ был тоже «да». Так что вопрос имеет не только качество, но и количество. «Да» с какими потерями, насколько большими? Людскими, материальными? Наши шансы решить проблему «в лоб» были

максимальны около пяти лет назад. Заметьте, даже не десяти, когда их армия проигрывала войну с вооруженными легким стрелковым оружием индейцами, — условно говоря, конечно. Около пяти лет назад или чуть более того. Когда они загнали наиболее агрессивных индейцев в фильтрационные лагеря и догадались купить большинство остальных — но при этом продолжали все быстрее и быстрее терять военную мощь. Они продолжают лишаться ее и сейчас: каждый год русские ВВС теряют больше самолетов и вертолетов в катастрофах, чем вводят в строй, и это лишь один пример. Более того, и

через пять, и через десять лет ответ будет тоже «да», потому что, несмотря на сурово сдвинутые брови их премьера, русские все же сдувают объем обычных вооружений стремительно — другого сравнения я подобрать не могу. И неуклонно теряют средства доставки ядерных зарядов, это еще важнее.

Вице-президент искал что-то взглядом. Безмолвный секретарь неслышно поднялся и через секунду исчез за дверью.

— Вы знаете все это не хуже меня, я уверен. Вы военные или разведчики, либо даже и то, и другое вместе. Но вы очень особые специалисты, и вы должны

вспомнить и другое. Десять лет назад мечтой рядового русского солдата было сдаться в плен. Сейчас же его мечта — это гонять индейцев по горам с такой скоростью и эффективностью, чтобы полученный опыт обеспечил ему хорошую работу после демобилизации, а девки млели от красивых цацек у него на груди. Что будет его мечтой через те годы, за которые ядерный потенциал русских опустится под уровень, приемлемый для нашей ПРО? Той самой, о которой так много рассуждают, но которая пока является фактически мифом? Дорогостоящим мифом. Может быть, это будет — спросить у соседей: а

куда это они дели памятник его дедушке, который вообще-то охранялся соответствующим разделом Женевской конвенции 1949 года о защите жертв войны? Может быть, уточнить у них еще что-нибудь интересное? И между прочим, соседи русских понимают это очень неплохо. Люди поумнее уже начали задавать себе подобные вопросы. Но умных людей в мире вообще сравнительно немного...

Дверь снова приоткрылась. Секретарь поставил на стол поднос с очередным кофейником и очередными чашками. Сам Джозеф Байден «дома» пил кофе принципиально из собственной

кружки, куда входила едва ли не пинта. Штатную подавальщицу за последние дни не допустили до этого кабинета ни разу.

— Мистер вице-президент, германский посол прибует в четыре ровно.

— Спасибо, я помню.

Он снова обернулся к сидящим.

— Ответил ли я на заданный вопрос?

— Да, сэр.

Полковник поднялся и вытянул руки по швам. Вслед за ним поднялись все остальные.

— Тогда, с вашего позволения, мы закончим. Сейчас тут начнутся «Звездные войны»: столько

генералов и адмиралов стены этого кабинета не припомнят со времен Рузвельта, вероятно. Не советую вам при этом присутствовать.

Прощание было теплым. И уже проводив своих посетителей до двери и закончив с рукопожатиями, вице-президент сказал:

— Считайте часы, джентльмены. Когда вы будете в самолете, я уже закончу с генералами и продолжу общение с герром Чариотом. В ходе наших предшествовавших встреч Клаус продемонстрировал завидную адекватность, как и сама фрау канцлер. В пример покойному Рёслеру.

Десять человек улыбнулись
одновременно. Улыбки были
разными, но в них опять было что-то
общее. Даже странно.

Пятница, 15 марта

*Не речами, не
постановлениями
большинства решаются
великие вопросы эпохи, а
железом и кровью.*

*Бисмарк, в
обращении к
депутатам
Рейхстага, 1862 г.*

Два последних дня Николай провел в состоянии постоянного напряжения. Он ни разу не прикоснулся к рюмке, к ночи изо всех сил старался загнать себя в

кровать работой и долгим бегом по набережным, но это не помогало. «Саратов», — произносило озабоченное лицо на телеэкране. «„Саратов“, — говорили друг другу незнакомые люди на улицах. — Ну сколько же можно, опять ведь... Слышали, что этот там сказал, по ящику?..»

Он был из тех, кто слышал. Но от окружающих отличался сильно. Пытаясь внешне выглядеть нормальным. Не вопящим, не заходящимся от крика. Крика, обращенного в никуда, к переставшим верить ему друзьям, да просто к окружающим: «Люди, да что же вы? Да неужели вы совсем

ничего не понимаете?» Если он кричал, то только внутри, — достаточно глубоко, чтобы этого не было видно. Или почти не видно, как он еще продолжал надеяться. С момента гибели «Саратова», со дня, когда он начал отсчитывать оставшиеся им всем часы, Николай пытался заговорить о происходящем несколько раз. Высказаться, объяснить, сделать хоть что-то. Безднадежно: его не собирались слушать вообще. И телефон молчал, хотя согласно всему, чему его учили эти годы, давно должен был зазвонить...

— Коленька, ну нельзя же так. Посмотри на себя в зеркало, ты же

совсем черный. Ну как можно так работать?

Он механически улыбался маме, механически брился перед зеркалом, равнодушным жестом бросал на подбородок капли «Aqua Di Gio» — дорогого подарка девушки, имя которой он уже позабыл. Брал сумку, проверял, на месте ли ежедневник и записная книжка, в карманах ли оба сотовых телефона.

— Коля?

Мама пропускала его грустную улыбку мимо — она-то точно видела, что с ним далеко не все в порядке. Часы буквально пульсировали на запястье. Секунда, еще секунда. Времени почти не было у них

всех, — но люди на улицах продолжали двигаться как ни в чем не бывало.

— Раззява! Раньше не мог вспомнить?

Перекошенный от гнева человек осекался, когда протискивающийся к двери вагона Николай встречался с ним глазами. Народ уже пер наружу, весело работая локтями, и времени объяснить не было — лицо уплывало назад. «Саратов», — приглушенно звучало вокруг, глядело со страниц дешевых газет, которые держали в руках спешащие к эскалатору люди. «Аргументы и факты» поместили силуэт тонущей подводной лодки на первую страницу обложки: где-то к

кормовым торпедным аппаратам схематично изображенный корпус превращался в черный палаческий топор, увлекающий лодку на дно. Что-то такое по стилю мелькало в знаменитой «Химии и жизни» двадцать лет назад, там был отличный художник с очень узнаваемой рукой, Златковский, кажется...

Николай усмехнулся сам себе. Последний раз номер «Химии и жизни» он открывал лет пять тому назад, подшивка незыблемо стояла на родительской даче, но этот конкретный номер он действительно не видел ровно 20 лет. Ровно 20 лет, как погиб «Комсомолец»,

уникальная и неповторимая подводная лодка, а он до сих пор помнит ничем не зацепившую его тогда картинку. Без стеснений скопированную теперь кем-то с такой же неплохой памятью, как и у него. Михаил Златковский, совершенно безошибочный, блестящий график, какое-то время он считался без преувеличений лучшим карикатуристом мира. На пике популярности эмигрировал в США, потом неожиданно вернулся... Кому нужно, чтобы он все это помнил, все эти детали? Какое они будут теперь иметь значение? Две погибшие подводные лодки с русскими моряками на борту: та, 20 лет назад,

и эта, с гибели которой прошло чуть менее двух суток, — что между ними общего? Ничего, кроме карикатуры: печальной тогда и до оскомины мерзкой теперь... А через пару дней это вообще перестанет иметь какое-либо значение. Пройдет год, и людей будут вешать за книгу Ивана Кошкина, найденную при обыске. Здесь, в этом самом городе...

Идущая навстречу девушка шарахнулась в сторону от его мертвых глаз, и Николай улыбнулся снова. Говоря по совести, все люди в целом уже заранее покойники, с самого рождения; жизнь не лечится. Насколько он помнил, простое осознание этого факта очень

помогало самураям: даже странно, что оно не действует на него.

Он вынул телефон из внутреннего кармана куртки и понес в руке, захлестнув петлю темляка за запястье. Но тот молчал и в руке, хотя иконка на верхней кромке экрана указывала «соединение доступно». Именно так он молчал последние полгода или даже чуть больше. Ежедневная подзарядка, раз в шесть месяцев замена батареи, раз в год диагностика: не за свой, разумеется, счет. И ни одного звонка. Это резко контрастировало с другим, «рабочим» телефоном, который стабильно прекращал звонить разве что за четверть часа до Нового года.

Как квалифицированный терапевт Николай был к соответствующему году после выпуска довольно востребован. Развитое ассоциативное мышление и хорошее воображение сделали уклон в синдромальную диагностику не просто логичным, — он стал его коньком за последние годы и кормил все лучше. Если бы их всех оставили в покое, у доктора Ляхина был бы очень неплохой шанс дорастить свой статус до уровня более удачливых пока одноклассников. Жаль, что этого не получилось: родители бы порадовались.

— Доброе утро, Олегович.

Дежурный доктор улыбался

весело и зло, как молодой волк.

— «Сменщик пришел — ночь прашел», да-а?

Акцент веселого больничного ординатора был ненастоящим: кавказец из него был, как из самого Николая азиат.

— Доброе утро, Рашид. Как ночь?

— Ничего, грех жаловаться. Спокойно. Чего смурной такой? Дома чего?

— Ничего, — вынужден был буркнуть он, чтобы хотя бы что-то ответить. Говорить на самом деле не хотелось совсем, но было надо. Через 10–15 минут в ординаторской будет не протолкнуться от докторов, в

коридоре от сестер, по стенкам будут стоять напуганные студенты-старшекурсники с тетрадями в руках. Если к этому времени не «разогреться», начать собственно работать будет сложно.

— Все ничего. Как у всех.

— А мне казалось, по-разному у всех, — фыркнул доктор.

На этот раз Николай уже просто махнул рукой: не сумел заставить себя открыть рот и произнести хоть слово.

Открывалась и закрывалась дверь, заходили и здоровались люди. Про «не протолкнуться» — это был перебор, конечно. Просто ординаторская была маленькая, даже

столов не хватало каждому. Он, например, делил стол с доктором Варламовой, известной среди своих как «Армагеддон». Или, если сокращенно, то «Магги». Основания для такого прозвища имелись, но обидным оно не было: сорокалетнюю мадам в отделении без шуток уважали и даже коллективно любили.

— Коля, чего ты смотришь?

— Ничего.

Оказывается, он смотрел. Тупо, как баран на новые ворота. Если бы на девочку смотрел, никто бы не удивился: холостому и не старому, по общим меркам, это позволительно. Но в одну точку, выложенную не в

чьё-то декольте, а в воротник зрелой и давно разведенной докторши с «хвостом пони» на голове, — это, извините, почти неприлично.

— У тебя вид ненормальный.

— Во-во, — подтвердили сбоку, он даже не понял, кто именно.

«Магги» встала в позу «базарная баба», то есть уперла руки в бока, и начала пристально его разглядывать. Николай поднял глаза и ничего хорошего не увидел: взгляд у доктора был профессиональный, дальше некуда. Где-то за костями черепа сейчас лихо крутились диагнозы — весело, как барабаны в слот-машине. За секунду Варламова наверняка отбросила самые неоригинальные,

но на каком-то она остановится.

Улыбка. Не слишком хорошая, скорее похожая на попытку показать зубы, но это лучше, чем ничего. Воздух выходил из легких с трудом: целый его ком засел за грудиной и загустел, мешая дышать. С одной стороны, «а какая разница?», с другой — все равно придется. Не помирать же прямо здесь, как тот ежик из детского анекдота. Будут гораздо более приемлемые возможности. Да и у всех, кстати.

— Коля, когда я сказала «ненормальный», я имела в виду вовсе не что-то примитивное, о чем обычно думают. «Не выспался, не похмелился, жена не дала». Это не

тот случай, правда? Отвечай.

— Именно, — глухо ответил он.

— Что?

— А есть варианты?

В этот раз усмешка не получилась совсем. Трое врачей, включая не ушедшего еще Рашида, стояли растянутым полукругом, разглядывая его, как экспонат в музее. Еще один сидел за столом, держа в руке шариковую ручку, но не делая ничего: тоже смотрел.

— Оп-па... — сказал кто-то уже другой. — Готово дело...

— ...Белая горячка, — закончил за него уже сам Николай, сумевший справиться с собой. — Классику я читал, не сомневайтесь.

Ему повезло: тон получился нужным, и обстановка разрядилась. Хотя в любом случае произошедшее было странным. В среде взрослых людей не принято слишком уж обращать внимание на чужие дела. Если у человека что-то плохо, это, в целом, его проблемы, и после одной условно сочувствующей фразы можно уже переключаться на свои собственные.

Единственное возможное исключение — это настоящие сумасшедшие. Хороший врач чувствует таких даже спиной, даже когда они молчат, просто по истечению неких невидимых флюидов чужеродности, по эманации. Господи, неужели это тот

случай? Неужели он действительно свихнулся?..

— Не белая... — с сомнением заключила Магги, и Николай очень четко вспомнил сразу несколько случаев, оправдывающих прозвище доктора. — Но что-то такое есть... Ладно. Пока держишься — держись. Плохо почувствуешь себя днем, или что-нибудь такое, скажи сразу. Не мигрень? Глаза у тебя больные совершенно.

— Нет, Анна Исааковна. Ничего все. Спасибо.

Та, слава богу, пожала плечами и отвернулась; остальные занялись своими делами еще несколькими секундами раньше. Доктор Ляхин

бесшумно выдохнул, бессмысленно
водя глазами по строчкам. Кажется,
вязать полотенцами не будут. Сам
виноват в произошедшем, конечно.
Нервы, будь они прокляты. И
неуверенность. То есть уверенность,
но чередующаяся с неуверенностью,
как у любого настоящего психа.
Выразить такое словами невозможно,
но кто испытывал, тот, наверное,
знает. В одну минуту все ясно, кроме
того, ну почему же все окружающие
такие слепые. В другую — и опять, и
снова вспоминается то же самое
классическое: «Если ты трезв, но три
джентльмена говорят тебе, что ты
пьян...»

Потом была нормальная работа.

Не желающая рубцеваться язва желудка у фермера-свиновода, непонятно каким образом попавшего в их больницу вместо областной. Артериальная гипертензия. Плохо переносимая стенокардия у еще молодой в общем-то женщины: на вид — явной стервы. Еще гипертензия, и еще. Недавние студенты с не вытертыми пока «ушами», то есть фонендоскопами, торчащими из карманов халатов. Не дураки, что сказать, — это само по себе хорошо. Сколько из них будут живы через год?.. «Не думать», «не смей думать», — команда себе, жесткая и бесполезная. Получасовые неформальные «разборы» отдельных

типичных или, наоборот, нетипичных больных. Наименования десятков препаратов: торговые наименования, международные наименования, способы применения и назначаемые дозы, взаимодействие, переносимость. Метапролол, рамиприл, нифедипин со всеми их производными. Знаменитые фирмы, кормящие половину отечественных врачей и уж точно преподавателей фармакологии. АстраЗенека, Бристол-Майерс Сквиб, Эгис и так далее. Отвлекся Николай только один раз, когда похожий на Джона Леннона интерн очень некстати переспросил, а есть ли среди списка рекомендуемых препаратов

отечественные. Запнулся он на срок, достаточный для того, чтобы умник успел пожалеть о том, что задал свой вопрос. На минутку задержавшаяся за чужими спинами доктор Магги неодобрительно покачала головой, а когда он все же смог вспомнить и ответил, уже не услышала, отходя.

Все-таки совсем без внимания его не оставили. Эта простая мысль, так спокойно воспринятая Николаем поначалу, начала потихоньку «цеплять» его к середине дня, когда по коридорам поплыл не меняющийся с годами запах риса и лапшового супа. Он не пилот пассажирского авиалайнера, не дежурный у большого рубильника на

атомной электростанции. Тогда почему? Но этот вопрос оказывался слишком простым для того, чтобы не суметь на него ответить. Людям гораздо проще жить, если укладывать все вокруг в привычные рамки. События — в стандартные схемы. Людей — в знакомые типажи. Если на Новый год на экране появляется печальное лицо Алексея Миллера, значит, Украина не желает платить за русский газ, и это возмутительно. Требуется некоторое усилие, чтобы пойти чуть глубже и понять, а почему, собственно, подобное происходит с удручающей регулярностью. И по-человечески посочувствовать: хамское поведение

украинцев приходится как раз на те тяжелые дни, когда несчастный хозяин российского газа собрался построить еще один дворец; для разнообразия — на Иберийском полуострове. И так во всем: у каждой мелочи и не мелочи есть лежащее на поверхности объяснение и есть более глубокий слой причин и связей. Когда закрывают отечественную радарную базу на Кубе, нам рассказывают, что это позволит утроить орбитальную спутниковую группировку. И каждому ясно, что это гораздо более важно с точки зрения сохранения и повышения обороноспособности родной страны. Однако тема настолько неинтересна,

что сказанное запоминает лишь какая-то доля процента людей. И двумя годами позже, когда выясняется, что спутников больше не стало, причинами этого не интересуется уже вообще почти никто. Они в любом случае объективны, но интересующиеся считаются маргиналами, в приличном обществе таких всерьез не воспринимают. Тем более тех, кто делает выводы из области, лежащей в стороне от своей прямой специальности. Как у него.

Николай усмехнулся: по психиатрии он в свое время едва вытянул на экзамене «хорошо». Как раз перед той сессией у него

случилась одна личная история, после которой он долго не мог смотреть на женщин спокойно... Молодой, дурак был, понятное дело, но это-то сейчас ясно, а тогда он долго переживал.

— Николай Олегович, вас Александр Иванович просит зайти.

Ну вот. Медсестра поскакала по своим делам дальше, а он остался в коридоре со стопкой «историй болезни» в руках. Интерны по палатам, доктора уже переделали большинство дел и потянулись пить чай, но у кабинета заведующего стояли двое: Варламова и крепкий русоволосый ординатор. Заведовал отделением отличный мужик с

вызывающим зависть молодежи уровнем квалификации. Его профессиональная агрессивность совершенно не соответствовала написанной на двери кабинета смешной фамилии, и последняя быстро забывалась. Когда на больничных конференциях говорили «Пичкин», некоторые молодые доктора переспрашивали. В отличие от ситуаций, которые Николаю приходилось видеть во многих местах, здесь заведением был не небожителем с карающим мечом в руке, а просто самым опытным врачом из всех, без сомнения самым лучшим диагностом. Проводящим рабочий день в палатах и всегда

готовым помочь делом, а не указанием «настойчивей овладевать».

Долго мусолить свои размышления в коридоре Николай не собирался. Заведующий терапевтическим отделением доктор Пичкин есть тот самый «третий джентльмен», который способен окончательно определить ситуацию на этапе «до». До профессионального психиатра. До того, как мама начнет подсыпать ему паксил или мапротилин в утреннюю овсянку.

— Ну что, пойдем?

Прозвучало это спокойно, хотя не сказать, что весело: больничный

ординатор моргнул. Наверняка его пригласили к двери не просто так — у кого-то из его добрых товарищей мелькнула в голове картинка: терапевт Ляхин с воплями гоняет коллег по коридорам, размахивая пожарным багром или даже топором. Натуральных психов боятся, понятное дело.

В кабинет он зашел с широкой улыбкой на лице. Магги и несколько удивленный ординатор последовали за ним. Да, крепкий парень. Плавание, тренажеры, но в меру, без ажиотажа.

— Садитесь, Николай Олегович.

Напряжения на лице заведомо не чувствовалось. На

лице севшего перед ним на стул доктора тоже. Со стороны не было понятно, что Николай пытался вызвать в себе то хорошо знакомое мужчинам весело-бесшабашное настроение, какое бывает перед почти безнадежной дракой. Наверняка не было понятно и то, что это не удалось ему совершенно.

— Анна Исааковна сообщила, что вы плохо себя чувствуете.

Это не было вопросом, это было утверждением. Завотделением благородно давал ему возможность согласиться с собой. Нет сомнений в том, что его без колебаний прикроют на остаток сегодняшнего дня. Потом выходные, потом отгул или два за

какой-нибудь из донорских дней, потом будет видно. Так?

Вместо ответа Николай вяло посмотрел в пол. Так ведут себя ученики начальных классов, не знающие, что ответить учителю, и бессмысленно разглядывающие засыпанные меловыми крошками окрестности доски.

— Я слушаю.

Это был настоящий мужчина, человек, которого Николай глубоко уважал. От того, что нет ни малейшего шанса убедить хоть кого-то, даже самых близких, самых умных, хотелось не просто выть, — скулить.

— Мне нечего вам сказать,

Александр Иванович, — с трудом произнес он. — Все уверены, что я спятил.

— Почему вам так кажется?

Вопрос был коротким, и голос ровным — но все равно профессиональным. Смысла отвечать на него почти не было: в любом случае разговор вел к одному и тому же исходу. Забавно, что с формальной точки зрения доктор прав: при каких-то там вариантах психических расстройств, в том числе пограничных, эгоцентризм как раз в таких проявлениях весьма характерен. Больному кажется, что все непрерывно говорят между собой именно о нем, и если выходят в

другую комнату, то не по своим делам, а чтобы посмеяться над ним.

— Потому что с точки зрения нормального человека я несу чистый бред.

В кабинете было не слишком светло: лампы не справлялись. Вероятно, поэтому его поднятые с этим вопросом глаза заставили заведующего буквально вздрогнуть. А ведь взрослый человек! Николай улыбнулся, пусть и через силу. Напряжение в комнате висело такое, что вот произнести сейчас замогильным голосом «Поднимите мне веки!» — и коллега за правым плечом без колебаний возьмет его в «медвежий захват».

Это когда рука сгибается в локте, а свободная кисть придерживает тебе затылок и защищает собственное лицо. Как освободиться от такого захвата, учат и на самбо, и на айкидо, но сидящий практически обречен: сильный человек придушит его быстрее, чем тот что-то сумеет сделать.

— А это не бред. Так?

И вновь сказанное прозвучало почти как утверждение. Попробовать? Николай вновь посмотрел своему непосредственному начальнику в лицо. Сегодня с утра он не сказал ни слова ни о чем таком, о чем иногда пытался заговорить с коллегами. Но

они, вероятно, очень неплохо успели его узнать.

— По моему мнению, Александр Иванович, нет. Хочется добавить «к моему глубокому сожалению», но не подойдет, вот что плохо-то... Совсем.

— Почему, интересно?

— Масштаб другой.

— Ладно... — заведением помолчал. Было слышно, как позади переминается с ноги на ногу крепкий коллега и как старается почти совершенно не дышать Анна Исааковна, звезда отечественной терапии и все такое. — Про все это я уже слышал немало, и от вас, и в пересказе. Я не собираюсь начинать

какую-то дискуссию или стараться успокоить вас. Мне жаль ребят на «Саратове» не меньше вашего.

— Речь не только о них.

— Конечно. Мы слышали. Позавчерашний рассказ о «Курьере» сразил всех наповал, можете не сомневаться.

Николай посмотрел в пол снова. Этот разговор точно велся не при заведении. Соответственно, кто-то передал, нашлись люди. Ну что ж, ему хотелось попытаться хотя бы начать говорить как серьезный человек, и он попытался. Плохо, что всем заранее все ясно. Конечно, пример с «Курьером» пришел заведующему в умную голову в

первую очередь. Он был хорош. Эту эмигрантскую газету знали в России по одной-единственной вводной: с ней в середине веселых девяностых долго и шумно судились сверхпопулярные тогда «Аргументы и факты». Обслуживающая русскоязычное население Нью-Йорка и окрестностей газета обильно перепечатывала злободневные материалы без оглядок на копирайт — ну, дело житейское, да и прошлое. Вебсайт газеты был открыт и доступен. В один из однообразных в последнее время вечеров Николай пошарил по доске объявлений и из многочисленных «заработай с WEBMONEY» и «ИДЕАЛЬНЫЙ

бизнес и заработок в Интернете!!!»
вылушил «формальные» объявления
Вооруженных Сил США о наборе
переводчиков с русского. С
обещанием приличного социального
пакета, заработка и всего такого
прочего. Ничего особенного в
подобных объявлениях, разумеется,
не было. Русский язык весьма
сложен, бизнес с Россией цветет и
пахнет, и немногочисленные
слависты с университетским
образованием идут обслуживать
ориентированные на Восточную
Европу корпорации и фирмы, а не
армию, флот и ВВС. А переводчики
военным нужны и всегда будут
нужны, пусть и в самое мирное

время. Как и собственно солдаты и матросы, в которые в той же газете активно приглашали записываться законно находящихся на территории США совершеннолетних молодых людей и девушек. Все верно. Да только на сайте «Курьера» был архив, и простой поиск, самый простейший, выдал совершенно четкую кривую. Количество объявлений сходного с описанным выше типа, с некоторыми вариациями, росло непрерывно в течение последних 6 месяцев минимум, скачками через 2–3 еженедельных выпуска. Дальше Николай смотреть даже не стал, противно было. В последние 5–6

недель на таких объявлениях к официальному логотипу армии США (белая пятиконечная звезда с золотым контуром на черном фоне) и их конкурентов за потенциальных переводчиков присоединились эмблемы частных охранных предприятий. Inter-Con Security, DynCorp International, Blackwater Worldwide с ее узнаваемым логотипом, похожим на закопченный значок «Xerox», AQMI Strategy Corp., с полдесятка других. С чего бы это?

За попытку сделать какие-то местные выводы из объявлений, вычитанных из массива рекламы мацы со скидкой, бар-мицв на природе и «Суши-бара „Садко“», его

тогда подняли на смех, и он заткнулся. Поздновато, конечно.

— Что, по-вашему, мы должны сделать? Такое, Николай Олегович, чтобы вы были удовлетворены? Чтобы доктора помоложе перестали пусть еще не смеяться, но уже давно хмыкать за вашей спиной?

— Готовиться.

— Я даже не буду переспрашивать «к чему», этим вы нас всех давно утомили, извините меня, пожалуйста, за откровенность. Я спросил «Что?» Вы способны дать четкий и по возможности короткий ответ, или вы будете долго рассуждать?

Николай улыбнулся еще раз.

Улыбнулся так, что верхняя губа задралась до самых десен. Так улыбаются собаки. Вопрос был задан в очень правильной манере: что-то такое он даже помнил из соответствующего курса. В половине синдромов больной не будет способен переключиться с хорошо отработанного «для себя» системного бреда на «исходящую» конкретику, увязнет в той же привычной системе и будет ее мусолить. В другой половине — просто пойдет вразнос, выдавая указания и советы совершенно все более и более шизоидного характера на каждое новое уточнение. Это если он не путает, разумеется.

— Я надеюсь, вы действительно хотите меня услышать. Вы правы, у меня и в самом деле наболело. Я мог бы и сейчас что-то объяснять, как объяснял раньше, но не буду. Я знаю, как вы все заняты. Первое, что, по моему мнению, надо сделать, это сию минуту, прямо сейчас вытаскивать из очередных и внеочередных отпусков весь персонал. Поднимать карточки отдела кадров, поднимать первый отдел и даже не «начинать готовиться», а уже по-настоящему перепрофилировать больницу, перепрофилировать отделения. У нас сплошная терапия, а через неделю терапия в нашей работе будет

сведена к минимуму, как я полагаю. Всех больных выписать за дни: без жалости, без оглядки на артериальное давление. Немедленные курсы военно-полевой хирургии для всех, для каждого последнего интерна, причем не спокойные «322 часа» с семинарами и лекциями, а сейчас же, с завтрашнего утра, по 10–12 часов в день. Львиная доля обучения — собственными силами, у нас наверняка есть перепрофилировавшиеся хирурги; основная нагрузка по обучению — на штатные отделения. Причем без какой-либо экзотики, без «бытовой» хирургии даже. Не ушивание язв и

«малая онкология», а ампутации, ампутации, ампутации, сосудистые швы, ожоги, наконец. Всех сестер — циклами через операционные. Сестры хорошие у нас, их за три недели можно натаскать на массовую хирургию, на массовую травму. Набирать новых, буквально школьными классами. Через три недели у нас два мужчины в больнице останутся: главврач и старший хирург стационара, все остальные в поле пойдут...

Николай поднял глаза. Анна Исааковна сместилась из-за спины вбок и смотрела в оцепенении, доктор за правым плечом застыл, как статуя Геракла под Камероновой

галерее в Пушкине. Завотделением молчал, глядя на него из тени, как на минуточку присевший на лесной пенек медведь.

— И кровь, разумеется. Разворачивать собственную станцию переливания, для собственных нужд. Немедленно делать запасы крови, сыворотки. Запасы инструментария, даже всего самого примитивного — перчаток, салфеток, дезинфекционных материалов. Я не верю, что нам наладят снабжение хоть в каком-то приближении к тем нуждам, которые завтра, если уже не сегодня станут реальными. Если я скажу, что наш с вами министр — не Бурденко и даже не нарком Митерев,

я никого не удивлю, разумеется, но все еще хуже. Я боюсь, что все сразу же рухнет. Нам будут везти и везти мясо: раненых, обожженных, переломанных. Это будет поток. Я не просто уважаю, я на коленях стою перед нашими Военмедом и МЧС, но они перестанут справляться уже через неделю. Массовая военная травма, — когда вы последний раз видели хоть что-то подобное?..

— Я был в Спитаке в декабре 1988-го, — очень спокойно и чрезвычайно отчетливо произнес человек на стуле, заставив Николая замолчать. — Я видел, не надо тут мне захлебываться.

Пауза, секунд на десять

минимум. Когда в воздухе мелькает такое, что сейчас, — это много.

— Вы не убедили меня, Николай Олегович. Совсем. Все, что вы говорили тут таким внушительным тоном, — все это может быть верно только в одной конкретной ситуации. Когда России предъявлен ультиматум, на границах режут моторами вражеские танки, и вот уже поперла через Буг первая резиновая лодка с десантом. Этого нет и в помине. Есть очередная трагедия, за которую нас всех в очередной раз ругают хорошо причесанные дяди в зарубежных телестудиях. Извините, если бы мы выписывали к черту всех своих

больных каждый раз, когда нас ругает Би-би-си за утонувшую лодку, а Си-эн-эн за нежелание каяться перед эстонскими эсэсовцами, — нас бы давно выгнали, это как минимум. А скорее и посадили бы по статье.

Снова секунда: стрелка на наручном «Атлантике» неслышимо тикает, переползая на деление.

— Вот что, Николай Олегович, — раздельно произносит заведующий отделением, поднимаясь со своего стула. Одновременно с ним начинают двигаться и все остальные в кабинете. Встает доктор Ляхин, утекает за его спину безмолвная Магги, выдыхает и поводит

затекшими плечами невидимый человек за спиной, страхующий своих старших коллег от несомненного психа, в которого превратился рядовой, малозаметный доктор, сосед по ординаторской.

— Я не буду даже обсуждать сказанное в отношении вашего знания военно-полевой медицины, оно не впечатлило меня совершенно. В мое время каждый старшекурсник лучше понимал в принципах ее организации и всем прочем, что вы тут перечислили своим галопом по Европам. Считаем, что мы закончили. Я только одно спрошу. Вот сделали мы все, как вам хочется, пусть так. Но знаете, что случится

первым, немедленно после этого? Десяток выписанных вами на улицу старушек со своими кризами и аритмиями просто помрет у нас в промежутке между получением выписного эпикриза и тем, как дойдут до шлагбаума на входе в больничный двор. Вы не повеситесь сами после этого, а? Что с вами будет тогда? И с нами?

— Я достаточно неплохо понимаю, что со мной будет через довольно короткое время, Александр Иванович. Через месяц, два или три меня не будет в живых. Вас всех, кстати, тоже, я прошу прощения.

— Ох, ну не хрена себе... — негромко, но отчетливо произнесли

сзади. Доктор, судя по всему, мог удивляться молча не до бесконечности.

— Все.

Завотделением пристукнул рукой по столу. Он явно хотел сказать что-то сразу, но не сумел, только глотнул воздух. Справиться с собой у него заняло некоторое время, пусть и не самое долгое, и все это время Николай молчал.

— Я сказал «все». На сегодня мы закончили совсем. Мое самое большое желание сейчас — это отстранить вас от лечебной работы немедленно. Мы можем отправиться вместе к главврачу, и это будет оформлено документально. Но я

скажу так... Сегодня пятница, уже за середину дня. Я дам вам время до понедельника включительно, — и не успокоиться и валерьянки с водкой попить, а сходить на МРТ либо КТ^[24] по выбору. Наша Покровская, Бехтеревская, даже Дорожная больница на Мечникова — там хорошо делают. Ко вторнику принесете заключение мне. Или не принесете. Договорились?

Ну что ж, вот доктор и сделал вывод. Поставил предварительный диагноз. «Синдром тревожности органического характера», можно не сомневаться. Возраст идеальный для такого диагноза. Передозировки определенных препаратов и прием

определенных типов наркотических и даже «почти наркотических» средств, отравления довольно разнообразным выбором токсичных субстратов. Авитаминоз по В₁₂, самые нормальные эндокринные заболевания, ревматоидные, наконец. Ну, и так далее, и тому подобное. Но доктор подумал об опухоли мозга — и вообще-то логично подумал: на клиента с потенциальным нейросифилисом его коллега все же не похож. На наркомана — еще куда ни шло...

— Так точно, — просто ответил Николай вслух. — Я могу идти?

— Разумеется. Вы не дежурите в эти выходные, нет? Отлично.

Пичкин дышал глубоко: все-таки у него отнимало некоторое количество сил — контролировать себя так, чтобы его потом никто ни в чем не обвинил. Если больничный ординатор Ляхин догадается в понедельник уйти побюллетенить, — все хорошо и правильно. Если нет — возможны варианты. Может быть, сообразит подать заявление об уходе сам. Может быть, поймет, что после произошедшего работать в этом коллективе не сможет. Просто не дадут: «плывущий» психикой врач, да медик любого уровня вообще, даже адекватный в данную конкретную секунду, — это непрерывная головная боль для коллег.

Контролировать его надо будет непрерывно, в несколько слоев, общими усилиями. Проверять назначения, переспрашивать у больных, как он себя вел с ними. Помимо своей собственной работы, которой и так хватает по самое горло. Про дежурства вообще речь не идет в такой ситуации. Так что зачем? Проще будет все объяснить ему прямо и открыто: в понятливости Ляхина никто до сих пор не сомневался, вообще-то говоря. Жалко, если это опухоль... Выживаемость при наиболее распространенных их вариантах, мягко говоря, не радует...

— До свидания.

Николай попрощался обычным голосом, совершенно нормальным. Походка у него тоже была без особенностей. И уже когда он взялся за ручку двери, заотделением заметил, что выражение лица молодого врача сложно описать даже несколькими словами: настолько оно было сложным. Это было лицо живого, но уже все равно почти мертвого человека. Он действительно был уверен в своих словах, вот что страшно. На мгновение у заведующего отделением мелькнуло в голове, — смазанно, нечетко: остановить, вернуть. Не доводить до суицида несчастного человека, который

сорвался, после того как годами привыкал слишком много работать и слишком мало отдыхать. Чтобы справиться с неожиданным и ненужным порывом, ему пришлось проглотить скопившуюся во рту слюну, — и за это время спина все-таки улыбнувшегося напоследок Ляхина исчезла за дверью. Когда шорох шагов пропал, ординатор в углу кабинета негромко покашлял, то ли привлекая к себе внимание, то ли действительно прочищая пересохшее горло. Молча рассматривающие друг друга старшие врачи не обратили на него ни малейшего внимания. Лицо у Варламовой было под стать ушедшему — сложное, многозначное.

Непривычное.

— Ну, что скажете?

— Не знаю, — неожиданно очень тихо ответила та. — Сначала я была уверена, что это нормальный нервный срыв. Дежурства, подработки, ежедневная борьба за тысячу рублей. Базовую профилактику по такому проводят водкой, шашлыками и ночью с незакомплексованными подругами. Лечение... Наверное, отпуском на берегу Волги, как минимум. Со всем тем же самым, и без ограничений... Потом я решила: нет, это хуже. Шизофрения. Однако здесь слишком много «но». Как пункт первый — шизофрению ставят после 6 месяцев

выраженной симптоматики минимум. При существенном нарушении социальной адаптации и трудоспособности. Здесь этого нет и в помине.

— Органика.

— Да, — слово прозвучало глухо, но к месту: доктор кивнула. — Это была вторая моя мысль. Сначала месяцами отдельные «пунктики». Просто попытки перевести разговор на любимую тему, интерпретация почти любой мелочи в одном и том же ключе... Угнетенность выросла не так давно: до этого все было на фоне завидной энергии. Просто как обычный «таракан в голове»: кто-то сорта фиалок выводит научным

образом, кто-то позеленевшие царские копейки коллекционирует, кто-то старый «Москвич» в гараже любовно перебирает. У всех что-то свое, у кого маленьких детей нет. Ну, а этот вот часы у себя в голове подводит, когда на нас Польша с Эстонией нападут. Потом хуже. Монополярная депрессия, перешедшая в натуральный психоз вот только что, на наших глазах, за несколько последних дней... Вы тоже запоминайте, доктор. С таким или почти таким каждый из нас сталкивается то тут, то там. Выраженность, конечно, разная. И направление всего этого...

Ординатор кивнул, блеснув

глазами. Он открыл рот, чтобы сказать что-то, но догадался промолчать, и это завождением порадовало. Адекватный парень. Года через два он станет не хуже ушедшего Ляхина, а произошедшее будет ему хорошим уроком. Такое работает как прививка.

— Риск суицида?

— Не думаю. Не тот типаж.

Риск открытой агрессии, скорее.

— Тогда все правильно, — он поморщился. — Не хватает нам тут...

Фраза была недосказанной, но все поняли. Психоз, или пусть даже просто нервный срыв коллеги, — это в клинике совершенно не то же самое, что в каком-нибудь «офисе по

продажам» или
фармпредставительстве. Здесь это
недопустимо, так что все
действительно правильно: к
заведующему отделением не
придерется ни один агитатор за
толерантность и права человека. К
сожалению, осознание этого
простого факта совершенно не
улучшало настроение. С минуту все
стояли и молча продолжали смотреть
на закрытую дверь. Потом,
встряхнувшись, потянувшая стоящего
в каком-то отупении молодого врача
за рукав халата доктор Варламова
вышла не попрощавшись — к
больным, к работе. Первым делом
она прошла быстрым шагом по

коридорам. Меланхолично стоящего где-нибудь у окошка Ляхина — чего она непонятно почему ожидала — не было. Зашла в ординаторскую — там все тихо и мирно, прямо островок деловитого спокойствия, только юная интерн глазками хлопает, ждет какой-нибудь команды. Принадлежащая Ляхину половина стола не изменилась: валяется пара ярких шариковых ручек, лежит открытый на чистой странице блокнот, в углу едва держится, не падая, потертый карманный справочник «Гедеон Рихтер». С минуту мрачно поглядевшая на все это доктор вышла, так и не произнеся ни слова: интерн позади

буквально всхлипнула. Настроение было испорчено безнадежно, чертов идиот... И ведь пятница на дворе, почти конец рабочего дня! Еще раз по палатам, проглядеть напоследок «истории» больных, своих и отданных молодежи, — и все, можно домой. Дочка как раз в том возрасте, когда общение приятно обеим: важно не упустить момент, тогда есть шанс сохранить теплоту ощущений семейного родства на всю жизнь. Потом, годам к 14–15, будет уже не то: насмотрелась по подругам...

Доктор Варламова лишь раз оглянулась на все еще глухо закрытую дверь заведующего отделением, когда уже все закончила и отпустила

молодых врачей. Сплошь ресницы и губы, только бантиков не хватает. Дурочки, за редкими исключениями, но и это тоже нормально. Как любой опытный врач, она неоднократно бывала свидетелем тому, как нервные, робкие или просто совершенно не взволнованные перспективой трудиться в терапевтическом отделении вчерашние студенты за считанные годы превращались в цепких и умелых профессионалов. Ляхин в какой-то мере был исключением: когда он пришел к ним, он уже знал, что делать. Тогда ей показалось, что он на редкость мрачен для своих лет. Знать бы, во что это выльется...

Час спустя, уже надев пальто и попрощавшись с дежурантом, она подошла к сестринскому посту.

— Леночка, не выходил Александр Иванович?

— Нет, я не видела.

Магги кивнула и задумалась, — даже уже заранее подняв руку, чтобы постучать в дверь заведующего, но так к ней и не подойдя. «Бред, — возмущенно сказала она себе мысленно. — Нет, не это надо же, так лихо настроение испортить перед выходными! Просто свинство!»

Круто развернувшись и пошагав наконец к выходу, врач трясла головой и едва ли не рычала от злости. Надежда на то, что гнусное

ощущение пройдет к моменту прихода домой — к ужину, теплomu пледу и дочкой под боком, вдвоем у телевизора, была слабой. Ну, пусть это хоть к понедельнику кончится, — и так, чтобы не возвращалось. Опухоль там или не опухоль, у каждого человека в наши дни было достаточно собственных проблем и задач, чтобы осложнять свою жизнь еще больше чужими. Ну так пусть оно и будет дальше. Как говорится, утро мудренее вечера, а понедельник субботы. Сейчас был только вечер пятницы.

Воскресенье, 17 марта

*Россия должна быть
расчленена. Нельзя
терпеть на Востоке такое
колоссальное государство.*

*Геббельс,
дневники*

Подводные лодки скользили
сквозь черное пространство,
невидимые и почти неслышимые.
Вокруг было чужое море, даже само
их существование в этих водах таило
риск. Ежеминутно сонар каждой мог

услышать всплеск наверху, означающий вход в воду противолодочной торпеды, готовой ринуться вниз и вперед. Насколько командиры субмарин могли понять — каждый сам для себя — пока по ним не работал ни один самолет, а количество противолодочных надводных единиц так и не возросло. Но все начинается с ничего, а в море в особенности. Фактически их уже часами могли слушать пассивными, никак себя не проявляющими системами, и тогда они все были обречены.

Коммандер Мартин свел пальцы правой руки в щепоть и провел ими по своему лицу. Лицо дергало: кожу

будто покалывало изнутри несильными, но все равно чувствующимися электрическими разрядами. Он скосил глаза вправо, на затылок офицера, утвердившегося в кресле за центральной панелью тактического экрана. Затылок выглядел отвратительно: сбритые месяц назад наголо волосы отросли, но не до такой длины, чтобы прикрыть две жирные складки. Лишний вес, основной порок современных подводников и летчиков. С точки зрения медицины — набираемый ими по совершенно независимым причинам, но какая разница... На коротких волосках лейтенанта блестели капельки пота.

Такие же капли стекали и по его собственной коже, пропитывая рубаху изнутри: это командер ощущал отстраненно, как будто в полусне. Система кондиционирования воздуха работала в минимальном режиме, и температура в центральном командном посту «Сан-Хуана» была ощутимо выше обычной. Приоритетом системы было обеспечение постоянства газового состава внутриотсечного воздуха. Значимость температурных показателей для программы была насильственно подавлена: в настоящее время их целевое значение было сведено к «физиологической

норме» в целом, а не к комфортным значениям. А насыщенность центрального поста излучающими тепло приборами была выше, чем где-либо в пределах лодки. В воздухе стоял резкий запах озона, острый запах пота и еще один, даже еще более острый — «запах» азарта. Или азарта, смешанного со страхом, если быть честным перед собой.

— Сила течения растет. Заходит чуть к востоку.

Голос лейтенанта сдавлен. Сложно понять, чем, каким чувством его исказило. Даже если страхом — пускай. Абсолютных храбрецов, полностью бесстрашных от природы людей отсеивают на первых же

тестах при поступлении в военно-морские училища. Храбрец опасен: он не понимает, что бой может быть выигран у него вражескими командирами, испытывающими в эти минуты самый настоящий страх. Он может погубить своих людей и стоящую 900 миллионов долларов субмарину, просто не получив в нужный момент бесшумного укола в кишки. Как пишет журнал «Сайнтифик Американ», в мозгах таких людей не хватает эндогенного норэпинефрина: ну так это их проблемы, пусть идут в другой род войск.

— Реактору выше до 15 процентов.

— Так, реактору выше до 15 процентов, сэр.

Капля пота скатилась по спинке носа командера, и он снова стер ее пальцами, стряхнув куда-то вбок. Таким движением самураи в фильмах стряхивали кровь с лезвий. Смешно и нелепо...

Усиливающееся подводное течение и изменение его направления по отношению к курсу лодки могло означать многое, но в данном случае гадать не требовалось. Они подходили все ближе к берегу. При выдвинутом к поверхности локаторе они могли бы получить изумительную картинку, но та не нужна: командер знал

местонахождение «Сан-Хуана» с точностью до десятка ярдов. Он был готов поручиться за то, что пунктиром пересекающее их курс течение — это след Индиги, холодным языком высовывающийся в залив: или, как говорят русские, «губу» одноименного названия. И не растворяющийся в соленой воде, пока губу не перестанет прикрывать далеко выдающийся в море мыс — Святой Нос. Река Индига неполноводна, тем более в это время года. Даже вместе со своим крупнейшим притоком, Белой, она не может выдать настолько значимого течения: длина губы 10 морских миль ровно. Тогда что это?

Коммандер Мартин покачал головой и тут же пожалел о сделанном — на него вопросительно посмотрели сразу несколько человек. О течениях Поморского пролива профессиональными гидрографами были написаны сотни страниц. О течениях Индигской губы и расположенной к северу от того же Святого Носа Горностаевой губы имелось несколько страниц малокачественного перевода с русского: тезисы из «сборника трудов» национальной российской, а точнее, даже еще Всесоюзной гидрографической конференции 60-х годов. Хорошо, что имелось хоть это. И тоже — какая разница, в конце

концов. Если преувеличить совсем чуть-чуть, то мощности ядерного реактора «Сан-Хуана» хватало бы, наверное, и чтобы пройти Ниагарский водопад снизу вверх.

Они были в Баренцевом море, как и сколько-то суток назад, но это было другое Баренцево море. Эта его часть была русской всегда или почти всегда. Шайки новгородских пиратов грабили здесь ганзейские когги, потом всех остальных. Здесь русские создавали конкуренцию викингам, а потом фактически превратились в них. Здесь или почти здесь они терпели поражение от немцев во Вторую мировую: на имеющихся у командера картах были отмечены

отдельные известные магнитные аномалии — морские могилы, покрытые ковром бурых водорослей, на две трети ушедшие в песок и ил остовы старых транспортов.

— Пятнадцать миль ровно до береговой черты.

— Глубина?

— Двадцать восемь фатомов.

Это было мало: большая часть Баренцева моря довольно глубоководна, но они были слишком близко к берегу. Коммандер не мог полностью согласиться с решением командования, пошедшего на столь значительный риск ради сокращения дистанции пуска. «Томагавк» в неядерном оснащении способен

поражать наземные цели на удалении в 870 или 470 морских миль, — для лодочных модификаций UGM-109C и — D соответственно. Приближение вплотную к изобате 30 фатомов утраивало риск, который был на заднем дворе русского Северного Флота очень немаленьким сам по себе. Если он вползет в Индигскую губу, оставив под килем буквально 4 фатома, — каков будет риск тогда? Вопрос был смешон: это невозможно в принципе. Но до определенного предела предписания командования были категоричными, и это абсолютно точно основывалось на действии неких факторов, которые не были доведены до командиров

отдельных субмарин. На самом деле его полномочия огромны. Он с полным правом может не принять решение командира эскадры, поскольку на месте ему виднее: насколько фактические параметры среды и противодействия соответствуют ожидаемым. Если командер Мартин сочтет, что расхождение слишком велико, это заставит его вынужденно избрать для залпа субоптимальную позицию. Он даже может своей волей отменить полученный приказ и, например, не производить залп вообще. Но при этом не может императивно изменить предварительный список целей и снести с лица земли поселок

с ужасным названием Выучейский, располагающийся всего-то в 3 милях к югу от той же Индиги. Полный залп «Томагавков» по скопищу рыбацких сараев — страшно себе представить, что способны были бы сказать по этому поводу контр-адмирал Грум и командиры еще более высокого ранга, не будь эта вводная просто упражнением в мыслях молчаливого, всегда точного в исполнении приказов командера. Да, у него огромные права: фактически в эти минуты он повелевает жизнями многих тысяч человек, а в более широкой перспективе и миллионов. У него огромная степень свободы: ни один

приказ далекого командования не способен регламентировать ход боя, способного в данной обстановке начаться из ничего и способного продлиться считанные десятки секунд. Ровно столько потребуется противолодочной торпеде, которую может сбросить не видимый и не слышимый из-под поверхности моря русский самолет или вертолет. А его глубина — один смех, и реактор — на 155 % мощности...

Коммандер моргнул, и мешающая ему капля пота слетела с ресниц. Стало легче. Мысли ушли вбок, своей собственной дорожкой. При том, что сначала он просто развлекал себя, а затем постарался

озвучить аргументы в пользу странного, с его точки зрения, решения командования. Морской офицер, который способен не исполнить предписанное ему, не имея на то действительно важных причин, вполне может обнаружить, что его следующее назначение будет на блокшив или вбетонированный в дно вонючей городской бухты музейный парусник. Да, 870 морских миль как максимальная дистанция пуска — это действительно очень много, но прописанное в формуляре значение является в некоторой степени условным. Встречный ветер, маневрирование крылатой ракеты по высоте и курсу, перепады в

температуре слоев воздуха по маршруту — все это неизбежно сокращает дистанцию, причем такое сокращение может быть довольно приличным. Отсюда имеет значение и десяток миль, на которых «Сан-Хуан» двигается ходом, минимально возможным для сохранения приемлемой на малых глубинах управляемости. И на которых он, командер Мартин, ждет себе на загривок русскую СЭТ-65, несущую боевую часть весом в 440 фунтов.

— Надонная магнитная аномалия, право 30. Дистанция... Вероятно, около 8000 ярдов. Поправка, около 9000.

Язык командера произнес

ответные слова машинально, сам он в этот момент внимательно разглядывал короткий сдвоенный пик на малом экране — лейтенант постукивал ногтем, будто подчеркивал его. Пик был похож на маленькую гору Арарат, у которой тоже две вершины разной высоты.

— Что предполагаете?

— Затонувший корпус.

— Основания?

Лейтенант несколько секунд молчал, прежде чем ответить. Все так же, не оборачиваясь.

— Не имею оснований. Все остовы умеренного тоннажа выглядят на магнитометре по-разному. Но я видел несколько очень

ПОХОЖИХ.

— Не субмарина на грунте?

— Нет... Пожалуй, нет, сэр...

— Пожалуй?

Коммандер вложил в это слово столько чувств, что несколько офицеров за его спиной втянули головы в плечи. Лейтенант так не сделал, — и этим заработал себе очко в глазах многих. Ответил он после выдержанной паузы и тем же спокойным профессиональным тоном.

— Несколько мал и чуть приглушен. Если это субмарина, то с военного времени, занесенная наполовину. Разрушенная, вероятно: отсюда и два выраженных пика. Но

скорее крупный траулер с металлическим корпусом или среднетоннажный танкер.

— Сведений о морских могилах в этой зоне...

Коммандера зацепило произнесенное лейтенантом «с военного времени»: он прекрасно понял, что тот имеет в виду, но решил подумать об этой оговорке позже.

— Нет, сэр, не имеется.

Энсин справа-сзади шелестнул листами, ориентируя карту. Штурман «Сан-Хуана», как и любого «Лос-Анджелеса», имел ранг лейтенант-коммандера: он повернулся к подчиненному и по-доброму

улыбнулся, в движении встретившись с командиром глазами. Электроника электроникой, но бумажные карты на борту современных атомных субмарин занимали при подготовке к походу побольше места, чем многие другие виды снабжения. Коммандер мягко развернулся и склонился над столом, подсвеченным яркой люминесцентной лампой, кольцом окружавшей широкую линзу. Свет лампы был холодным, но ему все равно показалось, что стало еще жарче.

На карте, сплошных волнах желтого, голубого, синего и серого, не было ни единой отметки, соответствующей островам

затонувших кораблей и судов: такие
испокон веков указывают
горизонтальной линией с
проведенными посередине ее тремя
поперечными короткими. Но это не
значит ничего. Здесь, в стороне от
нахоженных путей даже прибрежного
судоходства, вполне могла найтись не
известная никому морская могила.
Колышущийся лес водорослей над
просевшей, завалившейся на борт
рубкой, тумба малокалиберной
пушки, над которой колышется
столбик рыбок. Коммандер знал, как
это выглядит вживую. Иногда,
изредка — россыпь форменных
пуговиц среди потерявших всякую
форму тряпок, выстилающих силуэты

давно растворенных морской солью скелетов. Примерно так будет выглядеть остов потопленного им «Саратова» через сто лет. Им, именно им потопленного. Ну, и его экипажем, конечно: командер прекрасно понимал, что без экипажа не стоит ничего, и, не колеблясь, готовился писать десятки представлений к высоким наградам. Он, будущий капитан Майкл Даблью Мартин, удостоенный «Военно-морского креста». Эта мысль наконец-то заставила его расслабиться.

— Хорошо, лейтенант. Не сомневаюсь, что так оно и есть. Кто знает, кого немцы утопили здесь

столько лет назад. Или шторм, мало ли... Но я бы предпочел пройти чуть в стороне. Лево десять.

— Есть лево десять.

— Характеристики магнитной отметки?

— Постоянны, сэр. Не меняются ни силуэт, ни амплитуда. И вероятно, он еще дальше, чем я определил изначально, сэр.

— Пускай так. Время?

— Три минуты, сэр, — произнес сзади сиплый голос. — Прикажете подвсплывать?

— Еще минуту.

— Так, еще минуту, сэр.

Командир «Сан-Хуана»

огляделся вокруг. Ему хотелось

сформулировать какую-нибудь пафосную фразу для будущих воспоминаний, что-то вроде «Напряжение достигло предела». Но это не вышло, потому что обстановка даже несколько разрядилась. Да, еще минута. Чернокожий лейтенант столкнулся со своим командиром взглядом и криво улыбнулся. Вот кто нервничает, оказывается. А вот старший помощник непоколебим. И лейтенанты. И младшие лейтенанты. И энсины. В состав экипажа «Сан-Хуана» входит 12 офицеров, из них 7 сейчас в центральном командном посту. Каждый из офицеров — профессионал на своем месте, иначе бы они не справились с «Саратовом»

в равном бою. Что ж, пускай один переживает: это вызывает даже удовлетворение.

Короткий обмен словами, четкая, определенная многолетним опытом последовательность команд. Минуты текут, как змейки песка между пальцами. Теперь кривит рот не один лейтенант, теперь напряжение действительно чувствуется в воздухе, пропитанное жарой, промокшее от пота. Несколько фатомов глубины могут быть решающими в чьей-то жизни. Именно их может не хватить для того, чтобы совершающий рутинный рейс по маршруту Воркута — Мурманск или, например, Норильск

— Стокгольм, скучающий пилот «Аэрофлота» не увидел с высоты в 9—10 километров непонятную стометровую тень в серой воде. А что делать, если обнаруживаешь в ходе полета неопознанный подводный объект, русские гражданские летчики наверняка знают не хуже военных. Сетку полетов российских авиакомпаний проверяли и примеряли на себя, на расчетное время подвсплытия — это просто пример. Но возразить конкретному параграфу предписания нечего, как этого ни хотелось бы. Риск оправдан в полной мере: это последний сеанс связи перед собственно боевым залпом. Именно сейчас им могут

дать отбой. Даже страшно представить, что это будет означать для всех них, для него лично... К слову, в случае экстренной ситуации на борту они сами тоже могут выйти на связь, подав на спутник сигнал. Тогда командование попыбует перераспределить цели между остальными ударными подводными лодками, успешно вышедшими на обозначенные им огневые рубежи.

Дробный писк: будто бы кто-то душит в углу центрального командного поста факсимильный аппарат. Лодка уже ушла вниз, на немногие доступные ей фатомы, а дешифровка полученного пакетного сообщения еще продолжается.

Согласно полученным еще месяц назад предписаниям и дважды повторенному симуляционному прогону в режиме флотской командной игры, от получения сообщения у них есть 30 минут ровно для фактического выхода на огневой рубеж. Опять же, если не будет отбоя. Если кто-то в далеком Белом доме не переборщит с бурлением сомнений и тревог в своей чуткой душе. И эти минуты, считая после дешифровки сообщения и передачи его командиру каждой из субмарин, будут более чем заполнены делами. Которых уже «некруглое число». В первую очередь необходим перерасчет данных для залпа.

Первичное программирование было проведено еще в базе, и в течение последних трех суток инерциальным подсистемам навигационных блоков «Томагавков» каждые 30 минут скамливали обновленные данные о местоположении «Сан-Хуана», почти мгновенно становящиеся приблизительными. В этот раз перерасчет должен быть проведен по абсолютным «астрономическим» показаниям высокоточной системы глобального позиционирования. На потребовавшуюся для приема цифрового пакета на выдвижную антенну секунду они перестали быть полностью автономными. Но теперь могли позволить провести

последний перед залпом, наиболее актуальный перерасчет с учетом сведений, полученных с висящего над европейской частью России метеорологического спутника, по цепочке подавшего свой сигнал на собственный спутник-ретранслятор ВМФ США. Вроде бы просто, но даже одно это может занять полные десять минут, а то и больше, потому что «Томагавков» в залпе 12 штук, целей на залп расписано пять, а компьютеры на «Сан-Хуане» далеко не такие быстродействующие, какие любят показывать в фильмах для подростков предпризывного возраста.

— Сэр?

Коммандер поднял глаза: на него смотрели все. Постаравшись, чтобы рука не дрогнула, он принял протянутый ему лист светло-желтого пластика, сложенный втрое. Он выглядел правильно и привычно: почти как «аэрограмма», исчезнувшая из почтового обращения уже несколько лет назад, но все еще знакомая каждому человеку его возраста. На борту «Сан-Хуана» был только один принтер, способный печатать на материале такого типа, и он находился в пределах центрального командного поста, буквально в нескольких метрах за спинкой вращающегося командирского кресла. От секунды,

когда началось распечатывание, и до момента, когда листок был подан командиру, он непрерывно находился в поле зрения нескольких человек. Более того, командер Мартин не сомневался, что похожий поведением на сытого ягуара-переростка старшина 2-й статьи, так часто ему улыбающийся при встрече, имеет четкие инструкции по непрерывному контролю за этим самым принтером и этим самым листком.

Его пальцы не дрогнули, когда он развернул «почти аэрограмму». Буквы были ярко-синего цвета: еще одна примитивная мера противодействия потенциальному психу-одиночке, стремящемуся

сфальсифицировать приказ. Синий читается и в тусклом освещении — неполном или аварийном.

— Джентльмены...

Коммандер Мартин поднял глаза и обвел взглядом лица перед собой. Темные лица, белые лица, смуглые лица азиатов и латиноамериканцев: офицеры, уоррент-офицеры и старшины «Сан-Хуана» представляли собой точный срез американской популяции, слепок с многомиллионного, великого американского народа. На некоторых лицах читалось более или менее успешно скрываемое волнение, и на всех без исключения — уверенность и сила. Они были готовы. Они ждали

ЭТОГО ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ.

Чтение закончил старший помощник командира подводной лодки. На секунду лейтенант-коммандер выдержал паузу, посмотрев куда-то в пространство, затем он передал листок еще одному старшему офицеру.

— Приказы без изменений.

— Так, приказы без изменений, сэр.

— Так, подтверждаю, приказы без изменений, сэр.

Два офицера наиболее высокого ранга, находящиеся в строю и заблаговременно ознакомленные с причитающимся «Сан-Хуану» комплектом приказов и

предписаний. Страховка на случай, если командир погибнет или окажется неспособным выполнять свои обязанности. Да, конечно, задача должна быть выполнена и в этом случае. Страховка, если в критический момент командир вдруг решит перекинуться в пацифиста или коммуниста. Или в маньяка, возжелавшего войти в историю и развязать войну в ситуации, когда его командование решило отложить нанесение удара еще на час, на сутки или на год.

Углы губ командера Мартина поползли вверх.

— Объявляю повышенную техническую готовность.

— Есть повышенная техническая готовность...

— Отделение боевых систем? [\[25\]](#)

— Да, сэр?

— Запустить фактический перерасчет данных навигационных систем крылатых ракет во всех вертикальных пусковых установках. Базовая программа — без изменений. Двадцать шесть минут до залпа.

— Есть запустить фактический перерасчет для всех вертикальных, базовая программа постоянна, сэр. Готовить ли пуск и для труб, сэр?

— Нет.

Приказы были четкими. Число ракет в залпе не изменялось по

сравнению с предварительно оговоренным, распределение целей не изменялось, собственно список целей не изменялся тоже. Они были во враждебных водах, и снаряженные противолодочными и универсальными торпедами торпедные аппараты были их страховкой. А фактически — жизнью. Для второй волны «Лос-Анджелесов» уровень риска был другим, там командирам наверняка предпишут добавить в первый залп по паре «Томагавков» именно из труб.

— Принято «нет», сэр.

Итак, время пошло. Уже меньше 26 минут. Пальцы уоррент-офицеров

и старшин прыгали по клавишам компьютеров, как пальцы пианистов, играющих блюз где-нибудь в подвале музыкального бара любого из городков южной части атлантического побережья. Там, где мир. Там, где люди живут, не зная, что русские «бумеры» превратят цветущие, шумные, наполненные спешащими счастливыми и не очень счастливыми людьми города в заполненные радиоактивной водой котлованы, дай им волю. Не держи они их на стальной цепи вот уже которое десятилетие. Да, с этой угрозой пора кончать. Политики — недоумки, это надо было сделать уже много лет назад. Не дожидаясь, пока

«Лос-Анджелесы» устареют почти до уровня «используй или выбрось». Почти. Еще 5 или 7 лет, и их начнут по одной, по две выводить из списочного состава, отправляя сначала в резерв, а потом на разделку. А «Сан-Хуан» — самая старая из единиц «улучшенной серии». Впрочем, 5–7 лет — это слишком много, его самого достоверно сменят еще до этого, отберут его лодку. И что тогда? Теперь другое дело, теперь у него будет «Военно-морской крест», и теперь в послужном списке Эм-Даблю Мартина всегда будет стоять «Саратов», один из немногочисленных атомоходов

противника, потопленных в реальном морском бою. Теперь его будущее обеспечено — осталось только ждать и не подвести эскадру и флот. Выполнить все четко и профессионально и вернуться домой: к славе и удовлетворению от хорошо выполненной мужской работы. Так и будет. Это и есть жизнь.

— Как там течение?

— Вновь ослабло, сэр.

Мартин покивал: этого он ожидал. Они практически на входе в Индигскую губу. Бог знает, что здесь на самом деле за течения, но их никто не будет изучать еще лет сто: теперь уж точно незачем. При жизни следующих нескольких поколений в

этих краях будут заниматься совершенно иными делами. А что потом, еще через 50–60 лет? Когда иссякнут нефть и газ, причем не просто в разведанных месторождениях, а вообще? Превратится ли Земля в пасторальный сельскохозяйственный мир, причем такой, где атомный двигатель будет наиболее распространенным сразу после паруса и весел?

Он едва не расхохотался: так было здорово, что он успел найти свое место в жизни. Вырасти и реализовать себя. Обеспечить свое будущее и будущее своих детей. Участь России и ее сателлитов

решена: это было понятно еще до того, как Атлантический флот вышел из баз. Кто будет следующим? Китай? Или сначала Иран и Саудовская Аравия, что просто напрашивается после того, как Россия будет умиротворена и окончательно перестанет представлять проблему? Мартин улыбнулся снова. Без флота, без его «Томагавков» не обойдется. У арабов нет флота — там крест не заработаешь. Флот есть у корейцев и китайцев, и к соответствующему времени в умах командования должно окончательно сформироваться четкое и не допускающее оговорок мнение: будущий капитан Мартин есть не

просто профессионал, а везучий человек. Большинство адмиралов — это не просто профессионалы, а статистически достоверно везучие профессионалы, по-иному не скажешь.

— Надводный контакт, сэр!

Сердце командера Мартина дало перебой, и сорвавшаяся с лопатки на поясницу капля пота обожгла холодом.

— Характеристики?

Голос чуть не подвел, и он пожалел, что задал вопрос: будь контакт боевым кораблем «по их душу», тон уоррент-офицера был бы другим.

— Что-то малое, сэр... Право

50, удаление около 8000 ярдов... Скорость нулевая или стремится к нулевой. Смешанный сигнал...

— Право 50? Лейтенант, пеленг мне на надонную магнитную аномалию!

Лейтенант, к которому был обращен вопрос, ответил не сразу, и командер едва сдержался.

— Да, сэр, тот же пеленг. Почти тот же — растворение 2–3 градуса. Внимание! Дистанция та же!

Поправился он вовремя: за слово «почти» Мартин карал так, что об этом потом рассказывали байки сменному экипажу.

— Обслуживание стационарной сонарной системы?..

Предположение поступило не от старпома или кого-то из командиров дивизионов, а от одного из уоррент-офицеров, но командер кивнул. Сила американского флота в значительной степени держится на прослойке этих людей, — специалистов в конкретных технических дисциплинах, временно выполняющих офицерские обязанности, но с получением патента не от имени президента, а от Министра обороны. Энсину или младшему лейтенанту он бы выступление «поперек диалога» припомнил бы потом очень неслабо.

— Согласен. Мнения?

Сразу не ответил никто.

«Смешанный» сигнал, прочтенный с такой относительно небольшой дистанции, мог означать что угодно. То, что его прочитали почти на траверзе, было неудивительно: чувствительность пассивных гидроакустических систем максимальна именно на этих курсовых углах. Малый рыболовный траулер? Морской буксир? Быстрый на язык уоррент предположил, что это соответствует обслуживанию надонной системы, — вероятно, вспомогательным судном флота. Предположить такое просто по совпадению магнитной надонной и акустической надводной засветок... Это такая экзотика, какой не бывает.

Но если к этому часу этого конкретного дня русские осознали, что «угрожающий период» идет полным ходом, они бросят в море любое корыто с техниками на борту, любую плавединицу из состава вспомогательных сил флота и дивизионов обороны военно-морских баз, охраны водного района, — восстанавливать активность давно законсервированных или просто заброшенных систем еще советского времени. Вновь превращать свои проливы в ошестинившийся электроникой и минами, почти не преодолимый для подводных лодок противника рубеж. И все-таки...

Коммандер видал в жизни

интересные совпадения,
невероятные «парные случаи»,
невозможно точные ответы, данные
по туманным и противоречивым
вводным. Будет ли это случаем такого
же порядка? Или это невозможно?

— Где «Александрия», экзек?

— За пределами слышимости.

Но ей нарезана позиция двадцатью
милями севернее, вряд ли командер
Виикс принял решение,
противоречащее приказу.

Майкл Мартин кивнул: Тодд
Виикс был «молодой, да из ранних»,
заметно моложе даже его.
Агрессивен, умел, но очень
осторожен, когда дело доходит до
соблюдения точности в следовании

приказам. Вряд ли приказы «Александрии» были сменены, если они остались прежними для «Сан-Хуана».

Мысли в голову не шли. Обстановка совершенно не требовала принятия каких-либо неотложных действий. В конце концов, возможность того, что в восьми тысячах ярдах от них какой-нибудь водолазный бот обслуживает точку, входящую в состав русского аналога «Колосса-2» или «Бронко», была чисто теоретической. Никаких признаков угрозы не имелось. Кроме самого факта того, что они в русских терводах, на некомфортабельно малой глубине. Собственно,

стационарная система может быть не просто гидроакустической, но универсальной, и возможность ее существования считалась «вероятной в малой степени». Издевательская формулировка, придуманная каким-то умником из флотской разведки, чтобы прикрыть свою задницу. Если она существует, эффективна и задействована, то почти прямо над ними, над «Сан-Хуаном» может сейчас висеть русский противолодочный вертолет Ка-27. Уже открывший люки, отделяющие торпеду АТ-1МВ на своей внутренней подвеске от чистого свежего воздуха. Которого так не хватает здесь. Да, три условия:

существует, эффективна, задействована. Забавно и страшно, что им не известна «с высокой степенью достоверности» ни одна из этих переменных. Стационарные ГАС чрезвычайно дороги, именно это привело к масштабному, пусть и не полному сворачиванию собственно американских программ аналогичного назначения три десятка лет назад. Но русские до 90-х годов деньги не экономили вообще: могли ли они дотянуть до острова Колгуева и до самой Индигской губы свой беломорский барьер? На это не было получено ответа даже тогда, когда сумасшедший русский президент дарил своим новым

друзьям секретные документы буквально сотнями томов. Эта возможность существовала, и о ней прекрасно знало командование. Эффективна ли она? Тоже более сложный вопрос, чем может показаться с первого взгляда. Стационарные системы в целом относительно малоэффективны, но русским регулярно удавалось добиться неожиданно высоких результатов, используя устаревшие технологии. Даже не считая собственно «железо», среди их военно-морских систем радиоэлектронного подавления, дальнего обнаружения, наведения и целеуказания имелись типы, по

содержанию несколько
напоминающие набитые
радиолампами и мотками медной
проволоки радиоприемники 30-х
годов, и даже похожего дизайна. Но
при этом способные выдать
эффективность, по крайней мере,
сравнимую с эффективностью
стоящих миллионы долларов изделий
«Сарноффа» и «Рэйтеон Системз
Компани».

— Какая-нибудь динамика по
контактам?

— Нет, сэр. Только изменение
курсового угла, соответствующее
нашему ходу. Абсолютная скорость
надводной единицы по-прежнему
нулевая или стремится к нулевой.

Что бы это ни было, он стоит на месте. И молчит.

— Ваше мнение, экзек?

— Мое мнение — «ну так и черт с ним», сэр. Это почти наверняка какой-то траулер, работающий с сетями.

— Зацепилась сеть за ржавый остов? Прямо у нас на глазах?

— Я вовсе не имею в виду именно это, сэр. Он может делать здесь все, что угодно. Даже надонная магнитная аномалия — это может быть просто артефакт. Или другой вариант. Вспомните, мы прочли ее раньше, чем собственно судно, и она может быть просто его частью: как вариант — водолазным

оборудованием, опущенным на дно.

— Носители русских батискафов — это 6000 тонн водоизмещения.

— Да, но это совершенно не обязательно именно глубоководный батискаф. Что ему здесь делать? Это может быть тяжелый водолаз, работающий с колокола. Такому требуется бот в полтысячи тонн, не больше.

— Именно это я и имею в виду... Водолаз, обслуживающий систему. Да, один вариант из многих. И единственный плохой для нас. Все остальные не создают для нас ни малейшей разницы. Так?

— Да, сэр.

— И потом, предположим, что именно эта ситуация и существует в реальности. Создает ли это разницу?

— Простите?

— Я имею в виду, пусть это так,

и русские заняты расконсервированием своих стационарных систем гипотетического противолодочного барьера. Две трети эффективности зависят от компонентов системы, расположенных не на дне, а на берегу. Если даже их повторно вводят в строй, тестирование и интеграция системы могут занять недели. И в любом случае она будет устаревшей на 20 лет.

— Устаревшей по сравнению с

чем, сэр?

— *Touche!* — Коммандер поднял обе ладони на уровень плеч. — Это точно в яблочко. Наши собственные системы у Азор и Гавайев не современнее. Это верно. Но есть и еще один фактор. Уже озвученный, но находящийся в другой шкале. Сколько нам до предписанного времени залпа?

— Шестнадцать минут, сэр...

— А расчеты?

Старшие офицеры перевели взгляд на уоррент-офицера, сгорбившегося над несколькими поставленными рядом и друг на друга плоскими мониторами.

— Еще буквально несколько

минут, сэр.

— Я думал, это займет меньшее время.

— Да, сэр. Но был сбой при автоматическом вводе одного из параметров. Я предпочел прервать загрузку и проверить соответствие формата заданному. На этом мы потеряли несколько минут, прошу прощения, сэр.

Коммандер повернул голову вправо и внимательно проверил выражение на лице командира отделения боевых систем.

— Работайте, уоррент-офицер, — наконец заключил он. — Я не собираюсь мешать или торопить.

— Да, сэр...

Моряк так и не повернулся: он одновременно работал правой рукой на блоке ввода цифровых данных и маневрировал на своем стульчике по горизонтали, то вздергивая голову вверх, к верхним из мониторов, то снова сгибаясь. 16 минут. Уже почти 15. Если невидимый, на самом деле не существующий вертолет наверху сбросит на них торпеду, у них будут секунды. Но приказы даются не просто так: попытка командера Мартина сэкономить время пребывания под угрозой, залп «Томагавками», данный за 10–15 минут до предписанного времени, приведет к срыву боевых задач

десятка других лодок, ждущих своего часа дивизий у русских границ, поглядывающих на светящиеся стрелки часов диверсантов, засевших в кустах прямо под носом у часовых, тоскливо охраняющих домики и склады: входы командных пунктов, ворота, ведущие к полям ракетных шахт, хранилища тактических ядерных зарядов и так далее. Он подведет всех, а это невозможно в принципе. Поэтому он будет терпеть.

Мартин вздохнул и едва справился с искушением потянуть с шеи стальную цепочку, сжать ее в кулаке. Груз ответственности совершенно не был невыносим. Но он был очень, очень тяжел. От

крепости нервов, от способности принимать правильные решения, балансируя в узком коридоре между неприемлемым риском вообще и неприемлемым риском не выполнить фактическую боевую задачу, зависело сейчас очень многое. Это вызывало удовлетворение, но это не несло в себе ни малейших признаков того удовольствия, которое он себе так долго воображал.

— Сэр? Расчет завершен и закрыт, сэр. Я начинаю тестирование.

— Отлично.

В этот раз командеру не требовалось задавать дополнительные вопросы. Сколько

занимает «предварительное», «сухое» тестирование электроники двенадцати «Томагавков», он знал прекрасно. В общей сложности продолжительность непосредственной подготовки ракет к пуску из вертикально расположенных контейнеров составляла до 15 минут. Но большая часть включенных в алгоритм этого процесса этапов или уже прошла — начатая и оконченная даже еще до подсвплытия за возможным отбоем, — или будет завершена в ближайшие же минуты. «Томагавки» вот-вот должны перейти из статуса «постоянной готовности» в статус «одноминутной», и вот тогда и

начнется уже настоящее ожидание. Способное сжечь столько нервов каждого из них, сколько не сожгут все любимые женщины на земле.

— Все тесты окончены без сбоев, сэр. Констатирую статус одноминутной готовности для всех контейнеров.

Голос уоррент-офицера потерял размеренность. Теперь он обменивался с лейтенантом, лейтенант-коммандером и двумя другими уоррент-офицерами резкими, короткими фразами, аббревиатур в составе которых было значительно больше, чем полных слов.

— Готовность навигационных

систем полная, статус одномоментной готовности для всех контейнеров подтверждаю, сэр.

После того как скороговорка оборвалась и фраза командира отделения боевых систем поставила в ней жирную точку, звуки голосов в центральном командном посту «Сан-Хуана» чуть стихли. Громко гудели вентиляторы, выгоняющие нагретый воздух из чрева компьютеров, — им едва хватало мощности, чтобы удерживать температуру процессоров в пределах технической нормы. Компьютерная техника, даже замкнутая на стоящие миллионы долларов боевые системы, не была новой; смех и позор. Это отражалось

и в едва ли удовлетворительном
быстродействии, и даже в таких
мелочах, как нарушенный баланс
вентиляторов отдельных
компьютеров, из-за которого они
почти все время гудели, как
древесные жуки.

— Время до пуска?

— Шесть минут сорок секунд,
сэр.

Командир «Сан-Хуана» подавил
в себе желание сказать «отлично»
или что-нибудь в этом роде.
Эффективность предпусковой
подготовки не является самоцелью:
ее задача — предотвратить сбои при
собственно запуске крылатых ракет и
обеспечить максимальную точность

наведения в отношении «внешних» данных, не вырабатываемых электронными мозгами самой ракеты. Каждой из двенадцати, стоящих свыше 1,4 миллиона долларов в неядерном снаряжении и бог знает насколько больше в ядерном. После этой мысли он окончательно перестал отвлекаться. Шесть минут сорок секунд — это было довольно мало. А сделать за это время им нужно было очень многое. Повинуясь коротким командам своих офицеров, «Сан-Хуан» подвсплыл и еще более снизил ход. Непонятный русский бот или траулер в 6,5 тысячи ярдов перестал отвлекать кого-либо: он не имел никакого значения. Даже

если их сейчас услышат, русские уже не имеют возможности предпринять эффективные меры противодействия. Они упустили время и те шансы, которые у них были, и теперь ничто их им не добавит. Включая даже визуальное обнаружение запуска с борта своей калоши, даже если она приписана к военному флоту. Им не хватит минут, чтобы навести на «Сан-Хуан» свою авиацию, даже если она уже в воздухе.

— Две минуты. Пошел обратный отсчет.

Коммандер вытер пот, промежуток между шестью и двумя минутами он не заметил вообще. Выходит, резерв в расчеты времени

был заложен командованием не из перестраховки. И даже непонятно, куда ушло это время: то, которое он опасался потратить на пережигание нервов. Обратный отсчет. Лодка неощутимо качнулась, чуть развернутая вновь усилившимся восточным течением, и чтобы восстановить управляемость, ему пришлось отдать команду добавить лишние пол-узла. Курс ничего не значит для системы наведения: она развернет ракету уже в воздухе, включив собственную систему позиционирования. Но это тоже часть «профессиональной культуры». Невозможность удержать лодку в пределах параметров,

«согласованных» с мозгами ракеты из-за смены тактической обстановки, почти точно собьет огневое решение. Изменение курса на градус никогда не приведет к этому, но может запустить сложную цепочку действий, которые должна будет выполнить ракета, чтобы эту мелочь компенсировать, — собственно вычисления навигационного блока, подача сигналов на рули, срабатывание механики. В какой-то микроскопической доле случаев все это в конечном итоге приведет к сбою на очередном этапе, и цель останется не поражена. Чего это будет стоить ходу войны, не способен предсказать никто.

Минута десять. На крышки контейнеров вертикальных пусковых установок подается предварительная команда. Коммандер Мартин уже держит ключ в руке: длинная цепочка из блестящих металлических шариков чуть покачивается на весу. Старшина откидывает колпак из желтого оргстекла, закрывающий гнездо.

— Минута ровно... Пятьдесят пять секунд... Ключ в гнездо, сэр!

Странно получить указание от старшины, но все верно. Коммандер Мартин даже не смотрит вправо: он и так знает, что командир отделения боевых систем набирает сейчас на другом пульте последовательность из

двух многозначных паролей. Включается подсветка гнезда: значит, пароли «прошли», принятые системой. Сейчас начнут последовательно открываться крышки шахт. Если у русских есть в округе действующая гидроакустическая система, ее оператор в эти секунды может непоправимо испачкать себе штаны.

Не похожий ни на что по форме, нагретый его телом ключ входит в гнездо без усилий, как намащенный. Подсветка мигает: это подтверждает опознание ключа.

— Сорок пять...

Коммандер переводит ключ в первое положение. Газогенераторы

пусковых установок начинают работать; краем глаза он видит, как по панели системы управления стрельбой бежит цепочка сигнальных огней. Загораясь один за другим, прямоугольнички сигналият о полной готовности установок, об отсутствии сбоев в цепях собственно ракет, о подаче команды «взведено — предварительная» на взрыватели их боевых частей. Старшина перещелкивает тумблеры по несколько сразу, быстрыми короткими движениями опытного специалиста.

— Полминуты...

Энсин отделения навигации и операций срывает с себя очки и

почти прижимает лицо к янтарно-черному экрану индикаторной панели пульта управления, считывая показания одной из подсистем. Теперь почти все делается без участия человека. Осталось одно движение кисти его руки, все остальное сделает техника.

— Двадцать...

Шум еще не слышен, но ноги уже улавливают вибрацию. Кто-то произносит сзади что-то непонятное: командер не узнает голос и не понимает сказанного, но интонация почему-то насмешливая, значит, это не может быть важно.

— Десять... Девять...

Это «окно», последняя

страховка всего комплекса от несанкционированного пуска. Если извлечь ключ или даже просто не сделать ничего — пуск не состоится.

— Семь...

Командир атомной подводной лодки «Сан-Хуан» 12-й эскадры подводных лодок специального назначения поворачивает пусковой ключ во второе положение. За секунду вибрация нарастает так, что со столов начинают падать карандаши и шариковые ручки, слетают листки бумаг. Он видел это много раз, он много раз поворачивал этот ключ, но сейчас колющие нервы иглы рвутся по его позвоночному столбу вверх. Так не было еще

никогда.

— Четыре...

Осталось четыре секунды на то, чтобы отменить пуск. Кому это придет в голову? Кто посмеет остановить то, к чему они все готовились всю свою сознательную жизнь, ради чего десятки лет тратили трудовые деньги многие миллионы граждан США?

Отсчет уже не озвучивается, незачем. Нарастает рев, потом «Сан-Хуан» дергается, и на фоне этого по перепонкам бьет звонкий металлический звук. Так, наверное, ощущалось попадание в корпус вражеского ядра или снаряда в век брони. Потом начинается просто

тряска. Газогенераторы вышвыривают ракеты вверх из-под слоя воды в 18 фатомов толщиной. При выходе каждый «Томагавк» разрушает мембрану своей капсулы и устремляется вверх, окутанный коконом кипящих пузырей. Цветовые индикаторы на панели мигают все разом и меняют цвет поодиночке.

— Сход!... Сход!... Сход!... — вопит немолодой уже уоррент-офицер, колотя кулаком по столу. Энсин за его спиной приплясывает и кривляется, размахивая сцепленными руками, как эпилептик.

Из пусковых установок «Сан-Хуана» выходит по ракете каждые 2,5

секунды: этот показатель в разы больше, чем для надводных кораблей, но с этим ничего нельзя сделать: врывающаяся в опустевшие контейнеры морская вода весит тонны. Но все равно, пуск 12 боевых ракет субмариной — это всего лишь полминуты. Когда все заканчивается, командер Мартин не дает экипажу поорать и попрыгать, похлопать друг друга по плечам, поаплодировать, как учат стереотипы дешевых кинофильмов. В отличие от большинства своих офицеров, уоррент-офицеров и старшин, он прекрасно понимает, что для всего этого не время. Они привыкли, что даже боевой пуск — это

безнаказанный удар по одному или другому арабскому побережью. В ответ на него на рубеж не прилетят противолодочные самолеты и вертолеты, не придут вышедшие из баз по тревоге надводные корабли и субмарины-охотники. Именно поэтому командовавший «Сан-Хуаном» во время Иракской войны командер Эдвард Такесуи получил всего лишь «Бронзовую Звезду». Тоже неплохо, если смотреть со стороны. За все время современных войн, в которых участвовали Вооруженные Силы США, их противники — арабские государства и югославы — не предприняли ни одной попытки сопротивляться в воздухе и на море.

И не всегда из-за того, что не имели такой возможности: скорее просто потому, что не видели перспективы. Поднимать в воздух ударные самолеты, прикрывая их истребителями? Да пилоты «Хорнетов» и «Томкэтов» аж скулят от ожидания, так этого ждут. Потертые долгой службой МиГ-21 против истребителей последнего поколения: исход любого столкновения просто очевиден. Да, можно припомнить две войны, когда господство в воздухе ВВС и флотской авиации США не распространялось на весь театр военных действий: Корейская и Вьетнамская. Но ни разу после 1945 года США не воевали с

государством, хотя бы в принципе способным противодействовать ударам с моря. Теперь все иначе. Наверное, это не все еще осознали, но термин «миротворческая операция», которым им продолбили все мозги в ходе подготовки в Гротоне, не вполне соответствовал сложившемуся за последнее время значению этого термина. Все привыкли — а он не соответствует, вот неожиданность для молодежи! А он, командер Мартин, понимает: как бы это ни называлось, вот теперь началась настоящая война с настоящим противником. Таким, который неоднократно наказывал за излишнюю самоуверенность самых

почитаемых полководцев мира.

Мощность реактора вновь ушедшего вниз «Сан-Хуана» была доведена до 40 % — по мнению старшего помощника командира, на данной глубине это обеспечивало лучшее отношение шумности и скорости. Они уже развернулись и теперь шли к северо-востоку. Мартин планировал обойти Колгуев именно с востока, снова встав в пару с «Александрией». Если им предстоит отбиваться от русских на отходе, это лучше делать по крайней мере вдвоем. Больше шансов целыми дойти до своего «зонтика». Опустошив вертикальные пусковые установки и потратив три торпеды на

потопление русского «Оскара» в интересах обеспечения развертывания и политических аспектов начавшейся миротворческой операции, «Сан-Хуан» далеко не исчерпал свои боевые возможности. Но конкретные боевые задачи ему больше не ставятся. Главная задача сейчас — уйти из русских вод целым.

— Экзек?

— Да, сэр?

— Было ли противодействие во время пуска?

Лейтенант-коммандер отходит от командира и некоторое время переговаривается с офицерами, потом возвращается.

— Нет, сэр, никаких признаков противодействия.

— Все 12 сошли чисто. Полная дюжина.

— Именно так, сэр. Я должен сказать, это было великолепно.

— Я объявлю благодарность команде лично, можешь не сомневаться. Когда для этого будет время. Пока же я просто говорю «спасибо». Это действительно была качественная работа.

— Без сомнения, сэр. Будем надеяться, они дойдут до цели.

— До целей, друг, до целей. До всех из них, будем надеяться.

Оба, не сговариваясь, посмотрели вверх, на покрытый

белой эмалевой краской («негорюче и нетоксично, патент США») подволок центрального командного поста. Оба отлично знали, что происходит наверху, за слоями стали и слоями моря. Через несколько секунд после выхода «Томагавка» из-под воды, одновременно с окончанием работы стартового твердотопливного ракетного двигателя ARC/CSD (он же просто «бустер»), пиротехнические заряды отстрелили хвостовой термообтекатель, что дало возможность раскрыться стабилизатору. За это время «Томагавки» успели подняться на высоту 9–12 тысяч футов, но

немедленно потеряли половину набранной высоты на нисходящей ветви стартового участка, чуть менее чем на полпути от рубежа пуска к береговой черте. Именно тогда на каждом раскрылись консоли крыла, выдвинулся воздухозаборник, и пироболты отстрелили бустер. Через минуту после пуска включился маршевый двигатель (если бы не включился, всплеск был бы услышан на «Сан-Хуане» даже, наверное, без помощи сонара), и «Томагавки» перешли на заданные траектории полета. Неполные 10 миль до берега не дали инерциальной подсистеме накопить значимую ошибку — та составляла 730 ярдов за час полета

над морем, и за считанные секунды и мили, которые потребовались «Томагавкам», чтобы пройти над головами онемевших жителей Индиги и Выучейского, отклонение измерялось максимум футами. Вероятно, это означало, что столь тщательная подготовка навигационных систем на предстартовом этапе была даже излишней, — не продолжай быть верными те аргументы, которые командер проговорил себе полчасом ранее.

Сейчас, через минуты после старта, в маршевом режиме высота полета ракет снизилась до 60–200 футов, а скорость упала от 750 до 550

миль в час. Через несколько миль после пересечения береговой черты, где-то над бесчисленными озерами и собственно рекой Индигой, блоки наведения «Томагавков» должны были опознать местность как первый район коррекции. И повести ее на полную дальность. Подсистемы управления и наведения TERCOM (корреляционная по контуру рельефа местности) и DSMAC (корреляционная электронно-оптическая) способны вывести «Томагавки» на цели с минимальным отклонением, и даже если русские проснутся, сбить больше четверти ракет им не удастся ни при каком раскладе. От устья Индиги на сотни

километров к югу, юго-западу и юго-востоку тянутся тундра и болота, а уже через несколько десятков минут полета курсы отдельных ракет будут разведены далеко в стороны друг от друга, что до предела осложнит возможности любой ПРО.

— *Godspeed...* [\[26\]](#)

Коммандер снова отвернулся к тактическому экрану и даже не стал переспрашивать кого-либо: отличное зрение позволяло ему считывать самый актуальный сейчас показатель с дисплея единой навигационной системы прямо со своего собственного места. Высокочастотный радар ближнего радиуса действия позволял

субмарине чувствовать себя в относительной безопасности даже на столь умеренных глубинах, но каждый лишний фатом под килем и над «парусом» принимался им с нежностью и облегчением. Европейцы называют лодочный «парус» — башнеподобную структуру на верхней части корпуса субмарин традиционной компоновки — «плавником». Коммандер не раз говорил вслух, что этот термин нравится ему больше: такой маленький мазок оригинальности он позволял себе без лишних тревог о том, что могут о нем подумать. Вся его жизнь и так состоит из тревог разной степени значимости. Именно

поэтому на командирских должностях так быстро сгорает здоровье крепких, сильных мужчин. Именно поэтому, а не только из-за власти над миллионами долларов и миллионами жизней, у способных удержаться на этой должности офицеров такой высокий социальный статус.

— Прошли изобату двадцать фатомов...

Уоррент-офицер ни к кому не обращался, но на секунду к нему оказались прикованы все взгляды. Поморский пролив довольно мелководен, но фактически они еще и не вошли в него. Тридцать морских миль, несколько томительных часов

малого и среднего хода, и они будут в самой центральной его части. Там располагается впадина аж в 30 с лишним фатомов глубиной, и этот рубеж притягивал мысли командира «Сан-Хуана», как бутылка притягивает мысли алкоголика. Если бы «Томагавки» могли бить на 100 миль дальше! Но это невозможно: просто потому, что тогда ракета станет тяжелее и длиннее и перестанет входить в капсулу или контейнер, или придется уменьшить вес боевой части. А тратить такие огромные деньги для того, чтобы доставить к цели далеко в глубине вражеской территории груз взрывчатки, весом сравнимый с

продуктовой тележкой, будет невыгодно. Нет, в своей нише BGM/RGM/UGM-109 «Томагавк» идеален, если не думать о его цене, — если бы даже современные, удешевленные BGM-109 отливали из чистого серебра, они и то стоили бы меньше. Именно поэтому, когда счет израсходованных «Томагавков» всех модификаций пошел в последних войнах на тысячи, налогоплательщики сразу ухватились за карманные калькуляторы. Караван ишаков, везущих полный груз «калашниковых» по ливийской или аравийской пустыне, не стоит и одного «Томагавка», даже без учета стоимости платформы, с которой его

запустили, систем целеуказания и так далее. У русских же полно достойнейших целей для каждой ракеты, стоящей 1,4 миллиона долларов, и для любой другой. Например стоящей 1,2 миллиона, как «Гарпун, Блок II», десятки которых в эти самые минуты идут на русские крейсера и эсминцы в их базах. Коммандер покачал головой. Очень вероятно, что задача, выпавшая тем его знакомым, кто наносит удары по арктическим и тихоокеанским военно-морским базам противника, кажется более благодарной лишь на первый взгляд. Русским есть чем обороняться. И обороняться они будут, можно не сомневаться.

История учила их слишком больно для того, чтобы лозунг «не отвечать на огонь, чтобы не дать повода обвинить себя в том-то» был актуален сейчас, в 2013 году. Ох, они будут стрелять... Когда ленивого, старого, с прогнившими зубами медведя пинают по толстому заду веселые туристы, им так легко представить, что это медведь нарисованный. Или пусть сидящий в прочной клетке зоосада. И вот как раз по этой причине первый удар по медведю в условиях «мы в страшном темном лесу» должен наноситься профессионалами. Наноситься даже не охотничьей винтовкой с оптическим прицелом, а пулями

крупнокалиберного пулемета. С максимально большой дистанции, и желательно из бронированной машины, двигающейся на большой скорости. Только тогда все закончится хорошо. А экстраполируя эту аналогию, мы получаем как раз то, с чего начали. Mk48 mod 5 по «Саратову» на полигоне и несколько сотен «Томагавков», запущенных по наземным целям непосредственно из русских территориальных вод, с территории нескольких их ближайших соседей и даже бывших союзников. Без каких-либо официальных нот и ультиматумов, кроме «текущих» обвинений во всем подряд, уже не привлекающих

большого внимания обывателей. Вроде насмешившего недавно командера Мартина «выражения озабоченности» в отношении очередного русского шага по отходу от демократии. Выразившегося в слишком большом числе полицейских, сопровождающих московский парад людей, альтернативно ориентированных сексуально. Хихикал он тогда несколько дней: просто потому, что фотография, переснятая кем-то из личного дела командира «Саратова», к этому времени уже была приклеена скотчем на переборку каюты командера Мартина. А второй ее экземпляр лежал в закрытом ящике

стола в его кабинете в Гротоне, штат Коннектикут. Уже тогда все было решено.

Он зачем-то посмотрел на подволок снова. Ближайшие десятки минут ракеты идут почти по прямой. Потом они разворачиваются на цели, и постепенно вытянутая цепочка летящих по одной ракет превращается в веер. Какие именно цели атакует «Сан-Хуан», командер Мартин знал, но без излишних подробностей. Три «Томагавка» в вертикальных пусковых установках его лодки были модификации UGM-109D Block III и доставляли к своим целям кассетную боевую часть BLU-97/B, снаряженную

суббоеприпасами «СЕВ» — «бомбами комбинированного действия». Имея всего лишь 3,4 фунта веса и содержа кумулятивный заряд с 11 унциями циклотола^[27] и зажигательный элемент (циркониевое кольцо) в насеченном корпусе, такие бомбы были убийственно эффективными против широкого спектра целей: от пехоты и небронированной техники на открытых позициях до бронированных машин, в том числе и современных танков. Цели этих ракет располагались почти вдвое ближе к устью Индиги, чем остальные. В одном случае (наряд в 2 ракеты) это был вынесенный от побережья

аэродром морской ракетноносной авиации ВВС русского Полярного — или «Северного» — флота. Насколько было известно на момент последнего инструктажа, в ходе которого затрагивалась эта тема, на аэродроме сейчас не базировалась авиатехника, однако он поддерживался в рабочем состоянии и мог использоваться русскими для рассредоточения уцелевших машин после поражения их «штатных» аэродромов. Третья ракета того же типа имела целью антенное поле в районе Новодвинска — города, располагающегося в 10 милях юго-восточнее Архангельска. По прямой эта цель была заметно ближе к

рубежу пуска, но «Томагавк» должен был двигаться по широкой дуге, чтобы выйти на нее с южных ракурсов. Так называемый «Беломорский бастион» являлся одним из мощнейших рубежей ПВО в северной Европе, и попытки преодолеть его одиночной ракетой «в лоб» были практически обречены на неуспех. Подробностей у Мартина не было, но он полагал, что эта конкретная ракета являлась частью комбинированного удара нескольких субмарин со средних дистанций и надводных кораблей с больших. Наверняка имеющего характер «звездного налета» и четко спланированного в отношении типов

используемых боеприпасов, времени и азимута подхода ракет к каждой из многочисленных здесь целей.

Остальные 9 выпущенных им ракет относились к более широко распространенной модификации UGM-109C Block III, с облегченной моноблочной боевой частью весом в 750 фунтов. Имея возможность дистанционного подрыва, они в основном все же применялись не по «плоским целям» — таким как, например, самолеты на аэродромах или мобильные ракетные установки, — а по «объемным», то есть бункерам, командным пунктам, плотинам водохранилищ, конкретным зданиям военного и

гражданского назначения. Важнейшей целью всего залпа «Сан-Хуана» стал завод «Маяк» в русском городе Киров — наряд на поражение составил в данном случае 4 ракеты, и командер не сомневался, что это минимально возможная цифра, за которую кто-то в отделах планирования флота дрался, как царь Леонид при Фермопилах. В принципе, удар по крупному промышленному объекту вступал в противоречие с объясненным им принципом «минимального повреждения» собственно индустрии России, в том числе военной. Однако все стало ясно, когда чуть ли не в последний день перед выходом в

море командер рискнул посмотреть в Интернете, что именно из военной продукции выпускает этот «Маяк». Оказалось — зенитное вооружение, легкое стрелковое оружие, некоторую электротехнику. Тогда понятно. Согласно доведенному до командиров субмарин в самых общих чертах плану, продолжительность боевых действий Коалиции против регулярных Вооруженных Сил РФ планировалась небольшой: около 5 недель. После этого операция из классической глубокой комбинированной военной переходила в формат «антитеррористической». Это подразумевало широкомасштабные

действия против инсургентов и одиночных террористов. Участие в этой фазе операции флота США будет являться эпизодическим или фактически сведется к нулю. Нет смысла тратить драгоценный вес первого удара на поражение кораблестроительных и танкостроительных заводов: их текущая продукция не сыграет никакой роли в начавшейся войне. Но заводы, производящие легкое стрелковое оружие, противотанковые гранатометы, боеприпасы, — это одна из первейших целей. Все определяется длительностью производственного цикла, поэтому приоритезация целей такого рода

вполне поддается расчету.

К слову, хотя домашний компьютер командера был защищен от постороннего вмешательства не хуже, чем система какого-нибудь банка, о проведенном с него поиске на ключевые слова «*Russia AND Kirov AND Mayak AND weapons*» он потом пожалел. Это могло дурно закончиться, поэтому он ни словом никому не обмолвился о своем маленьком успехе: подтверждении уровня собственной интуиции.

Еще три наряда в составе залпа «Сан-Хуана», по 2 или по 1 крылатой ракете каждый, были распределены на иные традиционные цели — узлы связи и командные пункты флота,

армии, ВВС, ПВО или ракетных войск. Можно было не сомневаться, что в общей сложности именно такие цели заполняли около половины списка целей 12-й эскадры и всей 2-й группы подводных лодок в целом. Впрочем, одна из ракет «выбивалась из ряда»: ее целью являлось правительственное здание в городе с невозможным в любом другом языке названием Сыктывкар. Попытки запомнить это слово и научиться произносить его без запинок на полном серьезе стали для командера Мартина и командира отделения боевых систем лейтенант-командера Ольссена предметом соревнования. Цель располагалась

почти на пределе дальности UGM-109D, и это была единственная трудность: не имелось ни малейших признаков наличия ПРО в районе столицы этой русской провинции. Зачем тратить дорогостоящий боеприпас и рисковать субмариной для того, чтобы сжечь набитый дыроколами и исписанной бумагой дом старомодной архитектуры, — это понять было сложно, но командер отнесся к одной из вводной в перечне целей «Сан-Хуана» философски. Надо, значит, надо. Год назад он довольно внимательно прочел двухсотстраничный труд по современному состоянию и

потенциалу ядерного вооружения США и отметил где-то в глубине памяти, что при нанесении ядерного удара военные и гражданские лидеры являются целями для 5 % боеголовок. Лидеры! Конкретные люди! Для ядерных боеголовок! Можно предполагать, что удар тысячи BGM-109 и MGM-140 по своей эффективности будет находиться в пределах того же порядка — тогда это продолжает быть логичным. Можно было, правда, вспомнить о том, что ни один губернатор или иной «политический лидер» не будет сидеть на рабочем месте ранним воскресным утром. И о том, что послать в любую дыру диверсанта со

снайперской винтовкой обойдется неизмеримо дешевле. Но его философского настроения это не изменило. Одна ракета из 12 — это чуть хуже, чем 5 %, но пусть будет так. В целом план был хорош и работал пока без сбоев.

— 26 фатомов...

Коммандер поморщился, но скорее облегченно: глубина росла. Этот район был наиболее мелководным, в котором ему приходилось управлять лодкой за годы службы, и здесь даже несколько фатомов были важны. До впадины в Поморском проливе, однако, было еще идти и идти, едва-едва не царапая обшивкой по дну. Идти

скрытно, неслышимо, будто перебирая босыми пятками по невидимому в темной воде песку. Это враждебные, русские воды, и они здесь не простые. Вдоль южной оконечности Колгуева тянется прерывистая песчаная коса, у которой почему-то двойное название: «Тонкие или Плоские Кошки», именно не «на выбор», а двойное. Есть еще «Восточные Кошки», а те, первые, делятся на «Западные» и «Южные». Чего, между прочим, нет на официальной карте выпуска Инженерных войск армии США, но есть на русской Р-3940 редакции 1990 года, выпуска военно-топографического

управления Генштаба России, свободно лежащей во Всемирной сети. С месяц назад молодой офицер из разведотдела эскадры перевел командерам Мартину и Вииксу значение этих слов, и оба довольно долго смеялись. Так вот, коса «Тонкие или Плоские Кошки» довольно сильно вдается в Поморский пролив. Где-то здесь начинается так называемое Поморское море, гидрографическое понятие, известное аж с XVI века. Еще чуть-чуть, и они войдут туда, и им всем станет легче. К этому времени первые ракеты из их залпа уже достигнут своих целей, превратив взлетно-посадочные

полосы русского аэродрома в
усыпанный обломками бетонных
плит, покрытый кратерами пустырь,
затянутый дымом горящих
керосинохранилищ... Антенное поле
— в мешанину перекрученной
арматуры... Правительственный дом
в центре Сыктывкара — в пылающий
остов, рухнувший внутрь самого себя
без единого целого стекла на милю
вокруг и устилающий бумажным
пеплом все, что видит глаз...
Остальные же цели еще будут ждать
своего часа, — ждать, пока
«Томагавки» идут к ним над лесами
и реками на высоте всего нескольких
десятков, максимум полутора сотен
ярдов, виляя соответственно изгибам

местности. Подождите еще, они скоро будут.

Коммандер улыбнулся усталой улыбкой хорошо выполнившего свою работу человека. Им всем оставались часы до хотя бы относительно безопасных глубин Баренцева моря. Только тогда он сможет позволить себе признать первый день новой исторической эпохи удачным.

Воскресенье, 17 марта

*...До тех пор, пока
представители
цивилизованных народов
будут воспринимать
отношение к русским как к
животным всего лишь как
одно из возможных
«мнений» (а то и в чистом
либеральном порыве
отвергать его как
недостойное,
«антидемократичное»),
они не получают
удовлетворительного*

ответа на вопрос «что происходит в России?» То, что с точки зрения цивилизованного человека кажется «отказом от гражданских свобод», для России и русских — не отказ от нормы, а возвращение к норме, потому что у русских — другие «нормы» и другие «свободы». Разница только в том, что в 90-е русские были голодными обезьянами, а сегодняшние русские — сытые обезьяны.

Вячеслав

*Шадронов,
журналист и
обозреватель по
вопросам
культуры.
Москва, Россия.
Декабрь 2007 г.*

Доктор Анна Варламова шагала по улице, помахивая зажатым в руке полиэтиленовым пакетом, и широко улыбалась. Эти два неполных дня были лучшими, что она пережила за долгое, долгое время. Ощущение теплого счастья переполняло ее, как последний раз бывало пусть не в детстве, но в беззаботной, давно уже ставшей отходить в прошлое жизни.

Когда был муж, когда только что родившаяся дочка делала жизнь полной — полной абсолютно, до самой последней капли. У них не было тогда ни своего жилья, ни даже надежды на то, что оно когда-нибудь появится, но они все равно были тогда счастливы. Это потрясающее, горячее, как солнце, ощущение стало уже забываться, заглушаться под ворохом каждодневных забот и вот вернулось снова. И ведь не было никакого повода, просто никакого. Счастье, оно было само по себе. Не найденный под крышкой лимонадной бутылки «код на миллион», не кареглазый незнакомец за рулем белого кабриолета — ничего

такого, что вкладывают в наши мозги видеоклипы и реклама. Даже погода была самая обычная для весны, как она выглядит в Петербурге: ни тепла, ни даже просто яркого солнца. Но уже с утра субботы было ясно, что это не простой день. Ведущая утренней музыкальной передачи заливалась охрипшим соловьем и даже сама со смехом констатировала: «Да что это такое со мной? До жаркого лета еще ждать и ждать, а я пою, как птичка. А все ради вас, мои дорогие!..» Анна поймала тогда улыбку дочери, нежную и лукавую, как у кошки, и засмеялась сама. Именно так и начался этот чудесный, похожий на песню день, который не

кончился и сейчас, к раннему утру воскресенья. Они и пели, точнее, орали какие-то невнятные отрывки из старых и новых песен, прыгая на широкой, еще супружеской кровати, взявшись за руки, как не делали уже тысячу лет. День вдвоем среди дворцов, среди гуляющих людей, которыми неожиданно оказались полны улицы. Как давно они, оказывается, не были в городе! Причем не по магазинам, не в кино даже, а именно ради его красоты, равной которой не найти. Во всяком случае, им, не избалованным Карибами или видами заката на каком-нибудь там Серенгети с его слонами и зебрами. Мороженое на

палочках с лотка на продуваемой всеми ветрами Дворцовой — пусть не сезон, пусть ангина потом, плевать! На площади рябило от счастливых лиц, парочки целовались в засос, и это не раздражало, такие все вокруг были красивые. Ни одного грубого слова за целый день, ни одной мерзкой полупьяной или пьяной хари, плевка под ноги у подножки трамвая, бездумного оскорбления в спину у подъезда. Даже ни намека на такое — только болтающий хвостиками их шарфов ветер и растворенное в нем счастье. Вечер вдвоем: под пледом и у телевизора, как мечталось. Какая-то дурацкая комедия вполуха, было

совершенно неважно, что там мелькало: так им было хорошо вместе. Даже ужин не готовили, Анна заказала пару пицц на дом, и они слопали их перед мерцающим экраном, пересмеиваясь и облизывая пальцы, как ровесницы. Слава богу, востребованный доктор может позволить себе покормить ребенка вкусной пиццей, дожила до исполнения студенческой мечты! Даже при том, что она одна и пары не предвидится, она однозначно сможет вырастить дочь, дать ей поступить в нормальный институт, куда бы она ни захотела. Красавица растет, и хорошая, на зависть всем... Господи, пусть бы так каждый день

было, как вчера, чтобы люди улыбались, а не грызлись! Пусть мелочам, пусть собственным мыслям, но улыбались!

Анна поймала взгляд идущего навстречу молодого человека и буквально силой заставила себя не отводить взгляд. Она и сама еще достаточно молода, что бы там ни говорило зеркало. Чуть меньше работать каждую неделю, чуть перераспределить деньги с дочкиных музыки и английского на себя, и такие молодые люди станут смотреть ей не только в лицо, но и в спину, когда она давно пройдет! Вот так!

Она мотнула пакетом в руке и улыбнулась парню уже совсем

бесшабашно. Интересно, что он может подумать при виде загадочно улыбающейся женщины, идущей по улице утром воскресенья? О том, откуда она идет с таким выражением на лице, после чего? Не угадал, конечно, но и это тоже может заставить улыбнуться. И ее, и редких в эту пору прохожих, идущих по своим делам. Пиццы слопали вечером, а продуктов к концу недели нет, как обычно. Именно в субботу и должны были покупать: добрались бы с сумками на трамвае от «Ленты» или «Карусели», которых понастроили через каждые два-три квартала. Кварталы у них в районе, впрочем... В другом месте это

называлось бы «три дня на оленях и два на собаках». И вот утро — а завтракать нечем. В другой раз она повалялась бы, глядя в потолок, а то бы и еще как-нибудь время провела, но после чудесного дня, напрочь выветрившего из головы гнусную пятницу, доктор Варламова решила побаловать себя и дочку. Хороших вариантов было много. Свежие французские булочки на проволочной решетке, которую можно поднять над тостером. Или свежие круассаны — шоколадные, скажем, хотя это совсем разврат. Так что пальто едва ли не поверх ночнушки, и вперед, к продолжению отлично начавшихся выходных!

Люди на улице, конечно, были: даже несколько многовато для утра. Парочки, склонившие друг к другу головы, на некоторых лицах — настоящая нежность, которую не показывают чужакам. Из ночных клубов поздновато, молодожены спать еще должны. Однако идут. Пара человек с нормальными лицами: не такими счастливыми, как у нее. Кто-то чем-то озабочен, кто-то досыпает на ходу. Анна перевела взгляд от лица еще одного многообещающего молодого человека вперед, и тут ей впервые что-то не понравилось. Нет, не в лицах. Если судить по ощущениям — где-то сзади, за спиной: как будто кто-то провел

холодом по пояснице. Она чуть замедлила шаг и обернулась, затем начала уже внимательнее оглядывать пространство вокруг. Так, конечно, и положено делать, если ты не вокруг Женевского озера гуляешь, но она просто расслабилась.

Женский визг и мужской хохот — это совершенно нормальное сочетание: компания идет из кабака или из гостей, пусть действительно только к утру. Никакого дела до этого ей нет, если веселящаяся компания не начнет задирать окружающих, но вот это как раз случается. Однако компания была впереди, а не позади — это не они ее нагоняли, а она их своей летящей походкой. А скорее,

они вынырнули откуда-то сбоку, из проходного двора или подъезда. Через несколько секунд Анна чуть замедлила шаг, — даже не для того, чтобы лучше рассмотреть странную группу в пятнадцати метрах впереди, а чтобы каблуки не стучали по асфальту так громко. Девушка визжала не переставая, до всхрапывания, как полная дура. Пьяная? Трое мужчин так же не переставая хохотали, выкрикивая что-то друг другу. Что-то неразличимое, неразборчивое, хотя интонации были четкими. Двое несли девушку на руках, без особого труда, хотя та явно была высокой. Третий шел в паре шагов позади,

подпрыгивая в восторге, взмахивая рукой. Что-то во всем этом было неправильное. Анна наморщила нос, еще не до конца переключившись на происходящее со своих собственных ярких и радостных ощущений. Несколько прохожих ускоряют шаги, опускают лица; девушка взвизгивает и вскрикивает, парни хохочут и тоже выкрикивают что-то на непонятном языке.

Да, теперь это было ясно: язык был чужой. А когда замыкающий странную группу молодой темноволосый мужчина полуобернулся, широко обводя ладонью вокруг, как бы показывая всем на что-то, стало ясно, что он

кавказец. Что ж, тогда странное и напугавшее ее сначала ощущение в спине становится объяснимым. Нехорошо, конечно, но за последние 5–10 лет стало нормальным на всякий случай держаться подальше от кавказцев на улице или, скажем, в вагоне метро. Особенно если ты молода и одинока, а улица пустынная и плохо освещенная, а вагон полупустой. Неправильно это, некрасиво. Анна отлично знала армян или грузин, бывших великолепными людьми: чудесными мужьями нескольким ее дальним подругам, отличными собеседниками при случайных встречах на каких-то чужих днях рождения. Совершенно

блестящими врачами, это как самый близкий ей вариант. Что именно армяне абсолютно лучшие в мире акушеры и гинекологи — это она считала установленным фактом. Но что уж поделаешь, если это сочеталось со всем остальным, что и объяснять не надо, все знают... И стыдно, и не сделаешь с собой ничего, — демонстрировать смелость и дружелюбие в полдевятого утра на стильной улице пока законом не требуется...

Что-то они такое непонятное делали там впереди, возились между собой. Недоигрались в кабаке, в ночном клубе? Анна не помнила, когда последний раз была в одном

или другом. Сначала дочку не с кем было оставить, потом выяснилось, что и денег нет, и пойти особо не с кем. А теперь отвыкла как-то, и не хочется...

Она подняла глаза в очередной раз, надеясь, что не наткнется на взгляд последнего кавказца, так и не увидевшего ее пока. Тот в очередной раз махнул рукой, будто выкидывал что-то, что ему передавали спереди, от двух несущих булькающую пьяным хихиканьем девушку товарищей. Группа уже довольно далеко ушла вперед, и холодок в пояснице тоже постепенно рассосался. Нет, все нормально: просто веселятся люди. Ну, выпили — выходные же. Потом

взгляд зацепился за яркую тряпку под ногами, и остановившаяся Анна с некоторым недоумением поняла, что это шейный платок. Из завернувшейся жгутом каймы выглядывал кусочек не узнанного ею дворца, — что-то итальянское, кажется. Платок был не дешевый, судя по типу ткани: в хорошем курортном месте такой стоит достаточно заметные деньги. Уронила?.. Потом она заметила еще один «предмет туалета», — женскую туфлю на умеренной высоты каблуке, одну. Вот это уже было совсем плохо: как бы молодежь ни хвалилась своей силой, а идти девушке все равно рано или поздно придется. В голове

мелькнуло: догнать, вернуть, — но будут все эти смазанные картины с пьяными благодарностями, пьяными знакомствами... Эта последняя мысль задержала ее буквально на секунду, но за эту секунду Анна очень четко увидела, что один из ребят или молодых мужчин явно просто оторвал от одежды все так же хрипящей и болтающей ногами девушки какой-то светлый клочок и кинул его под ноги. Это было настолько поразительно, что она застыла. В следующее мгновение очередной прохожий вдруг поступил совершенно не так, как все предыдущие. Это была женщина старше средних лет, при взгляде на

одежду и комплекцию которой сразу же приходило на ум слово «тетка». Та не прошла мимо веселящейся компании, как все остальные, а вдруг запнулась на полушаге, развернулась всем корпусом и взмахнула сразу двумя руками, почти скопировав жесты оказавшегося напротив нее кавказца.

— Да что же вы делаете, сволочи!!

Вопль тетки был настолько громким, что Анна вздрогнула. Ох, как она не любила скандальных теток типа этой. Слава богу еще, что на ее рабочем месте такие, за очень редкими, несгибаемыми исключениями, вели себя тише.

Произошедшее после этого заставило ее остановиться окончательно. Смеющийся кавказец не ответил завопившей ему в лицо тетке грубым словом, как она ожидала. Он достал откуда-то пистолет и выстрелил той в низ груди.

Хлопок был не слишком громким, но явственно ударил по перепонкам. Тетка рухнула на мерзлый асфальт, как срубленная косой, не издав ни малейшего звука. Вообще стало вдруг на редкость тихо — все будто оцепенело. Длилось это едва секунду, потом снова стали слышны хриплые визги девки, пересмеивание и непонятные ей

комментарии волокущих ее куда-то вперед ребят тому, третьему, снова пошедшему за ними. Женщина осталась лежать, не двигаясь. Анна моргнула. Навстречу группе бежал еще кто-то другой. До него было дальше, и деталей она не разобрала, просто запомнилось: высокий, всклокоченный. Кавказец поднял руку и что-то крикнул: как ей показалось, предупреждающе. Идущие спереди товарищи с их грузом мешали ему, тогда он сдвинулся вбок и тут же выстрелил еще раз, в бегущего. Того буквально сбilo с ног, но не отбросило назад, а кинуло вперед, — туда же, куда он бежал, лицом вниз. Мужчины

зашлись в хохоте, девушка, кажется, тоже: только голос едва прорывался сквозь хрип. Одна пятка — босая, в черном чулке — бешено молотила воздух. Лежащий бил ногами, вбивая носки ботинок в асфальт. Странная четверка остановилась над ним, громко, возбужденно переговариваясь.

Начали оглядываться на все стороны. Увидели Анну. Один что-то сказал более глухим голосом, чем все, что до этого, — и вдвоем с соседом они опустили девушку на землю. Та почему-то вскрикнула особенно громко, этого Анна не поняла уже совсем.

Тот кавказец, который был в

группе замыкающим, а теперь стоял чуть в стороне, произнес какую-то недлинную фразу, адресованную своим, и сделал шаг к ней. И в этот момент на него сбоку кинулся какой-то неизвестно откуда взявшийся парень. Он был без шапки, и бело-рыжие волосы делали его, высокого и почти тощего, похожим не то на шотландца, не то на немца. Они сцепились с кавказцем на секунду, не больше, и с силой рубанувший запястьем по уже разворачиваемой к нему руке с пистолетом парень успел нанести всего один удар. Короткое лезвие, зажатое между пальцами, взблеснуло в воздухе, и он тут же одним длинным движением вогнал

его в шею стоящего. Солнцу оставался еще почти час, прежде чем оно начнет напрямик пробиваться между домами, но блеск был явственным, как настоящий солнечный зайчик.

Предостерегающий крик запоздал — парень выдрал нож из чужой шеи и хищно развернулся от валящегося ему под ноги навстречу двум другим. Те оттолкнули девушку с пути и сами шагнули навстречу, зачем-то пригибаясь к земле. Раненый кавказец катался по асфальту влево и вправо, пытаясь зажимать шею ладонями, и трое начали буквально рубиться прямо над его телом, обмениваясь длинными,

полосующими ударами. Несколько секунд или даже их обрывков, — и «шотландец» начал кричать. Он пытался отступать, едва уже двигая рукой с криво зажатым в ней коротким ножом — при каждом взмахе в разные стороны летели брызги, — но его били с двух сторон, не трудясь даже нагнуться за пистолетом, валяющимся под ногами. Крик погибающего шел рывками, получающийся тогда, когда ему удавалось набрать воздуха. Страшный, если бы он был настоящим.

Еще секунда — и его свалили, потом некоторое время били ногами с двух сторон. Он так и продолжал

кричать: с мукой в голосе, с паузами, в которые чудилось — все. Затем к нему наклонились, сделали несколько быстрых движений. Они казались уже лишними — крик прервался уже после первого или второго. Девушка так и застыла на том месте, куда ее оттолкнули с пути. Теперь стало ясно, что она не хохочет сквозь пьяный хрип, а воет. В одной туфле, поджимая вторую ногу, неподвижная, закрыв лицо руками, она так и продолжала стоять, когда разогнувшийся наконец от лежащего в черной луже рыжего парня мужчина шагнул вперед и перерезал ей горло. Второй щупал шею своего товарища, уже неподвижного:

упавшая с каким-то неприличным мокрым хлипом девушка задела его руками, и он с неудовольствием оглянулся с корточек.

Прислонившись к серой стене дома, Анна смотрела на все это, происходящее перед ней, со спокойным интересом — как дети смотрят мультфильмы. До нее доходили звуки, без труда преодолевающие полтора десятка метров, на зрение тоже нельзя было пожаловаться. Даже запахи чувствовались: на холоде резко и остро пахло не свернувшейся еще кровью — этот запах был ей знаком лет пятнадцать минимум. Так что галлюцинация получилась сложная,

многоплановая, питающая сама себя. Было совершенно ясно, что ничего этого на самом деле происходить не может. Плечу было холодно от стены, ноги затекли от неудобной позы, — вот это было реально. Соответственно, то, что было впереди — просто казалось.

Сбоку слышался топот — бежал кто-то тяжелый. Анна не торопясь оглянулась, решив пока подождать с анализом. Это оказался милиционер: карикатурный, как их представляют в дешевых телесериалах, то и дело мелькающих на наших телеэкранах. Мордатый, с животом, в свернутой набок серой пузатой куртке, потный. Последнее

было очевидно: несмотря на не летнюю погоду, от него буквально несло острым и гадким запахом. Милиционер пропрыгал вперед и где-то на полдороге между Анной и кажущимися фигурами одним коротким движением сумел привести себя в равновесие. Было даже странно, что это у него получилось: впрочем, искать во сне логику дело неблагодарное. Двое кавказцев, стоящих над как бы мертвыми (те были набросаны едва ли не горой), одновременно прыгнули в разные стороны — это было уже просто смешно, и она не стала себя сдерживать — засмеялась. Милиционер начал стрелять из

своего игрушечного пистолета, и тот захлопал, как ворох детских хлопушек на празднике. Двое впереди закричали что-то, — наверное, друг другу. Они уже повернулись к Анне и что-то наверняка символизирующему призраку милиционера спиной, но сказать «и бросились бежать» было невозможно — одного из них сбило на землю сразу. В другого практически тут же попали одна или две пули — пистолет в руках стоящего как-то полубоком милиционера ходил вверх и вниз. Кавказца перекосило на бегу, он захромал — и серая карикатурная фигура снова кинулась вперед. За

секунду милиционер сократил дистанцию метров до пяти и вновь открыл огонь. Во всяком случае, именно так Анна интерпретировала серию хлопков и падение человека еще дальше впереди. Сам пистолет был заслонен от нее, но никакого пламени и дыма не было в любом случае. Опять же, понятно почему: пистолет — это тоже символ.

Рядом остановился еще один человек: Анна даже не слышала, как тот подошел сзади. Крупный мужчина с уверенным строгим лицом, хорошо одетый. По типу — нормальный «старший менеджер». Интересно, настоящий он или нет?

Милиционер пробежал своей

подпрыгивающей походкой еще несколько шагов, настиг упавшего. Наклонился над ним где-то с метра, тут же разогнулся. Выстрелил в лежащего. Вернулся чуть назад, к основной группе. Еще выстрел. Анна осознала, что тела были обозначены в ее воображении слишком уж яркими мазками. Да, простыми, но яркими: таких красок не бывает или почти не бывает. Пухлая серая фигура наклонилась еще несколько раз над каждым из тел. Очередные секунды, и милиционер подбежал к ним. Даже лицо у него было слишком простое — застывшее, как маска. Только глаза как-то выделялись. В том, как он на нее посмотрел, пусть и

мельком, была настоящая ненависть. Потом он куда-то делся.

— Этого всего не было, — очень твердо, уверенно сказал мужчина за плечом. — Это кажется.

Анна согласно кивнула. Разумеется, кажется. Все было построено очень схематично, какими-то грубыми блоками, как дети строят кривую башенку из крашеных деревянных кирпичиков. Или слоями, это сравнение тоже подойдет. Сначала трое тащат упирающуюся девушку по освещенной, уже дневной улице, не обращая внимания на прохожих. Это натуральный штамп из дешевого кинофильма, что-то из 50-х годов,

вызывающее ассоциации с черно-белой пленкой и открытыми автомобилями излишней длины. Потом жирная тетка со своей сумкой — только она появляется, и ее со смехом как бы убивают одной пулей. Потом вообще похожий на комикс «шотландец». Ну, и завершающий всю сцену в целом карикатурный символ милиционера. Снова похожий на оживший кадр кино, пусть и более дешевого, зато более современного. Конечно, все это ерунда, но повод для анализа интересный. Галлюцинация была сложная, то есть одновременно затрагивающая сразу несколько анализаторов: слуховой и зрительный как минимум. Пусть

схематичная, но не вполне абстрактная — у милиционера были карманы на куртке, у как бы застреленной тетки был визгливый голос профессиональной скандалистки, ну и так далее. Такое, наверное, тоже бывает, просто она не знает, когда именно. Металкогольный делирий? Анна поджала губы, сообразив, что больше ничего на память не приходит. Что ж, надо было лучше учиться, или уже после выпуска эту специальность подтянуть. Пьет она мало, а по русским меркам так вообще почти ничего, и резкого обрыва запоя тоже не переживала. Да и судорог нет, хотя в голове как-то смутно запало, что

они должны быть. Значит, не то.

Она даже улыбнулась своей мысли: можно подумать, это надо доказывать самой себе! Независимо качнув головой, Анна оторвалась от стены и шагнула вперед. Мужчина был уже шагах в десяти, бочком пробираясь мимо тел. Никаких других прохожих рядом не было, — еще один признак схематичности картины. Решительно улыбаясь, она продолжала переставлять ноги, но с каждым шагом получалось это почему-то все медленнее. Мужчина впереди остановился, обернулся к ней. Его лицо потеряло уверенность: на нем появилось какое-то смешанное выражение, которое Анне

неприятно напомнило что-то недавнее. Еще несколько медленных шагов поднесли ее чуть ближе, и она остановилась совсем. Где-то в стороне пронзительно кричал человек, причем, кажется, взрослый мужчина. Кровь под изрезанным «шотландцем» растеклась уже далеко в стороны, превратив кусок асфальта в идеально черное, бликующее жидким пятно. Лежал он лицом вниз, но на обращенных к ней боку и неестественно вывернутой руке были видны многочисленные пробои — будто в светлую куртку действительно били ножом. Часть ударов, впрочем, была режущей.

— Нет, — ненормальным

голосом сказал стоящий в паре метров впереди мужчина и снова замолчал. Анна тоже не знала, что сказать. Почему-то пришел на университетский курс судебной медицины, где учили описывать место преступления, интерпретировать наиболее характерные раны и тому подобному, что ей ни разу пока не пригодилось во всей взрослой жизни. Там тоже многое казалось схематичным — уж очень не верилось в том чудесном возрасте, что такое может случиться с кем-то на самом деле. С кем-то. Далеко. В другом времени, следы которого оставались на старомодных этикетках на банках с препаратами:

забальзамированная кисть
человеческой руки с ладонной
поверхностью, покрытой глубокими
поперечными порезами. Именно так
бывает, когда человек пытается
отбиться от ножа голыми руками.
Именно так выглядела изрезанная
рука на асфальте перед ней, — да, у
«шотландца» выбили его
собственный короткий нож, это она
видела.

Мужчина вдруг коротко
проскулил, почему-то шепотом. Анна
подняла на него глаза и поразилась:
такое у того было бледное лицо.
Куда-то делись уверенность и даже
решительность, непробиваемая
печать которых въелись в него за

годы. Теперь оно было почти детским, какие бывают у детей лет в семь, наконец-то узнавших, что бабушка не просто «уехала и не приедет». И глаза больные... Опять же это напомнило что-то недавнее, смутно и неприятно.

Вблизи почти реальными выглядели и остальные: трое кавказцев, «тетка», девушка. Ее рот был открыт, губы и язык запачканы кровью. Хорошее черное шерстяное платье скрывало цвета, но все равно можно понять — кровь из перерезанных сосудов пошла наружу волной. Анне мимоходом подумалось, что пять минут назад она даже не заметила, что на живой

тогда девушке нет ни куртки, ни плаща хотя бы — при этой-то погоде. Откуда ее взяли? Потом она перевела взгляд на убитого еще «шотландцем» высокого брюнета с застывшим на лице выражением недоумения и неожиданно заметила на земле пистолет. Оказывается, она едва не наступила на него ногой. Этот простой факт принес Анне огромное облегчение: если бы все было хоть в какой-то мере настоящим, как ей вдруг начало казаться, пистолет бы не лежал здесь, его забрал бы милиционер. Ну конечно! При всей многослойности привидевшейся ей картины милиционер полностью «сводил ее на нет». Даже если

предположить, что она стала свидетелем какой-то обрывочной истории с маньяками или пусть террористами, милиционер никогда не стал бы вести себя так, как она это «увидела». Не стал бы стрелять в людей, особенно в южан, абсолютно никогда. Все знают, что за это будет любому милиционеру, пусть на его глазах хоть десять русских зарежут. Не стал бы, тем более, стрелять в убегающих. Добивать раненых — если это действительно имело место и ей не показалось. Не стал бы уходить с того места, где все это произошло: дождался бы, конечно, пока приедут машины с другими милиционерами, оцепят все вокруг,

допросят свидетелей, допросят и арестуют его самого. Не бросил бы пистолет.

Пожав плечами, Анна подняла испачканный кровью пистолет и понюхала. Глупо, но тот пах кровью. Пачкал руку. Он был тяжелым, холодным и оставлял в тут же уставшей ладони явственное ощущение металла. Снова повернувшись, Анна протянула пистолет разглядывающему ее мужчине, но тот отрицательно покачал головой. Зубы у него стучали. Пожав плечами, она опустила глаза. Что делать теперь? В сумочку его не положишь — безнадежно испортит кожу. Платком

вытирать тоже глупо: не сшили еще такого платка в дамском исполнении. В итоге Анна просто понесла его в опущенной и чуть отведенной от тела руке, с трудом держа оружие тремя пальцами и стараясь не прикоснуться к нему бедром. Она миновала тела среди пятен пронзительно пахнущей сворачивающейся крови и дошла наконец до участка чистого асфальта. Лишь здесь ей пришло в голову положить пистолет в полиэтиленовый пакет. Тот самый, с рекламой импортной фармацевтики, который она взяла для круассанов. Их теперь туда не положишь...

Теперь под ноги смотреть не

было нужно. Анна подняла голову и моргнула. Что-то она все-таки напутала. Или пистолета в пакете на самом деле нет, и тогда круассаны вполне могут туда лечь, или он есть. И тогда все совсем иначе: все, с самого начала. Она опять моргнула, сию же минуту протолкнуть через ослепленность какую-то назревающую, но пока не оказавшуюся способной сформироваться мысль. Возможно, ей прыснули в лицо какой-то дрянью, и теперь она «смотрит мультики», как молодые наркоманы по своим засидкам. Или произошла какая-то утечка неизвестной химической дряни: это объясняет, кстати,

поведение мужчины. Анна оглянулась снова: тот так и скулил, не в силах оторвать взгляда от тел. Ну что ж, его дело.

Она пошла вперед уже быстрее, опустив руку с пакетом. Если напрячься, можно было заставить себя забыть о пистолете внутри. Забыть произошедшее. Но напрячься не получалось — мешали мысли.

По улице пронеслась одинокая машина, щелкая плохо зафиксированным колпаком на одном из колес, виляя из стороны в сторону. Анна обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как вцепившийся в руль водитель едва избежал встречи с бетонным

столбом. Тела он объезжал на большой скорости, но ей даже показалось, что глаза у водителя тоже белые и безумные, почти как у мужчины позади. Наморщившись от напряжения, она пошла дальше, рассуждая о том, что в салоне быстро едущей машины нанюхаться химии может быть сложновато. Рассуждения все время сбивались, и это раздражало.

Магазин был открыт — алая вывеска «24 часа» выглядела просто как транспарант над островом спокойствия и стабильности. Здесь все было как обычно.

— Что там такое? — лениво спросила Анну продавщица за

стойкой, когда она подошла со своей полупустой корзинкой.

— В смысле?

— На улице, — так же лениво объяснила продавщица, выглядевшая лет на двадцать. Резинку девушка не жевала, но та подразумевалась. Одета же она была «в самый раз», то есть бликовала бюстом во все стороны. У фармпредставителей это называется «повышать продажи».

— Там че-то бегали, топотали. По радио фигню какую-то сказали, как пьяные, потом замолчали. И машин мало.

Анна кивнула, машин действительно было меньше обычного. До дачного сезона еще

далеко, но на часах скоро девять: в это время в их огромном городе уже приходится по три раза оглядываться, переходя улицу на зеленый свет.

— Не знаю. Ерунда какая-то, — сухо ответила она. Девушка протянула «а-а-а...» таким тоном, будто ей хватило объяснения.

Следующая минута прошла в обычных движениях: открыть сумку, достать деньги, проверить сдачу. Это чуть помогло взять себя в руки, как помогают их ритуалы курильщикам. Но потом пришлось купить новый, чистый пакет для сдобы — и это опять переключило мысли на произошедшее. Показалось ей все это или нет? Пистолет в пакете все-

таки был — ругая себя, Анна все же проверила это еще раз. Девушка что-то такое слышала. Значит?

Быстро закончив, она вышла из магазина и внимательно огляделась по сторонам. Нет, все тихо. И пустовато. Подумав, Анна решила возвращаться по другой улице: чтобы не сталкиваться с воющим мужичком, показавшимся ей сначала интересным. И с милиционером, ищущим чужой пистолет и ждущим ареста за терроризм, возмутительное проявление расовой нетолерантности и все такое. Можно пройтись лишние 10 минут до площади Ленина — там люди всегда ходят толпами: кто-то на электричку

спешит, кто-то из метро выбегает. Торговый городок опять же — уж там жизнь должна просто кипеть. Кивнув самой себе, Анна оторвалась от двери магазинчика и пошла уже быстро. Ей даже не нужно было кого-то расспрашивать, что-то узнавать. Просто посмотреть на нормальное коловращение жизни было вполне достаточно: сочетание станции метро и вокзала подходило для этого отлично. Однако до них Анна дойти не сумела. Свернув на улицу Лебедева, она еще метров со ста увидела негустую толпу: встав полукругом, пять или шесть человек разглядывали что-то, лежащее у их ног. Подумав, Анна достаточно

уверенно подошла к ним и остановилась точно так же, как все остальные. Почему-то ее совершенно не удивило то, что она увидела. Три мертвых тела: два лежат рядом, вплотную друг к другу, третье чуть дальше вперед. Все трое были в зеленой военной форме. Примелькавшиеся в городе и в больницах нашивки на плечах шинелей соответствовали району города: Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова. По две золотых звездочки на погонах: все убитые были подполковниками медицинской службы, причем армейской.

Немолодой мужчина слева глухо

всхлипнул, и Анна опять машинально кивнула. Она была терапевтом, и хотя крови в жизни навидалась, но подобное опять же могла видеть только в учебниках по «судебке», судебной медицине. Два выстрела в затылок в упор, третью расстреляли в спину — явно последней. Некрасивые голенастые ноги подполковника торчали из-под задравшейся форменной юбки, от этого хотелось поморщиться. А вот входные пулевые отверстия в зеленой шинели выглядели почти абстрактно, придать им особый смысл было сложно. Впрочем, последняя мысль опять была лишней: все это, разумеется, в любом случае было не

настоящим.

— Кто-нибудь видел, как это случилось? — тихо произнес высокий худой парень, стоявший так близко, что Анна чувствовала тепло кисти его руки.

— А чего там видеть, — так же тихо, почти глухо ответил мужчина слева. Анна взглянула: этот выглядел так, будто давится. Неудивительно, конечно, от такого-то зрелища. Ей легче: несмотря на оглушение, она-то понимает, что это галлюцинация. Не смешная, но какая уж есть.

— Они сначала милиционера убили. Там, на углу... — Мужчина мотнул головой, как верблюд. — Потом сюда. Я как упал сбоку, так и

лежал потом минут пять...

— Кто «они»? — мертвым, полностью лишенным интонаций голосом поинтересовалась блеклая женщина, тоже стоящая рядом. Впрочем, они все стояли близко друг к другу, будто старались укрыться от ветра.

— Не знаю. Откуда мне знать.

— Не чечены?

Анна вспомнила привидевшееся ей сколько-то десятков минут назад и посмотрела на спросившую чуть внимательнее.

— Нет. Обычные. Просто подошли к милиционеру у всех на глазах, «хлоп», «хлоп»... Народ сразу же по сторонам, а они как-то быстро,

как-то сразу, — в спину девочкам забежали, и...

Он не договорил, но Анна уже и не слушала, оглядываясь по сторонам. Голос без интонаций или почти без интонаций: где она такое слышала? Пусть почти такое? Опустив взгляд, она начала отходить от остальных, но тот же худой парень посмотрел на нее такими мертвыми глазами, что ее пронзило насквозь. Это был словно электрический разряд, который пробивает тело и уходит в мокрую землю через подошвы, оставляя за собой оплавленные дырочки, как от пуль. Ее скрутило жуткой, невыносимой судорогой, буквально перекрутив

мышцы торса и рук винтом, наискосок, одним восходящим, приподнимающим на цыпочки движением, — как античного дискобола. Анна взвыла от боли и ужаса, в глазах за какую-то долю секунды потемнело. Это было, как будто ее жрет какая-то огромная змея. Она рухнула сначала на колени, затем ее повалило набок. Парень мгновенно прыгнул сверху, развернул, согнувшуюся, к себе лицом. Выдернув из кармана платок, он попытался залезть ей в рот. Анна отбивалась, уже хрипя, а не крича, — и он постепенно понял, только продолжал придерживать за плечи, прижимать к земле неожиданно

сильными руками.

— Все... Все... — приговаривал фиксирующий ее щиколотки мужчина, будто это было нужно. Еще несколько спазмов, еще рывки — и она затихла, глядя в серые асфальтовые крошки перед своим лицом. Было холодно — так холодно, что плохо получалось дышать. Парень помог ей сесть, мужчина заглянул прямо в лицо. Кто-то еще присел рядом. Было даже странно, что такое внимание оказывается одному живому человеку, когда рядом трое мертвых.

— Я уже... Уже все... Спасибо, — сумела произнести Анна, и ей покивали, отпуская.

— В военкомат? — непонятно спросил мужчина. Парень кивнул, и от этого простого жеста ее вновь бросило в дрожь. Подняться удалось не сразу: теперь ей уже не помогали, а ноги все еще подгибались. Постояв с минуту на одном месте, Анна отошла к стене дома и прислонилась к ней, как ребенок. Это сработало — вскоре она уже сумела выпрямиться и стала лучше соображать.

Еще несколько взглядов по сторонам: люди разошлись, тела остались. Пронеслись несколько машин, в том числе черная «Волга» с военными номерами. Торопливым шагом прошел очередной прохожий. Новый, не из тех, кто стоял рядом с

ней. Он не остановился. Анна достала из сумочки сотовый телефон и отщелкнула зеркальную крышку. Слава богу, связь была — поверх пушистого котенка в ромашках ярко светились полосочки индикатора качества приема. Торопясь так, что при каждом ударе едва не ломались короткие врачебные ногти, она настукала в телефонной книжке аппарата фамилию Ляхина. Удар по сияющей зеленым кнопке соединения. Гудки.

— Да.

Голос в трубке был таким же, как в прошлый раз. Таким, каким она запомнила его с пятницы. Таким же, как у этих людей за спиной.

— Коля, — быстро произнесла Анна в трубку. — Ты знаешь уже?

Пауза была секунд на тридцать. Время шло.

— Я знал уже несколько лет назад, — ответил наконец человек на другом конце проведенной через эфир линии связи. — Неделю назад я знал, что речь идет о днях. Два дня назад — что о часах. Да, сейчас началось.

— Коля, — Анна все это понимала и не могла себя заставить ответить так, как было положено по всем правилам, как требовалось. Ей было нужно другое. — Коля... Ты сказал тогда, что через год нас всех не будет в живых. Как... Как это

случится?..

Снова пауза, такая длинная, что ей показалось, будто оборвалась связь, и Анна даже отодвинула ледяную щеку от экранчика, чтобы взглянуть на символы. За секунду ей стало страшно, что она пропустит ответ, и тогда она прижала трубку к щеке уже двумя руками, будто сейчас отнимут. Нет, связь была: в трубке дышали.

— Вас изнасилуют и убьют вместе с дочкой, — очень ровно произнес голос Николая Ляхина тогда, когда Анна думала, что он уже не ответит.

— Коля... — голос сорвался, но она справилась. — Ей же 11 лет...

— Да, — снова глухо сказали в трубке. — Прощай, Аня.

Потом был обрыв. Доктор Варламова остановила трясущиеся пальцы на кнопке умершего сотового телефона и подняла глаза. Низкие утренние облака бросали на улицы города косые резкие тени. По улице бежали люди — некоторым приходилось перепрыгивать через тела, но не останавливался уже никто. Потом взвыли сирены.

Воскресенье, 17 марта

Никто на Москву не собирается нападать. Но главное — это свобода доступа к источникам энергии. Никто не собирается их отбирать, никто не собирается их брать за так или присваивать себе. Правда, Хиллари Клинтон как-то обмолвилась, что надо еще подумать, по какому праву Россия владеет таким огромным количеством

ресурсов, которые она совершенно нерационально использует и вообще использовать не может, особенно сибирские. И это заявление, конечно, юридической силы не имеет, но думать над ним надо. Потому что у нас Сибирь пустая и пустеющая. И так долго в мире продолжаться не может. Мир должен осваивать ресурсы планеты, это общие ресурсы. И если они юридически наши, нам будут за них платить, но

*если мы будем стараться к
ним не допустить, то это
плохая политика, и я не
знаю, чем она кончится.*

*Александр
Коновалов,
президент
Института
стратегических
оценок, 21
декабря 2006 г.*

*Res nullius cedit primo
occupanti*[\[28\]](#)

Спокойным, ровным движением
Николай расстегнул нагрудный

карман куртки и вложил в него умерший телефон. По улицам бежали люди, — бессмысленно, в разные стороны. Как будто можно убежать от своей судьбы. Впрочем, может быть, они бегут к своим семьям, желая встретить происходящее вместе. Николай улыбнулся такой улыбкой, которая бы вызвала одобрение и у немецкой овчарки. Вопрос «ты знаешь уже?» не удивил его ни на секунду. Он не просто знал. Первых убитых он увидел на улице двадцать минут назад. Полковник с наплечной нашивкой Военно-космической Академии, застреленный в затылок в упор. Молодой капитан в камуфляжной

куртке, на которого потратили, наверное, патронов десять. Курсант Нахимовского училища. Курсант-речник, тело которого лежало прямо на проезжей части, на мосту через Карповку. «За что речника-то, видно же, что ему же лет 16 или 17 всего? — спросил Николай сам себя и тут же ответил: — А за то же, что и остальных. За форму».

Десять минут спустя, уже все поняв окончательно, уже находясь едва ли не на полпути к дому, он увидел и то, как это происходит. Быстрым шагомдвигающаяся по Каменноостровскому проспекту пара мужчин перехватила человека в военной форме. За секунду до

столкновения они разделились. Один почти в упор произвел два выстрела, второй прикрыл его. Это произошло наискосок от Николая через проспект, потому видно было все отчетливо, как и остальным немногочисленным прохожим. Два глухих хлопка, офицер опрокидывается на спину, буквально вышвыривая из разжавшейся руки какую-то сумку, и убивший его человек быстро прячет оружие и достает фотоаппарат. Вот в это Николай сначала не поверил, но так оно и было. Мигнула блеклая фотовспышка, застывший на мгновение диверсант тут же убрал камеру, и они вновь начали

двигаться. Десять-пятнадцать метров пританцовывающего шага, стволы настороженно двигаются из стороны в сторону — и пара уходит вбок, через тот сквер, где стоит памятник Низами Ганджави. После этого несколько застывших было человек кинулись вперед — посмотреть. Николая среди них не было — он продолжил свой путь по другой стороне проспекта. Деталь с фотографированием была единственной, вызвавшей у него некоторое удивление своей неожиданностью, остальное было понятным. Диверсанты убивали сейчас людей по всей стране. Питер в этом отношении был почти

«теплицей», лакомым кусочком для людей, получивших чью-то протекцию. По сравнению с Москвой в нем было резко меньше оружия: не сопровождали богатых дам в бутики вооруженные телохранители, не стояли у дверей учреждений многочисленные в столице сотрудники ФСО с «Бизонами» в руках и так далее. При этом в Петербурге было полно «мягких» целей, окупающих каждый потраченный патрон в невиданном до сих пор соотношении. Преподаватели действующих до сих пор военных училищ и академий, тыловики, курсанты, солдаты и матросы в увольнении. Самый

выгодный с этой точки зрения вариант — «Можайка» или сразу Военмед. Профессора, врачи, курсанты-медики: это целая толпа абсолютно легитимных и при этом полностью беззащитных целей. Вражеский полковник, убитый на войне — это почти гарантированная «Бронзовая Звезда». Наш Военмед — это десяток подполковников на каждое отделение: от урологического до детского... При том, что самый дорогой специалист на линии фронта — это именно военный врач. Господи, на Лебедева и Боткина сейчас бойня, наверное...

Можно представить, как выгодно в эти минуты взять штурмом штаб

Ленинградского военного округа на Дворцовой площади. Три десятка человек с автоматическим оружием против дежурных — и куча штабников внутри... С точки зрения диверсанта — идеальный момент, лучше не бывает. Впрочем, нападение на ЛАЭС было отбито, а там был приблизительно тот же формат. Или сейчас момент уже не идеальный, а идеальный был двадцать минут назад, когда одновременно поглядели на часы несколько сотен чужаков на улицах мирного еще города. И под дверями квартир тихо сопящих в подушки старших офицеров. Николай улыбнулся снова — так, что свело

челюсти. Он ждал всего этого еще вчера. Нападение воскресным утром — это такой избитый штамп, что хуже не бывает. Июнь 41-го, декабрь 41-го... 8 февраля 1904 года... Почему они не напали вчера?

— А-а!!!

Он уклонился от удара машинально: уйдя в сторону нырком, почти в партер. Шест просвистел мимо головы так близко, что на тренировке за такое тренер дал бы пижону просрать. Здесь явно была не тренировка — набежавший на задумавшегося Николая человек был не знакомым или даже малознакомым партнером, а врагом. Осознание этого не заняло у Ляхина

ни малейшего времени, — просто
ноль. Тело вынырнуло вперед,
оттолкнувшись массивными
мышцами задней стороны бедер.
Второй удар шеста, или палки,
скорее, ушел уже совсем мимо.
Мягкий шлепок ладонями по дереву
— и следующим движением Николай
уже забрал ее себе. Удар вперед:
прямой колющий, как на тренировке
по штыковому бою. Приставной шаг
вправо и чуть назад, — и еще удар: с
широкого размаха в шею.
Оглушенный первым попаданием в
солнечное сплетение человек не
сумел увернуться, попросту не успел.
Удар свалил его на асфальт, и
вышагнувший вперед Николай

равнодушно вбил в него палку одним коротким движением. Тоже как штык, как обязательный добивающий укол, после которого можно искать следующую цель. Но это был не штык, просто палка.

Лежащий тонко скулил. Это был молодой азиат. Лет двадцать, не больше. Рост средний, лицо искажено болью: она смыла с него сумасшествие. По типу — узбек. Николая перекосило: за всю свою жизнь он знал всего одного узбека. Это был мастер одного из его первых стройотрядов, звали его Сабир, как известного поэта. Николай понятия не имел, каким врачом он стал, но запомнил старшекурсника как

работягу и оптимиста. Этот не был похож на Сабира ничем, кроме черт лица. И он напал с палкой на первого попавшегося случайного прохожего. Зачем? Глупый вопрос. Затем же, зачем делали это сейчас все остальные. Поляки. Грузины. Азербайджанцы. Потому что стало можно. Любой обиженный получил сейчас шанс сквитаться, удовлетворить гордость и восстановить поруганную мужскую честь. Или почти любой — за вычетом больных, слабых, старых. Интеллигентных. Просто порядочных. Россия и русские действительно много десятилетий обижали многих. Да, абсолютно

точно так же, как это делают все остальные, — но ко всем остальным не принято придирааться. У десятка народов есть кровавые счета к Японии, Германии, Польше, Украине. К Израилю. США. Палестине. Россия здесь не хуже и не лучше других. Миллионы людей могут вспомнить свои собственные претензии к чужакам или почти чужакам. Как их обсчитала на рынке наглая продавщица-украинка. Как их бил в школьном коридоре парень, у которого почему-то имелся папа-норвежец. Он всегда был на голову выше всех остальных одноклассников и минимум вдвое сильнее. Но в России действительно слишком

много людей, которые выросли без малейшего представления о том, кто такой Абу Али Ибн Сина. Или Момышулы Баурджан. Или Гасан Абдуллаев. Или Низами Ганджави. Для них они и их соплеменники просто чужаки: объект насмешек, объект презрения, а для кого-то и потенциальная жертва. Великий врач. Великий воин. Великий физик. Великий поэт. Кого это волнует, если у него другие черты лица? Вот и пришло время отдавать долги. Не каждый Абдулла и Сабир, кого в жизни обидел русский парень или над кем посмеялась русская девушка, возьмет в руки палку, когда станет можно. Но тех, кто на это готов,

много. Заметно больше, чем многие русские могут себе представить, проходя к машине мимо согнувшегося над мусорным контейнером азиата с бледным лицом вечно голодного и вечно простуженного человека. Чужака.

Николай уже давно оставил скулящего парня позади, выкинул палку и теперь просто шел по улице быстрым шагом. «Удвоенным темпом», как это называлось по-английски лет сто назад. Что бы там ни было, несколько часов у него есть. Если все пойдет по планам, обеспечивающая команда заберет его из любой точки города. Но с другой стороны, — какие, к черту, планы?

Какие могут быть планы, когда война уже идет? Когда от пограничников не осталось уже ничего, кроме обгорелых костяков в пылающих руинах застав, кроме растертых в кровавую пену следов под впечатываемыми в бетон гусеничными траками?

На углу Каменноостровского проспекта с улицей Профессора Попова рыдала женщина. Явно сумасшедшая, как многие из тех, лица которых мелькнули у Николая перед глазами за последние десятки минут. Женщина была сжатым кулаком сотовый телефон, за закрытыми доверху стеклами вылезшей на тротуар мертвой

машины с поднятым капотом белели искаженные непониманием и страхом лица детей. Женщина буквально выла, и бегущие мимо люди старались оставить между собой и ею по крайней мере метров пять пространства. Николай не бежал, а шел, и женщина впилась в него тем самым безумным взглядом, которого он ожидал, — с надеждой. Он не приостановился, и только покачал головой: ничего он не понимал в машинах, в моторах.

— Сволочь! — с болью и ненавистью выкрикнула женщина, и Николай понял, что это отнимает силы: не втянуть голову в плечи, посмотреть спокойно. Не остаться и

попытаться как-то помочь.

Нет, все-таки он был в корне не прав. Первое впечатление обманчиво. Убитые люди в военной форме — это наверняка не самоцель. На территории России без преувеличения десятки тысяч объектов заслуживают внимания диверсантов. С военной точки зрения, подавляющее большинство таких объектов на порядок ценнее жизни сотни тылови́ков. Да, создать в тылу врага панику, безнаказанно перебить тысячу старших офицеров его армии, вызвать у населения растерянность, массовую истерию — это в начале войны в высшей степени полезно. Но все же... Он наверняка

ошибся в главном — настоящие, профессионально подготовленные диверсанты сейчас режут не военных врачей, а пилотов стратегических бомбардировщиков. Взрывают мосты. Дерутся с охраной стартовых шахт и узлов связи. Россия огромна. Целей не просто «хватит на всех» — их гораздо больше, чем могут «освоить» все специальные части цивилизованного и проникнутого демократией мира вместе взятые, от прославленной «Дельты» до британских парашютистов и польского «Грома». Да, Николай считал, что последний не хуже других. Пусть резать русских свиней на улицах пустили не «Бранденбург»,

а шелупонь: спецназы прибалтов и бывших «стран народной демократии». Все равно мало. Кто же тогда? И зачем? Плохо быть «пиджаком» на войне... Да и вообще любому плохо, конечно. А они все теперь тут, все вместе: и правые, и виноватые. И те, кто засаленную фотографию Новодворской клал на ночь под подушку, в ближайшие часы рискуют получить по башке палкой от тихого дворника ничуть не меньше, чем все остальные.

Усмехающийся так, что клацали зубы, Николай взбежал по лестнице. Без передыха на верхний этаж, как в детстве. Сердце стучало ровно, как десять лет назад и как двадцать.

Интересно, что и дверные замки были те же самые, что тогда: умели железо надежно делать, ничего не скажешь.

— Коленька!

Родители бросились к нему так, будто ждали прямо за дверью. Разумеется, именно так оно наверняка и было.

— Целы? Слава богу. Я боялся, что вы вышли куда.

— Нет... Собирались только... И тут по радио и по ТВ начали... И нам еще позвонили — и Света, и потом еще этот, как его...

Взгляд у мамы был страшный, но не безумный, по крайней мере. Она еще надеялась, что все

обойдется «малой кровью». Что это нападение боевиков или террористов. Или «межнациональные волнения» по типу случившихся несколько лет назад в Кондопоге или потом в Саратовской области. Или даже новый путч, серо-буро-малиновая революция: юные светочи демократии против тяжелого сапога кровавого режима. Важно не выходить из дома — и режим перебьет террористов, перевяжет и рассадит по тюрьмам вопиющих диссидентов... Это они уже видели, это бывает. На большее они согласны не были.

— Мама, — произнес Николай

голосом, который показался ему спокойным или почти спокойным. — Папа. У меня не так много времени. Сейчас мне должны позвонить, потом за мной приедут.

— Не работают телефоны, — сразу ответил отец, причем таким тоном, будто это снимало все вопросы.

— Мой работает. — Николай показал. Это был «второй» его телефон. Всегда заряженный. Всегда исправный. Никогда не используемый. — Слушайте, ладно?

Они так и стояли в прихожей. Лампочка под потолком мигнула.

— Вот это сначала слушайте.

Николай указал рукой за окно,

где ревели гудки.

— Коля... — негромко произнесла мать. — По радио было «555». Прервали передачу и начали передавать: «555», «555», «555»... Потом снова передача пошла... Что такое «555», Коля?

— Какой канал?

— Петербургский... Может, техническое что-то? Ведь потом снова все нормально...

Николай прикрыл глаза. Неужели все это по-настоящему?

— Это означает то же самое, что гудки за окнами. Что это там может у нас гудеть? Мебельная фабрика? Верфи? Еще остались где-то старики, надо же... «555» и гудки — это

«непосредственная угроза воздушного нападения». Я думал, вы помните.

Лампочка мигнула еще раз, и они все посмотрели вверх.

— Ладно. — Когда Николай выдавил из себя это слово, родители снова посмотрели на него, с тем же самым выражением в глазах. — Времени у меня действительно немного. Теперь можете и меня послушать. То, что из дома вам выходить не надо, это правильно. Сейчас людей на улицах бьют. Кого-то и убивают... Куда там выходить, зачем...

Он посмотрел на себя со стороны, сумел. Это помогло. Сердце

пропустило удар, но снова вошло в ритм, — давление в груди отпустило.

— Нужно сделать паузу. Да, выехать можно прямо сейчас. Я зарядил аккумулятор неделю назад и поставил на место. Бак заправлен полностью, в багажнике две 20-литровые канистры. Но я не советую. Пусть через два часа будет поздно — я против.

— Почему?

Голос отца был ровным, и это Николая порадовало. В отце можно не сомневаться: теперь, когда розданы новые константы, он сумеет перезагрузиться и начать думать заново. Может быть, они и вытянут.

— У Петербурга немало шансов.

Здесь бывали миллионы туристов, у них сопли пузырями от дворцов, музеев и балета. У меня есть надежда... Робкая надежда, что здесь людей не будут вешать на перекрестках гроздьями с табличками «Она убивала немецких солдат» на груди. Везде будут, а здесь нет. Ради культуры и всего такого. На нашем балконе за летними крышами выгородка, в ней три мешка и три баллона. Мешки — это два риса и гречка, по 50 килограмм каждый, едва поднял. Баллоны — это вода, какую в офисы возят. Ванну набрали?

— Что?

Он прикрыл глаза на мгновение.

Вся борьба с собой в отношении «будь что будет» была бесполезной: все равно делать это пришлось, пусть и не для себя.

— Полную ванну воды. Прямо сейчас. Нет, стойте здесь, я сам.

Отец не дослушал — уже ушел, и Николай вновь мысленно кивнул сам себе. Все-таки в технарях есть что-то такое посконное и сермяжное: в отличие от многих, в нужный момент они могут мобилизоваться. В целом.

— Мама, на даче тот же самый комплект. В подполе, в жестяном поддоне, под рубероидом. На нем еще пленка, в четыре слоя обмотано и пропаяно на месте, пусть и криво-

косо. Я нож нагревал на свечке и паял.

Николай чуть не задохнулся, посмотрев на мамино лицо. Вот так вот. Готовишься что-то говорить, готовишься, а толку никакого. Потом вернулся отец: из недлинного коридора со стороны ванной уже глухо ревело бьющей в чугун струей воды.

— Я сформировал аптечки: одна в моей комнате, вторая на даче в вашей, на полке. Упор на перевязочные материалы и простейший инструментарий. Придется тебе амбулаторную хирургию вспоминать — она-то всегда прокормит. И папины

лекарства там есть, на сколько-то хватит.

— Может, все-таки на дачу?

— Глупый стереотип... Там хорошо, когда хлеб в магазине продают. И когда я на веранде сплю, извините уж за прямоту. Потому как самые догадливые будут резать дачников уже дня через три. Поедете, если в городе совсем уж припрет. Если воды не будет не просто унитаза смывать, а совсем. Не просто в кране. Когда по Карповке будут трупы в залив нести косяками... Вот тогда можно будет рискнуть. Но если получится — попробуйте досидеть до того момента, когда будет хоть какой-то порядок. Вот когда увидите

из окна, что улицу Профессора Попова в улицу сенатора Маркони переименовывают, — тогда выходить уже можно...

— Коля... — мать позвала негромко, но в ушах зазвенело. — Ты уверен, что это то самое, о чем ты говорил столько...

Она не сумела закончить, просто не смогла. Но и так было вполне ясно. Николай хмыкнул, — и его самого удивило, что это получилось у него почти нормально: на этот раз слюны хватило.

— Да, я давно знаю, — произнес он спокойно, хотя бы потому, что эти слова прозвучали второй раз за утро. Он так и не

объяснил самому себе, что именно заставило его ответить доктору Варламовой на ее вопрос так, как он ответил. Никогда не был он экстрасенсом или провидцем, никогда не стремился им быть. Однако ответилось само собой как-то, будто мозг просто не успел помешать языку и связкам. Бог знает, почему.

Все трое вновь посмотрели на мигающую лампочку. Отец сходил и прикрутил воду. Николай потрогал телефон в кармане и взял его в ладонь, ожидая. Ему не звонили, но по ощущениям времени оставалось все меньше.

— Коленька... Может, все-таки с

нами? Или у себя в больнице?

— Из больницы меня позавчера как уволили, — нехотя признал он. — За распускание панических слухов о якобы скором нападении Германии и прочих миротворцев, ревнителей прав человека и освободителей угнетенного крестьянства...

Замолчал Николай с трудом. Не хотелось дышать, но слова шли сами: горькие, как с трудом разгрызенные вишневые косточки, черные от сока сердцевины.

— Мало времени, — сказал он вслух. — Вот сейчас вызовут.

— Не надо... — Мама произнесла это жалобно. — Ну ты

же врач. Ну куда ты?

Вопрос снова был обрывочным, и снова понятным.

— Куда надо. Знаете такое расхожее выражение: «Они еще пожалеют»? Ну так вот.

Родители не сразу поняли, что фраза закончилась, и это едва не заставило Николая улыбнуться. Потом он оскалился, — и без ошибки увидел отражение своего оскала на лицах отца и матери.

— Я уже давно не такой врач, как остальные. Слишком давно, к сожалению. После последнего своего стройотряда. После Чечни. Первого человека я убил на средних курсах. Смешно звучит... Несколько месяцев

между учебой мы провели рабами. Это вы оба поняли тогда же, да? Мы с товарищем завалили охранника и ушли из плена. Фактически его убил Шалва Сослани, помните такого? Зарубил лопатой. Но при этом я держал клиента мордой вниз, так что можно смело делить счет надвое. Второго — той же ночью, через какие-то часы. Не помню, не считали тогда... Застрелил из автомата. Третьего — сколько-то там суток спустя, в рукопашной... Штыком. Знаете...

Опустивший взгляд к полу Николай замолчал, подбирая слова, и только поэтому не заметил, как превратилось в белую восковую

маску лицо его матери.

— Знаете, это была самая страшная вещь, которую я видел в своей жизни. Когда бьешь живого человека штыком и когда видишь, как это выглядит, — потом, после. Когда люди вокруг тебя не просто дерутся стенка на стенку, а натурально режут друг друга на части. Крики такие...

Он поднял глаза и столкнулся с родителями взглядом, сразу с двумя. Зрелище заставило Николая замолчать.

— Ладно, — произнес он после короткой паузы. — Ничего. Проехали. Еще раза четыре я стрелял в людей, но это уже совсем другое: там я ни разу так и не понял, попал

ли в кого-то или нет. Последний раз в Питере — ту историю вы тоже наверняка уловили. Спасибо, что не спросили ни разу про это вот...

Николай ткнул пальцем в собственное плечо, где под рукавом джемпера скрывался полукруглый пулевой шрам. Родители действительно были молодцы.

Телефон в руке зазвонил, и уже со спокойным выражением лица он ткнул пальцем в трубку и поднял ее к уху.

— Николай Олегович Ляхин.

— Рабочее имя?

— «Асигару».

— Принято. Дома?

— Так точно.

— Пять минут.

— Принял.

Звук в трубке отключился: разом, будто вынули батарейку. Ни гудков, ничего. Николай криво улыбнулся и снова посмотрел на родителей.

— Пять минут. — Голос едва не дрогнул. — Через две я спускаюсь. Что еще? Папа, том воспоминаний Жукова в моей комнате, самая верхняя полка. Там то, что ты должен непрерывно иметь под пальцами. Откуда взялся — сам догадаешься, верно?

— А тебе?

Показательно, что отец ничего не стал уточнять: понял, наверное.

Еще один глупый стереотип: интеллигент с короткостволом. Шпана разбежится просто в ужасе, запасы риса и гречки уцелеют. Смех, а не вводная...

— Земля деду Леше пухом... А тебе дадут, так? Куда ты?

— Они еще пожалеют, — снова сказал Николай те же слова, что уже говорил несколько минут назад. — Я туда, где их будут заставлять жалеть.

Он обнял мать так, как обнимал последний раз очень давно. Потом отца.

— Все. Прощайте.

Дверь открылась, как люк — в сумерки. Ни одной лишней секунды, хотя хочется стоять так и стоять.

Лестница посыпалась под ноги, и это было даже весело. У Николая не было ни малейших иллюзий в отношении собственной судьбы и собственных шансов. Но даже ускользающий шанс — это настоящая роскошь по сравнению с тем, что выпало сию секунду, сегодня кадровой армии. А трогательные сцены прощания его всегда раздражали. Если машина появится на минуту раньше и по любой возможной причине ей придется уйти без него, — это будет многократно важнее того, что он недопрощается... Какая кому разница... Какая разница делу...

Он сбежал вниз и вырвался из

подъезда, едва не сбив с ног бегущего мимо прохожего. На улице было довольнолюдно, и машин многовато. Возможно, он слишком поумничал, смея что-то там советовать родителям. Очень может быть, что без его советов им было бы чуточку попроще выбирать свой путь. За него же все было выбрано. Он поучаствовал, да, грех возражать. Но в целом из бывшего врача Ляхина получилось не совсем то, что он предполагал в месяцы, когда привыкал к «рабочему имени». «Асигару». Средневековый японский пехотинец. Вчерашний крестьянин, которому дали в руки пику и поставили в строй. Что ж, не так

плохо: иногда именно их стойкость решала исход полевых сражений. Как везде, во все времена.

Машина остановилась с визгом: старая бежевая «восьмерка». Только глухая мощь ушедшего на холостой ход двигателя выдавала, что машина не проста. За рулем и на переднем пассажирском месте были два давно знакомых Николаю человека — ребята из того «Книжного клуба» на миленькой Австрийской площади, про которых можно подумать, что они охраняют наркопритон.

— Сзади.

Про паспорт не спросили, надо же. Николай потратил секунду, чтобы сесть, а времени на закрыть дверь

уже не хватило — машина рванула с места.

— Сумка и портфель слева твои. Работай.

Справа мелькнул черный полированный бок, «восьмерка» ушла от столкновения, выскочив на тротуар, сидевший за рулем младший охранник чертыхнулся. Николай сдвинул подальше нетяжелую багажную сумку, вскрыл пломбу на портфеле и перевернул его над прыгающим сиденьем. Крупный пакет, малый пакет, конверт. Как предписывалось инструкцией, начал он с конверта. Печать аутентичная, сургуч на вкус ярко-кислый. Отметка на лицевой части конверта совпадает

с нормой и сочетается с сургучом. Все по-настоящему, похоже. Что ж, и это тоже ничего не значит. Или не будет значить ничего потом, — через сколько-то там дней. Или вообще — и навсегда.

— Ракеты не пошли?..

— Не пошли... Сказал бы я... — старший демонстративно отвернулся. А может, и не демонстративно, а как раз по собственной инструкции. Кто его знает, какая она?

Едва слушающимися руками Николай вскрыл конверт, в котором оказалась узкая полоска почти прозрачной бумаги. Похожа на кальку, но не калька, больно мягкая. Две строчки:

1. I-95S.J99.9

2. Henderson Field

Несмотря на то что готовился Николай к такому долго, холодным потом его не просто облило, им пробило насквозь. Было такое ощущение, что каждая мелкая пора на коже выплеснула из себя ледяную иглу, совокупность которых чуть не разорвала его на части тут же, прямо здесь. Хлебнув заледеневшего воздуха, он закашлялся, и лишь увидев напрягшуюся спину бойца спереди-справа, рядом с водителем, сделал то, что должен. Скомкал листик и сожрал его, давясь, как жмот.

— Справа! — невнятно

выкрикнул молодой за рулем, и тот же сидящий рядом с ним боец, мужик постарше, выдернул из-под колен короткий автомат. Николай был сзади, он не мог видеть того, что происходит, — однако ухватил всю картину целиком, будто на широком экране, заботливо просчитанную режиссером. Оба правых боковых стекла и форточка сзади трескаются целиком и сразу, как будто зимой плеснули горячей водой в витрину. Боец пытается вывернуть рукоятку, но его окно заклинивает, в образовавшуюся щель едва проходит ствол, — и их уже проносит мимо. Что это было? В них не стреляли,

хотя это была первая, самая
напрашивающаяся мысль. На стеклах
— десятки лунок, растрескавших все
пространство вокруг себя. Бросили
пригоршней шариков от
шарикоподшипника? Или щебня?
Зачем и кто? Неважно, проехали...
Во всех смыслах. Хорошо, не
подавился листочком, — тот
проскочил в желудок как раз
вовремя.

— Проедем?

— Нет. Назад и вправо. Через
мост попробуем?

— А то...

Николай даже не вслушивался.
Ребята понятия не имеют, зачем им
приказано доставить человека из

пункта А в пункт Б, но делают это на совесть. Человека они знают — напроверялись у него документов за эти годы. Из этого можно сделать вывод, что полученная ими задача — не спасти от надвигающегося всеобщего и тотального северного пушного зверька (подсказка — не лисички) какую-нибудь гордость отечественной культуры, а что-то более полезное. Что-то, что действительно имеет значение. Или хотя бы надеяться на это.

Итак, «1» и «2». Николай знал, что на листке, если его время все-таки придет, будет одно из названий, заученных им десятками, а то и сотнями. Заученных намертво и со

вкусом, как в свое время нормальная анатомия и иноязычные корни слов. Но не мог быть уверен. Ему мог достаться «бланк», — предписание добраться до обозначенной индексом цели и заложить в «почтовый ящик» записку с номером свежекупленного на месте мобильного телефона. С обговоренным сдвигом этого номера «по фазе» соответственно номеру текущего месяца или индексу ближайшей крупной автодороги. И ждать указаний там же, на месте. Проживая при этом хоть в «Хилтоне», хоть в картонной коробке, свобода была полная, только продержись. Но строчек на листке было две, и это означало

непосредственный выброс на рабочую задачу. Ту, которая заставляла его клацать зубами. К которой годами готовили, и невозможно было узнать или проверить — списали ли тебя уже в «ложные цели» или нет. И если не списали, правда ли то, что от тебя действительно будет зависеть так много, как объяснили только один раз. Один, но так доходчиво, что этого хватило.

Ложные цели тоже нужны, тоже полезны для дела. Быть ложной целью не унизительно. Наоборот, несколько легче, если знать, что такая возможность есть. Ради тебя полягут рядовые, ты вывернешься

наизнанку, сделаешь все, чему тебя учили, и даже более того, и пусть даже сдохнешь после выполнения своей частной задачи, обиженный на весь свет. Но сдохнешь, успевший понять, что настоящая задача досталась не тебе, а тебе досталось отвлечь на себя силы и средства врага тем, как ты рвешься вперед. Распылить его внимание своей тонкой душевной организацией и отражающимися на лице переживаниями. Отвлечь их от настоящих профессионалов.

Себя Николай искренне осознавал почти дилетантом. Да, годы подготовки. Да, весь антураж — от того же непростого сотового

телефона в кармане до хождений в «Книжный клуб» за частными уроками по очень специальной программе. Его научили чувствовать себя достаточно свободно на территории США и нескольких конкретных европейских государств. Достаточно для того, чтобы суметь взять машину напрокат, найти мотель, ответить на несколько вопросов случайных собеседников. Это немного, это не идет ни в какое сравнение с подготовкой настоящих разведчиков — но это больше, чем доступно нормальному петербургскому врачу. Прошедшему на редкость углубленный курс токсикологии, иммунологии и

инфекционных болезней. Его учили в том числе и «на местах»: раздача фармацевтическими фирмами врачам «борзых щенков» в формате оплаченного участия в практикумах и конференциях никого в наши дни не удивляет — некоторым везунчикам оплачивают и 1–2 дня сверх заявленных оргкомитетами программ. Но он не умел вскрывать сейфы, не был способен обаять длинноногую диву в бриллиантах, вряд ли отбилсЯ бы от вооруженных и серьезно настроенных противников. То есть совершенно не походил на разведчиков из фильмов и почти наверняка на настоящих. Никаким разведчиком он не был,

конечно. И вряд ли стал бы, тренируй его хоть десять лет. Он должен был стать первичным рецептором или информатором на побегушках — аналитиком, если очень сильно повезет. Хотя и это вряд ли: даже кандидатом наук Николай к своему возрасту стать не сумел, хотя требования к качеству диссертационных работ упали в России просто страшно. Однако при этом, — вот они, лежат перед ним: сумка, большой пакет, средний пакет и плоский конверт. Одежда, документы и листок с задачей. Это было почти смешно, если глядеть со стороны: дешевый молодой доктор, совершенно не похожий не то чтобы

на Джеймса Бонда и Штирлица, а даже на какую-нибудь карикатуру на шпиона, сдергивает с себя одежду дрожащими руками. Догола, совсем. И переодевается прямо на заднем сиденье шарахающейся из стороны в сторону машины. В поношенную одежду по размеру. С чужими этикетками.

* * *

Итак, две строчки в маленьком конверте. Не Европа, а США. Логично, что сказать. Индекс «I-95» — это не японская субмарина, это *Interstate 95*, одна из наиболее

загруженных шоссе́йных дорог во
всей стране. Хайвей, косо
поднимающийся вдоль
атлантического побережья, от
Флориды до Мэна, а к северу
продолжающийся под тем же
индексом в Канаду. Но раз «S», —
значит, на юг. Раз отметка J99,9
мили, значит, штат Нью-Джерси —
единственный, в названии которого
есть буква J. Значит, отрезок от Нью-
Йорка до Вашингтона. Николай
помнил это место — по карте,
разумеется. Он проезжал по этому
шоссе и «вживую» и сумел сейчас
вызвать какие-то ассоциации, но это
была ложная память. В свою
последнюю, так запомнившуюся

родителям поездку в США он понятия не имел, что эта мелькнувшая за окном прокатного автомобиля отметка появится в его списке как один из вариантов. Съезд с шоссе — никакой. Просто технический съезд в виде двухметровой полосы бетона, уходящий с ревущего хайвея вправо, прямо в бурно разросшиеся кусты. Еще и перекрытый шлагбаумом от ищущих уединения романтически настроенных парочек, у которых нет денег даже на самый дешевый мотель. Что там? Да то же, что и в четверти остальных мест, оставшихся теперь на фоне этого, конкретного, блеклым фоном. Засранный ящик со

старыми электролампами. Представляете — грязь, размочаленные дождем окурки, и под кустом валяется измятый картонный ящик, покрытый пылью летом, грязью круглый год и снегом раз в несколько лет зимой. Зима в США вполне бывает, а как же. Внутри — несколько битых электроламп и несколько целых. В смысле, не работающих, с болтающимися обрывками спиралей, но с целыми стеклами. Вот они-то и нужны. Забавно, что сами по себе лампы не опасны никому, кроме идиотов, возжелавших на спор засунуть их себе или в рот или в анус. Такие забавники находятся в любой стране,

байки «Скорой помощи» в этом отношении довольно однообразны... Безопасно даже их содержимое. Разбей матовые стекла, разведи невесомый порошок хочешь в воде, хочешь в спирте, — ничего не будет, даже если вылить суспензию в ближайший колодец. И вот для этого и нужен второй номер из списка. *Henderson Field* — это, разумеется, не прославленное американской морской пехотой поле на тихоокеанском Гуадалканале. Это *Henderson Aviation Airport* — однополосное убожество чуть к северу от парка Килленз Понд, точнее, между парком и юго-восточной окраиной Плимута, штат

Делавэр. Провинция. Место, где находится контейнер со вторым ингредиентом бинарной системы, способной превратить четверть континента в обезлюдившую пустыню. С шатающимися по ней стаями одичавших собак, целенаправленно охотящихся на немногих уцелевших *Homo sapiens*. Обладателей уникальных гаплотипов и вне всяких сомнений к этому времени необратимо сумасшедших. «Поцелуй из могилы», вот как это называется. Прощание бывшей супердержавы, вложившей десятилетия и миллиарды в бактериологическое оружие и готовой использовать его в качестве

последней меры обороны. Если до этого дошло сразу, с самого начала, значит, дело совсем плохо.

* * *

Олег и Александра Ляхины продолжали стоять в прихожей, безмолвно глядя на оставшуюся приоткрытой дверь. На щеках обоих до сих пор оставалось ощущение тепла от щеки обнявшего их на прощание сына. На ребрах — ощущение давления: Коля был все-таки не слабый парень. Они посмотрели друг на друга одновременно и тут же отвели глаза.

Не сговариваясь, прошли по короткому коридору в дальнюю комнату, оставив дверь открытой. Несколько портретов на стенах: дед, прадед. Силуэт крейсера за стеклом: заглянцованная старая фотография, которая почему-то их обоих много лет раздражала. Стол с компьютером, на нем куча бумаг и бумажек, пластиковые шариковые ручки десяти цветов, обрывки желтых «напоминалочек» с эмблемами фармацевтических фирм. Книги на полках, много. Терапия, клиническая фармакология, инфекционные болезни. «Обеспечение непотопляемости надводных кораблей», на корешке

смешная фамилия — Муру. Судебная медицина. Мемуары какого-то немца. Глянцевыми рядами — воспоминания безвестных пехотинцев и знаменитых летчиков: жуть, сколько эти книги стоят. Ушедшая на задний план фантастика: что-то про космические ракеты и рыцарей с драконами. Пособия по синдромальной диагностике, потом снова пласт терапии. Все книги разной высоты, корешки торчат вразнобой. Женщина никогда бы так не поставила. На свободных кусочках полок пыль, в ней стоят всякие мелочные сувениры из поездок. Красивые камешки, мелкие ракушки с моря. Всякие железячки

непонятного назначения, монетки. Несколько ярких открыток и несколько фотографий — на них в основном они сами и их старшая дочь.

Олег Ляхин прошел к дальней полке и, протянув руку, снял с нее затрепанный том «Воспоминаний и размышлений»: один из немногих генеральских мемуаров, затесавшийся в сплошную здесь шеренгу технической и специальной литературы. Том был тяжелым и сам по себе, но он был готов к лишней тяжести и не уронил его. Выдолбленное нутро, в нем небольшой пистолет и отдельно запасная обойма. Под тяжелой

картонной крышкой серого цвета — незаклеенный конверт с шахматной ладьей на картинке. Раньше такие назывались «за 6 копеек», потом они исчезли. Открыть конверт получилось не сразу, для этого пришлось положить книгу на стол и потратить еще минуту, чтобы глубоко вдохнуть воздух несколько раз подряд. Там были несколько сотен долларов и несколько сотен евро помятыми мелкими купюрами: по 50 — это были самые крупные. Можно было догадываться, чего стоило молодому врачу отложить эти деньги, оторвать их от девушек, от своего спорта, от тех же книг. И записка на полстранички.

Олег вынул ее из конверта и пробежал глазами, не тратя время на то, чтобы встать удобнее для жены: та все равно читала через плечо. «Дорогие родители...»

Рио Рита, Рио Рита,
Вертится фокстрот... —

прозвучало у них в ушах голосом сына. И вот только теперь Александра Ляхина начала плакать.

Воскресенье, 17 марта

*Надо занять спорную
землю силой — и тогда
найдутся профессора,
которые докажут, что вы
имели на нее неоспоримые
права.*

Фридрих Великий

Этот черный день начался для всех по-разному и по-разному для всех закончился. Для десятков, сотен миллионов людей он разделил жизнь ровно напополам: вот это было до, а

вот это — уже после. Для десятков тысяч он ничего уже не делил, потому что делить было нечего: день 17 марта 2013 г. стал для них точкой в конце длинной линии, если можно изобразить так жизнь. В этот день их убили.

Именно в 08.00 по времени часового пояса «Афины, Бухарест, Стамбул», принятого для калининградского анклава России, не имевшая названия до сего времени операция стала официально именоваться «Свобода России». До этого ее индексировали ничего не значащей комбинацией из букв и цифр — просто одной из многих на памяти любого штабного офицера.

Что сделает случайный человек, услышав через неплотно закрытую дверь чужого кабинета что-то про «АМС2010/2»? Да ничего. И если и задумается на секунду о том, что это может означать, то «стойку не сделает». «АМС» обозначает «*The U. S. Army Materiel Command*», «управление тыла», и название в целом звучало как индекс на каком-то не очень старом, не потерявшем еще своей ценности отчете. «Свобода России» звучало иначе: это было действительно удачное сочетание слов, заставляющее прислушаться к себе любого. Но когда с нацеленных на сосредоточие мирового зла с запада, юга и востока направляющих

пусковых установок стартовали ракеты, названия операции в таком формате еще официально не существовало. Когда дивизионы германских и голландских Panzerhaubitze 2000, американских M109A6 Paladin и британских AS-90 начали вышвыривать в сразу потемневшее небо сотни 155-мм снарядов, и когда первые из этих снарядов начали падать на пограничные заставы, военные городки и постоянные позиции русских подразделений, — оно все еще не звучало. Когда уже десятки минут висевшие в воздухе и только-только начавшие набирать высоту ударные самолеты пересекли ничего

не значащую невидимую черту над поверхностью земли, над цепочкой раскрашенных столбов, — его тоже еще не было. И только когда первые из младших офицеров в соответствующем подразделении штаба генерала Хертлинга открыли новенькие, чуть скрипнувшие пружинкой блокноты и под диктовку прикомандированного майора из «*community affairs*» написали «*Operation Russian Freedom*», только тогда это словосочетание стало настоящим, действующим, живым. Убийственным. Лейтенанты слушали с серьезными выражениями на лицах, как майор произносит банальные слова о своей и чужой

свободе, жертвах ради чужой свободы как долге американской нации. И снова о свободе и свободах, и снова о жертвах. Такая у него была работа. И такая плата — выслушивать все это время от времени в разных вариантах повторений — была у них за право заниматься делом. Ни для кого звучащее не было новым, и лейтенанты подчеркивали единственные записанные в блокноты нужные слова, обводили их по несколько раз и тратили минуты на то, чтобы украсить верхнюю часть почти чистой еще страницы разнообразными крылышками и виньетками. Но пяти минут хватило, майор перешел к делу, и работа

началась. Интересно, что половина лейтенантов была искренне уверена, что разработка качественных агитационных материалов принесет по крайней мере не меньше пользы, чем любой другой вид оружия. Не менее интересно то, что ход последних десятилетий доказал: в конечном итоге они были совершенно правы.

* * *

Старший прапорщик Судец шел по выложенной бетонными плитами дорожке, хмыкая и кривясь от попыток не рассмеяться. Казалось

бы, что может быть смешного, когда ранним утром воскресного дня, вместо законного выходного, ты топаешь по направлению к зоне рассредоточения, и ветер кидает тебе прямо в рожу ледяные крупинки? Причем ты не только что проснулся, а проснулся ты двумя часами раньше, когда едва ли волки в лесу не были. Поднялся тихо, чтобы не разбудить спящую спиной к тебе жену. Попил на кухне сладкого чаю, чтобы не мерзнуть. Надел теплое белье и теплые штаны, заглянул в комнату к сопящим дочкам, обложенным в кроватях куклами и мишками в два слоя каждая. Прикрыл дверь так аккуратно, как только мог, чтобы не

стукнула. Напялил, зевая, бушлат, тщательно застегнув внутренние пуговицы: даже тут, в крохотной прихожей чувствовалось, как снаружи поддувает. Посмотрелся в зеркало, подмигнул себе и вышел, спустившись вниз очень точно — как раз за минуту до подхода развозки. Пожал руки мужикам, загрузился с ними в пожилой «ЛиАЗ» и потратил 10 минут на обмен хоккейными новостями: саратовский «Кристалл» дал прикурить «Ладе»-Тольятти так, что его подбросило в таблице сразу на три строки. Причем теперь «Кристалл» обошел «Рубин» по соотношению забитых/пропущенных сразу на два гола, и в следующих

матчах тюменцам явно придется попотеть.

В столовой было довольно шумно, и общая атмосфера сразу информировала даже самого молодого тормоза: да, это то, что вы подумали. Это полеты. За столиком наземного экипажа не хватало лейтенанта с запоминающейся фамилией Сыроватко, но старший прапорщик прекрасно знал, что тот никуда не денется. Лейтенант два месяца как женился, торопился домой со службы как ошпаренный, и наверняка у него было чем заняться утром, — когда снаружи так холодно, а дома так тепло. Вдобавок у лейтенанта была «Самара» модели

«б/у», и еще не разу не случилось, чтобы он опоздал к построению и инструктажу. Максимум — пропускал завтрак, но это его право. Самолет лейтенант Сыроватко любил так же, как все они, и подвести экипаж не был способен, как бы там ни старалась молодая жена. Все в общем так и случилось, как мужики и поняли с самого начала: подавальщица как раз принесла какао, когда лейтенант стукнул входной дверью и подошел к ним, лавируя между столиками. Все поздоровались, прапорщики слегка обозначили вставание со стульев, капитан благосклонно выслушал несколько сбивчивых

объяснительных фраз и легко отмахнулся. Чего уж тут, мелочи. Дело понятное — демографическую оборону страны надо крепить, все мы тут внесли посильный вклад в свое время. Не засни в люке там потом...

Лейтенант ответил так, что все долго хрюкали, а Судец вот до сих пор не мог успокоиться. Летный состав техникам пришлось ждать еще минут пять: то ли им в их столовой позже подали, то ли было о чем поговорить. Выкурили по первой, потом по второй, потом вышел подполковник, оглядел всех и отдал нужную команду. В комнате инструктажа техники провели еще минут десять и, приняв ценные

указания к сведению, потопали за своим капитаном, снова к автобусу. Летчики остались: полеты были запланированы на 10 ровно, и то если не перенесут. Но маршрут назначенной в учебный вылет пары был такой, что экипажу сейчас было чем заняться. Еще 5 минут тряски по бетонке — здесь все концы короткие. Раньше было такое правило, что меньше 3 километров ходят пешком даже летчики, не то что техники, но потом его тихонько задвинули подальше. Учитывая то, что Ту-160 на полную катушку жрет 171 тонну керосина, пожалуй техсоставу литр низкооктанового бензина для «ЛиАЗика» мог только самый

последний скот.

Керосин был. И был не «сейчас и на минуточку», а его было столько, сколько требуется. Техники давно перестали высчитывать, сколько стоит в рублях и в долларах вот такой маршрут, а сколько другой. К хорошему быстро привыкаешь. Все они не то чтобы позабыли, а просто отодвинули куда-то в глубь извилин воспоминания о десятилетии, в которое не летали вообще. В которое выпускники летных училищ могли дослужиться до подполковников (и дослуживались!), так ни разу и не поднявшись в воздух. И начинали командовать сначала эскадрильями, а потом кадрированными полками

просто потому, что командиры эскадрилий и полков уходили, плюнув, не дождавшись ни керосина, ни обещаний, что это все наконец закончится. Не закончилось, нет. Но у страны осталась одна тяжелая бомбардировочная авиадивизия — 22-я гвардейская Донбасская Краснознаменная. И один полк «Белых лебедей», или «Черных дроздов», кому что нравится: 121-й гвардейский Севастопольский тяжелый бомбардировочный. Поэтому, несмотря на все тараканы в головах у нашего правительства, и этот полк, и всю построенную вокруг него дивизию кормили и поили. Кормили говядиной летчиков и

техников и поили керосином самолеты, столько, сколько им надо. «Павла Тарана». «Василия Решетникова». Новенького «Виталия Копылова». «Василия Сенько». «Владимира Судеца». Да, та самая фамилия. Герой Советского Союза Владимир Александрович Судец, маршал авиации. Памятник в Кировограде, еще один, говорят, в Китае. Почетный гражданин двух украинских городов, причем не лишен этого заочно: там тоже есть люди, способные за такое политически верное предложение и рыло начистить кому надо. Техник машины Б/н 16 «Алексей Плохов» Владимир Судец не был ему внуком

— сложно было бы внуку маршала позволить себе быть прапорщиком. Но он был внуком самого младшего из братьев маршала, приходился самому знаменитому маршалу «второй водой на третьем киселе», а ставшему ему на короткое время родственником Хрущеву — вообще никем. С ожиданием на него никто не смотрел, так что не имевший особо больших амбиций и слишком уж острого ума парень не пошел по проторенной дорожке «маршальского родственничка». А выучился на техника авиационного и радиоэлектронного оборудования. На сленге авиаторов он был «спец», «кабан» или «обезьяна». Судец был

«спец», как бы просто ни звучал этот каламбур. У него действительно были золотые руки, он видел железяки и электрику насквозь, а самое главное — всегда делал любое дело на совесть. Прекрасно знал, что никогда не будет ни лейтенантом, ни кандидатом технических наук. Держал в комодке стопку разноцветных почетных грамот за рационализаторские предложения, «грамотное обслуживание» и все такое прочее. Надевал по праздникам скромные медали за выслугу. Поздно женился, с ходу получил от жены двух девочек и переехал в двухкомнатную под общие поздравления. Его уважали и

любили. На нем держалась половина «Алексея Плохова» как летающей смерти всего сущего на земле и по куску с половины «Туполевых» всего полка. У старшего прапорщика была очень и очень приличная зарплата, и он с полной уверенностью мог заключить, что жизнь удалась. И вот он топал себе по мелким бетонным плитам идущей вдоль рулежки тропинки, ухмылялся шутке лейтенанта из своего наземного экипажа и слышал, как похмыкивают идущие позади ребята. Им всем предстояло провести несколько часов на ветру и холоде, но и это вызывало ощущение счастья. Экипаж был готов вытирать фюзеляж

«Плохова» тряпочками, и кое-кто клялся, что желает Б/н 16-му спокойной ночи в конце дня и после дальних маршрутов.

— Витя...

Судец обернулся и обвел горизонт взглядом. Где-то далеко завывала сирена. Не пожарная, какая всем была знакома. Другая какая-то.

— Че за хрень...

Техник по планеру и двигателям — его фамилия была Хидиятуллин — обернулся на ходу и столкнулся с остановившимся Судецом плечами. Завывала уже вторая сирена где-то в стороне от первой.

— Пожар, что ли?

Теперь их догнали уже и

офицеры, включая командира наземного экипажа, и они машинально встали плечом к плечу, глядя в ту сторону, откуда с переливами выло. Звук надрывал душу. От него дыбом становились волосы на руках, в животе становилось стыло, а в затылок будто начинал ввинчиваться громадный заледенелый шуруп.

— Второй, ответьте Шестнадцатому. Что там такое?

«Уоки-токи» в руке капитана неразборчиво хрюкнул.

— Что-что?

Ответ прийти не успел, или успел, но никто его уже не расслышал. За спинами громко и

дробно затрещало, как трещат китайские хлопушки на Новый год. Все разом обернулись. Летное поле было в полутора сотнях метров впереди: они шли прямо к «Алексею Плохову» и «Ивану Ярыгину», а чуть дальше парами стояли остальные машины полка, рассредоточенные на большом пространстве. Небо выглядело неправильно: в нем висели, покачиваясь, как будто бы половинки толстенных песочных часов. Непонятные штуки, крутясь и качаясь, быстро опускались в разные стороны. Где-то в руку длиной, они имели блекло-желтый цвет, и их были, как показалось, сотни: несколько облаков — и близко, и

далеко. Все это длилось секунду. Почти одновременно все желтые штуки вдруг превратились в черные, пронизанные светло-серыми росчерками шары, и оглушительным грохотом старшего прапорщика швырнуло вниз, прямо лицом о бетон. Рядом выло и стучало, потом его больно ударило в плечо и начало мять. Судец ничего не понимал, но на всякий случай не поднимал голову, дожидаясь, пока закончится визг, вой, а потом еще и странный, оглушающий хрип, забивающий уши. Потом вроде бы стихло, и он попробовал оглядеться. Капитан лежал слева, с искаженным страхом белым лицом.

— Чего?.. — почему-то шепотом спросил он, и Судец не нашелся, что ответить, а только хлюпнул мокрым от крови носом. С другой стороны оказался прапорщик техник Хидиятуллин, лежащий на спине с выпученными глазами, с зачоченевшим на лице выражением ужаса. Его рука вцепилась в край бушлата самого старшего прапорщика, и у того задрожали губы, когда он понял, что Хидиятуллин мертв. Что-то разорвало ему верх груди, и кровь продолжала еще стекать на черный, спереди насквозь мокрый бушлат из широкой рваной дыры. Только теперь до Судеца дошло, что его мяло

минуту назад и что хрипело.

— Денис... — позвал Судец. Хидиятуллин, конечно, не отозвался. Свободная рука мертвого прапорщика была измазана кровью. Как просто решил Судец, тот пытался вычерпать у себя изо рта мешающую дышать кровь. А второй рукой все это время пытался позвать его на помощь, показать на себя. Тормошил.

— Ребята!

Лейтенант Сыроватко поднялся на ноги первым, и, глядя на него, начал подниматься и Судец, неловко опираясь на землю. Он успел встать только на одно колено, когда понял, что лейтенант на него не смотрит.

Снова повернувшись, старший прапорщик увидел, как пылают оба ближайших к ним Ту-160: родной Б/н 16 «Алексей Плохов» и Б/н 04 «Иван Ярыгин» в неполной сотне метров от него. Вокруг машин в бетоне были глубокие выбоины, но и их самих накрыло плотно. У «Ярыгина» отвалилась левое крыло, и изнутри, сквозь обрывки жгутов, проводки и торчащие как обломанные кости детали механизмов, пробивались несильные пока языки пламени. «Алексей Плохов» был покрыт дырами, в каждую из которых мог бы, наверное, въехать легковой автомобиль. Только на видимой части фюзеляжа Судец насчитал три

дыры, и еще «Плохову» выбило — или вбило вовнутрь — остекление фонаря.

Оба горели абсолютно бесшумно и почти без дыма. Это было странно, потому что еще две машины в нескольких сотнях метрах впереди горели совсем иначе — с поднимающимися черными клубами, едва сдуваемыми ветром. Где-то почти в полукилометре впереди горел еще один «Ту», почти развалившийся на части, а дальше видно уже не было: сплошной дым.

— Витя! Судец, цел?

Старший прапорщик обернулся на голос капитана и ответил тому совершенно машинально, даже не

задумавшись над словами.

— Двое, — сказал капитан ему и остальным, мотнув подбородком куда-то в сторону.

Судец не понял, что имеется в виду, и только когда они двинулись вперед, увидел, что на бетоне осталось два тела: Хидиятуллина и чье-то еще, чье имя он почему-то забыл.

Стойка с огнетушителями и стационарный пеногенератор располагались как раз между их машиной и второй, но от жара к ним было не подойти. Да и вид у обоих самолетов был такой, что тушение уже казалось бесполезным. Они сделали пару попыток пробиться к

огнетушителям, но отступили, закрывая лица и отворачиваясь. Что так могло гореть в машинах с пустыми баками? Он не знал, и это тоже было странно — рядом с Ту-160 старший прапорщик провел ровно двадцать лет.

Все это время они молчали. И только когда недружной цепочкой все отошли назад и остановились, глядя на гибнущие в огне бомбардировщики и уже начинающие дымиться тела наземного экипажа Б/н 04, валяющиеся вокруг этой машины, капитан спросил, — неожиданно строгим голосом:

— Что это значит, а?

Лейтенант сплюнул и указал на что-то валяющееся неподалеку. Это была та самая непонятная штука, похожая на цилиндр грязно-желтого цвета, на одном торце которого висело что-то вроде сдувшейся резиновой подушки. Диаметр она была сантиметров шесть, и было совершенно непонятно, как такая мелкая штуковина могла сотворить такую жуть. На боку бомбочки была какая-то надпись. Судец разобрал «Н. Е.»^[29] и отступил на шаг назад, хотя было ясно, что бомба не взорвалась.

— А?

Лейтенант Сыроватко заглянул ему в лицо, как школьник учителю, и старший прапорщик едва отвел от

него взгляд.

— Товарищ капитан...

— Что?

— Спросите у них...

Капитан кивнул и выдернул из держателя на поясе похожую на мыльницу китаяскую рацию-«шагалку» — лучшее средство связи в пределах протянувшихся на многие километры полос, рулежек и «точек» авиабазы Энгельс.

«Уоки-токи» пискнул, захрипел, и уже через секунду на зов капитана откликнулся тот же «Второй», один из инженеров полка. Оба «Ту» горели так тихо, что это не сопровождалось ничем, кроме

негромкого треска и шипения, похожего на змеиное. Капитан поднял рацию на вытянутой руке перед собой, и слышно было всем.

— Да, Шестнадцать, слышу вас! Поле накрыли кассетными боеприпасами. Нас фугасами...

— Что? Что он сказал?! — почти закричал один из лейтенантов, и Сыроватко не глядя, но с силой ткнул его кулаком в бок.

— Семнадцать или восемнадцать ракет, шли двумя группами с северо-северо-востока и... Х-х... северо-запада...

— Вы сделать что-нибудь успели?

— Кто, я «сделать»?..

— Нет, вообще?

— Ревун дали! До «Шилок» две минуты бежать, никто просто не успел... И «Эски» не успели поднять в готовность, не было же никакого предупре... Х-х...

Рация зашлась хрипом. Все молчали.

— Иван, вы там целы? — очень странным, деревянным голосом спросил капитан.

— Шестнадцать, тут черт знает что... Ты слышишь?..

— Слушаю, Второй! Вы целы там? У нас двое убитых. А наземный экипаж четвертого — весь «двести». Повторяю, наземный экипаж четвертого — весь «двести»!

Приказания! Какие нам будут
приказания?!

— Понял вас, Шестнадцать.
Приказаний ждите, ждите!.. У нас
хреново. На точке два десятка только
«двухсотых». Разбило вышку и
штабное здание... В дыму все,
«трехсотых» выносят до сих пор... Х-
х... и завалило... Про ваш экипаж не
знаю ничего, но многих... Х-х...
совсем...

— Что? Как командиры?
Костюнин жив?

— Не знаю! Тут черт знает что
сейчас... Х-х...

На этот раз ничего не удавалось
разобрать секунд двадцать, несмотря
на все переспрашивания, но когда

голос снова пробился через хрип, услышанному не поверил ни один человек.

— Как? Как ты сказал? — прокричал лейтенант Сыроватко, вцепившись в руку капитана и почти выдрав у того рацию.

— Дома накрыло... Как раз наши... Я жене отзвонился, когда понял... Она с детками к «Молоку» ходила, а там позади дало — и все село...

— Что? Что село?! — заорал Сыроватко безумным голосом. Капитан попытался выдернуть у него рацию, в которую тот вцепился клещом; ухватил свободной рукой за плечо, развернул к себе. Лицо у

лейтенанта было белым как снег, на нем дико, страшно смотрелись огромные неживые глаза.

— Дома... Дома офицерских семей, общежитие...

— Нет!!

Лейтенант отпустил рацию, и вдруг молча, как мягкая кукла, осел на бетон. Судец с недоумением увидел, как ударилась о плиту его голова, увидел, как от этого отлетела в сторону фуражка с летной «капустой» на тулье. К упавшему бросились, попытались привести в чувство; сам же он одну секунду за другой стоял, как оцепеневший.

— Так, все ко мне!

Машинально

старший

прапорщик перевел взгляд на капитана, потом снова посмотрел на остальных. Они разгибались, оставив Сыроватко в покое, — тот уже мотал головой и стонал.

— Стройся!

Они построились — неловко, неровно. Застыли, ожидая команды.

— Разбиться на две группы! Старшие — старший лейтенант Енгальчев, лейтенант Сергеев! Вдоль летного поля, бегом влево и вправо, потом ко мне. Оценить внешнее состояние боевых машин, доложить о видимых повреждениях и потерях. Лейтенант Сыроватко остается со мной. Туда и сразу назад, поняли? Бегом, марш!

Они все сорвались с места, оставив капитана и безумно мычащего и раскачивающегося лейтенанта позади. Старший прапорщик ощутил мгновение радости — ему отдали приказ, и это сразу сделало все проще. Их никак не делили, но старший лейтенант Енгальчев стоял ближе к нему, и он последовал за ним. Бежать было трудно: ноги в тяжелых штанах заплетались, ветер лез в ноздри и рот, и Судец быстро начал задыхаться. Сначала они обогнули горящие машины их назначенной в полет пары, потом побежали по направлению к следующей. Даже отсюда было ясно, что те два «Ту»

тоже накрыло, а когда они подбежали ближе, это стало совсем очевидным. Одна из машин была покрыта пробоинами с носа и до хвостового оперения, но не горела, а только дымилась. Вторая, стоящая чуть дальше, пылала так же, как и две первых: сильно, ярко и бездымно.

— Стой, кто идет?!

Часовой побежал им навстречу, выставив перед собой АКМ с примкнутым штыком. Штык мотало из стороны в сторону — молодой парень едва держался на ногах.

— Свои, дурак!

Часовой ничего даже не ответил, только приподнял ствол автомата, когда старший лейтенант и старший

прапорщик подбежали ближе.

— Кто?

— Рядовой Петрищев... Не подходит!

— Дубина! Старшему караула доложил?

— Так точно. Тот обещал машину прислать. Я вот жду!

Рядового шатнуло в сторону, и он едва удержался на ногах.

— Что еще видел?

— Я не знаю! Все затрещало, потом самолеты обсыпало такими штуками, как здоровые бутылки от пива, под парашютиками. Потом рвануло!

— Знаем. Там так же.

— Там? Там где? Это что

вообще?

— Это война, парень, — неожиданно для самого себя сказал вслух Судец: чужим, незнакомым себе голосом. Только сейчас он понял, что именно означали слова инженера под позывным «второй» о том, что удар пришелся не только по полю и «точке», но и по домам семей летного и технического состава авиадивизии. Сегодня было воскресенье, выходной день. Половина офицеров обоих полков была еще дома. Дома были его собственная жена и дочери-близняшки. Они наверняка были целы, иначе просто не могло быть, но наверняка сильно напугались. Как

бы еще девочки не начали заикаться, от испуга такое бывает. Или в постель писаться. Но ничего, все это тоже будет ерундой, лишь бы они были целы. Лишь бы их стеклами не порезало.

— Как война? В каком смысле?

Старший лейтенант махнул ему рукой, указывая вперед, и они снова побежали, стуча по бетону тяжелыми ботинками и отворачиваясь от выбивающего слезы ветра. Рядовой проводил их растерянным взглядом, зачем-то попрыгал на месте, растирая одну руку другой, и снова бросился к будке с телефоном.

Они же бежали дальше. В двух их полках, 121-м Гвардейском и 184-

м Гвардейском, было 16 Ту-160 и 20 Ту-95МС. Обегать их все или пусть даже половину — это было явной глупостью. Быстрее вышло бы дожидаться автотранспорта, который обязательно должен подойти, и тогда все машины можно будет объехать за минуты. Но, во-первых, имелся приказ, а во-вторых, ждать было невыносимо. Поэтому лучше все-таки было бежать.

Еще два «Ту»: безымянный Б/н 14 и Б/н 19 «Валентин Близнюк», командиром наземного экипажа которого был бывший преподаватель Судеца в училище. Эти были вроде бы не повреждены, и старший прапорщик аж подпрыгнул на бегу,

так этому обрадовался. В следующую секунду он снова вспомнил, что это война, и сердце опять ухнуло вниз. Настроение каждый раз изменялось за секунду, и когда он осознал это, то испугался за свой разум.

— Витя, с той стороны посмотри!

Старший лейтенант Енгальчев начал обегать Б/н 14 справа, а сам Судец потопотал прямо между двумя машинами. Здесь часовой тоже был жив и тоже настороже, разве что оружием не угрожал. Обменявшись с ним несколькими почти теми же фразами, старший прапорщик внимательно оглядел оба огромных бомбардировщика, затем обежал

«Близнюка» со стороны носа и осмотрел и второй борт. Да, этой паре явно повезло. Первой из трех. Уже хорошо.

Енгалычев выбежал на него прямо из-под фюзеляжа, распаренный, красный.

— Два, да?

— Так точно.

— Дальше побежали.

— Погодите...

Судецу показалось, что он слышит негромкий гул мотора, но еще целую секунду ветер не давал понять, показалось ему или нет. Потом появился УАЗ-69 без тента, который быстро покрыл оставшуюся сотню метров и затормозил прямо

перед старшим лейтенантом, которому пришлось отступить на шаг назад. Из кабины выскочил одетый в бушлат майор. Лицо Судец отлично узнал — тот был из летного состава, но фамилию опять не сумел вспомнить.

— Енгалычев!

— Я, товарищ майор.

— Что «Я»? Целы машины?

— Так точно, эти две целы. Их вообще не задело.

Старший прапорщик поднял голову и посмотрел в небо, и тут же этот жест повторили оба офицера и сутулящийся от напряжения и растерянности часовой.

— Других сколько видел?

— Две пары. Бортовые 16, 04, 08 и 11. Все в жопу.

— Эх... Остальные?

— Не видели пока. Вместе?

— Давай!

Старший лейтенант побежал к УАЗу, в метре за его спиной помчался Судец. Лучше ехать, чем бежать, тем более что лишние килограммы и годы резвости еще никому не прибавляли.

— Часовой зеленый вообще, — непонятно к чему буркнул майор, прыгая за руль и дергая машину с места. — Сейчас тут половина батальона охраны вокруг заляжет, с пулеметами. На той стороне «Чкалов» и «Кузнецов» горят. Ну,

вообще...

Он выругался грязно и со злобой, будто выплевывая из себя злость и обиду.

— Шесть в жопу сгорело или горят, это ты верно подметил. Вообще в жопу, понятно вам там теперь?!

Последние слова он выкрикнул с надрывом, обращая их куда-то вверх, к серому небу. Судец тоже оглядывал воздух, каждую секунду ожидая нового разрыва где-нибудь впереди. Потом были несколько десятков секунд гонки.

— Ну?

УАЗ вильнул, прижав их всех к правому борту, и встал как

вкопанный. Все трое выскочили из открытой кабины и помчались вперед. Один из «Ту» полыхал, как огромный факел: пламя било даже из кабины. Второй, «Александр Молодчий», горел лениво, почти невидимо сочась короткими язычками из одиночной крупной пробоины в левой плоскости. Явно выгорала смазка устройств механизации крыла, да добавляла серого дыма медленно тлеющая изоляция проводки. Противопожарные перегородки не давали огню распространяться быстро, но на «мертвой» машине с обесточенной бортовой сетью мощная автоматическая система

пожаротушения не действовала. Часовой, закинув автомат за спину, догадался вручную подтащить к бомбардировщику техническую лестницу и теперь заливал пламя 14-литровым углекислотным огнетушителем. Еще штук пять таких же валялись прямо под ступенями. Над крылом громадного стратегического бомбардировщика фигура бойца в серой шинели смотрелась как птичка на спине носорога. Но при всей своей оглушенности старший прапорщик был глубоко впечатлен тем, что хрупкого телосложения парень сумел затащить несколько весящих по 30 килограмм бандур на такую высоту.

Вообще-то каждый огнетушитель был снабжен колесами, но по лестнице его все равно надо было поднимать на себе. Пеногенератором же боец пользоваться явно не умел. Когда майор со старшим прапорщиком потащили его распылитель вперед и вверх, парень обессиленно спрыгнул со ступенек лестницы и присел на корточки, опустив голову и мотая ей в разные стороны, почти как лошадь.

— Готов?! — проорал майор и не глядя отмахнул назад. Старший лейтенант у узла не потерял ни секунды, пена уже пошла. Из насадки распылителя выкинуло негустую, рыхлую шапку, но через секунду из

нее уже перла ровная, сильная струя, сразу закидавшая пламя на всю глубину.

— Давай! Давай!

Работать на высоте почти десяти метров было тяжело: под порывами ветра они вдвоем едва ворочали распылитель влево и вправо, заливая легко пробивающиеся через пену языки огня и отворачиваясь от жара, воняющего и летящих им в лица клочьев мокрых пузырей. Судец скалился, ловя взгляд майора: они побеждали. При этом половина заслуг принадлежала, ясное дело, часовому.

— Еще!

По мнению старшего прапорщика, майор был совершенно

прав: кашу маслом не испортишь. Огня пеной тем более.

Сзади был какой-то шум, но только сейчас Судец нашел время обернуться. В нескольких десятках метров от них стояли уже три машины. Одной был тот же УАЗ-69 с содранным тентом, на котором они приехали. Другой — такой же полноприводник, но окрашенный в серое с пятнами и с целым тентом, а третьей — громадный пеноподъемник на базе Вольво FL6. С борта уже прыгали фигуры в брезенте и касках с поднятыми щитками, и кто-то старший орал во весь голос, требуя быстро дать ему обстановку.

Майор крутанул рукой в воздухе, и Енгалычев вырубил подачу. Пена буркнула еще пару раз, и струя начала опадать, а через секунду или две иссякла совсем.

— Здесь все! Второй давайте!

Судец не рискнул прямо сказать майору, что второй бомбардировщик тушить смысла нет, — разве что запчасти потом снимать. Майор имел два просвета на погонах, а у него их не было ни одного, поэтому разевать рот ему не полагалось. Но его беспокоил полученный приказ, и он счел это достаточным основанием для возражения.

— Товарищ майор!

— Да! Сворачивайся!

— У меня приказ капитана Копытова, командира наземного экипажа Б/н 16, — обежать со старшим лейтенантом все расположение машин полков. Если кто-то горит так же слабо, лучше тушить именно его. Время идет.

— Еще как ты прав, прапорщик. Едрить его, это время... Старший расчета!

— Я!

— Ко мне!

— Есть!

Майор спрыгнул с последних ступенек лестницы и принял у старшего прапорщика распылитель на вытянутые вверх руки. К ним подбежал высокий офицер: знаков

различия на пожарной робе не было, но крупный желтый шеврон на плече и яркая красная полоса на шлеме указывали на его статус. Кинул руку к виску.

— Старший расчета лейтенант Березовский.

— Слушай приказ, старший. Отставить тушение борта 02. Свернуть рукава, выдвинуться к расположению прочих машин полков. Провести пожарную разведку по двум направлениям, используя оба автомобиля. Доложить штабу результаты. Тушить лишь те машины, которые хотя бы в принципе покажутся вам ремонтпригодными. Выполняйте!

— Товарищ майор, разрешите?

— Слушаю.

— Разведка проведена по данным мониторингования. Наш приказ был как раз идти к борту 07; вы просто успели раньше.

— Что?

Было видно, что летчик не понял, и лейтенант объяснил:

— Видеонаблюдение по всему полю же. И работает до сих пор, кабели целы. Пожарный оперативный штаб не пострадал, там капитан Иванов. Он четко нас навел именно сюда. И саперы по расчетам по полю погнались. Много неразорвавшихся боеприпасов, опасно.

— Молодцы. Свой приказ отменяю. Делай, что считаешь необходимым.

Майор был явно впечатлен тем, что кто-то профессионально сработал в том бардаке, из которого он выбрался. Умелые и эффективные действия часового были только первым примером. Возможно, не все так и плохо в нашей армии.

— Не знаешь, сколько машин уцелело?

— Не знаю точно, товарищ майор. Из «сто шестидесятых» пара целая абсолютно точно, их вообще не задело. Один вот. На еще один пошло два полных расчета одновременно с нами. Больше не знаю, но «девяносто

пятых» вроде бы сколько-то тоже цело.

— Хорошо...

Лейтенант посмотрел как-то странно. Что он думает по поводу «хорошо», было написано у него на лице. Он вновь козырнул и полез вверх по лестнице. Разумеется, командир пожарного расчета в принципе не мог поверить офицеру летного состава и должен был осмотреть ликвидированный очаг пожара сам. Уцелевший Ту-160 даже с поврежденным крылом стоил теперь как чистое золото. Если в полку осталось два целых и два ремонтпригодных «стратега» (за один Судец мог поручиться), то успех

ракетного удара противника был все же не совершенно полным. Полным на три четверти минимум, но все же не до конца. Само это значило так много, что доходило сразу. Даже пара ракетноносцев с хорошими экипажами способна сотворить так немало, что кому-то будет и «через край».

Старший прапорщик, техник авиационного и радиоэлектронного оборудования Виктор Судец совершенно не являлся знатоком оперативного искусства и тактики применения сверхзвуковых стратегических бомбардировщиков-ракетноносцев. Но он не был глухим, не был слепым, поэтому увиденное и

услышанное им за последние двадцать лет в совокупности давало очень яркую картинку. При верном планировании маршрута, над океаном Ту-160 были практически неперехватываемы. Над Северным Ледовитым — почти гарантированно. При этом они несут ракеты, способные достать северную часть территории главного миротворца планеты почти непосредственно из воздушного пространства Гренландии. И донести большой 200-килотонный привет всем любителям свободы и демократии в уже ставшем привычным неортодоксальном прочтении. Каждый Ту-160 несет по

12 таких «приветов». Если хотя бы треть ракет останется неперехваченной, это 8 городов, по 12–13 «Хиросим» на каждую. 4 миллиона человек гарантированно превращаются в пепел непосредственно в момент подрыва, еще половина от этого числа умирает в течение следующих пяти лет. Ну?

Старший прапорщик испытывал яркую, веселую злость. На всякий случай они дотащили распылитель пеногенератора-«двухтысячника» обратно к стойке, там теперь было кому присматривать за порядком. Потом старший лейтенант отдал команду, и они снова побежали. Майор уже уехал куда-то назад к

«точке», где собирали уцелевший летный персонал. Машины не было, так что двигаться пришлось своим ходом: несмотря на слова старшего расчета, приказ капитана никто не отменял. Судец бежал за Баиром Енгальчевым, то и дело обегая или перепрыгивая глубокие выбоины в бетоне. Несколько раз он отмечал, что бомбы ломали плиты, — такое бывало, если удар приходился близко к краю. В остальных случаях они просто оставляли полуметровую закопченную воронку, засыпанную крошками и обломками, иногда с торчащими обрезками арматуры. Дважды по пути попадались невзорвавшиеся бомбы, как две

капли воды похожие на ту, что он рассмотрел рядом с «Алексеем Плоховым». Который уже почти наверняка догорает. Эта мысль снова сдвинула что-то в его мозгу, и старший прапорщик взвыл от ярости, наддавав вперед. Он знал эту машину до последнего болта от момента вступления в строй, он проводил с ней больше времени, чем с дочками. За нее ему заплатят по высшему счету, в чем бы это ни выразалось. 200 килотонн, суки! 200 килотонн хотя бы по одному городу, и вы вечно будете переваривать сдачу за «Плохова». У него не было ни малейших сомнений в том, кто это сделал. Ну, молитесь! Ракеты уже

наверняка пошли!

Удар по аэродрому стратегических бомбардировщиков-ракетоносцев — это однозначно война, причем в полную силу. Почему удар был неядерным? Рвутся ли сейчас боеголовки «Минитменов» и «Трайдентов» над Москвой, Архангельском, Минском? Судец снова пробежался взглядом по горизонту: все было чисто. Не мелькали отсветы вспышек, не грелся воздух. До Саратова всего ничего через Волгу, и в нем проживает больше 800 тысяч человек. Наверняка, будь начавшаяся война ядерной, заряда не пожалели бы ни на него, ни на «Энгельс-2».

Тот же «Минитмен» несет три разделяющиеся боеголовки по 300 килотонн — это как раз подошло бы для такой разнесенной цели, которой являются авиабаза 22-й Донбасской ТБАД. Значит?.. Что это значит? Что?

К моменту, когда их нагнала машина, оба уже полностью выдохлись, но обвинить их было не в чем. Рассредоточение машин обоих полков по площади авиабазы не защитило дивизию от тяжелых потерь, но оно спасло ее от полного уничтожения в течение считанных минут. Теперь на поле было полно народу и полно техники. Енгалычев махнул рукой пролетающему мимо

УАЗу, и тот тут же остановился. За рулем был солдат-срочник: бледный, с глазами навывкате. Оказывается, его послали именно за техниками; он мотался по рулежкам уже минут пять или больше, чуть не влетел под пеноподъемник, но они стали первыми, кого он нашел.

— Десятками трупы из штаба выносят... — поделился с ними солдат. — Ужас...

По его словам, одна из ракет попала точно в штабное здание, и то пробило насквозь, а затем буквально разорвало изнутри. Если бы не утро воскресенья, погибли бы все штабные: и 22-й Донбасской дивизии, и обоих ее полков. В

отличие от бомбардировщиков, штабы не были «разнесены», и размещались просто на разных этажах одного и того же здания: удобного и отлично приспособленного для работы. Но так погибли лишь офицеры отделов, занимающихся сегодня обеспечением запланированных полетов двух бортов, включая их собственный.

На этой мысли Судеца что-то кольнуло в грудь, но он не обратил на это внимания: они уже подъезжали, и ему было на что посмотреть. Контрольная башня превратилась в кучу обломков кирпича, над ней столбом вился дым. Все вокруг было в серой гипсовой пыли, летали и

ползали по земле черные хрустящие хлопья, — остатки сгоревших бумаг. «УАЗ» затормозил под стеной бойлерной, и шофер поторопил их выходить — ему нужно было назад, за остальными.

Енгалычев и Судец остались стоять на месте, как дураки, разглядывая суету вокруг. На лицах людей был написан откровенный страх — исключений они почти не увидели. Скидку можно было дать только на то, что бегали солдаты, офицеров в пределах видимости не имелось. Более того, солдаты бегали все-таки как-то организовано. Несколько пар бегом тащили в сторону сложенные носилки, еще

несколько бежали с другой стороны и несли штыковые лопаты. Подумав, старший лейтенант указал технику туда же, куда бежали все, и они стронулись с места, вертя головами. Судец не мог поручиться за офицера, но у самого него сердце едва не разрывалось от сдерживаемого желания материться и кричать вслух.

Битые кирпичи валялись уже в сотнях метров от места, где раньше был штаб. Ближе начали попадаться осколки стекол, и все это было покрыто густым слоем пыли и мусора. Здание столовой, в которой они завтракали всего-то около часа назад, пострадало серьезно, но во всяком случае устояло. Гараж был

разбит и горел, но его тушили в четыре рукава — ребята в бурых робах и касках перли прямо в пламя, заливая его. Штаба не было. Была огромная куча дымящегося строительного мусора, на которой, как муравьи, копошились люди. Человек сто солдат, построившись в цепочки, невероятно быстрыми движениями перекидывали из рук в руки кирпичи, расчищая какое-то конкретное место с одного из краев завала. Еще почти столько же в диком темпе работали ломami и кирками, раскидывая все с края торчащей в руинах наискосок бетонной плиты. Несколько копались уже под самой плитой. И еще одно. В

полусотне метров, под уцелевшим основанием кирпичного забора с отдельными торчащими прутьями, оставшимися от кованой решетки, лежали тела. Их было не очень много, десятка полтора, но они не были ничем накрыты и сразу бросались в глаза.

— Баир! — прокричали сзади. Старший лейтенант обернулся и тронул товарища за рукав. Это был капитан Копытов.

— Где вас черт носит?!

Старший лейтенант начал докладывать, и Судец ожидал, что капитан его оборвет, но тот замолчал и выслушал подчиненного очень внимательно. Судя по всему, о

статусе прочих машин полка он почти ничего не знал.

— Вот так вот, — заключил капитан, когда Енгальчев закончил докладывать. — Вот так вот нам всем. Значит, две машины в активе, одна, возможно до трех, — под ремонт. Ничего, могло быть хуже.

Судец только моргнул: ему просто не хватило фантазии придумать, как это могло быть «хуже».

Капитан передал кому-то по рации свое место, упомянул, что Енгальчев и Судец явились, несколько раз подряд сказал «есть» и замолчал. Повернувшись к подчиненным и вслепую сунув

«уоки-токи» в держатель, он застыл взглядом, провожая очередную группу солдат с носилками, и молчал с полминуты. Потом капитан будто очнулся.

— Ну, приказы есть, исполняем. Пока ждем. Машина вот-вот будет, мне обещали.

— Куда? — поинтересовался Енгалычев.

— К целым нашим зайкам. Там уже полный комплект, но и мы лишними не будем, я так думаю.

— В каком смысле, комплект?

— Ты не понял? Побило штабистов. Побило летчиков. Побило техников. На два боеспособных Ту-160 набрать экипажи — это еще

реально, конечно, но тоже думать командирам надо. Судец, ты лучший специалист по электрике во всем полку, я на тебя надеюсь. Давай-ка ты в первых рядах будешь сейчас, хорошо? Даже нами командуй, если потребуется. Старший лейтенант?

— Так точно. Я понял, товарищ капитан. Я — даже таскать-катить, лишь бы...

Он не сумел произнести следующие слова, что бы ни собирался сказать. Перехватило горло.

— Видели? — спросил капитан. Он мотнул головой вбок, и у старшего прапорщика на миг возникло чувство, что тот сказал это

просто так, — лишь бы что-то сказать. Ответить было нечего, и Судец просто пожал плечами. Как раз в это время подкатила машина — та же развозка, которая везла их утром. Контраст был невыносимым — счастье тогда, когда он вышел из любимого дома заниматься любимым делом, и ужас теперь. Когда от четырехэтажного здания штаба его дивизии и его полка осталась гора ломаных кирпичей. А от десятков веселых, крепких, здоровых мужиков, способных сказать ему «Здорово, маршал!» на пути от столовой к полю, — ничего или почти ничего. Изломанные тела, серые от пыли. Это не они. Этого не

может быть.

Его снова накрыло непониманием, и старший прапорщик неожиданно согнулся пополам, выкашливая из себя непонятную серую и желтую дрянь. Капитан и старший лейтенант что-то спрашивали, потом просто взяли его за плечи и повели внутрь автобуса. Пришел он в себя несколькими минутами позже, пока они то ехали, то снова стояли. В «ЛиАЗе» было еще несколько человек — знакомых и полужнакомых, и Судец успел еще уловить слова капитана про «нет, не ранен».

Прямо напротив него, на истертом сдвоенном сиденье

развалился капитан, про которого старший прапорщик помнил, что он штурман из экипажа «Валерия Чкалова». Когда он снова сумел начать думать, его покорило, что капитан сидит так вольно, когда вокруг смерть, и только потом он понял, что тот отставляет в сторону ушибленный или разбитый локоть, а лицо у него в ссадинах и опухло.

— Саркисян цел, вообще ни царапины, — обращаясь к нему, сказал летчик. — Почему армянам всегда везет, ты можешь мне объяснить?

— Я не знаю, — тупо ответил Судец, и капитан кивнул, будто услышал что-то на редкость умное.

— И я вот тоже не знаю. Но это так. Им везет всегда. Подполковника Митина того... Моего шкипера^[30] того... Этого там — тоже того...

Капитан закатил глаза, и Судец неожиданно понял, что ему плохо.

— Эй! — успел позвать он, когда к летчику бросились со всех сторон сразу человека три. Одним был Копытов, командир его собственного наземного экипажа.

— Ну куда? Куда полез? Сидел бы теперь там, дурак. Что нам, штурманов уже не хватает на две машины? — приговаривал кто-то. Судец попытался проморгаться, и это помогло: муть в глазах отступила, и он понял, что видит подполковника

Тонина, которого все звали «Байкал». Он был из Северобайкальска и в каждый отпуск возил с собой домой по паре приятелей ловить «правильную рыбу».

Произошедшее старшего прапорщика довольно сильно напугало. За последний час его непрерывно бросало от тихого ужаса в ярость и потом обратно, и так по несколько раз. Он не был уверен, что все еще находится в здравом уме, и это само по себе было страшно. С другой стороны, чего ожидать от ни разу не воевавшего человека? Летчики тяжелых бомбардировщиков тоже не работали в Чечне, а в Грузии их задействовали по минимуму, на

удар по объектам ПВО с большой дистанции. Но их жизнь — это и так сплошной риск, и они должны были привыкнуть, поэтому так спокойно восприняли начало войны. А его дело — это обслуживать прицельно-навигационный комплекс, оптико-электронный бомбардировочный прицел, лазерный целеуказатель, систему управления ракетным оружием. Ему хватает. Даже БКО, бортовой комплекс обороны, обслуживал лейтенант после училища. Хороший парень, но ему требовались еще годы, чтобы стать таким же «спецом», каким был он. Будут ли они у них, годы?

Уже почти спокойно старший

прапорщик посмотрел в окно автобуса: на мелькающие фигуры бегущих и быстро шагающих людей, на чахлые кусты вдоль полосы. Вдалеке мотались дымные столбы — это были горящие бомбардировщики. Ему показалось, что он видит старые Ту-95, но это не было ему интересно, и Судец отвернулся.

— Витя?

Капитан Копытов смотрел на него испытующе, как жена на мужа после рыбалки.

— Слушаю...

— Ты как?

— Ничего.

— Работать сможешь?

— Смогу, товарищ капитан.

— Точно?

— Я думаю, как там дома, — не очень в тон ответил Судец. — У меня дочки напугались, наверное.

Капитан снова посмотрел непонятно и вроде бы собирался что-то добавить, но так ничего и не сказал. Потом «ЛиАЗ» остановился, и все быстро вышли. Капитан с опухшим лицом вышел одним из первых, оттолкнув пытавшегося его удержать офицера из наземного экипажа своей же машины. Судец осмотрелся по сторонам: рядом было штук десять разномастных автомобилей, человек тридцать летчиков и техников. Почему-то был даже один мотоцикл с коляской,

выглядевший глупо и не к месту. Над всей картиной доминировали два огромных бомбардировщика ярко-белого цвета: «Валентин Близнюк» и второй, безымянный. Бомбардировщики готовили к вылету: наметанным глазом старший прапорщик сразу охватил происходящее.

— Витя!

Капитан подскочил сзади, уже запыхавшись.

— Слушай меня.

«Девятнадцатый» твой. Приоритет — «Обзор-К». Времени тебе — двадцать минут. Понял?

Почти после каждого слова капитан с всхлипыванием набирал

воздух в легкие.

— Так точно. Кто командир наземного экипажа?

— Капитан Акимов.

Судец коротко козырнул и трусцой, сберегая дыхание, побежал к бомбардировщику. Прямо под остеклением кабины было прорисовано несколько синих и желтых клиньев, цвета флага ВВС. За ними стилизованной русской вязью в две строчки было выписано имя знаменитого соратника Туполева и одного из «родных пап» самого Ту-160. Буква «В» приходилась как раз поверх старой заплаты более темного цвета, и даже одна эта мелочь придавала бомбардировщику

«непарадный» вид. Как и все советские самолеты, это была машина, созданная и построенная для обороны страны, а не как повод украсть деньги. Это было видно по ней до сих пор.

Двадцать минут — это совсем немного. Вес электроники в фюзеляже «Туполева» исчислялся сотнями килограммов, но старший прапорщик Судец ориентировался в бортовых системах машины, в том самом «авиационном и радиоэлектронном оборудовании», как в родном доме. Работал он почти вслепую, двумя руками сразу: капитан изредка давал комментарии и протягивал требующийся

инструмент. Прицельно-навигационный комплекс бомбардировщика был в идеальном состоянии. Иначе, разумеется, не могло и быть, именно от работоспособности «Обзора-К» зависела львиная доля эффективности как выхода на цель, так и собственно фактического применения оружия. Поэтому Судец вкладывал в работу всю душу, скалясь от удовольствия и едва не облизываясь при каждом моргании контрольного светодиода одного или другого блока. Он двигался по схеме зигзагами, тестируя цепи и блоки навигационно-прицельной РЛС и оптико-электронного

бомбардировочного прицела в последовательности, определенной не инструкциями, а десятилетиями собственного опыта и интуицией. ОПБ-15Т был отличным прицелом, за который 60 лет назад отдали бы кисть руки величайшие летчики-бомбардировщики страны: Раков, Преображенский, Голованов, Решетников, Судец.

Прапорщик улыбнулся, проводя неоновой лампочкой над отдельно отстоящим от других жгутом разноцветных проводов и меняя руку. Прицелу и всему комплексу в целом было очень немало лет, отдельные компоненты в нем модифицировались, и заданных

исходно габаритов не хватало и хватать не могло. Поэтому какие-то дополнительные блоки были выставлены «вразбивку», как детальки на самодельной детской радиостанции, собираемой на картонках. На жизнеспособность комплекса это не влияло, но зато добавляло к его обязанностям проверку не только собственно электроники, но и надежности крепления таких блоков. Тот, с которым он работал сейчас, был вывешен на одном из стрингеров, и старший прапорщик тщательно проверил динамометрическим ключом головки всех болтов, фиксирующих блок к внутренней

стенке короткого аппендикса гермокабины.

— Скоро ты?

— Да вот минуту буквально... — отозвался он, не оглядываясь. — Почти вот уже...

Про минуту — это было преувеличение, конечно, но минут за пять или чуть более того он действительно надеялся завершить полноценное тестирование. Что ему дадут после этого? В системе спутникового позиционирования он ничего не понимал: она была слишком новая, и в алгоритме ее работы было слишком много неясного для него. Обслуживание таких систем было закреплено за

офицером, и Судец мог его заменить только при крайней нужде, до которой пока не дошло. Тогда почти наверняка это будет астро-инерциальная навигационная система дальнего действия, имеющая почему-то смешавший молодежь индекс К-042К. Работая, старший прапорщик видел, что систему уже окучивают, причем так, что в квалификации техника сомневаться не приходится, — но мало ли, вдруг им пригодится его помощь. В нутре ракетноносца было много приборов, каждый из которых служил одной и той же цели, — дать ему возможность применить оружие и вернуться домой. Аппаратура

подготовки и пуска ракет «Спрут СМ», компьютерная система управления ракетным оружием СУРО-70, ЭДСУ, — аналоговая электродистанционная система управления. И так далее, на десятки индексов и аббревиатур. Во все это были вложены миллионы старых, едва ли не золотых, как теперь кажется, рублей. Наверняка миллионы или почти миллионы человеко-часов труда рабочих, техников, чертежников, инженеров. Преподавателей, которые их учили в ПТУ и институтах. Врачей, которые лечили их в здравпунктах КБ и заводов, отстоящих один от другого на тысячи километров.

Железнодорожников, которые возили детали и их заготовки через эти расстояния. И так все шире, расширяющимися кругами, — вплоть до замерзшего срочника где-нибудь на Кунашире. Который, проклиная свою судьбинушку и подвывая, наверное, от холода, служил в конечном итоге той же самой цели — дать железнодорожникам возить, врачу лечить, а работяге привинчивать болты, на которых вывешен блок «Обзор-К». Прицельно-навигационного комплекса, в первую очередь предназначенного для обнаружения и опознавания наземных и морских целей на большой дальности, а также

управления средствами их поражения. В том числе такого поражения, после которого остается пятно в тысячу квадратных километров радиоактивной дохлой рыбы. Либо сотня других квадратных километров, покрытых пылающими руинами. В этом самолете чувствовалась воля. Стальная воля могучей страны, построившей его для того, чтобы никто, ни одна сволочь не посмела ударить по ее территории, по ее людям и рассказывать потом, что это было сделано во имя свобод, прав и белоснежно-святых идеалов.

— Все, сделал.

Судец разогнул ноющую спину и

повел плечами, уставшими от нагрузки. Старший лейтенант напряженно улыбнулся ему, отдал сумку с инструментами и тут же ушел куда-то через лаз: докладывать. Еще раз оглядев все вокруг, старший прапорщик полез за ним, аккуратно переставляя ноги по ступеням подрагивающей под напором ветра технической лестницы. Неподалеку ругались: незнакомый техник очень внимательно осматривал «морковку» — килевой обтекатель антенн РЭБ^[31], ему мешал ветер, и он комментировал это понятными всем словами. Внизу, на земле, Судеца встретил капитан Акимов, командир наземного экипажа Б/н 19. Капитану

было лет тридцать, намного меньше, чем ему самому, но старший прапорщик его очень уважал: и за профессионализм, и просто как правильного мужика. Рост и вес у капитана был такой, что было странно, что он не в морской пехоте, но он был добрейшим человеком, и у него у самого были две дочки. Их квартиры были в соседних подъездах, и хотя жены капитана и старшего прапорщика особо не дружили, но девчонки отлично играли вместе. Возраст у них был почти одинаковый, одна из капитанских дочек чуть постарше близняшек Судеца.

Старший прапорщик кивнул капитану, уже принявшему доклад

Енгальчева. Тот почему-то сделал вид, что или не заметил, или не узнал соседа. Этому была серьезная причина: вокруг кипела активность. Судец решил постоять с полминуты, ожидая приказаний и просто с восхищением наблюдая за происходящим. Бомбардировщик заправляли, что никогда не делалось, пока не закончена предполетная подготовка. Более того, его вооружали, что в принципе нельзя было делать одновременно с заправкой и тем более — одновременно с любыми работами, вовлекающими бортовую электросеть или внешние источники энергии. Еще не обнаруженные сбои

либо непосредственно вызванные тестированием «наводки» в любой из систем могли привести к очень печальным последствиям. Обстоятельства гибели БПК «Отважный» на Черном море в 1974 году изучались не только в военно-морских училищах^[32]. Наверняка еще вчера, в обычный мирный день, в субботу, за такое безумие с треском и шумом сняли бы и инженера, и комполка, да и комдива тоже. Но теперь безумия хватало и так, поэтому происходящее было фактом. Метрах в пятидесяти от бомбардировщика стояли здоровенная автоплатформа и два электромобильчика, похожих на те,

какие миллионеры используют, чтобы разъезжать по полям для гольфа. Небольшой автокран перегружал на их прицепы тела крылатых ракет: человек пять придерживали каждую, внимательно наблюдая за обхватывающими полотна стропами. Кто привел громадную платформу, видно не было, но за рулем смешных маленьких машинок сидели офицеры. Узнав их лица, Судец огорченно присвистнул: это были не те, кого он ожидал увидеть. Настроение тут же испортилось, и, тихо подойдя к Енгальчеву, он поинтересовался:

— Товарищ старший

лейтенант... Снаряжение неядерное, похоже?

— С чего ты взял?

Енгалычев явно не сумел пока сделать вывод, так быстро пришедший в голову ему.

— Посмотрите, кто за рулем.

— Ну?

— Были бы ЯБЧ, кто бы их привез?

— Бойцы Дмитрия Николаича?

Старший лейтенант посмотрел очень цепко и покачал головой: старший прапорщик его явно удивил. Постояв еще мгновение, он мягко направился к товарищу, и через полминуты Судец увидел, как Акимов пожал плечами, а еще через

полминуты Енгалычев вернулся, матюкаясь на ходу.

— Ну ты даешь, Витя... Тебя бы в шпионы, — негромко произнес он, подходя. — Совершенно верно ты угадал. Полная подвеска, два барабана в неядерном снаряжении. Надеюсь, что по Белому дому, но нам не скажут, я думаю.

— Почему? — тупо спросил старший прапорщик, наверняка в значительной степени испортив впечатление о себе.

— Вот когда я маршалом стану, тогда мне начнут докладывать, почему. Пока не торопятся что-то...

Электромобильчики выстроились в кильватер друг другу и

покатили к бомбардировщику. Ровно через минуту к ним присоединились еще два, выехавшие с другой стороны платформы. Ракеты на их прицепах были выкрашены в чисто белый цвет полностью, даже боевые части. 410 килограмм взрывчатого вещества, неизвестного старшему прапорщику. Гексогена или чего-то другого, современного. Не 200 килотонн. «Почему? — снова спросил он сам себя. — Тоже из-за времени?»

Подробностей технологии подготовки «изделий» старший прапорщик, разумеется, не знал. Но отлично помнил, что их готовить к применению надо по 30 минут, а ракеты в неядерном снаряжении —

всего по 10. Что, в этом дело? Подумав, он ответил себе «нет»: 20 минут разницы не могли окупить решение не ответить на удар полноценным ударом. Это было выше его понимания.

Вокруг уцелевших бомбардировщиков работали десятки офицеров и бойцов: специалисты по авионике, по вооружению, члены наземных экипажей десятка сгоревших машин. Прямо в эту секунду двое бойцов отсоединили массивный переходник, соединяющий топливные танки левого борта бомбардировщика «Валентин Близнюк» с отводом подземной системы. Керосина на

каждый вылет Ту-160 жрал столько, что керосиновыми лампами можно было год освещать пол-России, и сечение у переходника было размером чуть ли не с велосипедную шину. С танками правого борта закончили минутой позже, и старший прапорщик увидел, что капитан улыбнулся, как улыбается крупная служебная собака. Самому же ему улыбаться не хотелось совершенно. Готовый к взлету ракетоносец и почти готовый второй — этого было недостаточно, чтобы перекрыть давящее чувство в груди, возникшее при виде пылающих машин и еще более усилившееся, когда он увидел ряд тел на

засыпанном мусором асфальте у развалин, бывших часом ранее зданием штаба его дивизии. Для улыбки старшему прапорщику не доставало Дмитрия Николаевича и его подчиненных в пределах прямой видимости, надписывающих что-нибудь вдохновляющее на корпусах снаряженных ракет. Или просто ведущих их «под уздцы» к уцелевшим машинам. По 12 на каждую из двух. Или хотя бы по половине от этого числа. С его скромной колокольни техника этого хватало на многое.

Дмитрий Николаевич являлся, вероятно, одним из самых непростых людей во всей дивизии. Его погоны не соответствовали его возрасту, а

знаки на петлицах — его военной специальности. Если про капитана Акимова можно было сказать «бугай», а лейтенант Енгалычев был высок и сутул, то подполковника так просто было не описать. Чуть ниже среднего роста, довольно смуглый, с явной долей еврейской крови, с фигурой и движениями боксера-легковеса, очень быстрый и очень пластичный. Способный и выпить водки, и посмеяться, но зримо отделенный чем-то от всех, кроме своих людей. В тридцать с небольшим лет — действующий чемпион дивизии по легкой атлетике и спортивной гимнастике, без труда делающий на турнике и брусках даже

офицеров отдельного
мотострелкового батальона,
осуществляющего охрану
авиабазы, — между прочим, далеко
не «пиджаков». Подполковник со
знаками различия автомобильных
войск и выражением лица, которое
могло быть и 900 лет назад у
закованного в железо рыцаря, и у
кочевника-монгола, пришедшего из
Степи и теперь с оценивающей
улыбкой смотрящего снизу, из-под
ладони, на стены чужого города.
Хранитель мегатонн. Человек,
являющийся посредником между
политиками в далекой Москве и
получателями ядерной смерти в
«нулевых точках» на дальнем краю

Европы или на противоположной стороне земного шара. Если бы он был здесь, среди ярко-белых туш ракет, известных миру как Х-55 и имеющих на редкость неприличное прозвище среди своих, старший прапорщик чувствовал бы себя спокойнее. Да, 410 килограмм в боевой части обычного снаряжения — это много, они могут убить и ракетный крейсер. Но жизни ребят из его экипажа и штабистов, испуг его девочек, сгоревшие мирным воскресным утром бомбардировщики, — это требовало более серьезного ответа. К 2013 году у почти что совсем демократичной России был один полк

стратегических бомбардировщиков. К середине дня в нем осталось две боеспособных машины. Сейчас был их ответный ход, и было обидно и даже стыдно, что он наносился вполсилы.

Вдалеке взвыло. Старший прапорщик Судец озабоченно провел взглядом по горизонту, но ничего не увидел. Потом взвыло с другой стороны, и тут же все одновременно начали куда-то бежать. С ревом завелся дизель автоплатформы, выхлоп почувствовался даже с такой дистанции. Он стоял и продолжал озиаться, как дурак, хотя Енгальчев что-то там вопил и куда-то звал. Происходящее было непонятным,

поэтому старший прапорщик просто стоял и ждал, пока ему не станет ясно, что делать. По ушам будто чуть стукнуло несколько раз подряд, потом была пауза, а затем через вой довольно далеких сирен пробился негромкий дробный стук. Звук был несильный, но очень внушительный: такой издают несколько отбойных молотков, работающих через два-три квартала. Потом «бумкнуло», мягко говоря, и плиты под ногами довольно ощутимо трянуло. «Отбойные молотки» асинхронно постучали вдалеке еще секунд двадцать и один за другим умолкли. Судец так и продолжал стоять, разглядывая бомбардировщики. В сторону от

ближайшего один из техников бегом оттаскивал гроздь потертых металлических «каблуков». У второго, который подальше, продолжали работать члены наземного экипажа. Все они остались на месте, разбежались от воя только те, у кого не было дела. Почему остался он сам, Судец понять не мог, но на вернувшегося капитана, похлопавшего его по плечу, посмотрел тупо.

— Ну ты смелый мужик, Витя...
Далеко бы мы не отбежали, ясное дело, но все равно...

Старший лейтенант оглядывался почти непрерывно. Судец опять не понял, спросил, и тут капитана

прорвало. По его словам, полностью заправленный и вооруженный Ту-160 мог рвануть так, что воронка была бы глубиной с четырехэтажку. Второй, стоящий рядом и заправляемый «по пробку» в эту самую секунду, — немногим слабее. Поэтому сохранить самообладание и не побежать, «когда это самое вот уже вот-вот» (по его словам) — это производило очень большое впечатление.

На громкий голос и размахивание руками подошли несколько человек, один как раз заканчивал возбужденный диалог по «уоки-токи», и старшего прапорщика довольно быстро ввели в курс дела. Оказывается, вой, который он

слышал и не понял, — это были ревуны сигнала о воздушном нападении. Вторую волну дивизия не проšlaпила. Используя паузу после первого удара по назначению и получив информацию о практически полном уничтожении материальной части полков, пэвэошники явно сделали очень конкретные выводы. Их психологический настрой описывался всего несколькими словами, но каждое из них было абсолютно и непреложно непечатным. Впрочем, любой взрослый русский мужчина их отлично знает.

— Всего, говорят, шесть штук в этот раз шло, — рассказал лейтенант,

лица которого Судец не узнал. — Первую, говорят, над Калининском сняли. Потом еще две штуки. И еще две уже «Шилки» уронили, чуть ли не над колючей проволокой, — видели, как долбануло, а?

— А шестая? — возбужденно спросил капитан.

— Не знаю, не имею понятия. Мне не доложили, знаете ли. Но мы бы тут почувствовали, если бы дошла. Можете не сомневаться.

Окружающие не сомневались, и, переводя взгляд с одного взволнованного лица на другое, Судец вдруг понял, что сейчас он реально мог погибнуть. Суббоеприпас крылатой ракеты, один

из многих десятков, воспламенил бы топливо в танках или заполненных трубопроводах системы заправки. И прекрасный ракетносец за мгновение превратился бы в гигантский пылающий шар, из которого в разные стороны летели бы штрихи его собственных ракет. Одна картинка перед глазами, как стоп-кадр, — и все, потом была бы темнота.

Старшего прапорщика качнуло, но он удержался на ногах.

— Я не понимаю, почему они полосы не раздолбали первой же волной, — продолжал лейтенант, которого внимательно слушали уже человек шесть. Как и капитан, все

они регулярно поглядывали по сторонам и вверх, и это делало группу похожей на каких-то птиц.

— Ведь противодействия не было ни малейшего. Уж могли выделить пару ракет в залпе на качественное выведение из строя именно ВПП. Здесь же плиты такие, что даже просто «временку» кинуть — уже пару суток займет, а качественно починить — и всю неделю. За это время любое количество уцелевших можно раздолбать. А они, смотрите — широкой полосой по зонам рассредоточения, причем почти без пробелов, скажем так! Это раз! Потом, штаб, вышка, дома состава,

наконец! Чтобы с гарантией! А полосы пропустили. Почему?

— Лажанулись, — с сомнением в голосе сказал другой лейтенант, электронщик из наземного экипажа «Чкалова». Вокруг обоих бомбардировщиков продолжала кипеть лихорадочная деятельность, но он то ли исходно не был занят здесь, то ли уже закончил свою работу.

— Нет уж. Не верю я, что они лажануться могли в принципе. Что-то случилось, мало ли. Сколько-то процентов падает просто по отказам. Сколько-то могли и сбить на маршруте — от рубежа пуска и до нас чего там только и не было.

Может, те самые, которые в бетонобойном снаряжении были и остались где-то на полдороге, а?

Все помолчали несколько секунд, кто-то пожал плечами. Застав еще самый расцвет отечественной военно-воздушной мощи, старший прапорщик прекрасно знал: в любой самой могучей и отлаженной военной машине под внешней стороной, без редакции годящейся на любой рекламный плакат, хватает грандиознейшего бардака. Причем не просто трудностей взаимодействия между подразделениями, проблем с запчастями, учетом или тому подобного, а реальнейшего, сверху донизу пропитывающего все военное

дело разгильдяйства. Можно не сомневаться, его хватает в Вооруженных Силах абсолютно любой страны мира, в любом роде войск. От бесштанной легкой пехоты африканских полевых командиров до сверхэлитных эскадрилий военно-воздушных сил какой-нибудь мощной державы, типа тех же США. Это нормально. Беспорядок, перманентный аврал, ощущение сумасшедшего дома на колесах, «кто в армии служил, тот в цирке не смеется», — все это вполне может соседствовать и даже просто напрямую соответствовать блестяще проведенным операциям, разгромленным вражеским

государствам и всему такому же, что попадает на страницы учебников школьных средних классов. Только когда это эволюционирует в хаос, только когда несоответствие между приказами/бумагами и действительным положением дел на всех уровнях достигает какой-то критической величины, подразделение становится небоеспособным. В большем масштабе — саморазрушается армия, проигрывается сражение, а за ним война. Судец опасался, что это уже давно произошло с армией современной России. Ему повезло служить в части, являющейся бесспорным исключением, но о

происходящем в других авиаполках он знал неплохо: спасибо электронной почте, позволяющей обмениваться парой слов с одноклассниками хоть каждый день. Хорошо, если треть продолжает служить, остальных давно сократили вместе с машинами — отдельными эскадрильями, полками, целыми дивизиями. Стране почти 15 лет банально не хватало хлеба, потом хлеба стало вдоволь, но захотелось колбасы. А потом к колбасе привыкли, и менять что-то, наверное, показалось неправильным. Да и уже тогда было поздно, наверное.

Старший прапорщик сплюнул и

поморщился от боли, как засевшей в груди, где-то под ребрами, так и не прошедшей, а продолжающей несильно, но ощутимо ныть.

— Это что-то неправильно, — продолжал бубнить первый лейтенант. — Не верю я, что они могли так пролететь. Вот сейчас вторую волну целиком положили вокруг Энгельса, да? Но она в четыре раза меньше первой. Вот как дадут нам снова сейчас...

Все одновременно посмотрели вверх и как-то повжимали головы в плечи. Именно в эту секунду дали сигнал, и штатные наземные экипажи уже окончательно готовых ракетноносцев начали едва ли не

пинками разгонять всех в стороны, подальше. Машины и транспортеры укатили, облепленные людьми. Желающих остаться позади не нашлось: чего стоят четыре двигателя Ту-160 на взлетном режиме, здесь знали все. Звук даже единственного двухконтурного турбореактивного форсированного НК-32 заставлял мужчин подтягивать яички поближе к паховым каналам, а женщин натурально доводил до выкидышей. Как было уже сказано, на гениальном изделии КАПО имени Горбунова их стояло четыре. Если при запуске стоять слишком близко — тебя просто унесет.

— Куда их, интересно, все-таки

пустят?.. — сказал в пространство Енгальчев, но ему никто не ответил. Земной шарик слишком большой даже для тысячи стратегических бомбардировщиков, не то что для двух. Сотни городов, сотни военных баз, аэродромов и хранилищ ядерных зарядов. «Поля» ракетных шахт. Нефтеперегонные заводы и стратегические хранилища углеводородного топлива. Стратегические мосты. Центры спутниковой связи. Базы ударных субмарин. Корабли в море: авианосцы, ракетные крейсера, эсминцы. Просто правительственные здания в разных странах. Вполне можно парой крылатых ракет в

обычном, неядерном снаряжении долбануть, скажем, по Почтовому музею Вашингтона, округ Колумбия. И не придет ли вдруг тогда кому-нибудь в голову, что это намек и что не стоит лезть со своей демократией в страну, которая может ответить вот так? И что следующий удар пойдет не по утехе филателистов, а по чему-то серьезному?

Судец криво улыбнулся. Ему не доложат. И еще рано, в любом случае. Успех «Шилок» и С-300 на дальних рубежах показался ему каким-то абстрактным, не настоящим. Где-то там были идущие к ним ракеты, где-то там их сбили. Он что-то непонятное слышал, но остальное

было слухами и разговорами: бог знает, сколько во всем этом правды. А вот то, сколько времени нужно готовить каждую машину к взлету, он знал прекрасно. И уточнять всякие мелочи, и сутки «готовить маршрут» экипажем, со штурманами полка и дивизии, и два часа проверять одну деталь за другой в комнате инструктажа. Он ни разу не видел, чтобы было иначе, — но раньше был мир, а теперь война...

Он попробовал слова на вкус, даже наклонив голову, чтобы понять его лучше, — и слова показались горько-кислыми. Такого вкуса не было еще ни у чего. Что ждет всех их? Что ждет в небе экипажи

уцелевших машин? Наверняка у летчиков есть проработанные маршруты, но современная война должна быть динамична, подвижна как ртуть. Десять минут промедления, и приоритеты в распределении целей меняются. Еще пять — уходит за горизонт спутник, либо гаснет под чужим ударом центр космической связи, и тогда вражеская эскадра выскальзывает из-под оказывающегося неудачным залпа. Еще десять минут — и из почти не перехватываемого носителя одной из лучших крылатых ракет в мире рекордный бомбардировщик превращается просто в мишень, в медаль на груди летчика-

истребителя, которого на него успели навести.

Хорошо, если ребята успеют хотя бы взлететь. Хорошо, если они действительно дойдут до рубежа или рубежей пуска целыми, и просто отлично, если их ракеты попадут в цели, какими бы те ни были. Даже неядерные ракеты могут многое. Пусть ребята вернутся, и тогда можно будет попробовать еще раз. Если будет кому приказывать, если будет кому заправлять и подвешивать ракеты. Если на базе к их возвращению еще будут живые люди, будет топливо, если еще будет существовать сама база. Тогда да, тогда они спать и есть не станут,

лишь бы поднимать машины в воздух. Раз за разом: 24 ракеты на двух Ту-160 и по 6 на оставшихся в строю старых турбовинтовых Ту-95МС. По 16, а не по 6, если уцелели сколько-то Ту-95МС-16 и если они будут работать по Европе и ближним морям. Еще 12, если введут в строй Ту-160 с бортовым номером 07, «Александр Молодчий». Этот, похоже, отделался не слишком тяжелыми повреждениями, и шансы у него есть. Раз за разом, пока цела хотя бы одна машина, — пока не закончатся цели, или пока не закончатся ракеты, керосин, люди.

Старший прапорщик снова потер ноющие изнутри ребра. Ему

действительно было страшно за дочек и жену: городок был слишком близко от штаба, от взлетных полос. Куда их везти, к кому? Может быть, командование полка или самой дивизии подумает о том, чтобы организованно вывезти семьи хотя бы на полста километров в любую сторону? Не до того вроде бы — но семьи почти у всех есть, не только у него. Сколько квадратных километров накрывает тактический ядерный заряд?

Рев сзади все нарастал: головной бомбардировщик прогревал двигатели, и вот к нему присоединился второй. Судец изогнул шею, пытаясь рассмотреть,

не начали ли они выкруливать, но уже ничего не было видно: они порядком отъехали. Потом услышал и четко понял, — да, начали.

— Ох, давайте, ребятушки... Отыграйтесь за всех нас... — произнес старший лейтенант Енгальчев. Сказал он это очень тихо, но техник услышал, и сердце заныло еще пуще. Снова рев, кажущийся едва выносимым перепонками даже отсюда, с пары километров. Потом ощущаемой всей кожей толчок воздуха, — пилоты вывели двигатели «Туполева» на взлетный режим. Земля дрогнула, и это почувствовалось даже в движущемся ГАЗ-69: солдат-водитель на всякий

случай вильнул в сторону, глядя в
скособоченное зеркальце. Ухнуло:
первый из пары гигантских
сверхзвуковых стратегических
бомбардировщиков-ракетоносцев
начал разгонять свое огромное
вытянутое тело по армированному
бетону многокилометровой взлетно-
посадочной полосы.

— Давай!

Лейтенант завопил, прижавшись
лицом почти к стеклу трясущегося
автомобильного окна. Мимо
мелькнула пара горящих машин, кто-
то их все еще продолжал тушить.

— Давай, родной! Дай им!
Давай же!

Ту-160 взлетал с натугой: полная

загрузка. Судец так и не увидел его, но звук, издаваемый четырьмя двигателями отрывающегося от земли бомбардировщика, был ему родным: по нему он мог назвать взлетный вес машины с точностью, наверное, до тонны.

Они подскочили на грубо зализанном стыке, и солдат грубо вывернул руль, уходя в сторону с рулежки. Зажатого между двумя офицерами старшего прапорщика мотало влево и вправо, а иногда едва не вбивало затылком в крышу. Он хотел попросить солдата не гнать так, но потом подумал, что это в его же интересах. Пара уходит на долгие часы, а для подготовки к вылету

оставшихся целыми Ту-95МС
братского полка техник
авиационного и радиоэлектронного
оборудования Судец будет не особо
нужен: разве что тестеры подавать
или сумки с инструментами таскать
за штатными техниками, как
Енгальчев за ним самим. Можно
будет попытаться отпроситься у
Копытова домой хотя бы на
ненадолго, только проверить семью.
Здесь недалеко, от проходной за
неполный час можно обернуться,
даже если не будет развозки или
попутки. Ничего, еще минус
килограмм веса, это не страшно,
лишь бы дома все хорошо было.

Они гнали, слушая удаляющийся

рев, и добрались до нужного места как раз вовремя, чтобы успеть услышать взлет второго ракетноносца. Офицеры повыскакивали из «газика», и старший прапорщик последовал за ними, пристроившись к своему старшему лейтенанту. Вокруг, совсем рядом, было несколько сотен человек, растаскивающих завалы или занятых чем-то еще. Работало два бульдозера с открытыми кабинами: за рычагами одного сидел боец в классическом подшлемнике, в каких с октября по март ходят строительные рабочие по всей России. Ряд уложенных тел ощутимо удлинился с тех пор, как Судец был здесь, и он отметил это

автоматически, без интереса.

Никто не обращал на него никакого внимания. Люди вопили, размахивали руками и вразнобой счастливо матерились. Рев идущего на взлет Ту-160 с 12 крылатыми ракетами на двух запрятанных в фюзеляж барабанах был оглушающ. Он заставлял бы вжимать головы в плечи, не будь он настолько к месту в эту самую секунду. Людей самого разного возраста обуяла какая-то безумная злобная радость. Старший прапорщик отлично это чувствовал, даже не принимая ее, не участвуя в этом безумии сам. На его глазах сутулый, худой, обычно по-татарски спокойный Енгалычев подпрыгнул в

воздух едва ли не на метр, потрясая жилистым кулаком и выкрикивая по одному слову зараз.

— Давай!!! — разобрал он. — Давай, сука родная!!! Покажи им! За Жору Репина!.. За Аслана Хидиятуллина!.. Ну же, давай!!!

Остальные вели себя точно так же и орали что-то в этом роде: причем не только срочники и молодежь, а вообще все, до майоров включительно. Никого выше рангом рядом не было.

Рев стал окончательно невыносим, как нота в конце песни, и Судец вдруг испугался, что сейчас что-то сдаст, тяга упадет хоть на одном двигателе, и он рухнет с

полной загрузкой, со всеми ракетами и всем невыработанным топливом — почти полутора сотнями тонн. Но могучие двигатели выдержали, и второй ракетноносец ушел в воздух вслед за ведущим пары, набирая высоту.

— Уфф... — сказал старший лейтенант, обернувшись к нему. Выглядел он как после бани. — Ну надо же, а?

Судец пожал плечами, чтобы не обидеть товарища. Что «надо же», он не понял. И это неожиданно оказалось страшноватым. Голова его в эту секунду была совершенно ясной, и в ней четко оформилась мысль: мужик, сколько-то десятков

минут назад ты сам радостно представлял ядерные грибы над чужими городами, мечтал, чтобы погуще. Жалел, что их не будет. Что изменилось с тех пор? Почему тебя не пробило еще раз, со всеми вместе? В своем ли ты еще уме?

Он попытался стряхнуть мысль, но та осталась внутри, как старая заноза. Потом он мельком посмотрел на часы, и сразу стало легче. Капитан Копытов был совсем рядом, и старший прапорщик перехватил его, — торопясь, чтобы того не отвлекли. К его тайной радости, капитан все понимал и не видел смысла прибавлять пару рук его квалификации к сотням других.

Перекладывать на кого-то ответственность за принятие решения он тоже не стал: пока найдешь кого-то, пока тот подумает, пока вспомнит, кто такой техник Судец и зачем он нужен вот прямо сейчас...

— Два часа тебе, — строго предупредил он. — Вот от прямо сейчас считая, понял? И чтобы как штык! Спину подставляй!

Старший прапорщик не понял сразу, но подчинился и через неполную минуту получил криво написанную записку с росписью капитана. *«Разрешаю старшему прапорщику В. Судцу убыть из расположения АБ Энгельс-2 на срок*

до 11.20. Командир НЭ Б/н 16 капитан В. Копытов». Спину подчиненного тот использовал для опоры и еще ткнул коленом на прощанье. Судец разогнулся, пробурчал короткую благодарность, еще раз подтвердил, что все понял, и побежал искать машину. «Газик» с тем плохо водящим солдатом уже успел укатить, но рядом как раз грузилась в УАЗ «Патриот» с частными номерами пара очень напряженных лейтенантов, и он напросился к ним. Лейтенанты не возражали, хотя им некогда было выслушивать какие-то его объяснения: просто махнули вдвоем руками на заднее сиденье. Оно

оказалось завалено детскими журналами про «Винни и его друзей», сбоку стояла детская «сидушка». Прапорщик сгреб все это вбок и уселся уже на ходу.

На выезде из базы, у внутренних ворот, у них весьма тщательно проверили документы. Наряд был «сдвоенным», все вооружены автоматами, штыки примкнуты. Один проверяет, двое контролируют водителя и пассажиров. Глупо для выходящей с базы машины, но после произошедшего будешь на воду дуть... Справку капитана боец прочитал внимательно и ничего не сказал, вернул. Время шло, но вся проверка заняла минуту, и они

покатили дальше. Небыстро, потому что так была устроена дорога: толстые бетонные блоки, выложенные в шахматном порядке. С довольно широкими проездами, но все равно не разгонишься. Интересно, что так их положили лет десять или больше назад, — во время второй Чечни, вероятно. У внешних ворот, прямо перед будкой КПП, стоял бронетранспортер, ствол автоматической пушки был уставлен куда-то на город, в сторону девятиэтажки механико-технологического техникума. Несколько бойцов сидели на броне, еще несколько стояли редкой цепочкой у шлагбаума. Разошлись,

подняли, молча пропустили тяжелый внедорожник и тут же сошлись за спинами снова: Судец наблюдал это в широкое заднее стекло, вывернув голову.

Мелькнул самодельный бетонный стенд с выпуклыми буквами, крашенными красной краской: «Авиабаза „Энгельс“. Дальняя авиация». Плюс два косых флага по краям — триколор и гвардейский — и ничейная эмблема: земной шар, опоясанный инверсионными следами от трех взлетающих откуда-то из Антарктиды самолетов. Смотреть на эмблему было больно: у дивизии и у России в целом больше не было

возможности поднять в небо три таких самолета зараз.

По совершенно пустой улице Колотилова они выскочили на улицу Расковой и помчались вперед. Уже через квартал, на углу 2-й Ленинградской, дорогу преградил импровизированный блок-пост: БМП-1 с бойцами в бронежилетах и с оружием. Вид у всех был злой: пара человек позволила себе уставить на приближающийся «УАЗ» стволы автоматов. Лейтенант дал по тормозам, машину чуть занесло, и они остановились в десятке метров от поднявшего руку офицера.

— Заглушить двигатель.
Документы.

— Свои сначала!

Боец сбоку переступил на шаг, освобождая линию огня для еще одного, похожего на него, как бывают похожи две капли воды. Молодое лицо, злые, пронзительные глаза. Руки на рукоятках автомата не дрожали. Было видно, что он готов ко всему.

— Без глупостей, — предупредил офицер. — Руки на руль. Пассажиры, руки на виду держать!

— Пропуск видишь? — лейтенант за рулем ткнул пальцем вперед, где под основанием лобового стекла торчал узнаваемый во всем городе пропуск на территорию

авиабазы.

— Пропуск я вижу. Документы мои на плечах и за спиной. И еще вон по сторонам стоят. Выходим из машины!

— погоди, Лень, — буркнул второй лейтенант, показавшийся прапорщику постарше лицом и повыше ростом. — Лейтенант, мы штурмана 184-го полка. наших машин... больше нет. нас пустили в город на час, проверить семьи. Сказали... там плохо. Понимаешь? Документы у нас есть. Не тормози нас, пожалуйста. Нам правда надо. Мы туда, и сразу назад.

— С вами кто? — спросил безымянный офицер, переводя глаза

на заднее сиденье. Спросил тем же тоном, но уже как-то иначе, — это почувствовалось.

— Э-э...

— Старший прапорщик Судец, 121-й полк. Техник авиационного и радиоэлектронного оборудования. Мне туда же...

Горло перехватило, и Судец с трудом сглотнул. Потерянных минут было жаль, — не затянулось бы еще на сколько-то.

— Полное название полка?

— Что? — не понял он.

— Я спросил полное название полка.

— 121-й гвардейский
Севастопольский тяжелый

бомбардировочный авиационный
полк.

— Вы, лейтенант?

— 184-й гвардейский

Краснознаменный Ордена Ленина
Полтавско-Берлинский тяжелый
бомбардировочный.

— Сколько именных машин в
полку?

— Было восемь...

Офицер помолчал секунду. Было
ясно видно, о чем он думает.

— Езжайте. По городу
осторожно.

Левый лейтенант стукнул
приоткрытой дверью и взялся за
ключ.

— А что?

— Было всякое, — неясно ответил офицер, мотнув подбородком. Судец проследил за его движением, но ничего не увидел. Нормальная БМП-1 без опознавательных знаков и тактического номера. Отдельный мотострелковый батальон охраны. Очень не слабый. Что там такое было, в городе, что они так напряглись?

— Мы назад скоро.

В этот раз офицер ничего не ответил и отступил назад. Глухо взревел мотор, и машина начала разгоняться по асфальту. Один из бойцов проводил ее долгим взглядом, но ни рукой вслед не махнул, ничего.

— Прапор, — негромко позвал тот из лейтенантов, кто постарше. — У тебя пистолет есть?

— Нет, откуда же?

— Жаль.

Лейтенант помолчал,

внимательно разглядывая лежащую под колеса улицу впереди и дома со своей стороны дороги. Машин на улице Расковой им не встретилось ни одной до самого угла со сходящейся улицей 148-й Дивизии. Здесь оказался пост ГИБДД — стоящий поперек дороги «Форд» с синей полосой по борту и два толстых гаишника с кургузыми автоматами, висящими у обоих поперек груди. Увидев военную форму и погоны,

они только козырнули, становясь боком.

— Да-а... — протянул лейтенант, которого называли Ленькой. — Ну ничего себе...

Дальше на дороге были и машины, и торопящиеся люди. Довольно много было «Скорых», все как одна с включенными проблесковыми маячками, но без сирен. В целом же город выглядел ничего, не так уж и страшно. Работали киоски и магазины — кто-то непрерывно входил в открытые двери или выходил, так же торопясь. По Рабочей они повернули налево, а там уже было рядом. Именно в этот момент Судец обратил внимание на

то, что дома стоят с выбитыми стеклами. Сначала пустых, с мотающимися жгутами занавесок окон было немного, потом они пошли через два или через одно. Ближе к дому здания стояли уже совершенно голые, засыпавшие блестящими осколками все вокруг, а в одном месте он увидел осевший набок жестяной киоск, тоже с выбитыми стеклами. Выглядело это несуразно — у киоска будто подкосилась одна из стенок, и он стоял, пригнувшись к земле, будто избушка на курьих ножках в детской книжке.

Еще два квартала, и дом. Здесь довольно кучно располагались

общежитие бессемейных летчиков и техников дивизии, две «точки» корпусов общежития квартирного типа. Почти рядом около пяти лет назад возвели две краснокирпичные девятиэтажки, в которых больше половины квартир выкупили Вооруженные Силы. Очередь «на улучшение жилищных условий» была, разумеется, почти безнадежная для не обремененного просветами на погонах и сияющими орденами старшего прапорщика, но его ценило командование, и у него были две дочки-близняшки, поэтому его двинули вперед. Именно здесь он прожил последние счастливые годы.

«УАЗ» остановился: лейтенант

Леня дал по тормозам так, что непристегнутых пассажиров бросило вперед. Домов впереди не было. То есть не было настоящих домов. Одна покосившаяся, треснувшая «точка» стояла со срубленным наискосок углом, будто кто-то огромным топором отрубил кусок картонной коробки. Пространство вокруг представляло из себя невозможные, не бывающие никогда многометровые холмы из серого мусора. В небе стоял столб невесомой, хрустящей на зубах, лезущей в легкие цементной пыли. Кружились какие-то черные хлопья. Под ногами даже здесь, в сотне метров от ближайшего такого холма,

бывшего утром многоэтажным домом, валялись треугольнички кирпичных обломков, фрагменты штукатурки, тонкие стеклянные полоски. Двигатель смолк, и теперь был слышен гул. Криков тоже хватало: толпа из, наверное, тысячи человек кричала, визжала, плакала на разные голоса. Кто-то четко и уверенно командовал хорошо поставленным мужским голосом. Гудела пара грузовиков, пытающихся проехать по слою мусора и буксующих, хотя их подталкивали сбоку и сзади. На относительно чистом пяточке земли пара солдат и еще кто-то из гражданских с видимым наслаждением избивали

корчащегося под их ударами человека и при этом громко хэкали. Люди вокруг не возмущались и не протестовали — просто не обращали на происходящее внимания. Сотни рук растаскивали обломки битого кирпича и обрывки кровельного железа в разные стороны, но все это было похоже на возню муравьев над телом рухнувшего слона: громоздящиеся серые кучи были совершенно другого масштаба, чем вся эта толпа. И все равно был слышен гул: непрекращающийся почти беззвучный стон на сотни голосов, едва слышимо, но невыносимо для уха идущий из-под руин.

Увидеть и осознать все это заняло у старшего прапорщика секунду. Лейтенанты выскочили из машины, как две пружины, не позаботившись закрыть дверцы или обернуться на него. Он выскочил за ними, побежал вперед. У него была безумная надежда, что его дом, кирпичную многоэтажку, просто не видно через столб серой пыли, дыма и кружащихся хлопьев. Расталкивая людей, прапорщик обежал по широкой дуге остатки общежития бессемейных, пробился через несколько цепочек кидающих друг другу обломки мужчин и женщин, воя, побежал дальше. На него нашло какое-то непонятное косоглазие, и на

бегу, задыхаясь и крича от ужаса, он с удивительной отчетливостью видел происходящее вокруг сразу с двух сторон.

Огромный мужчина в военной форме, без фуражки, вопя, роет яму в многометровой куче мусора, на кистях его рук нет ни единого ногтя — они сплошные раны. Обрывок глянцевої цветной фотографии под ногами — половинка какого-то школьного класса, столпившаяся вокруг учительницы. Почему-то много обуви: одиночные ботинки, тапки, туфли, детские сандалики, вразнобой лежащие среди камней. Край бетонной плиты, под которым копаются мужчина и женщина:

обломки летят в стороны, на других людей, те что-то кричат, сами ни на секунду не прекращая работу. Еще одна растрепанная женщина визгливо хохочет, обнимая серую от пыли, покрытую ссадинами голую девочку лет шести, стоящую с абсолютно застывшим лицом, как пластмассовая кукла. Увидев это, Судец наддал еще, хотя думал, что не сможет.

Пробившись через еще одну группу, обогнув работающий, рычащий, воняющий сизым дымом экскаватор с седым стариком за рычагами, он выбежал к своему дому. К месту, где утром был дом. Здесь была такая же куча, такие же люди.

Мужчины, женщины, старики, подростки — они или стояли оцепенев, некоторые на коленях, или остервенело работали. Копая голыми руками, расшатывая обломки палками и гнутыми арматуринами, а затем выдергивая их из кучи, они пытались пробиться к своим детям, женам, мужьям. Оставленных утром на часы, минуты или десятки минут и теперь лежащих там, внизу.

Здесь тоже стоял гул: тихий, как шепот. Невыносимый для уха. В доме жили многие сотни человек. Мирным воскресным утром сотни были дома: завтракали, выспавшись, убирали квартиры, планировали день. Именно так поступала его

жена, умывшая и одевшая девочек, накормившая их, поставившая на стол кружки с дымящимся какао «с зайчиком». Они точно были дома все это время, ждали, когда он вернется. Развозка привезла бы его и других домой после 11 утра, когда машины ушли бы в недолгий учебный полет, конечной точкой которого был другой аэродром, расположенный в 2000 километрах к востоку. Они жили на пятом этаже, погребенном теперь ровно посередине огромной, страшной кучи. И они точно были там, внизу. Сколько из их соседей живо сейчас? Сколько еще живет в треугольных складках бетонных плит? Зажатые со всех сторон,

удушаемые сочащимся дымом, с раздавленными ногами и руками? Понимают ли они, что произошло? Для кого-то это могло быть землетрясение, даже конец света. Кто мог подумать, что это так началась война?

Сзади ухнуло: оторвались какие-то обломки из удержавшегося, обломанного поверху здания. Закричали люди. Задыхаясь, прапорщик огляделся. Единственный работающий экскаватор остался позади, у рухнувшей «точки», но его было видно. Его охраняла отдельно отстоявшая от других группа мужчин, и он как-то сразу понял, почему именно. Мысль, понимание

заставили прапорщика охнуть. В очаги землетрясений, в Армению и на Камчатку, тяжелую технику и спасателей везли со всей огромной страны, из-за рубежа. Кто поможет им теперь? Когда рухнувшие под ударами вражеских крылатых ракет здания дымятся во многих местах. Штабы, дома, являющиеся именно «домом» для драгоценнейших на войне целей — подготовленных летчиков. Последних во всей России, в которой почти не осталось училищ и боеготовых самолетов, и летчики набирают опыт по крупицам, многими годами. И между ними, между разделенными рухнувшими мостами очагами руин, — роющие

голыми руками землю люди. Безумные, как он. Не верящие в происходящее до сих пор, поверившие в него сразу либо понимающие как-то кусками, урывками. Как он.

Дышать было все труднее. Лида, Алена и Ульяна были там, посередине, куда не мог бы пробиться и экскаватор. Но его не будет — даже если цел Саратовский мост, технику Саратова бросят на авиабазу, где она важнее. Значит, остается он один.

Прапорщик шагнул вперед, поддернул рукава теплой куртки и начал взбираться на кучу. Когда шепот голосов под ногами стал

особенно пугающим, он начал копать. Но продлилось это недолго. Уже через несколько минут, разбросав руками около сотни килограмм и выиграв 20 сантиметров, он понял, что не может дышать. Распрямившись на секунду, он успел еще подумать, что время истекает и его ждут на аэродроме. Потом невидимый горячий коготь разорвал его сердце изнутри. Не вскрикнув, старший прапорщик ухватился за грудь, пытаясь пробиться пальцами через бушлат и кожу, выдернуть мешающий вздохнуть сгусток крови. Потом, через два удара, сердце встало окончательно, и старший прапорщик

Виктор Судец упал на землю, лицом
в битые кирпичи.

Воскресенье, 17 марта

*Успех свободного
Ирака имеет значение для
каждой цивилизованной
нации. Мы благодарим те
36 государств, чьи войска
находятся в Ираке, а
также многие другие,
которые помогают этой
молодой демократии.*

*Обращение к
нации президента
США Джорджа
Буша, 13*

сентября 2007 г.

Командующий армией США в Европе генерал-лейтенант Марк Хертлинг стоял на одном месте, широко расставив крепкие ноги и внимательно оглядывая окружающее. Ему было на что посмотреть, и он не стеснялся того, как выражение его лица может выглядеть со стороны. Прошлую ночь он провел в Решель — редкой по своим качествам дыре в двух десятках километров к югу от Багратионовска. Именно не спал, а «провел ночь»: о сне речь даже не шла. До того он сутки пробыл в Эльбинге, и тогда ему удалось поспать целых четыре часа, с одним

получасовым перерывом. Третьего дня он ночевал в Берлине, в дорогой гостинице, но тоже почти без сна. Сложно сказать, когда он в последний раз высыпался нормально. Последняя неделя была совершенно ужасна, но он действительно был вынослив, знал, что без этого не обойтись, и пока держался. Ради сегодняшнего дня, и ради завтрашнего, и послезавтрашнего, и тех, которые будут за ними.

Был час пополудни воскресного дня, и генерал-лейтенант стоял в центре Калининграда, столицы западного анклава России. Конкретно — на площади перед

Домом Советов. Это было символично, и генерал одобрительно кивнул молодым сержантам с полужнакомыми лицами, настраивающим телетехнику. Рядом с ними готовились к работе несколько гражданских групп, но военные журналисты должны были начать первыми.

В Калининграде было несколько площадей, позволяющих получить широкую панораму: было бы неправильно, если бы командующий армией США в Европе жался к стене какого-нибудь дома в ожидании выстрела. Здания вокруг площади у Дома Советов сейчас контролировались полностью, но и

это не было самым главным. Важнее был именно символизм. Это самое первое официальное интервью высокопоставленного офицера Вооруженных Сил стран НАТО отсюда, с территории, еще часы назад принадлежавшей России. Именно поэтому название «Площадь Победы» обязательно было бы переведено на все языки мира, и кое-кто начал бы проводить совершенно ненужные в этот момент ассоциации. «Победы над кем? Победы когда?» Показали бы их Триумфальную колонну, вызвавшую бы те же вопросы. И фоном к генеральским словам обязательно показали бы стоящий на той же

площади довольно красивый и весьма заметный православный храм Христа Спасителя. Что снова вызвало бы лишние вопросы. Потому что довольно заметная доля граждан США была уверена: подавляющее большинство русских являются язычниками, а то и сатанистами. По схожей причине, не лучшим выбором стала бы и площадь Василевского, со своим собственным памятником, изображающим сидящего грузного человека в шинели. Треть журналистов провинциальных телеканалов запнулась бы на названии, начала бы переспрашивать напарников: «А кто это такой, с этой жуткой фамилией?» Какой-нибудь

умник мог позвонить едва ли не в прямой эфир и разъяснить, кто такой был маршал Александр Василевский. После этого цепочка ассоциаций была бы аналогична первой. Можно представить, что через час Интернет будет переполнен непрошенными уточнениями, — когда и чем именно русский маршал прославился.

Генерал посмотрел на переминающегося в паре ярдов офицера с блокнотом в руках, но тот покачал головой. Что ж, еще несколько минут. Странно, но военная ситуация не была настолько острой, чтобы предложение об интервью не было отринуто как невозможное принципиально и

безоговорочно. Цена политических аспектов данного с этой конкретной точки интервью человека его ранга — эта цена перевесила цену времени. Но политика в последние годы всегда перевешивает грубую силу, можно было бы и привыкнуть. Вот Дом Советов — уродливый памятник Перестройке: недостроенное и брошенное 21-этажное здание, похожее на закопанного в землю по пояс робота-«трансформера». Неважно, что это несостоявшийся офисный центр. Имя «Дом Советов» говорило само за себя, и сам вид названного так здания служил символом: отвратительный монстр коммунизма

разрушен, приходит новая эпоха.

— Генерал, сэр?

— Я жду. Сколько еще?

— Всего несколько минут, сэр.

Уже почти заканчиваем.

Хертлинг кивнул, почти спокойно. Группы Эй-би-си, Би-би-си и Си-би-эс Ньюс были уже полностью готовы, и журналисты в бронежилетах с эмблемами агентств смотрели на суесящихся сержантов с явным сочувствием. Не с презрением, что ему понравилось: уж эти ребята знают, чего стоит быть военным журналистом. Носящим форму, обязанным выполнять приказы, а иногда и брать в руки оружие. Гражданский журналист на

войне — или штатный сотрудник агентства, или фрилансер — всегда может сделать выбор: ехать куда-то или не ехать. Его защищают люминесцентные буквы «PRESS» поверх бронежилета и на борту машины. Военного журналиста защищает только собственный профессионализм да реализм его командира. Об этом хорошо писал еще Герр в знаменитых «Депешах»[\[33\]](#). Сыгравших, кстати, немалую роль в становлении характера молодого офицера Марка Хертлинга на этапе командования взводом в старой доброй 3-й Пехотной дивизии. Возможно, именно поэтому он благоволил

журналистам до сих пор. Те же пользовались этим беззастенчиво.

— Генерал, сэр?

— Готовы?

— Последняя минута, сэр. Становитесь вот здесь, на черту. Все, как обсуждали ранее. Ваше введение — одна минута ровно, потом три вопроса без пауз. Ответы — по 35–45 секунд на каждый.

— Кто потом?

— Без изменений, сэр. Эй-би-си, Кристиан Аманпюр, за ней Би-би-си, Джон Симпсон, — по два вопроса. Последним Си-би-эс Ньюс, Барри Петерсен, один вопрос.

— Си-эн-эн не успели.

— Нет, сэр.

— Удивительно. Но не страшно.
Я сейчас.

Это не было предусмотрено, и лейтенант напрягся. Однако генерал Хертлинг отошел от проведенной по асфальту меловой черты лишь на шаг.

— Кристиан, рад вас видеть.
Джентльмены?

— Рады вас видеть, генерал.

— Отличный день, генерал.

Хертлинг обвел всех троих глазами. Допущенные сюда гражданские журналисты входили в элиту телерепортеров мира, из «работающих в поле». А Кристиан Аманпюр из Си-эн-эн являлась фактически самым известным гражданским военным

корреспондентом современности. Барри Петерсен был менее известным, чем двое остальных, хотя он просто больше работал в Азии. Для столь важного репортажа от Си-би-эс Ньюс можно было ожидать кого-то и повыше рангом, вроде Скотта Пелли. Но у Си-би-эс произошла оставившая дурной вкус история с шумным повышением журналистки, подвергнувшейся сексуальному насилию в Каире, а в прошлом году они понесли потери в Ираке. Все это не могло не повлиять на агентство — в частности, на выбор командира группы, собранной и отправившейся сюда в условиях острейшего цейтнота.

Генерал думал быстро, как привык. В лицах журналистов он не увидел ничего нового: нормальные профессионалы, знающие, что от них требуется. Аманпюр была натуральная сука — именно это слово приходило в голову любому мужчине, имеющему возможность разглядеть ее лицо в подробностях и почувствовать ее характер на себе. Но она была кавалерственной дамой командорской степени Ордена Британской Империи (ее визитная карточка выглядела, таким образом, даже более впечатляющей, чем его собственная), и ее потенциал атакующего носорога был неоспорим. Он уважал таких

женщин. Симпсон был попроще — нормальный такой англичанин, уже не молодой. А Петерсен выглядел хитро, сам немного похожий на азиата, с мягким лицом. У него один вопрос, но если от кого-то и ждать подвоха, то именно от него.

— Работаем?

— Да, сэр.

— Да, генерал.

Он отступил назад, встал на черту. Осмотрелся по сторонам, на секунду задержав взгляд на ужасном Доме Советов. Оператор военной команды шикнул и начал показывать пальцы. Три, два, один.

— Я генерал-лейтенант Марк Хертлинг, командующий армией

США в Европе. Сегодня 17 марта 2013 года. Запомните этот день. Сегодня мир сделал решительный шаг к тому, чтобы жизнь людей стала безопаснее. Это было не легким решением. Но в дни испытаний никакие решения не могут быть легкими. К этому часу вы уже знаете: Вооруженные Силы США, вместе со своими союзниками, начали миротворческую операцию «Свобода России». Мы несем ответственность перед всем миром за то, чтобы остановить разворачиваемую Россией кампанию угроз и шантажа по отношению к ее ближайшим соседям — государствам Европы, Средней Азии и кавказского региона

— и прямых нападений на них. Чаша терпения мирового сообщества переполнена, и теперь мы намерены сделать все, чтобы дать возможность народу России получить право выбора. Жить в страхе перед собственным правительством, готовым на все ради власти и подавляющим любые проявления инакомыслия и свободы слова, — или войти в число свободных государств, ориентированных на мировое сообщество и разделяющих принципы демократии и прав человека. Мы уверены в верности своего пути. Мы тверды в своей решимости. Мы выполним свой долг.

Оператор как согнулся над

видоискателем выставленной на штатив камеры, так и зачоченел в этой позе, будто примороженная большая птица. Его помощник широко и открыто улыбнулся генералу, и, перенеся взгляд дальше, за его спиной тот увидел еще несколько кивающих лиц — члены гражданских новостных команд. Не вполне понятно, почему их не разогнали подальше, и как они стянулись сюда за минуту, но их реакция его устроила. Судя по всему, он не промахнулся ни в чем, не сбился ни в одной интонации. Что ж, час подготовки был потрачен не зря, каким бы драгоценным он ни был в реалиях позавчашнего дня.

— Мой первый вопрос, генерал, сэр. Россия является ядерной державой. Какова, по-вашему, вероятность того, что они нанесут ядерный удар по нашим войскам?

Еще услышав это в первый раз, Хертлинг решил, что формулировка вопроса была прекрасной. Не «вероятность атомной войны» или «обмена ядерными ударами», а «нанесут удар». Не «перехода конфликта в стадию ядерных ударов», а опять же «нанесут». Не по домам в мирных Соединенных Штатах, не по городским кварталам. По войскам. Далеко, в Европе.

— Попытка нанести ядерный удар по международным

миротворческим силам явилась бы преступлением, невиданным по своим масштабам. Оно имело бы самые тяжелые последствия для России — наш ответ на такое злодеяние был бы масштабным и в максимальной степени жестким. Отмечу также, что, согласно достигнутым ранее международным соглашениям, с вооружения сухопутных войск тактическое ядерное оружие Россией снято в 1998 году. Запуск же ею даже небольшого количества межконтинентальных баллистических ракет повлечет за собой автоматический ответный запуск. Именно автоматический. Если мы будем спровоцированы в

подобном масштабе, наш ответный удар по городам России не будет что-либо ограничивать.

— Вы сказали «спровоцированы», генерал, сэр. Наша аудитория наверняка хотела бы услышать ваше мнение по этому вопросу.

— Возмутительное по своей наглости нападение подразделений русских вооруженных сил на мирные города независимого демократического государства, к несчастью имеющего общую границу с Россией, попрало все нормы международного права. Как я уже сказал, переход ими к прямому применению силы от угроз и

шантажа, экономического и политического, является сигналом для всего мира. Терпеть такое невозможно, и мир не смог позволить себе стерпеть это. Было ли это намеренной провокацией властей России, пытавшихся проверить реакцию мировых держав на нарушение ими Хельсинкского соглашения, была ли это инициатива кого-то из командующих на местах — это не имеет сейчас никакого значения. Они просчитались в любом случае. Миру на нашей планете нельзя угрожать бесконечно.

— Мой последний вопрос, генерал, сэр. Являясь одним из наиболее высокопоставленных лиц в

цепочке командования армии США и собственно командующим силами в Европе, как высоко вы оцениваете современный военный потенциал России?

Генерал Хертлинг ответил не сразу. Вместо этого он сделал паузу длительностью в несколько дорогих секунд, глядя прямо в квадратный зрачок тяжелой видеокамеры.

— В сложившейся ситуации параметры военного потенциала России также не имеют значения. Мы не собираемся воевать с русской армией. Мы проводим операцию, направленную на принесение народам России, в том числе именно русскому народу, свободы и

необходимых человеку прав. Не только в России, но и собственно в командовании российскими Вооруженными Силами есть люди, разделяющие наше стремление. Я уверен, что это обстоятельство позволит нам избежать ненужных жертв. Каждая человеческая жизнь, потерянная в ходе этой миротворческой операции любой из сторон, будет на совести нынешних властей России. Я прошу всех понять это и сделать для себя соответствующие выводы.

— Спасибо вам, генерал, сэр. Мы знаем, сколь ценно ваше время. От пресс-службы 7-й армии США, с площади Дома Советов в

Калининграде, западный анклав России в Европе, — первый лейтенант Джеральд Кентерберри, армия США.

В черном оке видеокамеры не изменилось ничего, не было никакого мигания или чего-то подобного, но оператор оторвался от видеоискателя и молча кивнул: съемка была окончена.

— Хотите отдохнуть минуту, генерал, сэр?

— Нет, лейтенант, спасибо.

Он действительно всегда весьма свободно чувствовал себя перед камерами и не устал.

— Предпочитаю покончить со всем сразу. У меня воистину есть

сейчас более насущные дела, чем произносить все это.

— Разумеется, генерал, сэр.

На самом деле в данный момент Хертлинг был не полностью искренним. Три прозвучавших вопроса были наиболее актуальными из всех тех, что мог задать среднестатистический гражданин США или европейских государств, припав к экрану телевизора. По мнению Хертлинга, настолько полные ответы на них прозвучали впервые: одно это давало возможность его имени быть навсегда вписанным в историю.

Лейтенант отшагнул назад и сделал знак Кристиан Аманпюр из

Эй-би-си. Та была давно полностью готова: темные волосы не слишком ровно уложены по плечам (адресованное миллионам послание: «я женщина, выполняющая мужскую работу!»), глаза прищурены, выражение лица суровое и уверенное.

— Кристиан Аманпюр, служба новостей Эй-би-си из Калининграда, столицы самой западной провинции России. С нами командующий армией США в Европе генерал-лейтенант Марк Хертлинг. Добрый день, генерал.

— Добрый день, Кристиан.

— Генерал, как вы оцениваете ход начавшейся операции? Она

длится уже несколько часов, и вы наверняка уже сделали какие-то выводы?

— Да, Кристиан, конечно. Миротворческая операция «Свобода России» началась в 7 часов 30 минут по варшавскому времени, это соответствует 1 часу 30 минутам пополудни по Восточному стандартному времени. Важнейшим обстоятельством хода начавшейся операции я считаю прежде всего то, что к текущему часу не погиб ни один мирный житель. Миротворческие силы НАТО в целом и Вооруженные Силы США в Европе в частности прилагают все возможные усилия для того, чтобы

предотвратить потери среди гражданского населения. Это нелегко, потому что отдельные очаги сопротивления находящихся здесь, в анклав, русских подразделений являются объектами весьма серьезного огневого воздействия. Но пока наши успехи несомненны не только с точки зрения собственно военных аспектов хода операции, но и с точки зрения гуманитарных, являющихся основной целью всей нашей миссии.

— Спасибо, генерал. Вы сейчас сказали «отдельные очаги сопротивления». Значит ли это, что российская армия не оказывает или почти не оказывает сопротивления

миротворцам?

— Именно так, Кристиан. Я полагаю, причиной этого является именно нежелание русских офицеров и солдат ассоциировать себя со своим правительством, отвечать за его ошибки. Не будет преувеличением, если я отмечу следующее. По имеющимся у нас данным, весьма значительная доля российских военнослужащих, в том числе высокопоставленных офицеров, не просто не готова воевать за режим Москвы — они являются его убежденными противниками.

— Спасибо вам, генерал.

Взмахнув копной волос,

журналистка обернулась от его лица к своему оператору и оскалилась, демонстрируя зрителям непреклонность в преодолении встающих перед ней трудностей.

— Еще раз, с вами был командующий армией США в Европе генерал Хертлинг, а также Кристиан Аманпюр, служба новостей Эй-би-си. В прямом эфире из Калининграда, с передовой линии проведения миротворческими силами НАТО операции «Свобода России».

Хертлинг только покачал головой: напор журналистки был впечатляющ. Неудивительно, что она считается лучшим военным

корреспондентом мира — причем не среди женщин, а вообще, в целом. Если она способна вести себя в похожем стиле под огнем — а скорее всего это именно так — он не побоялся бы доверить ей и полнокровный взвод. Причем ей не обязательно уметь без промаха стрелять или умело распределять огневые группы по складкам местности. Ей надо просто повести за собой людей, и те затопчут любого противника, не имеющего тяжелой бронетехники. К слову, наверняка у Аманпюр имеется и стрелковая, и особенно тактическая подготовка. По крайней мере на уровне послужившего кое-какой срок

рядового, а то и выше.

Генерал кивнул на прощанье удивительной женщине — совершенно непривлекательной сексуально, но тем не менее оказавшейся неожиданно притягательной. Потом он обернулся к ждущему своей очереди англичанину из Би-би-си. Снова были адресованные телезрителям представления, потом вопросы. Джон Симпсон был представителем старой школы. Как человеку его поколения генералу было с ним легко.

— Добрый день! Я Джон Симпсон, корреспондент службы новостей Би-би-си, с новостями из

Калининграда, русского анклава, расположенного между Польшей и Литвой. Рядом со мной командующий армией США в Европе генерал-лейтенант 7-й армии Марк Хертлинг.

— Добрый день, Джон. Добрый день, Великобритания.

— Генерал, когда было принято окончательное решение о начале миротворческой операции?

Хертлинг помолчал секунду, ожидая, что англичанин продолжит вопрос, усложняя ему задачу. Но тот глядел выжидательно.

— Ну что ж, на этот вопрос ответить довольно просто. Еще за одну минуту до начала силовой фазы

операции правительство России имело все возможности предотвратить эскалацию конфликта. Отказаться от вмешательства во внутренние дела соседних государств, вывести подразделения своих вооруженных сил, незаконно находящиеся на их суверенной территории, гарантировать рассмотрение в международном суде дел лиц, виновных в военных преступлениях. Этого и другого было бы достаточно, но на это русское правительство пойти не пожелало. Соответственно, вся полнота ответственности лежит именно на нем. На правительстве России и на ее президенте и премьер-министре

лично.

— Благодарю вас, генерал, это вполне ясно. Известно ли вам о числе жертв русской агрессии, об объеме задействованных русскими сил?

— Пока только приблизительно. Но, по предварительным сведениям, число убитых и раненых русскими войсками мирных жителей независимых государств исчисляется сотнями, число вынужденных покинуть свои дома — тысячами. Я не сомневаюсь, что эти сведения будут уточнены в самое ближайшее время. Еще раз отмечу — мы не считаем русскую армию врагом. Но лица, ответственные за военные

преступления, будут установлены, подвергнутся судебному преследованию, и их наказание будет как минимум суровым. Терпение мира иссякло, господин Путин и господин Медведев. Вы перешли границы и в переносном, и в прямом смысле. Мы идем требовать от вас и вашей клики ответа.

Симпсон тепло поблагодарил его, но генерал с трудом заставил себя ответить. Ему было очень сложно не думать о том, как умники в Вашингтоне едва не подставили их всех разом, и его лично в частности, — здесь и сейчас. И вероятность произнести всего одно неправильное слово и тем навсегда

испортить свою карьеру все еще не осталась позади. Но для таких мыслей не было времени: повторение англичанином представлений себя и собеседника, повторение объяснений особо непонятливым либо поздно включившимся в передачу телезрителям того, где именно они находятся, — все это занимало не так много секунд. Да, сейчас у Петерсена появится шанс прославиться за счет чужих просчетов.

— Генерал, сэр?

Первый лейтенант уловил его напряжение и подошел ближе, готовый слушать и подчиняться.

— Все нормально, Кентерберри.

Всего один остался, так? Что там с Си-эн-эн?

— Да, сэр: Си-би-эс ньюс, им дан один вопрос. Си-эн-эн так и не прибыли. Прямой связи с группой у нас нет, их штаб-квартира сообщила, что они в городе, но где именно — сказать не могли. Наш верх тоже не может. Прикажете попробовать выйти на их региональное представительство еще раз, попробовать уточнить?

— Не дай бог. Незачем совершенно. Давайте покончим с этим: все это и так затянулось. Непропорционально, мне кажется.

Всего пятью минутами ранее ему казалось иначе, но теперь

атмосфера ощутимо изменилась, и генерал чувствовал это кожей. Что-то происходило. Прямо сейчас, пока он здесь. Что именно?

Он оглянулся и поймал взгляд полковника своего штаба. Тот вопросительно приподнял бровь, — «что?» Хертлинг раздраженно мотнул головой. Можно было догадаться, что случись что-то по настоящему серьезное, к нему бы подбежали, оборвали бы интервью на полуслове, отпихнули бы тупых журналюг в стороны, дав ему заняться делом. Раз этого не случилось, значит, ничего сверхважного пока не произошло. Но что-то все же происходило, и это

раздражало и отвлекало.

Хертлинг постарался собраться и натянуто улыбнулся Барри Петерсену, уже ожидавшему в метре впереди. Его оператор уже вел запись.

— Можно, генерал?

— Пожалуйста, мистер Петерсен.

Что он спросит? Кто-то из команды Си-би-эс в нескольких метрах позади работающей пары широко ухмыльнулся. У него была в руках развернутая книжка дорожной карты Прибалтики, и теперь этот человек складывал ее, как положено, ласково приминая на сгибах. Генерал едва удержался, чтобы не зарычать.

Да, сволочь, я понял твой намек.

— ...Мы все знаем, как вы заняты, генерал. И огромное спасибо за то, что уделили нам время. Мой вопрос такой...

Пауза на полсекунды, на неполный удар сердца. Они посмотрели друг другу точно в глаза. Хитрый, розовощекий корреспондент, повидавший за карьеру больше убитых разными способами людей, чем иной профессиональный коронер или прозектор, — и командующий армией США в Европе. Высокий, спортивный, с интеллектом биржевого аналитика. Повелевающий жизнями миллионов

людей. Мечтающий о мире без врагов.

— Насколько велики ожидаемые потери миротворцев?

Снова пауза: генерал Хертлинг аккуратно подбирал слова.

— За какой период, Барри?

Он прекрасно знал, что так делать было нельзя: уточняющие вопросы всегда указывают на то, что отвечающий не вполне владеет темой. Но у него сейчас не было особого выбора.

— За весь период проведения миротворческой операции, до полного достижения ее целей.

Хертлинг заставил себя сдержаться, не выругаться вслух. Все-

таки его первое впечатление было абсолютно верным: Петерсен очень и очень непрост. Приятно оказываться правым, оценивая людей из иного социального слоя.

— На этот вопрос в принципе невозможно ответить даже ориентировочно. Любая моя попытка назвать какую-то округленную цифру была бы лукавством. Но что я могу сказать твердо и без оговорок: никакие наши жертвы не заставят нас отказаться от решения осуществить наши благородные цели. Наша цель — установление мира на земле, снижение уровня угрозы мировой стабильности и правопорядку, принесение народам

России свободы и прав. С этого пути мы не свернем, даже если будем вынуждены нести потери.

Снова пауза: корреспондент Сиби-эс внимательно смотрит на генерала, то ли ожидая продолжения, то ли просто давя на нервы. Обойдется.

— Спасибо вам, генерал Хертлинг. Мы все желаем успеха нашим ребятам. Спасибо. С нами был...

Камера плавно повернулась, отводя свой зрачок от фигуры командующего, и тот отступил в сторону. До самой последней секунды он не был уверен в том, что ублюдок не задаст тот вопрос,

который был у него в глазах. Вопрос про адрес того самого «неспровоцированного русского вторжения», послужившего поводом для начала операции, названной «Свобода России». Будто для этого нужен повод.

— Все?

Лейтенант кивнул, и Хертлинг с облегчением направился к штабной машине, не обращая никакого внимания на взгляды, которыми его провожали члены команд всех трех новостных агентств. Бойцы охраны уже начали двигаться вперед, создавая рыхлый пунктир внутреннего периметра охранения его персоны. Конечно, это не спасет

от пули снайпера, выпущенной с крыши любого из домов в полумиле в любую сторону. Но он не чувствовал, что подвергается опасности лично. В городе почти не стреляли, только где-то вдалеке к северу слышалась негустая перестрелка. Добивают полицейский участок или засевших в своем бараке курсантов военноморского училища? Судя по звукам, вряд ли это что-то более серьезное. И слава Богу. Но ощущение того, что в данную, текущую секунду где-то происходит нечто важное, все-таки не проходило. Он не мог отделаться от мыслей о том, что несколько последних минут были потрачены им здесь, на площади Дома Советов,

совершенно зря.

Заигрывания с гражданскими новостными агентствами Хертлинг считал совершенно излишними. В конце концов, есть на редкость четко очерченный социальный заказ: «русские виноваты, а мы миротворцы». Он с пониманием относился к желанию каждого отдельного корреспондента выпендриться, запомниться аудитории как либерал, но попустительствовать этому надо было очень в меру. Список вопросов, задаваемых в прямом эфире людям такого ранга, как он, должен быть рассмотрен и утвержден где-то «наверху». Как минимум в отделе по

связям с общественностью штаба Вооруженных Сил НАТО в Европе, а лучше в Вашингтоне. Если же задается вопрос, не оговоренный заранее, корреспондент или агентство лишаются аккредитации при штабе, лишаются пропуска в зону проведения операции. Можно было без труда представить, чего это будет стоить рейтингу телеканала в столь горячее время. Соответственно, они будут вести себя разумно. Более разумно, чем Петерсен, который удержался с трудом. Или, возможно, просто намекал: «Я могу задать тот самый вопрос вслух, в прямом эфире. И я этого не делаю. Какая награда мне за это будет?»

В голове генерала с трудом укладывалась тупость вашингтонских мальчиков, засевших в комфортабельных, кондиционированных офисах с собственными туалетными комнатами и батальной живописью на стенах. Он воспринимал их глупость, их оторванность от реальной жизни как данность, как факт, но так и не мог принять по-настоящему. То, что русские не то чтобы напали, но устроили военную провокацию, сообщалось как-то невнятно, общими словами. Очень разными. Учитывая время, затраченное на подготовку психологической, пропагандистской

составляющей операции «Свобода России», это было как минимум странно. Это должно было бросаться в глаза. И наверняка бросалось — довольно большой доле людей с коэффициентом интеллекта выше среднего. «На кого это там русские напали? — могли хотя бы риторически спросить они. — Где это там тысячи беженцев бросают свои дома?»

Исходно в качестве мишени неспровоцированной агрессии Российских Вооруженных Сил рассматривалась независимая Грузия. Однако тут начинали действовать сразу два довольно значимых фактора. Прежде всего,

война 2008 года оставила в памяти многих людей довольно отчетливый след. Хотя Грузия была далекой маленькой экзотической страной, всей мощи пропагандистской машины западной цивилизации тогда не хватило, чтобы забить утечки информации об истинных обстоятельствах начала войны. Это было неожиданно, и это было довольно болезненно. Звучащее по тысяче раз на дню «Плохая Россия напала первой на мирную демократическую Грузию» никуда не делось и в целом работало, но когда «дым рассеялся», выяснилось, что неожиданно значительная по объему часть населения прекрасно все

поняла. Запомнила выступления
каких-то вырвавшихся из-под огня
осетинок непосредственно в прямом
эфире одной из популярнейших
новостных передач. Две
пропущенные туда дуры успели-таки
ляпнуть, что нападающей стороной
была Грузия, а русские солдаты «их
спасали», — и вовремя выключить их
не удалось. Запомнила карикатуру с
Саакашвили, пинающим
симпатичного медвежонка под
удивленным и оскорбленным
взглядом громадного русского
медведя. Было понятно, что утечки
будут, — мы все же живем не в
полной виртуальности. Но
ожидалось, что немногочисленные

люди, «уловившие ход вещей» и пытающиеся делиться этим с окружающими, будут выглядеть маргиналами, подвергаться спонтанной обструкции и тому подобному. Этого не случилось, и это стало ценным и болезненным уроком: критичность населения западных стран возрастает быстрее, чем растет эффективность пропаганды. Это нельзя было не учитывать. Второй раз подряд завышения о «нападении злой России на демократическую Грузию» должны были восприниматься с изрядной долей скепсиса уже втрое большим объемом аудитории, и Грузия была отклонена как

«кандидатная жертва» довольно рано. Вторым действующим фактором было ее название, хотя это и звучит как анекдот. Еще в августе 2008 года какие-то придурки ударились в панику, решив, что русские высаживаются под Атлантой, в штате Джорджия. Объяснения помогли не сразу, хотя были полезными: кое-кто впервые узнал, что Джорджий в мире две, и Саакашвили — вовсе не губернатор штата в зоне действия Восточного стандартного времени. И ад бы с ними, с придурками, но эта война должна была быть серьезной, и медиапокрытие должно было быть максимально активным. Никому не

нужны были инциденты со свихнувшимися членами Национальной ружейной ассоциации, строящими баррикады над хайвеями I-95 и I-75, а затем открывающими огонь по прибывшей полиции, показавшейся им русским десантом.

По этим причинам Грузия подходила не слишком хорошо, и были выбраны Эстония с Латвией. Все прекрасно помнят, что это страны маленькие, поразительно демократические и в течение столетий едва отбивающиеся от российской оккупации. Вызываемой, разумеется, исключительно природной нетерпимостью дикого

русского медведя к
цивилизованности и свободе.
Соответственно, они могли
подходить.

Так счел какой-то придурок в
Вашингтоне, и это было настолько
неумно, что едва не обрушило всю
только-только начавшуюся
пропагандистскую кампанию. Сам
Хертлинг особыми подробностями о
подготовке пропагандистского и
дипломатического обоснования
начала операции не владел: это была
не его работа. Но общую канву он
знал и не слишком одобрял, надеясь
разве что на здравый смысл и
профессионализм работающих в
данном секторе офицеров. Генерал

считал, что начинать войну с провокации — вообще лишнее. Людям хватило бы простого объяснения: русские доигрались не конкретно сейчас и чем-то одним, а «системно». Поэтому конкретный повод для запуска миротворческой операции не нужен — поводом является вся их политика за последние 10 лет. Попытка объяснить начало операции каким-то одним их сиюминутным действием является ошибкой: ответ начинает выглядеть как свехответ, «гиперреакция». А рассказ про нападение русских на кого-то «уводит» аудиторию в сторону от совершенно реальных, доказуемых

фрагментов цельной картины и связан с риском быть обвиненными какими-нибудь умниками в провокации.

Да, провокация была не «настоящая», а виртуальная. Попытки запустить в Таллинн и Ригу по сотне якобы бойцов русских ВДВ, с сатанинским хохотом расстреливающих детей и женщин из ручных пулеметов Калашникова — это был бы несомненно театр. Огромных усилий стоило бы его организовать, и каждый организатор и участник был бы на сто процентов уверен: при малейшем же сбое он тут же становится военным преступником, при этом от него

отмежевываются все заказчики этого выступления, до самого верха.

Соответственно, «театр» являлся полностью виртуальным. Он не сопровождался трансляцией видеосъемок бегущих по улицам прибалтийских городов и сел людей, преследуемых русским десантом в его колоритной парадной форме, с крупными планами искаженных ужасом лиц и развевающихся красных флагов. Он не нес «фактической» нагрузки вроде перечислений названий населенных пунктов, фамилий погибших и изнасилованных членов парламентов и национальных олимпийских сборных двух этих государств, и так

далее. Это были просто слова, сообщения, русские напали на мирные государства: вот на такое и вот на такое. Ах, какой ужас, надо что-то делать... Умеренный накал собственно этих сообщений тоже имел смысл: подразумевалось, что это не полноценная военная агрессия, а именно «возможная провокация» русских, — для соответствия этому формату хватало и взвода, — а значит, и не требовало особых доказательств. Теоретически аудитории должно было хватить «просто слов», просто заявлений, не подкрепляемых вообще ничем. Потому что операция «Свобода России» началась в 07.30 по

местному времени. А заявления и комментарии, касающиеся перехода воинскими подразделениями ВС РФ границ Эстонии и Латвии, были скормлены глобальной аудитории несколькими десятками минут позже. Хотя иногда и «задним числом», датируемые 01.00–05.00 этой же ночи. То есть зрители прилипали к экранам в шоке от зрелища прущих через разбитые пограничные посты танково-механизированных колонн НАТО, и им некогда было раздумывать о деталях уже ушедшего в прошлое русского нападения. Но в первые же часы стало ясно, что и этот, считавшийся вполне надежным и

обоснованным, сценарий «поплыл».

В Сеть пошли десятки сообщений от американских и западноевропейских граждан, в эти конкретные ключевые часы находящихся в прибалтийских государствах. Им звонят напуганные родственники из дома, а местные новостные службы и даже просто местные жители, оказывается, понятия не имеют, что на них напали русские! То есть не грохочут по улицам сапоги, не лязгают траки, обыватели в панике не бегут по продуктовым магазинам и не лезут закрываться по подвалам. Даже не едут по улицам колонны военных грузовиков и реквизируемых

автобусов, собирая резервистов по кварталам. Сейчас-то, конечно, едут... Маленькие армии Эстонии, Латвии и Литвы не учитывались в расчетах «первого дня». Им отводилась роль полицейских сил регионального значения на «этапе мирного урегулирования», — в первую очередь для борьбы с партизанским движением и поддержания порядка в бывших Калининградской области и Северо-Западном федеральном округе. И правительства прибалтийских государств, и штабы их вооруженных сил еще даже не знали об этом ничего: риск ухода информации в третьи руки был слишком велик и

совершенно не окупался пользой от применения их военного потенциала.

Таким образом, именование Эстонии и Латвии «не прошло»: в них оказалось слишком много иностранных туристов, имеющих в кармане сотовый телефон, а на плечах голову. «Оказалось» — это очень интересное слово, если поставить его в кавычки. Неужели никому не пришло в голову, что так и будет? Кто ездит в турпоездки за море, — фермеры и работяги? Даже те шведы и финны, кто плывет в Таллинн и Ригу на пароме только чтобы поесть, выпить, помочиться с набережной и трахнуть местную проститутку, — даже они уже

отличаются от тех, на кого был рассчитан этот тупой ход. Собственно коренных жителей этих стран, судя по сложившейся в них политической атмосфере, наверняка можно было организовать построиться потысячно и объявить себя в видеокамеру жертвами начавшегося русского нападения. Да, одновременно рассадив представителей русскоязычного меньшинства по фильтрационным и трудовым лагерям. Но что это все равно не пройдет, что картина «не будет выглядеть полной» в глазах многих тысяч иностранцев, вразнобой едущих сюда каждую неделю из половины европейских

стран, — об этом-то можно было подумать?.. О том, что начавшаяся «миротворческая операция» была категорически не похожа на автоматически запускающуюся при нападении России на государства Прибалтики разрекламированную операцию НАТО «Орел-Защитник»? Слишком разрекламированную, как выяснилось!

В итоге разнообразные (пусть и резко уменьшившиеся в числе) официальные лица и комментирующие их мычание телеведущие снова начали произносить слова «Грузия» и «Осетия». И каждый раз это выглядело глупо... Потому что сами

виноваты. В горы Кавказа не поедет в наши дни ни один западный турист в здравом уме, а маньяки-альпинисты и горнолыжники — маргиналы по определению, и их слова не значат ничего. Тем более что это не плоская и усаженная цветочками окраина Европы: в одной грузинской долине могут понятия не иметь, что делается в соседней. Отсюда и все расхождения в официальных и «наблюдаемых» аспектах русской провокации, она же «неспровоцированная агрессия против мирного грузинского народа». Какие-то дни это будет работать. Теперь ничего и не сделаешь, третьих вариантов нет — не на Монголию же

Россия напала...

Dixi et animam levavi... [\[34\]](#)

Генерал-лейтенант почувствовал, что во рту у него кисло, и поморщился от отвращения, упираясь боком в бронированный бок командно-штабного «Хамви». Водитель шел на большой скорости, машину качало, и Хертлинг опасался стукнуть о железо электронным планшетом, который держал в руках. На ходу, параллельно со своими размышлениями, он проглядывал обновления, идущие «снизу», из оперативного отдела своего штаба. Штатские все сделают через жопу, если дать им шанс. Всегда. Неужели не было понятно, что даже такую хрень, как эта, нужно

было обязательно контролировать? Оказалось — нет, не было понятно. И теперь Барри Петерсен нагло намекает на то, что они облажались. Понятно, что через сутки это дойдет до тысяч, через двое суток — до десятков тысяч людей. Это будет хуже, чем в последнюю иракскую кампанию, когда в демонстрациях на улицах американских городов участвовало именно такое число людей. Правительство наплевало на это, но сейчас времена немного другие, у власти другие люди, и не хватит ли им меньшего числа протестующих, идущих из одного штата в другой в сторону Федерального округа Колумбия? И не

станет ли протестующих еще больше? В разы?

Генерал отлично понимал, что это будет реальная гонка, — прогресса военной операции против нарастания истерии пацифистов и просто дураков. Гонка шла бы в любом случае, в этом можно было не сомневаться с самого начала. Теперь она будет значительно острее того, что ожидалось и на что можно было надеяться. Но общая ее логика осталась неизменной. Если они сработают быстро и жестко, разгромив русскую армию в приграничных сражениях с минимальными потерями и продвинувшись в глубь страны за

какие-то дни... В этом случае помешать им не сможет уже совершенно ничего. Кроме возможного жеста отчаяния русских, кроме их оружия массового поражения — в первую очередь именно Бомбы. Но даже у нашего рефлексирующего президента хватит ума не останавливать операцию, обещающую его стране мировое господство навсегда, до скончания истории человеческой цивилизации. Мощь и коллективная воля американского народа, непревзойденная американская система управления — и доставшиеся России от Бога-отца невозможно огромные природные

ресурсы: от расщепляемых элементов до леса и просто чистой пресной воды. Ради этого, ради такого любой правитель засадит в концлагеря миллион собственных граждан. И будет сладко спать по ночам, улыбаясь и пуская слюни от удовлетворения. Ради этого абсолютно любой народ раздавит протестующих либералов и идеалистов, как вшей.

Хертлинг молчал, ожидая, пока на планшет пройдет запрошенный пакет со спутника. Коммуникатор был нем, и это ему не нравилось тоже: по его представлениям, в острой фазе операции командующего должны рвать на части, потому что

оперативная обстановка
переворачивается вверх ногами вновь
и вновь, практически непрерывно,
как брошенный в воду надувной мяч.

— Мартин, что-то со связью?

Капитан на левом сиденье
пробежался пальцами по сенсорному
экрану, выступающему из ближайшей
к нему панели.

— Нет, сэр. Все каналы в
рабочем режиме. Даже спутниковый.

Генерал кивнул,
удовлетворенный не ситуацией, но
ответом. Спутниковый канал всегда
вылетает самым первым — слишком
много звеньев в цепочке от висящих
на «среднеорбитальных» 6–7 тысячах
миль военных спутников связи до

скачущего по колдобинам «Хамви». Вот тоже вопрос: почему командующий армией США в Европе сидит не в разрекламированном четырехместном JLTV-B-C20TM^[35], а в «Хамви» производства 80-х годов, со всеми его недостатками? Оборудование в машине было новое и даже новейшее, но сама машина ему не нравилась никогда. Однако выбор был невелик: до «Хамви» в качестве командно-штабной использовалась M577 A3, созданная на базе знаменитейшего долгожителя, гусеничного бронетранспортера M113. Разработанного довольно скоро после Кореи и активно

используемого армией США до сих пор. Новую тактическую машину для армии и корпуса морской пехоты, уже всем известную как JLTV, разрабатывали с 2008 года. И хотя стоимость программы уже превысила 10 миллиардов долларов, до воплощения ее в реально едущем экземпляре (хотя бы для командующего армией) до сих пор было, как до Марса на пердячей тяге. Так что если кто-то думает, что сильнейшая в мире армия — это сплошные нанотехнологии, он очень сильно удивляется, попав из иллюзий в реальность. Армия — это в том числе и масса старого железа, потому что новое в 20 раз дороже и

вдвое чаще ломается. Как связь.

— Мартин, свяжи меня с 35-й.

— Да, сэр. Секунду.

Генерал впервые за несколько минут выглянул в бойницу машины. Они проезжали мимо каких-то витрин, тянувшихся на десятки метров: за подкрашенными инеем стеклами стояли изображающие женщин манекены в кружевном нижнем белье разных цветов. По тому, что он видел собственными глазами, три четверти магазинов в этом городе были или продуктами лавками, или спортивными, или именно магазинами женского нижнего белья. Выходит, неудивительно, что у русских такой

всплеск рождаемости.

— Начштаба 35-й, сэр.

Помощник щелкнул удлиненным изолентой тумблером на одной из панелей, и в гарнитуре на ухе генерал-лейтенанта родился знакомый голос.

— Докладывайте вне очереди, — буркнул Хертлинг после секундного обмена приветствиями. — Сначала общую обстановку, потом конкретно про головные дозоры боевых групп.

С помощью работающего с невероятной скоростью капитана находящийся в полутора десятках миль к востоку начштаба 35-й Механизированной дивизии «вошел»

прямо в электронный планшет командующего, и так обновляемый почти в режиме реального времени. Действуя одновременно стилем и сенсорной клавиатурой, он в режиме синхронизации быстро набил в него дюжину новых значков, один за другим разворачивая микросегменты своей тактической карты перед взглядом Хертлинга. Тот кивал, выслушивая скупые, но конкретные комментарии, и понемногу на душе у него становилось легче.

— Хорошо, — сухо заключил он. — Усиьте элемент «Б» 39-й бригадной боевой группы как минимум еще ротой, не дожидайтесь, пока русские качнут

его назад. Да, я верю, что они могут. Да, до сих пор. Впрочем, это не приказ, это всего лишь моя рекомендация штабу дивизии, вам ясно? Никто не будет командовать за генерала Дэворена и вас. Даже я. И вторая рекомендация: обратите самое пристальное внимание на Т-образный перекресток A190/P512, в двух милях строго на запад от Полесска. Если русские и сумеют нанести контрудар хоть чем-то тяжелее роты, то это будет именно здесь, и это придется точно Дэворену и вам в правое ухо. Понятно?

Полковник из 35-й еще суше ответил, что ему понятно, и Хертлинг поставил на планшет

маркер. Информация пошла в оперативный отдел 7-й армии, и уже через минуты штаб дивизии начнет двигать в нужном направлении людей и технику. Украшенную оскаленными медвежьими мордами (над кактусом и лилией) 153-го пехотного полка и «Арканзасской зубочисткой» бригадной боевой группы. Уже сейчас о полученной «рекомендации» от командующего известно в штабах до батальонов включительно, и гавканье идет по цепочке.

Генерал-майор Джон И. Дэворен был умелым и агрессивным офицером, но ему не доставало некоторых качеств, бывших

сильными чертами Вэйна Пирсона, его предшественника на посту командующего 35-й дивизией. Прежде всего интуиции. Старый Пирсон выглядел как библиотекарь, а не как солдат, но им приходилось общаться, и Хертлинга не покидало ощущение, что Пирсон — удивительно хитрая бестия. Он предпочел бы иметь на острие удара именно его, а не сменившего его в сентябре 2010 г. Дэворена. Тот был прямолинеен почти в «русском стиле», а это не каждый раз гарантирует успех, но почти всегда — довольно чувствительные, если не просто тяжелые потери.

— Особые мнения?

— Да, сэр.

— Слушаю.

— Весьма высокие потери БПЛА^[36]. Неожиданно высокие. К этой минуте потеряно до 40 % систем на уровне рот, от исходного количества. Почти без исключения от противодействия, а не по техническим причинам.

— Потери восполняются?

— Можете не беспокоиться, сэр. Но это именно «особое мнение»: лично мне это бросилось в глаза.

Дав отбой связи, Хертлинг на мгновение сжал зубы, размышляя. Потери БПЛА в таком объеме действительно «бросались в глаза», — при том, что командиры

рот использовали их для получения сиюминутной информации о тактической обстановке в непосредственной близости, больше ни для чего. Сорок процентов! БПЛА этого класса успешно сбиваются даже пулеметами винтовочного калибра, а потеря 40 % от исходного количества совершенно не означает, что в бою участвовала половина рот 35-й дивизии. Генерал знал о каждом боестолкновении, имевшем место с начала операции. И даже не заглядывая в планшет и не переспрашивая у своих подчиненных, мог назвать конкретные пункты, где такая-то рота такого-то батальона такой-то, в свою очередь, бригадной

боевой группы или ее собственного выделенного элемента обменивалась огнем или наносила безответный удар по русским подразделениям, силой от отделения и выше... Совокупное число произошедших до сих пор боестолкновений не объясняло странно высокий уровень потерь БПЛА. Но... 35-я Механизированная дивизия относилась к Национальной гвардии и традиционно вооружалась второсортным или прямо устаревшим оборудованием. В качестве беспилотников тактической разведки ее роты едва-едва успели оснастить системами RQ-11B «Raven» производства

калифорнийской компании «AeroVironment». В ротах «воронами» управляют не штатные операторы, а специалисты связи, прошедшие дополнительный двухнедельный курс (едва втиснутый в плотнейший график боевой подготовки в течение нескольких последних месяцев) и наработавшие максимум 10 часов управления, из них две трети на симуляторах. Можно предположить, что часть потерь техники — все же по небоевым причинам. Или из-за неспособности наскоро обученных водителей умело выбирать режимы ведения разведки, убирать уязвимые системы из-под вражеского огня и

так далее. Это стоит запомнить, но для данной фазы операции это не значит ничего.

К этому часу русские — отдельный мотострелковый полк Балтийского флота и 336-я Гвардейская отдельная бригада морской пехоты, важнейшие противники армии США в Калининградском анклавe, — были уничтожены практически полностью. В этом не было ничего удивительного, если не считать того, что этого ему удалось достичь исключительно силами сухопутных войск, без какой-либо поддержки со стороны флота и ВВС. Привычного телезрителям всего мира рева

реактивных авиадвигателей самолетов НАТО в небе над вражеской территорией нет. Потому что Калининград — это особый случай. Здесь в первом ударе ставка была сделана на сухопутные силы. Рискованная ставка, что сказать, но сыгравшая благодаря точному расчету и внезапности. Уже много лет назад, вычитывая разработанные его собственными предшественниками планы атаки советской, затем российской Калининградской области, он понял, что эта операция должна вестись только «в партере». Силы и средства вражеской ПВО должны уничтожаться здесь с земли — огнем и гусеницами. Такого ни

разу не случилось при проведении миротворческих операций в последние 20 лет, но Хертлинг видел это как единственно возможный способ взять Калининградскую область и проткнуть западную границу России без значимых потерь тактической авиации. Было бы странно, если бы он не справился с русскими, имея столь выраженное количественное и качественное превосходство. И абсолютную внезапность. И досягаемость их военных городков и баз хранения военной техники из-за черты государственной границы. Уже переставшей существовать в реальности, уже превращенной в

восточную границу «Зоны Урегулирования „К“», от немецкого *Königsberg*.

Хертлинг предполагал, что около 80 % личного состава русского полка и отдельной бригады погибли непосредственно в занимаемых ими казарменных зданиях и на плацах во время построений, не успев даже понять, что происходит и что означает быстро нарастающий многоголосый вой в небе. Личный состав отдельного полка размещался в нескольких благоустроенных казармах по улице Емельянова, трех общежитиях для контрактников и членов их семей, офицеры — в разбросанных, но немногочисленных

служебных зданиях. Бригада морской пехоты размещалась аналогичным образом, и еще на несколько миль ближе к границе. 152-я Гвардейская отдельная ракетная бригада — в Черняховске. Беспилотные разведчики катапультного запуска RQ-7B «Shadow», самые «коротконогие» из задействованных разведывательным отделом штаба 7-й армии, передали цифровые фотографии объектов первого ракетно-артиллерийского удара уже к 07.50 по варшавскому времени. Это соответствовало 08.50 по времени, действующему в российской Калининградской области. Выжимку Хертлинг видел, и она полностью

ответила его ожиданиям. По сделанным на скорую руку выводам — чуть тяжелее досталось мотострелкам, чуть легче морским пехотинцам. Что ж, кому-то везет, кому-то нет. Исход в любом случае один. К 08.25 был окончен повторный ракетно-артиллерийский удар. Нанесенный по тем же целям, но меньшими силами и менее концентрированно, — по стянутым русскими в очаги поражения военным и гражданским спасательным группам и пожарным. Чуть позже, в 09.30, пополнившие боезапас самоходные артиллерийские орудия и мобильные реактивные системы залпового огня

уже с сокращенной дистанции ударили по выявленным к этому времени целям, по позициям уцелевших и потенциально способных к сопротивлению русских войск. В первую очередь — по 244-й артиллерийской бригаде и по непонятным образом вырвавшемуся из-под первого удара батальону морской пехоты. Точнее — по импровизированной батальонной боевой группе, уцелевшей от всей их бригады. Затем цели, список которых пополнялся непрерывно, становились все мельче и мельче. Отдельные подразделения, раскиданные русскими по анклаву, не могли оказать практически

никакого сопротивления «на месте», но их уничтожение с большой дистанции было тем не менее вполне оправданным. Кремлю надо было сразу продемонстрировать не только ударные возможности армии США в Европе (вряд ли у них еще имелись иллюзии), но и именно волю, способность вкладывать в удар максимальную силу.

До 2009 года русский полк был бригадой, до 2002-го — дивизией. Тогда справиться с русскими было бы труднее в разы: одних только танков в дивизии было в то время 70 штук, а ракетная и ствольная артиллерия, если бы уцелела, могла бы ответить ему по крайней мере на равных. Но

на 07.30 сегодняшнего числа в единственном имеющемся у русских в анклав мотострелковом полку осталось всего 85 14-тонных БМП-2, 18 самоходных 152-мм установок 2С3, 12 буксируемых 120-мм 2Б16 и 9 SA-19 «Grisom»^[37]. Их боеготовность штаб Хертлинга оценивал как близкую к стопроцентной, за исключением БМП, которая, по их расчетам, стремилась к 3/4 из-за традиционного для русских дурного технического обслуживания и дефицита запасных частей, обусловленного недостатком финансирования и трудностями собственно управления логистикой. Во встречном бою полк был «по

зубам» даже одной 39-й бригадной боевой группе полковника ван Пельта, с ее «Арканзасской зубочисткой» на щитке нарукавной эмблемы, — наверное, одной из наиболее мрачно выглядящих эмблем из всех. Не только из подшитых на бархатную панель на стене оставшегося далеко позади комфортабельного штабного кабинета, положенного ему как командующему, но и для армии США вообще. В ноябре 2010 года входящий в состав бригадной боевой группы 206-й полк полевой артиллерии был перевооружен на буксируемые 105-мм M119 в новейшей модификации A2, производимые в США по

британской лицензии. 8 гаубиц на батарею, две батареи в батальоне, 3 выстрела в минуту при «продолжительном ведении огня». И таких батальонов у него было три на одну 35-ю дивизию. Идущую на острие удара, но поддерживаемую «от горизонта» артиллерией (а в дальнейшем — авиабригадами) четырех других дивизий его 7-й армии: 1-й Бронетанковой и 1-й Кавалерийской, 82-й и 101-й Воздушно-десантными. Артиллерией трех полнокровных дивизий Бундесвера: 1-й и 10-й Бронетанковыми и 13-й Механизированной. Трех польских: 11-й Бронекавалерийской, 12-й и 16-

й Механизированных. Отдельных бригад и отдельных артиллерийских дивизионов и артиллерийских групп. Германских, польских, бельгийских, голландских. Было бы стыдно, если бы, нанеся удар такой мощью по спящим, он не добился решительного и безоговорочного успеха.

Выслушивая очередной доклад, иллюстрируемый открываемыми на планшете меню, генерал-лейтенант Марк Хертлинг «фоном» подумал, что с очень похожими интонациями он ответил Верховному главнокомандующему Объединенными Вооруженными Силами НАТО в Европе адмиралу Ставридису меньше суток назад. Тот

задал совершенно уже бесполезный к этому моменту вопрос — о его личном, неофициальном мнении по поводу наличия у русских теоретических шансов сформировать некую «линию фронта». Остановить войска коалиции хотя бы в глубине своей территории, не прибегнув при этом к ОМП в любом варианте применения. Хертлинг ответил не думая, от сердца: «Нет, ни единого. Уже ни единого». И оба понимающе улыбнулись — как уверенные в своих способностях и в своих силах профессионалы.

Да, это было уже в Решель. В Решель тоже было интересно. Эту никому не известную польскую

деревеньку перекрыли со всех сторон, настоятельно рекомендовав местным жителям просто не выходить из домов для своей же собственной безопасности. Группа охраны командующего Многонациональными Силами заметно нервничала, и это бросалось в глаза даже ему. Специалисты Корпуса связи отключили проводную телефонную связь и намертво заглушили гражданские сети сотовой телефонии на многие сотни километров вокруг. Вовсе не для того, чтобы генералы могли выспаться, конечно. Для другого. Чтобы за часы до начала операции вывести верхушку командования

войск НАТО из известных противнику точек. Нанеси русские в 3 часа ночи удар тактическим ядерным зарядом по превосходно оборудованному средствами связи командному бункеру в пригороде Висбадена, Раммштайна или Гейдельберга, — и американцы проиграли бы, не начав. Так, во всяком случае, придумал какой-то неизвестный ему умник в окружении адмирала Ставридиса. Сам Хертлинг, кстати, был против этого и не побоялся озвучить свою точку зрения даже перед адмиралом. По его мнению, отлаженность систем связи перманентного командного пункта была в драгоценнейшие последние

сутки еще важнее, чем риск угрозы стать объектом применения русскими тактического ядерного боеприпаса. Как он и напомнил телеаудитории в проведенном пафосном интервью, русские сняли их с вооружения своих сухопутных войск еще в 1998 году, на пике демократических преобразований. Но хотя время от времени в их специальной литературе продолжают мелькать упоминания о «продолжающемся разоружении», Хертлинг не считал этот компонент русского ядерного потенциала важным. Применение ядерного оружия было вопросом прежде всего политической воли, а политическая

воля из русского арсенала исчезла тогда же, когда с карты стерли слово «СССР».

Более существенным генерал Хертлинг полагал риск ночного полета на вертолете. Впрочем, риск, связанный собственно с полетом из защищенного и отлично охраняемого бункера в любую располагающуюся вплотную к границе точку, непосредственно перед нанесением удара был незначительным. Серьезным он становился только в случае, если предположить, что русские точно знали о каждом движении противника и о смысле этих движений. Тогда да, тогда выпущенная каким-нибудь

«неизвестным террористом» в полосатой нательной рубаше русских парашютистов зенитная ракета могла бы позволить предотвратить войну. Или отложить ее на время. Может быть, даже на месяцы или годы. Наверняка что-то подобное и лежало в основе покушения на вице-канцлера Германии. Лишь эффективная работа германской полиции (которую русские явно недооценили) вывернула все наизнанку, и идентификация безымянных покушавшихся как «русских военных диверсантов» дала бундесверу необходимый посыл. Готовы ли они пойти на такой риск второй раз? Знают ли они? Тот же

русский полк, который сожгли полусонным в казармах и общежитиях, имеет на вооружении ПЗРК 9К38 «Игла». Причем, как ни странно, до сих пор неизвестно, в какой именно модификации: то ли «Grouse», то ли «Gimlet», то ли «Grinch», довольно заметно различающиеся между собой по тактико-техническим данным...

Тогда, после раздумий, Хертлинг счел, что оснований верить в то, что русские *знают*, нет никаких. Даже за последние 6 часов перед собственно началом операции не было вскрыто малейших признаков даже не мобилизации, а просто повышения уровня готовности войск,

пограничников, сил гражданской обороны, — вообще ничего. Такое ощущение, что русские были слепы и глухи. А ведь для того, чтобы по крайней мере насторожиться, их разведчикам и контрразведчикам не надо было красться через границы в плаще до пят, сжимая в кармане кинжал и бумажник с измятыми евро. Существовала радиоразведка, существовали космические аппараты, которые половина мира продолжала называть давно устаревшим словом «спутник». В Европе и во всем мире было полно русских эмигрантов и идеалистов, сочувствующих России да и вообще любому государству, находящемуся в

оппозиции мировой стабильности. С возможностями анализировать *in situ* то, что они читают в местных газетах и слышат по местному радио, возможностями собственными силами шифровать любую информацию на уровне старой немецкой «Энигмы», а главное — вооруженных мобильной связью и высокоскоростным Интернетом. Скрыть от совокупности всего этого происходящую концентрацию военной мощи, переброску техники и людей на громадные расстояния было невозможно в принципе. Но у Хертлинга и некоторых старших офицеров его штаба, с которыми можно было разговаривать

откровенно, создалось интересное впечатление: они будто провалились в XVIII или ранний XIX век, когда разведка сводилась к работе каких-нибудь хитрых набукленных дипломатов. К их отчетам и аналитическим запискам, которые благородные молодые офицеры с вдохновляющими романистов приключениями потом неделями везли в родные столицы. Стратегической внезапности тогда действительно можно было достигнуть без особого труда. В наши дни, на втором десятке лет уже XXI века, это казалось невозможным, однако почему-то срабатывало раз за разом. Просто

благодаря отлично налаженной работе пропагандистской машины и политической системы. Первой — способной убедить кого угодно в чем угодно. Как было с Саддамом/Ираком (имеющим незаконное оружие массового поражения) и Милошевичем/Югославией (в глазах американского обывателя — «оккупировавших уже почти половину Европы и готовых идти дальше, если они, американцы, их не остановят»)^[38]. Второй — способной выдержать давление и извне, и изнутри, но не развалиться. И даже «дать реверс» за пару дней, если это потребуется. Так было с Ливией: сдержанное одобрение изменений к

лучшему в отношении интеграции в мировое бизнес-сообщество, такие же сдержанные, спокойные упоминания о том, что плохо там дело с демократией. А потом «раз» — с утра обыватели просыпаются, а Ливию бомбят. Причем не на минутку (это случалось и раньше), а капитально, уничтожая живую силу, армейскую и частично гражданскую инфраструктуру и все прочее, что необходимо. Вплоть до малолетних детей, являющихся внуками диктатора. И вот ее бомбят — сдержанно, не в полную силу, но неуклонно, настойчиво, с минимальным риском для себя и не обращая внимания на возмущение

правозащитников и либералов всех мастей. Именно тогда, в 2011 году, когда мир пережил это, не слишком отвлекшись от собственных сиюминутных проблем, генерал-лейтенант окончательно убедился: да, настало новое время. Теперь прав не тот, кто лучше, тоньше, изобретательнее или просто *дольше* проводит пропагандистскую кампанию либо ориентирует ее на более широкие целевые группы. Теперь прав тот, кто сильнее, и на этом все, точка. «Поразительное нарушение международного права и сложившихся норм, неспровоцированное нападение? Да бросьте, это они на нас первые

напали. И не надо бы вам копаться в грязном белье, старое поминать, прошлое ворошить и тому подобное, разбирая, кто там на кого напал. Все равно виноваты они. И вы что, пытаетесь с нами поссориться? Зачем бы это, все ведь в наших отношениях до сих пор было нормально? Ах нет, вы просто выполняете необходимые формальности, чтобы не выглядеть дурно в глазах определенного контингента избирателей? Тогда ладно, только не слишком усердствуйте. А лучше все-таки прекратите. Сейчас же. И приведите своих собственных шавок к порядку. Пусть правду говорят, а не

выдумывают невесть что. Мы им свободу несем, тратим силы и жизни своих ребят, — мир должен это ценить». Что ж, это должно сработать и теперь.

Марк Хертлинг хмыкнул себе под нос. Минута размышлений в таком юмористическом стиле — и усталость ушла глубже, далеко в глубь тела. Снова можно работать.

Ситуация с провалом русской разведки действительно была искусственной, ненастоящей. Никакие ее успехи в принципе не могли преодолеть годами воспитываемого у русской верхушки восприятия себя как «почти своих» в глазах западного общества. Их

ничему не научил даже урок, преподанный Муаммару Каддафи и его государству. Да, можно быть почти своим для десятков президентов и премьеров, достаиваться похвал, жать руки под сверкание фотовспышек, — но позвольте, это ведь будут не премьеры и не президенты, кто вышибет твои двери катками своих заляпанных грязью и покрытых копотью танков! Это будут военные — другие, злые, грубые люди! Не надо было «переносить» (и это официальный термин из курса медицинской психологии) хорошие отношения с президентами на государственную политику в целом.

Никакой объем выпитого на встречах высшего уровня шампанского, никакое количество подписанных документов не способны предоставить возможность избежать военного вторжения, если ты беззащитен в политическом и военном отношении.

В середине ночи, всего полсуток назад, Хертлинг поручил одному из офицеров своего штаба пробежаться по свободно выложенным в Интернет трансляциям «онлайн видео» с дорожных камер восточной части Польши: любых расположенных севернее Сокупки и восточнее Гданьска. Представленных на разных серверах: дорожной полиции,

метеослужбы, даже польских эмигрантских сообществ в США и Германии. К его удовлетворению, все эти многочисленные камеры не работали или работали, но не передавали ничего. Потому как картинка с них даже у страдающего аутизмом ребенка вызвала бы очень конкретные ассоциации. Колонны тентованных грузовиков. Колонны бронемашин и специальных машин. Трейлеры с гусеничной техникой. Но степень аутизма русской разведки, которую десятилетиями боялся весь цивилизованный мир, действительно была просто невероятной. Никто не следил за происходящим на дорогах Польши и Германии, засев в кустах с

биноклем и мобильной системой спутниковой связи. Никто не подумал, что одновременный сбой в работе вебкамер на разных серверах, в сочетании с тотальным блэкаутом средств связи: проводной телефонной и факсимильной, мобильной телефонной, телексной, даже компьютерной, — все это звенья одной цепи. Пропускные пункты на восточных границах Европы не были закрыты официально — просто из-за отсутствия связи с базами данных они не могли пропускать автомашины. Любой любопытный поляк, выглянувший ночью на необычный гул в окно родной хаты и

увидевший проплывающий мимо батальон «Леопардов» с крестами на бортах, за оставшиеся до рассвета часы не мог успеть сделать ничего. Только вспомнить.

У русских почти не осталось спутников чисто военного назначения, графики прохода имеющихся были известны до секунд — не так уж все же это было сложно, если брать в расчет только само начавшееся движение масс машин и людей. Но то, что русские игнорировали многими месяцами длящееся накачивание в Восточную Европу и Юго-Восточную Азию военной и транспортной техники, десятков тысяч тонн

«неклассифицируемых» грузов, — как это могло случиться?

Генерал Хертлинг хмыкнул еще раз, иронично и насмешливо. Четверть часа в командно-штабной машине, на связи с оперативным отделом штаба армии США в Европе и Объединенной Группировки, позволили ему наверстать потерянное время. Не бездарно потерянное, следует признать. Но такое время, которое он вполне мог потратить с большей пользой. Генерал был критичен к себе — он вовсе не полагал, что пошли он журналистов и вашингтонских умников куда подальше, сэкономь он эти минуты, и это позволило бы

спасти сколько-то солдатских
жизней. Все и так шло, как
требуется. На всех уровнях цепи
командования ниже его находились
настоящие профессионалы, и
каждый из них был способен вполне
адекватно действовать и при
временной утере связи с
вышестоящим штабом, и при гибели
командира любого следующего
уровня. Командиры взводов могли
принять на себя командование ротой,
командиры рот — батальоном и так
далее. Логистика этого процесса,
последовательность необходимых
действий была отработана в течение
десятилетий мира и многих лет войн.
Мира и войн, как всегда было в

истории их страны и в истории человечества и как всегда будет.

— Сэр?

Капитан протянул командующему собственный планшет, и тот отбросил лишние мысли. Есть уровни работы, которым фоновые размышления не мешают, но сейчас не такой.

— Твое мнение?

— Сэр?

Капитан был излишне вежлив и даже почтителен, по его мнению. Это немного раздражало. Впрочем, это просто молодость.

— Когда я задаю вопрос, мне нужен ответ, а не переспрашивание.

— Да, сэр. Мое мнение...

Еще одна короткая вспышка раздражения, на долю секунды. Фотографии на экране планшета менялись со скоростью одна в секунду: этого как раз хватало, чтобы оглядеть каждую сверху донизу. Разбитая техника, разбросанные тела. Дважды генерал возвращался назад, затем снова пускал слайды с прежней скоростью.

— Здесь далеко не столько техники, сколько сейчас в суммарном меню оперативной карты. При этом снимки сделаны 10–15 минут назад. По исходным оценкам, там был полнокровный батальон.

— Батальонная боевая

группа, — машинально поправил Хертлинг. Как раз об этом он думал минут пять назад.

— Да, сэр. При этом на марше у них было вдвое больше техники, чем мы видим здесь. Система автоматического распознавания, конечно...

— Да уж, конечно... — невежливо перебил он капитана. Мнение пусть отлично организованного и опытного, но довольно молодого офицера на самом деле не было ему нужно. Просто от чужих замечаний и комментариев быстрее скакали собственные мысли. — Я тоже не верю в нее на все сто. Но ошибка

вдвое... Или мы не точно оценили их силы, когда они вырвались из города, или...

Корпус «Хамви» грохнул, лязгнув панелями навесной брони. Подвеска от удара в днище загудела, и по телу прошла неприятная вибрация. Генерал лишь мельком взглянул вбок и снова сконцентрировался на снимках. Дорога... Судя по всему, русские специально 60 лет доводили дороги германского Кенигсберга до такого состояния. Чтобы сильно противодействовать миротворцам в 2013 году...

Сгоревшие танки и самоходные артиллерийские установки «читались» на снимках

хорошо, а типы бронемашин он различал с трудом: мешал дым. Иногда выделенный компьютером объект невозможно было опознать вовсе. На месте БТР-80 или БМП-2 могло быть что-то гораздо проще, типа их нового «Тигра», — машины скорее для разгона демонстраций, а не для войны. Соответственно, какая-то *доля* счета автоматических распознаваний была «фальшиво-позитивной». Программе просто не хватало мозгов, чтобы сложить штрихи в единое целое.

— Но с другой стороны, — закончил он вслух, заставив капитана снова поднять голову, — часть уничтоженных в районе Приморска

целей или не попали в охват съемки, или не читаются из-за полос дыма. Может выйти «так на так».

— Да, сэр.

Капитан снова уткнулся в свой экран, и, досмотрев слайды до последнего, генерал передал ему планшет обратно. Тот взял его не глядя, продолжая вводить что-то с барабанной скоростью с мягкой клавиатуры, выложенной на откидной столик. Такие бывают в самолетах, причем в эконом-классе. Так безопаснее...

Снова удар в днище, причем сразу после того, как машину мотнуло вбок и назад. Водитель за броневой перегородкой явно пытался

обойти препятствие, но не сумел. Ладно, пусть такая дорога. Лишь бы в сторону Москвы.

Генерал сумел разглядеть столбы железнодорожной контактной сети слева и сориентировался, даже не пользуясь навигационной системой. Они двигались по улице Невского, до сих пор. По ощущениям — «Хамви» шел с приличной скоростью, по факту — нет. Это было паршиво. Хертлингу не нравилось, что он до сих пор в городе. И не потому, что он мог потерять контроль, — современные технологии не просто «допускали», а реально обеспечивали полноценное управление войсками с огромного

удаления. Больше генерала тревожило возникшее за последние минуты и до сих пор не проходящее чувство опасности. Очень недавно он сумел отфильтровать это конкретное ощущение от фонового «что-то не так», но, успокоившись сначала, теперь он напрягся снова. Командно-штабная «Хамви» отличалась от машин эскорта отсутствием вооружения и обилием разнокалиберных антенн и по логике любого профессионального военного просто напрашивалась на выстрел. В лучшем случае — из автомата Калашникова, в худшем — из РПГ. А это город, причем чужой. До сих пор чужой, что бы там генерал ни

говорил в камеры. И чистить его придется не один раз, и не два, и даже не три. По-серьезному чистить, с соблюдением наставлений и рекомендаций тактических курсов и неформальных отчетов прошедших Ирак дивизий. Бронебойно-зажигательная пуля АКМ с дистанции 90 ярдов пробивает 0,3 дюйма гомогенной брони. Эта навеска «Хамви» должна держать — но кому хочется попробовать, выдержит она или нет? А если стрелок будет не в 90 ярдах, а в 45? Генерал совершенно не был трусом, ему приходилось не только воевать, но реально бывать под огнем. Но он был реалистом и прекрасно понимал

ценность собственной жизни, вложенных в его подготовку и опыт средств и так далее. Приравнивать все это, приравнивать ожидающие его, всех их, месяцы напряженной и интереснейшей боевой работы, будущую вековую славу, годы и века благоденствия страны, к чему-то мелкому... К жизни какого-нибудь одиночного русского морпеха, который сейчас может провожать машины несущейся мимо колонны стволом своей штурмовой винтовки... Это вызывало напряжение.

Машина замедлилась, потом снова пошла быстрее. Генералу захотелось приказать капитану

ускорить их движение, потом он передумал. Пусть идет, как идет. Командир группы эскорта и так наверняка ведет их с максимально возможной в данных условиях скоростью. Скорость — это тоже защита, не хуже, чем крупнокалиберный пулемет на крыше лидирующей в колонне машины. Но лишние 10 миль в час могут не позволить вовремя отреагировать на опасность впереди, и так далее. Эскорт это прекрасно знал, знал, куда и когда ему надо прибыть, и в советах не нуждался. Ну вот, они снова ускорились...

В узкую щель бронестекла Хертлинг увидел, что они

поднимаются выше уровня железной дороги, на виадук. Слева потянулись какие-то склады, столбы, и рельсы несколько раз мелькнули в просветах между раскрашенными буро-красным и серым зданиями и затем поднырнули уже под них. Дорога на этом участке была в хорошем состоянии, водитель головного «Хамви» добавил скорости, и остальные машины подтянулись ближе. Последовал довольно крутой поворот влево, затем, через минуту, вправо. Было неясно, зачем русским понадобилось строить шоссе с такими изгибами, учитывая то, что с обеих сторон были преимущественно пустыри...

Мысль не успела ни к чему привести. Впереди глухо ухнуло, и бронированный пол командно-штабной машины толкнул командующего в ноги. «Хамви» повело вбок, и, кинув планшет между колен, генерал сжался в кокон, согнувшись на сиденье и обхватив себя руками, ожидая удара. Рывок, удар, еще один рывок. Водитель сумел выправить занос, и удар по тянущемуся слева разделительному бордюру был скользящим. Скорость в бронированной почти полностью машине оценить было непросто, возможно, около 60 миль в час. Но и этого хватило — сразу погасла половина индикаторных огней на

панелях, запищали зуммеры звуковой сигнализации систем связи.

Скорость постепенно упала, — причем это сопровождалось недовольным рычанием двигателя, поставленного на пониженную передачу.

— Цел? — спросил Хертлинг у адъютанта.

— Да, сэр. Немного прикусил щеку.

— Голова цела?

— Да. Вы почувствовали это? Меня будто ударили под колени наполненным водой мячом. Что это было, интересно?

Машина встала, и капитан под взглядом командующего поступил

абсолютно правильно: быстро выключил свой монитор, уцелевший среди нескольких умерших, и вынул М-16 из зажимов под скамьей. Сам генерал достал из кобуры М1911А1, более широко известный как «Колт — Правительственная Модель», и деловито дослал патрон в патронник. Большинство старших офицеров носили М9, «официально» сменивший «колт» еще в середине 80-х годов прошлого века, но Хартлингу «беретта» никогда особо не нравилась.

В бронированную дверь стукнули дважды, и водитель спереди повторил этот стук, так же дважды глухо ударив в разделяющую их

перегородку. Причем ударил он явно затылком, точнее, каской. Было понятно, что связи нет. Но в отличие от них водитель хорошо видел, что происходит снаружи. Капитан открыл замок, предусмотрительно придерживая винтовку свободной рукой. Ее ствол смотрел точно в открывшийся проем.

— Сэр? — осторожно спросили снаружи.

— Все нормально, Майкл.

— Я рекомендую вам выйти и посмотреть.

— Мы выходим.

Капитан не стал вкладывать винтовку в зажимы, а взял ее с собой, спрыгивая с пылеотбойного порожка

дверцы. Тоже правильно. Сам он засунул пистолет в кобуру, не разряжая, и тоже вышел. Как генерал уже понял раньше, они были на самой границе города — ярдах в трехстах впереди, у входа на двухуровневую дорожную развязку, торчал монументальный бетонный знак с его названием, как принято у русских. А вот самой развязки не было, или почти не было. Хертлинг присвистнул, оценив размеры заряда. Около 500—550 ярдов до центра развязки, еще около 50 или даже больше они прошли, пока тормозили. То есть почти треть мили — а их так потрянуло.

Столб дыма и пыли поднимался

вверх, как дым вулкана. В нескольких местах в его основании что-то горело. И можно было даже догадаться, что. Не конкретно, а в принципе. Фактический график движения, удивительно полно совпадающий с запланированным, он помнил наизусть. 35-я

Механизированная дивизия была уже далеко впереди, и здесь были уже арьергардные элементы 1-й Кавалерийской. Много ценных машин, много людей, редко бывающих под огнем.

— «Камень», — произнес один из офицеров группы эскорта. — Почти наверняка «Камень». Боеголовка весом 1060 фунтов.

Осколочно-фугасное снаряжение...

Все одновременно посмотрели в одном и том же направлении. Если бы взрыв был ядерным, они, скорее всего, не уцелели бы. Если бы снаряжение ракеты было химическим — выли и заливались бы системы «сигнализации о химическом нападении», установленные на всех четырех машинах. Даже если часть электронных систем их собственной командно-штабной машины была повреждена в результате удара, это вряд ли случилось во всех трех других. А «обычное» кассетное снаряжение сожгло бы, конечно, технику, но не обрушило бы второй

уровень развязки на первый, разбросав бетонные плиты на такую впечатляющую дистанцию. Что касается того, «Камень» это или не «Камень», генерала это не тревожило. У «Скарабея» максимальная дальность стрельбы в 2,5–3 раза меньше, и все установки в калининградском анклавe были накрыты первым же артиллерийским ударом Многонациональных Сил. Но что SS-26 «Stone», что SS-21 «Scarab A»^[39] могли нести тактические ядерные заряды. То, что взрыв был неядерным, было важнейшим прогностическим признаком. У них все получается. Они все делают правильно. Русские загоризонтным

ударом разрушили развязку А191/Объездное шоссе, реально имеющую сейчас вес золота. Соответственно, графики движения блокировавшей город с востока польской 12-й Механизированной дивизии придется кроить по живому. Более того, они едва не накрыли его самого. Веди командир эскорта их колонну чуть быстрее в течение последнего десятка минут — и они вполне могли бы угодить точно под удар. Вот это был бы номер: командующий 7-й армией США, командующий армией США в Европе, командующий Многонациональными Силами погиб в первый же день миротворческой операции, накрытый тупой русской

ракетой! Многие телезрители дома даже не поняли бы, что это один и тот же человек, — слишком мало прошло времени от начала операции. И каков был бы теперь ее ход?

Все разошлись по своим машинам — оставаться в неподвижности, тем более собравшись такой заметной группой, было небезопасно. Они поменялись автомобилями с парой офицеров-связистов, оставив поврежденную командно-штабную машину на прежнем месте в колонне. А Хертлинг все думал, причем не о том, о чем должен был. Не о графике движения головных элементов польской дивизии, не о том, что

означает и может означать пусть неядерный, но пропущенный системой оповещения удар тактической ракеты. И даже не собственно о том, что он мог погибнуть сам, — в ключья разнесенный тысячами осколков, вмятый в бетон, расплющенный ударом плиты. Нет, он думал об ином. Что бы сказал президент, что бы сказали его враги в Сенате и Конгрессе, узнав о гибели или пусть даже ранении командующего через 20 минут после столь пафосного интервью? Не воспользовался бы кто-нибудь из политических маргиналов шансом выпятить себя, пусть даже пожертвовав будущим

страны и мира? Президент слаб, он всегда может объявить произошедшее трагическим недоразумением — к радости все, разумеется, понявших русских. Выбрать несколько козлов отпущения, указать на них толпе журналистов. Развернуть мощности пропагандистской машины с обвинений русских на «снижение напряженности после трагического инцидента, вызванного своеволием нескольких офицеров, практически пошедших на мятеж...» Генерал был реалистом и понимал, что это вполне может случиться и сегодня, и завтра. Но, наверное, не послезавтра. Потому что послезавтра он уже будет во Ржеве. В конце концов,

произошедшее совершенно не
опровергло принятый им и всей
армией США алгоритм действий: все
будет зависеть от скорости их
движения.

Воскресенье, 17 марта

*От Камчатки до
Финского залива Россия до
сих пор остается страной
кислотных дождей,
тяжелых металлов и
плутония. Куда ни ткни на
карте России —
обязательно попадешь или в
отравленную реку, или в
ржавеющий корпус
подводной лодки, или на
радиоактивную степь, или
на выжженную
химикатами березовую*

рощу, или в слабо
светящегося в темноте
крестьянина — обладателя
средней
продолжительности жизни
в 34 года.

Род Лиддл (Rod
Liddle; экс-
главный редактор
телепрограммы
Today BBC; экс-
спичрайтер
Лейбористской
партии
Великобритании)
в статье
«Отдайте

Арктику России
— и ждите новых
экологических
катастроф»
(«*The Sunday
Times*»,
Великобритания),
5 августа 2007 г.

Свои первые потери *Sily Zbrojne Rzeczypospolitej Polskiej*, то есть Вооруженные Силы Польской Республики, понесли еще задолго до начала операции «Свобода России». По дорогам Польши двигались сотни тысяч человек, и рядовые, подофицеры и офицеры гибли в автомобильных катастрофах.

Вплотную к границе разгружались десятки тысяч тонн боеприпасов, боевой техники и разнообразного оборудования — и они погибали от несчастных случаев, всегда неизбежных при разгрузке и особенно многочисленных, когда техника безопасности приносится в жертву скорости и необходимости работать в ночное время суток. Было несколько случаев неосторожного обращения с оружием, в том числе один довольно подозрительный — старший капрал из состава разведбатальона 16-й Механизированной дивизии подорвал ручную гранату в палатке, где вместе с ним погибли сразу

четверо и еще несколько рядовых и капралов получили ранения разной степени тяжести. Было несколько самоубийств, опять же неизбежных в ситуации, когда нервы до предела напряжены у такого количества людей. Причем распределялись они почти равномерно по подразделениям, попавшим в первый эшелон наступления и оставленных в резерве, в том числе на местах постоянной дислокации. Впрочем, по этому показателю статистика была довольно умеренная. Крупнейшей категорией в статье «потери» стали бойцы и командиры тех спецподразделений, которые начали действовать на территории

Российской Федерации за часы и десятки минут до начала операции либо через минуты после ее начала. Уничтожая старших и высших офицеров, выводя из строя узлы беспроводной связи и так далее. К настоящему моменту потери спецподразделений не были известны с какой-либо точностью, но перечень не вышедших на связь после подразумеваемого выполнения задания групп оказался неожиданно длинным.

В течение многих часов после начала операции никакого скачка потерь не было. Пограничные войска и расквартированные в калининградском анклав

подразделения Вооруженных Сил РФ были буквально сметены огневой мощью миротворцев, первый удар которых пришелся непосредственно по казармам, общежитиям офицерского состава и пограничным заставам. После этого сопротивление было спорадическим и оказывалось изолированными группами русских военнослужащих и полицейских, в подавляющем большинстве случаев имевших лишь легкое стрелковое оружие и минимальный носимый запас боеприпасов. По имеющимся данным, после пересечения границы с русской боевой техникой несколько раз сталкивались подразделения 35-й Пехотной (Механизированной)

дивизии армии США, но налаженная система тактической разведки работала пока идеально: ни в одном случае русской бронетехнике и мобильным ракетным и артиллерийским системам не удалось нанести удар по наступающим соединениям Межнациональных Миротворческих Сил. Три дивизии головного эшелона за считанные часы рассекли калининградский анклав Российской Федерации (отныне и на ближайшие годы — «Зону Урегулирования „К“») на несколько частей и начали «зачистку» остатков военных городков и погранзастав выделенными боевыми группами

силами от роты и выше. Под контроль брались базы долговременного хранения военной техники, причалы, объекты военной, промышленной и гражданской инфраструктуры — в первую очередь грузовые районы морских портов. Польская 12-я Механизированная дивизия была одной из них, но ей достался сектор, в котором расположение русских сил было наиболее разреженным, и пока она не столкнулась с каким-либо сопротивлением сильнее «номинального».

Калининград был «особым случаем». Командующий Сухопутными силами Польской

Республики генерал Збигнев Гловенка был полностью уверен, что после имевшего место ракетно-артиллерийского удара в его силах взять столицу русского анклава самостоятельно. Однако две его дивизии, в том числе наиболее боеспособная 11-я Бронекавалерийская, вошли в состав второго эшелона Межнациональных Сил и пока даже не начали выдвижение к бывшей Государственной границе. Почему — это он понимал прекрасно. И не хуже него это сейчас понимал командир первой из идущих вперед, на восток, дивизий Вооруженных Сил Польской Республики, 12-й Щецинской

механизированной дивизии имени Болеслава III Кривоустого. Полгода назад дивизией командовал генерал-майор Марек Томашевский, тезка известного пианиста, занявший должность инспектора сухопутных сил по боевой подготовке. Сменив его, 12-й дивизией командовал сейчас 50-летний генерал бригады Иренеуш Бартняк, бывший командующий аэромобильными силами. Агрессивный, умный, прошедший Ирак первый раз в качестве командира польской Отдельной воздушно-десантной группы в составе польского контингента Межнациональных Сил, а во второй — уже в качестве

командира Центральной/Южной Межнациональной дивизии (MND-CS). Обойдя Калининград с востока, подавив несколько очагов сопротивления с ходу и получая исключительно благоприятные отчеты от продолжающих зачистку подразделений, командир дивизии уже к полудню полностью уверился, что смог бы взять город и в одиночку. По его мнению (в целом разделяемому многими другими польскими генералами), выбор американской 35-й дивизии для взятия Калининграда был обусловлен действием не военных, а чисто политических факторов. Ни одна из трех дивизий Бундесвера не вошла в

первый эшелон, хотя их боеспособность была не ниже, чем у дивизий американской Национальной гвардии, к которым 35-я относилась. Одна польская дивизия вошла, но во взятии города (у профессионального военного язык не поворачивался назвать это «штурмом») не участвовала. Почему? А давайте вспомним, кому Восточная Пруссия принадлежала раньше. А потом давайте вспомним, кому она принадлежала еще раньше, до XIII века, зенита военной славы Тевтонского ордена. Вспомнили? Ну так теперь вам не составит труда очертить список тех государств, которые будут претендовать на эту

территорию в ХХІ веке после поражения Российской Федерации. Американцев ни до, ни после ХІІІ века здесь точно не было. Поэтому да, было логичным, что Польша играет подчиненную роль во взятии анклава под контроль, а Германия — вообще никакой роли. Их очередь придет позже, и можно ожидать, что войны хватит на каждого, и еще с избытком. Ох, еще как хватит, панове...

Большинство современных поляков были непоколебимо уверены: только предательский удар советской армии в спину Войску Польскому в сентябре 1939 года помешал тому отразить удар

германского Рейхсвера и, измотав Люфтваффе, перейти в наступление на Германию. Ударь большевики чуть позже — и непоколебимые дивизии Войска Польского опрокинули бы сначала швабов, а потом их самих и гнали бы обоих еще долго. Так учили сейчас и в школах, и поскольку возражающих голосов не было слышно, то у молодежи не имелось оснований полагать, что на самом деле было не так. Но офицеров учили иначе, и у них было больше мозгов, чем у свежих выпускников школ. Да и сами они были постарше, а это за редкими исключениями добавляет ума автоматически. Генерал бригады Бартняк окончил Артиллерийскую

академию имени генерала Бема в Торуне еще в 1985 году, когда большинство служащих (воюющих!) в его дивизии рядовых и подофицеров еще цеплялись за женскую грудь, а некоторые из старших офицеров еще не начали делать это, хотя уже с совершенно другими целями... В дополнение к этому в 1990 году он прошел «Специальный курс» командиров артиллерийских батальонов, а в 1994 году окончил Национальный университет обороны в Рембертове, одном из спутников Варшавы. *Akademia Obrony Narodowej* являлась высшим военно-учебным заведением Польской Республики. Учитывая

ограниченный объем ее Вооруженных Сил, 100 тысяч человек постоянного состава и 20 тысяч резервистов (вот пример ярко выраженного несоответствия между военной мощью и уровнем амбиций Сейма и собственно народа), генерал входил в элиту страны. В том числе — в отношении интеллекта в целом и способности к анализу и синтезу в частности. Лично он не верил, что в 1939 году страна могла отразить нашествие хотя бы одной из сторон — нацистской Германии или Советской России. Поэтому относился к ситуации реалистично.

Он прекрасно знал недостатки национального характера поляков, но

высоко оценивал шансы Польши «получить свою долю» в условиях сложившейся политической и военной конъюнктуры. Поэтому подчиненная роль 12-й Механизированной дивизии во взятии анклава генерала устраивала. Подчиненная роль собственно Вооруженных Сил Польской Республики в направленной против России операции в целом — тоже. Нужно было быть идиотом, чтобы надеяться на то, что 120 тысяч вооруженных поляков (половина из которых — обслуживающий персонал, а не бойцы) способны дойти сначала до Москвы, а потом до Петропавловска-Камчатского «с

огнем и мечом». Да, даже в условиях почти полного развала российских Вооруженных Сил. И глупо, нереалистично было надеяться на то, что при «дележе пирога» где-нибудь в сентябре сего года, когда в Брюсселе и Вашингтоне будет проводиться пересмотр «зон контроля» (формально «протекторатов», а фактически будущих колоний), излишний героизм и невероятная боевая эффективность польских ВС может что-то значить. Соответственно, меньше славы, меньше размер шрифта газетных заголовков, но тот же самый кусок русской территории в будущем за меньший счет. Не

денежный, а счет жизней. Без труда
рассчитываемый по показателям
«безвозвратных и санитарных
потерь» на каждый квадратный
километр занятой земли. Бывшей
своей, затем прусской, затем
германской, затем русско-советской,
а теперь, вероятно, «находящейся под
совместным управлением».
Становящейся источником
политических дразг и обращенных
друг на друга претензий Германии,
Польши и Литвы на десятки лет
вперед. Нет, американцы не дураки...
Объединенная, реально
объединенная Европа с реально
действующей интеграцией
политических, экономических и

военных систем, с единым курсом, не нужна им совершенно...

Итак, на 12.00 варшавского времени счет потерь в дивизии Бартняка был весьма и весьма умеренным. Один рядовой 2-й механизированной бригады погиб от пулевого ранения в шею, причем было неизвестно, откуда прилетела пуля. Она могла быть и «своя», потому что изголодавшиеся по настоящей войне мужчины, попав на чужую территорию и становясь изредка мишенью чужого огня, стреляли налево и направо, не задумываясь. Через сутки-другие нервозность должна была утихнуть, Иренеуш Бартняк прекрасно знал это

по Ираку. Какие-то потери от «дружеского огня» были на этом этапе неизбежны: в случаях их очевидности это очень сильно промывало мозги любителям пострелять.

Расформированный в 2011 году, но уже через год сформированный заново 2-й легионерский [\[40\]](#) артиллерийский полк потерял «безвозвратно» сразу двоих рядовых — умершими от ран до оказания медицинской помощи после подрыва русской МОН-50 в нескольких десятках метров. Покровитель полка — король (и, кстати, русский царь) Владислав IV Ваза в данном случае не помог солдатам невезучей батареи

ни своевременно обнаружить выставленную на обочине дороги мину, ни уцелеть при ее подрыве, почти наверняка управляемом. Учитывая характеристики русской мины, убитых могло быть гораздо больше, а половина раненых могла умереть сразу — до того, как прибыл санитарный вертолет, раскрашенный в яркие цвета «PZL W-3R». Техника дивизиона ракетной артиллерии не пострадала, уже хорошо, а огнем стрелкового оружия подрыв мины не дополнили. Видимо, было некому. Впрочем, генерал не сомневался, что часть уцелевших русских опомнится уже через сутки, и их укусы станут более болезненными, пока число

квалифицированных партизан не уменьшится благодаря соответствующим мероприятиям...

Больше ни одного погибшего в дивизии не было ни к 13.00, ни к 13.30, хотя раненых постепенно прибавлялось. Гибель ее командира, генерала бригады Иренеуша Бартняка в 13.31, четвертым во всей 12-й Механизированной дивизии, выглядела, таким образом, нелепо и страшно.

На пересечении идущей параллельно автодороге Р508 железнодорожной ветки и одной из местных асфальтированных дорог двигающуюся штабную колонну польской 12-й дивизии встретил

старик, вышедший из кубического домика зрителя железнодорожного переезда. Нельзя было сказать, что он был «в военно-морской форме», — квадратные погончики с несколькими золотыми полосками старшинского состава были пришиты непосредственно к его серому гражданскому пиджаку, увешанному медалями и значками. Но старик был в гюйсе, бескозырке с развевающимися лентами и плотно поставленными буквами «ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ» на околыше, и смотрелся довольно колоритно. Ждал он явно не первую минуту — искаженное страданием старое лицо

было покрыто пылью. В руке старик держал топор на длинном топорище. Идущие в авангарде колонны 12-й механизированной бригады не обратили на него внимания, — солдаты с бортов бронемашин и грузовиков провожали безумного русского долгими взглядами, но не стреляли. Сам же он не собирался бросаться под колеса «Росомах»^[41] и грузовиков, обозначенных польскими флажками.

Старика звали Эфраим Учумов. Он ждал немцев. Ему было 90 лет ровно, он прошел войну, когда был молодым и глупым. Войну, оставившую давно зажившие шрамы на теле и так и не сумевшие зажить

— в душе. Он прекрасно знал, чего хочет сейчас, когда мимо его домика на пересечении железной и автомобильной дорог, ровно на полдороге между Калининградом и Гвардейском, идут и идут колонны вражеской техники. После войны он служил в Польше на тральщиках, дружил с несколькими моряками-поляками и был уверен: будь они живы, они не допустили бы. К немцам у него давно не было ненависти, но с 1941 по 1943-й бывший «матрос Учумов», он же для своих «Эфа» и «Учум», провоевал в морской пехоте, и убивать немцев ему было как-то привычнее. Он не думал, что ему удастся сейчас кого-

нибуть убитъ, но из его руки свисал тяжелый топор, и бывший старшина 1-й статьи продолжал ждать, щурясь от пыли и летящих в лицо снежинок, поднятых с асфальта сотнями катящихся мимо колес, едва удерживаясь, чтобы не заплакать от ненависти и бессильной стариковской обиды. Спину ему буравил взгляд внука, категорически отказавшегося уходить. После многих минут крика они все же договорились о том, что уйдут, как закончат все, — и хотя тогда он согласился, сейчас от этого было еще больнее.

Сидящий на броне командной «Rosomak-WD» генерал бригады

столкнулся со стариком взглядом. Он не боялся возможных стрелков и пересел из тесноты машины наверх, благо это позволяла удлиненная выносная гарнитура установленной в машине мощной радиостанции. С американским HMMWV в командном варианте это было бы невозможным, но он предпочитал польскую «Росомаху», пусть и дооборудованную датской компанией «WB Electronics». С брони имелся хороший обзор во все стороны, именно поэтому он сумел разглядеть русского в подробностях. На груди у старика было нацеплено несколько разноцветных медалей, но Бартняка удивило другое. Ниже других, на

левой стороне груди моряка висел «*Krzyż Walecznych*», то есть «Крест Храбрых», вторая по значимости военная награда Польской Республики. Чудо, что он разглядел его с проносящейся мимо на большой скорости машины, но цвет ленты и форма колодки были уникальными, такое ни с чем не спутаешь. Такой же орден был у отца Иренеуша, поэтому он взбесился. Заколотив в броню откидным прикладом укороченного штурмового карабина, он заставил водителя резко затормозить и мягко прыгнул на асфальт, даже не дожидаясь полной остановки машины. Несколько человек десантировались вместе с

ним, и тут же в нескольких метрах позади остановилась еще одна «Росомаха» — выполненная в наиболее распространенном варианте и несущая автоматическую 30-мм пушку в башне и спаренный с ней 7,62-мм пулемет. Наводчик развернул башню на русского деда, и это выглядело настолько гадко, что генерал грязно и изобретательно выругался. Это заставило опустить свой карабин идущего рядом офицера его штаба. Пока машины тормозили, русский остался в двух десятках метров позади. Неторопливо двигаясь, генерал Бартняк на всякий случай внимательно разглядывал местность

вокруг. Мимо продолжали проноситься разнообразные машины, принадлежащие бригадам и отдельным батальонам его дивизии — «Росомахи» и «Опалы» разных модификаций, многочисленные «Хамви», армейские грузовики и автоцистерны. Солдаты глядели на них из кабин, с брони, из кузовов тентованных машин, — некоторые козыряли двумя пальцами, остальные просто останавливали на нем и остальных взгляд, пока их машины обдавали его холодной пылью и теплым воздухом выхлопа.

Не было похоже на то, что это засада. Вдалеке виднелись дома, но железнодорожный переезд стоял на

практически открытой местности. Его окружало несколько деревьев и довольно много разных по высоте кустов, но без листвы они были совершенно прозрачными, только чернели в переплетении веток не склеванные птицами ягоды. Хлопало маленькое окно в домике, развевалась занавеска. Шлагбаум был закрыт (вероятно, автоматикой) и так и снесен закрытым. Это была не засада, — генерал бы почувствовал. Просто старый безумец, живущий воспоминаниями о давно ушедшей молодости и сильной стране. Не дай Боже оказаться на его месте.

До старика осталось несколько

метров, и Бартняк смог убедиться в том, что глаза его не подвели. Это действительно был «Крест Храбрых», на засаленной, но сохранившей свои цвета ленте. В верхнем же ряду наград русским была прицеплена необычная медаль серебряного цвета, наложенная на якорь, и украшенная цепочкой, спускающейся с колодки, — удивительно красивая, таких Бартняк раньше не видал. Генерал учил русский язык в школе и позже повторял в Академии, но не смог найти каких-то слов. Он пытался растравить себя мыслью о том, что видеть высокую награду родной страны на груди русского — это

оскорбление, но мысль прошла, так и не заставив его испытать гнев. Коммунистическое правительство подлизывалось к могучему соседу, награждая его представителей своими орденами и медалями и в войну, и позже. Никаких морских сражений у польских берегов, под Слупском и Гдыней, не было, — значит, этого моряка наверняка наградили за боевое траление в польских водах или что-нибудь в этом роде. Но все равно...

Остановившись метрах в полутора, Бартняк секунду продолжал смотреть на сверлящего его взглядом деда. Затем он буркнул что-то оставшееся неразобраннным

себе под нос и уже собирался развернуться и уйти, когда старик в бескозырке шагнул вперед и резко замахнулся своим топором. Громко застучал «Берилл» в руках стоящего в метре сзади и слева старшего сержанта, и еще не завершивший поворот генерал бригады успел увидеть, как старика отбросило назад.

В воздух взвилась мелкая кровавая пыль, которая ощутилась на лице, как морось где-нибудь у фонтана. Такого он давно не видел, поэтому отшатнулся. Сержант предупреждающе закричал, потом закричал кто-то еще. Но за минуту все успокоились. В конце концов,

ничего страшного не произошло: замах старика оборвался в самом начале, и топор так и остался у него в руке, крепко зажатый судорожно сведенными пальцами.

— Пан генерал бригады!

— Да брось. Я в порядке.

— Ничего себе...

Голос был совсем молодым, и генерал посмотрел на сказавшего. Так и есть: юный рядовой с незнакомым лицом, из подбежавших от второй машины.

Рядом остановилась еще одна «Росомаха», за ней начала притормаживать следующая, сжимаядвигающуюся колонну в гармошку. Генерал бригады махнул двумя

руками сразу, затем показал
спрыгнувшему было с
бронетранспортера офицеру крепкий
кулак, и тот тут же полез обратно.
Машина изрыгнула струю сизого
солярного дыма, дернулась и начала
разгоняться, выбрасывая мелкие
камешки из-под колес.

— Пан генерал бригады?

— Что, Кшиштоф?

— Вы разрешите, я возьму себе
его бескозырку? На память.

— Почему бы нет?

— А можно, я тоже что-нибудь
возьму? — произнес тот старший
сержант, который застрелил
русского. Бартняк пожал плечами.
Ничего плохого он в этом не видел —

это не мародерство, а просто стремление молодежи заполучить себе сувенир, связанный с острым переживанием. Через неделю им будет на такое уже наплевать, а если кто-то вздумает проверить, нет ли у старика золотых зубов, или стянуть с его пальца тусклое обручальное кольцо, — он, пожалуй, застрелит такого человека сам. Или первого предупредит, а второго уже застрелит.

Поручик шагнул вперед и наклонился над убитым, аккуратно сняв с него бескозырку со свисающими с нее двумя украшенными золотыми якорями черными ленточками,

расщепленными на конце, как ласточкин хвост. Действительно, отличный сувенир, хотя трудно будет удержаться и не начать врать в ответ на вопрос о его происхождении.

— Снимите с него «Крест Храбрых», — посоветовал он и отвернулся. А больше не было уже ничего. Пуля попала в основание его шеи точно над обрезом тылового баллистического бронезлемента. Командир 12-й механизированной дивизии генерал бригады Бартняк носил бронежилет DMV-98, еще со времен своего «аэромобильного» прошлого. Сам бронежилет наверняка выдержал бы попадание, но выпущенная из гладкоствольной

«Сайги» мягкая пуля типа «Спутник» весила 33 грамма, — позвоночник перебило, словно ударом кувалды. Смерть генерала была мгновенной и безболезненной.

Все попадали на землю, когда прозвучал оглушающий удар выстрела. Но стрелок в домике успел выстрелить еще раз, и пуля вмяла стальную плиту в грудь поручика, так и не успевшего выпустить бескозырку мертвого старика из рук. Разом взревел десяток польских «Бериллов» и «Мини-Бериллов», пули автоматов мгновенно выбили все стекла из переплета единственного обращенного к ним окна домика, подняли белую пыль из

составляющих его стены серых силикатных кирпичей. Потом разом заговорила 30-мм пушка «Росомахи» и спаренный с ней пулемет UKM-200 °С, которые тут же заткнули русского стрелка. На дистанции в четыре десятка метров снаряды «Бушмастера» прошивали сложенную в «один кирпич» кладку насквозь, и когда разлетающиеся обломки начали накрывать лежащих, кто-то попытался остановить стрельбу. Криков слышно не было, только сплошной рев автоматической пушки на фоне рокота пулемета и нескольких штурмовых карабинов, — но инициативный умник не сообразил начать махать руками,

лежа на земле. Он развернулся, попытался приподняться, и его уложило на месте. Потом огонь стих.

От домика мало что осталось: стены еще держали на себе покосившуюся, изорванную крышу, но были все в дырках. Понятно, что русский сам вырыл себе могилу, стреляя из окна дома, находящегося всего в 20 метрах от цели. И понятно, что это его не волновало с самого начала.

Майор, руководящий одним из отделов штаба дивизии, не поднимаясь, отдал команду — и несколько солдат осторожно двинулись вперед, пригибаясь и сжимая в руках оружие. Остальные

прикрывали их, лежа на месте. Все ожидали новых выстрелов, но их не было. Очередные грузовики из подошедшей колонны остановились.

— Эй, — крикнули сверху, — мы нужны?

Майор не ответил, внимательно наблюдая за подошедшими уже прямо к стенам домика солдатами, и спросившего послал по известному адресу кто-то другой. Однако солдаты уже попрыгали с борта и под командованием энергичного молодого подпоручика начали окружать дом. Все выглядели очень мужественно, как герои сверхпопулярного в Польше американского блокбастера «Дуговая

лампа». Это плохо сочеталось с лежащими на дороге четырьмя телами — старика и трех поляков: генерала бригады, поручика и старшего капрала.

— Чисто! — крикнули от домика. — Он один был!

— Чисто! — продублировали сбоку, потом слово прозвучало еще несколько раз. Только после этого майор поднялся, кряхтя и чертыхаясь. Тело командира дивизии лежало в луже крови и мочи — сложно ожидать иного, когда перебит позвоночник. Поручик как выкатил глаза, так и остался с этим выражением на лице. Умер он, скорее всего, от болевого шока. А

может, и нет — бронежилет пробит не был, но вмялся внутрь сантиметров на пять, проломив ему грудную клетку. В старшего капрала попала всего одна пуля из пулемета «Росомахи», в самый верх каски. Ему хватило. Они все проявили себя идиотами, но этот явно был самым большим идиотом из всех.

— Матерь Божья, — произнес сзади надломленный голос. — Что же делать теперь?

— Грузите на крышу бронетранспортера, за башню, — рассудительно приказал майор. — И все вперед. А мне связь. Командование переходит к пану начальнику штаба дивизии. Все

услышали?

Офицеры вразнобой отозвались; на лицах некоторых было отчетливо написано недоумение. Мало кто сумел осознать произошедшее в полной мере, хотя некоторые были ветеранами Ирака. Но с момента вывода из Ирака польского контингента в 2008 году прошло слишком много времени, а из служивших в Афганистане и на территории бывшей Югославии в батальоне управления дивизии не было почти никого.

— Какое подразделение? — спросил майор командира спешившихся пехотинцев. Нарукавных нашивок ни на ком не

было, как и погон: только нагрудные знаки различия на куртках, на левой стороне груди. По ним много не скажешь. Можно по-разному относиться к сложности геральдики в современной армии США, но это действительно удобно.

— 8-й ремонтный батальон, пан майор.

— Ага, колобжегцы. Как настроение?

Поручик не нашелся, что ответить, только перевел взгляд за спину майора, где несколько человек грузили тела убитых офицеров на «Росомаху» и готовили веревки, чтобы найтовить их к поручням. Капрала еще не трогали, а русского

оставили в покое и даже старались обходить.

— Продолжайте движение, поручик, — приказал майор, не дождавшись ответа. Ему на секунду стало интересно, что там в домике, и он направился туда, не ответив на приветствие инженера. И так и не сделав молодому дураку замечание: на войне не козыряют. Ничего, научится, если не убьют.

В домике, куда он зашел в настежь распахнутую дверь, было все понятно. Тело здоровенного мужика лет тридцати в полосатой майке, какую носят у русских моряки, пограничники, парашютисты и бог знает кто еще. Мускулы распирают

белую кожу, лицо искажено
предсмертной судорогой.
Изломанное ружье в руках. Все
вокруг в крови, все тело в мелких и
крупных порезах. Американская
пушка Mk44 Bushmaster II, польский
пулемет русского происхождения,
башня итальянской «ОТО Melara» на
польской же машине, выведенной аж
от финского предка... Глобализм в
действии, и все ради одной цели.
Хотя любой газетчик все равно
сможет сказать, что «враг повержен
польским оружием».

Майор отвернулся и вышел,
перестав об этом думать: ему было
чем сейчас заняться, и
транспортировка нелепо погибшего

командира дивизии была последней из встающих перед ним проблем.

* * *

Мертвые тела Эфраима и Леонида Учумовых, деда и внука, остались на своих местах — на обочине дороги и в домике, где оглушающе пахло кровью и кислотой. Если бы они могли говорить, оба, наверное, сказали бы, что умерли удовлетворенными. Радио работало с утра несколько часов, затем смолкло. Потом пропало электричество, и шлагбаум снесла первая из проследовавших по дороге

чужих машин... Дед четко разъяснил великовозрастному внуку, что будет происходить в следующие дни, месяцы и годы, а тот верил ему безоговорочно. Ни до какого моря он уже не доберется, жены нет, детей нет. В одиночку он все равно не выживет, искать себе командира негде и незачем. Чего тянуть? Решение умереть прямо здесь пришло к нему легко, и хотя дед сначала обзывался и орал, позже он прослезился и принял решение внука, добавив его к своему собственному. По его словам, никакой европеец, явившийся к ним на танке с демократической миссией, не способен пройти мимо такого

чуда, как старшина 1-й статьи ВМФ СССР при полном параде и с кучей серебра на груди. Обязательно остановятся и всей толпой начнут раздевать. Причем раз топор в руке, то сначала убьют. На том самом месте, где он будет стоять. Шагах в двадцати от единственного места в округе, где можно встать с «Сайгой». Которая живет в железном шкафу в углу единственной комнаты их дома. Как всегда стоит делать, если живешь вдали от других людей...

Леня жил умом деда всю жизнь, но тут взбеленился. Срочную он служил на Северном флоте, на эсминце, и в пехотной тактике, в отличие от деда, ничего не понимал.

Но это выглядело бредом. Однако дед поставил простой выбор: или делать так, как сказано, или уходить. Если бы у Леонида была нарезная «Сайга», он бы попробовал занять позицию получше и подальше от дома, обговорить какие-то сигналы или жесты, чтобы у деда был хотя бы условный шанс вовремя упасть... Здесь это не проходило, потому что их «Сайга» была дешевой гладкоствольной моделью 2 °С, под охотничий патрон калибра 15,6 мм. На расстоянии 45 метров пуля уходила в сторону на 70 сантиметров — в человека уже не попадешь. Шанс попасть «в мелкого и среднего зверя» либо в человека

гладкоствольная «Сайга» давала метров с двадцати, и все. Поэтому выбора не оставалось. Колонны шли мимо неостановимо, едва замедляясь собственно на переезде, сразу же разбитом траками первых прошедших через него бронемашин. Сначала были несколько некрупных групп американцев — вероятно, разведчики. Потом пошли машины со знакомыми всем в этих краях двуцветными польскими флажками. Тоже сначала разведка на огромных джипах и колесных бронетранспортерах, потом несколько групп гусеничных машин разных типов: одни покрупнее, другие поменьше; с пушками,

пулеметами, обвешанные антеннами, с десантом на броне.

Некоторое время они сидели в своем домике, глядя друг на друга, потом обнялись, и весело-злобно матюкнувшийся напоследок дед вышел. Леонид открыл окно, зафиксировав его крюком, чтобы не захлопнуло ветром. Затем он вытащил стол на середину комнаты и плотно сел на стул, приняв положение для стрельбы с упора. Он не был сильным стрелком. В Калининградской области охота была дорогим удовольствием, и Леонид никогда не ходил ни на что крупнее зайца-русака. Но дед встал на точно оговоренное место, его фигура была

неожиданно близкой, и Учумов-младший решил, что не промахнется. Снаряженных пулями патронов в доме было всего три, и он зарядил магазин сначала двумя картечными, а потом «Спутником», но теперь начал волноваться, не надо ли было сделать наоборот. Время шло, дед ждал, его гюйс хлопал на ледяном ветру, как маленький синий флажок, — и это зрелище было единственным, что заставляло Леонида дрожать. Сидя в одной майке-тельняшке, холода он не чувствовал совсем.

А потом случилось так, как сказал дед. Очередная группа бронетранспортеров прошла мимо, он видел, как они исчезли. Но потом

звук двигателей изменился, затем обороты упали, и стало ясно, что кто-то все-таки остановился. Из окна не было видно никого, кроме деда и пары метров пространства перед ним, но смещаться вбок Леонид не стал. Он не думал, что его могут заметить, но не хотел рисковать потерять намеченное место, в которое точно знал, что попадет. После нескольких минут ожидания дед вдруг повел плечами, будто указывал на что-то, — а потом вдруг резко и с силой замахнулся топором...

Когда деда застрелили, Леонид едва не выстрелил в пустоту, в то место, на котором тот только что

стоял, но там никто не появлялся. Глаза его заволокло красным — он шептал про себя имя дедушки Эфика, как звал его в детстве, когда стеснялся произносить его полностью. Помнится, потом он вырос такого роста и приобрел такой характер, что ни одному человеку в сельской школе или вообще в районе не пришло бы в голову назвать его «жидом». Деду кланялся в пояс одноногий школьный военрук, которого уважали и боялись даже самые отпетые ребята. Деда перед Днем Победы сажали в первый ряд на школьных концертах, а на сам праздник — в первый ряд на трибуне Гвардейска, а иногда и

Калининграда. Он был молодому Учумову вместо погибшего в море отца и ушедшей к другому человеку матери. Он провожал его на флот и встречал его оттуда — при всем параде, как теперь, только на 15 лет моложе. Теперь деда не было.

По-волчьи подвывая про себя, Леонид ждал. Он знал, что никогда не был слишком умным человеком — товарищи по службе и работе уважали и ценили его вовсе не за это. Но он всегда четко чувствовал, как поступать правильно, и готов был отстаивать свою точку зрения сначала словом, а затем ударом кулака. Сейчас он был полностью уверен, что совершает абсолютно

правильный поступок, причем наверняка самый важный в жизни. Он ждал еще несколько долгих минут, потом из закрытого от него краем рамы участка дороги к лежащему навзничь телу шагнул и опустился человек. Этот ли убил деда? Леонид решил, что в него и выстрелит, но показались ноги второго. Тот был явно старше, лет за сорок, довольно высокого роста, с круглым лицом и толстыми щеками, усатый, в нелепо и противно выглядящих очках. Первый, склонившийся над дедом, обернулся к нему и что-то спросил. Из этого стало ясно, кого выбрать, но начавший тщательно прицеливаться

Леонид едва не сорвался, когда первый из поляков снял с деда бескозырку. Настоящую, «ту самую», в которой дед демобилизовался в 49-м. Толстяк начал разворачиваться, и Леонид изо всех сил прожал спуск. Попал его выстрел в цель или нет, Учумов не понял, потому что толстяк исчез из виду, и когда самозарядный карабин сжевал второй патрон, он выстрелил уже во встающего, молодого. Заорал от восторга, поняв, что попал. Дернулся вбок, меняя сектор обстрела. Успел увидеть плашмя бросающихся на землю людей в чужой форме, увидеть лежащее ничком еще одно тело и даже понять, что это означает. Успел

выстрелить в третий раз, последним из снаряженных пуль патронов. К этому моменту осколки уже в клочья рвали тело бывшего матроса Учумова — любящего внука, хорошего друга и плохого мужа — и выстрел пропал даром. Однако, даже умирая, он все же продолжал хохотать.

* * *

Дорога до пограничного МАПП «Торфяновка» заняла около семи часов. Могло быть много хуже. Но, видимо, перегрузившись впечатлениями, Николай перестал обращать внимание на происходящее

за окном рывками двигающейся «восьмерки» после первых сорока минут. По улицам Петербурга бежали люди, некоторые стояли на месте, растерянно или возмущенно глядя на происходящее.

Ехали многочисленные машины, причем так, что смотреть на дорогу приходилось четырьмя глазами. К равнодушному недоумению Николая, движение никто не регулировал — ни военные, ни ГИБДД. Единственный пост они встретили на обычном месте, на повороте с Парголовского шоссе на Юрки, — но два автоматчика в синих бронежилетах стояли там, не подавая никаких сигналов. И вообще не

обращая внимания на машины, лезущие от города по всем четырем полосам, расталкивая редких встречных. Это было часа через полтора после того, как они ушли из старого центра города, но и потом движение было не легче. Двадцать километров в час — это максимум, до которого они «разгонялись».

В районе Сертолово было тихо, причем по-настоящему тихо. Связисты сидели за своим забором, как мыши. Едва ли не впервые за час выглянув в окно, Николай увидел только часовых на одном и другом КПШ, — в полной выкладке, с оружием, по четверо. Но это было все. Ни одного броневика,

выдвинутого к шоссе, ни одной платформы под погрузкой на известном всем питерцам железнодорожном тупике.

В пределах полусотни километров от пересечения с трассой «Скандинавия» на дороге стало реально плохо, но потом поток начал чуть редеть. По пути он видел пару аварий, одна произошла почти рядом, но выглядела необычно. Машины шли настолько медленно, что все можно было разглядеть: «Гольф» пытался протиснуться из одного ряда в другой, пусть и идущий с той же почти черепашьей скоростью. Его не пропустили. Из стукнутого «Ситроена С3» вышло двое мужчин,

из «Гольфа» — водитель. Они обменялись несколькими словами, пожали плечами, плюнули, потом сели по местам. Дальше Николай не смотрел.

Все остальное время он был занят одеждой и бумагами из большого пакета. В этом отношении не было никаких сюрпризов. Кредитные и скидочные карточки с хорошо знакомыми названиями, водительские права с пятью красными звездами в изгибе полумесяца. На редкость простые — большая часть информации выражалась в штрих-коде, а в этих краях он не должен был читаться полностью. Паспорт с ярко-алой,

нежного оттенка обложкой. Тиснение золотом: два льва держат в лапах щит с изображением обрамленного теми же пятью звездами солнца над полумесяцем, уложенным здесь горизонтально.

Республика Сингапур. Паспорт был довольно хорошо защищенным, нового образца, биометрический. Потертый по углам, с полутора десятками штампов и визовых наклеек, в том числе действующей многократной российской визой и довольно скоро заканчивающейся шведской, открытой полгода назад в датском Копенгагене, повторно использованной там же, и в третий раз — уже с прибытием и вылетом

через Стокгольм — Арланда.
Каждый раз на три-четыре дня.

Итак, можно знакомиться заново. «Перанакан» Эдвард Ярнлюнд. Даже точнее, Эдвард Оке Ярнлюнд. Отец был швед, мать родилась в Сингапуре, имеет австралийское происхождение. Вы знаете, что такое «перанакан»? Это слово в переводе с малайского означает «человек смешанной расы». Исторически — ребенок, родившийся от брака китайца и малайки, но в принципе так можно назвать почти любое дитя смешанного/межнационального брака, и местные поймут, что имеется в виду. Забавно, что

мужчины-перанакан на малайском называются «бабас», а женщины — «ноньяс». Таких слов Николай знал штук сто. И еще штук сто на бахаса — то есть новом языке Индонезии, вообще-то довольно сильно напоминающем малайский. Японский он почти забросил, но сколько-то из него еще помнил. И, наверное, слов семьсот или чуть больше на шведском. Мало, но основной язык шел у него довольно туго, на что ругались преподаватели, обвиняя сотрудника Асигару в лени. Родным же языком Эдварда Ярнлюнда был искаженный диалектизмами и местным произношением австралийский

вариант английского: профессионалы заключали, что с этим у него было вполне хорошо.

Шведского паспорта у Николая не было вовсе не потому, что его невозможно достать: даже в Швеции за деньги можно достать почти все. Но сойти за шведа — даже шведа-эмигранта в первом поколении (каких в стране, между прочим, почти 20 % населения) — ему было бы гораздо сложнее. Николай не знал и не мог знать всех деталей, легших в основу его легенды, — только иногда всплывали отдельные моменты. К примеру, такой: виза для въезда в Сингапур нужна гражданам очень небольшого числа стран. Гражданам

Албании не нужна, Чили — не нужна, какой-нибудь Ботсваны — тоже, оказывается, не нужна. А гражданам России — нужна. В чем логика? Не знает никто, но давно погребенный перечень в глубине подсознания любого профессионального таможенника на другой стороне планеты будет всегда тихонечко напоминать ему: Россия и Сингапур плохо совместимы. Было и многое другое. Например, и во «втором имени», полученном в честь сгинувшего с маминого горизонта папы-шведа, и в фамилии у него имелись «непростые буквы». В сингапурском паспорте «Оке» писалось с заглавного «А», а

«Ярнлюнд» — опять же с «а» в первом слоге. Между тем это должно было царапать взгляд любого нормального шведа и финна. В шведском и финском алфавитах, как и во многих других, есть особые буквы, помеченные диакритическими знаками и позволяющие с удобством пользоваться латиницей. Чисто шведская «Е», которую сложно произнести: свежие русские эмигранты называют ее «А с точечкой». «Д», несколько похожая по звучанию на русское «э». Чудесная буква «Ц». К чему эти неинтересные детали? А к тому, что сбои поиска по базам данных вполне

возможны, если в действующем сингапурском паспорте у человека стоит «Ake Jarnlund», как искаженное от «Åke Järnlund». Второе имя в части документов сокращается до одного инициала, но именно на него и приходится разночтение в написании. Плюс фамилия, что еще важнее. Если нет совпадений — человек может быть ни в чем не виноват. Потому что так его имя записывают в далекой Азии чиновники, понятия не имеющие о шведской и финской письменности. В финском таких «особых букв» на одну больше, а шведский язык является вторым государственным языком Суоми, так что к подобным

вещам финны относятся с привычным сочувствием. Что ценно.

Järnlund — это означает дословно «железный лесок». В Швеции есть местечко под таким названием, в лене Упсала. Фактически деревня, откуда довольно долго добираться до Упсалы и Стокгольма. Рядом такие же деревни — Fageron, Sandikafjarden, Sandika, Sandickaviken. Хорошее место, где он никогда не был, но которое без труда мог показать на карте. Хорошая фамилия, Николаю она нравилась. Вообще в шведском характере и образе жизни довольно много близкого и понятного русским людям. Может быть,

поэтому существует так много смешанных браков между шведами и русскими.

Папу Патрика родившийся в Сингапуре Эдвард должен был помнить плохо, но знал, что тот давно умер. Нет, это мама не придумала, это действительно так. Поэтому в далекую деревню он и не собирался, незачем. Да и комплексы какие-то были — тот ушел из семьи, оставив подругу и ребенка. В Швеции приняты довольно похожие на брак отношения без регистрации, но мама «белая англосаксонка», ее это в итоге обидело. Алименты вроде бы были, пока отец не умер в конце 70-х, — но это у мамы надо было

спрашивать, а ее тоже в живых уже нет. Родственников куча есть, конечно. По всей Австралии — в основном в Перте, но есть и в паре других мест в середине континента. Где-то бывал, где-то нет. Чем занимаюсь, чем зарабатываю на жизнь? Мединженер в сингапурском отделении «Medtronic». Наладка и настройка криооборудования: хранилища, системы заморозки. Довольно хороший бизнес. Клинические хранилища для коллекций гомографтов, банки разнообразных биообразцов под академическую науку и для «Большой Фармы». Роботизированные системы, —

механика, электроника, собственно криооборудование: -70/80, -150° Цельсия, жидкий азот, пары азота. Вот, шрамы на кистях рук от хронических термических ожогов...

Что делал в Швеции в прошлые визиты? Мы сотрудничаем с несколькими инженерными фирмами, с компаниями, производящими медтехнику. Стандартизация, регламенты, взаимозаменяемые расходные материалы... В Люнде — с компанией Gambro, их штаб-квартира переехала туда из Стокгольма в прошлом году. Да, там меня знают. Могу дать телефон. А в Стокгольме, — это не сам

Стокгольм, а Хаддинге, пригород. Там громадный госпиталь, и у них мощный криобанк — много оборудования, много проблем с наладкой, фирма крутит инженеров со всех филиалов. Окупаются даже такие дальние полеты, а вы как думали? В России? В России делал то же самое. Криохранилища, автоматизированные и попроще. «РосПлазма» в городе Киров — там хранят арбитражные образцы, на случай проверки после заражения при переливании. Институт сельскохозяйственной микробиологии в Пушкине, пригороде Петербурга. Тоже могу дать телефоны, адреса... Да,

конечно, теперь бесполезно уже...

Снова про папу... По-шведски говорю плохо. Кое-как могу объясниться, но стесняюсь своего деревянного акцента, почти немецкого, да. Финского вообще не знаю, извините...

Отработка легенды была одним из ключевых предметов на его «курсах». Где находится отделение банка, кредитная карточка которого у вас в бумажнике? Покажите на карте. Яркий сине-желтый билетик среди отложенных подальше купюр: что это? «Сингапурский филателистический музей» — где он расположен? И что, вы действительно увлечены марками?

Ностальгия по детству... А вот к примеру, что такое «зубцемер»? И где расположен этот музей? А что еще вы можете вспомнить заметного на этой улице? А если свернуть на Hill Street? А если пройти дальше, как она будет называться?.. А как правильно говорить — остров Сентоза или все-таки «Сантоза»? А слоны там в зоопарке есть?..

— Ну вот и все. Минус треть вопросов на этот раз. Едва на тройку вытягиваешь. Смотри, реальный опрос скучающим пограничником, как базовый, так и при усиленном режиме, при дополнительной выборочной проверке, — это тебе не шутки. Они тут же лажу учуют. Иди и

работай.

И он шел и работал. До следующего раза, когда преподаватель снова находил возможность придраться к объему усвоенной информации. К произношению английских слов. К незнанию того и сего, очевидного, лежащего на поверхности. А ведь это был всего лишь один из предметов, и не самый сложный. Инфильтрация и в гораздо меньшей степени эксфильтрация — это «обеспечивающие» мероприятия. И обеспечивающие не душевный комфорт, а выполнение задач — основной и вспомогательной. Если кого-то высаживать на чужой берег с

подводной лодки и оставлять потом дожидаться подхода сухопутных сил, то они не нужны вообще. Но те времена прошли. Никого не сбрасывают на территорию противника на парашюте, не доставляют отечественными аналогами «Зодиак» через прибой на пустынные пляжи. На самом деле даже в тех же США живет полно людей, которых можно использовать «на месте», не тратя силы и время на проникновение и подготовку к нему. На обучение реалиям жизни в чужой стране, возможностям сохранять мобильность на нелегальном положении. С ознакомительными поездками, каждая из которых имеет

собственную легенду. С сотнями часов самоподготовки и «индивидуальных занятий по предмету», накапливаемыми в течение многих месяцев. Почему тренируют именно его, он так и не сумел понять, но решил, что специалистам виднее, и на этом успокоился.

Было понятно, что на самом деле будет еще сложнее, чем он думал. Практика всегда сильно отличается от теории, а зачастую и вообще не имеет с ней почти ничего общего. Но самое важное то, что за все это время Николай так и не смог избавиться от ощущения того, что это «не по-настоящему». Что на него

рассчитывают в отношении достижения реальной цели — ответить агрессору ударом со спины. «Поцелуй из могилы» — это жест отчаянья. Выполняясь эта операция всерьез — она не требовала бы такой сложности, стольких этапов. Давно сидящий в Принстоне, или Филадельфии, или Балтиморе биолог или химик с зарплатой, налогами и всеми видимым домом на такой-то улице получил бы е-мейл с невинной картинкой, поцеловал бы жену, сделал звонок начальнику про «приболел, но послезавтра выйду точно» и сел бы за руль. Добрался бы до нужного съезда с шоссе, нашел бы коробку с лампочками, сунул бы ее в

багажник, поехал бы дальше... Без всяких границ, без возможных приключений по дороге, еще на другой стороне планеты, когда военная автоинспекция и внутренние войска кажутся исчезнувшими в никуда, а ГИБДД абстрагировалась и делает вид, что все нормально, даже наблюдая, как громадный Мицубиши L200 таранит малолитражки прямо на стыке дорог у КПП, стремясь скорее уйти из города, выгадать еще минуту, еще километр от потенциального эпицентра. Впрочем, похожее бывало и раньше, когда о будущей войне, будущей катастрофе не думал никто, кроме таких придурков, как Ляхин... Значит,

скорее всего, он служит отвлекающей целью. Не настоящей. Что, однако, никак не снимает с него необходимости делать все на совесть, окупая средства, вложенные страной в его подготовку и документы.

Ребята «с курсов» довели его до Торфяновки и встали в километре от границы собственно погранзоны, у неработающей бензоколонки. Здесь движение было заметным как в одну сторону, так и в другую. За стеклами довольно густо двигающихся машин были видны напряженные лица людей. Номерные знаки были разные, и это Николая чуть заметно обрадовало. Если через Торфяновку идет поток иностранных граждан,

выбравших этот путь, значит, есть шанс на то, что финские пограничники перегружены необходимостью заботиться о самых настоящих европейцах и азиатах, имеющих паспорта нейтральных стран. Со своими историями у каждого. С несовпадающими деталями, с оставленными второпях в гостиницах паспортами. Без денег, потому что все отдано русским шоферам за «доехать до любой границы» — и, соответственно, без собственного транспорта. Нервничающих, плачущих. Разных. Может быть, это добавляет ему шансов пройти? Второй этап, «Сингапур — Сан-Франциско»,

должен быть легче в разы, хотя там рядом не будет вообще никого знакомого. Пусть даже знакомого в лицо, без имени.

— Они аннулировали визы, — уверенно сказал старший из двоих привезших его сотрудников. — Сразу же, как началось.

— Вот облом людям...

Второй оглядывал проезжающие машины спокойно: происходящее его как будто не волновало.

— Столько проехать, столько бензина сжечь, уповать на то и се. Приговаривать всю дорогу: «Какой же я молодец, что у меня годовой Шенген». Доехать, какое испытать облегчение. А тут — раз! «*Huvää*,

kaunis ilma tänään! Oh, anteeksi, näkemiin!»[\[42\]](#).

На сказавшего, более молодого из ребят, Николай посмотрел больным, нехорошим взглядом.

— Ладно, — произнес на это старший. — Наших явно разворачивают еще на внутреннем посту, дальше идут только иностранцы. Ты с нами, типа, уже расплатился. Мы вернемся сюда и будем ждать четыре часа ровно, если нас не сдернут. Тогда уж извини. Но если повезет, то проскочишь. И пусть повезет.

Второй хмыкнул и неожиданно протянул Николаю руку, развернувшись на своем сиденье.

— Прости, если что. И что бы ты там ни должен был делать, хоть бы у тебя получилось. То, что ты не «из тех», это видно.

— В каком смысле «тех»? — равнодушно переспросил Николай, уже настраиваясь на то, что ему остались сотни метров, чтобы перестать понимать русский, кроме базовых «здравствуйте» и «на здоровье».

— А как Чапман. Мы же таких много повидали за все годы. Как бы и не побольше, чем нормальных. Деньги на дороге не валяются, разве нет?

— Нет, — так же машинально ответил Николай, даже не

вслушавшись в смысл сказанных слов. — Ну что, едем?

— Ну, раз тебе так хочется...

Они вырулили из кармана безлюдной бензоколонки и встроились в рыхлую цепочку легковушек, микроавтобусов и даже грузовиков. На границе зоны «восьмерку» остановил автоматчик с жезлом, еще двое прикрывали его с дистанции в несколько метров.

— Ваши документы.

Паспорт экзотической страны не вызвал у проверяющего никаких вопросов, русские права водителя их машины тоже. Ситуация была уже привычная, и автоматчик четко и деловито разъяснил, куда ехать и

где разворачиваться. Все объяснение заняло секунд двадцать, сзади уже подъехала следующая машина.

— Ну, как и ожидалось... — спокойно прокомментировал старший, когда они отъехали. — И даже более организованно, чем можно было ожидать. Финны пока не стреляют, видимо. Как только первого умника на КСП^[43] уложат, так у всех нервы натянутся, не сомневайся. Причем недолго ведь осталось. А потом уже будет видно. У финнов в Сухопутных Войсках 22 бригады, и танков штук двести с лишним. Они до Луги могут дойти за неделю, если захотят. Вот и посмотрим, насколько им хватило

наследственной памяти...

Они помолчали, пока машина докатывалась, в хвосте таких же, до внешней «российской» кромки Международного автомобильного пункта пропуска «Торфяновка». Здесь была уже суета — пограничники и таможенники были заняты делом. Машины подъезжали, высаживали людей, разворачивались или ехали дальше. Кто-то с надрывом кричал, и Николая даже немного удивило, что человек в форме сотрудника Федеральной таможенной службы не орал в ответ, не хватался за «закрепленное табельное оружие» (о наличии которого Николай раньше и не знал)

и даже просто не ушел в сторону. А делал свое дело. Это было неожиданно и даже тронуло.

Женщина лет тридцати, в пятнистом камуфляже с нашивками ФТС, быстро и поверхностно досмотрела их машину, проверив документы на этот раз у всех троих и объяснив каждому, что делать. По-английски она говорила бегло и довольно чисто, что почему-то не вязалось с ее полноватым лицом.

Николай вышел, вынул из салона сумку и взглядом попрощался с обоими ребятами. Те уже разворачивались, потому что просвет сзади в любую минуту мог закрыться какой-нибудь крупной машиной,

тогда пришлось бы ждать.

— В эту сторону, пожалуйста. Присоединяйтесь к этой группе, кто-нибудь заберет вас через мгновение.

— Спасибо, мисс.

Сердце колотилось в груди, как теннисный мяч. Впрочем, напряжение, написанное на лице Николая — уже Эдварда Ярнлюнда, — никого здесь не удивляло. Пограничникам и таможенникам было о чем подумать, и чужие переживания их не волновали совершенно. Страну ждала большая война, до конца которой доживут далеко не каждый мужчина и не каждая женщина в том возрасте, когда носят форму. Да и

исход ее слишком многим казался практически очевидным. Даже уже сейчас. А если «*Suomen maavoimat*» проведут мобилизацию жестко и быстро, их одна бронетанковая и двадцатка егерских и пехотных бригад смогут сделать очень не маленький вклад в военную обстановку на северо-западе. Что тоже было довольно-таки очевидно.

Группа людей, к которой Николай присоединился по указанию уже ушедшей к следующей легковушке таможенницы, была небольшой — четыре человека. Двое финнов, быстро и возбужденно переговаривающихся между собой. Мужчина лет шестидесяти, на лице

которого застыло выражение «Где я, и почему я здесь?» И азиатка неопределенного возраста: то ли двадцать с небольшим лет, то ли все сорок. От нее Николай встал подальше, но ей было все равно — она смотрела прямо перед собой и время от времени обращалась на незнакомом ему языке к кому-то невидимому. Оценив это зрелище, Николай подумал, что любые пограничные состояния у людей полезли сейчас наружу, и дальше будет только хуже.

Ждать действительно пришлось не более минуты — подошедший таможенник еще раз быстро проглядел все паспорта, повел за

собой к стоящему метрах в пятнадцати столу и предложил выложить на него личные вещи и товары, подлежащие декларации. Выглядело это дико, но скорее это была просто заученная фраза: на осмотр сумок и рюкзаков он потратил какие-то секунды.

— Сколько у вас есть с собой денег наличными, в любой валюте?

Один из финнов предъявил довольно толстую на вид пачку 100-евровых купюр, но все закончилось тем, что ему дали заполнить какой-то бланк, что заняло еще одну минуту. Несколько тысяч рублей, несколько сотен евро и сингапурские доллары, лежащие в бумажнике

Эдварда Ярнлюнда и предъявленные в ответ на требование, заинтересовали его еще меньше. Поэтому, жестом дав указание забрать вещи, таможенник довел всех до одной из будок поста пограничного контроля. Тот был ориентирован на машины, но небольшие группы людей подходили и подводились к нему с нескольких сторон — или иностранцы, оказавшиеся в России, или люди с двойным гражданством и несколькими паспортами. На своих автомобилях было меньше половины, но один был аж на мотоцикле — дорогом, с хромированными вычурными накладками и двумя

объемистыми кожаными
багажниками по бокам.

Все делалось быстро и четко, и
очередной русский штамп в
сингапурском паспорте не
сопровождался никакими
комментариями. Их принял белый
«Фиат», и когда он тронулся,
несколько мест в салоне еще
оставались незанятыми.

До финской стороны границы
микроавтобус двигался не быстро, но
за потребовавшиеся для этого
минуты никто не проронил ни слова,
только китаянка или вьетнамка
начала беззвучно плакать. Справа
пошли знаки на нескольких языках
— это была уже Финляндия. К этому

времени Эдвард Ярнлюнд окончательно пришел в себя и начал замечать детали, на которые не обратил бы внимания еще минуты назад. Около «стекляшки» здания пограничного контроля «*Vaalimaan tulli — ja raja-aseta*» двумя группами стояли военнослужащие финской армии. Причем именно армии, а не пограничной охраны, по-шведски именуемой «*Gränsbevakningsväsendet*». В касках и с автоматическим оружием. Ничего особенного они не делали, просто стояли и смотрели на все происходящее.

Эдварда и его спутников подвезли почти прямо к дверям,

высадили, и «Фиат» тут же ушел назад, к русской стороне. Финны зашли первыми, ушли к одной из левых стоек, у которых уже стояло несколько человек. У двух правых, предназначенных для иностранных граждан, было пусто, и поскольку азиатка затормозилась в дверях, Эдвард пошел вперед.

Поздоровался по-шведски, сразу предупредил, что предпочитает английский. Пограничник выглядел совершенно по-домашнему: контрастом с тем, как выглядел весь мир снаружи стеклянного домика. Он задал несколько вопросов, провел титульной страницей паспорта по сканеру. Посмотрел на тихо

плачущую азиатку, которая так и не могла двинуться с места, хотя одна будочка была свободной и ее уже звали. Эдвард обернулся и посмотрел на нее тоже, потому что так сделал бы любой человек на его месте. В груди у него бесшумно булькало, но он надеялся, что его волнение в этом месте — с русской границей прямо за спиной — выглядит в глазах любого человека совершенно нормальным.

— Пройдите, пожалуйста, вот с этим мужчиной, — пограничник не вернул ему паспорт, указав вместо этого на подходящего крепкого парня лет двадцати. Тот был в тускло-черной форме, застегивающейся на

молнию, с еще двумя вертикальными застёжками на груди и яркими симметричными нашивками на плечах: желто-красно-черная морда льва и две светло-синие полосы на спущенном почти к локтю погончике. На поясе с крупной пряжкой — кобура с тяжелым пистолетом, запасная обойма, рация, наручники, фонарик, что-то еще. На брюках — узкая светоотражающая полоска. Все это Николай разглядел за секунду.

— Что-то не так?

— Нет-нет, все нормально.

Просто дополнительная проверка. Вон туда, пожалуйста.

Эдвард сумел смолчать, кивнул,

поднял сумку с пола и последовал за указующим взглядом молодого пограничника. Тот пропустил иностранца перед собой, придержал стеклянную дверь и несколькими словами на английском указал, куда двигаться: по дорожке, мимо припаркованных машин. Это был еще один домик в два этажа, но довольно сложной конструкции. Какие-то блоки или флигельки в нем были выше, какие-то ниже, неравномерно выступая в сторону автопарковки, газонов и дорожек от центральной 2,5-этажной башенки из бетона и стекла, украшенной финским флагом.

— Направо, пожалуйста.

Пограничник провел Эдварда по широкому коридору, по сторонам которого висели постеры с видами Финляндии. У одной из дверей с двузначным номером над ручкой он попросил его, так и идущего впереди, остановиться.

Едва не соприкоснувшись плечами, показав желтую надпись «RAJAVARTIO-LAITOS» на спине, финн открыл дверь магнитной карточкой и комбинацией нажатий алюминиевых кнопок, выступающих из электронного блока под замком, и сухо улыбнулся:

— Подождите здесь, пожалуйста.

— Долго это займет?

Пограничник пожал плечами и ответил: «Минут пять, может, десять», но было видно, что это просто предположение.

Эдвард ожидал, что, запустив его в комнату, тот уйдет, но пограничник попросил показать содержимое сумки и поясной сумочки, быстро проглядел все отделения, откинул и тут же закрыл обратно крышку нетбука и только на этом закончил. Снова сказав, что «нужно подождать», он открыл дверь комбинацией карточки и пароля, — кнопки чуть слышно пискнули. Было забавно, как у него была прицеплена карточка: на втягивающейся в улитку струне, она сама подтянулась к поясу,

как только он выпустил ее из рук.

Потратив несколько минут на приведение сумки и сумочки в порядок, Эдвард обернул меньшую вокруг пояса, щелкнул защелкой ремешка и прошелся по периметру комнаты. Ему было плохо от напряжения и страха. И развешанные по стенам плакаты с рапсовыми полями, выкрашенными в красный цвет амбарами и счастливыми женщинами в национальных костюмах не развлекли его совершенно. В комнате был стол, на котором пограничник и проверял его вещи. Был один стул за ним, и один отдельно, в углу. Была маленькая раковина, в которой стояла

оставленная кем-то кружка с присохшим кофейным осадком. Под потолком в одном из углов висел черный стеклянный шарик, со спрятанным внутри глазком камеры видеонаблюдения. Больше в комнате не было ничего.

Стараясь не трястись, Эдвард сел на стул, скрестил руки на груди. Это работало минут пять, потом перестало. Тогда он снова встал, подошел к одному из плакатов, попробовав прочитать текстовую часть. Не понял почти ничего, и не просто из-за стремящегося к нулю уровня финского, — не разбирались даже буквы, все сливалось. Минуть десять прошло в разглядывании букв,

и пересчитывании отдельных слов. Примитивный способ помог, тошнота потихоньку начала проходить. Эдвард поглядел на часы — прошло уже более 20 минут. Подошел к двери, подергал — было, конечно, заперто. Демонстративно пожал плечами, потыкал пальцами во все кнопки подряд, послушал их разнотонный мышинный писк. Видеокамера под потолком или какой-нибудь скрытый динамик не разразились требованиями сесть на место, никто не пришел и не объявил то же самое командирским голосом. Поэтому он попробовал еще раз, и с тем же результатом. Если тренироваться достаточно долго,

кнопками можно было бы сыграть простенькую мелодию, но выпендриваться он уже не стал. Убедившись, что после нажатия четырех любых кнопок и символа «решетки» на панели замка пару раз мигает запрещающий красный огонек, Эдвард вернулся к столу. Прошелся пару раз по комнате, в которой ничего не изменилось. Опять покосился на плакат. Произнес несколько мяукающих малайских слов. Пару фраз по-японски. Достал из валяющейся на столе сумки нетбук, ушел к «отдельно стоящему» стулу, открыл и включил. Заряд батареи был на 30 %, и Эдвард снял нетбук с колен,

положил на стул и снова подошел к сумке. Адаптер был собран под вилку британского стандарта BS 1363, подходящего к сингапурскому SS 145, и это его неприятно кольнуло: по визе, прибытие сингапурского инженера в Россию датировалось девятью днями назад, любому показалось бы странным, что батарею не подзаряжали столько времени. Найдя лежащую отдельно «европейскую» вилку на тонком шнуре, он поменял сингапурскую на нее и вернулся к стулу, волоча хвост собранного адаптера по полу. Воткнул в одну из имеющихся розеток, соединил с нетбуком, поглядел на замигавший огонек

процесса зарядки. С трудом удержался, чтобы снова не взглянуть на камеру под потолком. Вздохнул, включил. Это была его собственная машина с «курсов» — со всеми нужными логам. В Сеть она весь последний год выходила как бы именно из Сингапура. Но на «обоях» была, ясное дело, не «Лев-Русалка» с острова Сентоза, она же «Мерлайон» и «Шинга-Лаут», а полуголая девка с ангельскими крыльями за спиной. Как бывает, если тебе меньше сорока. В нетбуке было полдесятка экселевских таблиц с именами клиентов и контактов по всему миру, с ячейками, раскрашенными в разные цвета. Было несколько папок

с фотографиями разной давности — пейзажи и птицы, иногда довольно забавные. Четыре сотни ссылок на книги на английском, с ярлыками «Амазона»: очень разные, от каталогов ракушек до учебников по механике и электронике «особых условий работы». Примерно столько же индексированных PDF-файлов со сканами визитных карточек. Отсортировав их по датам, Эдвард с удовлетворением убедился, что полтора десятка последних — русские, из Кирова, Пушкина и Санкт-Петербурга. Врачи и биологи, из нескольких институтов и больниц. Без излишеств. Убедившись, что имена ему знакомы, он закрыл все

окна и полез в папку «Мои видео». По этому поводу год назад был даже спор: инструктор считал, что набить папку полудюжиной пиратских закачек, «нарушающих авторские права», будет более естественно, чем не набить. Но их не было. Смотреть было нечего, и он вернулся к сканам визиток, прорабатывая индексы и иногда дополняя их давно заученными обозначениями. Это позволило скоротать время до тех пор, пока за дверью наконец-то не стукнуло. До этого от нее не доносилось ни звука, и в комнате было слышно лишь гудение вентиляции да иногда его собственное бормотание на

английском. Теперь — долгожданное «*Пи-пи-пи-пи... Счь!*» электронного замка. Час сорок минут. В общем-то это само по себе обещало слишком многое, чтобы быть спокойным. Но надо было попробовать.

— Мистер Ярнлюнд?

— Да.

Он встал со стула, держа открытый нетбук в руке. Вошедший закрыл за собой дверь и обернулся к нему, улыбаясь. Он был в желтоватом пиджаке, цвету которого Эдвард не сразу подобрал название, но потом вспомнил — «песочный». Ниже среднего роста, уверенный и быстрый в движениях, с приятным лицом. Мужчине было лет 45, и при

взгляде на него в уме сразу возникало слово «эксперт». Эксперт по чему-то. Можно было надеяться, что не по криотехнике, — но, с другой стороны, вряд ли это было к лучшему. В руке — его собственный алый паспорт и бумажная папочка стандартного светло-бежевого цвета.

— Садитесь, садитесь. Я вот сюда.

Голос у мужчины был не низким и не высоким, как раз подходящим его лицу. Он сел за стол, и пока устраивался, Эдвард закрыл сначала рабочее окно, потом крышку нетбука и уложил его на стул рядом с собой. Пришедший смотрел на это с благожелательной улыбкой и молчал.

Это не могло нервировать человека, прошедшего реальные допросы на реальной войне в 20 с небольшим лет, — но такого никогда не испытывал сингапурский инженер. Поэтому Эдвард сразу начал спрашивать, в чем дело, почему пришлось так долго ждать и что вообще происходит. Не ответив, мужчина доброжелательно покивал и раскрыл бежевую папочку. Как было видно наискосок через комнату, там было всего несколько листков, но они Эдварду очень не понравились. Сверху была его собственная фотография во весь лист, причем какая-то странная. Кивнув в ответ на его взгляд, «эксперт» приподнял и

развернул лист, показав его ему со своего места. Наверное, это был оцифрованный кадр с видеорегистратора, — причем не из этой комнаты, а из будки пограничного контроля на финской стороне. Двухчасовой давности.

— И что из этого? — спросил Ярнлюнд, надеясь, что голос не сдаст.

— Да ничего, в общем. В этом ничего.

— А в чем?

Напряжение в комнате было такое, что можно было прикуривать. Было ясно, что он вляпался, и только не было ясно, как. Отпечатки пальцев на МАПП «*Vaalimaan*» не

снимали, скан радужки не делали. Более того, даже первое из этого тоже не гарантировало компрометацию легенды, потому что на начало текущего года файлы гражданина Российской Федерации Николая Олеговича Ляхина и гражданина Республики Сингапур Эдварда Оке (или Аке) Ярнлюнда, зарегистрированные в единой базе данных *U. S. Customs and Border Protection*, не совпадали ничем. Радужку же с него снимали только в одном месте, одновременно с заморозкой проб крови «на ДНК».

— Да как сказать... Слушайте, давайте я представлюсь. А то вам, возможно, неудобно? Я знаю, кто вы,

а вы меня нет?

Эдвард пожал плечами, стараясь не глядеть на стол, на содержимое тонкой папки под не полностью закрывшей остальные листки фотографией.

— Меня зовут Филипп, я специалист по личной документации, хельсинкская станция ЦРУ.

Если бы он просто щелкнул пальцами, это едва ли отразилось бы на лице Николая больше. Слова «*Helsinki CIA Station*» и «*Personal documentation specialist*» не повлияли на него никак, — только заставили приподнять брови и поджать нижнюю губу.

— Отлично, — сказал Филипп. — Очень неплохо держитесь. Как тяжелый пехотинец. Оружие в руках, бронежилет на торсе, с хорошим обвесом. Сзади верные друзья. А? *Но ведь «Асигару» — это же «легконогие», это совсем другая категория, ну чего вы?*

Последнее было сказано по-русски.

«Специалист».

Эдвард покачал головой. Что ж, его исходное «эксперт» было почти верным.

— Я не понимаю.

— Да ладно вам, Николай Олегович. Эдвард Оке Ярнлюнд. Все уже решилось. *Я и поверить не мог*

сначала, но вот так вышло...

Снова половина на английском, половина на русском. Американец буквально излучал счастье. Ему действительно было очень хорошо — это ощущалось всей кожей. На что он потратил час и сорок минут? На какие факсы, на какие звонки? Что ему уже успели пообещать, когда он доложил, что опознал одного из фигурантов сданного ему неизвестно кем и неизвестно за сколько дела?

— Я не владею польским.

— Ох, ну успокойтесь уж. Вот на это взгляните, что ли?

Снова показ листка через стол. Другая фотография. Имени и лица Николая Ляхина не было в

«Одноклассниках», не было в еще более популярной в Петербурге сети «ВКонтакте», тем более не было в международных профессиональных сетях типа «Linkedin». Последнее было объяснимо его невысоким профессиональным статусом, а возможности остальных ему весьма доходчиво объяснили профессионалы. Эта конкретная фотография была из его выпускного альбома. «СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова, год основания 1897». Выпуск такого-то года, лечебный факультет. Тираж в 300 экземпляров. К 2013 году фотография довольно сильно устарела, но все равно его лицо было вполне узнаваемым.

Жаль, что все так заканчивается.
— И вот эти тоже.

Еще фотографии, несколько на одну страницу, распечатанные в одном цвете. Доктор Ляхин в вестибюле своей больницы, в группе врачей и медсестер. На ступенях «Ботного домика» в Петропавловской крепости. У трапа самолета, с раздутыми ветром волосами и смеющимся взглядом. Это было полтора года назад, короткий перелет между Нью-Йорком-Кеннеди и Балтимором-Вашингтоном-Международным, на каком-то мелком турбовинтовом самолете чуть ли не бразильского производства. Помнится, в нем у него

болели уши из-за плохой герметизации салона. Он помнил, кто сделал этот конкретный снимок. Но не понимал, как он и два остальных могли оказаться здесь, в чужих руках, через полтора часа после предъявления вполне способного пройти пограничный контроль, аутентичного паспорта на совершенно другое имя.

— *Довольно ли этого? Или мне рассказать что-нибудь поверхностное про ваш адрес, про задачу? Просто так, чтобы тогда уж этого хватило?*

Он все же не сумел ответить сразу, но его добило то, как удовлетворенно улыбался Филипп. В

какой-то мере это наверняка блеф, они не могут знать все. Про *Henderson field*, про место на шоссе. Но сам факт того, что прозвучало слово «Задача», означал очень большое число вещей. То есть «специалист по личной документации» не просто поймал человека с подложными документами и теперь планирует выяснять, сначала откуда они взялись, а затем все остальное. Здесь он, в общем-то, действительно в целом уже понимает, зачем именно они ему были даны. И это не просто паршиво. Это уже конец.

Николай отрешенно вспомнил глупый детский анекдот про

Штирлица, так же отрешенно подумал, что счастливому американцу, пожалуй, дадут орден. Потом вспомнил, что орденов в США нет, только медали. Какое-то это имело у них исходное значение, что-то связанное с отрицанием кастовости и титулов, поверхностным проявлением которых являются как раз «ордена», в смысле объединения их кавалеров. Глупо...

— *Мне совершенно не сложно говорить по-русски. Верите?*

— *Да, я верю...*

В этот раз он тоже ответил по-русски. Чего уж тут.

— Ну вот и хорошо. Я не уверен,

но из вашей команды вы первый. И это очень хорошо.

Филипп пару секунд подождал ответа, но не дождался.

— Вряд ли кто-то еще пойдет через этот пост. Сегодня. Этого мы не знаем, но я так думаю. Ваше появление было неожиданным, честно признаюсь. Мы знаем, кто вы, зачем и куда двигаетесь, — но не имели понятия, где и как. Сейчас принято недооценивать старые методы идентификации, альбомы с фотографиями кажутся древностью. Но до сих пор работает. Мне кажется, у нас до сих пор верный баланс между той ценностью, которую придают «старым проверенным» и

«НОВЫМ ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ»
методам. А?

«Не имели понятия», —
произнес про себя Николай. Да,
Цэрэушник действительно здорово
говорил по-русски. Не стопроцентно
чисто, но богато. Его собственному
шведскому было до такого очень
далеко.

— Да.

Ответ вышел забавным: на такие
разглагольствования — так коротко.
Но американцу хватило. Он опять
лучисто улыбнулся.

— Не тревожьтесь так. В общем-
то все будет хорошо. Я даже не
собираюсь проводить допрос,
задавать вопросы прямо сейчас.

Странно, правда? Вы наверняка знаете, что это рекомендуется и практикуется всеми. Только зачем? Через два-три часа вас перевезут в Хельсинки, там вами будут заниматься другие люди. Обращаться с вами будут хорошо. Хотя это, конечно, зависит только от вас. Я понятно говорю?

Николай кивнул.

— Ну вот и хорошо. Если хотите все-таки что-нибудь рассказать мне, то пожалуйста, я задержусь. Нет? Тоже ничего страшного. Увидимся скоро, я еще подойду, буквально через три минуты. Если захотите в туалет, вас отведут.

Говоря, он собрал листки со

стола в ту же папку, сунул в нее же паспорт с гербом Республики Сингапур на обложке. Неизвестно сколько стоивший, но не продержавшийся и секунды просто потому, что в ЦРУ знали список участников операции с самого начала. Сколько им это стоило? Как им это удалось?

Николая трясло. Он до сих пор не верил, что столько сил и времени ушли впустую. Что все это по-настоящему: война, задача, суматошное переодевание на заднем сиденье везущей его к границе машины, пограничный контроль, эксперт ЦРУ. Не по телевизору, не в кино. ЦРУ было настоящим, как бы

ни отрицали это поклонники либеральных идей по всей России. Вместе с УНБ ЦРУ занималось шпионажем, терроризмом и противодействием шпионажу и терроризму на своей и чужой территориях. Оно было там, оно было здесь, — и оно поймало его, провалившего все ровно в одну секунду, еще при пересечении границы. Это вызывало ужас.

Все было как в дымке — ощущение нереальности было для Николая жутким, интенсивным, как никогда. Американец подошел ближе и еще раз тепло улыбнулся, глядя ему прямо в глаза. Он прекрасно понимал все чувства стоящего

напротив него человека —
выглядевшего моложе своих лет,
отдавшего годы своей стране. И
проданного за довольно небольшие
деньги и ничего не значащие
обещания каким-то другим
человеком, на самом деле никогда в
жизни его не выдавшим. Можно было
предположить, что мелкой сошкой,
как обычно и бывает, но кто знает,
как было на самом деле? Десятки
планов, десятки готовившихся годами
операций, сотни людей. Списки
настоящих имен, мегабайты
настоящих фотографий, переснятых
из чужих дел, иногда сами дела в
большей или меньшей степени
полноты. Да, этот врач был одним из

самых малоинтересных персонажей, однако сама операция была одной из наиболее серьезных, значимых проектов русских, — вообще из всех им известных. Не его дело было анализировать лежащую в ее основе стратегию, однако при поверхностном взгляде она выглядела верхом нелогичности. Было подозрение, что русские намеренно подставляют часть задействованных людей под удар, что было нетривиально и вызывало законные опасения. Не упущено ли при анализе плана их операции что-то действительно важное? Не отвлекают ли они внимание от реальных, действенных планов? От

настоящих, профессиональных сотрудников своей разведки, не дилетантов? В любом случае, идентификация и задержание одного из известных им исполнителей этой операции в первые же сутки «Свободы России» на пограничном контроле значили очень многое. Судя по всему, русские уже осознали, что война проиграна, и теперь торопятся успеть ввести в игру все оставшиеся у них фигуры. Абсолютно все. Фаланга пешек против тройного строя ферзей и ладей. Ну-ну.

Карточкой на струне «специалист по личной документации» провел по щели считывающего устройства замка,

отпустил, вслепую набрал тем же пальцем простой четырехзначный пароль. Сунул ногу в дверь, хмыкнув на прощание чужому, остающемуся в комнате лицу. Он действительно думал, что понимает все, что видит сломанного человека насквозь, с этим его туманом в глазах, — когда мозг выбирает, соскользнуть в защищающую нишу безумия или простой истерики, или остаться здесь, в реальности. В ожидании того, что впереди.

Он не был готов к тому, что произошло в следующую секунду.

Все это время, начиная от манипуляций со шнуром электрического адаптера, в руке

Эдварда Янглунда, снова ставшего сейчас Николаем, было зажато лезвие маленького изогнутого ножа. «Когтя» — короткого *LaGriffe* производства калифорнийской «Emerson Knives». Сейчас, когда их разделял метр и когда все было ясно, Николай, не изменив застывшего на лице выражения растерянного, потрясенного человека, шагнул вперед. Правая рука вполоборота зажатого дверным проходом американца была занята папкой, левая дверью, но он был не пальцем делан, его тоже учили. Он ударил левой, выворачиваясь из-под удара, но «коготь» даже при своих минимальных размерах удлинил укол

русского указательным пальцем ровно на три не хвативших ему сантиметра. Выдираясь назад, отбивая брошенную к своей шее руку, цэрэушник сам вырвал лезвие в чужих пальцах из себя, выиграв десяток сантиметров и мгновение, но даже не сумев осознать, что проиграл уже все остальное. Кровь ударила вбок, из разрезанной самым кончиком ножа артерии. Он прожил еще несколько секунд, но так и не понял, как все это могло случиться.

Николай отшагнул назад, задыхаясь, борясь с желанием дико закричать. «Раз, два, три», — отчетливо и ясно отсчитал он про себя. Дверь закрылась уже несколько

секунд назад, и пока в нее никто не бился, за ней не топали ботинки, не раздавались команды на финском. Он все еще был один.

Маленький нож на кончике указательного пальца. Не предусмотренный ничем, никакими инструкциями. Наверняка своим видом заставивший бы преподавателей орать на него все отведенные на очередное занятие часы. Но он не был в аэропорту, в самолете, когда нельзя иметь даже картонную имитацию ножа, — не то что настоящее лезвие, каким бы коротким оно ни было. В норме «коготь» носился на шее, защищенный акриловым

прямоугольничком ножен, и со своей скелетонизированной рукояткой весил всего около 40 граммов. Им невозможно было отбиться от собаки, и в подавляющем большинстве случаев он был бесполезен в уличной драке или тем более в бою. Но автомобилистов никто не обыскивает при пересечении границы, и на МАПП нет металлоискателей. Это тоже граница, тоже контроль, только не такой, к которому привыкла львиная доля путешественников. В машине Николай снял лезвие с шейного шнурка и переложил его в «большую» сумку, потому что в Финляндии нельзя иметь нож в

общественном месте «при себе», любой. Но в машине можно, и в багаже тоже. Он был без машины, и не сдал нож в самолетный багаж, потому что ситуация была особая, и это было ясно всем. Осмотр его синезеленой багажной сумки пограничником не грозил ничем страшным, кроме конфискации и, наверное, штрафа. Но этот осмотр оказался поверхностным, и маленькое изогнутое лезвие под твердой прокладкой на ее дне осталось незамеченным. А когда прошло время, он рискнул иметь его именно «при себе». Однозначно непрофессионально, нелогично, почти бредово. Но именно это

позволило в какой-то мере «сравнять счет». Если бы после затянувшегося ожидания все закончилось бы благополучно, Николай сунул бы «коготь» из мокрой ладони обратно в сумку вместе с нетбуком. И потом чувствовал бы себя придурком, напрашивающимся на неприятности. Но не закончилось.

«Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать...»

Он уже засунул содержимое легкой картонной папки в ту же сумку, сунул паспорт в карман, срезал карточку со струны лежащего. На карточке было написано «*Vieras 03*», и Николай не узнал этого слова^[44]. Было глупо заставлять себя

не взглянуть на черный шарик колпака под потолком, но он заставлял: одной глупостью больше, одной меньше? Да, ему уже приходилось убивать, в том числе своими руками, — но та война осталась уже вдалеке, он уже почти все забыл. Поэтому дышать было все еще трудно. Гораздо труднее, чем тогда.

«Сорок два, сорок три, сорок четыре...»

Полоса крови на полу все расширялась, скоро она доползет до двери и сунется под нее. После этого времени не останется совсем. Он внимательно осмотрел свою одежду еще раз. Обувь чистая, брюки чистые,

на плечах снова застегнутая куртка из бурой кожи. Если на джемпере и есть мокрые пятна, то они скрыты. Сумка с дорожными вещами на ремне, перекинута через шею, сдвинута назад. Ну, получится или нет? Все еще было тихо, и ждать чего-то еще Николай не собирался, проще покончить с собой прямо тут. Если за одной или другой дверью финн, все кончится понятно, но какой смысл просто доживать минуты здесь, в обществе убитого врага? Еще раз подумалось, что все произошедшее было невозможным. Провалившись на первой же проверке, он должен был остаться в запертой комнате, и потом

получивший свое американец привел бы нескольких ребят с профессиональной подготовкой, обеспечил бы охрану и транспортировку. Как он сказал, — «буквально через три минуты». Сумку бы забрали именно тогда, вынули бы ремень из крепких черных джинсов, шнурки из неновых дорожных ботинок с ярлычком сингапурского мастера на стельке. Радуюсь победе. А почему нет?

Когда «Филипп» открыл дверь, он набирал цифры зигзагом, слева-направо. Используя его карточку и получив многообещающее мигание желтого светодиода справа от кнопки «0», белый от ярости Николай

провел пальцами так же. «1», «5», «9», «0». Те же смешные мышинные «ни-ни-ни-ни» замка, затем пауза в секунду, когда сердце остановилось и черная пелена в глазах чуть просветлела. «Сч...»

Он прикрыл веки на мгновение, просто чтобы дать себе вздохнуть, затем провернул теплую металлическую ручку натянутым на пальцы рукавом тонкого джемпера. Коридор был коротким, стеклянная дверь, ведущая на улицу, виднелась всего метрах в четырех. На этой двери замок был обычным, а не электронным, и сейчас он не был заперт.

За дверью было холодно, так что

он чуть не закашлялся. И здесь уже были какие-то звуки. Шипение двигающихся за зданием машин, голоса людей. Аккуратно прошагав по изогнутой буквой «Г» дорожке, Николай вышел к автопарковке, поместившейся в пространстве между двумя флигелями того же дома со стороны, противоположной той, с которой он пришел столько времени назад в сопровождении финского пограничника. Было уже довольно темно, проведя больше полутора часов в не имевшей окон комнате, он этого не понимал. На его глазах одна из дверей открылась, из нее выскочил крепкий мужик в распахнутой на груди кожаной

куртке. Почему-то было совершенно ясно, что он русский.

— Все?

— Да ну, какие все?

Мужик присоединился к небольшой группе людей, стоящих у закрытой двери очередного микроавтобуса. Тоже белый «Фиат», только раза в полтора крупнее первого, доvezшего Николая и остальных до этой стороны границы. Он посмотрел на номера — финские. Восемь человек, из них шесть женщин среднего возраста и двое мужчин: вышедший был уже девятым, и, соответственно, третьим. Все выглядели растерянными и злыми, у половины женщин глаза

были на мокром месте. Никто не сказал ему ни слова, потому что он был таким же, как все: в куртке, с сумкой, с похожим выражением на лице. Чуть моложе большинства, но не всех.

Один из мужчин молча сунул ему сигарету, дал прикурить, кивнул в ответ на такой же молчаливый кивок. Подошел еще один мужчина, со злобой сплюнул на землю, достал свои собственные сигареты, тоже закурил. Николай считал доли минут, стараясь не думать вообще ни о чем, потому что не видел никаких вариантов, ни одного. Он не шпион, не агент 007, чтобы пройти через врагов, размахивая ножичком с 3-

сантиметровым лезвием, которое жгло ему бок изнутри левого кармана. Он не может ничего, и было глупо не понимать этого с самого начала.

— Вот, наконец-то...

Еще одна женщина, с двумя тяжелыми сумками в руках, — один из мужчин сунулся навстречу, помог. Женщина и так плакала, а освободив теперь руки, начала все сильнее подвывать, стараясь утереть все слезы сразу. Шагающий за ней немолодой финн в черной форме с теми же желто-красно-черными нашивками что-то успокаивающе гудел, не понимаемый никем.

Еще сколько-то секунд, и

выбежал еще один финн, сказавший несколько слов вышедшему перед ним пограничнику. Курящие покидали сигареты, — половина в урну, половина себе под ноги. Чувствовалось, что финны это увидели, но не сказали ни слова: видимо, все понимали.

Второй из финнов, который был в приторно-зеленой светящейся накидке поверх пуховика, открыл машину и завел мотор. Все полезли вовнутрь, мешая друг другу сумками. В некоторых звякало, в других лязгало железом — все везли что-то свое. Пограничник подошел к двери за последним севшим, оглядел всех, что-то спросил. Один из мужчин

ответил ему по-фински, остальные просто сидели. Не столкнувшись с Николаем глазами, пограничник оглядел всех и с силой закрыл дверь, громко хлопнув ее обрезиненным краем.

— Бляди, — очень спокойно сказала оказавшаяся рядом женщина лет сорока. Крашеная блондинка с приятным строгим лицом, на котором были усталость и холодный гнев. — А ты что, не согласен?

— Согласен, — буркнул Николай, не уверенный, кого она имеет в виду, но уже догадываясь.

Женщина ничего больше не сказала и вообще так и не повернулась в его сторону. И хорошо,

потому что сердце снова начало давать перебои и каждый раз это отражалось в его глазах. Его не волновал убитый враг — то ли третий, то ли четвертый на его счету за все годы, за третью боевую или приближенную к боевой операцию и за вторую настоящую войну. Но он не знал, что будет впереди, что случится быстрее — кончится неполный километр впереди, проходимый на скорости «30», как предписывалось знаками по сторонам, или кончится отведенное ему каким-то неведомым чудом время.

— Во, уже наши...

Здоровенный мужик в плоской утепленной кепке «под Ватсона»

полуобернулся к Николаю и женщине со своего сиденья впереди и искажился лицом, будто не мог произнести сидящие в горле слова.

Они подъехали, и водитель прижал машину к тротуару рядом с длинным зданием, в котором размещались какие-то службы. Стойки пограничного контроля были справа, а таможенники подошли почти сразу, как из «Фиата» стали выходить первые прибывшие.

— «Орбита»? —

поинтересовался таможенник в форменной куртке с погонами старшего прапорщика.

— Да... — довольно зло ответили ему вразнобой несколько

человек.

— Ничего, ничего, —
неожиданно по-человечески
произнес таможенник. — К
досмотру есть у кого чего?

Люди смолчали, и тот просто
указал на тротуар. После минутной
толчеи и кряхтения все пооткрывали
сумки, и таможенник с
присоединившимся к нему еще
одним старшим прапорщиком быстро
прошелся по ним.

— Шины бросил, — со злостью
произнес один из мужчин. — 400
евро отдал, плюс дорога. Думал,
сэкономлю.

Таможенник ничего не сказал,
но мужчина заткнулся. Впрочем,

было ясно, что он сказал это просто так, просто чтобы выплеснуть эмоции.

— А чего 12 человек? Звонили же, что 11, — вдруг спросил первый из таможенников второго. Тот пожал плечами, старший прапорщик осмотрел всех, тоже пожал плечами и снова склонился над очередной сумкой — в ней были сплошные морепродукты в ледяных пакетах, вложенных в фольговые карманы.

— Рыбу нельзя сырую, — равнодушно сказал он и сам поморщился своим словам, махнул рукой. Женщина снова заплакала, подтягивая к себе сумку.

— На паспортный контроль, —

бросил он, поворачиваясь ко всем спиной. Несколько человек из их группы уже были у будки пограничницы, молча и деловито ставящей штампы, будто ничего и не было, будто все было как обычно.

— А там как? — вдруг спросил оставшегося позади всех Николая второй таможенник, стоявший прямо за его спиной.

— Да я и не знаю. Я не сумел пройти, меня оттуда завернули, в километре, — честно ответил он.

— Это как?

Николай не нашелся что сказать, потому что просто не представлял, как можно объяснить произошедшее.

— Ты не с «Орбиты», не из

назад отправленных?

Он снова смолчал, только пожал плечами. Это было даже смешно.

— К пограничной службе меня отведите, пожалуйста, — вежливо попросил он. — Потому что у меня и паспорт непростой, и случай особый.

Николай показал таможеннику паспорт из своих рук, не открывая. Тот приподнял брови «домиком», обернулся влево и вправо. Подумал. Повел.

Через три минуты слово «Асигару» было произнесено вслух в первый раз из многих. Через пятнадцать впервые прозвучало слово «Везучий». Его новое рабочее имя.

Воскресенье, 17 марта

Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое, и хватит врать про права человека и про правозащитников. А то как бы не срубить сук, на котором мы все сидим.

*В. И. Новодворская
статья в газете
«Новый взгляд»
№ 46 от 28
августа 1993 г.*

Руководящий директор полиции
Метрополии Берлин Карл Густав
Эберт клацал зубами о край
принесенного напуганной
секретаршей стакана и скулил.
Именно скулил, как напуганный или
безнадежно голодный маленький
щенок, как не умеющий еще говорить
ребенок, потерявший родителей. Два
находящихся в его кабинете
полицейоберрата, в том числе
начальник экстренной полиции

Берлина, смотрели на происходящее, стоя в метре от него. Десять минут назад им не могло прийти в голову, что руководящий директор сорвется. Что завоет, запрокинув голову, захрипит, отбиваясь от бросившихся к нему людей, — те приняли это за начало эпилептического припадка или за то, что он чем-то подавился. Хорошенький конец делового совещания в середине дня.

— Герр руководящий директор... Карл... Вы слышите меня?

Разом постаревший на десять лет человек обвел глядящих на него нездоровым, мутным взглядом. Задержался на мгновение на лице

секретарши, притоптывающей на месте от непонимания. Не знающей, что ей делать дальше, куда бежать, кому звонить. Не отвечал он долго, потом хрипло произнес: «...Да».

— Не время плакать, Карл. Совсем не время. Марта! Выйдите отсюда немедленно. Нет, лучше принесите еще воды, сейчас же.

Секретарша бросилась исполнять, так и не убрав выражения ужаса с лица. Как только дверь за ней захлопнулась, второй из офицеров заговорил быстро и четко, как с контуженым или тяжелораненым, который плохо слышит и плохо понимает происходящее, оглушенный болью и

сконцентрировавшийся на
собственных ощущениях.

— Карл! Мы знаем друг друга почти двадцать лет. Мы знаем цену друг другу. Это не наша весовая категория. Надо что-то делать, Карл!

— Что?..

По голосу было ясно, что Эберт вот-вот сорвется снова, и он заговорил еще быстрее, пока секретарша не вернулась. Этот офицер являлся заместителем начальника Полицейской инспекции полицейской специальной службы, его ранг соответствовал армейскому лейтенант-оберсту. Он не должен был здесь находиться.

— Список, Карл. Нужен список

ключевых имен, срочно. Ты должен созвать экстренное совещание, объявив произошедшее угрозой для безопасности государства. Совещание по «вновь открывшимся обстоятельствам» дела Дерека Йетера. Ты руководитель *Sonderstab-I*, межведомственной крим-группы! Вспомни, она расформирована, но дело еще не закрыто, террористов не изобличили! Карл!

Секретарша вбежала назад, не стукнув в дверь, и офицер обернулся на нее с гневом, — но она исчезла тут же, едва успев поставить поднос со стаканами на край стола.

— Давай же, Карл! Директор дирекции федеральной полиции,

президент дирекции федеральной полиции, начальник инспекции федеральной полиции!..

— Подразделение ÖS... — глухо продолжил Карл Эберт за ним, вытолкнув из себя слова, как сгусток крови.

— Да, именно так! Чертова «Öffentliche Sicherheit»^[45], плюс те, кого они контролируют. Не только криминальная служба, но еще федеральная служба по охране Конституции. Это касается именно их! Кто еще?

— Я не вижу в этом смысла...

— Карл, очнись! Мы столько лет ловили с тобой насильников и убийц! Мы защищаем эту страну, наш народ!

Вспомни! Нас использовали, как гондоны, ты готов с этим смириться? Да, использовали! И этого наркомана Йетера, и меня, и ту молодежь, которая гоняла его по зассанным подвалам, и тебя! И вице-канцлера тоже использовали, ты можешь в это поверить?

Вопрос был дурацкий, неправильный. Руководящий директор полиции поверил в произошедшее раньше всех их, только прочитав пришедший ему факс. Именно поэтому он и завыл. Они здесь были совершенно ни при чем.

— «Федеральное правительство может применить полицию

Германии для защиты от угрозы целостности государства или свободному демократическому и конституционному строю Германии или ее земель, чтобы устранить опасность, угрожающую обществу или отдельной личности», — быстрым, строгим голосом процитировал начальник экстренной полиции. — Я поддерживаю предложение Фрица. Там, за восточной границей, гибнут наши ребята, гибнут тысячи людей, которых использовали втемную, и мы все понимаем, для чего именно. Это не просто наш долг — известить канцлера и правительство Германии о новых фактах в этом деле. Это

наша святая обязанность, по сравнению с которой меркнет все. Мы обязаны поднять федеральную службу по охране Конституции по боевой тревоге, как военные! И действовать быстро! Скрытно и быстро! Наши жизни тоже под угрозой, нас могут просто ликвидировать.

— Причем прямо здесь. Тут же. Представляете себе цену вопроса? Они убили вице-канцлера Германии!

Эберт всхлипнул. Сердце в его груди дало сдвоенный удар, потом пропустило один, потом снова пошло. Он прекрасно знал, что это означает, но мысль о том, что надо достать лекарство из флакончика во

внутреннем кармане кителя, была пустой, неважной, и он не сделал ничего.

— Твари. Они всегда готовы были на подлость, но подставить нас так... Если все это не вскроется, если они заткнут, убьют и того парня, и даже нас, и даже секретаршу... Сожгут этот факс, сожгут его исходную копию, сотрут звонок из списков входящих здесь, исходящих там... Уложат полицейских, ходивших сейчас к Йетеру, того умника, раскрутившего все и отославшего это тебе... А они могут, — об этом знают пока слишком мало людей! И тогда все это продолжится! Десятки тысяч немцев

погибнут на пути от Бреста до Москвы, — а потом, может быть, и на обратном пути, черт побери! Нам ли не знать?! И это еще если русские так и не запустят свои ракеты, как не запустили их до сих пор. И лично я на их месте запустил бы — и за океан, и по нам! Да, запустил бы, сразу же, и не надо на меня так смотреть!

Он остановился, задыхаясь. Снова взял из руки товарища факс, проглядел. Несколько страниц были переданы вместе — приняла входящий не секретарша, а сам руководящий директор полиции, на собственный аппарат, и никто не разрезал лист до сих пор. Мягкая

глянцевая бумага загибалась сверху и снизу, стремясь повторить форму рулона. Она жгла руки.

— А если мы пройдем до конца, если у герра директора Подразделения ÖS хватит крепости тестикул... Если у фрау канцлер хватит того же самого... А кто бы сомневался... Когда всем станет известно, что Бундесвер понес чертову свободу этой чертовой России в ответ на посыл этих... Затраханых...

Лицо полицейоберрата перекосило страшной гримасой, он замолчал, потому что ему не хватило воздуха продолжить.

— Дерьмо.

— Вот уж точно.

Исключительно метко сказано.

Руководящий директор полиции обвел обоих тяжелым, страдающим взглядом. Сердце билось с перебоями, как хлебнувший неправильного топлива автомобильный мотор.

— Мы ждем, что ты скажешь, Карл. Делать это надо. Мы не сможем жить, если смолчим.

Взгляды всех троих скрестились на загнутом по краям белом листке. Текст, набранный крупным шрифтом, чтобы было разборчиво при передаче. Фотография, вторая фотография, третья фотография, снова текст, и снова несколько

фотографий. Высокий и некрасивый человек с круглым лицом. Капитан Джеффри А. Мартин, армия США, второй помощник военного атташе в посольстве США в Варшаве, полковника Джеффри Снелла. Вот они вдвоем с атташе, вот вдвоем собственно с послом. Подпись указывает, что это «Посол США Ли Фейнштейн», и по его лицу видно, что он в высшей степени доволен своей карьерой и уверен в будущем. Еще пара официальных фотографий — чуть размытых при передаче по факсимильной связи, но все равно хорошо читаемых. Есть причины, по которым не использовалась электронная почта или режим

передачи по факсу
высококачественных изображений.

— Дерек Йетер узнал его без колебаний. Это тот, о котором он говорил. Один из нанявших его, пусть не главный. Говоривший по-русски. Угрожавший. Плативший. Он имеет к этому отношение. Помощник атташе. Мы знаем, кто бывает помощниками атташе.

— Сколько фотографий Йетер просмотрел? — спросил один из офицеров, поджав губы так, что его усы опустились.

— Все. Все, сколько здесь есть, вырезанными из текста, разумеется. Вразбивку с оформленными в том же стиле другими, — похожие типажи,

сходные позы. Их были десятки, но он ни разу не ошибся. Ни одной ложно-положительной реакции, ни одной ложно-отрицательной. Это тот человек. И в посольстве, и на автовокзале.

— Он был там один.

— Да, один, — подтвердил Эберт. — Международный автобус «Берлин — Вроцлав/Бреслау — Краков — Перемишль», компания «*BerlinLinienBus*». О господи... Карл, это ты тогда сказал про автобус «Берлин — Краков»?

— Я.

— Господи...

Замначальника	Полицейской
инспекции	полицейской

специальной службы прижал одну руку к лицу, потом отпустил. Лицо его было страшным.

— Такое называют чудом. Кто-то из этого кабинета передал твои слова буквально, кто-то из мальчиков очень старался. Столько дней... Тысячи часов видеозаписей, тысячи имен в списках людей, зарегистрированных пограничными подразделениями. Они наверняка могли ехать и на машине, почему автобус?

— Границы тогда действительно хорошо проверяли. Аэропорты, железнодорожные терминалы, автомобильные пропускные пункты. Морские и речные порты и

автовокзалы традиционно пасут слабее, что ни сделай. Вы же не думаете, что его задачей было сэкономить 50 евро, заплаченных за «билет рабочего дня»?

— Черт знает что... Неделю спустя, по чужому паспорту на другое имя, в раздолбанном автобусе. Из Берлина во Вроцлав и Краков... Пусть один — понятно, что им легче было путешествовать по отдельности. Рёслера давно похоронили к этому времени, вице-президент Байден возлагал цветы. Мне одному кажется, что мы все сошли с ума?

— Это могло бы быть совпадением. Могло бы. Если бы не

второй. А я сомневался, что двух остальных удастся идентифицировать, их фотороботы вообще никакие. Но это...

— Здесь тоже без сомнений.

— Абсолютно.

На некоторое время все трое замолчали, опять по очереди пустив по кругу листок. Джойл Ньюман, личный помощник третьего секретаря посольства США в Германии Винсента Дж. Симеона. Мелкая сошка. С нейтральным, обычным лицом, тем не менее хорошо запомнившимся Дереку Йетеру, — этот молодой наркоман и воришка действительно вовсе не был тупым. Имя Симеона было поднято

«по цепочке», просто догадливым офицером криминальной полиции, случайно ухватившим хвост в виде нескольких секунд видеозаписи с одной из камер автовокзала, начавшим проводить ассоциации и закончившим составлением альбома с фотографиями сотрудников посольств, авиакомпаний и торговых представительств США в Европе. Самая вершина пирамиды, лежащие на поверхности или почти на поверхности имена, доступные в Интернете фотографии, — для «личного помощника третьего секретаря» их обнаружилось всего две, причем обе очень далеко от веб-страницы посольства. Но Дерек

Йетер узнал среди сотен мужчин и Ньюмана. Интересно, что этот американец тоже не был главным в тройке общавшихся с ним людей, говоривших между собой по-русски, как удалось достоверно установить после многих часов начитывания парню текстов на разных языках, до португальского включительно. Что и позволило объявить о наличии «русского следа» в убийстве вице-канцлера. И здесь не имело значения то, что все это было лишь косвенными уликами, — в конце концов, никто не поймал Ньюмана, Мартина и неизвестного третьего с дымящимся тубусом «Рыси» или «Шмеля» в руках. Возможно, стрелял

даже кто-то другой, не они, — но они наверняка пожали тому человеку руку и до, и после произошедшего. С точки зрения любого полицейского, показания были достаточными для подачи запроса на получение ордера на арест подозреваемых, не будь они дипломатами. «Дипломатический агент пользуется иммунитетом от уголовной и административной юрисдикции». «Дипломатический агент не обязан давать показания в качестве свидетеля».

— Ну, кто будет звонить? Время идет, Карл. Люди гибнут каждую минуту.

— Я позвоню. Сейчас. Я вот что хотел спросить...

— Да, говори.

— За последние полгода. Что было самое заметное из международных скандалов и событий мирового масштаба за последние полгода? Из всего вместе?

Пауза была в секунду, потом оба офицера ответили разом.

— Убийство вице-канцлера.

— Да, но я не про это. Еще.

— Гибель русской подводной лодки на той неделе. «Саратова», подорвавшегося на собственных торпедах во время учений.

— Браво, Фриц. Что еще?

— Нападение на атомную станцию под Ленинградом. Отбитое охраной, пусть и с большими

потерями. И потом скандал с тем, что у террористов было химическое оружие. Гранаты к ручному противотанковому гранатомету, снаряженные GB.

— И снова браво. По-американски GB, по-немецки Зарин, он же Т-144 или IMPF. Это знаю даже я. Кому, как не русским, быть виноватыми в том, что он оказался у террористов, пусть они и не сумели его использовать? Вице-канцлера с его людьми сожгли ведь русским штурмовым гранатометом, правда?

Оба смолчали, уже все поняв, но давая руководящему директору полиции договорить.

— Тот парень из разведки

бундесвера, которого включили в межведомственную крим-группу, он не врал. Он ни разу не сказал, что это русский гранатомет. Наоборот, он долго мучился, пока не заключил, что он «почти наверняка русский». Но все это, вместе с результатами допросов Йетера, такими конкретными и богатыми деталями, привели к одному. Генерал Фриирс ломится сейчас во главе наших ребят вперед, к Смоленску и Москве, а большая часть страны подбадривает их старыми криками «*Drang nach Osten!*», «*Gott mit uns*» и «*Deus lo vult!*»... [\[46\]](#) Скоро подключится Люфтваффе, если они еще не подключились. Бритоголовые

маршируют по улицам, а лысые от старости старики стучат костылями — кто от восторга, а кто и от страха перед тем, что будет. И в этом виноваты мы. Господи, простишь ли ты нас за это?..

— Эти три истории... — негромко спросил начальник экстренной полиции города, — как, по-вашему... Они одинаковые? Одной природы?

— Я не знаю. Но то, что я сейчас испытал, — это было кристально, как «прокол сути» из книжек. Что-то меня заставило тогда подумать про этот автобус до Кракова. Не до Варшавы. Хотя я сроду не ездил на таких автобусах,

даже в молодости. И вот что-то такое же толкнуло меня теперь. Очень похоже на то, что и субмарина, за которую так яростно набросились на несчастный русский флот, и те террористы с химическими гранатами, — все это может иметь какой-то общий подтекст.

— Меня еще тогда как-то напрягло, — задумчиво заметил полицейоберрат, которого Эберт назвал именем Фриц. — Тогда не было ни одного комментария по Евровидению или RTL, или ZDF в стиле «Вот какие русские полицейские молодцы. Они спасли Европу от чеченских террористов, собиравшихся взорвать АЭС прямо у

нас под боком». Нет, только «русская угроза», «вопиющая безалаберность», «провал с точки зрения безопасности».

— А мне не приходило в голову с такого угла на это смотреть. Я тоже напрягся.

— Можешь не беспокоиться, большинству не приходит и сейчас, — буркнул Фриц. — Коллеги, мы вот говорим, уже умничаем, а время идет. Там оно идет на минуты, там гибнут люди. Давайте же звонить, наконец. Фрау канцлер, когда до нее новости дойдут, — она такое устроит!.. Она способна на резкие движения, вы в курсе. Представляете, если она даст задний

ход? Объявит истинно виноватых в прямом обращении к народу, даже к Европе...

— Да только толку не будет.

— В каком это смысле?

— А вы вспомните Югославию и Ирак. Как Йошка Фишер и Рудольф Шарпинг^[47] захлеб и неделями рассказывали журналистам про грандиозные концлагеря и братские могилы. И как концлагеря потом оказались боснийскими, а в найденных могилах лежали сербы, но войну это уже не остановило... В том числе войну нашу, когда их бомбили «Торнадо» нашего с вами люфтваффе... Хотя бы в Ирак Шредер не полез! Несмотря на все

разговоры о том, как активно иракцы производят безмерно угрожающее нам атомное и химическое оружие...

Все снова помолчали.

— Я попробую этому парню сейчас позвонить, — заметил Эберт, доставая из боковой тумбы стола потертую записную книжку и тут же снова садясь. Его раскачивало не только стоя, но и прямо в кресле, так плохо работала голова. С этим надо было что-то делать, но и в самом деле было некогда.

— Вот, нашел.

Он быстро нащелкал номер на своем аппарате, оглядывая офицеров, севших в кресла напротив. Подождал, потом отрицательно покачал

головой.

— Телефон отключен.

— Он вполне может быть уже там, — коротко заметил начальник экстренной полиции, и остальные кивнули: это было верно. Слишком много немцев были сейчас или в Польше, или в прибалтийских государствах, или уже в России. Да, возможно, что молодой майор сейчас именно там.

— Тогда...

И в этот момент на столе человека, управляющего работой тысяч профессионалов ради спокойствия граждан «Метрополии Берлин», включающей сам Берлин и землю Бранденбург в целом,

зазвонил телефон. Старый, в крупном корпусе с выступающими квадратными кнопками. Он к нему привык.

— Руководящий директор полиции Эберт, — негромко произнес он в трубку. Вскинул глаза. Кивнул. Помолчал. Потом кивнул еще раз и коротко произнес: — Слушаюсь. Выезжаю через пять минут.

Очень аккуратно положил трубку на аппарат, взялся за грудь и несколько раз нажал ладонью, будто помогая себе вздохнуть. Зачем-то оглядел верхнюю часть собственного кабинета, особо задерживаясь на углах комнаты. Криво улыбнулся

ожидающим его слов офицерам.

— Ни за что не поверите. Это сам герр Матиас Зигер, Штаб управления Президиума федеральной полиции, из Потсдама. При разговоре я должен был встать, наверное? С ним парламентский секретарь. И я оговорился, звонок был не из Потсдама, они уже на пути в Канцлерамт^[48]. Фрау канцлер позвонила им десять минут назад.

Оба офицера вскочили, Эберт поднялся сразу же за ними. Казалось, с его плеч упал огромный груз, и даже дышать стало легче. Может быть, все не так уж плохо? Федеральный канцлер действительно решительный и безоговорочно

смелый человек, она способна пойти на любой шаг. Обратиться к народу Германии напрямую. Обратиться к народам Объединенной Европы. Обратиться к народу и правительству России с открытым и искренним покаянием. Немедленно объявить об одностороннем прекращении огня, лишив Международные Силы трети боевой мощи. Предложить России любые извинения, любые компенсации. Остановить войска и немедленно начать их отвод, — не боясь даже прямой конфронтации с США, вплоть до обмена огнем между идущими сейчас по России плечом к плечу дивизиями бундесвера и армии США. Интересно, что это народ

может поддержать безоговорочно. Как ни странно, до выявления «Руки КГБ» в произошедшем 16 февраля на перекрестке Аллеи Кайзерины Аугусты и Бюссельштрассе покушении современные немцы гораздо лучше относились к России, чем к США. Может, срабатывает? Не может же современный человек реально хотеть воевать?

Вбежала секретарша, снова с тем же ужасом на лице, будто и не выходила из этого кабинета на два десятка минут.

— Срочно машину до Канцлерамта. Полицейский эскорт. Усиленный. Я не шучу. Живо, живо!

Он выключил компьютер,

закинул лежащие на столе бумаги в сейф, вынул оттуда же пистолет в кобуре и закрыл стальную коробку поворотом рукояти. Сложил в несколько раз лист факса и сунул его в карман кителя. Быстрыми шагами пересек кабинет.

Теперь он выглядел совсем иначе — не сломанным судьбой, плачущим немолодым человеком, а уверенным в себе офицером, каким они все привыкли его видеть.

— Герр директор, Карл. Я поднимаю своих. Половина эскорта будет моими ребятами из экстренной полиции. Мы успеем.

— Надо ли?

— У нас оружие и навыки. Мы

не денди из земельной полицейской службы. Да, Карл...

— Что?

— Ты не думаешь, что впереди у нас, в частности, общение с руководителем SEK-Берлин?[\[49\]](#)

— А ты думаешь, что нам придется брать штурмом посольство США?

— После подписей под фотографией круглолицего парня в международном терминале городского автовокзала я не удивлюсь уже ничему. Ты видишь их командира не каждый день, правда? Так я напому. Пятьсот ребят берлинской «Зондерайнзатцкоманды» возьмут штурмом, если надо, их посольство в

Варшаве, не то что дом на Паризерплатц.

Они уже бежали по лестнице вниз — оба полицейюберррата прикрывали Эберта спереди, держа руки на открытых кобурах. Сам он нес свою портупею на согнутой и прижатой к животу руке, потому что не было времени ее надеть. Зрелище было такое, что немели попадавшиеся им по дороге полицейские и посетители дирекции.

Дежурившие у входа «на рамке» полицейюбермейстер и два полицеймейстера развернулись на них, как автоматы. Старший наряда коротким приказом остановил

очередного посетителя, неторопливо выкладывающего на стойку металлическое содержимое карманов, и освободил путь к стеклянной двери. Но им было не сюда, и все трое пробежали мимо, к спускающейся к служебному гаражу лестнице. Был и лифт, но до него надо было бежать почти вдвое дольше, поэтому задыхающийся Эберт выбрал этот путь.

В гараже их уже ждали несколько полицейских в разных чинах — явно только что прибывшие. Две полицейских машины, два мотоцикла.

— Сюда.

Они сели в одну из машин, и

Фриц на ходу начал наговаривать что-то в свой коммуникатор. Руководящий директор полиции Эберт ожидал, что после выезда из подземного гаража они переседут в его собственную разъездную машину, но та просто пристроилась сзади. Через квартал их нагнала еще пара мотоциклистов, в своих ярко окрашенных то ли желтых, то ли зеленых пончо со светоотражающими полосами, надетыми поверх кожаных регланов.

— Ты будто военную операцию проводишь, — с неудовольствием заметил Эберт бывшему сослуживцу.

— Не будь глупым. Все действительно серьезно. А

береженного бог бережет...

— Об этом уже знает слишком много людей.

— Не столько, сколько надо.

Следующие несколько минут все трое молчали, разглядывая улицы за окном. Собственная служебная машина руководящего директора полиции, не несущий проблесковых огней серо-зеленый BMW 525 TDI, так и продолжала держаться сзади, между двумя «Туранами» эскорта. Город ни в чем не изменился за день — разве что стало больше полицейских на улицах, о чем они и так знали. Те же магазины, те же люди на улицах — тепло одетые по случаю ветреной погоды, спешащие

по своим делам или к телевизорам. Даже центр выглядел совершенно нормально, только на пересечении Штромштрассе и Альт-Моабит, на краю парка Кляне Тиркгартен, проходил довольно заметный митинг.

— Притормози, — попросил Эберт, но водитель уже поворачивал и снижать скорость не стал. Митингующих тоже окружала полиция, но само сборище выглядело довольно мирным — не бритоголовые, DFU или «Прусское Дело», а чуть ли не хиппи. Бедные, этим всегда достается. Но затем и нужна полиция.

Они выскочили на виадук над Люненбургерштрассе и

параллельными с ней
железнодорожными ветками и тут же
нырнули к мосту через Шпрее —
Бундестаг и Бундесканцлерамт были
уже рядом.

— Я попрошу о вашем
участии, — заметил руководящий
директор полиции, и тут
замначальника Полицейской
инспекции фыркнул.

— Что?

— Я чувствую себя как один из
трех мушкетеров. Готовый полечь на
пути к Лондону.

— Мальчишка...

— Я ненамного младше тебя,
Карл. И у меня шрам от пули под
коленом — я дольше работал на

улицах. Если это поможет остановить войну, я лягу здесь.

— У тебя двое детей.

— Именно поэтому, Карл.

Именно поэтому.

Тот не нашелся, что ответить, — просто открыл и закрыл рот. Провожаемые взглядами прохожих, три полицейских автомобиля и четыре мотоцикла на большой скорости свернули на Паул-Лебе-аллее и остановились еще до съезда в паутину дорожек, опоясывающих Бундесканцлерамт — футуристическое здание из серого бетона и стекла. Закрывающий вход пост смотрелся смешно — два маленьких «Опеля Корса»,

поставленных капот к капоту, и три полицейских. Чуть смягчало ситуацию то, что все трое были в бронежилетах и с укороченными автоматами. Однако метрах в пятидесяти — еще на полпути к внешней автостоянке, но уже подальше от поверхностного взгляда — Эберт увидел две бронемашины, окрашенные в стандартные «три краски» бундесвера, и без каких-либо эмблем на бортах. 20-миллиметровые пушки, направленные на лабиринт выложенных на асфальт в шахматном порядке бетонных блоков, смотрелись достаточно серьезно. Можно было не сомневаться в том,

что правительственные здания в эти дни охраняются более чем хорошо.

По команде патруля, перегородившего дорогу, водитель предъявил собственные документы, и каждый из них протянул свое удостоверение личности. Полицейский обермейстер сверился с наладонным компьютером и сделал жест, после которого оба его напарника отступили на три шага и перекинули ладони на рукояти автоматов.

— Что за черт...

— Герр Эберт, ваше имя в списке есть. Ваших спутников — нет. Вам придется оставить их здесь либо обосновать их присутствие в

установленном порядке.

Карл Эберт успокаивающе взял напрягшегося товарища за плечо.

— Спокойно, Фриц. Без нервов. У ребят работа.

Три автомата смотрели прямо на них — и это при том, что у полицейских не было никаких сомнений в статусе прибывших. Наверняка они знали их в лицо. Будь хоть какие-то реальные сомнения — и они уже лежали бы на ледяном асфальте. В лучшем случае — просто ругаясь про себя, в худшем — простреленные насквозь.

— Герр руководящий директор полиции, вы можете проехать. Пересядьте в свою машину,

пожалуйста. Остальных прошу развернуться и освободить проезд.

Кивнув, Эберт обменялся со своими товарищами несколькими словами и пошел к BMW, за рулем которого находился закрепленный за ним водитель. Сквер вокруг Бундесканцлерамта был по-зимнему голым и просвечивал насквозь — панораму освежали только несколько рядов еще не очень высоких елок. По внешнему контуру ведущих к парковкам дорожек были расставлены цепочки бетонных кубиков, каждый выше колеса автомобиля. Но эти были привычными, а вот бетонные блоки внутри и тем более бронированные

машины — нет. Под довольно напряженными взглядами постовых его водитель провел машину между разъехавшимися в разные стороны патрульными малолитражками и начал аккуратно объезжать блоки один за другим.

— Старые «Мардеры», — заметил он как будто про себя. — А вон те поновее.

— Это какие? — машинально спросил Эберт, не очень-то разбирающийся в современной технике. Мальчишкой он наизусть знал все типы бронемашин и танков, состоящие на вооружении государств Европы, но те времена давно прошли.

— Вон, видите? «Пума» с 30-миллиметровой пушкой. Между деревьями справа. А вон еще одна. Кого они ждут, интересно? Русскую морскую пехоту? Демонстрацию пацифистов?

— Закрой рот и рули, — буркнул он нелюбезно. Нервная болтовня водителя отвлекала, мешала продумать формулировки. Даже самая простая мысль — может ли иметь какое-то значение то, что он явно прибыл раньше главы Президиума федеральной полиции и парламентского секретаря, — не давала на себе сконцентрироваться, ускользала. А ведь гораздо важнее было то, откуда они знают о «вновь

открывшихся обстоятельствах», что они знают, какова их ориентация, каков предварительный план. Заставить его и остальных молчать? Встать на его сторону и донести до канцлера информацию во всей полноте? Предсказать это было невозможно. Вряд ли канцлер примет его — она относится к совершенно иной весовой категории. Четыре золотых шестиконечных звезды на каждом из его погон не значат для нее много. Соответственно, сиюминутное развитие ситуации зависит от встречи «на первом уровне», с Матиасом Зигером. А люди продолжают погибать каждую

минуту, можно не сомневаться. И каждую минуту шансы остановить все это, дать задний ход становятся все ниже.

Снова кольнуло сердце, и Карл Эберт недовольно поморщился. На въезде на парковку у них проверили документы еще раз и еще раз проверили машину, с подсовыванием зеркала под днище и даже уже с собакой. Потом, на входе в здание, его проверили снова. Здесь пост был не смешанный, как второй, а чисто полицейский. Вообще же после минуты удивления на улице организация охраны здания стала ему ясной насквозь: в общем-то охрана конституционных органов федерации

и трех из министерств (иностранных дел, внутренних дел и юстиции) входила именно в компетенцию полиции дирекции Берлина. Теоретически он мог построить всех полицейских в этом здании в шеренгу и заставить петь скаутские марши. На самом же деле попробуй он обойти их собственных начальников нескольких уровней с каким-нибудь неадекватным приказом, и эти же люди уложат его лицом вниз прямо в холле, среди кресел для посетителей и цветов в кадках.

— Герр руководящий...

— Приехал ли герр Зигер?

— Одну секунду...

Встретивший его полицейский тут же отошел, начал с кем-то переговариваться по рации. Вернулся он через секунду.

— Они уже проходят контроль на периметре. Будут через минуту. Вы пройдете в кабинет или...

— Нет смысла, подожду здесь, — снова оборвал он молодого офицера. — Здесь есть вода?

Тот указал ему на кулер у стены и тут же обогнал на несколько шагов, вытащил пластиковый стаканчик из держателя, налил сам. По этому поводу Эберт подумал, что он то ли плохо выглядит конкретно сейчас, то ли постарел. Год назад такой учтивости можно было ждать разве

что от стажера.

Через минуту ведущие в холл с улицы стеклянные двери разъехались в стороны, и вместе со струей холодного воздуха вошли три человека: отлично знакомый любому полицейскому его ранга Матиас Зигер, один из наиболее высокопоставленных лиц всей федеральной полиции парламентский секретарь МВД Кристоф Бергнер и молодая женщина со смутно знакомым лицом. Эберт нахмурил брови — он почему-то ожидал, что «парламентским секретарем» будет Кристиан Шмидт, курирующий министерство обороны. Это было не очень логично, но

почему-то ему так подумалось, когда Зигер назвал ему должность. Впрочем, неважно. В обязанности парламентского секретаря, точнее, «статс-секретаря», входили поддержание связей между конкретным министерством и парламентом, его фракциями и комитетами. Каждый из этих довольно часто меняющихся на должности людей обладал достаточным уровнем власти, чтобы продавать сведения государственной важности на самый верх.

— Герр Эберт.

— Гер Зигер, герр Бергнер...

Фрау...

— Фрау Анна Шульц, мой

помощник. Герр Эберт, нас уже ждут, но два слова. У вас нет никаких сомнений?

— Я вынужден подтвердить, что нет, герр парламентский статс-секретарь. Ни малейших. Это действительно были они.

Эберт спиной чувствовал взгляды полицейских, охраняющих холл Канцлерамта. Ему не пришло бы в голову произносить вслух имена и названия государств в пределах слышимости не находящихся в курсе дела людей.

— Проклятье... Пойдемте, пойдемте, время не ждет.

Быстрым шагом все четверо пересекли холл и прошли в главный

корпус Бундесканцлерамта через широкий, уставленный зеленью коридор. Эберт далеко не в первый раз был внутри, но, наверное, впервые излишняя приверженность архитектора и дизайнера интерьеров здания «современным решениям» не вызвала у него раздражения.

— Тебе будет интересно узнать, как именно я получил эти документы, — на ходу буркнул в его сторону Матиас Зигер. — И мне еще более интересно будет выяснить, как получил их он. Потом займемся этим оба.

Парламентский секретарь шел в нескольких шагах впереди, занятый злым разговором со своей

помощницей, но на эти слова обернулся.

— Могли бы задать этот вопрос и мне, если он так вас беспокоит.

— Сейчас — не беспокоит.

— Вот именно. Лично меня тоже беспокоят только сиюминутные проблемы. О которых мы не думали неделю назад. И не думайте, что они отличаются от ваших — я имею в виду вас обоих. У нас теперь у всех общие проблемы.

Невысокий, хрупкого сложения, Бергер выглядел как человек, переживший войну. На его лице наверняка не были написаны все чувства, которые он испытывал, но читаемого хватало, чтобы его можно

было записать к себе в союзники. Несмотря на его репутацию в МВД, сложившуюся с момента назначения, и несмотря на его тон сейчас.

У входа в лифт прибывших встретил порученец администрации Федерального канцлера, и на нужный этаж они поднялись все вместе, в полном молчании. В эту минуту Карлу Эберту впервые пришло в голову, что вся эта охрана внизу, даже броневики, — это ерунда. В первые сутки войны с Россией, как бы ее ни называли тысячи политиков, канцлеру лучше было бы находиться в каком-нибудь из защищенных подземных центров управления. В большом количестве

построенных и в Западной, и в Восточной Германии в период с 50-х по 80-е годы XX века, с тех пор регулярно модернизируемых и в большинстве вполне готовых к работе и теперь. Вероятно, это тоже был жест — фрау Меркель готова разделить любую судьбу с народом своей страны. Если понадобится — сгореть в атомном огне. Возможно, это впереди. Русские не могут не понимать, что немедленное применение полной мощи их арсеналов оружия массового поражения — ядерного, химического, биологического — их единственный шанс избежать судьбы Ливии и Ирака. Есть ли у

канцлера и кабинета министров основания полагать, что этого не произойдет, что они не пойдут на это?

Еще один референт, совершенно незнакомый, но обратившийся ко всем по именам. К этому времени они прошли уже в приемную, в «Кабинет заседаний № 2», с собранным из секций громадным овальным столом: комбинации деталей из темного стекла и темного полированного дерева. Посередине стола — флажок Германии, на стенах — поясные портреты бывших канцлеров и великих государственных деятелей, начиная от Бисмарка, Каприви и Гогенлоэ и

заканчивая Кизингером и Брандтом.

Сев в расставленные вокруг стола кресла, все обменялись ничего не выражающими взглядами. Часы на стене двигали свои стрелки совершенно бесшумно, кончик самой тонкой, секундной, вздрагивал после каждого шажка. В шестистах километрах к востоку от кабинета умирали немецкие солдаты и офицеры, брошенные в обозванную «миротворческой операцией» войну, рожденную чужими провокациями. В тысячах километрах на восток, северо-восток и юго-восток умирали русские, которые теперь навсегда, окончательно утвердят в своей наследственной памяти стереотип:

«немцы — враги». Как сможет Европа существовать после такого? Как им всем не хватило мудрости, — остановить, пусть пожертвовав собой, своей дурацкой карьерой, налаженной жизнью? Не допустить этого!..

Минуты шли. Карл Эберт вынул из кармана неуместного в этом кабинете кителя полицейского офицера сложенный несколько раз листок, положил на стол перед собой. Зигер, Бергнер, Шульц — все трое покосились на него с такими выражениями на лицах, будто он положил на полированное дерево то ли сгусток свернувшейся крови, то ли живую змею.

— Дрянь... — негромко сказал Зигер. — Чертова дрянь. Это немыслимо.

Ему никто не ответил. Вице-канцлер Германии Филипп Рёслер был рожден во Вьетнаме в годы войны с США. Он был приемным сыном в семье немцев. Хороший военный врач, отличный экономист, превосходный политик, просто искренний, умный и хороший человек. Немец. Каждые свои выборы, на каждом этапе своей работы, он выигрывал почти со стопроцентным результатом. Если бы ему суждено было прожить еще 10 лет, он имел бы все шансы баллотироваться на должность

федерального канцлера. Но их ему не дали. И за это теперь заплатит германский народ.

Дверь распахнулась, и в кабинет быстрым шагом вошел человек. Сидящий к двери спиной Эберт торопливо встал, уже понимая, что это не Меркель, но еще надеясь, что ничего не изменилось, что это снова кто-то из ее секретарей, и сейчас они узнают, сколько еще осталось ждать. Но это был другой человек — Томас Кофендай, которого Кристиан Шмидт сменил на этой должности парламентского статс-секретаря при министерстве обороны.

— Герр Зигер, герр Бергнер, фрау Шульц... Герр Эберт?..

Карл Эберт утвердительно кивнул — они виделись с парламентарием всего один раз около полутора лет назад, без официальных представлений, но оба запомнили друг друга безошибочно.

— Фрау канцлер довела до меня произошедшее буквально в двух словах. Ее сейчас нет здесь. Поэтому сначала вас спрошу я: это действительно правда?

Руководящий директор полиции думал, что кто-то другой ответит первым, но все молчали. При этом помощница парламентского секретаря посмотрела на него со своей стороны стола, выжидающе, остальные даже не повернулись.

— Да, герр Кофендай. К сожалению.

— Вы настаиваете? Сомнений нет?

Эберт на мгновение прикрыл глаза, потому что ему было трудно вздохнуть.

— Мой офицерский стаж в полиции идет с 1969 года. Мне приходилось и ловить преступников, и оформлять ордера на арест и обыск, и, наконец, оформлять содержащие материалы расследований дела для передачи в суд. Много лет, много сотен раз. Я обязательно проверю все материалы по этому вопросу самостоятельно, как только у меня будет такая

возможность. Пока ее не было. Но пока у меня также нет и ни малейших причин подвергать сомнению те сведения, что удалось получить. Вероятность того, что к убийству вице-канцлера Рёслера имели отношение спецслужбы США, крайне высока. Если фрау Меркель необходимо узнать все детали немедленно, у меня с собой все наличные материалы, а у охраны резиденции ждут двое моих офицеров, способные дополнить мои слова, — среди них начальник экстренной полиции Берлина. Когда мы можем ожидать встречи с канцлером? После доклада я тут же отправлюсь в Дирекцию и к вечеру

представляю окончательное заключение для канцлера и Бундестага. Чем скорее, тем лучше. Война должна быть остановлена как можно быстрее — я думаю, что мы все здесь это понимаем.

Возникла пауза — непонятно длинная.

— А вы разве не знаете? — спросил бывший парламентский секретарь. — Фрау канцлер как раз в эти минуты зачитывает телевизионное обращение к народу Германии. Насколько я успел услышать — с призывом сплотиться в единый строй и ответить на новое преступление слитным и могучим ударом. Дальние бомбардировщики

русских ВВС нанесли
массированный ракетный удар по
нашим военно-воздушным базам,
непосредственно перед началом
перебазирования истребителей-
бомбардировщиков и истребителей
всех трех авиадивизий на передовые
базы в восточной Польше и
Прибалтике. Гайленкирхен,
Шеневальде, Раммштайн-Ландштуль,
Шпангдалем, Лехфельд. Четверть
авиатехники Люфтваффе сожжена на
земле одним русским ударом;
предполагается, что число жертв
составляет многие сотни человек.
Войну не остановить. Уже поздно.

Март

*Необходимо
ликвидировать красных
недочеловеков вкупе с их
кремлевскими
диктаторами. Германскому
народу предстоит
выполнить самую великую
задачу в своей истории, и
мир еще услышит, что она
будет выполнена до конца.*

*Mitteilungen für
die Truppe
(Информационный
бюллетень для
войск) № 112, Juni*

1941.

Российское государство рухнуло в течение трех первых суток после начала Международными Миротворческими Силами операции «Свобода России». Не под ударами ядерных боеголовок, не от рук оголтелых демонстрантов — первое их поколение раздавили на улицах Москвы и Петербурга быстро и весьма жестко. Куда-то делись президент и премьер, несколько раз выступившие по телевидению со все более яркими и вдохновенными речами и на этом завершившие свою роль в истории. Куда-то исчезли все хоть сколько-то запомнившиеся

людям лица с еще работающих экранов. Их сменили какие-то другие, совершенно незнакомые, но произносящие почти слово в слово то, что было сказано тем же президентом и тем же премьером про «твердый отпор», напоминающие про «великую победу наших дедов», про Александра Невского и Александра Суворова. Ракеты при этом так и не взлетели, и в глазах миллионов жителей России это стало более важным, чем выверенные спичрайтерами формулы устной речи и отработанные профессионалами интонации. Никто не объявил, что власть передается такому-то человеку, Генеральному

штабу, какому-нибудь чрезвычайному комитету — но ее просто не стало на «вершине». Все осознанные, необходимые действия проводились с этого момента уже руководством среднего или во всяком случае не самого высшего звена. Потом экраны стали гаснуть.

Пробивающие сопротивление батальонов и рот российской армии стальные клинья войск НАТО стремились к сердцу России. Они были еще далеки от Москвы, Петербурга, Брянска, Калуги, Рязани — а там уже перестали работать или работали с перебоями водопровод, теплоснабжение, городская телефонная сеть. Электричество

подавалось в города на несколько часов в день, причем по графикам, которые не имели ничего общего с появившимися на углах домов листовками либо объявлениями в эфире. У чего-то из этого были свои объяснения. В частности, даже одиночные ударные самолеты НАТО, использующие снаряженные суббоеприпасами BLU-114/B управляемые бомбы AGM-154D JSOW, при прорывах к объектам электроэнергетической инфраструктуры на многие часы выводили из строя целые блоки региональных поставщиков. В нескольких случаях собственно тотальное отключение

энергоснабжения или пожары после коротких замыканий, вызванных тысячами упавших на высоковольтные линии электропередач токопроводящих нитей, имели все шансы привести к катастрофическим последствиям. Речь здесь даже не шла о гибели больных и раненых в медучреждениях — важнее было энергоснабжение химических и очистных предприятий, насосных станций трубопроводов, объектов транспортного контроля и так далее. Не всегда существовали в реальности те системы независимого энергоснабжения, которые имелись на бумаге, не всегда было дизельное

топливо, которое должно было быть. Не всегда имелся транспорт, чтобы везти материалы и людей к местам аварий, или просто топливо для этого транспорта. Не всегда люди, которые должны были подниматься «по тревоге», чтобы запускать имеющиеся системы и ремонтировать выбитые, делали это. Потому что на многих повисали рыдающие жены, которые были убеждены, что «нормальный отец должен кормить детей и заботиться о семье», а не уезжать неизвестно куда. За последние 20 лет русские семьи потеряли привычку хранить дома двухмесячный запас продуктов на «выжить», а продуктовые магазины

не работали с самого начала, с первого объявления по телевидению. Мародеров, попытавшихся затовариться на складах и в крупных, всем известных местах, расстреливали на месте, что было довольно неожиданным для многих, решивших, что власть кончилась уже совсем и бесповоротно, сверху донизу. Но мародеров, вовремя переориентировавшихся на своих соседей, контролировать было невозможно. А как известно, «сто старушек — это уже рубль». По квартирам и особенно по пригородным поселкам, еще полупустым в марте, действительно ходили люди, без колебаний

наносящие удар топором за пачку макарон. Настоящего голода еще не было, еще не могло быть за пару дней — а это уже было. И это все было пунктами в списке действующих факторов, складывающихся в приблизительно одно и то же.

Продолжающие действовать и применяющие свои навыки специалисты четко расставляли приоритеты. Нельзя не признать, что крупных техногенных катастроф удалось все же избежать. Ничего не случилось с атомными электростанциями, плотинами крупных водохранилищ, с ОАО «ВХЗ», ОАО «Тольяттиазот», ЗАО «Агрохимия», десятками других

мест, способных накрыть смертью действительно миллионы людей. Даже на никому не известной овощной базе может быть по 150–200 тонн аммиака — что же говорить о потенциале, который содержат химические, целлюлозно-бумажные, нефтеперерабатывающие комбинаты. Отсутствие массовых жертв в этой строке общего списка является несомненной заслугой развернутой в предвоенные годы системы противодействия чрезвычайным ситуациям — со скрипом и пробуксовкой, но работающей и теперь. Но гражданское население прочувствовало мировую политическую конъюнктуру на своей

шкуре. Пока не полностью, не так, как жители Ливии несколько лет назад и Югославии чуть раньше. Всего лишь перебои с электро- и водоснабжением, редкая стрельба одиночными где-то вдалеке. И мгновенное закрытие всех продуктовых магазинов в пределах «шаговой доступности». И сетевых супермаркетов в пределах полутора часов ходьбы пешком — по ставшим ловушками дорогам, перегораживаемым все более плотной сетью импровизированных блок-постов. Но и это ощущение было впечатляющим. «Переоценка ценностей», как это принято называть, произошла за часы.

Висящая на стене плазменная панель с диагональю в 42 дюйма теперь не стоила ничего, потому что изображение на ней появлялось на несколько часов в день и совершенно не было веселее, чем на старом «Витязе» на кухне у любого работника. И элитные часы на запястье тоже не стоили теперь ничего или почти ничего. И тюнинговая машина тоже, потому что надо было думать о проходимости, расходе бензина на 100 км и ее привлекательности для других, а не о молдингах.

Деталей, которыми можно было описать первые сутки войны, были многие тысячи. Разных, своих в

каждом городе, своих в каждом селе. Неизвестные, расстрелявшие пассажирские автобусы и троллейбусы из автоматического оружия в нескольких крупных городах западной части России, в одно и то же время, в 11.00–11.30 утра, — ни одного из них не удалось поймать. Сотни молодых людей, организованно вышедших в полдень на улицы с плакатами, озвучивающими их требования: немедленно признать правоту требований международного сообщества, немедленно предать суду военных преступников, виновных в провокации. Видеосюжеты о начале этих

демонстраций, умноженных на экранах многократно, и об их безжалостном и почти мгновенном разгоне полицией были переданы всеми крупнейшими новостными агентствами мира почти в режиме реального времени. С комментариями о «сотнях убитых на месте и арестованных правозащитников», ставших жертвами кровавого режима, окончательно поставившего себя за грань закона. С отсечением звонков в прямой эфир, с попытками упомянуть, что на таких и таких кадрах опознается Киев или Тбилиси, и многотысячные толпы на них — это съемки минимум

прошлого года. Мир был потрясен и так, ему не нужны были бредовые измышления маргиналов. Они мешали воспринимать целостную картину, полностью пока совпадающую с тем, как это должно было быть.

Детали, сотни деталей... Через 10 часов после начала всего этого безумия, еще не поздно вечером, в некоторых городах почти одновременно начали продавать хлеб на улице — с каких-то фургонов без надписей. В Москве это были огромные двухкилограммовые буханки, похожие по форме и размеру на половину крупной дыни, — такие мало кто раньше

видел, откуда они взялись? Тем более в таком количестве: где эти фургоны были, там хлеба хватило действительно многим. Стоимость одной такой буханки в Юго-Западном районе Москвы составляла в 19.00 уже 900 рублей, и никто не возразил по этому поводу ни слова — опять же потому, что зелененькую бумажку с изображением памятника вместо хлеба не съешь. К 21.30 та же буханка стоила 2200 рублей, и тоже никто не возражал. Порядок в молчаливых, перешептывающихся очередях поддерживался стальной. В одном случае прибывшую бригаду крепких ребят, попробовавшую присвоить только прибывший на

смену пустеющему фургон с хлебом себе в формате «возглавить его охрану», реально забили насмерть на месте. Этот случай, обрастая подробностями, потом долго расписывался в разных видах, но такая история действительно была. К 11 часам вечера, а кое-где и раньше, все это прекратилось — опустевшие фургоны из последних уехали, провожаемые несколькими бегущими за ними сумасшедшими. Показавшую о них 5-минутный видеосюжет телекомпанию забросали звонками — подавляющее большинство жителей даже этого района не имели понятия о том, что где-то продается хлеб. Об этом же не

имела никакого представления и мэрия Москвы — либо там не удалось связаться с человеком, способным хоть на что-то, кроме общих слов, что «делается все возможное».

Часть людей, которых было довольно много, просто исчезла за первые сутки — за день и ночь после начала вторжения. Исчезла отовсюду — из поля зрения начальства или подчиненных на работе, из работающих с пятого на десятое мобильных телефонных сетей и умершего «твиттера». Из своих квартир, запертых на все замки, в которых иногда заупокойно были потом умирающие от жажды

комнатные собачки. Уезжали на дорогих машинах с многочисленной вооруженной охраной люди, у которых было накоплено достаточно много, чтобы отдавать это кому-либо: лишь бы подальше из этой страны, лишь бы добраться до первого работающего отделения «Сосьете Женераль» или «Кредит Свисс АГ». Уезжали матери-одиночки, спасающие своих выросших сыновей от того, что должно было случиться с ними в ближайшие дни и недели, — в никуда, без плана, потратив на сборы 10 или 20 минут, с тряпками и мятыми деньгами в сумках. Уезжали те, кто слишком хорошо понимал

цену словам, несущимся с экранов в те часы, когда они работали, — про «решительный отпор и уверенность в своих силах». Как и пробивающимся через многосложные каналы спутниковых подписок — о том, что *«Задачей миротворческих сил является оказание помощи народу России, свержение диктатуры, установление порядка и восстановление мира, поправного провокацией русской армии против независимого государства»*. Примерно тем же словам на разных языках, наполняющим радиоэфир, — их глушили, но кто хотел, тот мог настроиться и выслушать, что ему скажут по этому поводу

радиостанции цивилизованных
государств. Первых слов — тех,
которые про «оборону священных
рубежей Родины» — было больше.
Но произносили их в целом те же
самые люди, которые почти всю
свою взрослую жизнь меняли
оставшиеся нам от родителей
авианесущие и ракетные крейсера на
виллы в Калабрии и Валенсии,
боевые истребители и военные
летные училища — на футбольные
клубы, и всех нас скопом — на бабло
и гарантируемую им
беснаказанность. Не сами, не своими
руками, но в итоге получилось
именно так. И теперь эти же люди
напоминали о священном долге,

требовали «встать как один», и так далее — пока опять не погаснут экраны. В их собственных глазах не было страха, в их голосах была уверенность. Они не боялись, потому что ситуация была ясна им насквозь: война — это огромная возможность, возникшая ниоткуда. Фактически — подарок небес. На ней можно создать не политический капитал — кому он будет нужен, в остатках, в осколках этой страны, когда все закончится? Капитал настоящий, живой! И бояться было незачем — ни они, ни их дети, ни их племянники, ни их друзья ни при каких обстоятельствах не прикоснутся к войне иначе, чем в качестве выгодоприобретателей.

Получателей платежей по контрактам, которые не состоятся, посредников в сделках, которые будут иметь невероятный, с трудом представляемый в мирное время масштаб. Перед ним, перед этим масштабом, бледнели даже миллиарды, заработанные десятками людей в годы Чеченской войны и зарабатываемые сейчас, до позавчерашнего и вчерашнего дня включительно. Потоки средств, долгие годы копимых страной и сейчас способных развернуть Землю, направляемых внутрь и наружу, подальше отсюда... Встать около всего этого — это был шанс на будущее. Будущее без обреченного

народа, который сам был виноват в том, что с ним теперь должно было произойти. И это было чистым, это не имело никакого, ни малейшего отношения к крови, текущей по дну обочины дороги в 1200 километрах от Кремля и Думы. Текущей по телам первых, взявших оружие в руки, и теперь мертвых, скинутых с порубленного траками асфальта. С пути тех, кто пришел.

Это читалось в их глазах, в их голосах — даже если они были уверены, что интонации верны. Народ прекрасно все помнил. Катерина Тэтц и ее убитый сын были свежим и ярким примером — причем имя убийцы так и не было

названо. Но таких примеров были многие и многие тысячи, они были вколочены в память каждого из нас. Воевать за этих людей? Платить кровью, чтобы они разжирили еще больше, чтобы они лопнули от золота и долларов, и евро, и рублей, обвешали своих шлюх вторым и третьим слоем бриллиантов, купили по яхте размером уже совсем с авианосец? Неужели кто-то в правительстве России реально думает, что русские люди заплатят своими жизнями, чтобы позволить и дальше быть объектом ежесекундного презрения и открытой охоты?

Нельзя, однако, не вспомнить,

что было и другое. В те часы, когда тысячи русских мужчин и женщин умирали под направляемыми через границу с территории сопредельных стран артиллерийскими и ракетными ударами, еще не зная, что изменилось ВСЕ, — огромная страна еще спала. Когда следующие тысячи наспех одетых, почти безоружных армейцев и моряков гибли в отчаянных попытках даже не сдержать идущего на них с трех сторон врага — просто понять, куда бежать, чтобы вырваться из-под огня, из пламени, — тогда страна еще просыпалась, не понимая воющих за окнами сирен, не веря во впервые прозвучавшие вслух слова. Они

дошли не до всех, не целиком, искаженные попытками смягчить осознание гибельности, безысходности происходящего, — но многим хватило и их. Миллионы людей просто отказывались верить, потому что это было *невозможно*, и никакие слова и доказательства не имели здесь никакого значения. Они выключали телевизоры, выдергивали из розеток шнуры надрывающихся телефонных аппаратов и возвращались к обычным делам воскресного утра — досыпанию в теплой еще кровати, к чаю, кофе, компьютеру, планам на выходной день и на жизнь. Так было спокойнее, потому что слышать

сирены было слишком страшно. Некоторым действительно помогало, когда они добивались успеха в попытках заставить себя считать их ненастоящими, кажушимися.

А потом страна начала просыпаться. Это было неожиданно, это не входило ни в какие в расчеты людей, являющихся специалистами по «анализу и управлению поведением масс», «социологами», «политтехнологами», и так далее, многие годы работавших по обе стороны океана, получавших зарплату за написание отчетов о политической и гражданской инертности среднестатистического гражданина России. Такие расчеты

нужны были прежде всего Кремлю, правительству самой России, разные подразделения которого годами со все большим увлечением обменивались между собой бумагами с написанными на них цифрами. Чтобы перераспределить поток идущих на «социальные нужды», «снижение напряженности в обществе» и «молодежную политику» денег — или не дать его перераспределить. Чтобы продемонстрировать угрозу внутренних волнений — и успех их предотвращения. Футбольные и в меньшей степени хоккейные фанаты, русские националисты, скинхеды, радикально настроенные верующие,

сторонники возвращения прав на ношение и использование для самообороны короткоствольного нарезного оружия. Ориентировочное число, динамика, расчет процентных долей от общего объема населения России, от общего объема взрослого населения, от числа мужчин трудоспособного возраста... Минимальные цифры — и по действительным, фактическим расчетам, и по заказанным, проплаченным одной или другой стороной. Они совершенно не соответствовали тому, что случилось в России, когда до людей реально дошло произошедшее.

На планете Земля нет ничего

более страшного, чем разъяренный русский человек. Над этим можно смеяться, и все привыкли смеяться, потому что прошло слишком много лет после последней большой войны, которая затронула вообще всех. Две Чеченские войны, операция в Осетии до нее, война в Грузии в 2008 году — все это было «в стороне» для большинства людей. Где-то там, на периферии, без осознания войны как реально происходящего кошмара. И для них, и для нас. То, что было сейчас, коснулось всех, и страна взорвалась сразу и почти целиком. Число людей, абсолютно четко осознавших то, что произойдет дальше... Осознавших пусть не от

большого аналитического ума, а просто по аналогии — Ирак и Ливан — и сделавших выбор... Это число было в сотни раз выше, чем ожидалось в Кремле, не то что в Брюсселе или Вашингтоне. Миллионы прыщавых юношей, взрослых мужчин, матерых мужиков, все повидавших мужичков предзакатного возраста исказились лицом, сжали кулаки и произнесли вслух или про себя несколько одних и тех же слов в разных сочетаниях. Произнесли их второй раз, третий, четвертый — глядя в экраны, на которых урывками между уверенными речами незнакомых им морд показывали столбы дыма и

пламени на горизонте. С привычными, родными названиями: Балтийск, Калининград, Себеж, Владикавказ, Мурманск, Североморск, Южно-Сахалинск, Николаевск-на-Амуре, Советская Гавань... Произнесли их в третий или уже десятый раз, просто постучавшись в дверь соседу, дозвонившись по еще живой телефонной линии самым верным, правильным людям из своего круга. Потом они приглушали звук в бесполезных телевизорах и начинали искать на дне сервантов и комодов, под давно устаревшими книжками инструкций к телевизорам и стиральным машинам тонкие

зеленые «корочки» военных билетов. С удовольствием или злобой посылая в жопу жен, визжащих о своем видении «долга мужчины» в такой ситуации. Жаль, что в наши дни войны выигрываются не яростью...

Первые часы, первые сутки... Уже осел пепел, кружащийся над залитыми огнем пограничными заставами на сотнях километров протяженности Государственной границы, уже прогорело все в прокаленном нутре броневых машин, накрытых первым ударом прямо на базах. Уже не просто начался счет военнопленных из состава батальонов, пытавшихся оборонять Калининградскую область, сидящих

сейчас на заледеневшей земле в опоясанных режущей проволочной спиралью квадратах, с руками, стянутыми за спиной пластиковыми хомутами. Счет уже был, он уже пошел в эфир западных новостных агентств. Четырехзначные номера у изображающих русских солдат красных силуэтиков более чем гармонично смотрелись в анимированных презентациях на тему *«Нанесенные потери, ориентировочные данные на 1-й день миротворческой операции»*. Танков и бронемашин — столько-то, боевых самолетов и вертолетов, кораблей и боевых катеров, ракетных систем — столько-то. Военнослужащих

Вооруженных Сил РФ — приблизительно 18 тысяч человек. На отдельно показанном слайде: «*Гражданских лиц — 0*». Круглая цифра. И все остальные — круглые или почти круглые. Хорошие для первого дня.

Колонны головного эшелона Международных Миротворческих Сил шли в сторону Москвы по разбитым дорогам, скидывая в кювет горящие грузовики и легковушки, подавляя огневой мощностью разрозненные подразделения Сухопутных сил, Пограничных войск, внутренних войск, пытающиеся оказать сопротивление их продвижению. Головной эшелон. 7-я

армия США: 1-я Бронетанковая, 1-я
Кавалерийская, 82-я Воздушно-
десантная, 101-я Воздушно-
десантная, 35-я Пехотная
(Механизированная) дивизии.
Бундесвер: 1-я Бронетанковая, 10-я
Бронетанковая, 13-я
Механизированная. Польская армия:
11-я Бронекавалерийская, 12-я
Механизированная, 16-я
Механизированная. Британская 16-я
воздушно-десантная бригада. Другие
отдельные бригады и отдельные
артиллерийские дивизионы и
группы: германские, польские,
бельгийские, голландские. Всего
этого было достаточно, чтобы угроза
миру, которую всегда представляла

собой Россия, была
ликвидирована, — навсегда. Но
головной эшелон был не
единственным. И устремившаяся в
сторону Смоленска лавина — не
единственной. Еще были
Севастополь, Дальний Восток,
Белоруссия. Еще были тысячи
названий городов и сел, сотни тысяч
имен, десятки оставшихся никому не
известными подвигов и навсегда
оставшихся безымянными тел,
сброшенных с пути. Первые сутки.

До Москвы — столицы
переполнившего чашу терпения мира
террористического государства. До
Альметьевска, Ханты-Мансийска,
Астрахани, Ямбурга,

Северобайкальска — до всех городов и городков России, ассоциирующихся у мира с термином «стратегические запасы» и концепцией «неправомерно используемые в индивидуальном порядке месторождения мирового значения», им было еще далеко. Но путь был хорошо известен тем, кто планировал маршруты разведывательных батальонов бригад «Страйкер». Нащупывающих сейчас путь для тяжелых бригадных боевых групп, проламывающих любое сопротивление малочисленных русских частей весом сотен «Абрамсов» и «Брэдли». Он лежал прямо перед ними.

Для России и всего мира
начиналась новая эпоха.

* * *

22 июня 1941 года — не самая трагическая дата в истории нашей страны. Самая трагическая дата в истории нашей страны еще будет.

Конец первой книги

notes

Примечания

Достаточно известная, между прочим, песня. «06017» — это принадлежащий 879-му дшб номер в/ч.

В дзюдо и томики-айкидо: ограниченная техническим заданием вольная схватка.

Старая карга, ведьма (*нохчи*).

Внимание, опасность! (*англ.*). —
сленговое выражение,
употребляющееся в США со времен
Первой мировой войны.

Сокращение от *Semper fidelis*, «всегда верен» (лат.) — девиз Корпуса морской пехоты США. Обычно произносится как «*Semper fi, motherfucker!*»

С. Анисимов, повести «Дойти и рассказать» и «Кома».

Коран, глава XVI, стих 92.

Губящий, уничтожающий
(араб.).

Тайпанда — предводитель тайпа; «*Исламан Низамдай*» — «Стражи исламского порядка» (*нохчи*).

Сын щедрости; используется
обычно как прозвище (*араб.*).

Здесь: «воин веры» (*араб.*).

Коран, глава IX, стих 51.

В мусульманской традиции закладывание рук за спину — знак полнейшей покорности.

В арабской мифологии Мункар и Накир — два ангела, спускающиеся в могилу для допроса умершего. Если человек не мусульманин, они подвергают его жестоким пыткам.

Петербургская атомная станция
(англ.).

Милостью Господней, Король
шведов, готов и вендов (*швед.,*
устар.).

Veterans of the Foreign Wars,
«Ветераны иностранных войн»
(англ.).

Использующийся в русском языке термин «Командующий сухопутными войсками (сухопутными силами) США в Европе» является не вполне верным. Под словом «армия» в приведенном выше варианте перевода понимается именно род войск, хотя одновременно генерал-лейтенант Хертлинг является и командующим собственно 7-й армией США.

«Партизан», «установка
взрывателя» и «взрывное дело»
соответственно (швед.).

«Расстрелять» (швед.).

Я знаю, что в составе ВМФ РФ нет АПЛ под названием «Саратов», но я не посмел использовать название реально существующей АПЛ, имеющейся здесь в виду.

Ил-38, Ту-142 и Бе-12
соответственно.

Как таковыми (*лат.*).

Магнитно-резонансная
томография, компьютерная
томография.

В штатном расписании кораблей флота США не существует аналога «Боевых частей» (БЧ): структурным подразделением является «департамент» («отделение»).

Данное выражение переводят с английского как «Бог в помощь» или «Счастливого пути», но это не передает его смысла полностью.

Представляет собой смесь циклотриметилентринитрамина (также RDX, T4, в России известен как гексоген) и тринитротолуола.

«Ничья вещь становится
собственностью первого
завладевшего ею» (*лат.*)

То есть High Explosive, бризантное взрывчатое вещество / тж. фугасный/ая (снаряд/авиабомба). Несрабатывание суббоеприпасов BLU-97/B СЕВ достигает довольно высоких значений (5–20 %), но их яркое окрашивание и отсутствие взрывателей замедленного действия позволяет им не подпадать под критерии Конвенции о противопехотных минах.

«Шкипер» — второй пилот
(современный авиационный сленг).

Радиоэлектронной борьбы.

Большой противолодочный корабль (БПК) «Отважный» (проекта 61) погиб 30 августа 1974 г. в результате пожара, возникшего в погребе зенитных ракет после самопроизвольного запуска маршевого двигателя ракеты В-601 противовоздушного комплекса «Волна». Решающую роль в гибели корабля сыграли трусость мичмана, бросившегося бежать вместо того, чтобы включить системы пожаротушения, а также ошибки в проведении борьбы за живучесть. Погибло 24 человека.

Книга американского военного корреспондента Майкла Герра (*Michael Herr*), «Депеши» (*Dispatches*; первое издание в 1977 г.; на русский язык пока не переведена) считается лучшей книгой о Вьетнамской войне из написанных до сих пор, и я полагаю ее одним из шедевров англоязычной литературы в целом. В России Герр более известен как сценарист фильмов «Апокалипсис сегодня» и «Цельнометаллическая оболочка» (также являлся продюсером последнего).

Я сказал и тем облегчил свою
душу (*лат.*).

Joint Light Tactical Vehicle
(Легкая тактическая машина общего назначения).

Беспилотные летательные
аппараты.

«Акация», «Нона-К» и
«Тунгуска» соответственно.

К сожалению, это именно так. Находясь во время Иракской и Югославской кампаний в США, я был глубоко впечатлен эффективностью американских СМИ в проведении пропаганды и практически полным отсутствием критичности со стороны значительной части населения. Приведенная выше формулировка является аутентичной.

Оперативно-тактический
ракетный комплекс 9K720
«Искандер» и тактический ракетный
комплекс 9K79 «Точка» по
классификации НАТО
соответственно.

Термин «Pulk Legionów» (пол.) переводят на русский язык и как «полк легионов». В любом случае имеется в виду то, что полк создан на основе частей, входящих в состав «Польских Легионов», формировавшихся в России, Франции, Австро-Венгрии и Германии (!) во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и затем Гражданской войны в России.

КТО (*Kolowy Transporter*
Opancerzony) «Rosomak» —
выпускающийся в Польше в
нескольких модификациях 22-
тонный колесный бронетранспортер.

Добрый день, сегодня хорошая
погода! О, извините, до свидания!
(фин.).

Контрольно-следовая полоса.

Гость (*фин.*).

Общественная безопасность
(нем.).

«Натиск на восток» (*нем.*), формулировка, используемая с 1849 г. для обозначения соответствующего политического вектора; «Бог с нами» (*нем.*), девиз Германской империи, с 1847 г. чеканился на пряжках солдатских ремней прусской/германской армий, в полиции ФРГ сохранился до 70-х годов XX века; «Так хочет Бог» (*лат.*), девиз католического военного Иерусалимского Ордена Святого Гроба Господня, боевой клич крестоносцев.

Министр иностранных дел и вице-канцлер (1998–2005) и министр обороны (1998–2002) Федеративной Республики Германия, одни из вдохновителей проведенной в 1999 г. операции НАТО против Югославии в целом и активного участия в ней Германии в частности.

Построенная в 2001 г.
резиденция канцлера Германии,
расположенная в непосредственной
близости от бундестага.

Sondereinsatzkommandos,

специализированные

военизированные

тактические

отряды (*нем.*), весьма близкий аналог
ОМОНа.